

А.И.
ГЕРЦЕН

А.И. ГЕРЦЕН

XVIII

XVIII

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

А. И. ГЕРЦЕН

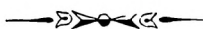

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1959

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

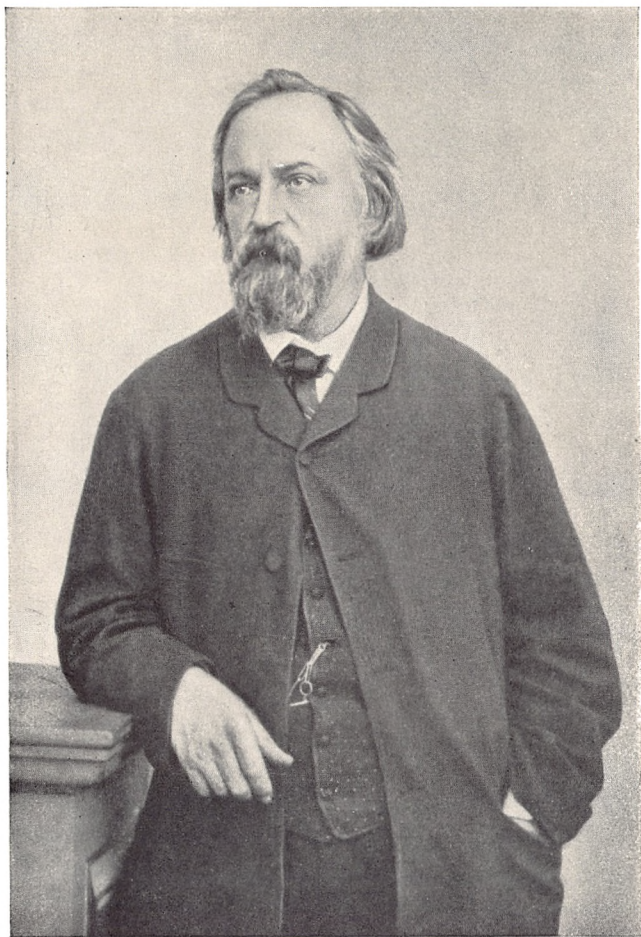
А. И. ГЕРЦЕН

ТОМ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА»
И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1864-1865 ГОДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1959

А. П. Г Е Р Ц Е Н

С фотографии 1865 г.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР

СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА»
И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1864-1865 ГОДОВ

1864

1864

«Пять лет мы без устали *ссывали живых*.
Теперь, благо мертвые ушли и никто от
мертвых не остался, будем звонить к самой
обедне, звать к сознательному делу!» *

«Колокол» 15 декабря 1863.

...И это середь мрачной ночи, из которой Россия не выходила, середь общего оподленья, измены вчерашних друзей, распутства мысли, бесстыдства слова, при виде целого общества, лобызającego руки палачам, целой литературы духовно-светских доносов...

Да, середь этой ночи мы начинаем наш новый звон, внутренний голос говорит нам, что *ночь переломилась* и что теперь каждый размах маятника — шаг к выходу из нее.

Слишком рано радовались казенные враги наши — нашему отчаянию. Их слизистое сердце не могло понять ни жгучей скорби, которую мы вынесли, ни того, что мы выйдем из нее. Мы и не думали скрывать ни нашей боли, ни нашего стыда, ни наших слез. Многие умерло возле нас; но мы возвращаемся с кладбища упорнее и неисправимее, чем когда-нибудь; мы не только не утратили прежнюю веру, а удесятерили ее всеми лишениями, очищениями, всем вынесенным горем, всей чудовищной силой того гниения, которое грозит сгубить всходы — а кончит удобрением почвы.

Тот, кто не чует этого, кому не ясно, что наше *общее дело* продолжается под землей, продолжается в воздухе, продолжается середь оргии крови и раболепья, для того слова наши, как для полицейского содержателя публичного листа в Москве*, будут «бредом помешанных».

Но есть другие люди, их голос доходит до нас, они поймут наши упования. Наши слова ободряют их так, как их слова ободряли нас.

— Да много ли их?

— *Нет, не много*, по крайней мере сколько мы знаем, особенно с тех пор, как слабые, шаткие, мелкие, робкие ушли, одни от испуга, другие по глупости; оставшиеся тем меньше заметны, что они должны молчать под тройным надзором — явной, тайной и литературной полиции.

Много веры, много преданности, много *истины* надобно, а число голов придет. Это не рекрутство и не подушный сбор. В пещерах слабые числом христиане росли в силу, в подземных ходах сплачивались они в те несокрушимые общины *святых безумцев* *, с которыми не могло совладать ни дикое варварство одного мира, ни маститая цивилизация другого. И это несмотря на то, что они шли на прямое ниспровержение всякого государственного строя и искали не исполнения судеб, приготовленных целым развитием, а замену их судьбами новыми, небывальными и вообще неосуществимыми.

Русская задача вовсе не так колоссальна, она гораздо проще, соизмеримее, это задача не другого мира, а *мира сего*, и потому в ней вера не противуречит логике, совсем напротив. Никто не хочет у нас ломать ничего народного, основного, никто — ничего создавать по отвлеченному идеалу, все это старая консервативная болтовня. Хотят устранить препятствия, снять ненужные преграды, хотят развязать руки, развязать мысль, отрицают *собственно отрицательное*, мешающее, искажающее, гнетущее, полумертвое. Хотят дать волю народному складу и мысли, искусившейся опытом других. Все это вовсе не утопия; элементы, основания у нас даны: *народный русский быт и наука Запада*, в их сочетании наша сила, наша будущность, наше преимущество. Без предрасположенного народного быта общественная наука теряется в социальном бреде, без всеобобщающей науки народный русский быт возводится в бред славянофильства ¹.

¹ А славянофильство может идти об руку с немецким императорством, именно потому, что для него не дорога *воля*, что для него есть сокровища дороже ее, например, в ужас приводящее своей силой Московское государство.

Народный быт и наука — Земля и Воля. Что может быть проще и яснее? Но до этой простоты и ясности мы доходим вековыми страданиями нашего народа и вековыми усилиями западной истории. Перед нами светло и дорога пряма. Европейские народы искали в темноте своего пути, сбивались с него, обливали его кровью и постоянно встречали врага, останавливавшего всякое стремление и лишавшего плодородия всякий посев. Перед нами тоже *сильный враг*, но *умного* врага нет; против нас борется не великое предание, не относительная правда, не веками освященные предрассудки, а палисады без корней, стены под гранит, империя «фасад»*, империя с иголки, иностранная и до того бессмысленная, что ей нужен Катков, чтоб объяснить ей самой, что ей надобно отстаивать и что беречь. Против нас *овдовевшее* дворянство, крепостники, не умевшие ни отстоять рабовладение, ни поступиться им. Ненавидимое народом, не уважаемое правительством, оно чувствует свое бессилие, заискивает милости, подличая перед палачами и оплакивая плачем Рогнеды в «Московских ведомостях» утрату «материка» рабства и грабежа... Нам ли унывать с такими врагами?

Не так поставлены задачи будущего у других народов. На днях два ветерана, два уважаемых всей Англией бойца слегка, издали коснулись одного вопроса в Рочделе, едва намекнули, где зло, — как настороживший уши цербер капитала и монополии поднял сторожевой лай*, и все испугалось, оцепенело, отреклось... Правда, Кобден ударил, и больно ударил, цербера, но не в основном вопросе.

Что же за ужас сказал старик Кобден, этот испытанный вождь торговой свободы, этот атлет, вынесший на своих плечах тридцать лет тому назад Corn law?*

И что за страшную Медузу показал ему, Брайту, Англии «Теймс»?

Кобден и Брайт догадались наконец, что *воля без земли* — нелепость и что для английского пролетария-работника нет

Оттого честные, но сбитые умы жалеют о том, что у правительства нет людей. Как же они не понимают, что у него не могут быть люди, *не должны быть*, что уничтожение взяточничества и пр. прежде уничтожения правительственного своеволия — величайшее бедствие, которое может постигнуть Россию.

ни воли, ни конституции так, как ему нет голоса, ни представительства. Они заметили и, главное, дерзнули намекнуть на митинге, составленном не из аристократов мещанства, что у английского работника не только нет воли, но нет и выхода, потому что законы, делаемые собственниками, скорее стремятся сосредоточивать большие поземельные собственности в одних руках, чем их раздроблять и способствовать к приобретению их работниками.

— Так вы указываете на антагонизм собственников и работников, сказал «Теймс», бледный от злобы, да вы не хотите ли *аграрных* законов?

И все отпрянуло с ужасом от Кобдена и Брайта — и Кобден, не дожидаясь петушьего крика, стал защищаться в том, что он невинен в *agrarian outrage*...¹

У нас ничего подобного. У нас консервативная партия — такая же нелепость без корней, как табель о рангах, как дворянская грамота. Сегодня сила — завтра следа нет. Наш настоящий консерватизм начинается там, где оканчивается правительство.

Нас не застрашает Медузиной головой, какие бы змеи у нее ни были вместо кудрей. То, что *может* у нас погибнуть, того нам не жаль... Пусть рухнет эта империя, выработавшая свой тип в Аракчееве, пусть пойдет по миру дворянство, отбивавшее два века кусок хлеба у народа, пусть пропадет, наконец, это мишурное образование, ложное, безнравственное, умевшее прежде ужиться с крепостным правом, а теперь с палачами и доносчиками... Народ русский не погибнет ни с петербургской династией, ни с Английским клубом в Москве... не нужно ему хранить школы, из которых учителя-рабы посылают адреса Бергу и Муравьеву.

На этом глубоком сознании нашей свободы и соответствии наших стремлений с бытом народным незыблемо основана наша вера, наша надежда. И вот почему, середь скорби и негодования, мы далеки от отчаяния и протягиваем вам, друзья, нашу руку на общий труд и зовем нашим звоном к *делу и борьбе!*

26/14 декабря 1863.

¹ оскорблении аграриев (англ.).— *Ред.*

П. А. МАРТЬЯНОВ И ЗЕМСКИЙ ЦАРЬ

Мартьянов приговорен на ссылку в каторжную работу на пять лет, и потом на пожизненное поселение в Сибири. Этот варварский приговор, утвержденный государем, сенат и совет мотивировали так: «Признав его — по собственному сознанию, подтверждаемому и обстоятельствами дела, виновным в сочинении и распространении, чрез напечатание в „Колоколе“, письма к государю императору, заключающего в себе дерзостное порицание установленного в России порядка управления»* и пр.

Ссылка Мартьянова в каторжную работу — новое доказательство бестактности, узкости и просто тупости петербургского правительства. Если кто-нибудь заслужил от диких судей, толкующих теперь о патриотизме и демократической империи, иного суда, то это, без сомнения, Мартьянов.

Мы знали П. А. Мартьянова. История его коротка, чисто русская история. Мартьянов родился крепостным человеком графа Гурьева. С молодых лет он показал необыкновенную способность к торговым делам и вел большой хлебный промысел. Граф Гурьев, оторвав его от дела, разорил, т. е. взял с него большую сумму денег, почти накануне освобождения. Мартьянов, получив отпускную, попытался поправить свои дела, ему не удалось, и он года два тому назад уехал в чужие края.

Человек, испытанный всеми горяями и бедствиями русской жизни, одаренный необыкновенным умом, энергический, глубоко страстный, Мартьянов сосредоточился весь на вопросе о судьбах русского народа; тут была его поэзия, его религия, любовь и ненависть. Строгий по жизни, без уступок себе и другим, без слабых непоследовательностей — в нем элемент

негодующего Спартак как-то сочетавался с угрюмым типом нашего сектатора. Много читая, Мартянов нисколько не утратил ни своей собственной оригинальности, ни чисто русского народного склада ума. В одну беседу с ним можно было глубже заглянуть в дух русского народа, чем изучая ворохи анатомико-патриотических препаратов, приготовляемых нашими славянофилами.

В мнениях Мартянова была та окончательность, которую мы встречаем в глубоко религиозных людях, которой мы не раз дивились в Петре Васильевиче Киреевском. Тут нет больше колебаний, сомнений.

Мартянов ненавидел крепостное право и крепостников, — ненавидел, как Михаил Семенович Щепкин, как Шевченко, но у него это была страсть, и между тем она шла рядом с восторженной благодарностью к царю, снявшему цепи с народа. Для него петербургский император, сын Николая, лейб-гвардии офицер, терялся в какой-то мифически великой фигуре *земского царя*. Словом освобождения царь искупил в глазах Мартянова все прошлые и будущие грехи свои. И мы убеждены, что Мартянов, идущий в цепях в Сибирь, давно простил *несчастливого*, утвердившего приговор десятка Гурьевых, обрадовавшихся случаю в нем отомстить за освобождение.

Вина Мартянова состояла в его письме (мы его перепечатаем в следующем листе, пусть забывшие его проверят, читая, наши слова) к своему земскому царю. Он писал к нему с любовью, с доверием, он хотел, чтоб оно явилось в «Колоколе» с его подписью. Он не думал скрываться, потому что не верил, что царь может его наказать за открытое слово, за любовь. Он предполагал у них обоих *один* интерес; он ему говорил о скорбях дома, как сын отцу... Бедный Мартянов!

Мартянов скоро устал на чужбине и, натура цельная и фанатическая, пошел домой. В его возвращении было столько простоты, мужества, доверия, скажем не обинуясь — столько трогательного величия, что действительно надобно не иметь следа человеческого сердца, чтоб его послать на каторгу. Все останавливали Мартянова, он не послушался. Он не верил, что откровенное слово, обращенное к представителю народной правды и народной боли, может быть наказано хуже воровства..,

Пять тяжелых лет научат его не смешивать *идеального земского царя* с тем, который живет в 1 Адмиралтейской части.

Мы не делили мнений Мартьянова, но глубоко уважали и строгую, безбоязненную последовательность, и восторженную веру, и то *что-то*, что его делало *таким русским*, близким по крови, несмотря на разнь мысли. Ему мы прощали даже гордый, исключительный национализм, с которым он оставлял в прошедшем году Англию. А земский царь не простил ему его любовь, его веру... Рабы бессловесные нужны этим земским монголам, солдаты, молчащие во фрунте, нужны этим немецким кейзерам.

...Но если мы от всей души отпускаем Мартьянову его фантазию преображенного царя, то спешим заявить, что и наша амнистия имеет свои границы и что под сказанное нами вовсе не подходят *новые проповедники русско-царской демократии*, особенно уж потому, что они за свои фантазии идут не в каторжную работу, а вверх по службе.

В самый разгар польского вопроса у нас укоренилось в обществе и журналистике мнение совершенно ложное, сбивающее все понятия, парализующее всякую деятельность, бездушное в отношении к Польше и лицемерное в отношении к России. Взгляд этот, одна из выродившихся отраслей славянофильства, состоит в том, чтоб принимать *цели за достигнутое, зародыши — за совершенных людей, идеалы — за существующее и задачи — за их решения.*

Помнит ли кто-нибудь старую барыню, описанную Диккенсом *, у которой был тик, немного смахивающий на помешательство? Она ждала, что ее племянница родит *дочь*, которую она будет воспитывать, а племянница родила *сына*. Старая барыня сначала приняла это за личность, обиделась, разбранила мать, доктора, служанку; но потом сама поправила дело, *предполагая*, что несуществующая девочка существует и наделяя ее всеми достоинствами своей фантазии.

То, что может быть очень мило в пятнадцатилетней институтке, мечтающей о счастье пастушков, живущих цветочками, и бабочек, порхающих по ним, и очень достолюбезно — как говаривали во время оно — в старой тетке Копперфилда, вовсе не мило и не достолюбезно в публицистах, делающих из этих фантазмагорий полицейские кистени против Польши.

Схвативши там-сям какие-то неясные понятия о социальном призвании России, об отсутствии в ней крепкого аристократического начала, наши милейшие мечтатели проповедуют, что Россия представляет какую-то демократическую империю, какое-то царство равенства и масс, что она борется с Польшей во имя крестьянской свободы против помещиков и пр.

Не ошибайтесь — они говорят не о той России, которая составляет цель наших стремлений, к которой все движется и идет, но до которой ничего еще не дошло, а об России настоящей, чиновничьей, казарменной, петербургской, аракчеевской, николаевской, муравьевской.

Да где же жили все эти институтки с бородами или давно ли же они родились, что не видали ни крепостного состояния, ни помещичьего житья, ни положенья солдат, ни вельможничества, ни начальнического ты, ни засеченных дворовых, ни изнасилованных женщин? Как это у них память так коротка? состраданье, негодование так коротко?

Человек едет где-нибудь в Ковенской, Минской губернии, сердце у него сжимается, слезы готовы брызнуть при виде бедных, покосившихся лачуг возле пышных панских палат *... И мы чувствовали это, только не ездили за этим ни в Ковно, ни в Гродно, а возле Москвы и Петербурга. Или они так прямо из Смольного монастыря да и по казенной надобности в Ковно?

Это отвратительнейшая демагогия, под которой скрывается не только ложь, но и вызов на восстание, одобренный высшим начальством и демократическим шефом жандармского братства.

Мы верим и верили всю жизнь в великую будущность русского народа, видим в нем стихии широкого социального развития (мы не говорим демократического, потому что для нас это слово неясно), мы чувствуем не меньше севернопчельских Бабёфов и «дневных» Гракхов *, как вся эта скорлупа, короста, паршивость дворянского чиновничества, немецкого бюрократизма, доктринаризма, экзерциргаузизма и пр. остается на поверхности, не идет в глубь; но чувствуем, с другой стороны, что за гнет, что за гниль, что за боль она производит на всем теле и что за помеху делает всякому внутреннему развитию. Не преступление ли уверять тяжело больного, что он здоров?

Говорить человеку, которого дуют палками, что это только поверхностно и что, в сущности, он вольнее своего соседа,— последняя степень презрения к нему и к истине.

Между Россией, едва отирающей кровавый пот свой, Россией «Положений» и Россией *золотой воли, воли вольной*, есть еще Россия гербовой бумаги, русских немцев, военных и штатских генералов, сенаторов, приговаривающих за честную речь к каторге, и государя, утверждающего их приговоры¹. И она еще постоит за себя!

¹ Вот еще приговор: «4 декабря, в 8^{1/2} часов утра, было публичное объявление на Мытнинской площади в Рождественской части бывшему отставному канцелярскому служителю из дворян Митрофану Муравскому (25 лет) высоч. утвержденного мнения Государ. совета, которым определено: Муравского, виновного в произнесении дерзких оскорбительных слов против священной особы *государя императора* и в приготовлении к возбуждению бунта, лишив всех прав состояния, сослать в каторжную работу на заводах на восемь лет и потом поселить в Сибири навсегда».

Очень просим прислать нам подробности дела г. Муравского*.

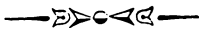

НАШИМ БИБЛИОГРАФАМ, БИБЛИОФИЛАМ,
ЛЮБИТЕЛЯМ СБОРНИКОВ
И ИСТОРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ И ПР.

Мы обращаем внимание гг. библиофилов на легкое теперь собрание всех документов, служащих к иллюстрации *эпохи подлости*, через которую проходит русское общество. Пусть будущее поколение узнает имена людей, посылавших адреса палачам; людей, подписывавшихся на сооружение иконы, храма во имя несчастного Архистратига Михаила ... * Пусть *дети* узнают статьи *отцов*... пусть новая хрестоматия соберет в один букет все, что наша *отхожая* журналистика публиковала за 1863 год или, еще лучше, с знаменитого пожара в Петербурге *, по которому не найдено ни одного зажигателя — и столько *шпионов-литераторов*.

Года через два, три это будет трудно сделать; а нужно ли говорить о серьезной важности закрепить для будущего эти *послужные списки* раболепия и подлости.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОНОСОВ

Вновь поступили по ведомству Каткова доносы на Финляндию, Трубникова и Гильфердинга *, но главный донос сделан «Совр. л.» на «Голос» * (под именем этого журнала тайная полиция разумеет Головнина). Он обвиняется в «волновании молодежи и подрывании устраивающегося порядка в университетах»... Итак, Головнин-Краевский, скоро и вас поведут по Владимирке *... Как хорошо сделал Константин Николаевич, что подобру да поздорову уехал от Каткова за границу *.

МЯСОЕДЫ САМОДЕРЖАВИЯ

Гиены наши не устают в Польше, одно убийство за другим, и какой одно, газетчики начинают считать жертвы гуртом *, *rag fougnée*, и нет звука в пустом сердце петербургского благодешника, который бы разбудил его сонную совесть и заставил бы прокричать «отбой» кровавым мордашам своим... Нет, в этом сердце ничего нет, ни во всем хоре, окружающем его... Да и какая может быть струна пощады у них? Разве это не родные дети крепостников, разве их отцы, матери, они сами щадили беременных женщин на барщине, дворовых на конюшне, разве они не заколачивали солдат в гроб и не засекали своих русских крестьян, православных, покорных?

...И старика Падлевского, застрахованного кровью сына, выкупленного ею, — и его они убили * ... перед ним, за ним

идут, идут ...воины, попы, юноши, старики на кровавый помост, на котором русские звери доканчивают их...

Зачем они русские?

Бедная, опозоренная, обманутая Россия, темная Россия, она не знает, что делает, как не знали львы, терзающие святых мучеников перед благородной римской публикой, что за кости трещали в их челюстях. Знают это царь и его советники, генералы и столбовые дворяне, знают это гнезда немецкой учености — университеты и редакции полицейских журналов.

А впрочем, пожалуй, и они не знают.

Какой бы взгляд ни был на польское дело, казни эти бессмысленны; что они Сибирь так уж населили, что места нет? Польской кровью клеветы подслуживаются, ее уровнем меряется преданность...

Темный, слепой лев, помни это, и в твоих жилах есть кровь... и ею можно мерить нежность к престолу, и тем яснее, что это родная кровь!

ЗАГАДКА ДЛЯ НОВОГО ГОДА

Кто был старичок... не очень давно приезжавший из ...кажется, из Швабии в Цюрих *, очень скромный, так что и имени своего не сказал *, очень любопытный, особенно насчет польских дел и русских путешественников? Одни говорят, что это собственный корреспондент собственной его величества канцелярии, другие — что это столоначальник из «Московских ведомостей», третьи говорят не то... А мы знаем, кто старичок!

ПОВОРОТНАЯ ЛИНИЯ

7/19 декабря в петербургском Английском клубе был *семейный (?!)* праздник в честь князя А. М. Горчакова *. Из подробной репортажа, помещенной в «Северн. пчеле», не видно, чтоб дети этой английской, но и с тем вместе петербургской *семьи* пили тосты Муравьева и Берга...

Пометим и это!

Корреспондент «Теймса» (30 декабря) сообщает, что *князь Суворов, Головин, Валусев, Рейтерн и Татаринов* не подписывались на икону польскому палачу. Он, между прочим, говорит о «Mr. Tscheff, the Moscowite Juvenal». Это ошибка или опечатка, *московский Ювенал* этот—Тютчев. Его милое Gelegenheitsgedicht¹, ходившее по рукам, заслуживает небольшого места в «Колоколе».

Говорят, что кн. Суворов отказался от поклонения Муравьеву и назвал его *людоедом* *. «Московский Ювенал» взял свою цевницу и так защитил человека литовской бойни:

Гуманный внук воинственного деда,
Простите нам, наш симпатичный князь,
Что русского честим мы людоеда,
Мы русские, Европы не спросясь!
Как извинить пред вами эту смелость,
Как оправдать сочувствие к тому,
Кто отстоял и спас России целость,
Всем жертвуя призванью своему (!).
Кто всю ответственность, и труд, и бремя
Взял на себя в отчаянной борьбе
И бедное замученное племя
Воздвигнул к жизни, вынес на себе.
Кто избранной для всех крамол мишенью (?)
Стал и стоит спокоен, невредим
На зло врагам, их лжи и озлобленью,
На зло, увы! и пошлостям родным.
Так будь и нам позорною уликой
Письмо к нему от нас, его друзей;
Но нам сдается, князь, ваш дед великой
Его скрепил бы подписью своей.

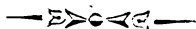
¹ стихотворение на случай (нем) — Ред.

Куда девался некогда изящный стих Тютчева? Куда девался талант?.. Вот что значит перейти из декабристов — в... *Московские Ювеналы* *.

ШПИОНЫ

С искренней благодарностью извещаем корреспондента нашего о том, что письмо его, в котором он нас предупреждает — о *приезде в Лондон двух шпионов* * — пришло. И как нельзя больше кстати. Оба гуся здесь и пользуются, сверх жалованья, прекрасным здоровьем.

ПИСЬМО К ГАРИБАЛЬДИ

Любезный, глубокоуважаемый друг, maestro — все, что хотите, только позвольте мне не прибавлять к вашему имени слово генерал *, оно до такой степени мелко для вас, что не переходит через мое перо, и я скорее отказался бы от удовольствия писать к вам, чем назвать вас генералом.

Я собирался посетить вас, мне хотелось еще раз пожать вашу руку с глубоким уважением и полным сочувствием. Я слышал, что вы не забыли меня. Но обстоятельства устроились иначе, я покидаю Италию раньше, чем думал, и хочу воспользоваться поездкой к вам общего друга нашего, чтоб посетить вас письменно.

При этом я имею особую цель. Мрачная и свирепая борьба с Польшей еще раз обнаружила всю бесчеловечность и жестокость петербургского правительства. Как только Зимний дворец попускает себя на резню и всякие ужасы, кровавое зарево падает на нас. Эту незаслуженную круговую поруку мы готовы сносить с горестью, но не протестуя. По несчастию, ею не ограничивается дело. Свирепости правительства, крик развратного и подлого журнализма, рукоплескания толпы, растленной или обманутой, заставляют думать, что вообще *русское движение* было или преднамеренным обманом или мечтой больного воображения. Этого мы вынести не можем. Мы себя чувствуем слишком живыми для того, чтобы позволить себя молча похоронить. И я пишу к вам для того, чтоб свидетельствовать, что мы вовсе не умерли, что движение русское вовсе не подавлено и вообще по сущности своей *неподавляемо*.

У меня страстное желание сказать это именно *вам, мужу народов*. Вы понимаете, вы любите массы так, как они есть, без

римской тоги, без парадного цивизма, и очень естественно, что именно потому народ вас признал своим патроном, своим заступником¹, что он из вашей *красной рубахи* сделал свое святое облачение, свою *sanctia santa* *, и что женщина — этот *другой народ*, с своим ясновидением сердца, сняла почти везде корсаж и заменила его рубашкой вождя слабых, ищущих воли, После преобразования римской виселицы в святыню, я не знаю полнейшего торжества. И именно потому муж *красной, святой рубахи* не имеет права не знать, что делается в темных глубинах народного моря, понимающего, с одной стороны, долины восточной Азии*, и, с другой, прикасающегося Пруссии и Австрии.

Что народ русский вышел из своего видимого оцепенения, что Крымская война пробудила его и что с тех пор обнаружилось в нем какое-то движение, беспокойство в полях и городах, в дворцах и хижинах, что с тех пор что-то переделывают, к чему-то стремятся — это известно всем. Но чего хочет Россия, куда идет она? Хочет ли она восстановить свою свободу, свою независимость, возвратиться, как Польша, к славному прошедшему? Нет. Народ русский никогда не был свободен и никогда не терял независимости, ему нечего восстанавливать, ему нечего вызывать из угрюмой истории своей; что прошедшее завещало ему, то взшло в его плоть и кровь; это не воспоминания, не учреждения, а *стихии*, резко характеризованная народность, своеобразное понятие о *праве на землю*, вот и все — особенно если мы прибавим отвагу самонадеянности и дерзость веры

¹ До какой степени это справедливо, я был свидетелем в Неаполе. Лодочники носят там часто вместе с медным медальончиком богородицы другой — с изображением какого-нибудь святого или *Гарibaldi*. Одна дама сказала шутя лодочнику, что это грешно. Лодочник отвечал, что он не думает этого, что, может, впрочем, оно и так, но что он наверное знает, что *во время бури образок Гарibaldi очень помогает* *.

В Украине, в Польше, в Сербии народ ждал Гарibaldi. В «Материалах к истории освобождения крестьян в России» автор рассказывает о своем разговоре с извозчиком в Петербурге, который сомневался в действительности освобождения и говорил: «разве уж когда придет господин Галибардов» *. Популярность Гарibaldi так велика в Италии, что неаполитанская чернь по всякому поводу кричит «Viva Garibaldi!» Monier замечает, что возвратись Франческуло, народ и его встретит криком: «Viva Garibaldi!» *

в себя середь несчастий. Остальное — забор, подмости искусственной, иностранной империи, пережившей свое время.

Социальная религия народа русского состоит в признании неотъемлемых прав каждого члена общины владеть известным паем земли. Стоит вспомнить, что пространства, составляющие собственно Россию, заселялись последовательной колонизацией и скорее поглощали, принимали в себя слабые населения аборигенов, чем побеждали их; стоит вспомнить, что поселенцы эти, осевши однажды на своих местах, никогда не были завоеваны (татарское иго не касалось ни внутренней жизни, ни народного быта), чтоб объяснить, каким образом развилось понятие о праве народа на землю. Оно пережило все судьбы государства, и едва первое дыхание жизни обнаружилось в нем, как вопрос об освобождении с землей естественно стал на черед. Отнять землю у русского крестьянина так же невозможно, как отнять море у лацдарони, потому что лацдарони так же неизбежно верит, по выражению одного нашего соотечественника, в свое *право на море*.

Между тем поземельная собственность в России стремится раздробиться в частное и личное владение или сосредоточиться в руках правительства. По счастью, до настоящего времени большая часть земель оставалась в неотъемлемом владении общин, но тем не меньше надобно всеми силами стараться остановить это колебание, избегая, с одной стороны, пропасть пролетариата, которая рано или поздно поглотит весь образованный мир собственников и, с другой, правительственный коммунизм, в котором погибла бы личность человека или сделалась бы приговоренной к каторжной работе. Для того чтоб найти диагональ, мы имеем два указания: самый быт и устройство нашей сельской общины и результаты экономической, социальной науки, так, как они выработались на Западе, не найдя себе там приложения. Сельская община представляет у нас ячейку, которая содержит в зародыше государственное устройство, основанное на самозаконности, на мировом сходе, с избирательной администрацией и выборным судом. Ячейка эта не остается обособленною, она составляет клетчатку или ткань с сопредельными общинами, соединение их — *волость* — также управляет своими делами и на том же выборном начале. Воло-

стью оканчивается народное устройство, ею оно касается императорской полиции и всего казенного управления. Далее волости нет свободы — но есть привилегии; нет самозаконности, а царит величайший правительственный произвол. До освобождения крестьян крестьянская община билась о помещичье право, волость бьется до сих пор об нелепую власть правительства.

Одна из застав, останавливавших развитие, пала. Освобождение крестьян, при всей недостаточности своей, признало личную свободу крепостного, *не отрицая* его права на землю.

Пора раскачать столбы другой.

Освобождение крестьян было последней картой правительства; давши ее, оно в самом деле касается свободных учреждений. Реформы, о которых оно столько говорит, не делаются, потому что они для него невозможны, потому что они касаются его собственных привилегий, которые для него гораздо дороже привилегий дворянства. Правительство хочет сохранить их и делает реформы. Противуречие очевидно — оно его не могло победить и истощалось, билось в логическом кругу.

Ждать, чтоб оно износилось до последней нитки, было невозможно. Оно разоряло народ и приготавливало полнейшую реакцию, оно возвращалось к николаевским временам и снова начинало преследование каждой независимой мысли, прикрываясь своим умеренным либерализмом. Надобно было поставить пределы этому своеволью и затормозить колеса старой машины; но для этого надо было прежде всего уяснить, чего мы хотим, что можем и чего хочет в самом деле народ. Для достижения этого надобно было подвинуть правительство на созвание Собора бессословного, всенародного, без различия вероисповеданий, с предоставлением *каждому избирать каждого*.

Если б правительство согласилось, тем лучше — много спаслось бы крови и несчастий. Если же нет, надобно было его заставить созвать Собор или созвать его помимо правительства. Так думали многие.

Что же было бы потом? Это бы мы увидели тогда. Первый шаг был бы сделан.

Говоря о созвании Собора, я упомянул о безразличии вероисповеданий, это следует пояснить. В России считается миллионов до двадцати старообрядцев, поставленных вне закона.

Теперь их меньше преследуют, на них смотрят сквозь пальцы — этого мало, надобно, чтоб они пользовались общим правом. Старобрядцы составляют самую энергическую, здоровую часть огромного земледельческого населения России. Закаленные вековым гонением, воспитанные с ребячества в борьбе с существующим порядком вещей, они никогда ничего не уступали, а приобрели вместе с строгими нравами железную волю. Из этой среды естественно выйдут действительные представители народных стремлений. Они никогда не признавали империи, которую они презирают как немецкую и которой гнушаются как нечистой. Сбитые с толку агентами правительства, некоторые из них посылали недавно свои верноподданнические адреса *, они сделали ложный поступок в надежде льгот и обманулись; правительство ничего не сделало для них.

Старобрядцы принесли бы на общий совет народную идею, народный гений, предание, быт и обычай; идея современная, наука была бы представлена другой средой — той неопределенной, смешанной средой, которую во времена Людовика-Филиппа называли *способностями* (*capacités*), в нее входит все — мелкое дворянство, офицеры, студенты, окончившие курс, дети духовного происхождения, сословие, нигде не существующее, кроме России, — сословие очень ученое, очень эманципированное и ненавидящее дворянство и власть; возле него дети разночинцев, небольших статских чиновников, бедные, презираемые сверху; страшные для народа, они многое ненавидят, многому завидуют, им многое приходится искупить и нечего терять.

Дворянство, как замкнутый класс, потеряло всякое значение, ему остается одно — низшим слоем своим распуститься в народ, предоставляя вершины печальной судьбе замиранья в величавой праздности и в придворной службе (*domesticité*). После освобождения крестьян русское дворянство потеряло свою почву, свою силу, причину своего существования, и оно это понимает. Дворянство целых губерний (например, тверское) просило государя как милости право сложить с себя нелепые привилегии, которые, не принося никакой выгоды, мешают простым отношениям с другими сословиями *. Государь отказал. Почему? Вероятно, он сам не знает причины. Иметь дворянство — застарелая привычка дворца.

Желая остановить возникшее движение во что б ни стало, правительство выдумало историю политических пожаров и додразнило студентов до манифестаций *, давших ему тень права сбросить с себя поддельный либерализм и прямо перейти в реакцию. С этого времени оно начинает гуртовой подкуп журналистов и писателей *, и постоянно распускает слух о реформах, находящихся в работе и которые наградят Россию почти французской свободой и дадут ей почти австрийские учреждения. Одни слабые люди, — люди, ищущие приличного предлога, чтоб стать со стороны власти, сохраняя вид либерализма, дались в обман. Тайно печатные и распространяемые листы обличали, в чем дело, и, как зарницы, пророчили бурю *, свидетельствуя об электрическом напряжении среды.

Еще раз позвольте сказать, в чем состояло наше положение.

Народ крестьян, мы шли на развитие сельской общины так, как она существует, с ее аграрным владением, с ее круговой порукой и самосудом, — мы хотели и хотим расширения выборного начала на весь административный и судебный порядок, за пределами волости и провинции, мы хотим облегчить *ликвидацию* дворянства чужеядного и вредного, мы хотим уничтожение правительства противународного и противучеловеческого.

Меньшинство людей независимых, без обязательных преданий, без наследий, достойных уважения, без всех достопочтенностей (*venerabilia*), связывающих старую цивилизацию, мы смело берем, без сожаления и пощады, все, что западная революция нам дает, и принимаем как драгоценное наследие социальную идею ее и ее мечту о нравственной свободе.

Мы вместе с крестьянином говорим: «Нет воли без земли» и прибавляем только, что «земля не крепка без воли».

Наше знамя очень прозаическое. Души чувствительные, умы превыспренние находят его материальным. Мы это знаем, да знаем и то, по печальному примеру Запада, чего стоит свобода, которая, как воздушный шар, имеет над собой прелестную лазурь, без всякой материальной точки опоры... Год тому назад я говорил нашим друзьям русским офицерам в Польше: «Первые восставшие славяне, табориты, имели на знамени своем *чашу с вином*. Мы возьмем другую часть эвхаристии — *дис-*

кос с хлебом!» * Это бедно... но ведь и красная рубаха, la samia santa¹, не римская латиклава * и не порфира, подбитая горностаями. Дело в том, что народ — поэт, но вовсе не идеалист.

Середь этого процесса выработывания и разложения, середь брожения, поднимавшегося с самого дна жизни народной, под влиянием освобождения крепостных крестьян с одной стороны и начала организации, сосредоточения сил меньшинства — с другой, середь величайшего правительственного смятения и колебания Зимнего дворца между либерализмом и самовластием, между реформами и консерватизмом — застало нас польское восстание.

Для нас оно было скорее несчастьем, и только правительством подкупленный журнализм обвиняет нас в том, что мы подстрекали поляков, уверяя их, что Россия готова восстать *. Мы очень хорошо знали, что ничего не было готово, что были только зародыши, что офицерские общества только что начали слагаться². Кровь нашу дали бы мы за то, чтоб остановить на год или на два польское восстание *.

Но что мы могли сделать? Разумеется, не рекрутский набор произвел восстание, — набор был той каплей, после которой вода течет через край, шляпа Геслера, оскорбление, вызвавшее сицилийскую вечерню*. Действительно, не было человеческой возможности вынести эту травлю на людей. Во всяком случае определить время восстания, его необходимость принадлежало полякам. Нам предстояло принять их решение и стать со стороны справедливости и свободы.

¹ свитая рубаха (итал.). — *Ред.*

² Русское правительство, расстрелявши *Арнгольда*, *Сливицкого* и пр., сославши в каторжную работу полковника *Красовского*, *Обручева*, двадцать других *, продолжает отрицать самое существование комитетов и достоверность адресов, напечатанных в «Колоколе» *, и это в то время, когда член офицерского комитета, привозивший к нам в Лондон адрес, *Потебня*, погиб под Песчаной Скалой *, сражаясь в польских рядах. Неужели правительство отречется и от трупа юного героя и от множества других, которых оно знает? (Прим. в письме).

По возвращении в Лондон я прочитал в «русских газетах» о 40 русских офицерах, перешедших к восстанию *.

Так мы и поступили. И когда благородное меньшинство русских офицеров обратилось к нам за советом, что им делать в случае польского восстания, мы не обинуясь сказали им, что лучше оставить ряды, перейти в противный стан, быть убитым, чем сражаться против Польши *, которая для нас имеет больше чем историческое право, больше чем право героизма — право на наше *искупление*. С своей стороны мы не предъявляли ничего, кроме желанья, чтоб польская революция приняла за основу наше *аграрное начало*, чтоб война, начинающаяся за независимость одного народа, признала *волю областей* *. С этим знаменем Польша имела бы дело с царем, а не с народом русским.

В начале восстания общественное мнение в России вовсе не было враждебно Польше, народ, с своей стороны, был безучастен. Правительство старалось всеми средствами возбудить народную ненависть, пускало в ход клеветы и преувеличения, посылало вереницы агентов министерства внутренних дел для вызова верноподданнических адресов, пугало народ европейской войной и пр. В этом почетном деле правительство нашло себе отличного и не слишком дорогого помощника — явилась целая литература, целая журналистика, писанная продажными негодьями и заслоненная ценсурой от ответов и возражений. Они-то и принялись за обработку мнения *образованных* сословий, в то время как агенты правительства действовали на народ.

Мы знали, а правительство знало это лучше нас, что трудно возбудить в русском народе деятельное ожесточение против Польши, и очень хорошо избрало свою почву. На вымыслах вроде Варфоломеевой ночи * трудно было далеко уйти. Это годилось для солдат, и то при дозволении грабежа. Для народа этого было мало. Правительство стало выдавать польское восстание за враждебное крестьянам и греческой церкви, за восстание исключительно шляхетское и католическое — таким образом, оно становилось защитником масс и греческого православия, придавая себе вид более революционный и демократический, чем революция. Император Александр II, бывши в Нижнем, молился коленопреклоненный у могилы Минина, доблестного гражданина, поднявшего в 1612 г. государство против

поляков, прося бога поддержать его против врага, т. е. против «нескольких сотен повстанцев без оружия и уже давно побежденных», как постоянно печатали об них в русских журналах.

Жаль, что народное правительство в Польше не знало этих проделок. Тогда следовало бы ему стать во весь рост и громко объяснить то, что оно сказала в письме к нам¹, громко повторить, что оно не дожидалось русского правительства, чтоб признать землю крестьянской, и прибавить, что несмотря на его желание воссоединения областей, — желание, основанное на том, что поляки никогда не принимали факта раздела, оно предоставляет судьбу их — свободной воле народа * (народа в самом деле, а не представленного русскими агентами, само собою разумеется).

Великая интрига улетучилась бы, и весь этот разожженный ужасом дикий, кровожадный патриотизм выдохся бы, не успевши отравить ум и сердце простых и честных людей.

Вызывая чувство ненависти и свирепого озлобления, убивая противников с монгольским бесчеловечием, отбирая имущества у помещиков Западного края, правительство не имело другой цели, как усмирение восстания и сохранение власти в областях. Но если петербургское правительство *предполагает*, то иная сила *располагает*.

Когда развивается сильный организм, все ему служит, даже болезни. Возбуждение против Польши пройдет, но движение, им вызванное, останется. Для того чтоб иметь адреса, правительство допустило политические сходки; в городах и деревнях люди собирались, чтоб обсуживать об опасностях отечества, о мире и войне. В Литве правительство проповедовало против дворян и отдавало крестьянам конфискованную землю; первым последствием этого был отказ киевских крестьян работать на русских помещиков *. Правительство разбудило силы, которые оно не так легко усыпит, и сообщило движение массам, которое трудно остановить. То, чего не могло сделать ни потаенное книгопечатание, ни пропаганда из-за моря, делает против своей воли само правительство. Похожее на японца, который в припадке бешенства распарывает свой живот, чтоб ото-

¹ «Колокол», л. 146 (1862)*.

мстить врагу, петербургское правительство делается революционно-террористическим из ненависти к Польше. Где оно остановится? Кто знает, но во всяком случае оно накладывает на себя руки!

Людям независимым, группам, выделяющимся из масс и соединяющимся около одной идеи, около общего стремления, — группам, начинающим тяготеть к одному средоточию деятельности, следует воспользоваться движением, вызванным рукою дерзкой и нечистой.

На сию минуту наша деятельность заторможена. Патриотическое безумие, полицейская пропаганда, военное положение, нелепость, глупость, страх перед этой доброй, мирной, благоразумной Европой — все нам мешает...

...О, если б вы знали, с каким страстным нетерпением мы ждем окончания этой проклятой борьбы. Независимость Польши — наше освобождение! Наши головы клонятся под тяжестью преступлений, совершаемых руками нашими, и будьте уверены, что мы не меньше желаем освободиться от Польши, чем Польша желает освободиться от России.

В тот день, когда Польша будет независима, мы бросим покров на страшные улики, пока до великого дня суда и осуждения, и пойдем твердым шагом вперед, отрекаясь от гнусного прошедшего, попирая ногами вчерашние кумиры, — твердым шагом пойдем осуществлять наше будущее, разрушая по дороге эту империю, составляющую бедствие шестой части земного шара, раздирая этот камзол каторжного, надетый на плечи исполину, пока он спал.

Проснулся ли он в самом деле? Если вы мне сделаете этот вопрос, любезный и уважаемый друг, или всякий другой, я охотно буду отвечать в другом письме *.

Теперь примите еще и еще уверение в моем сочувствии, уважении, удивлении к вам.

И — р

21 ноября 1863, Флоренция.

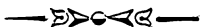
3/70 КОПЕЙКИ С ДУШИ

Die Liebe muß sein *platonisch*.

H. Heine *.

Мы всегда ненавидели корыстную любовь и всегда любили ту романтическую, которая не стоит ни копейки и не дает ни гроша. Покойник Андросов, во время оно, занимаясь статистикой и осматривая самые бедные притоны разврата в Москве, рассказывал однажды о невероятной нищете и грязи, в которой живут в них несчастные сандрильоны. «Скажите», — спросил его Н. Ф. Павлов (тогда еще партикулярный писатель, игравший в карты, а не в убеждения * и никак не предвидевший, что он потонет в лучах Каткова, как Геспер тонет в солнечных лучах *...); итак, «скажите, — спросил Н. Ф. Павлов, любивший, как М. П. Погодин, знать всякому делу цену по курсу ходячей монеты, — почем же они берут с своих посетителей?» — «Так мало, так мало, — отвечал Андросов, — что они их пускают *почти из любви*».

Меня ответ этот поразил лет двадцать пять тому назад. И вот через четверть столетия я его вспомнил, читая следующее в «Кёльнской газете»: «Петербургские журналы пишут, что к концу 1863 года на войну (и умиротворение) добровольно пожертвовано 36 868 руб. (т. е. вроде трех семидесятих копеек с души)*. Должно быть народ страстно любит войну... оң так мало, так мало, почти ничего не дает — кроме адресов* ...

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД НАЗАД

Встречая наш *ошибочный*, но *отечественный* новый год с 12 на 13 января, развернули мы, за неимением нового «Месяцеслова», старый, т. е. прошлогодний, и на сердце стало легко и хорошо.

Прошел один год, только один, а как тогда все было светло, особенно в календаре Спб. академии... Самый «обзор событий» за 1862 год оканчивается 1 маем, а теперь все глядит сентябрем...

Все изменилось под нашим Зодиаком...*

На первом листе «Месяцеслова» на 1863 год портрет опального великого князя... * Кто мог думать тогда, что императорский якобинец Муравьев сочтет его за повстанца и на этом основании спрячется от него при проезде через Вильно (он только связанных и скованных повстанцев может видеть)... Попробовали бы в «Месяцеслове» на 1864 год поместить портрет Константина Николаевича, что бы было — святых вон неси: Катков-верный * тотчас донес бы на академию, на Головнина *, на «Спб. ведомости» *, на молодое поколение, на естественные науки и проч.

Мы сказали, что обзор событий в «Месяцеслове» 1863 года оканчивается на 1 мае. Какая глубокая деликатность. Она оканчивается там, где петербургское правительство, убежденное в пользе классического образования, начало свое *подражание древним* пожаром по Нерону, с ложным обвинением своих назареев, с избиением невинных... Если б не это античное событие, кто же бы велел Академии наук, скорее склонной по званию к предварению равноденствия, остановиться в декабре на мае *.

Зато ни малейшей тени — все радуется, даже некролог начинается с печальной, конечно, вести о смерти *Буткова* — не настоящего *Буткова* *, а другого, — но все как будто легче, когда знаешь, что одним Бутковым меньше.

Найдет ли сомнение в силе и твердости церкви, подкапываемой такими терминами, как Аскоченский?.. «Месяцеслов» рассказывает, что решено строить церкви:

«в *Хевсурии* — в селениях: Ардоти, Лабискари и Хахмати, в *Тушетии* — в селениях: Илурте, Нацхвари, Шенако и Тионетах,

в *Сванетии* — в селениях: Пари и Бечо,

в *Самурзакани* — в Окумском и Бедийском приходах.

Независимо от этого общество приняло на себя достройку начатых церквей в приходах: Владикавказском, Алибеглинском, Гудском, Зругском, Ахиельском, Амтнискхевском, Самарданском, Батако-Юртовском и Супийском. Постройка первых двух церквей уже окончена». Для *горских* церквей и иконостасы уже готовы.

...Мы до сих пор знали только *горское* вино, а вот «Месяцеслов» на 1863 обучил, что существуют *des églises montagnardes* — это пахнет 1793 годом*.

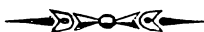
Но где действительно русский может гордиться, так это в хронологической перечни «Месяцеслова» на 1863 год. Она начинается и оканчивается величайшими событиями. На 1-й стр.: «От начала русского государства — тысяча с годом». Два нуля между двух единиц, что-то таинственное!

На последней странице в доказательство, что не даром жили мы 994 года: «от назначения генерал-адъютанта кн. Барятинского наместником кавказским (1856, авг. 26) семь лет». Пифагорово число... Семь планет — Семь мудрецов...

Кто хочет, пусть себе покупает новый календарь, мы останемся при старом. Мы не хотим знать, что от назначения Барятинского — 8 лет.

От умиротворения Литвы Муравьевым 1 год.

От назначения Каткова исправляющим должность Сильвестра и Адашева 1 год.

ПОРТРЕТ МУРАВЬЕВА

«Illustrated Times» от 2 января поместил портрет *Муравьева Вешателя*. Перед этим портретом мы остановились в безмолвном удивлении... это предел, это граница. Такого художественного соответствия между зверем и его наружностью мы не видали ни в статуях Бонарроти, ни в бронзах Бенвенуто Челлини, ни в клетках зоологического сада... Надо отдать природе справедливость, она величайший артист!

Этот портрет должен идти в потомство, он принадлежит истории.

Палач, вместо клейма, отметит своими чертами падшую часть русского общества, ту, которая рукоплещет казням, как победам, и выбрала этого уроды * своим великим мужем. Все брильянты императорской короны и всё масло помазания не спасут венчанный лоб человека, отыскавшего где-то заброшенного людоеда, чтоб его послать на «умиротворение» несчастного края.

Портрет этот пусть сохранится для того, чтоб *дети* научились презирать *тех отцов*, которые в пьяном раболепии телеграфировали любовь и сочувствие этому бесшейному бульдогу, налитому водой, этой жабе с отвислыми щеками, с полузаплывшими глазами, этому калмыку с выражением плотоядной, пересыщенной злобы, достигнувшей какой-то растительной бесчувственности...

СПЛЕТНИ, КОПОТЬ, НАГАР И ПР.

Мы получили после Нового года несколько писем из России и от русских из-за границы *. Общее впечатление скверное, хотя признаки перелома не только продолжаются, но явным образом усиливаются. Предусмотрительные трусы начинают покидать стан *красных* (т. е. палачей, слово «красных» так употреблено в одном из писем). Подробности нас просят не печатать, чтоб не испугать целомудренность раскаявшихся грешников...

Впрочем, всякого рода раскаяния в моде — видно, подходят последние времена. Не только *красные* раскаиваются, но раскаиваются и синие, и пегие, и совсем бесцветные, раскаиваются во всем — в помыслах и сновидениях, в давнопрошедшем и еще не наставшем, во всех многообразных грехах, даже в таких, которых за ними никогда не было или которые вовсе невозможны.

Корреспондент наш говорит об одной седовласой Магдалине (мужского рода), писавшей государю, что она лишилась сна и аппетита, покоя, белых волос и зубов, мучась, что государь еще не знает о постигнувшем ее раскаянии, в силу которого *«она прервала все связи с друзьями юности»*.

С своей стороны *красные* не унывают. Отказ Суворова раздражил их до высшей степени *. Им нужно — крови, каторги, пытки, чтоб отлегло от сердца. Константина Николаевича они сильнее и громче бранят, чем когда-либо; приказ «Моск. ведом.» допекать его намеками остается неизменным *. Бергом начинают быть довольными наши антропофаги. Но об Анненкове говорят, как об «умеренном» и «хладнокровном» *. «Он относится к Муравьеву так, как Аксаков к Каткову». Эту пропорцию поставил на днях один русский генерал *с будущностью*.

Террор неумолим, без этого он не был бы террором, и на полдороге останавливаться нельзя; не спасут тут лирические возгласы о величине и пространстве России, на манер Гоголя *, не спасет постоянное ругательство поляков; тут надобно доносы, надобно себя обесчестить; не риторические схватки любви к народу нужны, народ надобно презирать во имя сильного государства и требовать казней во славу и крепость петербургского управления...

ФУРИИ

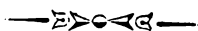
«Siècle» от 10 января, говоря о милом адресе петербургских дам Муравьеву, спрашивает с удивлением: «Что эти матери, жены, сестры, разве не имеют ни сыновей, ни мужа, ни брата?» и пр. О наивный «Siècle»! Не знает он, что такое за зверь *русская помещица* от Салтычихи, посаженной на цепь Екатериной II, до... вот до кого например: один англичанин, *принадлежащий к очень известным людям и к очень уважаемым*, рассказывал здесь в Лондоне, что он недавно был на каком-то большом обеде в Москве и сидел возле старой девы (он называл ее, из плохих княжеских родов), которая говорила *ему, англичанину*, негодуя на польское восстание: «Я желала бы от всей души, чтоб перевешали всех до одного поляков!»

Само собою разумеется, что есть много исключений, но общий тип прелестного пола *демократического дворянства* нашего, русской барыни-помещицы — это тип волчицы, заедающей десять, двадцать существований горничных и слуг, без малейшего сожаления, без усталости и отдыха.

Нельзя же было в два года этим фуриям перемениться. Нового в замечании старой девы — только цинизм. Прежде иностранцев надували гуманностью, теперь хвастаются перед ними энергическими чувствами и *пеньковым патриотизмом*.

Вот будет работа всем Девам и Бабам-Ягам нашего бомонда — встречать в Москве и Петербурге, с гирляндами и букетами, Муравьева, который едет, говорят, председателем новой комиссии *погашения и уничтожения Польши...* *

Мы надеемся, что нам пришлют именной список милых патриотов, кстати уж и патриотов.

ОТВЕТ ГАРИБАЛЬДИ

Капрера, 23 декабря 1863 ¹.

Любезный друг,

я получил ваше дорогое письмо, для меня оно документ. Да, Герцен, верю вам и знаю, что народ русский несчастен и имеет высокие стремления, как все народы, и что он не повинен ни в виленских истязаниях, ни в варшавских виселицах; я знаю, что и на вашей родине бродит дух воли и будущего, я помню многих офицеров, которые предпочли Сибирь и смерть преступному палачеству в Польше, святые имена Попова и Арнгольда глубоко отпечатались в памяти моей; их имена будут повторять история вместе с именами их товарищей по мученичеству.

Но мне кажется, что Польша, в которой бичуют женщин и вешают юношей, должна была бы возбудить сострадание народа русского, по крайней мере в той благородной части его, к которой вы принадлежите, и в ней возбудить протест более торжественный, чем слова.

Предрассудками национальности и религии всегда пользовались власти для своих видов, ими они отравляли дружескую связь народов. Но пока кровь льется, сильные должны бы иметь—если ничего другого—по крайней мере сожаление к слабому.

Проповедуйте это русским, а я скажу польскому дворянству: «Отдайте землю крестьянам», и всей Польше: «Перестаньте придавать вашей героической борьбе характер религиозный, несовременный, отчуждающий от вас симпатии и вызывающий кровавые противодействия».

Прощайте, мой любезный друг, благодарю за память и пр.

Ваш Джузеппе Гарибальди.

Прочитав эти строки, у меня навернулись на глазах слезы,—горькие слезы стыда и боли. Как ни издевались надо мной наши мраморные gamins *, наши доктринерские застрельщики, принимавшие бессердечие за ум, я не могу отучиться от глубокой грусти...

¹ Письмо Гарибальди опоздало, потому что общий друг наш, взявший письмо к нему, был позже в Капрере и переслал ответ через Флоренцию.

Гарибальди совершенно прав: кого не поразит это безучастие к казнимому народу, это немое бездушье возле стона, вопля, крови. Но он далеко отстал, его воображение не шло дальше равнодушия — а у нас *нежность* к казням, мы ласкаем палачей, «лобызаем их доблести», по выражению одного из православных иерархов *, мы пируем, ликуем в их честь, пьем за их здоровье, подносим им иконы... У нас все добровольно, *son amore*¹ запачкалось в крови: немецкий университет в Москве и немецкая биржа в Петербурге, уездные крепостники и столичные газетчики ...государь андреевской лентой и серебряными рублями показал, что казни — не печальная необходимость, при которой верховный судья накрывает свою голову одеждой сетования, а награждаемая доблесть... Церковь, уклонявшаяся перед самим Петром от прямого участия в казнях, поставила православный алтарь свой скамейкой для вешающего палача.

Эта позорная полоса нашей истории тем больше отвратительна, что она вовсе не нужна. Вызванная трусостью, подхваченная с одной стороны раболепием, с другой — свирепым патриотизмом, она не имеет оправдания. Она пройдет, и пройдет скоро, в этом нет сомнения, *но след ее останется*; и как исчезнувший рубец кнута выступает при известных обстоятельствах, так и она будет выступать под пером каждого грядущего историка. Этот майорат пойдет надолго. Прошлое злодейство искупается, обязывает к смирению, заглаживается, но не проходит до тех пор, пока не пройдет память человеческая.

В тупой и наглой кровожадности общества оправдание всех ужасов петербургского периода: от собственноручных упражнений державного палача до военных поселений, от превращения каждой съезжи в дом пыток до превращения каждого помещичьего дома — в съезжу.

Самодержавная империя, основанная на явных штыках и канцелярской тайне, не русское изобретение. Но отчего же, переложенная на русские нравы, она утратила все человеческое? Отчего ни в Пруссии, ни в Австрии она не развилась ни в Павла, ни в Аракчеева, ни в Николая..?

¹ с любовью (итал.).— *Ред.*

Не вся ответственность падет тут на правительство. Правительство не выдумывает порох, а жжет его. Оно и в настоящих казнях только прибавило к слову — *дело*, но слово сказано не им. Первое слово сказано теми, которые в ответ на плоскую выдумку о зажигателях требовали каких-то беспримерных казней... *

Месяцы ходило правительство кошкой, с разгоревшимися глазами, около виселицы и примеривалось, прислушивалось — то попробует расстрелять русского юношу *, то кого-нибудь отошлет на каторгу, то повесит поляка и спрячется опять за свои ширмы «реформ», выжидая что будет. Но когда оно увидело, что общество взосло во вкус крови, что не только *публичные мужчины*, которым оно приплачивает *, но и ворчащее дворянство, которое само сильно поплатилось, стоит за казни и *энергию*, тогда оно разом откинуло западную часть маски и, засучив рукава, схватило Муравьева и пошло месить кровь, вешать, давить, пытать, словом, пошло тепиться сколько беспощадному сердцу монгольского немца угодно. Смело было перед лицом всего мира казнить ежедневно врагов, взятых с оружием в руках; это противно собственной военной религии петербургского императорства. Смело было нести раненых на казнь, вешать людей без памяти на *вздержку* (как убили благороднейшего Сераковского) *. Польша и Литва — не Старая Русса, не Казанская губерния *, это не бедные крестьяне, которых тела стоит исключить из подушного оклада — и дело кончено, — тут офицеры, помещики, тут близко границы. Тем не меньше правительство рискнуло — и что же? При виде этих ужасов обеда еще жирнее, стерляди еще больше, пьяная ватага ревет «ура», шлет адреса, шлет телеграммы, пуассарды Зимнего дворца государынины робеспьеровские трикотезы *, ханжи из царской девичьей сооружают иконы... Работай, Муравьев, мы народны!.. И нас хотят уверить и белым, и аксаковским днем, что это любовь к отечеству! Лучше не иметь никакого отечества.

Не вчера же однако родился этот характер близнецом с польским восстанием — его дворянское родословие идет гораздо дальше. Переберите типы, выработавшиеся у нас в верхних *паражах* и в паражах чернильных *, в казармах и около домашнего очага, вспомните вашу собственную молодость,

тишину родительского крова, ваших родных, особенно постарше... и вы увидите, что удивляться тому, что делается, нельзя.

Петр I страстно любит флот, цивилизацию и не знаю что, но еще страстнее любит доносы, сплетни, следствия, пытки — и вдруг всё около него делается доносчиками, Преображенский приказ завален делами — хрустят барские и не барские кости на дыбе... Откуда явилась бы эта готовность на царскую потеху ставить людей, не падя ни родных, ни друзей, если б не было к ней предрасположения?

Лишь только верхи наши образовались, обзавелись иностранной академией, силлабическими виршами и профессором элоквенции *, как является замечательнейшее *trio*. Рядом с немецким берейтором всея России *, стегающим ее по всем правилам верховой школы, является помещичья оппозиция Волынского, нечистого на руку, надменного в счастье и подобострастного в беде, бьющего по щекам Тредьяковского *, этого полного представителя императорски-казенного образования.

В жалкой и подлой фигуре пресмыкающегося профессора, требующего плату за побои и делающего донос на Волынского, когда он был в цепях, в фигуре этого шута и поэта, воспевающей *императрикс* Анну Иоанновну и ее берейтора, так и видишь патриарха современной журналистики и ур-ректора, посылающего черт знает почему телеграммы Бергу и Муравьеву с своего обеда *. А Волынский-то как живо и ясно представляет плантаторский либерализм, от двух-трех тысяч душ, — либерализм экзотический, размахистый, неопределенный и всегда готовый, как Осип, клясться, что он не валялся на барской постеле, что ему вовсе не нужно на ней валяться *.

Из этих элементов, в разных сочетаниях и разных костюмах, из этой круговой поруки правительства и общества, питающих друг друга своим ядовитым молоком, и составляет тот характер беспощадности со стороны правительства и потворства со стороны общества, сделавший возможным все на свете — заливание малороссиан холодной водой на морозе при Бироне, засекание сотнями людей при Аракчееве, вздергивание раненых на виселицу при Александре II...

Жестокости делались везде, жестокость вообще слишком общечеловеческая черта, чтоб принадлежать какой-нибудь

стране, но мы обращаем внимание на особый характер жестокостей, совершаемых в России. Пугачев, вероятно, был бы казнен везде в Европе, но нигде не нашелся бы Панин, который бы ему, скованному, дал пощечину. Везде есть болтающие бабы, доносчики и полицейские преследования, но нигде не было, чтоб из столицы в столицу ездил Шишковский сечь барынь, статс-дам по высочайшему повелению * ...так, как нигде не было за последние два столетия следствия, подобного тому, которое делалось в Новгороде после убийства грязной любовницы Аракчеева *.

Откуда же взялся этот характер?

Каким образом мы дошли до того, что какой-нибудь юноша, воспитанный на женских руках и на французском языке, делаясь офицером, хладнокровно сек солдат и бил их собственными руками; делаясь чиновником, крал, допрашивал под розгами и подавал шинель и калоши начальнику или требовал, чтоб другие чиновники подавали ему?

Все это выросло на том *материке*, на котором укрепилась, как говорит литератор крепостников, Российская империя.

Разве каждый господский дом не представлял полную школу рабства, разврата и тиранства, отсутствие всякого уважения к седым волосам, всякого сожаления к детскому возрасту, к девичьему стыду; гарантированный правительством, поддерживаемый полицией, судом, войском, церковью, произвол, безгранично идущий до встречи с властью, перед которой секущий, гордый помещик делался вдвое больше холопом, чем его несчастный раб. Чему же удивляться, что окончившие курс воспитания в этих заведениях, несут на всю жизнь следы его?

— Где Иван? — спрашивает барыня за обедом, видя, что суп подает Семен.

— Мамаша, — отвечает какой-нибудь мальчик десяти лет, — папа его послал в часть.

— Я его, мошенника, велел поучить, он давеча мне грубо отвечал... *c'est un caractère acariâtre*¹.

И мальчишка думает, что это и резон, что Ивана следует высечь за то, что он неучтиво отвечал «папасе». Он с малых лет инстинктом понимает, *что это материк*. От этого ни ему, ни

¹ сварливый характер (франц.).— *Ред.*

его нежной сестрице в голову не приходило, что кучер мерзнет часов пять, что фореитор совсем замерз, — на то материк.

Теперь заметьте, что эти школы плантаторства начали закрывать почти вместе с воскресными школами, года два тому назад, а ведь *Муравьеву обедают* не трехлетние дети.

...Что же удивительного, что такое прочное основание бесчеловечья, подавляемое умом, образованием, при первом случае выступает во всем своем безобразии. Может, удивительнее то, что помещичье общество, «лобызающее с витебским архиереем доблести Муравьева», поддерживается яростно писаками, которых скромное начало теряется между задним крыльцом и людской.

Революция 48 года показала нам, что самые откровенные и последовательные демократы — те, которые по роду и воспитанию принадлежали к аристократии, как Дефлот, как граф Ворцель. Точно так же не было у нас свирепейших защитников дворянских прав, как их управляющие, которые обыкновенно не отличаются столбовым происхождением.

К тому же у нас между дворянством и народом развился не один дворовый человек передней, но и дворовый человек государства — подьячий. Бедная амфибия, мещанин без бороды, помещик без крестьян, «благородный» чернорабочий без роду и племени, без опоры, без военной посадки, сведенный, вместо оброка, на взятки, вместо «исправительной конюшни» на канцелярию и регистратуру, трус, ябедник и несчастный человек... подозреваемый во всем, кроме несчастья... Научите его думать, писать не на гербовой бумаге, и он делается гигантом протеста или исполином подлости, Белинским или — вы его назвали...

Страшный опыт доказал нам, опозоривши нас перед честными людьми всего мира, сколько грязи осталось от нашего *материка* на нас, сколько дикого, в самом деле, осталось под внешней цивилизацией... Пора нам в баню. Прошлый год показал, что, несмотря на освобождение дворян от крепостного состояния, в них осталась не только гнилая кровь крепостников, но сохранились с усовершенствованием все пороки дворян, не выкупленные ни одним хорошим качеством крестьянина.

Пора начать нам свое нравственное очищение, пора ужаснуться тому, что наделали в 1863 году!

РУССКАЯ КОНСТИТУЦИЯ И АНГЛИЙСКИЙ ЖУРНАЛ

Никогда не надобно ни в чем закаиваться. Il ne faut jurer de rien *, мы это знали без Альфреда Мюссе, а с ним узнали вдвое. И все же человек так слаб, что все-таки закаивается и так не крепок, что изменяет слову.

Сколько раз мы брали твердое и окончательное решение не поднимать вздору, который пишут здешние журналы и французские о России, не поправлять их промахи, не заводить с ними полемики. Что им до нас за дело, и что нам до их мнений?

Два года тому назад по поводу гнусных нападков на Бакунина мы напечатали наш ультиматум *, в котором говорили: «Мы протестовали — они продолжают нести свою галиматью... Наконец, это надоело, впредь ни за друзей, ни за себя мы вступаться не будем. Истина этим людям равнодушна. Россию они ненавидят и притом *вовсе не правительство*, а вообще все русское и всех русских. Разбирать, что мы проповедуем, чего хотим — им недосуг, скучно и при общем *невежестве образования* не легко...

Мы чужие в этом мире, мы собственно живем не здесь, а дома. Было время, когда мы думали, что наше призвание состояло, между прочим, и в том, чтоб *свидетельствовать* перед Западом о возникающем русском мире. Это время прошло. С каждым годом, с каждым событием мы становимся дальше и дальше от среды, в которой жить осуждены нашей деятельностью. Мы этого не скрываем. Мы остаемся вне России только потому, что там свободное слово невозможно, а мы веруем в необходимость его высказывать. ...Мы не чувствуем благодарности за то, что живем здесь, и не просим ни признания, ни гостеприимства, ни участия, мы берем по праву ту защиту закона,

которую свободная страна, безвозмездно, дает всем непреступникам...»

Итак, мы года два тому назад, во второй или третий, последний раз закаялись отвечать иностранной прессе и решительно видим, что это свыше сил человеческих. Пока идет речь об нас, об людях нам близких, можно молчать — но когда говорят о всем народе русском, о всей будущности России и какой-нибудь орган, пользующийся уважением Европы (так, как некогда князь Сергей Михайлович Голицын пользовался уважением Москвы и никто не знал почему), начинает судить и рядить о судьбе нашей, умеряя тупость суждений — ненавистью и смягчая недостаток сведений — избытком страха, молчать невозможно.

Глубже всех европейцев вместе чувствуем мы, как много ненависти *заслужила* Россия и как естественны, справедливы, необходимы при отвратительном зрелище барских пиров у подножия виселиц слова строгого негодования, порицания, проклятья. Но мы вправе требовать, чтоб Россию ненавидели за то, что в ней ненавистно, и нас возмущает, когда наши *мирные враги* * готовы примириться и с русскими политическими тюрьмами, и с судьбами Польши, и с мерами Муравьева, но не могут переломить досады и ненависти ко всякому человеческому, свободному развитию России, даже если б оно было только в предположении правительства, т. е. мертвое до рождения.

«Аугсбургская газета» когда-то откровенно, несколько лет тому назад, призналась, что Россия свободная, с своими социальными стремлениями опаснее России царской, императорской.

Недавно взгрустнулось одному французскому журналу при виде русских железных дорог и телеграфических линий, и в пламенном порыве мироосвобождения и братства народов он с ужасом и мрачным видом Даниила предсказывал о страшном времени, когда дороги кончатся, телеграфы проведутся и Россия развернет все свои силы.

Мы крепились еще. Но вот на днях раздался тяжелый, густой, *сытый* голос, и, мы признаемся, терпение наше лопнуло.

Вот в чем дело.

Услышал «Теймс» и, с той легковёрностью, с которой

вообще капиталисты, банкиры и биржевики верят всякому вздору, поверил, что Александр II дает конституцию и даже *обязан* ее дать. При этом каждый ждет, что самый конституционный орган самой конституционной в мире страны с радостью протянет свою жирную лапу стране, вступающей в английскую колею. Не тут-то было, «Теймс» обеспокоился, взволновался... Он начинает на манер известного героя фонвизинской комедии «жалеть матушку, что она устанет бить батюшку»*, печаловаться о затруднениях, которые должен встретить государь. Россия, говорит он, такая страна, что и сам Сизэ отпугнулся бы от задачи *выдумать* для нее конституцию*. И это говорит не француз XVIII века, не Вольней, не ученик Руссо, а серьезный английский журнал в 1864 г. от Р. Х. *Выдумать* эту конституцию особенно трудно, потому что если ее дать одному барству, то всем будет хуже — и царю и народу, — конечно, стоит ли давать такую конституцию!.. тут мы согласны с «Теймсом». Есть класс хороший, которому стоит дать конституцию, он ее во зло не употребит, — класс умеренный и осторожный, но на беду этого класса в России *нет*. А конституцию дать надобно, такая слабость у Александра II.

Отстранивши *барство*, которого у нас очень много, и *буржуазию*, которой у нас очень мало, «Теймс» замечает, что есть еще один житель в нашем любезном отечестве, именно *народ русский — мужички*. И тут вдруг на него нападает паническое негодование и благородный страх. Дай им представительство, они сдуру представят в Собрании свои интересы, они увлекут «государя в исполнение своих коммунистических видов». Конечно, соединение государя с народом разрешает бездну затруднений, сословных, политических, «но, говорят (хитрая инсинуация), государь не согласен на это. И пусть он хорошенько обдумает, прежде чем решится променять свое теперичное положение во главе *блестящей* (вероятно, шитьем на мундирах — знает, кого чем взять — что значит гостинодворское воспитание первого гостиного двора в мире!) аристократии и должность земного провидения над обширной страной — на диктатуру огромной демократической вотчины (*predial*), едва вышедшей из рабства и стоящей *ниже* политических интересов (*below the region of politics*), народа невежественного, фанати-

ческого, *непостоянного*, неразумного». А потому правительство хорошо сделает, если отыграется от конституции областными учреждениями — «вместо того, чтоб отдать власть в руки слепого произвола, невежества, глупости и скотства (*ignorance, stupidity and brutality*)». Дело сводится на следующую дилемму: дать конституционные права, исключив этих скотов — смешно; дать и им эти права — печально, потому что они представляют интересы крестьянства. «Крепостное рабство, — заключает „Теймс“, — можно было упразднить изменением закона, Польшу можно покорить саблей и штыком, но затем России предстоит борьба с своим внутренним варварством; оно равно не может ни подчиниться, ни быть вбито в разум (*dragooned into intelligence*). А потому, *прежде чем* давать конституцию, государь должен *воспитать* новое поколение к пониманью своих прав и к исполнению своих обязанностей».

Что же это, Катков что ли издает и эти «Ведомости»?

Или не готовит ли его «Теймс» из ненависти к России в иеро-воспитатели «целого поколения всея России»?

Считать народ, сохранивший под двойным рабством крепостного состояния и государственной бюрократии свое общинное самоуправление, — народ, удержавший свои экономические начала против напора иностранного законодательства, не утративший ни выборности общинных должностей, ни своего смысла расправы и суда, который он доказал на другой день после своего освобождения устройством волостных судов (столь ненавистных москворецкому «Теймсу» * и прочим крепостникам), — считать его неспособным к *справедливому пониманью* своих интересов и ставить его не только наравне, но ниже лаццарони западной цивилизации, *варваров* буржуазных государств, могут только люди, никогда не думавшие ни о России, ни о своей будущности.

И это не все — рядом с этим высокомерным презрением к народу русскому, с этим надменным желанием оттеснить его в сферы зоологии, похвальное слово юного и неопытного м. р. Гран'Дофа русским политическим тюрьмам в *Вильне* и *Варшаве*. Что русское начальство, обманывающее ежегодно при их путешествиях одного государя, четырех великих князей, неопределенное число министров, их товарищей, ревизоров, конт-

ролеров, инспекторов, директоров, бросило пыль в глаза путешественнику, нас не удивляет; еще меньше удивляемся мы отроческой наивности, бесхитроственному простосердечию английского туриста. Их милая простота, детское незнание и удивление едва ли уступают девичьему простодушию тирольских молочниц. Но мы вправе удивляться, что «Теймс», помещающий месяцев десять кряду рассказы об ужасах, совершаемых в русских судах и тюрьмах, поднявший страшную историю о жене и матери Сераковского *, поместил без малейшей оговорки это школьное упражнение пера, в котором Муравьев представляется строгим, но добрым отцом подсудимых, которых имеет слабость вешать ежедневно, а полковник Лебедев сестрой милосердия, с усами и шпорами*¹.

Случайно ли попали эти статьи в близкое соседство или нет, нам все равно. Они бросают легкий свет на внутреннюю мысль теймского воззрения на Россию.

Что ему за дело, как содержат и как вешают поляков, да и русских?.. польский вопрос им давно надоел. Неумытный суд Муравьева и попечительность Лебедева о тюрьмах никогда не перейдут в Англию. Это так, но чего же он печалится о том, что наша беспутная, рабская «аристократия» потонет, как ручей в море, в народном представительстве? Почему ему хочется, чтоб император Александр был окружен блестящей «аристократией»? Чего он боится русской конституции и отдаляет ее по крайней мере на пятнадцать лет?

Да всё эти проклятые «коммунистические стремления»... *Право на землю* — agrarian outrage, а как оно-то признается... это уж будет не аграрная обида, а аграрный пример, хуже всего, что проповедают Кобден, Брайт и вся манчестерская партия с ними *,

¹ Письмо Гран'Дофа, как и следовало ожидать, не только воспроизведено в «Nord'e» и «Моск. вед.», но и наказано похвалой их редактора.

ОНИ СОВСЕМ СОШЛИ С УМА

В русских газетах («Спб. ведомости», «Сев. пчела») описывается казнь, бывшая 5 января в городе Острове. Казнен был *Феликс Амброжинский*, обвиненный в том, что он был жандармом польской службы, повесил *кого-то* (не названо кого) и «доставлял мятежникам съестные припасы». Все это не удивляет больше. Но слушайте дальше: «Вместе с войсками были приведены соучастники Амброжинского, такие же жандармы (*преступления их еще не открыты*), которые должны были *выполнить должности палачей*. По прочтении приговора преступник стал на колени, поцеловал поднесенный ксендзом крест и проговорил: „Панове, даруйте мне (простите)“ и встал; приговоренные люди — *соучастники преступника* — подвели его к эшафоту, сняли чепарку, шапку (во все это время Амброжинский, ни слова не говоря, был багровато-бледен и только трясся), надели на него смертную рубашку и колпак, взвели на эшафот и исполнили, *вероятно, знакомое им дело, веревкой*».

Мы обращаемся ко всем честным людям... Мы обращаемся — ну да, мы обращаемся, например, к вам, г. Аксаков, издатель «Дня» (Аскоченский уже донес, что «Колокол» делает различие между «Днем» и «Московскими ведомостями») *, да, мы обращаемся к вам, — вы носите имя чистое, имя честное, имя, которое мы привыкли уважать в вашем отце, любить в вашем брате, — посмотрите, с кем вы стоите и *какую* энергию вы хвалите. Люди, *которых преступления еще не открыты*, принуждены *убить* своего товарища! И корреспондент журнала, хладнокровно, *сум grano salis* *, прибавляет, что «они исполнили, *вероятно, знакомое им дело, веревкой*».

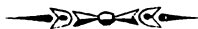
Слова немеют, язык не имеет порицанья, брани, достаточной этому злодейству. Смотрите, г. Аксаков, как бы, поддерживая из-за важных политических соображений ваших это распутство крови, жестокостей, наконец, таких артистических утончений, вы, вместо помощи боснякам, хорватам и далматам, не накопили бы себе страшные угрызения совести. Вы жалели нас в «Дне» *, мы жалеем вас в «Колоколе».

КОНЧИНА А. Н. МУРАВЬЕВА

18 декабря скончался в Москве на осьмом десятке Александр Николаевич Муравьев; он был одним из основателей «Союза благоденствия» (в 1815) и до конца своей длинной жизни сохранил безукоризненную чистоту и благородство. Рекомендуем читателям прочесть в 17 № «Листка» небольшую статью об нем *.

ГОСУДАРЬ В НЕМИЛОСТИ, ПЕРВОЕ AVERTISSEMENT¹ МИЛЮТИНУ (СТАТСКОМУ)

Когда покойный церемониймейстер Полоний после спектакля был послан ее величеством на половину его высочества, он доложил кронпринцу, что королева велела е. в. сказать, что «поведение е. в. удивляет ее». «Каков сын,— заметил ему Гамлет,— когда сама родная мать дивится ему?» *

Нечто подобное произошло между Александром II и второй Михайлой *. Новые «Положения» до такой степени мизерны, неискренни, скудны, спиты на живую нитку из французских лохмотьев, сбивчивы, жалки, тощи, пусты, что удивили *самого* г. Каткова. Скрывая свою мысль под тяжелой доктринерской галиматьей, он все-таки высказал, что устав никуда не годится, и заключил по руководству берлинских каморных профессоров, когда они недовольны королем, сишлым, беззвучным «ура!» * После чего он безжалостно сослал «Положения» из главного листа в «Современную летопись» * рядом с доносом на коммунизм «Современника» *.

Мы не знаем, на сколько милютинского в этом сумбуре, но если много, не мешает ему подумать о чемоданчике. Чего не сделает государь, чтоб примириться с своим Адашевым ².

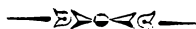
¹ предостережение (франц.).— *Ред.*

² Впрочем, гнев г. Каткова не оригинален. Вся журналистика как-то сконфужена *земскими* положениями. Совершеннейшее fiasco, самое полное... печеные яблоки летят отовсюду *, разумеется, приправленные всякого рода сахарцем... даже с всяких уездных обедов и елок, на которых все еще бесстыдно пьют за Берга и Муравьева.

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

Университетское торжество (12 янв.) * в Московском университете ознаменовано на нынешний год тем, что какой-то Савва благословил, а протоиерей сказал *приличную* проповедь (еще бы он тут им прочел Поль де Кока!), после чего г. Любимов показывал мнемонические опыты; все он помнит, даже подробности об умершем профессоре Зернове, и, между прочим, юмористически выставляет достоинствами математика, что он один из первых шпил себе форменный сертук и что чинопочитание у него доходило до чего-то болезненного.

А Аксаков, верный мысли, что Иван Великий средоточие России, так витийствует во 2 л. «Дня»: «Московский университет, как магнит, притягивает к себе молодое поколение со всех концов России. Все стремится к нему, все надеется найти только в нем одну истинную науку и служителей ее. Отдаленная Сибирь, имея под боком у себя университет *, *пренебрегает* им и шлет питомцев своих в Москву» *.

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО НА ТАМОЖНЕ

Какой-то Войт *, управляющий вержболовской таможеней, издал следующие законы:

1) *Запрещается на кордонах, где живет русский солдат, говорить по-польски, а также в таможенных местах (?!!!), канцеляриях, пакгаузах, на дебаркадерах во время отправления служебных обязанностей.*

2) *Не дозволять нижним чинам вступать в брак с теми польками, которые не говорят свободно по-русски.*

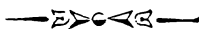
Оба закона, изданные начальником вержболовского таможенного округа, напечатаны в «Рус. инвалиде» и в 223 № «Голоса», но «Москов. ведомости» поместили у себя только первый из двух законов, не упоминая о втором.

Желающим знать скромный источник, откуда вышла патристическая фамилия Войтов, советуем прочесть статью об его брате в 17 № «Листка», откуда мы и взяли этот образец правильнейшей наглости.

Скоро придется «Дню» и о Войте писать то, что он сказал в 2 № о Муравьеве:

«Козни врагов открыты, замыслы их дерзкие обнаружены, коренная русская народность, благодаря неусыпной деятельности генерала Муравьева, законно и честно мало-помалу начинает торжествовать над пришлым и наносным полонизмом и латинством» *.

Что называет «День» «законным и честным», мы не знаем. Но признаемся, хороша должна быть эта *коренная народность*, которую поддерживать надобно такими виселицами и конфортивами *.

ПРУССИЯ, РУССИЯ—IST MIR ALLES GLEICH¹, И ПАЛКИ, ПАЛКИ...

Мы получили на днях следующее письмо от неизвестного корреспондента с просьбою поместить его в «Колоколе». Оставляя факты на ответственность корреспондента, мы не можем не сказать, что анекдоты так верны характеру *der biedern, guten, preußischen Untertanen*² и рыцарскому характеру плац-майоров и плац-миноров христоролюбивого россейского войска, что это почти ошибка со стороны действительности, если они не были.

Г-жа Бернацкая, опасаясь печальных последствий со стороны русской полиции по той причине, что ее муж принял участие в революции, бросила свое имя и с тремя малолетними детьми переселилась в княж. Познанское в г. Плешов. Она была беременна и вскоре родила. Спустя две недели после родов русская полиция, узнав об ее пребывании и предполагая, что муж с нею, из Калиша потребовала выдачи Бернацкого.

¹ мне все равно (нем.).— *Ред.*

² честных, добрых. прусских подданных (нем.).— *Ред.*

Прусский бургомистр Гаутцингер получил приказ ландрата Грегоровиуса сделать повальный обыск в доме г-жи Бернадкой. Хотя жители и уведомили Гаутцингера, что Бернадкого нет в городе, а жена его очень слаба, но немец отвечал «Das ist mir alles gleich», и ночью, окружив дом ее опричниками, Гаутцингер вошел в спальню и произвел обыск. Молодая женщина лишилась чувств, а на следующий день обнаружилась нервная горячка. Доктор Бендер отчаивается спасти эту бедную.

В Замосце среди политических узников находятся три венгерца из хороших фамилий: Vaarath Janos, Balas Lajos и Ricket Sandor; они, как и прочие, обречены каторжной работе. В октябре 63 г. дежурный офицер Митрофан Анненков приказал им вывозить мусор и всякие нечистоты, они отказались и просили его дать им другое занятие; Анненков обругал их, приказал им снять фуражки, обещая в противном отодрать розгами. Венгерцы отказались тем, что по новому уставу шапок не снимают. Анненков велел их свести к плац-майору, полковнику Ивану Чиримову, который, узнав дело, велел их запереть в мрачный и сырой подвал; при содействии тюремного надзирателя капитана Иванова их заковали в кандалы и бросили в каземат. Вечером плац-майор велел солдатам приготовить розги. Венгерцы, угадывая, в чем дело, сделали баррикаду у дверей, обрекая себя скорее голодной смерти, чем унижению. В 9 ч. утра явился плац-майор с 40 солдат для экзекуции. Найдя запертую изнутри дверь, он грозил перебить их, но, видя, что ничего не берет, дал им честное слово, что наказывать не станет. Венгерцы отперли, тогда солдаты бросились на несчастных. Vaarath получил 300 ударов, Balas Lajos 200, Sandor 150.

Всем политическим узникам бреют головы.

УБИЙСТВО СУМАСШЕДШЕГО

В то время как в Англии хлопочут, чтоб сумасшествием спастись от казни, у нас смертною казнью начинают лечить сумасшедших:

По военно-судному делу, произведенному над арестантом киевской арестантской № 30-го роты Корнеем Титовым, 36 лет, он оказался виновным в том, что, *без всякой побудительной причины*, бросился в казарме на унтер-офицера Жиленкова, порвал на нем рубашку, а на другой день с ротного командира поручика Уланова сорвал плечевой погон. За преступления эти, на основании 604 ст. 1-й книги военно-уголовного устава и высочайшего повеления, объявленного в приказе по военному ведомству 2 октября сего года, за № 339, помощник командующего войсками киев-

ского военного округа генерал-лейтенант Семякин конфирмациею 26 числа декабря определил: «Титова, по лишении всех прав состояния, казнить смертью — расстрелянием». Конфирмация эта приведена в исполнение 30 декабря в восемь часов утра на эспланаде Киево-Печерской цитадели, пред строем войск киевского гарнизона *.

Как мы были правы, говоря, что, стоило им лизнуть крови, границ не будет; такой-то сжег дом у вотчима — стреляй его; такой-то в подозрении, что он разбойник, — стреляй его. Сумасшедшего и подавно чего жалеть; на Киево-Печерскую эспланаду его, другой раз не сойдет с ума.

АВГУСТОВСКИЕ АДРЕСЫ

«Кельнская газета» от 4 февраля пишет, что государь на верноподданнических адресах, присланных ему Муравьевым от августовских жителей, написал: «Согласен, но о соединении с империей и речи быть не может». Тут все непонятно и курьезно. Во-первых, с чем государь согласен? Несчастные жители под прессом пищат: «Любим тебя сердечно, присоедини к России». Но государь переходит со стороны Каткова на сторону Польши и не хочет присоединять их. В чем же он *согласен* (einverstanden) — в том, что его стоит любить сердечно?.. Этого даже своей жене никто не говорит, не только чужой провинции.

НОВОСТИ ЗАГРАНИЧНЫЕ, ВОЗВРАЩАЮЩИЕСЯ ИЗ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЖУРНАЛОВ. И КНЯЗЬ П. И. ШАЛИКОВ, ВОЗВРАТИВШИЙСЯ ИЗ МЕРТВЫХ, МЕЖДУ ТЕМЗОЙ И НЕВОЙ

С принцем «уэльским» случилось в 4 № «Север. пчелы» странное обстоятельство: *ему родился сын* *. Неправда ли, как жаль, что ему прежде умер отец, а то, чай, как бы старик об-

радовался! Рядом с этим необыкновенным рождением кому-нибудь «Север. пчеле» воскрес князь П. И. Шаликов, забытый новым поколением, но потешавший нашу юность *. Отчего он не воскрес «Московским ведомостям» hochverschwägert *, про то знает Д. Юм (а впрочем, старик был смешон, но доносов не писал). Мы с восторгом читали статью покойника с Темзы на Неву *. Все сохранилось: язык 1800 года, блудливая сентиментальность, болгаринский юмор, точно читаешь «Вестник Европы», «Мои безделки» * и пр. Статьи эти сделали бы честь не только самому покойнику, но Пимену Арапову и Дмитрию Пименову, автору «Рассуждения о красоте и прелести женщин», Москва, 1818.

Я совсем было не хотел (говорит redivivus¹) останавливаться в Париже. Бесконечную столицу Франции, чтобы сказать о ней несколько слов, надобно осматривать не дни, а недели и месяцы. Не сказать же о ней ничего я мог совсем не останавливаясь в ней. Но, будучи остановлен в ней *на день* судьбою и разногласицей парижских часов, решаюсь пуститься на сбор впечатлений сегодня утром.

В 5 часов вечера дождливого дня покойный князь умел изящно изучить такой предмет, которого нашему брату не изучить не только в несколько дней, но и в несколько ночей:

Два замечания невольно просятся вперед других: Париж красивее Лондона в лавках; Лондон красивее Парижа в *лицах*. Парижу далеко тягаться с Лондоном по красоте жителей. Английская аристократия пользуется всемирною славою, как рассадник великолепных экземпляров человечества, но аристократия всех больших городов *глядит* довольно недурно. *Оставим ее в стороне* (демократ!) и обратимся к остальным 95 процентам населения. Тут разница между двумя городами резко выступает вперед. Эта разница еще не так значительна между *представителями* мужского пола (члены парламента, пэры?), хотя и тут ее нельзя не заметить сразу. Но что касается женского, то контраст разителен. Кто *говорит*, есть (есть, князь, есть!) и миловидные француженки, но французская красота — по крайней мере так показалось мне — представляет собою результат очень немногих внешних условий. Сытная пища, беззаботная жизнь, снежной белизны чепчик и *хороший кусок мыла* весьма достаточны, чтобы, в общей сложности, произвести недурную гризетку. *Внутренних условий никаких не требуется*. Полных, румяных

¹ воскресший (лат.) — *Ред.*

щек, *жантимильных* чепчиков, белоснежных шей сегодня и видел не мало, но если бы мне предложен был подряд найти в Париже значительный запас красивых глаз и привлекательных черт лица, то я даже не подумал бы о фонаре Диогена: искать с фонарем или без фонаря чего, как наверно знаешь, нет — нелогично и бесполезно... Нет сомнения, что страстные француженки столь же хорошие жены, как лондонки; но лондонки очаровательнее, без сравнения, как *невесты*. Чтобы свести все сказанное выше о красоте парижского невещественного и о непригожести вещественного в сравнении с лондонским, можно сказать, что в Париже надобно держаться за карман, в Лондоне за сердце. В Париже скоро можно потерять одно и не очень скоро найти другое; в Лондоне — какой счастливец город! — потерю того и другого есть средство вознаградить в самом непродолжительном времени.

Надбно заметить, что сверх того я видел парижанок при лучшей обстановке, чем лондонок. Несмотря на то, что изобретение шляпки *приписывается* Парижу, можно наверно сказать, что в Лондоне носится вдесятеро больше шляпок, чем в нем. Кроме нескольких ирландок и двух-трех служанок, вы ни одной женщины не увидите на английской улице без шляпки в течение часа. В Париже большинство женского населения является пред вами без шляпки (и я видел это в начале зимы) с открытою головою, в белоснежном чепчике или в платке, повязанном по русскому обычаю, а кто же не согласится, что легкий, щеголеватый чепчик или отборная прическа вставляют лицо в несравненно более мловидную рамку, чем тяжелая и неуклюжая лондонская шляпка?

ГРАФИНЯ АНТОНИНА БЛУДОВА И МАТФИЙ ХОТИНСКИЙ

Мы получили письмо из Петербурга, но больше историческое, т. е. ретроспективное, чем сообщающее новости. В нем отдают справедливость изобретения иконоборского поругания образа Архангела Михаила * старой графине Антонине Дмитриевне Блудовой.

Графиня Блудова, имеющая очень назидательное и очень аскоченское влияние на государыню *, воспользовалась своим положением, чтоб наказать архистратига за его роль при изгнании Адама и Евы уподоблением его Муравьеву. Говорят, что эта антиархангельская мысль пришла ей в голову вместе с ее

сестрой г-жей Шевич. Это может быть потому, что сын г-жи Шевич возил Михаилу Николаевичу Каткову — ох, то бишь, Муравьеву — икону, причем мог посмотреть именье своих родителей, лежащее в Витебской или Минской губ., и ускорить взнос муравьевской подати.

Далее в письме вспоминается Матфий Хотинский (тот самый наблюдатель, который в Лондоне открывал планету, в то время как мы открыли в том же городе шпиона). Корреспондент наш пишет, что, несмотря на быстрое обличение его, Хотинский успел сообщить свои астрономические наблюдения насчет прохождения Мартьяновым через линию нашей границы и что Мартьянов был схвачен вследствие его рапорта *.

Другое служебное наблюдение оказалось совершенно ложным. Он напутал какого-то вздору на офицеров клипера «Алмаз» или «Жемчуг», и все это без всякого основания. «Мне (пишет корреспондент) рассказывал старый моряк, заслуживающий полного доверия, что Хотинский действовал не только как страдательный астроном-наблюдатель, но как деятельный астроном-провокаатор. Он ездил в Гревсенд на русские военные пароходы под предлогом своих ученых занятий, таскал с собой в кармане „Колокол“, спрашивал офицеров и гардемарин, знакомы ли они с вами, выдавал себя за вашего короткого знакомого и почитателя, предлагал познакомиться их с вами и с кн. П. В. Долгоруким, предлагал билеты на какой-то митинг в пользу поляков». И все это за триста серебром в месяц делал старик за шестьдесят лет³

НОВОВВЕДЕНИЕ В ЖУРНАЛИСТИКЕ

«Северная пчела» печатает, кажется, двадцатое письмо об английском языке *. В ежедневной газете это полезное нововведение нам очень нравится. Мы думаем даже со временем под заглавием «Колокола» издавать Флюгеля «Англо-немецкий лексикон» *, т. 1, с лейпцигского издания, 1654 стр., а под именем

«Общего веча» фармакопею Курта Шпренгеля *, с реестром лекарств и цен в Дании, Норвегии и Португалии.

⟨ИЗДАТЕЛИ «КОЛОКОЛА» ПОКОРНЕЙШЕ ПРОСЯТ...⟩

Издатели «Колокола» покорнейше просят известить их — Николай Николаевич Муравьев (Карский) подписывался на икону Вешателю или нет?

⟨РУССКИЙ ИНВАЛИД⟩

«Русский инвалид» от 1 (13) января добрал до Лондона 2 февраля. Конечно, хорошо, что он пришел в день сретения господня, и, конечно, с «Инвалида» нельзя требовать скорости берсальерского шага *, но тогда надобно и деньги брать обозные, а не почтовые.

ИОСИФ ЯНКОВСКИЙ

Один из самых героических предводителей повстанцев, человек необыкновенных военных дарований, рыцарь по благородству, *И. Янковский*, попался в руки нашим *рыцарям*. Разумеется, его тотчас приговорили к виселице.

Неделю назад, — говорят «Моск. вед.» 30 янв., — схвачен в Варшавском уезде известный предводитель шаек Янковский. Вчера угром устроена была уже виселица на гласисе цитадели, но потом смертная казнь отменена. Янковского жаль: *все население* Радзымина прислало депутацию с просьбою о даровании ему жизни; он был предводителем шайки, а не жандармов-вешателей, на совести его нет ни одного убийства, ни одного грабежа; *наших пленных он освобождал* и награждал деньгами; словом, был из самых приличных атаманов.

Русские офицеры присоединились к туземцам, умоляя испросить перемену наказания мужественному противнику. И что же?.. Казнь, назначенная 22 января, была остановлена. Государь, наверное, на этот раз не затянет веревку на шее доблестного врага... Теперь слушайте «Кёльнскую газету»:

14 февраля был *повешен* Иосиф Янковский. Он был приговорен к виселице две недели тому назад, но наместник отложил исполнение приговора. Зная глубокое уважение к нему поляков и даже русских, начальство опасалось, что казнь такого человека *может повредить балу, который оно давало*, и отклонить многих от намерения присутствовать на нем.

Потанцевавши, злодеи эти воротились к виселице. Но уже после бала просто повесить было мало. Чтоб унижить Янковского, они повесили на той же виселице Фридриха Шиндлера, хотевшего убить кого-то из русских *, и в то же время велели *расстрелять* донского казака Петра Рябкина, перешедшего к повстанцам и оклеветанного судом.

Спокойно и величаво шел Янковский-на-помост, прекрасный собой, цветущий мужчина, он кланялся с улыбкой народу. Его жена была при казни, без чувств унесли ее...

«Что-то поделявают мои тигры-обезьяны?» — писал Вольтер, спрашивая о парижанах *. У нас таких обезьян нет, у нас какие-то тигры-ослы, тигры-бровы и тигры-клопы. В них соединяется все тупое, плотоядное, вонючее, грязное, с отсутствием всякого следа, намека на какое-нибудь человеческое чувство.

Удивительное сочетание страшных преступлений с ничтожнейшими мелочами и мерзостями. Рядом с злодействами, потрясающими душу, как в Шекспире, маленькие гадости, капральские придирки. Русское правительство душит людей и царапает их перочинным ножом. Рядом с *александровскими* виселицами оно подымает николаевское гонение на пейсики¹, на долгополые еврейские кафтаны *, на чиновничьи усы, вешает и бреет, расстреливает и подрезывает фалды! Палач — портной, император — педель, генерал-губернатор — смотритель пшкеры...

Что это у них за вещество в мозгу? Явно, что это не обыкновенный церебрин — им нельзя дойти до соображения стольких безумий и до сочетания стольких нелепостей. Или это наследственная, застарелая голштинская, казарменная язва, сделавшаяся *конституционной* болезнью этой самодержавной династии?..

Стрижением бород и пейсиков не ограничиваются телесные наказания. В Варшаве, по словам «Моск. вед.» (№ 24), секут людей при полиции *без всякого суда*, одних за то, что остановле-

¹ «Московские ведомости», продолжая будировать петербургские ведомства с незабвенного Земского устава, находят глупой меру стричь пейсы и сертуки евреям. Они правы. Но где же удержать грубое и невежественное правительство, когда развращенные журналисты месяцы пели ему, что женщина, носящая траур, — преступница, что такие демонстрации не должны быть терпимы. Теперь пусть они попробуют унять зверинополицейские игры тупой артели опричников, уверенных, что общественное мнение за них. От этого один бреет чиновников, другой стрижет евреев, а третий нагайкой загоняет на бал тех женщин, с которых сдирали траур.

ны были вечером без фонаря и грубо отвечали какому-нибудь квартальному; других — *чтоб вынудить показания*. Мы не сомневались в том, что у нас всегда пытали и теперь пытаются, но для нас важно признание тайнополицейского органа. Это не обмолвка. Это просто значит, что у них прошел всякий стыд и что они не дают себе больше труда лгать... и хорошо делают, потому что и лгут-то скверно.

«Кёльнская газета» (из которой нами взята история о пейсиках и усобритии) на днях поймала наших шалунов * до того явным образом, что великодушный и международный «Le Nord» явился на выручку. Иностранные газеты говорили, что русское правительство без всякого толка высылает в Сибирь из Польши не только мужчин, но и женщин. Русские органы с негодованием отвергли такую клевету... а «Кёльнская газета» выписала из «Виленского полицейского листка» вызов на подряд тулупов и зимней одежды для ссыльных женщин и детей моложе 12 лет. Насчет детей «Nord» успокоил, во-первых, тем, что кто же поверит, что в России ссылают детей¹, и во-вторых, тем, что если их ссылают, то это *в виде утешения* для ссыльных (стало. женщин-то ссылают, что и доказать надлежало) и что утешительное правительство, «повинуясь внушениям человеколюбия», снабжает их даже одеждой. И этой-то чистейшей филантропии никто не умел оценить?

¹ Вероятно, тот, кто, как пишущий эти строки, *видел* в Пермской губернии толпу детей, отобранных у евреев *, да еще и те, которые читали брошюру Лелевеля «La guerre aux enfants».

ПИСЬМА К БУДУЩЕМУ ДРУГУ

NB. Автор этих писем был в большом затруднении и только недавно вышел из него. Ему хотелось писать о всякой всячине, т. е. исключительно о русской всякой всячине, для этого форма письма самая широкая, она свободна, как женская блуза, нигде не шнурует и нигде не жмет. По несчастью, у него не оказалось в наличии ни одного отсутствующего друга, по крайней мере такого, который желал бы что-нибудь знать, ни такого, которому бы хотелось что-нибудь писать. Единственный человек, который мог бы выручить автора, живет с ним через коридор *, что действительно не мешает им иногда переписываться, но все же не в такой степени, чтоб из их переписки сделать литературную корреспонденцию.

Занятый этим предметом, автор вспомнил *предварение человека*, открытое императорским почтамтом в России (кому, в самом деле, и уметь открывать все запечатанное для других, как не ему?). Если можно путешествовать по подорожной с *будущим* *, отчего же с ним нельзя переписываться. Автор сам был *будущим* в одном *давно прошедшем* путешествии, а *настоящим* был Васильев, рядовой жандармского дивизиона *.

Взяв все это в расчет, автор решился писать к *будущему другу*, желая от всей души, чтоб он сохранил свое доброе здоровье до первой встречи с ним, вперед радуясь приятному будущему знакомству.

ПИСЬМО 1

Будущий друг,
извините, что я к вам пишу, не зная порядком, сколько вы заняты и много ли у вас времени праздного или, лучше, скучно-

го, которое вы хотели бы рассеять невеселой беседой человека, начинающего стареть и продолжающего ворчать...

Я долго крепился... но сил не стало. Русские новости и русские журналы действуют на меня, как дурман или как пневматическая машина, я чувствую беспокойство чижа в безвоздушном пространстве, я задыхаюсь, мне кажется, что я, вы, мы оскорблены, унижены тем, что с нами, при нас, смеют так говорить, — злоба кипит, является желание мести, самозащиты...

Долго думал я, что бы сделать, чтоб отвести душу, сначала придумал составить небольшую хрестоматию à la Noël et Charsal * из образцовых усердий, преданностей, фискальств и проч. Журналы забываются, хрестоматии — остаются. Обложил я себя, как Лазарь, всем гноем, привезенным за декабрь месяц из-за Белта и Зунда, с берегов счастливой Невы и благоразумной Москвы-реки*.

Сначала все шло хорошо, я приискал заглавие и начал, как ветошник, удить в отечественных канавах нашей журналистики... На всякий случай я вам сообщу, мой любезный, будущий друг, мой futur, написанный мною проспект-специмен¹:

ПЕРЛОСЛОВИЕ

Под этим многозначительным названием вознамерились мы низать крупницы, падающие с богатого стола ныне пирующих сановников и иерархов русской мысли. Мы равно будем низать на наши четки, на наши ожерелья — духовно-полицейские апофтегматы Аскоченского и военно-судные сентенции Каткова, бусы максим Громеки и капли официозного воска, очищенные от меда, северных пчельников * и иных вертоградарей российских, ежедневников и месячников, наиболее апробованных, поощренных и взниксаных милостями высшего начальства. Без излишней самонадеянности думаем мы, что такое ожерелье равно пригодится старцу, женщине, квартальному и ребенку для образования ума, сердца и руки — да, и руки. Ибо редкое перлословие не напоминает прописей — здоровая мысль в здоровом почерке гораздо важнее, чем думают нигилисты.

¹ образец (англ. specimen).— *Ред.*

Но так как самые пламенные «пожелания»¹ все же имеют преграды, несмотря на эпитафию «Man kann, was man will», избранный Н. А. Полевым * (столь преждевременно опочившим от полезных трудов своих, не предвидя, как много после него разведется в отечестве нашем «Телеграфов» и Булгаринных), то мы и признаемся откровенно, что, по дальности местожительства, не имеем возможности следить за всеми сокровищами поистинно обильной словесности нашей, особенно с незабвенных времен, в которые отечество наше было постигнуто прогрессами. А потому мы с благодарностью примем каждую крошку и крупицу, сметенную с лукулловского стола отечественных Муз, возлежащих пышным венком голубых васильков около чадолюбивой Паллады — Головнина.

Не стесняясь излишне строгой классификацией, мы однако

¹ Желания — *c'est commun, vulgar* (это заурядно, вульгарно), монархи, архиереи и сильные мира сего говорят в важных случаях «пожелания». Эта та известная разница Сергея и Сергия, сорочки и рубахи, которую мы не раз объясняли. После Нового года государь-редактор «Моск. вед.» * обратился к крепостникам разных областей своих, «к князьям, боярам, воеводам», пришедшим (письменно) за Дон отыскивать свободу крепостного права и благодарить е. в. за поддержку Муравьева, с следующими царственными словами: «Мы заключаем истекающий год изъявлением благодарности нашим читателям, которые выражением своего сочувствия подкрепляли нас в нашей деятельности и теперь напутствуют нас на дальнейший труд. Эти сотни писем, которые приходят к нам со всех концов России от людей всех классов и званий, мы сохраняем как дорогое свидетельство, что деятельность наша была не бесплодна и что она действительно была органом русского общественного мнения. Никогда еще, сколько мы знаем, между газетою и обществом не установливалась такая несомненная связь, какая в настоящем году соединила «Московские ведомости» с их читателями. Мы были бы не в состоянии отвечать на каждое из этих заявлений; но мы не можем не упомянуть о некоторых полученных нами коллективных письмах. Мы благодарим дворян Пензенского уезда и чувствуем всю силу нравственного обязательства, которое возлагают на нас их добрые пожелания; мы благодарим также дворян разных уездов Рязанской губернии», и проч., и проч., и проч.

В рескрипте, данном на днях генералу Граббе, другой государь говорит: «Павел Христофорович! Выраженные вами от лица Войска донского пожелания по случаю наступления Нового года, я приемлю как — ну, т. е. как Катков принимает усердие своих пензяков, рязанников и проч.»

будем придерживаться системы, с успехом употребленной в народных песенниках, издававшихся в начале нашего столетия.

Все афоризмы, апофтегматы, изречения, сентенции и максимумы мы будем делить на:

- I. Любовные: а) *любовь к доносам*,
б) *любовь к «энергии»*,
в) *и проч.*

II. Военные — с включением корпуса жандармов.

III. Мирные — с включением управы благочиния и «Московских ведомостей».

IV. Театральные и т. д.

Но перед первой рубрикой мы поместим, как и следует, без цифры (числа и меры нет!) отдел

- Богословский: а) *богословие смирительное*,
б) *богословие уголовное или секобогословие*.

НВ. Барков православия Аскоченский и Катков беспоповщинцев Ермилов облегчат нам весьма этот важный по нравственному значению отдел. Эти великие сподвижницы и ратаи бледнеющей власти духовной — не холодные «Камни веры», а, так сказать, каменная болезнь православной церкви и не православного кладбища.

Иногда мы дозволим себе, и то только в нужных местах, приличные пояснения, но никогда не дозволим неприличные.

Например, когда маститый М. П. Погодин говорит, а «Моск. вед.» повторяют о том, что «прежде, нежели думать об освещении московских улиц газом или фотогеном, нужно подумать о том, чтоб город имел полицию» *, не следует комментировать, стоит только пожалеть бедное и обширное отечество наше, все имеющее — и свободу, и законы — словом, все, и не имеющее *полиции*.

Или когда сам Катков в статье, направленной против Суворова («Моск. вед.» 31 декаб.) и слабых душ в правительстве, не купающихся с наслаждением в польской крови, велеречиво говорит: «Эти люди в польском помещике готовы видеть жертву, но русского помещика, который был главным орудием государственной жизни России, они готовы бы были затравить всеми собаками»... что же тут прибавлять, разве ободрение помещи-

кам, что от всех людей и от всех собак их спасет, их упокоит и отогреет редакция «Московских ведомостей».

Но когда максима Громеки, упрекая (не без оговорок в взаимном уважении) Каткова в том, что он «воздвиг гонения даже на малороссийские азбуки», ставит ему в вину, что он «приглашает прекратить гонения на всю раскольничью литературу, на твердо организованные секты, на изуверов, не признающих ни *бога*, ни властей, ни брака, ни собственности», восклицает: «Разве раскол не интрига!»* — нельзя не сказать несколько слов.

Отдавая полную справедливость искусному движению красноречия и вполне соглашаясь, что если *брака нет*, то, конечно, это *интрига*, читатель все же вправе спросить, какие же именно секты не признают *бога*. Конечно, тут считано на одно ораторское движение и на рикошет, конечно, *similia similibus* * можно приложить к доносам, но тогда надобно быть уверену, что контрдонос может быть вреден одному Каткову. В сущности, что за беда, что Муравьев кого-нибудь не повесит, Катков кого-нибудь помилует, кому-нибудь смирволит... Петербуржцы думают, что все делается из корысти, — нет, многое делается и просто из выгоды, из обмена братских послуг...

...Au clair de la lune
Mon ami Katkoff,
Prête moi ta plume,
Je signe Ermiloff! *

...На этой песни я запнулся и далее ни мой *specimen-prospectus*, ни мое низание перлов не пошло. Мне попалась такая жемчужина, что я остановился...

Беру свежий лист «Московских ведомостей» и читаю:

Мятежные помещики (Августовской губ.) не забыли и слабых сторон человеческого сердца (для привлечения крестьян к восстанию): они во многих местах простили чинш крестьянам и подарили им землю под условием ратовать совместно с ними за отчизну; но и это не пошло им впрок; крестьяне чинша не заплатили, а возмутителей выдали *.

Есть гнусности, над которыми смешное не имеет призу, они слишком гадки, — гадки до какой-то немой печали. Как дол-

жен был пасть от рабства народ, который одной рукой берет дар, а другой седлает клячу, чтоб скакать с доносом на того, которого сейчас благодарил за его дар. Это ужасно. И заметьте, что коронный журналист передает это не только без малейшего порицания, но чуть ли не с улыбочкой.

Бросаю «Ведомости» и беру «Русский вестник». Развертываю статью о «Гайдаматчине» * и читаю (дело идет о взятии Железняка).

Генералу Кречетникову велено было отправиться под Умань, где находился Железняк... Казаки не знали, зачем явились войска. Кречетников, *избегая кровопролития*, решился захватить гайдамаков хитростью. Устроив свой обоз, он послал просить к себе Железняка и старшин; велел сказать им, что у него есть до них важное дело. Казацкие старшины отказались ехать к Кречетникову. Тогда, взяв с собой нескольких офицеров, он сам отправился в казацкий лагерь. И генерал, и офицеры старались быть как можно *любезнее с казаками* и предлагали им вместе идти против конфедератов *. После этого первого посещения Кречетников *ежедневно* бывал в казацком лагере и скоро успел уничтожить в казацких старшинах всякую тень подозрения.

Так прошло несколько дней. Остальные войска уже приближались, и Кречетников решился приступить к развязке. Однажды он объявил старшинам, что уже пришло время идти *против конфедератов*, и пожелал перед походом обозреть войско в боевом порядке и осмотреть оружие и прочие походные принадлежности. *Ничего не подозревая*, старшины велели казакам собраться вместе, пригнать лошадей и сложить в одно место для обзора седла, оружие и прочую амуницию.

После смотра Кречетников позвал казаков на пир. У него было заранее приготовлено большое количество вина, меду и других напитков. Русские солдаты получили приказание остерегаться много пить, а более потчевать казаков. Старшины были приглашены в ставку генерала, где Кречетников не жалел для них вина. Казаки загуляли, вино лилось рекой. Это был последний казацкий пир: *впереди их ожидала тяжелая участь*.

Ночью, когда в казацком лагере все спало мертвецким сном, Кречетников отдал приказ полку донских казаков, еще во время пира незаметно приблизившемуся к лагерю и ожидавшему условленного сигнала, двинуться в лагерь, захватить сложенное в одном месте оружие, забирать лошадей, вязать казаков, но не стрелять, чтобы не наделать шума. Войска в точности выполнили приказ. Оружие было взято, и сонных, безоружных казаков начали вязать. Железняк и Гонта были захвачены вместе с другими старшинами и атаманами. На следующее утро пленники спросили Кречетникова, что значит этот плен и его поступок с ними. Кречетников отвечал, что, по приказанию русского правительства, он должен был взять

их как разбойников. Запорожцы были отправлены в Киев; поселян и казачков заднепровских Кречетников отдал польскому рейментарю * Иосифу Стемпковскому и субальтерну * его Якову Комаровскому. Железняк пошел в Киев, Гонта остался в руках поляков.

По произведенному в Киеве следствию 154 казака были разсланы во внутренние гарнизоны; 6 человек пошли в Сибирь; некоторые были показаны кнутом.

Над гайдамаками заднепровской Украины, отданными в руки польского правительства, был учрежден генеральный военный суд. Исполнителем приговоров этого суда был рейментарь украинской партии Стемпковский. Как от суда, так и от жестокой личности рейментара Стемпковского нельзя было ожидать гайдамакам ни пощады, ни милосердия. Стемповский хотел было казнить Гонту тотчас же по взятии его, но, имея в отряде только 400 человек, он боялся остаться лишний день и повел Гонту с товарищами к Могилеву-на-Днестре. Там, недалеко от Могилева, в селе Сербова, остановились палачи с своими жертвами. Гонте был прочитан приговор, по которому казнь распределялась на четырнадцать дней. Он выслушал приговор хладнокровно и стойчески приготовился к смерти. Началась лютая казнь. Гонта героически вынес ее, не просил ни пощады, ни помилования. Отрубленную голову его воткнули на кол, а тело было разрублено на 14 частей и развешено в различных местах на 14 виселицах.

И народ долго помнил казнь Гонты и пел:

Підкинувшись під Умань, Гонту изловили.
Вони ж його на сам перед барзо привітали,
Через сім дней з його кожу на поле здирали.
И голову облупили, сіллю насоліли,
Потім ему як чесному назад положили *.

Итак, вот нравственный результат великого *материка* рабства... вот каково было *главное* орудие государственной жизни в России, и вот что сделано этим орудием из народа. Ведь это страшно! Масса, потерявшая чувство *правды* от двойного гнета. Холопская аристократия, генералы и офицеры, играющие роль царских капканщиков, дружески беседуют, пьют целые дни, чтоб без малейшей опасности перехватать людей, веривших, и не без основания, в помощь России, и выдать их — их злейшему врагу...

Какое же искупление будет достаточно и народу, и правительству, и его дворне и нашим развратникам слова?..

Прощайте — невозможно продолжать.

10 февраля 1864.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Отлегло немного на сердце... я опять к вам... ну, надевай-те-ка охотничьи сапоги с высокими голенищами и пойдем месить грязь и продираться разными чапыгами родных болот и сечей.

Куда идти?— Да вот по дороге, страшная, двухмесячная маремма * «Отечественных записок», рыхлая, глинистая.., лет двенадцать тому назад и она, как некогда болота понтийские, была плодоносна... но вы знаете, что под солнцем (а, может, и над ним) ничто не прочно.

С «Отечественными записками» был, между прочим, года два тому назад переломчик; обожглись они самым неприятным образом на пожаре Апраксинского двора, явившись на пепелище оного, без всякой нужды, какими-то саперами предкатковитами и требуя небывалые казни *зажигателям*, тоже небывалым*. Ошибка была очевидна; начальство, скупавшее тогда по дешевым ценам на Конной в Москве игроков, шулеров, школярей, риторей, не приняло «Отеч. записки» *за свои*, а честная сторона публики отшарахнулась от них (это было до патриотической моровой язвы). Сердится Андрей Александрович *, сердится Громека, — «все это крайние мнения, резкие суждения, не надобно крайних мнений, не надобно резких суждений — надобно ничего не режущий, обоюдотупой меч, чтоб всякий раз, когда вы ничего не режете, каждый, не чувствуя боли, мог бы думать, что вы режете его противника» *.

Затем вершины «Отечественных записок», для перемены декорации, подернулись туманом благоразумия и потеряли очертания односторонностей; величественная масса облаков, которые можно принять за верблюда и за рыбу, как в «Гамлете» *, и которые в сущности *ни рыба, ни мясо*, покрыли их. Своей дву-снастной натурой они напоминают нам, во-первых, опять-таки болото, которое не земля, да и не вода, во-вторых, одного русского помещика, проживавшего в Париже лет 15 тому назад. Он довел свое бегство от крайностей и свою многосторонность до того, что лишился всякой способности заказать себе штаны или сертук. «Мне бы хотелось, — толковал он портному, — просто сертук, чтоб можно было гулять утром, разумеется, все же, чтоб запросто вечером можно было в нем куда-нибудь идти, — вы

уж, пожалуйста, не очень узко пускайте, иногда в дурную погоду придется его вместо пальто надеть, только, сделайте одолжение, не слишком широко, так чтоб и пальто можно было сверх него надеть».

По несчастью, сбивчивость понятий обязывает не меньше дворянства не только к безвредной и пресной галиматье, но и к действительностатскосоветническому взгляду на дела людские, важно скрывающему неважное содержание свое, к жажде чиновитой *респектабельности*, к привычке говорить несколько в нос о заблуждениях молодежи и к легкому усилию соединять с несомненным либерализмом полицию и справедливость к благодетельным видам правительства.

Все это очень старо и потому вынести можно; но когда какой-нибудь литературный охотник «Записок» ставит почтенного автора «Записок охотника» наряду с моей внучатной бабушкой Фаеной Егоровной, этого допустить нельзя. Но я забыл, что вы обязаны знать, кто сочинитель «Записок охотника», но вовсе не обязаны знать, кто была Фаена Егоровна. Их было две, т. е. не две Фаены Егоровны, а у нее была сестра не Фаена Егоровна; у каждой сестры был муж в незапамятные времена и тогда же умер. Не-Фаена Егоровна поселилась в Троицко-Сергиевской лавре и занялась исключительно богомольем. Фаена Егоровна поехала в Орловскую деревню и занялась не только духовным хозяйством, но и сельским. Она иногда, года через два-три, наезжала в Москву; все это принадлежит к тем временам, когда гражданин Бушо преподавал мне субжонктивы и французскую революцию *, а гражданин Московского университета * — думы Рылеева и арифметику.

Приезжает таким образом однажды Фаена Егоровна сперва в Москву, потом в наш дом. Вышла она за чем-то в девичью и видит, что пожилая горничная учит грамоте какую-то девочку. «Мать пресвятая богородица, — взговорила, остановившись в дверях, Фаена Егоровна, — это что? С какой это стати и к чему девочке знать грамоте? В полном ли уме барин-то ваш? Где ты-то сама, бесстыдница, набралась в книжку читать, ведь я тебя помню, когда ты босиком бегала, и мать твою, курносую дуру, помню». И рассерженная старуха, с некоторой горестью и участием к девочке, говорила моему отцу: «Нехорошо, мой друг,

нехорошо (слово «несвойственно» не употреблялось в те патриархальные времена), к чему, подумай, она выучится читать — раба?.. Служить надобно, покоить господ... а тут то ли на уме... песни гадкие прочтет... Чего доброго, выучится читать, выучится писать — и напишет любовную цидулку».

По странному стечению географических случайностей в то время, как орловская помещица проповедовала этот путятинский взгляд на народное образование, в той же Орловской губернии беззаботно бегало в своем саду в красненькой рубашечке, подпоясанной торжковским пояском, двух-трехлетнее дитя, о котором вот что пишут в четверместной книжке «Отеч. записок» *:

Г-н Тургенев, желая выразить, до какой уродливости может доходить эманципация девушки, вывел в своем романе «Отцы и дети» некую Кукшину, занятую в Гейдельберге эмбриологией. Он думал, что этим поразит наголову несвойственные женщинам занятия. И однако ж он решительно не достиг цели, сколько можем судить по существующим и процветающим у нас Кукшиным. Спрашивается, отчего, казалось бы, удар, направленный так верно, не удался? Предполагаемая лож осталась живущей в обществе, и нам случилось читать один рукописный рассказ, где именно, наперекор г. Тургеневу, молодая девушка, беседуя в самом интимном tête-à-tête, рассказывает своему *милому* целый курс эмбриологии. Повесть именно написана для доказательства, что ни чувство девической скромности, ни та стыдливость, которая выработана двухтысячелетнею христианскою цивилизацией, нисколько не шокируется подобным разговором, подобным занятием.

Все это доказывает только, что г. Тургенев слишком вскользь коснулся того влияния, которое требовало более всесторонней разработки, которое проявляется не в одних безобразных Кукшиных*.

Не смею сомневаться в словах ученого критика, но признаюсь откровенно, он не убедил меня. Я читал все, что писал Тургенев, не только хорошее, но и дурное. Тургенев очень умный человек, у него бездна образования, такта и вкуса. Как же я поверю, что он «думал Кукшиной поразить наголову *несвойственные* занятия женщинам», понимая под ними *физиологию*? Не верю, да и только. Лицо Кукшиной вообще неудачно и пошло... Тургенев слаб и даже плох там, где он, насилуя свой талант, пишет на заданную политическую и полемическую тему; он впадает в шаржу, и Кукшина также не тип, а карика-

тура, как князь Луповицкий К. Аксакова. Особенного вреда в этих паясничествах нет; назначаемые для потехи известного райка, намалеванные яркими красками иногда избалованной кистью зазнавшегося мастера, иногда памфлетистом для того, чтоб приударить противников, они не имеют серьезного значения, и тем паче такого громадного значения, как г. критик приписал Тургеневу. Ведь не у Тургенева размягчился мозг в Париже, чтоб можно было думать, что он поддерживает мнение Фаены Егоровны об исключении женщин из науки и о том, что плохой фарсой он «наголову побил» вопрос, стоящий теперь на первом плане в Европе и Северной Америке.

Что женщина, занимающаяся эмбриологией, может быть очень смешна и очень противна, это правда; но и то правда, что в комедиях Островского вы найдете женщин еще смешнее и еще противнее, никогда не занимавшихся теоретической эмбриологией. Стало быть, если за это кого-нибудь надобно казнить, то не теоретическую и не практическую эмбриологию, а женщин вообще.

Запретить их как-нибудь на французский манер, конечно, можно, и дело пойдет как по маслу:

§ 1. Женский пол отменяется.

§ 2. Род человеческий разделяется по образу кавалерии на два мужских пола:

а) тяжелый мужской пол,

в) легкий мужской пол (прежде бывший женский).

Тогда у женщины не отнимется возможность из *матери-самки* перебраться, хоть через Кукшину, но все-таки к человеческому значению. Тогда не будут им запрещать учиться вообще или позволять учить только до такой-то главы, как в старые годы гóвернанты особенно назначали барышням те страницы, которых читать не надобно.

Говорить о несвойственности эмбриологии для того и другого пола — безумно. Можно заниматься эмбриологией с чистотой пречистой девы и читать библию как Фоблаза. Грязен не предмет — грязен человек, и, разумеется, всего грязнее монах, боящийся чего-то развратного во всем телесном.

Не знаю, приводилось ли слышать издателям «Отечеств. записок» о том, что лет двести тому назад жил один еврей (евреи бывают

очень богатые люди ¹⁾ по прозванию Барух Спиноза, оттого ли, что ему, как еврею, не доставало стыдливости, выработанной «двухтысячелетней христианской цивилизацией», или оттого, что он не родился в Орловской губернии, но только он тогда еще проповедовал, что природа вообще не нравственна и не безнравственна и что, следственно, ее знание само по себе не может быть ни целомудренно, ни похабно; а целомудрие и похабство вносятся лицом, в том роде как в простонародном поверии человек в желтухе, пристально смотря на рыбу, передает ей желчь. Ту же нехристианскую мысль имел и христианин Шекспир, говоривши, что человек придает предмету его высоко эстетическое значение или грязно гадкое.

Но кто прежде Шекспира и Спинозы это выразил не на словах, а на деле — это искусство; первый «удар по голове» монашеской стыдливости нанесли кисти и резцы всех великих художников. Лишь только искусство стало на свои ноги и оперилось после церковного мрака, духоты, подавляющего молчания, оно начало срывать с себя рясы и покровы; снова голое человеческое тело стало обнажаться во всей пластической апотеозе своей, и что же вышло из-под нестыдливого резца, нецеломудренной кисти? *Образа, одни образа!*

Обернулись люди с историческим угрызением совести в отверженное былое, порылись между развалинами беспутной Греции, распутного Рима. (Известно, что древние бесстыдники, лишённые двухтысячелетнего воспитания в телобоязнь и теломумерщвление, ваяли свои статуи так-таки нагишом, как мать родила, и откопали несколько греховных истуканов их.) Что же вышло? И это *всё образа*, и человек невольно очищается и молится перед ними.

Надобно было все влияние «двухтысячелетнего воспитания» в разврате праздного, насыто-холостого, клерикального воображения, чтоб попам пришло в голову в римских галереях награждать статуи виноградными листьями — и натянуть через это нечистый намек. Девственники вы мои, целомудренники Иваны Орлеанские, как вы мелко плавааете!

¹ Замечание для directeur en chef (главного директора) «Отечественных записок»:

И неужели критикан «Отечеств. записок» думает, что достаточно было бы Тургеневу уговорить Кукшину (что, вероятно, при ее лечении шампанским и не представило бы больших затруднений) стать возле Венеры в флорентийских Уффицих * на пьедестале и снять с себя рубашку, что он и поразит наголову *несвойственное* неглиже статуи и что искусство снова лишится великого, единого идеала своего — красоты человеческого тела?

И знаете ли, что всего страннее? Перед полицией виноватыми остались бы не Венера и не Кукшина, а Тургенев, *vir pudicus*¹, который привел пьяную дуру в порядочное общество. Вот и ищи справедливости в мире.

Сказанное об искусстве относится и к науке. Простое отношение к природе, к ее наивной наготе, — к ее святой, чистой наготе, — никогда не загрязнит ничьего воображения.

Не *эмбриология* *несвойственна*, а болезненная, натянутая цивилизация, вгоняющая равно все страстное и светлое, всякое естественное чувство и здоровое отношение внутрь, *несвойственна* больше человеку. Она так исказила воображение, что все естественное приводит его в краску при *свидетелях*; она его, сверх того, привела к тому ряду тайных и постных грехов, в которых страсть нераздельно с преступлением, ложью и двуличьем.

Не естественные науки образовали игуменью Дидро, эту несчастную мученицу нелепого обета *.

И я готов сослаться даже на какого-нибудь путешественника к святым местам, что *голый* мальчик Фландрена *, например, и ему не наваял ничего чувственного.

Все это, кажется, ясно и можно бы кончить. Но тут по дороге является вот такая дилемма. Если женщине не свойственно заниматься эмбриологией, то тем более не свойственно заниматься и акушерством. Или все повивальные бабки и акушерки должны быть поставлены *au ban de la société*², как палачи, сыщики, шпионы, люди, сгубленные в общественном мнении в пользу общественной нужды. А между тем я, не находящий ничего

¹ муж целомудренный (лат.).— *Ред.*

² вне общества (франц.).— *Ред.*

несвойственного для женщины заниматься эмбриологией, совершенно разделяю отвращение русской женщины от акушера. Надобно и тут было ниспровержение всех понятий, чтобы в стране, в которой слово «shocking» гораздо выше поставлено, чем слово «безнравственно», чтоб там приучить женщину родить, и родить в первый раз, на руках у какого-нибудь атлета 30 лет, с пробором сзади и спереди. На Западе, благодаря католико-пуританскому воспитанию, это сделалось необходимостью; повивальных бабок, акушерок, сколько-нибудь смыслящих дело, нет, нет почти нигде, тут, стало, и выбора нет. Америка первая восстала против этого. В России при университетах, при воспитательных домах образовались и образуются повивальные бабки — что же, не закрыть ли во имя Кукшиной все эти школы по *несвойственности* эмбриологии с целомудрием и двухтысячелетней стыдливостью?..

В заключение расскажу вам один случай, бывший на моих глазах. Один мальчик лет тринадцати занимался у одного из моих друзей сравнительной анатомией. Естественно в молодом человеке явилась, под влиянием обычных намеков и укрываний, рьяность узнать все, относящееся до тайны зачатия, беременности и пр. ...

«Погодите,— сказал мне натуралист,— я вылечу молодого человека.— Так ты, друг мой, очень интересуешься рождением детей, беременностью? Что же, дело похвальное, брось пока остальные занятия, мы займемся исключительно эмбриологией, и начнем с самых простых животных».

Натуралист этот — известный Карл Фогт, молодой человек — мой сын. Как он его выдержал месяца два-три на разных препаратах, да потребовал, сверх препарации, знание до мелочей всех органов, частей, с звездчатых начиная — как рукой снял шаловливый интерес.

Конечно, жаль, что Карл Фогт не догадался сказать мальчику, что это не свойственно с его двухтысячелетним воспитанием в христианскую стыдливость... Я ему напишу завтра об этом для руководства. А теперь прощайте.

25 февраля 1864.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Любезный друг,

моя любовь к вам, с которым я никогда не встречался, может служить заверением, как я люблю людей, с которыми встречался хоть один раз, и вы несколько не удивитесь, когда я вам скажу, что я с радостью увидел «Записки» Ф. Вигеля в «Русском вестнике» *.

Ф. Вигеля я встречал несколько раз в 1845—46 годах. Он слыл человеком злоречивым, самолюбивым, обидчивым, колким и «умным», он был известен объяснением Пушкина, почему портной Бригель кроит иначе платье, когда ему заказывает их Вигель *. Чаадаев был уверен, что он в Петербурге поднял официальное гонение на его известное письмо *. За все эти достоинства мягкое московское общество принимало его с некоторым почетом.

С первой встречи он сделался мне противен; жеманно-натянутый, он кокетничал злословием; привыкнув говорить с людьми, меньше его образованными, он придавал вес своим обыденным замечаниям; дельного или действительно умного я от него ничего не слышал. Таким он является и в своих «Записках».

Вигель называет себя «посредственным», считая, что читатель это отнесет к его скромности; но именно его *посредственность*, его неглупость и не ум, его узкий взгляд придает достоинство его рассказам. Круг, освещенный его фонарем, не велик, но он не подкрашивает предметы, а только, как все дурные стекла, делает около них рамки. Вигель ни на волос не выше той среды, в которой жил свою жизнь. Он исполнен всеми предрассудками того цакожного и нездорового кряжа, к которому он принадлежал и у которого все заимствовал, даже *немецкую* любовь к русскому отечеству. Оттого он и намеренно не мог настолько исказить гуртовые факты или настолько отойти от истины, чтоб это мешало делу. Человек лжет по образу и подобию своему.

«Семейная хроника» С. Т. Аксакова, простодушные «Записки» честного Болтина * и вовсе не добродушные рассказы Вигеля помогают нам сколько-нибудь узнать наше неизвестное прошедшее — не VIII столетия, его знает М. П. Погодин *, а XVIII и XIX. Прошлый век — канцелярская тайна, мы его

знали по официально-газетной риторике, и то чрезвычайно мало. Оттого-то нам и кажется, что Российская империя — какая-то стародавняя всегдашность, из-под векового гнета которой трудно выйти, что ее учреждения окрепли и поседели, распускаясь ветвистыми корнями в глубь глубины.

А все это еще не просохло и едва построено вчерне, все грубо, кое-как наброшено и очень недавно стало оседать и принимать почтенный вид правильного государственного организма.

В половине XVIII столетия империя представляет собой продолжающееся *военно-гражданское* занятие обширной и малонаселенной страны, мирно завоеванной какой-то петербургской лейб-компанией. Тянутся еще дворяне-сетлеры * расчищать леса, заводят пашни в степях, строят усадьбы, скупают рабов, стогняют их на плантации, наполняют житницы хлебом, секут мужиков и баб, а иногда и собственных жен. Суд, земская полиция почти неизвестны, а в случае несчастья есть у них милостивцы в Петербурге. Плетутся еще чиновники на кормление службой, голодные и алчные, но с красным воротником и с пропорциональной долей царской власти, и оседают саранчой на города и уезды ... тяжелеют и сливаются с общей массой помещиков, гибнут в грязи и бедности или вновь тянутся к источнику всех благ — к канцелярской родине своей на берега Невы, чтоб плестись оттуда в иные ведомства и края.

Закабаленные *туземцы*, отданные во власть военно-гражданской компании, еще не были окончательно сломлены и порывались сбросить с себя кучку пришлецов и пройдох. Но цивилизаторы побили диких; крамольный кацик * наших православных индейцев — Пугачев замучен в Москве, и крепостной порядок мирно и невозмущаемо упрочился до 19 февраля 1861 года. Восстания были степные, сельские, полевые, которые иногда овладевали городами, но в самих городах все обстояло благополучно, и это потому, что они по большей части были выдуманы и существовали для администрации и чиновников-победителей.

Но что это за каста, что за народ, который побеждает и усмиряет, расчищает леса и пишет протоколы, водит солдат и подводит законы?

Невероятнейший сброд всего на свете составлял эту петер-

бургскую *сечь*, — сказали бы мы, если б нам не жаль было бедных запорожцев. Бритые русские князья и бояре, иностранная сволочь, шедшая на добычу, рейтеры и лапскене всех краев мира, пасторские дети и профессора, шулера и военнопленные, остзейцы, финляндцы, шведы, поляки, молдаване, сербы, греки, татары, немцы и немцы... Чего и чего тут не было — от светлейшего князя Кантемира до черного инженер-генерала *, оставившего Пушкину в наследство курчавые волосы и африканские черты. П. В. Киреевский говаривал, что рассадник великих фамилий, окружавший Петра I, представлял тот элемент в народе нашем, который он сам выразительно называет *голю кабацкой*; она-то — как нормандские бароны Англию — разделила Россию на ведомства и управления, провинции и округа и пошла володеть ею.

Откуда и как идут эти новые Рюрики и Синавы, можно ясно проследить в генеалогии нашего героя.

Не предвидя своего будущего патриотизма, Вигель долго гордился своим шведским происхождением и перестал не потому, чтоб Россию предпочел Швеции, а потому, что узнал, что прадед его был финн, да еще низкого происхождения. Чтоб придать себе важности, финн прибавил к своей фамилии латинское *us* и сделался *Вигелиус*. Но это окончание не понравилось деду нашего повествователя, и он снова возвратился к фамилии Вигель. Служил он с самого детства в шведской военной службе и капитаном драбантского полка был взят русскими под Полтавой. В Сибирь его не послали, думает его внук, потому, что «из числа ссылаемых были изъяты владельцы остзейских провинций, соделавшиеся новыми подданными Петра I».

«Нового своего отечества не полюбил дед мой, — говорит Вигель, — и не хотел ему служить. Он спрятался на мызе, женился, плакал при имени Карла XII и постоянно ненавидел Россию». У него было семь сыновей. Четырех он отправил на службу Фридриха II, один старший сын уцелел, трое других погибли, сражаясь против русских. «Младших сыновей своих решил он посвятить России, *на то были особенные причины*. Карл Петр Ульрих, герцог голштинский, был наследником престола *. Почти в ребячестве привезенный в Россию и крещенный в нашу веру, он никак не умел *сделаться* русским. Немцы на-

деялись воскресить времена Бирона. Под его покров поставил дед трех маленьких сыновей, может быть, видя в них тайно *будущих мстителей*, будущих повелителей в ненавистой стране. Их приняли в кадетский корпус, и, когда половина моего семейства проливала русскую кровь, другая содержалась и воспитывалась на русские деньги.

Из этих трех сыновей старший был забубенный малый и умер премьер-майором и комендантом Орской крепости. Он был женат на *одной* жене, а именно «на дочери какого-то гарнизонного офицера Семенова, что я упоминаю только потому, что я ее знал и намерен сказать об ней несколько слов. Другой был женат на *восьми женах*, и все они его пережили».

Браки этой почтенной семьи вообще были курьезны. Вигель рассказывает, что родственник его отца Сандерс выиграл жену свою на билльярде у князя Яблоновского. Выигранная стариком жена обманывала его, хохлила и «за несколько лет до смерти была посредницей между им и красавицами, в которые он влюблялся», а умер он 90 лет от роду 1 января 1836 на лестнице Зимнего дворца, куда явился в полной генерал-лейтенантской форме для поздравления с Новым годом.

Таковы немецко-финские составные части дворянской русской семьи Вигелей.

Езглянем теперь на ее славянский элемент. Мать Ф. Вигеля была дочь какого-то пензенского уроженца Лебедева. Оставшись сиротой, она воспитывалась под покровительством дальнего родственника, Чулкова, о котором за его доброе дело Вигель желает сохранить *трогательное* семейное предание.

«Родившись в низком звании, он неизвестно как попал в придворные истошники на половину цесаревны Елисаветы Петровны. По усердию своему он стал известен ей и *близок*». Почести посыпались на него с ее воцарения: он сделался действительным камергером, александровским кавалером и *даже, наконец, генерал-аншефом, хотя в военной службе никогда не был.* Тогда-то «дворянка Кривская, урожденная хотя татарская, но все-таки княжна (Мещерская), с благодарностью приняла его предложение и вышла за него замуж».

Наслышался Вигель от матери своей, бывшей в таком высокопоставленном обществе, о жизни императрицы Елисаветы.

Во внутренности дворца она была окружена толпою женщин из простонародия, болтуний, сплетниц. Суеверие, ложные слухи производили в ней бессонницу, и эти женщины должны были сначала рассказывать ей сказки, а потом шепотом говорить между собой. Генерал-аншеф Чулков должен был также тут находиться, он каждую ночь приносил свой тюфяк *к лал его на пол* и, как бессменный страж, ложился у ее ног... Случалось, что она вставала раньше старика, тащила его, шутила с ним, а он, приподнимаясь, легонько *потрепывал* ее, говоря: *«Ох ты моя лебедка белая»*.

Мать Вигеля забыла прибавить к этой трогательной семейной картине, что Елисавета ложилась почти всегда спать пьяная.

Далее идет рассказ о скитании по губерниям. Поселившись по делам службы в Саратове, отец Вигеля часто посещал Пензу. Пензу он предпочитал Саратову, городу торговому и плебейскому, но сын отзывается так об ней: «Между дворянами везде почти одинаковая, невежественно-олигархическая (?) спесь, в простом народе встречаешь почти *одинаковую холопью дерзость или низость*».

При этом наш хронист, пораженный величием Екатерины II, восклицает: «Гений и улыбка ее творили чудеса. Железная трость Петра Великого, переходя из рук в руки, обратилась в магический жезл, как скоро коснулась ее сия могущественная очаровательница. Сия новая Цирцея хотела и умела *скотов образовать* в люди!»

После разных переселений по казенной надобности и перемещений по службе отец Вигеля находит гавань в Киеве, там он усаживается с 1788 г. комендантом и будет сидеть до тех пор, пока безумный Павел его прогонит, без всякой причины. Около, возле продолжает переселение и перемещение чиновников, все это только приостанавливается и идет туда-сюда; лица мелькают, да и не лица, а ранги, — разница, собственно, в том, что одни — немцы русского происхождения, другие — русские немецкого происхождения, к ним впоследствии начинают примешиваться французские скитальцы — эмигранты, делающиеся чиновниками, виконты, делающиеся гувернерами.

Как они странно акклиматизировались, доказывает почтен-

ный инженер-генерал Шардон, заведовавший инженерной частью в Киеве; он *не хотел уметь* по-русски, все дела обделывал на французском языке, кроме одного: при малейшей неисправности солдат он очень спокойно приказывал по-русски: «Клади его на сюртюрок и давай ему сто палк».

Вигелю самому кажется странной физиономия городов, в которых, собственно, нет туземцев. «В России есть города, кои следует назвать казенными, потому что в них встречаются по большей части одни должностные лица, помещики бывают в них только иногда по делам. В них беспрестанно меняется картина общества, которая через десять лет, можно сказать, возобновляется в своем составе».

Где тут органическая связь с народом, где прочность такой жизни, ее естественный рост? Вигель и не заметил, как резко выступает в его рассказе противоположность *настоящих* жителей края с забеглым наплывом. Богатые киевские помещики, говорит он, редко покидали свои хуторы, прежде их отталкивали поляки, а со времен Петра «начальствующие москали и немцы». С своим народом им было роднее. У польских аристократов, являющихся в рассказе, резкая самобытность. В них жизнь сложилась, выработалась во многом очень дурно, но везде с своим характером, с своими пороками и с своей поэзией. В то время как у казенной России — у России петербургского слоя — характеристична одна нахальная власть, и та принадлежит «не им, не им, а имени царскому»*, перед которым они холопы. От Казани и Рязани до Киева и Перми одна общедворянская и общеканцелярская физиономия чиновничьего дворянства, тот же кулак, обращенный вниз и та же выправка вверх... прямолинейная для военных, понурая для штатских.

Мы вовсе не кручинимся об этом, но заявляем факт, и факт для нас чрезвычайно утешительный. Там, где нет ни воспоминаний, ни традиций, ни своих нравов, ни своих верований, там, где не просвечивает историческая жизнь, а только формулярный список, не только легче сделаться злодеем, но и легче сделаться человеком.

Наша аристократия — предрассудок, в который верили отчасти выслужившиеся чиновники и богатые наследники; я говорю *отчасти*, потому что большинство никогда об этом не

думало; оно пользовалось, не мудрствуя лукаво, тем, что казна уступала и позволяла. Княгиня Голицына, о которой рассказывает Вигель, вовсе не из аристократии, порола земского заседателя за то, что дорога была дурна; доказательством этому служит, что она раз оттащила за волосы гостью у себя в доме, что уже вполне противуречит всякому аристократическому чутью, — она это делала гораздо наивнее, потому что была племянница Потемкина и жена фельдмаршала Голицына.

До какой степени у нас новы западноаристократические понятия, вы можете видеть у Вигеля. Он рассказывает, как графиня Чернышева, впоследствии княгиня Наталья Петровна Голицына, начала распространять аристократическую *веру*, вывезенную ею из Сен-Жерменского предместья. «Находясь в Париже во время революции, сия знаменитая дама схватила священный огонь, угасающий во Франции, и возжгла его у нас на Севере. Сотни светского и духовного звания эмигрантов способствовали ей... Составилась компания на акциях, куда вносились были титулы, богатства, кредит... Присвоив себе ложные привилегии, компания сия *называлась* высшим обществом и правила французской аристократии начала прилаживать к русским нравам... Екатерина благопритствовала сему обществу, видя в нем один из оплотов престола против вольнодумства»... (на этом месте цензура чего-то не пропустила). «Не один раз придется мне, — продолжает Вигель, — говорить о сем высоком сословии, *не более как с полсотни лет у нас образовавшемся*»...

То, что Вигель говорит о высшем обществе, то относится ко всем нашим кастам и сословиям. Масса русская не идет в правильную слойку, на этом держится доля деспотизма, но зато и доля всех надежд. При чрезвычайной впечатлительности и поверхностной подражательности у нас все перенималось — и ничего не пустило корней. Все монополии, исключительные права, привилегии, сословные разграничения являлись с карикатурными преувеличениями, грубо, дерзко и нестерпимо ярко, но краски (большей частью казенные) были линючи, не могли выдержать первого ливня. Одна сильная метель — и все исчезнет, как исчезли военные поселения *, стоившие столько же жизней, как сражение, и вдвое больше страданий, чем целая война. И как

исчезнет?¹ Не оставляя по себе ни жалости, ни другого следа, кроме пыльных бумаг в архиве да изумления, *что это было, что это могло быть* в самом деле.

Если б приснопripeвающие панегиристы «верности России бытовым началам своим» так просто и говорили бы, что у нас ужасно мерзко, но что все эти прививные институты и учреждения быстро нарывають и быстро проходят, как коровья оспа, с ними можно бы столковаться. Но, обращая свои смелые надежды в смелые воспоминания, они пишут официальные памфлеты, сводящие с ума простых людей и наводящие *на ум* правительство. И вот причина, почему без глубокого негодования нельзя читать, например, такие строки:

Внутренняя история Польши представляет уродливое, непомерное развитие одного органа на счет всех других — общества *на счет государства* и простого народа. Государство расплылось в общество — в шляхту: простой народ, который *во всех* славянских землях составлял и составляет необходимое условие полноты общественного развития, именно *как* простой народ, как живая, непосредственная, самородная сила, подобная силе зерна или корня в организме растений, — простой народ был лишен *всякого политического значения, духовно презрен и низведен на степень вещественного материала*. Польская шляхта не только не удостоивалась признавать в нем присутствие какой-либо органической силы, не только отвергала в крестьянине его значение как поляка, но и его достоинство как человека. Польская шляхта не только именовала себя «польскими государями» (историческое выражение), но и «польским народом», «польскою нацией», — и действительно слово «Польша» в в истории и в жизни было тождественно с словом «польская шляхта». Развитие пошло в древесину и листву, в ущерб коре и корню; вытянувшийся и почти обнаженный ствол едва держался на отоцвавшем корню... («День», № 9).

Итак, *стало быть*, в России простой народ не был лишен всякого политического значения, был духовно уважаем и возведен на степень органического материала, которое, впрочем, продавалось гуртом и в одиночку, вырывалось из семьи, переселялось, бралось во двор, шло на барский разврат, тратилось поколениями на черную работу и притом беспрерывно секлось.

Представлять русское дворянство уважавшим быт народный, в противоположность польскому шляхетству — вопиющая не-

¹ «Nord» говорит, что Бахтин работает над проектом распространения рекрутчины на дворян. Encore une étoile qui file! *

правда. Все мы, воспитанные в помещичьих домах, жившие по деревням часть года, знаем, как русское дворянство уважало человеческое достоинство товара, который оно сотнями посылало на дороги, отдавало на фабрики, переселяло и проч. Неужели г. Аксаков, живший всю жизнь в этой сфере, ездивший на изучение ярмарок, участвовавший при следствиях, не знает этого? Как не знать — но он из патриотизма не помнит.

Историю о Надежде Ивановне Вигель * я поберегу до следующего письма, а с вами теперь прощаюсь.

4 апреля 1864.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Любезный друг,

хотел было я к вам писать о двух приятельницах моего детства — о милейшей старушке Надежде Ивановне Вигель, кочевавшей после комендантства в Орской крепости лет тридцать по разным чужим домам, прежде чем успокоилась в одном из них *, и о ее сопернице Варваре Якимовне, заключившей свои долгие странствования собственным комендантством в московском остроге, где она начальствовала над прекрасным полом. Хотел я при этом рассказать о том, как княгиня Хованская пресерьезно запрещала Надежде Ивановне кашлять по ночам, и о том, как одна близкая родственница Ф. Вигеля, деваствовавшая в преклонных летах и в губернском городе Пензе, изобрела особый способ, не оцененный ни графиней Антониной Блудовой, ни Аскоченским, ни другими иерархами дворцового благочестия, — прикладываться к высоко поставленным иконам. Старушка-барышня клала поцелуи свои на набалдашник своего посошка и возносила их на нем к образу... Хотел я рядом с ними, по поводу вигелевской всеобщей истории его семейства, воскресить еще две-три комические личности, но... оставлю до другого раза.

Старое письмо, попавшееся на глаза, спугнуло всю эту семью седых сов в белом чепчике, ворон, порхающих с заднего двора на задний двор... Я остался в прошедшем, но не в том, которое шло между девичьей княгини и передней моего отца, а в том, которое несло между аудиторией и ссылкой.

Сколько людей осталось незатронутыми в моих воспомина-⁷ниях, — людей, погибших без малейшего следа, забытых, как забываются прошлогодние листья, вчерашние облака.

Человек, которого письмо мне попало, умер года два тому назад в небольшом городе на Роне *. Подробности об его смерти я узнал месяцев через шесть. Никто не шел за его гробом, никто не был поражен вестью о его смерти. Печальное существование его, переброшенное на чужую землю, село как-то незаметно, не исполнив ни своих надежд, ни ожидания других. *Бегун* образованной России, он принадлежал к тем праздным, лишним людям, которых когда-то поэтизировали без меры, а теперь побивают камнями без смысла. Мне больно за них. Я многих знал из них и любил за родную мне тоску их, которую они не могли пересилить и ушли — кто в могилу, кто в чужие края, кто в вино.

Много раз хотелось мне поговорить об их *труде существования*... и я останавливался всякий раз с той внутренней дрожью, которую испытывает физиолог, дотрогиваясь до разоблаченных готовален жизни... Удастся ли мне победить это чувство — не знаю, а хотелось бы. Каждая эксцентрическая жизнь, к которой мы близко подходили, может дать больше отгадок и больше вопросов, чем любой герой романа, если он несуществующее лицо под чужим именем¹. Герои романов похожи на анатомические препараты из воска. Восковой слепок может быть выразительнее, нормальнее, *типичнее*; в нем может быть изваяно все, что знал анатом, но нет *того, чего он не знал*, нет дремлющих в естественном равнодушии, но готовых проснуться ответов, — ответов на такие вопросы, которые равно не приходили в голову ни прозектору, ни ваятелю. У слепка, как у статуи, все снаружи, ничего за душой, а в препарате засохла, остановилась, оцепенела сама жизнь, со всеми случайностями и тайнами.

К тому же у нас необходимее, чем где-нибудь, снимать маски и портреты, мы ужасно легко распадаемся с только что прошедшим. У нас жизнь не продолжается исподволь, а переска-

¹ Как, например, *Бекки Чарп* в «Vanity Fair». Кстати, вторые лица, едва набросанные, стоящие на дальнем плане, правятся нам обыкновенно больше героев просто оттого, что автор не дает себе труда их изобретать. Это все соседи, приятели, слуги, путешествующие incognito.

кивает от одного направления к другому. Недостаток корней и балласта делает эти перескакивания чрезвычайно легкими для верхнего слоя. Я не хвалю и не порицаю этого, а только констатирую.

Близкое прошедшее, впрочем, везде становится резко отчуждаемым, почти враждебным с настоящим; противоположности, разницы не примирены еще далью и перспективой — не оправданы пониманием. Мы скорее узнаем близкое и родное в шитых бархатных и гродетуровых кафтанах, в пудренных париках, в якобинском костюме и в английском фермерском фраке времен Питта и Фокса, чем в талии на затылке и рукавах с буффами двадцатых годов. Тот только схватывает единство в этих превращениях, кто сам носил суконные тунелю на шее вместо воротника, сплюснутые воротники в четверть шириною, а теперь носит исчезающий, едва заметный воротник нынешнего покроя.

Я в этом отношении был счастливо поставлен, потому-то мне и хочется этим воспользоваться.

Жизнь моя сложилась рано, и я долго оставался молод. Воспоминания мои переходят за пределы николаевского времени; это им дает особый *fond*¹, они освещены вечерней зарей другого, торжественного дня, полного надежд и стремлений. Я еще помню блестящий ряд молодых героев, неустрасливо, самонадеянно шедших вперед... В их числе шли поэты и воины, таланты во всех родах, люди, увенчанные лаврами и всевозможными венками... Я помню появление первых песен «Онегина» и первых сцен «Горе от ума»... Я помню, как, перерывая смех Грибоедова, ударял, словно колокол на первой неделе поста, серьезный стих Рылеева и звал на бой и гибель, как зовут на пир...

И вся эта передовая фаланга, несшаяся вперед, одним декабрьским днем сорвалась в пропасть и за глухим раскатом исчезла...

В стране метелей и снегов,
На берегах широкой Лены...*

Я четырнадцатилетним мальчиком плакал об них и обрекал себя на то, чтоб отмстить их гибель.

¹ фон (франц.).— *Ред.*

Время светлых лиц и надежд, светлого смеха и светлых слез кончилось. Порядком понял я это после, но впечатления того времени, переплетаясь с мифическими рассказами 1812 года, составили в моей памяти то золотое поле иконописи, на котором еще чернее выходят лики святых.

Когда немного улегся террор и шум николаевского венчанья на царство, начали показываться какие-то потерянные люди, несчастные, *ненужные*, не знающие, куда идти, т. е. не знающие ни цели, ни дороги, но чувствующие, что *так жить нельзя*, что выйти надобно,— люди, откуда-то оторванные и покинутые в опасном месте, как «Дети в лесу». Старшие из них были уцелевшие декабристы, мы замыкали их процессию, как уличные мальчишки замыкают уходящий полк, и сами росли в лишних людей. За нами шло уже поколение без воспоминаний, кроме детской и годов школы, оскорбленное грубым притеснением, без прямой связи с прошедшим, без прямого упования на будущее, болезненное, чахлое, оно вяло в листе и безотрадно гибло на полдороге. Многие из них умерли моложе нас летами и старше сломившимся духом.

Не много в их числе развилось энергии, но много ее сгублено в внутренней работе и в внутреннем разладе, в поднятых вопросах, в поднятых сомнениях и в невероятной тяжести жизни. Грешно в них бросать камни. Вообще *лишним* людям тех времен обязано новое поколение тем, что оно не лишнее.

...В тридцатых годах меня поразили две личности, две уцелевшие античные колонны на топком грунте московского великосветского сапро *vassino*¹. Они стояли рядом, напоминая своей печальной, своей изящной ненужностью что-то рухнувшее — что именно, было трудно сказать, полиция подобрала все развалины и все осколки. Орлов и Чаадаев были первые *лишние люди*, с которыми я встретился.

Они были розны (я писал об обоих²). Я лучше многих знал их недостатки, но для меня они были библейскими личностями, живыми легендами, я их принимал, как они есть, не торгуясь, не бракуя, и потому-то, может, лучше других понял их траги-

¹ кладбища (итал.).— *Ред.*

² «Былое и думы»*.

ческое явление. Они были сломанные люди, один совершенно *dépraisé*¹, другой оскорблен; их упрекали за это люди, которые никогда не решились бы упрекнуть человека с переломленной ногой, что он хромает.

Косо посматривал мой отец на то, что я, дичась общества почтенных и солидных людей, с такой горячностью и готовностью бежал по первому приглашению Орлова — «конечно, умного, но опасного человека». Я тогда только что вышел из Карлов Мооров и поступил в Московский университет; особого рода восторженность, которая сопровождает переход от отрочества в юность, еще не проходила.

Впечатление, сделанное на меня первыми лишними людьми, было до такой степени сильно, что после долгой разлуки с ними они всего живее остались в памяти.

Переведенный из Вятки во Владимир, я принялся описывать под именем Малинова вятское житье-бытье. Сначала я писал² весело, потом мне сделалось тяжело от собственного смеха, я задыхался от поднятой пыли и искал человеческого примирения с этим омутом пустоты, нечистоты, искал выхода хоть в отчаянии, но только в разумном, сознательном, и, ничего не найдя, наклепал на Малинов-Трензинского и, не думая не гадая, сделал портрет Чаадаева*, даже наружность взята с него: «Нежное, белое, как мрамор, лицо, серо-голубоватые глаза, холодная улыбка, чело, как череп голый»* — так резко осталась его личность в моей памяти.

Когда я воротился в Москву, Орлов угасал и вскоре угас. Чаадаев был еще высочайше утвержденным сумасшедшим и стоял как-то особняком между новыми людьми и новыми вопросами.

Перед моим отъездом из России, на прощальном ужине, я предложил прежде всех тостов выпить за старшего из нас — за Чаадаева. Чаадаев был тронут, но тотчас принял свой холодный вид, выпил бокал, сел и вдруг опять встал, подошел ко мне, обнял меня, пожелал нам счастливого пути и с словами «простите меня, мне пора» вышел вон. Я его не удерживал и проводил

¹ выбит из колеи (франц.).— *Ред.*

² «Записки одного молодого человека» — «Отеч. записки», 1840—41 гг.

до дверей; стройная, прямая в старости фигура Чаадаева исчезла в дверях среди приутихшего пира и так осталась в моей памяти; я его больше не видел.

Жаль, что два последних поколения не знали таких предшественников. Имея много ненавидеть и презирать, им почти нечего было любить и уважать. Целые стороны внутренней жизни остаются непонятными, наглухо и навеки заросшими в сердце человека, не перешедшего ни беспредельной любовью к матери, ни восторженным уважением к своим отцам-*maestri*.

Прошло пятнадцать лет после того, как Чаадаев исчез в дверях. Я пережил целый том истории да свою целую жизнь, и вдруг в 1861 году возобновилась одна из встреч 1831 года, и я опять чувствовал себя молодым студентом.

Старик, величавый старик, лет восьмидесяти, с длинной серебряной бородой и белыми волосами, падавшими до плеч, рассказывал мне о тех временах, о *своих*, о Пестеле, о казематах, о каторге, куда он пошел молодым, блестящим и откуда только что воротился седой, старый, еще более блестящий, но уж иным светом... *

...Я слушал, слушал его, и когда он кончил, хотел у него просить напутственного благословения в жизнь, забывая, что она уже прошла... и не одна она... Между виселицами на Кронверкской куртине и виселицами в Польше и Литве *, этими верстовыми столбами императорского тракта, прошли, сменяя друг друга в холодных, темных сумерках, *три шеренги*... скоро ступают их очерки и пропадут в дальней синеве. Пограничные споры двух поколений, поддерживающие их память, надоедят — и им предоставят амнистию забвения. Из-за них всплывут тени старцев-хранителей и через кладбище сыновей своих призовут внуков на дело и укажут им путь.

Пусть они и идут по нем. Но пусть же поймут и то, что тоской и стремлением выйти из насильственного бездействия, томной затратой себя промежуточные поколения людей лишних и праздных приблизили, сгладили его — и мирно благословят их разбросанные могилы.

...Зачем у меня нет такого таланта, как у И. Тургенева, —

какую бы я составил группу праздных и затерянных людей для того, чтоб помирить *детей с отцами*.

Но за неимением его прошусь с вами, мой милый будущий друг, вы меня простите, что я говорил с вами о прошедших друзьях (пожалуйста, не смешивайте их с *ушедшими* друзьями... о тех писать еще не настало время), я чувствую, что это не деликатно, но полагаюсь на вашу снисходительность. Не могу вам сказать, как я доволен, что не знаю вас и что вы мне никогда не отвечаете, это мне дает страшную волю и я не стесняюсь пускаюсь в письмах к вам, как Камюэнс — *nel largo Oceano* *.

1 мая 1864.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

(Америка и Европа, Едгар Кине и его последняя книга *.—
Письмо к нему.)

Давно я не писал к вам, около двух лет... и каких... которые стоят двадцати самых скверных... а между тем опять накопилось на душе много горечей, и хочется о них говорить, только не с близкими знакомыми — они сами все знают и все решили — а с близкими незнакомыми, которых я могу предположить не до такой степени герметически законченными. Вы так дружески исполняли два года тому назад эту роль, что, верно, не откажетесь теперь, тем больше что вы мне этим сделаете большое облегчение.

Облегчение от чего? От усталости, думаете вы, и ошибаетесь...гораздо хуже...от невозможности устать. Это состояние очень похоже на тщетное усилие уснуть, когда не спится. Я от души завидую труженикам, честно прошедшим бразду свою и спокойно идущим, поставив плуг свой под навес, на полати погреть ломаные кости, распрямить сгорбленные члены и так иной раз потолковать о настоящем и еще больше о былом, вспоминая о нем в том примиренном, успокоенном и холодном виде, которое получает все лежащее в гробу.

Кажется, чего бы лучше...клубка, доставшегося нашему времени, *теперь* не распутаеть,— вихрь революций и реакций увлек и перепутал все старое и новое... старое не уцелеет, и новое не погибнет, но всему надобно отстояться, дойти до хими-

ческого соединения, до покоя творчества. Все, что может прийти в ясность из этого хаотического, клокочущего, бродящего раствора, придет в ясность, но ее насильственно не заставишь родиться, прежде чем зародыш созреет и ясли будут готовы... до тех пор *искومه* останется путеводной звездой для волхвов, а не солнцем, освещающим всех. Может, в пользах новорожденного это и очень хорошо...да...да *haben Sie warten gelernt?*¹ ...Куда!

Какие удары нашему беспокойному самолюбию и нашей страсти спасти мир нанесли и астрономия, и геология, и физиология, а пуще всего новая история... всё ничего. Знаем, что планеты не около земли вертятся, что земной шар и без людей жил очень хорошо, что наши дедушки и бабушки были ближе к обезьянам, чем мы к китайцам...а нам все кажется, что мы какие-то Зевсы или Иеговы и можем создавать миры по образу и подобию нашему; что вздумал выросший веками и сросшийся горем и кровью быт перестроить на фаланстеры — и тотчас брошены деревни и города, соборы и театры, рестораны и дворцы; попы и жандармы, офицеры и ростовщики, судьи и лоретки так и побегут в фалангу работать — каждый по своей страсти.

Тут обыкновенно разочарование... упреки роду человеческому и новые усилия грудных детей убеждением сделать в шесть месяцев взрослыми... и новые проклятия за их лень, тупость, глупость, за то, что они не умеют скоро расти.

Есть время *острой* работы, но есть время и труда выжидающего, наблюдающего. Секунды не может потерять хирург, и месяцы борется доктор с болезнью.

Один из умнейших людей нашего времени, Людвиг Фейербах, на вопрос, зачем он замолк и почти ничего не пишет, отвечал: «Главное, что у меня было на душе, я высказал, пусть читают». Не думая нисколько себя сравнивать с Фейербахом, я все же имею право ему завидовать.

...Мне не раз приходило в голову греховное искушение, именно мысль языческого эпикуреизма: удалиться куда-нибудь в пустыню возле большого трактира немецких вод и устроить там какое-нибудь шале, с диваном, превращающимся в

¹ научились ли вы ждать? (нем.).— *Ред.*

ванну, с аквариумом, в котором плавают стерляди и икра, с садом, в котором порхают бекасы... но исполнить ее недостает сил.

Недавно я совсем было изготовился на зимние квартиры, взял специальную карту Висбадена, Пирмонта и, как на смех, вместе с ней попались газеты — тут Message¹ американского президента, ну и к черту шале и к черту аквариум с икрой... «Здесь великая земля свободного труда, в которой работа вознаграждается больше, чем где-нибудь, трудовой хлеб вкусен сознанием гражданского участия работника в делах отечества; здесь ум человеческий не знает цепей и может вольно ринуться во все четыре стороны... Очищенные горем, укрепленные борьбой, повторим обет наших отцов, возлагавших на нас победу республиканских начал на нашем материке. Мы не делали пропаганды в Европе, оставляя народы тамошние заниматься своими династическими интересами... но такое поведение с нашей стороны возлагает и на нее свои обязанности».

Вот и «Guai chi la tocca!..»² Да, горе, каков портной? * А еще пьяница?..

И как-то свежо поднялась грудь — и не хочется думать о диване на кислых водах... Новый свет! Молодой свет! Уж лучше там шале... Все в нем не по-европейски, не по-людски. Восемьсот тысяч войска распущены * и тотчас поглощены работой, сотни генералов, которых отваге удивлялись несколько месяцев тому назад, которые были облечены диктаторской властью, были покрыты славой и лаврами, где они? Один пашет свои поля и продает хлеб, другой в главе торгового предприятия, третий просто трактирщиком... ни мундиров, ни эполет, сабля в углу... пусть себе ржавеет. Война не ремесло, а несчастье, злая необходимость. Обе стороны дрались страшно, доказывая по дороге, что для большой, для колоссальной войны вовсе не нужны постоянные армии, вечная опричина всякого деспотизма, вечно раскрытая артерия, которой истекает государство деньгами в мир, кровью в войну... «Нам скоро можно будет сговориться, — с той минуты, как сила оружия решила судьбу, нет ни победи-

¹ Послание (франц.). — *Ред.*

² «Горе тому, кто тронет!..» (итал.). — *Ред.*

телей, ни побежденных». И велел свести войско на пятьдесят тысяч человек.

А наша-то Нинона Ланкло *, беззубая и седая, ей и в Белгии мало пятидесяти тысяч, несмотря на то, что она ни с кем из соседей воевать не может... Зато ведь какие интересы... Бисмарк I, Меттерних II... Папа производит во святые каких-то изуверов и в свои защитники разбойников, дипломаты в затруднении, кому отдать Молдавию, кому Валахию, одни думают, нельзя ли выменять Венецию на Бухарест, Мексику на Яссы, точно мы еще живем между Вестфальским миром и Венским конгрессом *. И не странно ли, что вящие защитники, последние чичисбеи Ниноны все на Неве, так, как там же были и последние эмигранты и последние мальтийские кавалеры * — они слова не дают сказать об Европе, об общей матери, учительнице, наставительнице, как будто кто-нибудь виноват, что учительница устарела и наставительницу надобно водить под руки?

«Все это славянофильство!» ...Тут Америка ужасно кстати является на выручку, уж ученье-то Монро и Джонсона * вряд ли из «Дня» идет!

А впрочем, и славянофильством трудно испугать... правда, что оно как-то всегда противно припахивало ладаном и рясой, а теперь еще противнее выпачкалось в крови... ну, да ведь и все остальное выпачкано в крови... остается попробовать славянофильство расстричь в светское звание и тогда посмотреть, что в нем приму играет — поп или быт народный. Нельзя же славянофильства с лица России гнать за то, что первые проповедники его через край хватили православной благодати.

Почему же нам не делать с ними того, что всякий мыслящий читатель делает, например, с каким-нибудь Яковом Бёмом, спокойно отыскивая в лесу мистических образов и видений его глубокое понимание, оправленное в средневековую резьбу? Бём не подозревал настоящей своей силы и если б кто-нибудь назвал его, положим, пантеистом, он точно так же обругал бы пантеизм, как Аксаков ругает социализм, всякий раз, когда он ему подвернется на язык.

Рьяность наших западников, в числе которых есть люди, стоящие с нами на одном берегу, объясняется исключительным положением нашего общества. Стоя за Запад, ему все еще

кажется, что он уличает не *Запад*, а домашнюю неурядицу, забывая, что петербургское правительство, несмотря на все шалости последнего времени, *архизападное*. В Европе таких неистовых защитников *ее*, как у нас, вовсе нет, особенно между серьезными умами. Они часто молчат... как молчал тот знаменитый математик, который, вычислив и проверив свое вычисление о близости трещины земного шара, испугался и скрыл свои выкладки... но невыносимая тяжесть иной раз берет верх, и тогда являются такие книги, как Стюарта Милля «*On Liberty*», и французом пишутся такие строки:

...Мир видел уже в глубокой древности нечто подобное тому, что совершается теперь. С одной стороны — старая цивилизация, осевшая под окаменелыми преданиями — Персия, Вавилон, Халдея, Египет, не способные оторваться от своего прошедшего, от храмов, мумий, лабиринтов, гробниц, мир многопроизводящий, богатый караванами, торговлей, пышный, сладострастный, покрытый жемчужными цепями... С другой стороны — нарождающаяся Греция, брошенная в иную форму, грубая, но свободная... и такой свободой, которую мир до того времени не видывал... мир, начинающийся с дорийских пуритан, к великому негодованию Азии.

И он указывает на старую Европу, выковавшую на самое себя, с чрезвычайными усилиями, узорчатые и золоченые цепи, из которых она не может выйти, в то время как на противоположном берегу океана юная страна, не заботясь о старых распрях, «в героической молодости своей душит гидры, убивает немейских львов *...и оскорбляет своей отвагой, своей свободой, созданием своих городов и государства дряхлый мир, не смеющий ни подражать ей, ни вступить с ней в борьбу»¹.

...Едгар Кине, около полу столетия следивший за всем, что делалось во Франции, пришел к одному заключению, к одному упованию — к упованию на *другой мир, на Соединенные Штаты*.

...Кине печален, угрюм, для него его взгляд безотраден, он им удручен. Француз не может переносить свои лары * в дальние страны, да еще за океан. Латинские народы принадлежат латинской земле — для Кине осталась после этого отреченья, после этого нравственного Фонтенебло... своя Св. Елена *. Даже пустой культ человечества у него разбился: «Я слыш-

¹ Edgar Quinet. «*La Révolution*».

ком близко видел этот кумир человечества... и не склоню колена перед тем, кто сам стоит на обоих перед всякой торжествующей силой... Преклоняться перед этим пресмыкающимся зверем на своих миллионах ног?.. Нет, отдайте мне лучше ибисов и священных змей Нила».

И тот космополитический прогресс *где-нибудь*, который может утешить бойкую сангвиническую философию Бэкли, не заживит раны, сосущей француза, утратившего Францию. Оставалась для него одна дверь *, *он ее-то и захлопнул с озлоблением.*

Неужели легче умирать в разваливающемся доме, чем строить другой или идти вон? Горе обладателям наследственных каменных палат... то ли дело жить в собственноручной избе, старая плоха — взял да и срубил новую... был бы топор да лес!

...Тут мы стучимся опять головой в упрямое *non possumus*¹ отходящего мира.

Кине с необычайной отвагой для француза произвел следствие об отраве революции католицизмом. С искусством великого художника и ясностью диалекта указывает он, как новая Весь изнемогает и не может переварить яда, данного в гостии *. накрытой фригийской шапкой.

И тот же человек остановился испуганный, как перед Медузиной головой, перед юридической церковью, перед догматом римского права безграничной собственности. В посягательстве на ее самовластье видит он гибель личной свободы, объявляет его *чуждым* гению латинских народов и указывает вдали на наши степи... «Коммунизм и рабство, казнитесь, мол, вот куда вы идете!»

Мне больно было за него и за нас, я не вытерпел и написал ему *:

«Мы представляем почин *много* отношения человека к почве, наша задача состоит в опыте развития личной свободы без потери *права на землю*, в опыте ограничения самодержавия недвижимой собственности неотъемлемым правом на поземельное владение, словом, сохранения общинной собственности рядом с личным пользованием. Посельщики, сами разработавшие нашу землю, привычные к полевым переделам, без слоя завоева-

¹ не можем (лат.).— *Ред.*

телей на наших плечах, нам легче других европейских народов осуществить одно из решений социальной задачи. Отношение человека к земле, так, как мы его понимаем, не новое изобретение в России, это первобытный факт, *естественный*, приращенный в нашем быте, мы его нашли родившись, потом забросили, не поняли, и теперь хотим, с искренним раскаянием, развить его при помощи науки и опыта западного мира.

Отнимите у нас эту задачу, и мы снова впадем в варварство, из которого едва вышли, или останемся ордой завоевателей.

И вот причина, почему мы не променяем наш аграрный закон в его неразвитии ни на старое латипское право, ни на англосаксонское законодательство. Религия собственности по римскому закону, по французскому кодексу убила бы нам вперед наше будущее, так, как убила в союзе с церковью вашу великую революцию. Ясно, что с двумя такими абортивами республика девяностых годов не могла родить ничего живого.

Народ парижский понял это, когда, поднимая в первый раз голову после бурь террора, он заявил свою нужду в Конвенте мрачным криком: „Хлеба!“ Его отпустили, ничего не сделавши для него. Он с тех пор перестал мешаться в дела, и был прав.

Безумие Бабёфа, утопии почти всех социальных учений несколько не опровергают начал. Напротив, степень жара, бреда свидетельствует о силе болезни. Припадки соответствуют страданиям — дают право на патологическое заключение. Если терапия не удалась, из этого не следует, что вопрос лечения следует обойти. К тому же, как мы видим, это невозможно. Социальный, экономический вопрос — *Magnum Ignotum*¹ нашего времени. А потому-то мы всякий раз обращаем, когда представляется случай, внимание наших старших, наших *patres conscripti* * в науке и цивилизации на то, что прозябает в наших степях. До сих пор на Россию смотрят как на лавину, угрожающую падением. Мы хотим показать, что под снегом есть земля, владеемая иначе, чем историческая земля старого мира.

Такова была причина, которая заставила меня в 1851 г. написать длинное письмо к знаменитому другу вашему (теперь

¹ Великое неизвестное (лат.).— *Ред.*

и моему, скажу я). Мишле *. Вообще после неудачи Февральской революции я только об одном этом и проповедую... Вы мне это, наверное, поставите в облегчающую причину. Восхищаясь строгой, величавой картиной, полной силы и отваги, которой вы изобразили самоубийство революции католицизмом, я невольно вспомнил *о другом враге* *.

...*Его-то* мертвыми руками из-за гроба попробовал схватить за горло... боец иного закала, Прудон... но в могилу себе не стащил. И так, как Кинне все-таки оставил щель, захлопнувши дверь, так Прудон не настолько раскрыл ее, чтоб можно было пройти...

— Cordon, s'il vous plait!

...Il faut donc, messieurs, qu'une porte soit ouverte ou fermée!¹

10 января 1866 г.

¹ — Откройте, пожалуйста!

...Нужно же, господа, чтобы дверь была открыта или закрыта! (франц.).— *Ред.*

НА ВОЛЫНЬ!

Наконец-то для Москвы, как для Помпеи, настает последний *День*. Издатель *его* едет на Волынь — спасти народность русскую (о силе, прочности и упругости которой в южнорусском крае было столько наговорено тяжелых фраз).

«Нехорошо обстоит у нас дело в юго-западном крае», — пишет в своем «*Aux armes, citoyens*», 1 февраля, г. Аксаков*. Русское крестьянство, казалось, справилось с польским восстанием, — не тут-то было, оказывается, что и они недовольны, от такой шаткости у г. Аксакова сделался, по собственному признанию, прилив к голове, и не дожидаясь отлива, вот как он пошел на всех парусах:

Это (недоразумение русских крестьян) уже вдвое, вчетверо оскорбительнее — от этого оскорбления кровь кидается в голову. Как же это стало возможным? Как же это случилось? Кто в этом виноват? Что обнаджило поляков, что подняло их упавший было дух, что, наконец, какой злой гений сумел наиболее благоприятнейшие для нас обстоятельства сделать худыми и худые для поляков обратить в благоприятные? Каким образом можно было православное, верное Руси и русскому царю русское крестьянское население смутить и нравственно обессилить?..

Что же нам делать? Не ложится ли на нас всех, честных, способных, образованных, тяжким упреком это мужицкое раздумье, эта горечь народного чувства? *На Волынь!* — вот что надо. Надо всем, которые свободны, могут располагать собою, в ком живо русское чувство и силен стыд русского общественного греха, поспешить на Волынь, в Подолию, в Киевскую область, занять места мировых посредников и тому подобные, и восстановить союз братский, и воскресить веру в русское имя, загладить тяжкие вины пред тамошним русским народом — людей, именующихся русскими, да еще из «Москвы». Надо *разбудить* дремлющее русское, туземное, хотя и очень малочисленное общество, надо заявить наше полное признание всех прав местной жизни, ее обычаев и особенностей, надо оградить народ от поляков и от недостойных русских деятелей, и от

коварной интриги, и от неразумного усердия слепых исполнителей воли начальства (ими большею частью не понимаемой), и от незуитизма, и от сервиллизма — чтоб пахнуло светом и воздухом, братской любовью и правдой, и тогда оживленному русскому народному чувству не страшны будут галицийские шайки, ни козни польских или ополячившихся русских туземных панов!

После этого мы, никогда не сомневавшиеся, что в издателе «Дня» «живо русское чувство и силен стыд», понимаем, что ему нечего делать, как бежать за подорожной и спасать безостановочно Волынь, будить туземное русское общество. Дай бог ему не встретить ни бешеных волков, ни катковских корреспондентов, ни — что еще может быть хуже — ни виселиц, на которых висят польские патриоты, задушенные официальными русскими убийцами. Это зрелище может ему напомнить страшную фразу его статьи, в которой он жалуется «на мертвенность общественного участия к краю, на *фальшивый гуманизм*, превращающийся на практике в галантерейное, вроде восхваляемого лакеем Осипом в «Ревизоре», обращение с высшим польским сословием!»

«LE NORD» И LE TZAR ЗА ЗЕМЛЮ И ВОЛЮ

Мы никогда не сомневались, что знамя, поднятое нами, и справедливо и народно; но мы не ожидали в таком скором времени таких почетных союзников, как «Le Nord», «международный журнал» и, следственно, независимый от русского правительства, и как само русское правительство, независимое и уже, конечно, не закупленное «Nord'ом». Но такова сила правды, *volentem ducit, nolentem trahit*¹. Дело было вот как: Е. Мезон, видя, что «международный журнал» передал отрывки из его статьи о Польше неудовлетворительно, просил международную редакцию поместить его письмо к ней, что она и сделала 14 февраля *. В этом письме Е. Мезон сказал, между прочим, что, по его мнению, боязнь поляков признаться перед Европой в социальных тенденциях восстания много помешала революции. «Я,— говорит он,— принимаю программу Герцена — ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ. Без нее нет спасения»... и проч.

«Международный журнал» поместил через день ответ русского патриота de Moller *. Патриотическое сердце de Moller всего более обиделось тем, что г. Мезон не догадался, что русское правительство само проводит девиз *Земля и Воля*, только *в пределах права и порядка*. «Напрасно,— восклицает de Moller,— г. Мезон приписывает этот девиз Герцену. Идея, начало, которое оно выражает, создано *в теории* народом, а на практике приложено правительством *в пределах права и порядка*. (Тесненьки должны быть пределы и плоховаты порядки: земли не дано — разве свободы... не правда ли, бездна?) Г. Герцен только

¹ желающего ведет, нежелающего тащит (лат.).— *Ред.*

уронил этот девиз в общественном мнении, не обращая внимания на существенные границы всякой реформы и придавая словам *Земля и Воля* смысл, который скорее идет словам *грабеж и безвластие* (spoliation et anarchie)». Последнее к делу не идет и есть больше личное мнение патриота де Моллер. Мы других средств до сих пор, как созвание земского, бессословного Собора, не предлагали. С первым же мы совершенно согласны: не мы выдумали, а народ русский подсказал нам, что надобно ставить на хоругви, наша заслуга только в том, что при шуме барабанов, положений, учреждений, освобождений, мертворождений мы уловили их, но все это не имеет важности — для нас важно признание международного журнала, независимого от русского правительства, но дружески к нему расположенного, что русское правительство становится под хоругвь *Земли и Воли*, правда, в неопределенных пределах права и порядка, но Kaiser ist jung ¹ — еще выработается.

УМИРОТВОРЕНИЕ ЛИТВЫ, УСПОКОЕНИЕ ПОЛЬШИ...

«Мятеж подавлен, шайки больше не существуют... порядок восстанавливается, Литва умиротворена и счастлива, последние следы беспорядков исчезли»... Так несколько месяцев начинаются новости о Польше в русских газетах. Затем следует рассказ казней и битв. К чему эта тупая, афишечная реклама?

Она нам напоминает одного старого приятеля и должника*. Когда люди осторожного прогресса и осмотрительного либерализма стали нас оставлять, оставил и он нас; но, более постоянный в своих симпатиях, он оставил одного из нас, именно меня, только вполовину, т. е. перестал быть приятелем и остался должником. Этот верный должник в прежние годы писал ко мне довольно часто письма, составлявшие удивительные вариации

¹ «Император еще молод». Известный анекдот о русском генерале в Дюссельдорфе.

ции на очень простой мотив: «Дела мои идут прекрасно, и поэтому я скоро заплачу тебе долг». Несколько из них я сохранил и думаю со временем издать, в погашение 1/10 000 должной мне суммы и в руководство нуждающимся в таких посланиях.

1 мая. — Дела мои идут очень хорошо, Агофоклея Карповна * едет на воды, и я ее через неделю увижу, как покончу с ней дело, так и вышлю деньги, которые взял у тебя наперехват, жди, пожалуйста, до 23 мая... нет, чтоб и этот раз не ошибиться, до 27-го».

28 мая. — Насчет денег ты не беспокойся. Дела приняли окончательно прекрасный оборот, но Агофоклея Карповна с собой ничего не взяла. Почта ходит очень долго. Она писала вчера, делать нечего, ответ будет между 15 июнем и 20, стало, 22 деньги у тебя».

22 июня — вместо денег у меня в передней мальчик с пуговицами, в каком-то конноегерском мундире, фактор из Submarine telegraphical South-Western Gracechurch Street Company— 4 sh. 6d* — Кто умер? Кто родился? Срываю печать. «Ждать — 20 не ответ — Москва — писать — десять дней. Дела хорошо».

Самое пикантное этой переписки состояло в том, что соотчич, бравший деньги наперехват, писал эти вещи с святой добросовестностью, он верил, так, как верят в чудеса или медицину, что дела его поправляются, верил в Агофоклею Карповну, досадовал и при каждом возобновленном луче надежды брался за перо и извещал меня «о счастливой перемене в делах». Я просил его только одного, как уступку, не телеграфировать никогда, потому что, в сущности, мне было все равно четырьмя днями позже узнать, что дела моего приятеля поправляются и что денег он мне все же не пришлет.

Но правительственные рекламы не имеют за себя и этой наивности, они вовсе не верят в свою Агофоклею Карповну и знают очень хорошо, публикуя в неделю три раза, что «последние шайки повстанцев побиты наголову», что они не последние и не побиты. Бездарное и расслабленное правительство не может справиться с изумительной энергией восстания и не догадывается, что, печатая месяцы балаганные афиши, вроде лондонской

Алгамбры или Креморна ¹, о «поражении мятежа и умиротворении края», оно лишает себя, рядом с финансовым *окончательно погубленным* кредитом, всякого кредита нравственного *.

ЕВРОПЕЕЦ

Под этим названием вышел в Дрездене 1 № новой еженедельной русской газеты. Редактором ее *Л. Блюммер*. «Ярый патриотизм, дошедший до полнейшего безобразия», как говорит корреспондент нового журнала, набил до того оскомину, что русский орган хочет называться «Европейцем». Характер журнала еще не очень определен. Эпиграф его — «*Добро через правду!*» — больше добрый, чем резкий. По одному листу судить о том, что «Европеец» считает за *добро* и что за *правду*, мы не беремся.

Нас «Европеец» вот как отпеваает в петербургской корреспонденции: «Вообще Герцен потерял все свое влияние. Статьи его почти подряд... (что значат эти точки в двух-трех местах „Европейца“, мы не знаем, может, *добро* через *правду* скорее проходит, чем *правда* через саксонскую бдительность?) они идут слишком вразрез с общественным настроением, чтобы производить что-либо, кроме раздражения. Ярые патриоты предают его проклятию, умеренные... (опять точки!), а прогрессисты вздыхают и сожалеют, что он действует так *бестактно*, не умест заговорить таким тоном, который нашел бы путь к совести большинства» и проч.

В том же журнале говорится: «Слово *изменник* у нас в моде для всякого человека, кто не бредит виселицами для поляков

¹ «Двадцать третья. Последнее представление великого Леотара — Royal Alhambra (Королевская Алгамбра) — 10 часов вечера — толпа непроходимая! — Просим заметить: Последнее из *второй* Серии — *три*, никак не более, самых последних Представлений» *.

и Катковым (*уж это не новое ли какое орудие пыток?*). Так, например, в. к. Константина все величают изменником, а г. Катков иносказательно величает его так и печатно... Но что всего грустнее, так это что *большинство* находит все это прекрасным. Против поляков раздражение страшное во всех классах общества. Нельзя сказать слово в их защиту» и проч.

Мы очень хорошо знаем, что такое *такт* и до какой степени он важен. Но мы вовсе не хотели остаться dans les bonnes grâces ¹ этого стада рабов, «при которых нельзя сказать слово в защиту Польши», а можно вешать раненых, военнопленных, и «которые бредят виселицами и Катковым». Есть обстоятельства, в которых *такт* равняется измене, в которых уступки и компромиссы — безнравственны. Мы простояли тридцать лет под одним знаменем, формулы его менялись, основы никогда, и лучше замолчим, чем, кривя душой, доискиваться задним обходом до совести стениных и городских Калибанов, жующих пироги в честь Муравьева.

У кого совесть есть, тот мог понять сквозь наши слова негодования нашу боль и нашу любовь... 1863 год проехал тяжелой колесницей по груди — дух бодр, вера цела... но цела и злоба, и ненависть. Хорошо тому, кто сохранил столько мудрости и независимости, что может, видя срам и запустенье родины, отрясти прах с ног своих и быть «Европейцем». Мы не хотим быть европейцами, для нас поздно, мы не можем не быть русскими и только русскими.

¹ в милости у (франц.).— *Ред.*

〈ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН В ПОЛЬШЕ〉

Освобождение крестьян в Польше без сомнения важнейший факт в кровавой борьбе, которую плохо и бесчеловечно ведет Россия с Польшей. Главный пункт разрешен с русской и с социальной точки зрения. *Земля идет с волей*, в этом-то и был весь вопрос. Но знаете ли, на каких основаниях он решен? «Законодательные меры, — говорит манифест, — увенчались (по делу освобождения крестьян в России) быстрым успехом благодаря *деятельной* (!) помощи, оказанной Нам русским помещичьим дворянством. Но в Царстве Польском указы (поименованы) не встретили, к глубокому прискорбию Нашему, того содействия...» Далее говорится о смутах и о здравом смысле поселян. Итак, вот *критериум* для разрешения одного из величайших социально-экономических вопросов. В Маниловке помещики оказались покорными, готовыми на жертву (хотя это и неправда) — в награду им нет у крестьян действительного права на землю. В Заманиловке * помещики буяны — право крестьян на землю признано. В сущности, новый указ свидетельствует, что со всей своей военной силой, со всей помощью Пруссии и Австрии, со всеми ужасами Муравьева и других людоедов правительство русское не может сладить с восстанием в Польше.

ЛОГИКА ПАДЕНИЯ

Нравственное падение имеет свою неумолимую логику, свою геометрическую пропорцию быстроты и свой закон квадратов расстояний. Нравственное падение — один из видов помешательства, который гораздо чаще переходит в совершенное безумие, чем возвращается вспять в нормальное состояние. Мы с невольным ужасом глядим на быстроту, с которой несутся наши литературные Абадонны в бездонную пропасть душевной черноты и бесстыдства.

Стоит сделать первый шаг, стоит немного спуститься по нежному склону, остальное пойдет как по маслу — что ни шаг, путь все глаже и кони неудержимее.

В этом отношении издатель «Московских ведомостей» представляет разительный пример. Он имел некоторый успех в начале нынешнего царствования. Всякое либеральное воззрение было тогда ново, и обозрения «Westminster review» в его «Вестнике» считались русскими *. Высокомерная, надутая натура Каткова, действительного литературного *parvenu*, потерялась. Он явился каким-то *дядей* русского развития, строптивым умерителем излишеств, мерою всего хорошего и разумного, разумного и возможного. Русское общество он открыто презирал, открыто оскорблял и постоянно противопологал ему Англию, ее учреждения *. Гувернерский тон, переходящий в дерзко-начальнический, вызвал наконец досаду и смех. Такого рода самолюбие (самолюбие прежних статских советников) может многое вынести, но насмешки никогда. Смех раздражает их болезнь, отместка, какая бы ни была, им кажется позволительной и нравственной.

Петербургский пожар * дал издателю «Московских ведомостей» случай отшутиться. Он обвинял в нравственной круговой поруке с зажигателями молодых людей, смеявшихся над ним. Их и без того таскали в крепость, у них не было ни права защиты, ни права протеста, донос на них мог их свести на каторгу; а «Московские ведомости» продолжали свое. Им что за дело... зачем смеялись!

Дальнейшая история болезни идет как по писаному. От проповеди Англии по Гнейсту до проповеди Польши по Муравьеву — «Ведомостям» пришлось пройти всеми грязями и всеми искусствами полицейской карьеры; им пришлось выносить упрек людей, которым трудно отказать в уважении, и товарищеское трепанье по плечу других, которым невозможно отказать в презрении... Еще небольшое усилие — и человек выходит победителем и торжественно говорит свищащей толпе: «Да, я доношу, и мне дела нет, что из этого будет, я служу доносом моему правительству, перо мое — меч мой».

После этого кризиса человек начинает откровенно ненавидеть все человеческое, все свободное, все стремящееся к независимости. Его оскорбляет волостной суд, в котором мужик судит; его досадует прежний товарищ, его брат-бедняк, желающий стать в уровень с богатым; его приводит в ярость прусская оппозиция и датские демократы; его приводит в бешенство стремление женщины выйти из-под опеки и стремление мало-россиян иметь перевод св. писания на свой язык. Инквизиционная ревность становится страстью, манией.

В финляндской палате рассуждают об отменении смертной казни. Какие-то пасторы желают ее удержать против огромного большинства. Корреспондент «Москов. ведом.», забывая, в какой застенок он пишет, заметил несообразность их христианского звания с этой слабостью к казням. Редакция этого не могла пропустить и прибавила, что напрасно корреспондент *так легко* говорит об этом трудном вопросе, что его не решишь с точки зрения *гуманности*. Нет, у нее не вырвешь осужденного с головой, она не уступит даром судороги человека, которого вешают, — что за дело, что Россия может Финляндии отвести какой-нибудь угол в Минусинске или Туруханске, какой-нибудь рудник близ полюса, — казни ей милее.

Но вот совсем другой случай. Евреям наконец-то начали по дощечке разгораживать забор, за которым их держало дикое правительство. Им открывают, хотя как в *steepleschas'e*¹, с страшными препятствиями, возможность жить в России; между прочим позволяют им учиться в русских учебных заведениях, получая по экзамену те же права, как все другие. Издатель «Московских ведомостей», который и был бы рад, что евреев будет меньше в западных губерниях, в видах поощрения русской народности,— но вдруг его поражает страшная мысль, что с ним, с столбовым русским боярином рядом сядет какой-нибудь жид. «Что,— взывает он,— если эти приманки (класный чин) в самом деле окажутся успешными, если евреи за невозможностию выбраться из края, откуда выход им заперт, хлынут в наши университеты и, не имея капиталов, чтобы вступать в торговлю, захватят большую часть так называемых либеральных профессий, профессорских кафедр и служебных мест?»

Что же будет далее?

Далее Каткова выручит ограниченность человеческой природы — далее остается одно чистое помешательство, такое, в котором добро и зло, черное и белое совершенно спутаны и человек уже рассматривается не с антропологической точки зрения, а зверем такой-то клетки и такого-то №.

Около двух лет издатель «Моск. вед.» проповедует о нашем «повреждении и сумасшествии»*. Не надобно копать другому яму — так, как теперь идут дела, мы убеждены, что не нас, а издателя «Москов. вед.» скоро придется навещать в больнице, бритого и под капелью.

В этом всего более нас убедили последние №№ его журнала... «Моск. вед.» начинают бредить, им мерещатся заговоры против их издателя; они находят *зачинщиков*, *неприятные демонстрации*. Кому этого мало, мы серьезно просим прочесть передовую статью «Моск. вед.» 35 № — она вовсе не имеет человеческого смысла*.

¹ скачках с препятствиями (англ.).— *Ред.*

БРАНЬ НА СМЕРТЬ ИДУЩИМ

Как туго и плохо прививается у нас все человеческое и образованное. С одной стороны подлые, унижительные, ползущие у ног выражения, только употребляемые в передней степных помещиков, вроде «начальник губернии соизволил препроводить», «соблаговолил отвечать»; и рядом — руганье врага, противника побежденного... Когда же эти тигры и ослы поймут, что гнусно убивать пленных и еще гнуснее приговаривать их с ругательными эпитетами. «Рус. инв.», например, говорит о расстрелянии в Сувалках *Яна Красинского* за двукратный побег в *разбойничьи шайки*...* Когда же они устыдятся не только своих дел, но своих слов?

ЗАПРОС «ДНЮ»

В 9 № «Дня» напечатано следующее *: «Лучшим дополнением к этим грамотам (о золотой воле) могут служить *те документы на владение подданными*, которые раздавались в награду за участие в рухавке * и которые часто находили на пленных повстанцах».

Напечатать такую вещь, не прилагая доказательств, очень смело, но, вероятно, издатель имеет их в виду, и мы требуем, чтоб он их представил. В то время, когда конвой сосланных поляков за конвоем идет в Сибирь и один герой за другим падает, сраженный русской пулей или задушенный русской веревкой, печатать такие вещи без документов — одно из страшнейших преступлений. Мы требуем документов по тому праву, которое может отвергать какой-нибудь Катков, но которое не может отвергнуть собственная совесть издателя «Дня».

ДОКУМЕНТЫ! ДОКУМЕНТЫ!

Академия наук в С.-Петербурге составляет собрание всех фактов и бумаг, относящихся до восстания в Польше. «Голос» приглашает всех посылать Академии все находящееся под руками. Советуем, с своей стороны, воспользоваться этим всем польским и непольским друзьям нашим. С своей же стороны мы посылаем в Академию «Колокол» за 1864 год.

〈КН. В. ЧЕРКАССКИЙ〉

Кн. В. Черкасский назначен министром внутренних дел в Царстве Польском *. Надобно иметь много мужества серьезному и порядочному человеку, чтоб принять портфель, забрызганный кровью. А мы считаем кн. Черкасского серьезным и порядочным человеком, несмотря на его шалость о детских розгах *. Речь, им произнесенная, плоха *. Казенно-официальный тон ее, общие фразы дают ей какой-то битый и будничныи характер. Может, иначе говорить теперь нельзя. Так для чего говорить?

КОЩУНСТВО «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» И ИХ ТАКТ

В 61 № «Моск. ведом.» помещена корреспонденция из Варшавы *, начинающаяся так:

В городе ничего особенного. У поляков теперь Страстная неделя. Патриотки заняты яйцами и поросятами к великодню; *не до патриотизма, стало быть*. Ученики разъезжаются по домам, ксендзы заняты украшением и декорированием гроба господня в костелах; следовательно, им также не до патриотизма. Хождение публики из костела в костел будет продолжаться с полудня четверга до вечера субботы. Я сообщу вам описание этих «гробов». Обыкновенно украшают их здесь в высшей степени театрально, декорациями, писанными театральным декоратором, обставляют картинами, статуями, деревьями, цветами, вешают клетки с поющими птицами, иллюминируют разными огнями, устраивают фонтаны и т. п. *Ни одна опера* не бывает обставлена великолепнее «гробов» у капуцинов. И это называется *плащаница*, или, по-польски, *гробы*.

Чего же ждать полякам от полуграмотных писцов и вовсе неграмотных полицейских, когда корреспонденты неприятельских журналов так отзываются о их святыне?

ЗДОРОВЫ ЛИ «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»?

Что за бледность на их листах, что за путаница в строках, чернили их заплеснели, сажа не черна.

Цензура ли их обижает? Нет, ведь они-то и составляют цензуру цензуры.

Полиция ли их страшает? Нет, ведь они-то и составляют полицию полиции.

Третье ли отделение пугает? Нет, ведь они-то и составляют самое третье отделение Третьего отделения *.

Лист, говоривший правду братьям царским, министрам государским *, лист, покрывавший Муравьева... не вынес какого-то ветра и поблек. Давно ли, охотясь по полякам, он держался таким гордым правилом, а теперь поник к земле, словно от водобоязни.

Неужели у издателей «Московских ведомостей» только-то и хватило сил что без малого на два года, и огонь, набранный ими на петербургском пожаре *, простыл так скоро, растратился так быстро?.. Или плеснули что-нибудь такое из Петербурга на их патриотическое пламя? Уж не повздорил ли Катков с Александром Николаевичем, не отказал ли ему в статье...или Александр Николаевич не отказал ли Каткову в министерском месте?

Если так, дурно сделал. Граф Панин и князь Павел Павлович Гагарин не вечны... а в наше время не легко найти такой тормоз.

UNCROWNED KING¹

Дремлющий британский лев встрепенулся и держит свое *grand levée* *. С оваций Веллингтону в Англии * не было ничего, подобного приему Гарибальди. Правда, прием Косута в 1852 г. был великолепный *. Но тогда английские массы гораздо меньше брали к сердцу вопросы континентальные, и Венгрия была для них какой-то неизвестной страной. С тех пор английский работник сделал, вопреки всем препятствиям, несколько больших шагов вперед — и принимает Гарибальди сознательнее, чем принимал знаменитого Мадьяра.

Несмотря на то, что мы постоянно отстраняемся от всякого обсуживания совершающихся событий в чуждом нам мире, мы передадим нашим читателям общее впечатление, оставленное в нас приемом Гарибальди, и ждем только, чтоб сколько-нибудь улеглись чувства и установилась мысль.

От этой встречи «некоронованного царя» *, вероятно, покачнулась не одна корона.

¹ Выражение, употребленное соуэтамитонским мэром.

17 АПРЕЛЯ 1864

За юную Россию, которая страдает и борется — за новую Россию, которая, раз одолев Россию царскую, будет, очевидно, в своем развитии иметь огромное значение в судьбах мира!

Из тоста Гарибальди.

Тост ваш дойдет до наших друзей, дойдет до каземат и рудников...

Из ответа на него.

Мы обещали статью о путешествии Гарибальди в Англии; теперь, когда оно так *неожиданно* окончилось *, мы убедились в историческом значении его. Но та статья впереди *. Теперь мы хотим только передать нашим друзьям некоторые подробности о посещении Гарибальди у нас. Да и эти подробности будут собственно состоять из коротких речей Маццини и Гарибальди. Английские журналы до того перегружены описанием приемов, встреч, блюд, гилянц и пр., что мы так же мало хотим вступать с ними в состязание, как мало могли соревновать с валтазаровскими и аристократическими пирами в честь революционного вождя.

Наш праздник был скромен, на нем не было и двадцати приглашенных гостей¹. В «Daily News», в «Morning Star'e», в «Листке» князя Долгорукого было сказано, как толпился народ перед решеткой сада, кричал *ура* (когда Гарибальди входил, его чуть не сшибли с ног, дамы целовали руки, края

¹ В их числе, не считая Гарибальди и Маццини, были несколько близких им людей: *Саффи*, бывший триумвир в Риме, *Мордини*, продиктатор Сицилии, *Гверцони* и пр. В числе дам была M-me Stansfeld.

шинели) и пр.— все так, как было во всех домах, в которые приезжал *невенчаный король*.

За завтраком Маццини встал и, подняв свой бокал, сказал следующее:

«В провозглашенном мною тосте я соединю все то, что мы любим, все то, за что мы боремся:

За свободу народов,

За союз народов,

За того человека, который в наше время представляет живое воплощение этих великих идей, за ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ!

За несчастную, святую, героическую *Польшу*, которой сыны в молчании дерутся более года и умирают за свободу.

За *юную Россию*, которая под знаменем *Земли и Воли* в скором времени подаст Польше братскую руку, признает ее равенство, независимость и изгладит воспоминание о России царской.

За тех *русских*, которые, вслед за другом нашим Герценом, наиболее трудились для развития этой России.

За религию долга, которая дает нам силы на борьбу и смерть, за эти идеи!»

Тогда встал Гарибальди и, с *рюжкой марсалы* в руках, сказал:

«Я хочу сегодня исполнить долг, который уже давно следовало бы исполнить. Между нами здесь человек, оказавший величайшие услуги и моему родному краю, и свободе вообще. Когда еще я был юношей и имел одни неопределенные стремления, я искал человека, который бы мог быть путеводителем, советником моей юности, искал его, как жаждущий ищет воды... Я нашел его. Он один бодрствовал, когда все спало кругом. Он сделался моим другом и остался им навсегда, в нем никогда не потухал священный огонь любви к отечеству и к свободе. Этот человек ДЖУЗЕППЕ МАЦЦИНИ — я пью за него, за *моего друга, за моего наставника!*».

В голосе, в выражении лица, с которым были сказаны эти слова, было столько захватывающего и потрясающего, что они были приняты не шумом, а слезами.

После минутного молчания Гарибальди встал со словами:

«Маццини сказал несколько слов о несчастной Польше, с которыми я совершенно сочувствую. За Польшу, отчизну

мучеников, за Польшу, идущую на смерть за независимость и подающую великий пример народам.

Теперь выпьем за *юную* Россию, которая страдает и борется, как мы, и победит, как мы, за новый народ, который, освободившись и одолев Россию царскую, очевидно призван играть великую роль в судьбах Европы.

За *Англию*, наконец, за страну независимости и свободы, — страну, которая своим гостеприимством и сочувствием к гонимым, заслуживает полную благодарность нашу. За Англию, которая дает нам возможность собраться дружески вместе, как теперь...»

...После отъезда Гарибальди я написал ему следующее письмо:

«Я был так взволнован вчера, что не сказал вам того, что хотел, и ограничился одной благодарностью во имя *наступающей* России, притесненной не менее Польши, во имя России, умирающей в казематах и рудниках и *живущей* в сознании народа, просыпающегося с своим идеалом неразрывности *Земли и Воли*, да в меньшинстве, гонимом за то, что оно высказало это народное стремление.

С радостью услышат наши дальние друзья сочувствующие слова ваши; они им нужны, на их страдания редко бросают венки; отблеск преступлений, совершающихся в Польше, падает на нас всех.

В сущности, я и не жалею, что ничего не прибавил к словам благодарности. Что мог я прибавить? Тост за Италию? Да разве все собрание наше не было тостом за Италию? То, что я чувствовал, дурно умещалось в тост. Я смотрел на вас обоих, слушал вас с юным чувством пиетета, которое мне уже не под лета, и, видя, как вы, два великих путеводителя народов, приветствовали зарю восходящей России, я благословлял вас под скромной крышей нашей.

Вам я обязан лучшим днем моей зимы, — днем ясности безусловной, и за то еще раз обнимаю вас с пламенной благодарностью, с глубокой любовью и безграничным уважением.

18 апреля 1864. Александр Герцен.

Elmfield-house, Teddington».

UN MOT

Cher monsieur Fontaine,
voulez-vous insérer dans le prochain numéro de la *Cloche* la lettre suivante adressée au *Journal des Débats* qui n'a pas cru nécessaire de l'admettre dans sa feuille:

Monsieur,
permettez-moi de compter sur votre extrême obligeance et de vous prier d'insérer dans votre estimable feuille une petite rectification qui a une grande importance pour nous.

En donnant la traduction du toast prononcé par J. Mazzini, le 17 avril, dans notre maison (*Journal des Débats* du 22) le traducteur lui fait dire:

«A cette nouvelle Russie dont les aspirations sont *Patrie et Liberté*».

Il ne s'agit pas de la Patrie, monsieur, mais bien de la *Terre aux paysans*. Le texte du *Daily News* dit: «Whose desire is *Land and Liberty*».

Et en effet, notre programme entier se résume dans ces deux mots: *Terre et Liberté*. L'indépendance de notre patrie est trop assurée pour que nous ayons besoin d'en faire un toast.

Recevez, etc.

A. H e r z e n.

Il est vrai que J. Mazzini a été accusé de tant de choses, et de choses tellement graves et tellement absurdes, que faire peser sur lui une niaiserie de plus, dite à propos de la Russie et chez un Russe, ce n'est pas ajouter beaucoup à son compte, mais j'ai voulu rendre au traducteur du *Journal des Débats* ce qui lui appartient.

Votre tout dévoué

A. H e r z e n.

29 avril 1864.

Elmfield-house, Teddington. S. W.

ОДНО СЛОВО

Дорогой господин Фонтэн,
не угодно ли вам поместить в ближайшем номере «La Cloche»
нижеследующее письмо, адресованное газете «Journal des Débats»,
которая не сочла нужным принять его на свои страницы:

Милостивый государь,
позвольте мне рассчитывать на вашу величайшую любезность и попросить
вас поместить в вашей уважаемой газете маленькую поправку, которая
для нас имеет большое значение.

Давая перевод тоста, произнесенного Дж. Маццини 17 апреля в на-
шем доме («Journal des Débats» от 22-го числа), переводчик заставляет
его заявить следующее:

«За эту новую Россию, помыслы которой устремлены к *Отечеству* и
Воле».

Речь идет не об Отечестве, милостивый государь, а о предоставлении
Земли крестьянам. Текст «Daily News» гласит: «Whose desire is *Land*
and *Liberty*»¹.

И действительно, наша программа полностью резюмируется этими
двумя словами: *Земля и Воля*. Независимость нашей родины слишком
упрочена, чтобы нам надобно было провозглашать о ней тост.

Примите и проч.

А. Герцен.

Правда, что Дж. Маццини обвиняли во многих проступках,
и в проступках столь важных и столь бессмысленных, что отя-
готить его еще одной глупостью, сказанной о России и в доме
русского, значит добавить к его счету лишь немного, однако
я захотел возвратить переводчику «Journal des Débats» то, что
ему принадлежит.

Весьма преданный вам

А. Герцен

29 апреля 1864.

Elmfield-house. Teddington. S. W.

¹ «Чье желание — *Земля и Воля*» (англ.).— *Ред.*

ЧЕРКАССКИЙ-МИНИСТР РАЗВИВАЕТСЯ

Изобретатель детских розог явным образом имеет в своем характере что-то педагогическое, песталоцциевское; он в министерстве продолжает роль школьного учителя. Министр-славянофил (циркуляр от 4 апреля) распорядился, чтоб все чиновники, т. е. поляки, немцы, жидаы, старики 70, 80 лет и пр., учились по-русски и притом на срок; а будут дурно учиться — в отставку. Умирай с голоду, коли дурно учишься. Еще это хорошо, а то как стариков-то детскими розгами за бестолковые русские спряжения!

NOUVELLE PHASE DE LA LITTÉRATURE RUSSE

La nouvelle période littéraire commencée en Russie après la mort de Nicolas et la guerre de Crimée, période de réveil et d'élan dans le genre de la «*Drang und Sturm*» période des Allemands, vient d'être en partie détournée de sa voie. Cinq ans ont suffi pour fatiguer le gouvernement et la société. Le gouvernement, après l'émancipation des serfs, a eu peur de s'être trop avancé. Aux malentendus que les nouvelles ordonnances ont fait naître parmi les paysans, il répond par la mitraille; aux refus des étudiants d'obtempérer à de puérides exigences — par les casemates et l'exil: les condamnations pour délits politiques recommencent. Le 14 décembre 1861, le poète Mikhaïlov est condamné aux travaux forcés, pour avoir adressé à la jeunesse un appel qui n'a eu aucune suite.

La société, ce qui est peut-être plus étonnant, commence aussi à murmurer. Elle semble fatiguée de la liberté, avant même de l'avoir obtenue. Elle en craint les excès, avant d'en avoir eu la jouissance. La première effervescence passée, tout tend au calme plat.

Il ne fallait qu'un prétexte pour entrer en pleine réaction. La police le fournit. Pour sortir de l'impasse, elle frappe un grand coup, à l'*antique* et rejette sur les «rouges», les «socialistes» et la jeunesse en général, l'incendie d'un quartier de Saint-Petersbourg qu'elle n'a pas su éteindre, et auquel peut-être ont aidé quelques voleurs de rue. Ceci se passait au mois de mai 1862.

A cette accusation, comme si on l'eût attendue, s'élève dans les journaux une clameur contre les incendiaires. On demande des enquêtes et «des punitions extraordinaires». On accuse des jeunes gens qui avaient répandu une espèce de manifeste révolu-

tionnaire. «La Gazette de Moscou» tâche d'établir la complicité de la «Jeune Russie» avec les incendiaires et de faire peser sur celle-là la responsabilité des actes de ceux-ci. L'opinion publique s'alarme. On a peur à Pétersbourg. On a peur à Moscou. On a peur dans les provinces. Le gouvernement *doit* sauver la société, rassurer les esprits; et, pour ce faire, il s'empresse d'ordonner l'arrestation de quelques centaines de jeunes gens, étudiants et littérateurs.

La part que les journaux ont prise à cette alarme a été le prologue de la nouvelle phase du journalisme russe, phase, qui, l'année passée, a fait frémir l'Europe par la franchise sans gêne avec laquelle les feuilles russes ont applaudi aux supplices des Polonais et fait l'apothéose des exécuteurs.

Cependant, l'enquête sur les incendies continuait. Des centaines de personnes étaient examinées. Des maisons sans nombre étaient fouillées. On découvrait des presses clandestines, des imprimés destinés à être répandus, des projets de constitution, des rêves d'utopistes; mais pas un seul complice de ces farouches incendiaires qui avaient imaginé de brûler une ville pour gagner les sympathies de ses habitants.

Pendant plus d'un an, avec une ardeur sans pareille, avec un zèle fiévreux et avec tous les moyens dont la police russe dispose on poursuit l'instruction de ce procès... Pas un coupable.

A quatre reprises différentes «Le Kolokol», de Londres, a demandé les noms de ces exécrables Catilinas, de ces nouveaux Hérostrates, et les détails des peines qui leur ont été infligées... Silence de mort.

Le prince Souvoroff, gouverneur de Pétersbourg, homme loyal et honnête, fit un rapport sur le procès, et voulut le publier. Mais le ministre de l'intérieur, M. Valouïev, s'y opposa, trouvant scabreux de déclarer, après un an d'enquêtes, que l'on n'avait rien découvert. En outre, il était d'avis qu'il était bon pour le gouvernement de laisser planer le soupçon sur les hommes inquiets et turbulents.

Le gouvernement s'est vu si bien soutenu dans les vues réactionnaires, qu'il a commencé aussitôt à poursuivre avec acharnement la presse indépendante. On suspend les Revues; on jette à la forteresse le publiciste le plus notable, Tchernychevski; on

menace les uns; on achète les autres, et l'on parvient ainsi à créer une littérature d'ordre et d'*édilité morale*, qui, jusqu'alors, n'avait jamais existé en Russie.

La censure, passant de ses bureaux dans la littérature même, agit dès lors avec des armes beaucoup plus dangereuses que ne l'étaient les ciseaux. Un système d'insinuations, une police de correspondants commence à s'établir. Il ne fallait plus après cela que le soulèvement de la Pologne, pour que toute retenue, tout sentiment de décorum fussent dépassés.

C'est de cette période étrange, triste, que nous voulons dire quelques mots.

I

La littérature russe — proprement dite — ne commence qu'avec le XVIIIe siècle, c'est-à-dire avec la réforme de Pierre Ier. Elle en sort, nouvelle Minerve, tout armée de diplômes et en uniforme académique. La période naïve d'une croissance normale lui manque. Elle commence par les satires du prince Kantémir, et prend racine par les comédies de Von Viezen, pour aboutir au rire amer de Griboïédoff, à l'ironie implacable de Gogol, et à une négation sans peur, et sans bornes, de la nouvelle école.

Le seul grand poète et grand artiste qui puisse, par son chant sonore et large et sa placidité esthétique, faire exception, est Pouchkine; et c'est lui qui a tracé la figure triste et tout à fait nationale d'Onéguine, de *l'homme inutile*.

Il y avait bien, *avant la civilisation*, une autre littérature en germe. Mais celle-ci n'avait rien de commun avec la littérature civilisée. La langue, les caractères même de l'impression, tout était différent. C'était une littérature vulgaire et pauvre, dans laquelle se faisaient entendre les premiers sons d'un lyrisme tout populaire et les pieuses méditations des sectaires proscrits et persécutés; les chants en étaient doux, tristes, mélancoliques; se laissant aussi quelquefois aller à des accès de gaieté folle. Quant aux traités religieux, ils étaient toujours sombres, austères, ascétiques. Les chants, grâce aux nourrices, aux bonnes, à quelques vieux serfs, pénétraient parfois dans le monde *civilisé*. La littérature souterraine des sectaires restait cachée dans les forêts, au sein des communautés assez éloignées pour échapper à la doub-

le surveillance de la police orthodoxe et de l'église policière. Ce n'est que dans les derniers temps que l'on a commencé à recueillir, de la bouche même des paysans, ces chants et ces mélodies.

Toutefois, il nous semble indispensable de prévenir dès le commencement nos lecteurs, que dans le cours de cette étude — comme dans la ci-devant bonne compagnie russe — nous ne parlerons pas du tout de cette littérature élémentaire et nationale, qui a été constamment au-dessous du *cens civilisateur* de l'empire russe; la littérature qui nous occupe n'est pas une simple fleur de champs. Loin de là, c'est une fleur exotique, transportée à grands frais dans les serres impériales de Pétersbourg. Elle ne fut jamais soignée par les mains rudes d'un paysan. Ce fut dans les écoles d'Allemands cosmopolites, dans les casernes de la garde impériale et les chancelleries des bureaucrates qu'elle reçut son éducation. Aussi ne sortit-elle jamais, du cercle de la noblesse et des employés de l'Etat, et ne fut-elle, au fond, elle-même qu'un genre de service, un emploi, une fonction. Cela ne paraîtra pas étrange aux Allemands; ils ont eu une «philosophie de l'Etat»; nous avons eu également une littérature de l'Etat, ordonnée par le gouvernement, imposée par la police. Mais ce qui est fort étrange, c'est qu'après avoir fait son éducation aux frais de la couronne, dès qu'elle se sentit tant soit peu ferme sur les propres pieds, elle se transforma, avec une ingratitude remarquable, en opposition sourde, en protestation d'ironie et de dérision.

Rien ne saurait être plus erroné que de croire que cette littérature artificielle, transvasée de l'Occident, et frelatée d'une infusion allemande, n'ait pas été effectivement assimilée par le milieu russe, et ne se le soit pas assimilé à son tour. C'est tout le contraire. Elle a poussé des racines très vivaces dans un sol pierreux, dur, couvert de boue, où elle s'est développée, malade mais tenace, dès qu'elle se sentit tant soit peu délivrée de jardiniers pédants qui sacrifiaient tout à la régularité classique, et aimaient la taille des arbres plus que les plantes elles-mêmes. Elle s'est développée, avec la satire sur les lèvres et le dédain du milieu qui l'entourait dans le cœur, comme se développent ces pauvres gamins des grandes villes, dans des carrefours

sans air et sans lumière, entre une remise et un ruisseau, malingres, nerveux, étiolés, pâles, mais possédant un fond inépuisable de forces et de précocité. Comme eux, la littérature russe, dans sa première période, n'a jamais vu les champs. Elle ne s'est jamais éloignée de l'antichambre du palais; elle n'a jamais dépassé la dernière marche de *L'échelle des rangs*. Elle s'arrêtait là, où cesse l'officier et où commence le simple mortel. Et c'était juste; car, personne ne le lui enseignant, le simple mortel ne savait pas lire.

Sans base populaire, sans nécessité intérieure d'existence, sans souvenir, rompant avec le passé, méprisant tout ce qui était russe à l'exception de la force brutale et de la gloire militaire, se méprisant enfin elle-même, vu la position ridicule d'une société, pour ainsi dire, condamnée par le gouvernement à une civilisation pénale, cette littérature portait en elle évidemment les conséquences de son origine abrupte et révolutionnaire.

Pierre I-er avait voulu un état fort, avec un peuple passif. Il méprisait le peuple russe, dont il n'aimait que le nombre et la force, et poussait la dénationalisation beaucoup plus loin que ne le fait en Pologne le gouvernement actuel.

La barbe considérée comme un crime; le kaftan comme une révolte; des tailleurs menacés de mort pour avoir fait des habillements russes *aux Russes*: c'était bien là le *nec plus ultra*.

Le gouvernement, le seigneur, l'officier, le chef de bureau, l'intendant, l'étranger n'ont fait que répéter, et cela à six générations au moins, ce commandement de Pierre I-er: cesse d'être Russe, et tu auras bien mérité de la patrie. Méprise ton père, rougis de ta mère, oublie tout ce qu'on t'a appris à respecter dans la maison paternelle, et, de paysan que tu es maintenant, tu seras civilisé et Allemand; et une fois bien civilisé et bien Allemand, l'empereur te récompensera. Tu seras maître. Tu possèderas toi-même des paysans; et tu pourras, à l'occasion, acheter ta mère, si elle est serve, ou vendre ton père, s'il n'est pas libre¹. *Quelle éducation!*

¹ Il ne faut pas penser que cela soit une exagération. Le fils d'un paysan serf, une fois soldat, pouvait avec un peu de bravoure, ou beaucoup d'années de service, obtenir le rang d'officier, se marier avec une femme riche, et acheter chez son ci-devant maître le bien auquel appartenait sa famille.

Qu'on ne pense pas que nous regrettions — comme les panslavistes-moscovites — les mœurs et les coutumes qui régnaient en Russie avant Pierre I-er, et qui rendirent nécessaire une révolution violente. Nous ne parlons ici que de l'effet moral de la pédagogie étrange que nous venons de décrire.

Le tzarisme était sans le moindre doute inférieur au régime de Pétersbourg. Ce dernier avait en lui un levain, une agitation, une inquiétude, l'instigation de l'avenir, et par conséquent la possibilité de sortir de l'état présent, tandis que dans l'ancien régime il y avait une absence complète de mouvement, une véritable stagnation, un manque d'intelligence, d'idéal, de but. Une fois à l'abri des dangers extérieurs, ne craignant plus ni les Mongols, ni les Polonais, ni les Lithuaniens, le tzarisme ne savait plus que faire. Il avait bien des velléités timides de changement; mais une atmosphère lourde et somnolente s'épaississait autour de son trône byzantin. Le peuple, rendu plus malheureux que jamais par l'extension et la consolidation du servage, après des soulèvements désespérés commençait déjà à se retirer dans son *a parte*. Moscou tournait à une sorte de Chine boréale. Heureusement ce sommeil n'était pas tranquille. Il y avait comme un sentiment vague de remords, de gêne; et une fermentation désordonnée de forces non employées, trahissant un malaise organique, se manifestait par la corruption profonde des classes supérieures.

Or, c'est ce malaise, ce mécontentement plus senti que formulé, qui trouvèrent enfin leur représentant dans la personnalité violente, impatiente et novatrice de Pierre I-er. Pierre I-er fut véritablement pris pour un sauveur parce qu'ayant réveillé les gens en sursaut, il rouait de coups ceux qui s'endormaient encore une fois.

Ce monde d'apathie et de léthargie se trouva soudain violemment emporté par une activité fiévreuse. La couche supérieure, *la seule réveillée* et entraînée dans le mouvement, se détacha de plus en plus de la masse; tout rapport humain cessa entre les

Le fils propriétaire, avait plein droit de vendre le père; ...et le père-propriété, n'en avait aucun de se plaindre ou de protester. Nous avons eu de braves patriarches de province, qui unissant l'utile à l'agréable, vendaient, à l'américaine, leur propres enfants illégitimes, nés de leurs malheureuses servantes ou paysannes. Et cet ordre de choses a duré jusqu'à 1861!

cimes et les vallées et ce fut au milieu de ce procès de séparation et de divorce définitif que se forma la littérature russe, protégée par le gouvernement comme une branche du service public. Si l'on pense à cette position étrange, on voit facilement quels sont les deux seuls sentiers dans lesquels cette littérature pouvait marcher. Elle n'avait de choix qu'entre un gouvernementalisme absolu, peut-être même sincère, vu que le gouvernement représentait «la civilisation», et le caractère d'ironie et de sarcasme qui seul peut convenir à des hommes placés entre deux mondes absurdes, au milieu d'un remue-ménage désordonné, d'un véritable bal masqué, où fourmillaient les contrastes les plus criants, où personne ne se reconnaissait, et où le grotesque n'était tempéré que par l'horrible et le farouche.

C'est aussi ce qui s'est produit. La poésie froide et pompeuse des dithyrambes et des panégyriques calquée sur le latin, l'allemand et le français, ne pouvait devenir populaire, même dans la société de Saint-Pétersbourg. Derjavine, par exemple, était un grand talent; mais Derjavine, fort goûté dans les hautes écoles, dans les séminaires, parmi le clergé et les littérateurs, Derjavine lui-même était dans la société beaucoup plus respecté que lu.

Le premier succès littéraire profond, sérieux, durable, appartient aux comédies de Von Viesen, écrites vers le milieu du règne de Catherine II.

Von Viesen, homme très civilisé, philosophe dans le sens des encyclopédistes, appartenant lui-même à la haute société, ayant passé beaucoup de temps à l'ambassade russe à Paris, ne pouvait contenir sa verve satirique au spectacle de cette société demi-barbare aux allures d'une civilisation raffinée. Il essaya de représenter cet étrange amalgame sur la scène, et réussit parfaitement. On se pâmait de rire en se voyant ridiculisé sans pitié aucune. Le succès de son «Brigadier»¹ fut immense, complet. Le prince Potiomkine qui, avec tous ses défauts, était loin de manquer d'une certaine largeur d'esprit, après la première représentation du «Brigadier», à laquelle il avait assisté, rencontra l'auteur

¹ Note: chef d'une brigade, entre colonel et général, rang qui n'existe plus dans l'armée russe.

NOUVELLE PHASE

DE LA

LITTÉRATURE RUSSE

PAR

A. HERZEN

(Iskander)

BRUXELLES ET GAND

C. MUQUARDT, LIBRAIRE-ÉDITEUR

MÊME MAISON A LEIPZIG

—
1864

«Nouvelle phase de la littérature russe»
(«Новая фаза в русской литературе»)
Титульный лист отдельного издания 1864 г.

au sortir du théâtre, lui prit la main, et lui dit tout ému: «Von Viesen, meurs maintenant!»

Von Viesen fit mieux. Il écrivit une seconde comédie. Le succès du «Nédorosl»¹ surpassa de beaucoup celui du «Brigadier».

C'est une œuvre qui restera dans l'histoire et dans la littérature russe, comme tableau des mœurs de la Russie noble, régénérée par Pierre I-er.

Ce premier rire — les satires du prince Kantémir n'étaient guère que des imitations — retentit au loin, et alla réveiller toute une phalange de grands rieurs. Et c'est à ces rieurs à travers les larmes que la littérature doit ses plus grands succès et la plus grande part de son influence en Russie.

Le rire, cette flagellation de nous-mêmes, a été notre expiation, la seule protestation, la seule vengeance qui nous fût possible, et cela dans des limites très resserrées.

Dès que la conscience se réveillait, l'homme voyait avec dégoût la vie hideuse qui l'entourait: aucune indépendance, aucune sécurité individuelle, aucun lien organique avec le peuple. L'existence même n'était qu'un genre de service public. Se plaindre, protester — impossible. Radichtchev en fit l'essai. Il écrivit un livre sérieux, triste, plein de larmes. Il osa élever la voix en faveur des malheureux serfs. Catherine II le fit déporter en Sibérie, disant qu'il était plus redoutable que Pougatcheff. Se moquer était moins dangereux: le cri de rage prit le masque de rire; et voilà que de génération en génération, se mit à retentir un rire lugubre et fou, et qui s'efforçait de rompre toute solidarité avec ce monde étrange, ce milieu absurde et qui, de crainte d'être confondu avec lui, le montrait du doigt. Il n'y a peut-être pas d'autre peuple au monde qui l'eût souffert, pas de littérature qui l'eût osé. S'il y a une exception, elle n'appartient qu'à l'Angleterre. Et encore le grand rire de Byron et la raillerie amère de Dickens trouvent-elles des limites. Notre implacable ironie, notre *autosection* passionnée ne s'arrête à rien, et n'a peur de rien dévoiler, car elle n'a rien de sacré à profaner. Le système d'éducation de Pierre I-er a porté ses fruits.

Le plus grand succès littéraire qui ait suivi les comédies de

¹ Un mincur.

Von Viesen, et cela à des intervalles de 50 et de 60 ans, appartient, comme il fallait s'y attendre, à une œuvre du même genre. Dans l'intervalle, il ne se fit pas grand'chose. La pensée russe dénationalisée, vague, flottante, sans initiative, toute d'imitation, tantôt penchant vers le martinisme, tantôt vers l'encyclopédisme, inspirait des livres maigres, décolorés, guindés, peu lus alors, oubliés maintenant.

La comédie de Griboïedoff¹ vint clore le règne d'Alexandre I-er et relia par son rire l'époque la plus brillante de la Russie moderne — époque d'espérances et de jeunesse morale — aux temps sombres et taciturnes de Nicolas.

Pour bien apprécier la portée et l'influence de l'œuvre de Griboïedoff en Russie, il faut se reporter aux temps où la première représentation du «Mariage de Figaro» avait en France l'importance d'un coup d'Etat. Cette comédie russe a été lue, apprise par cœur et copiée dans tous les coins de l'Empire, avant la première représentation, avant *l'imprimatur* de la censure. Nicolas permit la représentation de la pièce pour lui ôter l'attrait du fruit défendu et en autorisa l'impression tronquée pour contrecarrer la circulation du manuscrit.

C'est encore une fois le *vacuum horrendum* de la haute société russe, et principalement moscovite, qui fait le sujet de cette pièce. Mais ce n'est plus le bon vieux temps de Von Viesen; un demi-siècle a apporté beaucoup de changements. Les couleurs ne sont plus si grêles, et le rire est moins gai. Le beau monde de Griboïedoff contrefait mieux Paris, quoiqu'il sente encore son cuir russe à dix pas de distance.

Quelle était au commencement de notre siècle la haute société de Moscou, de laquelle on a fait en Occident l'invention fantastique des *Vieux boyards*, opiniâtres dans leur opposition, ayant une conviction erronée, mais ayant une conviction? On peut s'en faire une idée assez juste en consultant une série de lettres admirables de miss Wilmott, publiées à la suite des mémoires de la princesse Dachkov². Griboïedoff, né en 1795, au milieu de ce monde, n'avait pas besoin de quitter la maison paternelle pour voir, de

¹ «Goré ot oumà», «Malheur à l'esprit».

² En anglais, 2 volumes.

ses propres yeux, ces «spectres de dignitaires en retraite» couvrant de décorations et de plaques des âbimes d'incapacité, d'ignorance, de vanité, de servilisme, d'arrogance, de lâcheté et même de frivolité; et autour de ces «défunts qu'on a oublié d'enterrer», un monde de clients, d'intrigants, de fainéants, traînant une existence de formalisme, d'étiquette, dénuée de tout intérêt général.

La distance entre 1810 et 1820 n'est pas grande; mais entre les deux se place 1812. Les mœurs sont les mêmes; les ombres sont les mêmes; les seigneurs qui reviennent de leur province dans la capitale incendiée sont les mêmes. Mais il y a quelque chose de changé. Un esprit a passé; et ce qu'il a touché de son souffle n'est plus le même. Et d'abord, le foyer qui réfléchit ce monde a quelque chose de nouveau à quoi Von Viesen n'a pas songé. L'auteur a une arrière-pensée; et le héros de la comédie n'est que l'incarnation de cette arrière-pensée.

La figure de Tchatzki, qui, mélancolique et dépaycée dans son ironie, frémissante d'indignation et pleine d'un idéal rêveur, apparaît sur la dernière marche des temps d'Alexandre — la veille de l'insurrection sur la place d'isaac — c'est le *Décembriste*; c'est l'homme qui *accomplit* l'époque de Pierre I-er, et s'efforce de distinguer au moins à l'horizon la terre promise... qu'il ne verra pas.

On l'écoute en silence, parce que le monde auquel il parle le prend pour un fou — fou à lier — et, derrière son dos, se moque de lui.

II

La courte période qui s'étend de 1812 à 1825 doit être considérée comme la dernière période organique de l'époque *civilisatrice* en Russie: le programme, en effet, était accompli, dépassé même.

On avait voulu un état fort — Alexandre revenait de Paris, entouré d'un état-major de princes allemands. On avait voulu une noblesse civilisée — la jeunesse aristocratique était libérale, révolutionnaire même, et ne cédant en rien aux radicaux les plus fougueux de son temps.

Du jour où la civilisation commença à se sentir assez forte pour se passer de protection, et le gouvernement à s'apercevoir qu'elle allait échapper à ses bienfaits et à sa direction, une

collision entre le despotisme protecteur et la civilisation protégée devint imminente. La lutte, à peine engagée, se termina en faveur de l'autocratie. Un régime inexorable de répression suspendit pour trente ans toute initiative politique en dehors du gouvernement, arrêta sur les lèvres la parole commencée et refoula la pensée dans son for intérieur pour lui donner — très involontairement sans doute — une toute autre direction... beaucoup plus grave que ne l'était la précédente.

Dès que l'on revint à soi, après l'abattement général qui suivit la terreur des premières années du règne de Nicolas, une question formidable commença à se dégager de plus en plus des préjugés exotiques greffés sur nous, des opinions toutes faites importées d'ailleurs, et des traditions adoptives. Cette question fatale se dressait devant l'homme pensant, et semblable au Dieu de la Bible, lui demandait encore une fois: *Cain, qu'as-tu fait de ton frère?*

On commençait à s'apercevoir avec inquiétude de l'absence du peuple. L'édifice de la civilisation russe apparut alors comme suspendu dans les airs, hissé par une corde dont le bout était dans les mains du gouvernement. Mais quelle était la cause de cette indifférence du peuple, de cette apathie dans le malheur et la souffrance? L'histoire du peuple russe présente en effet un spectacle bien étrange. Durant une existence de plus de mille ans, il n'a fait qu'occuper, défricher un territoire immense, et le garder jalousement comme l'apanage de sa race. Ses possessions sont-elles menacées, il s'émeut et va à la mort pour les défendre; mais une fois sûr de l'intégrité de son territoire, il retombe dans son indifférence passive, indifférence que savent si parfaitement exploiter le gouvernement et les classes supérieures.

Et ce qui confond, c'est que ce peuple non seulement ne manque ni de courage, ni de force, ni d'intelligence, mais au contraire possède ces qualités en abondance. Le paysan russe, en effet, est plus développé que ne l'est la classe agricole dans presque toute l'Europe, la Suède, la Suisse et l'Italie offrant seules quelques exceptions.

La question se présentait en général de la manière suivante. Le peuple russe semblait être une couche géologique enfouie sous une strate supérieure avec laquelle elle n'avait pas d'affinité

active, quoiqu'elle se fût séparée d'elle. Les forces dormantes, les puissances occultes de cette couche n'avaient jamais été complètement réveillées; et elles pouvaient tout aussi bien sommeiller jusqu'à un nouveau déluge, qu'elles pouvaient être réveillées par la rencontre d'autres éléments capables d'imprimer à cette couche une nouvelle existence. De là, naturellement, cette question: où sont ces éléments; quels sont-ils? Si pendant dix siècles le peuple russe ne les a pas rencontrés, qui sait s'il les rencontrera pendant son second millésime? Dans ce cas, il n'aurait qu'à se préparer à une existence assez analogue à celle de ses voisins du Thibet et du Boukhara. Du reste, pour les peuples qui ne sont pas entrés dans l'histoire, le temps ne compte pas; leur *service actif* n'a pas encore commencé.

Les hommes qui n'aiment pas à sortir des sentiers battus, sentiers très sûrs effectivement pour arriver d'un endroit connu à un autre endroit connu, disaient alors, comme ils le font maintenant: «Pourquoi suppose-t-on que le peuple russe puisse avoir un autre développement historique que celui par lequel se sont élaborées les constitutions des autres peuples modernes?» Les hommes auxquels on adressait cette question pouvaient répondre: «Pourquoi? — Qu'en savons nous! Ce n'est pas un privilège que nous voulons garder, ni un avantage que nous revendiquons pour lui. La Russie n'a pas plus de mission à remplir que tout autre peuple; cette idée judaïque n'a jamais été la nôtre. Nous ne faisons donc que constater un fait. Et comme nous pouvons affirmer que l'élément de la conquête, la force municipale, la puissance de la bourgeoisie manquent à la vie russe, nous avons le droit de dire que le ferment, le réactif, le levain qui pourrait entraîner le peuple russe, l'entraîner moralement, à une fermentation organique, était inconnu à l'époque dont nous parlons, et est à peine pressenti maintenant». On s'aperçut clairement, après 1825, que la classe supérieure ne l'avait pas, ce levain; la «civilisation» ne l'avait pas non plus; le gouvernement ne l'avait pas. Au reste le gouvernement, sorti de son rôle «civilisateur», n'avait rien pour lui que la force acquise et l'apathie du peuple.

C'est alors qu'une inquiétude de désespoir et un scepticisme douloureux s'emparèrent des âmes froissées. L'enthousiaste, Tchatzki (le héros de la comédie de Griboïedoff), décembriste au

fond de l'âme, cède la place à Onéguine, au héros de Pouchkine, à l'homme qui s'ennuie, et sent sa colossale inutilité. Onéguine qui était entré dans le monde le sourire sur les lèvres, à chaque chant s'assombrit de plus en plus, et finit par se perdre dans le néant, sans laisser une trace, une pensée. Le type était trouvé; et dès lors chaque roman, chaque poème a son Onéguine, c'est-à-dire un homme condamné à la fainéantise, inutile, désorienté, et qui, étranger dans sa famille, étranger dans son pays, ne voulant pas faire le mal et impuissant à faire le bien, ne fait rien au bout du compte, quoiqu'il essaie de tout, à l'exception de deux choses, qui sont: la première, qu'il ne se range jamais du côté du gouvernement; la seconde, qu'il ne sait jamais se ranger du côté du peuple.

«Ceux qui du temps de Nicolas disaient que l'Onéguine de Pouchkine, était le Don Juan des mœurs russes, ne comprenaient ni Byron, ni Pouchkine, ni l'Angleterre, ni la Russie; ils s'en tenaient à la forme extérieure. Onéguine est la production la plus importante de Pouchkine: elle a absorbé la moitié de son existence. Ce poème a été mûri par les tristes années qui ont suivi le 14 décembre, et l'on irait croire qu'une œuvre pareille est une imitation!»

«Onéguine, ce n'est ni Hamlet, ni Faust, ni Manfred, ni Obermann, ni Trenmor, ni Charles Moor; Onéguine est un Russe du temps de Nicolas; il n'était possible qu'en Russie; là il était nécessaire, et on l'y rencontrait à chaque pas. Onéguine, c'est un fainéant, parce qu'il n'a jamais eu d'occupation; un homme superflu dans la sphère où il se trouve, et qui n'a pas assez de force de caractère pour en sortir. C'est un homme qui tente la vie jusqu'à la mort et qui voudrait essayer de la mort pour voir si elle ne vaut pas mieux que la vie. Il a tout commencé, sans rien poursuivre; il a pensé d'autant plus qu'il a moins fait; il est vieux à l'âge de vingt ans, et il rajeunit par l'amour en commençant à vieillir. Il a toujours attendu, comme nous tous à cette époque, quelque chose, parce que l'homme n'a pas assez de folie pour croire à la durée d'un état de choses tel qu'il existait alors en Russie. Rien n'est venu, et la vie s'en est allée. Le personnage d'Onéguine était si national qu'il se rencontrait dans tous les romans et dans tous les poèmes qui ont eu quelque retentissement en Russie, non

pas qu'on ait voulu le copier, mais parce qu'on le trouvait continuellement autour de soi ou en soi-même»¹.

Tchatzki est un Onéguine raisonneur, son frère aîné; «Le Héros de nos jours», de Lermontoff, est son frère cadet. Même dans les productions secondaires, Onéguine reparaît, outré ou incomplet, mais reconnaissable. Si ce n'est lui, c'est au moins sa copie. Le jeune voyageur, dans le «Tarantass» du comte Sollogoub, est un Onéguine borné et mal élevé. Le fait est que nous étions tous plus ou moins Onéguine, à moins que nous n'ayons mieux aimé d'être *tchinovnik* (employés) ou *pomechtchik* (propriétaires).

«La civilisation nous perd, nous désoriente,— disais-je alors. C'est elle qui fait que nous sommes à charge aux autres et à nous-mêmes, désœuvrés, inutiles, capricieux; que nous passons de l'excentricité à la débauche, dépensant sans regret notre fortune, notre cœur, notre jeunesse, et cherchant des occupations, des sensations, des distractions. Nous faisons tout: de la musique, de la philosophie, de l'amour, de l'art militaire, du mysticisme, pour nous distraire, pour oublier le vide immense qui nous opprime. Civilisation et esclavage, sans même qu'il y ait, «un chiffon de papier» entre les deux, pour empêcher que nous ne soyons broyés intérieurement ou extérieurement entre ces deux extrêmes forcément rapprochés!.. On nous donne une éducation large, on nous inocule les désirs, les tendances, les souffrances du monde contemporain, et l'on nous crie: restez esclaves, muets, passifs, ou vous êtes perdus! En récompense, on nous laisse le droit d'écorcher le paysan, et de dissiper sur le tapis vert ou au cabaret l'impôt de sang et de larmes que nous prélevons sur lui. Le jeune homme ne rencontre aucun intérêt vivace dans ce monde de servilisme et d'ambition mesquine. Et pourtant, c'est dans cette société qu'il est condamné à vivre, car le peuple est encore plus éloigné de lui. «*Ce monde*» est au moins composé d'êtres déçus de la même espèce, tandis qu'il n'y a rien de commun entre lui et le peuple.

Les traditions ont été si bien rompues par Pierre I-er qu'il n'y a pas de force humaine capable de les réunir, au moins quant

¹ «Du développement des idées révolutionnaires en Russie par Iskander (A. Herzen)», 2-e édition, Londres, 1854.

à présent. Reste l'isolement ou la lutte; et nous n'avons assez de force morale ni pour le premier ni pour la seconde. C'est ainsi qu'on se fait Onéguine, si l'on ne périt pas dans les maisons publiques ou dans les casemates d'une forteresse. Nous avons volé la civilisation; et Jupiter veut nous punir avec le même acharnement qu'il a mis à tourmenter Prométhée».

A côté d'Onéguine Pouchkine a placé Vladimir Lénski, autre victime de la vie russe, le *revers* d'Onéguine. C'est la souffrance aiguë, à côté de la souffrance chronique. C'est une de ces natures virginales, pures, qui ne peuvent s'acclimater dans un milieu corrompu et fou; qui ont accepté la vie, mais ne peuvent rien accepter de plus du sol immonde, si ce n'est la mort. Victimes expiatoires, ces adolescents passent jeunes, pâles, marqués au front par la fatalité, comme un reproche, comme un remords, et laissent encore plus noire la triste nuit dans laquelle ils vivaient.

Entre ces deux types, entre l'enthousiaste dévoué, le poète, et de l'autre côté, l'homme fatigué, aigri, inutile; entre la tombe de Lénski et l'ennui d'Onéguine se traînait le fleuve profond et bourbeux de la Russie civilisée, avec ses aristocrates, bureaucrates, officiers, gendarmes, grands ducs et empereur, masse informe et muette de bassesse, de servilisme, de férocité et d'envie, qui entraînait et engloutissait tout; ce gouffre, comme dit Pouchkine, où, cher lecteur, nous nous baignons avec vous.

Il fallait à tout prix en sortir de ce gouffre. Mais à la porte se tenait notre sphynx populaire, avec son énigme dont personne ne savait le mot.

La première parole grave qui ait été prononcée, le premier essai de solution, essai donnant d'ailleurs une réponse complètement négative est la lettre célèbre de Tchaadaïeff.

La publication de cette lettre fut un événement des plus graves. Ce fut un défi, un signe de réveil; elle rompit la glace après le 14 décembre. Enfin, il vint un homme dont l'âme débordait d'amertume. Il trouva une langue terrible pour dire avec une éloquence funèbre, avec un calme accablant tout ce qui s'était accumulé d'acérbe, en dix années, dans le cœur du russe civilisé.

Cette lettre fut le testament d'un homme qui abdique ses droits, non par amour pour ses héritiers, mais par dégoût. Sévère et froid, l'auteur demande compte à la Russie de toutes les souff-

frances dont elle abreuve un homme qui ose sortir de l'état de brute.

Il veut savoir ce que nous achetons à ce prix; par quoi nous avons mérité cette situation. Il l'analyse, cette situation, avec une profondeur désespérante, inexorable; et, après avoir terminé cette vivisection, il se détourne avec horreur, en maudissant le pays dans son passé, dans son présent et dans son avenir. Oui, cette sombre voix ne s'est fait entendre que pour dire à la Russie qu'elle n'a jamais existé humainement, qu'elle ne représentait «qu'une lacune de l'intelligence humaine, qu'un exemple instructif pour l'Europe».

Il dit à la Russie que *son passé a été inutile, que son présent est superflu et qu'elle n'a aucun avenir.*

Et à côté du vieillard austère qui lançait cette excommunication, un jeune poète, Lermontoff chantait ainsi:

«Je contemple avec douleur notre génération: son avenir est vide et sombre; elle vieillira dans l'inaction; elle s'affaîssera sous le poids du doute et d'une science stérile.

«La vie nous fatigue comme un long voyage sans but.

«Nous sommes comme ces fruits précoces qui s'égarerent parfois, orphelins étrangers, parmi les fleurs; ils ne charment ni l'œil, ni le goût; ils tombent au moment de mûrir.

«Nous nous précipitons vers la tombe, sans bonheur, sans gloire; et nous jetons avant le trépas un regard d'amer dédain sur notre passé.

«Nous passerons inaperçus sur cette terre, foule morne, silencieuse et bientôt oubliée.

«Nous ne léguerons rien à nos descendants, ni une idée féconde, ni une œuvre de génie; et ils insulteront nos cendres par un vers dédaigneux, ou par le sarcasme qu'adresse un fils ruiné à un père dissipateur».

Rien ne peut démonter avec plus de clarté le changement opéré dans les esprits, depuis 1825, que la comparaison entre Pouchkine et Lermontoff. Pouchkine, souvent mécontent et triste, froissé et plein d'indignation, est pourtant prêt à faire la paix. Il la désire, il n'en désespère pas; une corde de réminiscence des temps de l'empereur Alexandre ne cessait de vibrer dans son cœur. Lermontoff était tellement habitué au désespoir, à l'antagonisme,

que non seulement il ne cherchait pas à en sortir, mais qu'il ne concevait la possibilité ni d'une lutte, ni d'un accommodement. Lermontoff n'a jamais appris à espérer; il ne se dévouait pas, parce qu'il n'y avait rien qui sollicitât son dévouement. Il ne portait pas sa tête avec fierté au bourreau, comme Pestel et Ry-léïff; il ne pouvait croire à l'efficacité du sacrifice. Il se jeta de côté et périt pour rien¹.

Ajoutons encore à cela un trait caractéristique.

La Russie n'avait alors qu'un peintre généralement connu, Brulov. Or, quel est le sujet où l'artiste a cherché l'inspiration; quel est le sujet de son principal tableau, du chef-d'œuvre, qui lui a valu quelque réputation en Italie?

Regardez cette étrange production.

Sur une immense toile, vous voyez des groupes d'hommes effrayés, stupéfaits; ils s'efforcent de se sauver; ils périssent au milieu d'un tremblement de terre, d'une éruption volcanique, d'un véritable cataclysme; ils succombent à une force sauvage, stupide, inique, contre laquelle toute résistance serait inutile. Telle est l'inspiration puisée dans l'atmosphère de Saint-Pétersbourg.

L'année même de la mort de Lermontoff, parurent «Les âmes mortes» de Gogol.

C'était à côté des méditations philosophiques de Tchaadaïeff et des réflexions poétiques de Lermontoff, le cours pratique de la Russie. C'est une série d'études pathologiques, prises sur le fait, avec un talent gigantesque et tout à fait original. Gogol ne s'en prend ni au gouvernement, ni à la haute société; il élargit le cadre, le cens, et sort des capitales; c'est l'homme des bois et des champs, le loup, le gentillâtre; c'est l'homme de l'encre, le renard, le petit employé de province, et leurs femelles étranges qui servent de sujets à ses vivisections. La poésie de Gogol et son triste rire, ne sont pas seulement un acte d'accusation contre cette existence absurde, mais le cri d'angoisse de l'homme qui veut se sauver avant qu'on l'enterre vivant dans ce monde de fous. Pour qu'un tel cri puisse s'échapper d'une poitrine, il faut qu'il y ait des parties saines et une grande force de réhabilitation.

¹ Lermontoff fut tué en duel en 1840.

Gogol sentait — et beaucoup d'autres sentaient avec lui — *les âmes vivantes derrière les âmes mortes*.

Il se trouve donc des gens qui, après l'oraison funèbre de Tchaadaïeff relevant la tête, protestèrent contre son certificat de décès. «Notre histoire», disaient-ils, «est à peine commencée. Malheureusement, nous avons perdu notre route; il faut rebrousser chemin et sortir de ce cul-de-sac dans lequel nous a poussés l'empire civilisateur, de sa main hautaine et grossière».

Les audacieux qui osèrent nier le régime civilisateur de l'empire allemand en Russie, comme cela arrive toujours en pareil cas, tombèrent dans de grandes exagérations, confondirent l'Occident véritable avec l'Occident de Pétersbourg, et en revinrent à une administration artificielle, à formes étroites, de l'état moscovite. Ce fut une réaction, un lunatisme, quelque chose dans le genre du romantisme en Allemagne, ou du préraphaélisme en Angleterre. L'intolérance de ces hommes empêcha la Russie, pendant des années, de reconnaître le grand instinct de vérité qu'ils possédaient incontestablement.

Les slavophiles — comme les saint-simoniens — avaient un pressentiment très juste, mais vague, d'un nouvel ordre des choses, seulement, au lieu d'en élaborer le côté positif, ils en firent une religion, et une religion du passé, qui ne correspondait nullement à leur propre idée du peuple russe. Ils découvrirent sous la couche de la civilisation gouvernementale les *éléments* d'une autre existence, et voulurent ressusciter des *institutions* dans lesquelles ces éléments n'ont jamais pu se développer.

La lettre de Tchaadaïeff avait retenti comme un coup de pistolet au milieu d'une nuit profonde. Était-ce l'annonce de quelque fléau, un appel au secours, un signal de réveil, un cri de détresse? Peu importe. Ce qu'il y a de certain, c'est qu'après cela on ne pouvait plus dormir.

A ce cri de désespoir, les slavophiles répondirent par un cri d'espérance. Les deux écoles se formèrent; et leur lutte contient la majeure partie de l'histoire de l'esprit russe jusqu'à 1848.

Entre ces deux extrêmes se forma bientôt un parti indépendant. Ce parti ne voulait accepter ni la religion du désespoir, ni celle de l'espérance. Il ne voulait, en général, d'aucune croyance imposée. C'était un groupe d'hommes, de savants, de littérateurs,

qui voulaient étudier la question sans arrière-pensée, faire l'enquête sans parti pris. Tout en ne partageant point la manière noire d'envisager l'avenir de Tchaadaïeff, ils repoussaient le culte des revenants prêché par les slavophiles. C'est de leurs rangs que sortirent les hommes les plus remarquables du decennium, le publiciste et critique Béliński, le professeur Granovski et enfin l'auteur des «Récits d'un Chasseur», Ivan Tourguéneff.

Nous n'entrerons dans aucun détail concernant la polémique de ces partis; mais il importe de constater que les hommes qui désespéraient de la Russie, et ceux qui cherchaient son salut dans le passé, nous tous enfin, avec toutes nos variétés d'espérance et de foi, de doute et d'incrédulité, d'amour et de haine, nous avions un point sur lequel tous nous étions d'accord, un point sur lequel Tchaadaïeff, Khomiakoff ¹ et Béliński se donnaient parfaitement la main, et ce point, *c'était la condamnation du régime impérial tel qu'il s'est élaboré sous Nicolas*. Il n'y avait pas deux opinions sur le gouvernement de Pétersbourg. Il était apprécié de la même manière par tous les hommes qui avaient des convictions indépendantes. Et c'est ici qu'il faut chercher l'explication du spectacle étrange que donnait dans les salons littéraires de Moscou, la rencontre tout amicale d'hommes appartenant à des partis diamétralement opposés.

Il y avait un journal non officiel, mais rédigé dans le sens gouvernemental «L'Abeille du Nord»; on le recevait comme un dossier pris au greffe d'une chancellerie de police, mais non comme une feuille sérieuse. Il se produisait dans la littérature des faits isolés de servilisme, de clientisme; mais pas un qui n'ait soulevé une indignation générale. Toute la gloire de Pouchkine ne put le sauver de l'improbation générale que souleva une lettre qu'il avait adressée à l'empereur Nicolas. Toute la popularité de Gogol s'évanouit devant quelques lettres dans lesquelles il se rangeait du côté du pouvoir. Un poète qui faisait son chemin, s'avisa un beau jour de s'enthousiasmer devant la calèche et la figure grande et martiale de Nicolas; cette pièce de vers souleva une telle indignation que, se voyant perdu, ce malheureux demandait, les larmes aux yeux, pardon à ses amis de s'être laissé entraîner, jurant de ne jamais plus se dégrader de cette manière.

¹ Le poète panslaviste.

Or, nous insistons particulièrement sur cela, toute la littérature du temps de Nicolas fut une littérature d'opposition, une protestation permanente contre la suppression de tout droit humain par le gouvernement. Cette opposition prenait, comme un Prothée, toutes les formes et toutes les langues. Elle démolissait en chantant; elle sautait en riant. Ecrasée dans un journal, elle renaissait dans une chaire universitaire; persécutée dans un poème, elle continuait dans un cours de sciences naturelles. Elle se manifestait même par le silence, et savait pénétrer, à travers murs et portes, dans les dortoirs des instituts de jeunes demoiselles, dans les salles d'exercices militaires des écoles de cadets, et dans les salles d'exercices théologiques des séminaires.

Au milieu de cette germination sourde et cachée, retentit la nouvelle de la Révolution de Février.

Nicolas était bien résolu cette fois à en finir complètement avec tout mouvement intellectuel en Russie. Il commença donc une guerre ouverte, implacable, à la pensée, à la parole, à la science. Sept ans — juste la période d'épreuve exigée par Pythagore — la Russie civilisée se traîna, le boulet au pied, dans un silence profond, humiliée, offensée et se sentant sans force... c'est-à-dire sans peuple.

Quelques jeunes gens¹ assez imprudents, se hasardèrent en 1849 à se réunir pour parler socialisme et économie politique. On les condamna à être fusillés; on leur lut la sentence sur la place publique; on leur banda les yeux; et après leur avoir ainsi infligé goutte à goutte la torture de l'agonie, on les *grâcia*... aux travaux forcés. Le silence fut rétabli... et cette fois pour tout de bon.

«Que Bélinski est heureux d'être mort à temps», m'écrivait en 1851 Granovski, «les hommes forts sont tombés dans le désespoir, et regardent ce qui se passe avec une muette indifférence... Quand s'écroulera donc ce monde?»

Et il ajoutait: «De sourds murmures se font entendre de tous côtés; mais où sont les forces? Oh! frère, — que le fardeau de notre vie est lourd!»

¹ Pétrachefski, Dostoïefski, Spechneff etc.

Dans le triste loisir des prisons des dernières années du règne de Nicolas, les idées mûrissaient vite. Des deux côtés on taisait ce que l'on voyait de plus en plus clairement. Le gouvernement, réduisant tout à la répression, au décorum de l'ordre, ne trouvait nulle part d'obstacles; et cependant Nicolas devenait tous les jours plus ombrageux, plus soupçonneux. S'il n'évita pas la guerre de Crimée, c'est que, au fond, sans s'en rendre compte, il était content d'introduire un mouvement quelconque dans cet état de stagnation muette et lugubre qui commençait à lui faire peur par sa résignation sans conviction, et son obéissance sans dévouement. Il pensait qu'en tout cas la guerre ne profiterait pas à la liberté; et puis... il était si sûr de la victoire! y avait-il donc si longtemps qu'un général autrichien avait à *genoux imploré* un de ses lieutenants de sauver le trône apostolique¹, et que Paskévitch lui avait écrit: «La Hongrie est aux pieds de Votre Majesté».

Après la série de défaites qu'il eut à essayer en Crimée, Nicolas comprit avec horreur toute la faiblesse de cette organisation à laquelle il avait tout sacrifié. Sa mort fut un aveu, une abdication; Caton du despotisme, il ne voulut pas survivre à un ordre de choses qu'il avait travaillé trente ans à élever, et qui s'écroulait au premier coup de canon.

Le charme était brisé. Le gouvernement et la société se regardèrent en face, comme pour s'adresser l'un à l'autre cette question: *Est-ce donc vrai?* Et, de part et d'autre, on se sentait très content *que ce fût vrai*. Le gouvernement lui-même se trouvait comme affranchi d'un fardeau insupportable, et ne le cachait pas. Alexandre II se hâta de faire la paix, avec les alliés, et de donner un peu de liberté à l'intérieur, ou, pour mieux dire, un peu moins de persécutions.

La masse d'idées, de pensées, qui se firent jour alors est prodigieuse. Tout ce qui avait été enseveli au fond de l'âme sous la pression du silence forcé trouva tout à coup une langue pour pro-

¹ Le général comte Caboga, ne pouvant ébranler Paskévitch, se jeta en présence du secrétaire de ce dernier, Hilferding, à genoux devant le maréchal, et lui dit: «Mon souverain me charge d'implorer à genoux votre secours».

tester et se produire au grand jour. Si l'on comparait les journaux et les revues des dernières années de Nicolas avec ceux qui parurent un semestre après sa mort, on serait tenté de croire qu'il y a eu entre les deux au moins quatre générations.

Une littérature d'accusation, de description pathologique, fut très naturellement le premier fruit de cette brusque émancipation de la parole. Le gouvernement lui-même livrait les parages obscurs, les bas-fonds de la bureaucratie à la publicité, — ne sauvegardant que les hautes régions. Cela rendait inutile la tâche de nettoyer le bas de l'escalier. Mais on n'en était pas moins content de pouvoir mettre au grand jour une partie des désordres, des oppressions, des exactions incroyables qui sont propres à ce régime lourd, déshonnête, et tracassier d'une bureaucratie tout à la fois allemande et asiatique, patriarcale et militaire.

Comme le gouvernement faisait chorus, et ne parlait que des abus à réformer, de l'esprit du siècle, et des nécessités d'une époque nouvelle, progressive, le libéralisme devint une mode, et même un moyen de se produire. Des généraux qui ne craignaient rien tant que le mot de liberté, qui ignoraient le mot de l'égalité, et, à chaque revue, infligeaient des punitions corporelles aux soldats, commencèrent à s'apercevoir qu'ils étaient au fond des libéraux; aimant l'ordre certainement, mais très libéraux. Pas un nouveau chef de bureau qui n'inaugurât alors son entrée en fonctions en annonçant «ses principes progressistes», et en rappelant que la Russie venait d'entrer dans une ère de réformes et d'améliorations. Le curateur de l'une des universités alla jusqu'à reprocher à un professeur de n'avoir pas prononcé à une solennité officielle un discours *assez libéral*. Pas un dîner d'employés sans toasts et discours progressistes. Golovnine, aujourd'hui ministre de l'instruction publique, était d'avis qu'il fallait instituer, pour récompenser l'*indépendance* des employés, une nouvelle décoration *ad hoc!*

Autant le libéralisme gagnait de terrain, autant il perdait en profondeur, en intensité, en sérieux. La sombre minorité qui, par son silence, avait fait de l'opposition sous le règne de Nicolas, était d'une forte trempe. Les hommes faibles s'en éloignaient alors, le jeu étant trop dangereux. Deux ou trois mots suffisaient à ceux qui restaient pour se reconnaître. Ils n'avaient pas besoin de trop

de paroles. Ils haïssaient beaucoup, et la haine est une force. Sous Alexandre II, cette force s'é moussa par la parole. Le gouvernement laissait dire; mais on pouvait cependant escompter le terme de sa tolérance. Quant au peuple, il ne prenait aucune part à tout cela; il restait dans son *a parte*.

Quoique indifférent à tout ce qui se passait en haut, il ne l'était pourtant pas à la guerre, qui lui coûtait beaucoup de sang. Les revers lui avaient suggéré une idée qu'il n'avait pas eu en 1812; il pensait à la possibilité d'obtenir l'abolition du servage en se levant en masse pour la défense du pays. Dans la Petite Russie, cela alla jusqu'à un soulèvement de paysans, que le gouvernement — pour la défense duquel on se levait — apaisa par la force armée.

Il était clair que la seule question populaire qui pût faire sortir le peuple de sa somnolence et le réunir à la Russie civilisée, c'était l'émancipation des serfs.

Tandis que les lettrés poursuivaient l'examen critique des rouages rouillés du gouvernement disciplinaire de Nicolas, le gouvernement mit sur le tapis la grande question de l'émancipation. La noblesse, au lieu de chercher à gagner le prix de la course, en acceptant largement, et de bonne grâce, une nécessité historique, fit une opposition obstinée, mesquine. Dès ce moment sa force fut paralysée. Le peuple, poussé dans les bras du gouvernement, attendait de son Tzar, avec une foi naïve, une autre liberté, *la liberté dorée*, la liberté... *avec la terre*.

Le Tzar lui répondait par des coups de fusil; mais le paysan tombait en maudissant la noblesse, et gardait sa confiance dans le Tzar.

Le gouvernement, qui jusqu'alors avait traité le peuple avec un souverain mépris et avec la dureté combinée du seigneur et du militaire, commença dès lors à apprécier la force que le peuple lui apportait.

La situation était complètement changée; et le gouvernement, soutenu par la force populaire, pouvait hardiment en 1860—1861, aller en avant et faire des réformes sérieuses. Au lieu de cela, le gouvernement ne se sentit pas plus tôt puissant, qu'il employa sa puissance à rebrousser chemin et à consolider l'autocratie.

Tant que dura la lutte entre le gouvernement et la noblesse, la littérature, sans distinction de nuances, soutint le gouvernement dans son projet d'émancipation des paysans. C'était un spectacle tout nouveau; mais l'entente ne fut pas de longue durée. A peine l'acte d'émancipation fut-il proclamé, qu'une fraction de la littérature tourna à l'opposition et engagea contre la littérature gouvernementale une lutte sourde, inégale, dont tout le poids devait nécessairement retomber sur le parti radical.

L'attitude de la jeunesse russe envers la Pologne qui commençait alors sa mélancolique protestation de prières et de deuil, et l'apparition d'une série de proclamations, clandestinement imprimées à Pétersbourg, et de livres et de journaux russes, provenant des presses étrangères, envenimèrent la lutte.

Lorsque les premières victimes tombèrent à Varsovie, il se produisit en Russie une chose inouïe: des étudiants et des officiers de la garde impériale et de l'armée firent chanter des messes de morts pour les Polonais massacrés; et cela à Pétersbourg, à Moscou, à Kiev, et dans les corps d'armée qui se trouvaient en Pologne. Le gouvernement, qui n'était nullement habitué à ce genre de démonstration, fut exaspéré; mais ce qui porta son exaspération au comble, ce fut le fait encore plus grave qui se produisit à Kazan.

Les étudiants de cette ville se réunirent dans l'église de l'université pour prier pour l'âme du paysan Anton, fusillé par les ordres du comte Apraxine, à la suite d'un soulèvement sans armes, supprimé avec une férocité sanguinaire; un professeur de l'université, appartenant au clergé, Tchapoff, prononça un discours funèbre à la gloire du martyr; c'était plus que le gouvernement n'en pouvait supporter.

Il commença par des persécutions isolées. Les officiers qui avaient fait célébrer les messes de morts pour les Polonais furent traduits devant des conseils de guerre. Tchapoff, immédiatement arrêté, fut jeté dans les prisons de la police secrète¹. Les procès politiques presque oubliés depuis la mort de Nicolas, reprirent leur cours. Le poète Mikhaïlov, pour avoir adressé à la jeunesse un appel qui n'avait eu aucune suite, fut condamné à sept années

¹ Il est maintenant déporté dans la Sibérie orientale.

des travaux forcés dans les mines. Il était en route, et n'avait pas encore eu le temps d'arriver à sa destination, que de nouvelles arrestations et de nouveaux procès vinrent alarmer le public.

Au nombre des arrêtés se trouvaient des militaires, comme Obroutchev, des officiers de la garde, comme Grigorieff.

En 1862, le gouvernement fit traduire devant un tribunal à Varsovie trois jeunes officiers russes—Arnholt, Slivitsky, Kaplinsky et un sergent Rostkovsky, comme faisant de la propagande dans l'armée, comme fondateurs d'une société secrète parmi les officiers, et comme dévoués à la cause polonaise. Ils furent fusillés, à l'exception de Kaplinsky qui fut envoyé aux travaux forcés. Un soldat, Stchur, fut passé par les verges, pour ne pas avoir dénoncé les officiers.

L'empereur Alexandre n'aime pas à confirmer de sa main les arrêts de mort: il laisse cette besogne à ces lieutenants. La sentence des pauvres officiers fut donc signée par le général Lüders. Quelques jours après l'exécution, une balle tirée dans un jardin public, à Varsovie, lui fracassa la mâchoire.

Au mois d'octobre, un colonel distingué, couvert de blessures et de croix, Krassovsky, fut conduit sur la place publique, à Kiev; on lui arracha ses épaulettes et ses décorations; on lui jeta un habit de condamné aux travaux forcés; on lui mit les chaînes aux pieds, et on l'envoya aux mines pour douze ans. Son crime était d'avoir fait de la propagande parmi les soldats, en les suppliant de ne pas tirer sur les paysans.

Le gouvernement, troublé, ne savait comment se tirer d'affaire, ni comment, sans faire la moindre concession, garder sa réputation de libéralisme. La tâche était difficile. Nicolas avait été beaucoup plus heureux dans la simplicité de son despotisme.

Les persécutions des étudiants à Pétersbourg et à Moscou ne réussirent pas. Elles étaient trop grossièrement arrangées, trop brutalement exécutées.

L'empereur lui-même s'aperçut de la faute qu'on avait faite, éloigna *l'amiral* de l'instruction publique, éloigna le gouverneur général de Pétersbourg, et se décida à faire l'essai d'une nouvelle méthode beaucoup plus civilisée.

L'inauguration de cette nouvelle méthode, qui eut un succès complet, et sous l'influence de laquelle la Russie se trouve encore

actuellement, est principalement due à deux hommes d'état, jeunes, éclairés, et dans la plénitude de leurs forces.

Nous parlons du ministre de l'instruction publique Golovnine et du ministre de l'intérieur Valouïev.

Lorsque tous les instruments furent bien préparés, et que l'orchestre n'eut plus qu'à attendre le coup d'archet du maître de chapelle, et celui-ci qu'une bonne occasion pour le donner, il arriva un de ces à propos que le hasard fournit toujours à ceux qui les désirent et qui ont la force en main. Ce fut l'incendie qui eut lieu à Pétersbourg, incendie historique, dont nous avons déjà parlé dans la préface.

M. Golovnine — l'admirateur de l'indépendance des employés — fut nommé, en remplacement de l'amiral Poutiatine, au ministère de l'instruction publique. Homme intègre, ayant de plus la réputation d'un philosophe, il s'arrangea si bien que, tout en parlant constamment de la liberté de la presse... dans l'avenir, il rendit *provisoirement* la censure trois fois plus rigoureuse. Il offrait aux journalistes, en ayant l'air de recevoir leurs avis, des conseils si éloquents que le ton des journaux changea à vue d'œil. La même méthode fut employée dans les affaires du ministère. Après avoir parlé, des mois entiers, dans les feuilles publiques, des réformes, dans le sens progressiste, qu'il était nécessaire d'introduire dans l'administration des universités, on finit par des règlements qui enlèvent aux étudiants jusqu'au dernier vestige de l'indépendance.

Et ce qui en fait le plus grand mérite, de ces règlements, c'est que ce n'est par le ministère qui les a proposés: M. Golovnine ayant laissé l'initiative et l'élaboration du projet aux conférences des professeurs.

Ce que Golovnine faisait, comme penseur et philosophe au ministère de l'instruction publique, M. Valouïev le faisait en homme du monde consommé au ministère de l'intérieur; et cela avec plus de franchise, c'est-à-dire avec moins de précautions. Il est vrai que l'administration de ce ministère offrait une matière beaucoup plus souple: elle n'était pas composée de vieux professeurs et de jeunes savants, mais d'employés émérites de la police, et de jeunes gens enthousiastes de l'idée... de se faire une carrière.

Valouïev faisait donc ses petites affaires de la direction de l'opinion publique avec une certaine gaieté. On savait, par exemple, qu'un journaliste était endetté jusqu'aux oreilles, qu'il jouait aux cartes, qu'il avait du style et peu de conviction, libéral, du reste, par réminiscence. On trouvait ses articles instructifs. Le simple devoir disait au ministre d'encourager, de soutenir un homme de talent... qui avait le malheur de perdre beaucoup au jeu. On l'encourageait donc un peu. Par reconnaissance, il balbutiait quelques éloges, en mettant en relief les vertus intérieures du gouvernement — et perdait le double. Tout à coup l'encouragement cessait... et la réputation aussi; car, chose étonnante, tout le monde savait que le rédacteur avait été encouragé. L'année se terminait, et les souscriptions aussi (ce n'est qu'en 1863 que le public a commencé à lire avec sympathie les journaux encouragés). Le rédacteur aux abois allait à Pétersbourg, solliciter le ministre de le sauver. On trouvait cela difficile. Cependant on pouvait donner à son journal le droit, par exemple, d'imprimer les annonces du ministère de la guerre. Mais il y avait à cela quelques difficultés. Le ministre de la guerre n'était pas d'un libéralisme avancé comme Valouïev. Par une singulière coïncidence, le rédacteur trouvait aussi que de jour en jour il devenait lui-même moins libéral. Il obtenait le privilège des annonces, et se trouvait ainsi au nombre des journalistes encouragés.

Comme le nombre des journaux et des revues répandus en Russie est très restreint, les affaires, grâce à l'application de cette méthode d'encouragement, aidée de la doctrine du ministère de l'instruction publique, et de deux ou trois feuilles *in partibus infidelium*, qui représentent, pour ainsi dire, l'indépendance *internationale* des opinions européennes — les affaires marchaient très bien. On faisait des dissertations chez Golovnine; on riait chez Valouïev: et la presse devenait de jour en jour plus conservatrice.

L'incendie qui eut lieu à Pétersbourg fut le véritable triomphe de la méthode.

Le général Potapov, chef de la police secrète, disait à cette époque à une de nos connaissances: «Il ne s'agit plus maintenant de vouloir soutenir ou renverser telle ou telle institution — chose que l'on peut discuter; non, il s'agit de serrer nos rangs, et de

nous unir au gouvernement pour sauver la civilisation: elle est en danger!»

Un homme émettait-il une opinion indépendante, et qui, pour son malheur, ne fut pas d'accord avec les opinions tolérées par le gouvernement, il était immédiatement accusé, si non d'avoir incendié lui-même Pétersbourg, au moins d'avoir des sympathies pour les incendiaires. Et Potapov se frottait les mains. La moitié de la besogne de sa chancellerie était faite par la littérature.

Le zèle, l'indignation des journaux dépassaient toute mesure. On provoquait le gouvernement à des rigueurs exceptionnelles, extraordinaires.

«Tout le monde», s'écriait la revue de M. Kraefsky „Les Annales patriotiques“, — compte que la police découvrira ces monstres, que leurs noms seront livrés à la publicité, et que l'on saura, quels sont les gens que l'on a à craindre. Tout le monde demande qu'ils soient punis. Le peuple voudrait infliger à ces mécréants des peines qui n'existent pas dans les lois. Il croit que les fusiller, les pendre, serait une peine trop légère, trop noble pour de tels barbares. S'ils tombaient dans les mains du peuple, il les déchirerait, il les brûlerait sur des bûchers, ou les enterrerait tout vivants dans cette terre ou dans ces murs qui s'offrent maintenant à nos regards comme des monuments funèbres de la scélératesse et de la folie des hommes. Dans tous les cas le peuple compte sur les gibets, sur les fusillades: il doit être vengé».

«Les incendiaires les plus coupables», répétait sur tous les tons la «Gazette de Moscou», «ne sont pas les malheureux qui portent la torche enflammée, mais les hommes qui prêchent des doctrines incendiaires»¹.

Un résultat direct et très favorable au gouvernement se fit sentir bientôt dans l'exaspération du pauvre peuple de Pétersbourg et de Moscou contre les étudiants que l'on commençait à

¹ Une revue religieuse, qui se rédige avec un esprit de jésuitisme schismatique est allée plus loin. Lorsqu'on cherche un voleur, dit elle, — on publie son signalement. On cherche les incendiaires, comment les trouver?.. il faut aussi se rappeler leur signalement. L'incendiaire — c'est l'homme qui ne croit pas à Dieu, qui n'a pas de religion, qui ne respecte pas les autorités établies, qui prêche les principes des révolutionnaires de l'Occident, etc., etc.

confondre avec les incendiaires, et, pis que cela, avec la partie la plus rétrograde de la noblesse.

Une revue osa élever la voix en faveur de la jeunesse calomniée: elle fut suspendue; les autres devinrent plus retenues.

La suspension du «Sovremennik» (Contemporain) ne suffit pourtant pas au gouvernement. Quelque temps après, on enferma dans la forteresse de Pétersbourg, son rédacteur, Tchernychevski, littérateur remarquable et le plus heureusement doué des héritiers de Bélinski (qui avait créé la revue, et, jusqu'à sa mort, l'avait dirigée). A la même époque le public apprit l'arrestation d'un homme jeune encore, mais qui jouissait d'une grande estime.

Quelques mots sur Serno-Soloviévitch ne seront pas ici de trop: son histoire caractérise très bien cette période.

A l'époque où le projet d'émancipation des paysans se trouvait dans les mains de quelques dignitaires rétrogrades et hostiles au projet, un jeune élève du lycée de Tzarskoïé-Sélo — si justement célèbre dans l'histoire de notre civilisation — se trouvait commencer son service dans la chancellerie du Conseil d'Etat. On l'employa dans les bureaux qui s'occupaient de la correspondance et de la mise en ordre des dossiers du comité de l'émancipation. Les membres de ce comité faisaient alors tout leur possible pour embrouiller la question, en faire ressortir les obstacles et les difficultés, et traîner l'affaire en longueur. Le jeune homme, plein d'enthousiasme, ardent, fanatiquement dévoué à l'émancipation, fut indigné de ces intrigues, et résolut de ne plus servir d'instrument à ces conspirateurs contre le peuple. Mais avant de quitter son emploi, il écrivit à l'empereur une lettre noble et franche. Il lui montra ce qu'on faisait pour entraver ses intentions, et ce qu'étaient les hommes auxquels il avait confié la grande œuvre de son règne.

Sa lettre dans la poche, le jeune homme alla se promener dans le parc de Tzarskoïé-Sélo, et rencontrant l'empereur, la lui présenta. L'empereur jeta un regard sur le contenu de la lettre, fronça les sourcils, et dit au jeune homme qu'il la lirait et qu'il lui donnerait une réponse. Le soir, le prince Orloff fit dire à Serno-Soloviévitch de passer chez lui. «L'empereur», lui dit-il, et évidemment il n'était pas content de la commission, «m'a chargé de vous remercier, de vous embrasser. Il a lu votre lettre; il en tiend-

ra compte». L'empereur jouait encore au libéralisme; mais le dernier marquis de Posa vit bientôt qu'il est inutile de s'adresser à ce monarque, même lorsqu'il envoie une accolade impériale par le ministre de la police. Serno-Soloviévitch quitta le service, et publia en Allemagne son projet d'émancipation des paysans ...avec le rachat de la terre.

Cette brochure portait un cachet tout nouveau. «J'imprime mon projet hors des frontières de l'empire», dit l'auteur dans sa préface, «parce qu'on n'en aurait pas permis l'impression en Russie. Je le signe, parce que le temps est venu d'agir en homme libre. Si nous voulons être traités en majeurs, il ne nous sied pas d'agir en enfants».

«Prenez garde à vous», dit à l'auteur le général Potapov; et il ne fit rien. *Le délit* était trop public, trop franc, disons le mot, trop chevaleresque. Mais quelques mois après on enveloppa Serno-Soloviévitch dans une de ces conspirations supposées que l'on a soin de faire ordinairement juger par des commissions inquisitoriales, à huis-clos, sans témoins, sans défense. Après avoir terminé une enquête de ce genre, les commissions, pour sauvegarder la décence juridique, soumettent le résultat de l'enquête au Sénat, en y ajoutant leur propre opinion. Le Sénat, ayant toujours à cœur de donner encore une preuve de son dévouement passionné pour le trône, ne marchandait pas ses services, surtout lorsqu'il s'agit des ennemis du gouvernement. Il ajoute quelques années de travaux forcés, quelques termes infamants, et tout est dit.

Serno-Soloviévitch et Tchernychevski, arrêtés vers le milieu de l'année 1862, *sont encore*, au moment où nous écrivons, enfermés dans les casemates¹.

Après s'être ainsi débarrassé des adversaires sérieux en suspendant temporairement leur existence; après avoir intimidé les faibles et acquis la reconnaissance des vils, le ministère abandonna hardiment la défensive. L'insurrection qui éclata en

¹ Malheureusement le procès de Tchernychevski a été terminé depuis que nous avons écrit ces lignes. Il a été condamné à *sept ans de travaux forcés* et à un exil perpétuel. Cet acte de barbarie, d'injustice, de cruauté, donne la mesure de l'esprit libéral et bienveillant de l'empereur actuel (1er juin 1864).

Pologne fut une occasion excellente, dont le ministre de l'intérieur profita pour commencer une agitation patriotique désormais célèbre, en provoquant l'adoption d'adresses de dévouement au tzar en vue d'une guerre européenne. Des employés du ministère se mirent à parcourir les provinces en tous sens, insinuant aux autorités l'idée *et même le texte* des adresses. Le texte-modèle, imprimé, laissait pourtant une grande latitude aux variantes et aux modifications locales. Il n'était nullement obligatoire, pourvu que celui par lequel on le remplacerait exprimât encore plus de dévouement. Le peuple fut entraîné. Quoique mécontent de la manière dont se faisait l'émancipation, il était reconnaissant envers le tzar de l'émancipation elle-même, et attendait toujours de lui *la liberté d'or, la liberté avec la terre*. Il était touché qu'on lui fit part des dangers de la patrie, croyait à une invasion prochaine, dans le genre de celle de 1812, et commençait à se rappeler sa vieille haine des Polonais, qu'on faisait passer à ses yeux pour un tas de seigneurs et de prêtres catholiques en révolte contre le tzar émancipateur.

La noblesse des provinces ne fut pas assez naïve pour ne pas voir dans le dévouement patriotique un moyen très peu coûteux de se remettre avec le gouvernement sur le pied de l'ancienne amitié. Depuis qu'il était question de l'émancipation, la noblesse faisait une petite guerre au gouvernement. Battue sur les questions importantes, elle s'évertuait à rattacher de plus en plus le peuple à la couronne, en se livrant sans relâche à des tracasseries mesquines et en se montrant récalcitrante sur les petites choses. Or, comme cela ne profitait à personne et pouvait provoquer de la part du gouvernement une révision du décret d'émancipation dans le sens populaire, on sentait le besoin de se rapprocher; mais on ne savait trop comment s'y prendre. Les adresses offrirent un moyen simple et peu coûteux de résoudre la difficulté. La noblesse de toutes les provinces et de tous les districts se sentit donc subitement embrasée d'un feu dévorant de patriotisme.

Restait maintenant la société civilisée, le milieu flottant dans lequel se forme l'opinion publique, Pétersbourg et Moscou, les minorités influentes dans les provinces, les cercles littéraires, la jeunesse.

Les moyens du ministre de l'intérieur étaient trop primitifs

pour qu'on pût s'en servir dans les capitales. Ici, la force devait passer à la *Direction de la littérature*; et le succès de Golovnine non seulement n'a pas cédé à celui de son collègue, mais est allé si loin que le ministre lui-même s'est vu surpassé et accusé de tiédeur et de manque de résolution.

Il est vrai qu'une circonstance vint beaucoup en aide au gouvernement, qui se trouva tout d'un coup avoir un puissant adversaire de moins. La société russe était habituée à estimer, peut-être même trop, l'opinion de l'Occident. Mais l'Europe fit si bien, avec ses notes, ses démonstrations sans armes, et les pacifiques cris de guerre, que non seulement son prestige s'évanouit, mais qu'on se mit en Russie à chercher avidement toutes les occasions possibles de l'irriter et de la mettre au défi.

Le gouvernement décidé à sévir contre la Pologne, à l'exterminer plutôt qu'à lui accorder une concession sérieuse, tenait à faire participer la nation entière à ses actes inhumains; il sut habilement profiter de cette disposition.

Les essais qu'on avait faits à Pétersbourg d'un journalisme officieux n'avaient pas réussi. Pétersbourg n'a ni le jargon du patriotisme frénétique, ni le prestige de l'indépendance. Restait la vieille capitale, centre du panslavisme, la ville russe par excellence, ville d'université tant soit peu réfractaire, et, avec tout cela, le plus grand foyer de la réaction.

Cela demande quelques explications.

A partir du commencement du règne actuel, le rôle de Moscou a considérablement changé. Du temps de Nicolas, Moscou se tenait à l'écart, avait une ombre de mécontentement caché, boudait Pétersbourg et dépendait moins que cette dernière ville du gouvernement. La grande foule des seigneurs-propriétaires qui venaient passer l'hiver à Moscou, la quantité de familles riches qui y tenaient maison, donnaient à sa société un caractère moins officiel, moins pliant, moins caserne et chancellerie que ne l'avait la société uniforme et boutonnée de Saint-Pétersbourg. A Moscou on s'occupait beaucoup de l'université; et celle-ci était réellement une très grande source de lumière et de science pour le pays. Noblement dirigée, à travers tous les obstacles d'une réaction culminante, par son représentant moral, le professeur Granovski, elle était devenue une tribune de discussion et

d'enseignement, non-seulement pour les étudiants, mais pour la société même. Haxthausen, présent aux vives disputes des Slavophiles et des Occidentalistes dans les salons de Moscou, s'étonnait de la manière dont les «frondeurs de la vieille capitale» émettaient ouvertement leur opinion, opinion qui n'était certes pas toujours en pleine concordance avec celle du gouvernement.

Après la mort de Nicolas, Moscou prit une toute autre attitude. Dès que la pression d'en haut eut perdu de son intensité, et que la question de l'émancipation des paysans eut touché à la terre, Moscou se métamorphosa. Il ne resta de l'esprit frondeur qu'une jalousie envieuse à l'endroit de Pétersbourg, et de l'opposition, que juste ce qu'il en fallait pour enrayer pendant des mois entiers l'émancipation des paysans. L'empereur lui-même se trouva forcé de rappeler à la pudeur sa noblesse rétrograde.

Que la société des *esclavagistes* cède son libéralisme pour le plat de lentilles cueillies par les serfs, c'est triste, mais compréhensible. L'attitude de l'université et des cercles littéraires l'est bien moins. Le corps des professeurs n'est pas en général composé de ces nababs de province, de ces «princes russes» habitués des eaux et des hôtels, ni même de personnes d'une origine trop aristocratique. Ce sont pour la plupart des fils de prêtre, classe très instruite, mais pauvre et démocratique par position; ce sont de petits employés qui ont préféré la science à la bureaucratie; enfin quelques descendants de nobles et indigentes familles de province.

Le corps des professeurs, le corps enseignant en général, a joué chez nous un grand rôle dans l'éducation du pays, et, à quelques exceptions près, un rôle très beau. Les professeurs des lycées, des gymnases et des écoles militaires étaient les pionniers obscurs, les sentinelles perdues d'une grande propagande humanitaire, qui ne rapportait ni gloire, ni renommée. Luttant contre la pauvreté, livrés sans contrôle à une administration brutale, cédant quelquefois de leur dignité personnelle, ils n'en prêchaient pas moins l'idée de l'indépendance et la haine de l'arbitraire. Le corps enseignant a été, après la littérature, le second représentant de la conscience qui se réveillait.

Ni l'université, ni la presse de Moscou ne défendirent le serfage; cette tâche fut dévolue au club anglais et aux cercles soi-disant aristocratiques. Cependant il se manifestait un relâchement

visible. On était trop content, trop satisfait, trop fatigué peut-être, après la longue lutte qui avait signalé le règne de Nicolas.

En comparant les horribles années qui avaient suivi 1848 avec l'état de choses existant, les gens voyaient un progrès, et s'étonnaient que la jeune génération ne fût pas satisfaite. Un doctrinarisme lourd et stérile s'emparait de l'université; le lien entre les professeurs et les étudiants se relâchait à vue d'œil.

Granovski n'était plus. Il était mort en 1856, plein de forces, à l'âge de quarante ans. Son dernier regard ne saisit que le commencement d'une ère nouvelle, pleine d'espérances.

Aurait-il arrêté la réaction dans l'université, ou n'est ce pas plutôt un bonheur pour lui de s'être endormi à temps?..

La réaction allait si vite, et avec une telle audace, qu'un jeune professeur de jurisprudence, évoquant l'ombre de Granovski et se disant fier d'être son disciple, ouvrit son cours par l'exposé d'une philosophie de l'obéissance passive. Il enseignait à ses auditeurs qu'il n'y a aucun mérite à obéir et à respecter les lois justes, mais que le grand devoir de l'homme est l'obéissance absolue à toute loi, même absurde ou inique, par cela seul que c'est une loi.

Telle était la théorie; et la pratique la surpassait.

On connaît la triste histoire d'une démonstration faite par les étudiants de l'université de Moscou. Les règlements qui avaient provoqué l'opposition des étudiants de Pétersbourg allaient être appliqués à ceux de Moscou. Ceux-ci voulurent envoyer des députés et une pétition à l'empereur. Dès que les professeurs virent la direction que prenait l'affaire, ils abandonnèrent les étudiants. Mal accueillis par les autorités, livrés, trahis par les professeurs, les étudiants se rassemblèrent devant la maison du gouverneur général, réclamant le droit de lui envoyer une députation.

On prit ou feignit de prendre cette démarche pour une émeute. Ecrasés par la gendarmerie à pied et par la gendarmerie à cheval, traqués par la foule ameutée par les agents de police, les pauvres jeunes gens furent blessés, arrêtés et jetés en prison. Leur jeune sang est le premier, qui ait coulé à Moscou depuis 1812.

Le sénat de l'université, pour éloigner de lui tout soupçon de participation et de connivence, s'empressa de présenter au ministère un mémorandum dans lequel il dénonçait la littérature,

la société, le gouverneur général de Moscou lui-même, et faisait, naturellement, tomber toute la responsabilité de l'affaire sur les étudiants, et cela, alors que la moitié de l'université était en prison. Ce mémorandum restera dans l'histoire de la civilisation russe comme ligne de démarcation entre les nouvelles tendances de l'université de Moscou et celles de l'époque précédente.

On tint caché ce factum: il ne fut imprimé qu'en nombre de cinq exemplaires, et ne fut connu en Russie que par la presse russe de l'étranger.

Pétersbourg était content de Moscou. Le ministre remercia les professeurs de leur zèle, et la censure reçut l'ordre de ne pas permettre d'attaque contre le nouveau catéchisme de l'obéissance passive.

C'est à Moscou qu'on voulait établir la grande forteresse du patriotisme rétrograde.

Or, il se trouvait là un homme qui s'était fait une quasi-réputation libérale, en rédigeant une revue à l'époque de la mort de Nicolas, c'est-à-dire à l'époque du premier réveil de la parole en Russie. Prêchant, avec un doctrinarisme allemand, la supériorité des institutions anglaises et le respect de la légalité; insérant dans son journal des articles refaits de la «Westminster Review»... qu'on prenait pour siens, Katkov passait pour un libéral modéré, admirateur tout à la fois de la législation anglaise, et disciple, plein de vénération, de l'Allemagne et de tout ce qui était allemand.

De la rédaction d'une revue, il passa à la rédaction de la «Gazette de Moscou», organe semi-officiel qui se rédigeait sous les auspices de l'université. Là il continua à jouer le même rôle, parlant toujours avec un profond dédain de la société russe, enseignant, d'après le livre de Gneist, l'admiration de l'Angleterre à ses lecteurs, et offensant à tout propos la jeunesse de Pétersbourg. On commença à trouver ridicule le rôle d'un oncle de comédie dans la littérature; et cela donna lieu à une polémique dans laquelle le rédacteur de la «Gazette de Moscou» montra de quoi il était capable. Il répondit aux sarcasmes par des accusations, aux plaisanteries par des insinuations, et en arriva, lui aussi, à soutenir, à haute voix et à plusieurs reprises la compli-

cité morale des jeunes gens qui avaient publié une proclamation avec les incendiaires. — Il fut remarqué.

Dès ce moment l'anglomanie de la «Gazette» pâlit. Cessant d'aimer la légalité et de respecter les droits de l'individu, elle commença une croisade acharnée contre la Pologne. Elle entreprit de justifier une à une toutes les horribles mesures prises par l'administration russe, et déclara hautement traîtres tous ceux qui n'envisageaient pas les choses du même point de vue, montrant d'ailleurs du doigt les tièdes et les suspects.

Chaque cri d'indignation qui s'éleva contre ces procédés, jusqu'alors inouïs chez nous, fut comme un jalon pour la rédaction, et l'imperturbable insolence de ses répliques fit bien voir que la censure n'existait pas pour elle, et que dans tous les cas elle avait un abri sûr et un appui solide.

Pour donner une idée de la «Gazette de Moscou», je pourrais la comparer à un «Père Duchesne» monarchique et absolutiste. Et pourtant cela n'en donnerait qu'une idée bien faible. Dans toutes les divagations des feuilles révolutionnaires, il y avait au fond une conviction ardente, des passions brûlantes, un amour fanatique. La colère du «Père Duchesne» moscovite était froide, et son abandon de l'anglomanie trop peu motivé.

D'abord on fut littéralement ébahi. On ne revenait pas de l'étonnement dans lequel on était jeté par la lecture de la «Gazette de Moscou». Jamais, à aucune époque néfaste, on n'avait rien vu de pareil.

Dans les dernières années de son règne, Nicolas était parvenu à faire taire toute la Russie, mais jamais à la faire parler comme il voulait. On supprimait alors livres et auteurs; mais on ne faisait pas de la littérature une succursale de la police secrète. Au reste, Nicolas n'y tenait pas. Les applaudissements l'irritaient; il se croyait au-dessus de l'appréciation des hommes. Il se souciait peu qu'on fût content ou non de ses ordres, pourvu que ses ordres fussent exécutés et que personne n'osât montrer son mécontentement. Son idéal de l'ordre, c'était l'obéissance passive d'une caserne.

Au moins si le danger de parler était grand, on pouvait se taire impunément; personne ne venait dire publiquement: *cet homme se tait non pas parce qu'il n'a rien à dire, mais parce qu'il*

cache quelque chose; ou cet homme est triste, ne serait-ce pas par hasard qu'il plaint les Polonais.

C'est au règne d'Alexandre II qu'appartient l'introduction dans les rouages administratifs de la popularité à tout prix, et d'une littérature de surveillance et d'idolâtrie. On fut dès lors mieux surveillé par les littérateurs que par les gendarmes, et le niveau moral baissa, grâce à la prédication incessante d'une politique exterminatrice et d'une philosophie de l'obéissance et de l'esclavage.

Le mal qu'a fait la «Gazette de Moscou» est énorme.

Le gouvernement avait une certaine retenue — la société aussi. Le gouvernement faisait comme des coups d'essai, des exécutions féroces, des confiscations isolées. Il prenait des mesures brutales, par exemple la persécution de ceux qui chantaient des hymnes, l'emprisonnement des femmes qui portaient le deuil. Puis il s'arrêtait, épiant quelle impression cela produisait sur le public en Russie. D'un autre côté, il y avait dans la société des velléités sauvages; mais on n'avait pas le courage des les avouer. A défaut de moralité, cette honte est très estimable.

Ce fut au milieu de ces doutes, de ces fluctuations, qu'un journal sérieux, ayant une réputation acquise, et, derrière lui, le prestige de l'université et des opinions constitutionnelles, vint prendre la défense la plus arrogante, la plus insolente qu'il soit possible de concevoir, des mesures les plus odieuses, des exécutions les plus inutiles... Les mauvaises passions de la société levèrent aussitôt la tête, et le gouvernement redoubla *d'énergie*; il pouvait le faire, soutenu, qu'il était, non seulement par la «Gazette de Moscou», mais par d'autres malheureux organes de la presse, «L'Abeille du Nord» entre autres que le tourment de l'envie empêchait de dormir et qui tâchait de surpasser la «Gazette» en dévouement à la police et en haine à la Pologne.

Tout essai d'opposition à la «Gazette» était impossible. On en était réduit aux petites attaques et aux caricatures qui n'entaient pas le fond de la question.

La force terrible de la «Gazette de Moscou», force qui non seulement retenait les rédacteurs, mais intimidait les censeurs, c'était *la délation*.

Une revue, «Le Temps», modérée, mais noble et pleine de

sympathies généreuses, rédigée par un littérateur éminent, par un martyr qui venait de quitter les travaux forcés, Dostoïefski, inséra, au sujet de la Pologne, quelques paroles humaines qui auraient très probablement passé inaperçues. La «Gazette de Moscou» désigna l'article, et la revue fut frappée de suspension.

«Mais cela n'est plus de la littérature», disait à la «Gazette de Moscou» un journal de Pétersbourg, la «Voix» («Golos»), tout pâle d'avoir été mis par elle sur la même ligne que les feuilles polonaises et le «Kolokol», «vous déplacez la question; ce n'est plus de la discussion, c'est un procès criminel que vous faites» (20 août 1863).

«Littérature!» s'écrie Katkov, «discussion littéraire!— Est-ce que nous nous occupons de pareilles futilités? Nous nous occupons de *mettre au clair les affaires qui nous intéressent*. Nous n'avons pas encore eu le temps, il est vrai, de nous occuper de votre littérature; mais nous avons l'intention de le faire, et nous croyons que de regarder d'un peu plus près à ce qui se fait dans le journalisme de Pétersbourg ne sera pas de trop» («Gazette de Moscou», N 222, 1863).

«Oui», disait-il dans un autre article, «je suis volontairement au service de la bonne cause, et je tâche de démasquer les ennemis qui entravent les plans du gouvernement».

A la nouvelle de la nomination de l'affreux Mouraviouff, et aux premiers récits de ses hauts faits, un reste de sentiment humain fit tressaillir le cœur de beaucoup de gens faibles. Pour les rassurer, la «Gazette de Moscou» inséra immédiatement ce qui suit: «La Russie, certes, n'oubliera pas les grands services qui lui auront été rendus dans ces mauvais temps. Elle *glorifiera* les hommes qui agissent sans tergiverser au milieu des crimes et des calomnies. Ces gens-là doivent savoir que la Russie les soutiendra de sa sympathie.— C'est son devoir. Oui, la Russie doit se ranger, comme sous un bouclier, autour de ces hommes qui ne reculent pas devant la terrible nécessité d'exécuter toutes les rigueurs de la loi, pour sauver la patrie. S'il y a révolte, *nous* devons la soumettre. Nous serions des traîtres et des lâches, si nous refusions d'accomplir notre devoir. Personne ne reproche au vainqueur, couvert de lauriers, d'être sanguinaire. Un dignitaire qui prend des mesures énergiques, ne peut non plus être accusé de férocité».

Et là-dessus un tas de littérateurs, de professeurs, de membres de notre jockey-club et de notre jeunesse dorée... à cheveux blancs, offre un dîner à Katkov, dîner où l'on porte *pour la première fois*, un toast à Mouravioff.

Dans les journées les plus sombres de la révolution française, nous ne nous rappelons pas de banquets offerts à Fouquier-Tinville, ni de festivals arrangés à Paris pour fêter les exploits de Carrier et de Fouché.

L'exemple donné par Moscou fut immédiatement suivi dans les provinces et à Pétersbourg. C'était quelque chose d'inouï dans l'histoire que de voir la noblesse, l'aristocratie, le négoce, enfin toute la société *civilisée* d'un empire de soixante millions d'hommes, applaudissant sans distinction de nationalité ni de sexe, aux exécutions les plus cruelles, envoyant des télégrammes élogieux, des adresses de félicitation, des images de saints aux hommes horribles qui prenaient sur eux non la lutte par la valeur, mais la pacification par la potence, non les dangers de la bataille, mais la sécurité de la confiscation à main armée.

Sans doute la «Gazette de Moscou» n'était que la plaie ouverte, et c'était bien dans les veines de l'organisme entier que se trouvait le sang corrompu. L'agitation provinciale, organisée par le ministre de l'intérieur, dévoilait un grand fond de sauvagerie et une démoralisation profonde. C'est lui-même que le petit tyran de village admirait dans Mouravioff. Mais avec tout cela, une part notable de responsabilité doit retomber sur la feuille universitaire.

Elle a eu l'audace de l'initiative de la première parole. Elle a entraîné les faibles, fait cesser les hésitations des indécis. Que de mauvaises velléités fermentent dans la vague des possibilités, qui, si elles ne trouvaient aucun encouragement, s'élimineraient sans laisser de traces.

Beaucoup de braves gens ont pris part à ces étranges démonstrations du *fort contre le faible* profondément convaincus qu'ils accomplissaient un devoir patriotique, et cela parce qu'ils étaient entraînés par le seul journal qu'ils eussent à lire dans leur province¹.

¹ La «Gazette de Moscou», outre que beaucoup de gens la reçoivent par habitude, est indispensable, attendu le monopole des annonces de l'état dont elle jouit.

Une partie du gouvernement finit par s'apercevoir qu'on allait bien loin; mais il était trop tard. Cette partie modérée du gouvernement était débordée; tout ce qui entravait le courant était emporté, culbuté par le parti de *l'action*, ayant à son service la «Gazette de Moscou» et le gouverneur général de Vilna.

Le grand duc Constantin, regardant de mauvais œil ce qui se faisait en Lithuanie, la «Gazette» lui jette hardiment le mot de trahison à la tête, et le frère de l'empereur est forcé de s'en aller doucement suivre un cours d'eaux amères en Allemagne.

Anenkov, gouverneur général de Kiev, et qui est loin pourtant d'être un homme doux et humain, ne mettait pas autant de zèle artistique et d'ostentation dans la persécution des insurgés que le faisait Mouravioff. Il fut traité de suspect par la «Gazette de Moscou», et dès lors chacun de ses pas fut épié. Or, un ci-devant étudiant de l'université de Kiev, qui tenait une école d'équitation dans la ville — Romuald Olschansky — alla rejoindre les insurgés. Il fût fait prisonnier, et Anenkov le traduisit devant une cour militaire, le fit juger et le condamna aux travaux forcés. A cette nouvelle, le maréchal de la noblesse, Boutovitch, et un conseiller d'état, Josephovitch, s'émeuvent — ni l'un, ni l'autre n'avaient rien à démêler avec la justice; ni l'un, ni l'autre n'avaient la moindre responsabilité à encourir — ils prennent cependant l'affaire en mains, protestent, et demandent au gouverneur-général la mort de cet homme. Anenkov, à qui les attaques de la «Gazette de Moscou» faisaient craindre que son crédit ne fût définitivement ébranlé à Pétersbourg, suspend l'exécution de la sentence, fait reviser le procès, et condamne Olschansky à être fusillé dans la forteresse de Kiev.

La disgrâce du grand-duc ouvrit définitivement les yeux non seulement à Golovnine, qui était très intime avec lui, mais à Valouïev et à bien d'autres, sans parler du prince Souvarov qui n'a jamais trempé dans ces sombres affaires. Ils voulurent ramener la furie patriotique dans les cadres tracés par leurs chancelleries. Mais, comme nous l'avons dit, l'instrument mis en jeu était beaucoup trop lourd pour qu'ils pussent le manier ainsi; la direction leur échappa complètement.

Alors un spectacle tout à fait extraordinaire se produisit entre le monde ministériel d'un côté et la littérature de l'état de l'autre.

La «Gazette de Moscou» tint bon, et accepta la lutte: soutenue par une main cachée, elle redoubla d'invectives. Ne pouvant attaquer les personnes des ministres, elle fit une chasse à outrance à leurs organes, la «Poste du Nord» et la «Voix».

Un incident très comique vint marquer solennellement l'apogée de la «Gazette de Moscou». Le ministre de l'instruction publique voulait publier dans la «Voix» une explication justificative de l'administration du grand duc en Pologne. Le censeur refusa le permis. On lui fit savoir que l'article venait du ministre, c'est-à-dire de son supérieur direct. A cela le censeur répliqua qu'il était prêt à permettre l'impression si le ministre en prenait la responsabilité, «car», ajoutait-il, «il y a dans l'article des allusions à la «Gazette de Moscou»: elle me dénoncera, et je perdrai ma place».

Si cet incident est exact (on en a parlé dans la «Gazette de Cologne»), le jour où il s'est produit a dû être assurément le plus beau jour de la «Gazette de Moscou». Elle triomphait. Mais elle n'oubliait pas pour cela de sévir avec une nouvelle ardeur contre les traîtres. Elle osa insinuer que le parti *libéral* dans le gouvernement trahissait les secrets de l'état à un correspondant du «Times». Elle osa traiter de suspects, d'ennemis de la patrie les personnes marquantes qui ne voulaient pas prendre part à la souscription ouverte pour offrir à Mouravioff une image de l'archange Michel¹.

Après ces hauts faits, la «Gazette» fit encore quelques pas en avant. Mais elle n'en pouvait plus; la tête lui tournait. Masaniello-Javert du journalisme, elle avait le délire. Elle ne pouvait, simple feuille, supporter le poids de tant de grandeur et de puissance. Elle se précipitait sur tout ce qui portait de loin une trace d'indépendance, avec le même acharnement, la même haine qui la caractérisaient, lorsqu'elle reprochait au gouvernement d'avoir épargné des enfants de 14, 15 ans pris parmi les insurgés, ou d'avoir donné trop de droits aux paysans en leur concédant leur propre tribunal. Elle tremblait d'indignation au moindre souffle de liberté, ce souffle passât-il en Australie ou dans la République Argentine.

¹ Le premier qui eût le courage de refuser son nom fut le prince Souvarov. Son exemple fut suivi par Golovnine et Valouïev.

Une modeste diète s'assemble en Finlande. On y parle de liberté de la presse, d'abolition de la peine capitale, d'intérêts locaux. La «Gazette de Moscou» suit chaque motion avec des yeux de lynx, ne parle de la diète que l'écume à la bouche, et lorsque celle-ci s'avise de retirer doucement, de dessous la patte de l'ours, quelque petite liberté, la «Gazette» est là pour donner l'alarme et pour accentuer, exagérer tout ce que l'on voulait adoucir, aplanir.

Des littérateurs de l'Ukraine veulent imprimer des livres en petit-russien. — Il n'ont pas de grandes sympathies pour la Russie... et pas le moindre motif pour en avoir. «C'est une intrigue polonaise», s'écrie la «Gazette», «ils veulent se séparer!» — «Chut», lui dit-on de tous côtés, «savez vous que, par le temps qui court, vous menez les gens tout droit aux casemates». — «Cela ne me regarde pas», répond le journal stoïque...

De petites, de faibles voix de liberté se font entendre dans la chambre docile, modeste, malheureuse, de Berlin... La «Gazette de Moscou», cerbère international, se met aussitôt à aboyer.

La seule supposition que ce sont des démocrates qui poussent le gouvernement de Copenhague à une résistance énergique suffit pour que la «Gazette» tombe à bras raccourcis sur les démocrates danois.

Les autres feuilles méritent à peine qu'on en parle. Les unes comme la «Gazette de Pétersbourg», font leur possible pour se tenir dans une ligne honnête et n'y parviennent pas, le gouvernement leur supprimant une partie de leurs articles et les forçant, par contre, à accepter des correspondances faites par ses agents. Les autres, comme l'«Abeille du Nord», tâchent d'atteindre à la hauteur de la «Gazette de Moscou», tout en gardant les allures d'un libéralisme raisonnable et pétersbourgeois.

Il n'y a qu'une autre feuille qui doive être mentionnée. Des deux partis qui ne se ralliaient pas au gouvernement, l'un a été réduit au silence, et s'est tu presque entièrement; l'autre, sans se donner au gouvernement, a pactisé avec lui: nous parlons des slavophiles de Moscou et de leur organe le «Jour».

Ce journal, en ce qui touche à la question polonaise, ne diffère à peu près en rien de la «Gazette de Moscou».

Seulement la «Gazette», qui part du point de vue que les peup

les et les individus ne sont que des matériaux pour chauffer la grande machine, l'état, est plus logique que le «*Jour*», qui part d'un point de vue diamétralement opposé.

La doctrine des slavophiles a pour base la négation complète de l'empire de Pétersbourg, *le respect des nationalités*, l'obéissance à la volonté du peuple. A leurs yeux, l'empire russe est, comme la Pologne, un pays conquis; conquis par un tas d'aventuriers, de rénégats, d'Allemands, qui du temps et à l'aide de Pierre I-er, s'emparèrent du gouvernement. Eh bien, l'organe de cette opinion, au premier cri d'indépendance d'un peuple slave, s'est rangé du côté des Allemands de Pétersbourg tout en se réservant néanmoins l'usage de son jargon de «frondeur moscovite», appelant la Russie officielle *Russland*, faisant une distinction entre *public* et *peuple*, et ne confondant jamais *l'amour de la patrie* avec le *patriotisme*, qui n'est que l'amour de l'état.

La réputation connue du rédacteur du «*Jour*», I. Aksakov, le mettait au-dessus de tout soupçon; et en effet c'est un grand désintéressement qu'a soufflé son chalumeau byzantin sur les haineuses passions internationales, évoquées par le gouvernement et par ses organes salariés.

Ce que l'esprit d'intrigue faisait faire aux autres, le journal d'Aksakov le faisait par exaltation patriotique; et l'homme simple qui, échappait à l'impure toile d'araignée des démagogues de la police, tombait dans les filets tendus par le fanatisme.

Amour de la patrie, amour de l'état, on a beau faire toutes ces distinctions scolastiques, une chose reste claire, c'est que ce n'est ni l'amour de la vérité, ni l'amour de la justice. Le patriotisme reste toujours une vertu basée sur la partialité: il mène quelquefois au dévouement, et toujours à une convoitise jalouse, à un conservatisme avare et égoïste. L'amour du prochain y frise la haine du voisin.

IV

Notre triste tableau est presque terminé, et le lecteur a le droit de nous dire: où est donc dans tout cela la littérature? où sont les nouvelles productions, les nouveaux talents? où le poète, le romancier, le penseur? Quels types se sont dessinés? Quel est enfin l'idéal, le lyrisme, la souffrance exprimée dans l'art?

Rien de pareil. Pas une capacité nouvelle, n'a surgi de ces vagues lourdes, noires, de cette marée de sang. Même ceux d'un autre temps qui ont surnagé, ont pâli et se sont égarés.

Il n'y a plus de livres en Russie. Les journaux ont tout absorbé. Heureusement encore on traduit beaucoup. N'ayant pas de fonds, nous vivons d'emprunts. Notre civilisation exotique continue à être une civilisation d'importation.

Il y a une inquiétude dans l'âme qui empêche le repos, qui ôte le calme nécessaire au travail de la pensée. L'attente des réformes, les secousses d'une mauvaise route de travers, les mouvements rétrogrades, les faux pas du gouvernement, les continuelles promesses d'une loi plus libre sur la presse, et les continuelles invasions d'une censure désordonnée, sans unité aucune, tout cela, sans parler de l'insurrection en Pologne, entretient un état fiévreux et maladif.

C'est un monde en dissolution, en refonte.

Réussira-t-on à réaliser la nouvelle forme à laquelle on aspire sans la connaître? Personne ne le sait. Une chose est claire, c'est que nous ne retournerons pas à l'empire basé sur le servage, à l'empire sans peuple. Mais quel champ, quel désert, entre les jeunes tendances dépassant tout ce qui existe ailleurs, anticipant l'avenir, et les revenants d'un patriotisme du XVI-e siècle, prêchant l'extermination, le sang et la corde, et ayant pour eux la majorité!

Les hommes les plus éminents de la période antérieure sont désorientés comme les autres. Prenons, par exemple, Jean Tourguéneff. Il s'est créé une belle place, et une place indépendante, dans la littérature russe: Artiste et observateur, peintre et photographe, il se tenait, par tempérament, loin des partis. Ce n'était pas un éloignement allemand pour la réalité, une fuite vers un monde fantastique; non, il prenait, au contraire, ses couleurs et ses modèles dans la nature. Ses esquisses de la vie des serfs, plaidoyer poétique contre le servage, ont fait un bien immense.

Eh bien, lui aussi, il sortit de sa placidité pour s'inspirer des passions qui surgissaient autour de lui, pour se faire homme politique, pour créer, au lieu de ses magnifiques Ruysdael, des romans à *tendances* dans lesquels on voyait très bien qu'elles n'avaient jamais été les siennes. Ses héros devinrent, peu à peu, d'hommes

vivants qu'ils étaient d'abord, des hommes porteurs d'une pensée cachée derrière les coulisses.

Entraîné par le courant progressiste, Tourguéneff nous donne un agitateur, un fanatique de nationalisme, appartenant à un monde souffrant, mais qui ne s'agite pas, un Bulgare conspirateur, rêveur, libérateur *in spe*, qui, nègre blanc parmi les siens, ne sait que faire, et va mourir très jeune et toussant comme la Traviata, sur les bords de l'Adriatique.

Refoulé par le courant opposé, Tourguéneff cherche à créer le type de la jeunesse avancée en Russie. Le but était non seulement artistique, mais encore très morigénant. L'auteur voulait donner un savonage à la jeune génération en lui opposant constamment la génération précédente... qui cependant ne s'était distinguée, en règle générale, que par sa passive nullité et son active inutilité.

Le temps, le type, tout était malheureusement choisi. Le roman dont l'apparition coïncida, avec celle de la réaction, tombait sur les mêmes personnes, ridiculisait, en les exagérant, les mêmes idées et les mêmes défauts que celle-ci, employait enfin le même mot de *nihilisme* dont se servaient les réactionnaires. Les doctrinaires de Moscou, las d'appeler leurs adversaires *matérialistes*, avaient inventé, comme pour exprimer une aggravation de culpabilité, un grade plus avancé dans le matérialisme, le terme de *nihiliste*. Ce terme, s'appliquant à des jeunes gens dévoués à la cause qu'ils adoraient — celle de la science — était dénué de sens.

Nous concevons encore que, dans de certaines limites, on puisse parler du nihilisme tragique de Schopenhauer — le philosophe de la mort — ou du nihilisme épicurien de ces spectateurs nonchalants des tribulations humaines, de ces témoins oisifs des luttes sanglantes, qui se tiennent éloignés de toute participation dans les douleurs et les passions de leurs contemporains; mais parler du *nihilisme* de jeunes gens ardents et dévoués, qui se donnent des airs de scepticisme désespéré, est une grave erreur.

Le nihilisme comme l'entend la réaction ne date pas d'hier: Bélinski a été *nihiliste* en 1838 — il en avait tous les droits. Fils d'un petit employé de Penza, souffrant de la misère, se débattant contre tous les obstacles, gagnant ensemble le pain et

la science, il fit une rude école, et avec tout cela il se posa, âgé de 25 ans, en maître, et fut reconnu pour tel par toute la jeunesse studieuse en Russie. Son apparition à la tête du mouvement intellectuel fut très significative. Il n'arrivait pas sourdement et en cherchant à faire oublier son origine; il s'imposait tel qu'il était. Bien avant lui le clergé, la bureaucratie avaient donné des savants, des littérateurs, des hommes d'état; mais ceux-là se laissaient absorber par le milieu qui les recevait. Les affaires changèrent; ce ne furent plus les hommes qui montaient, grimpaient vers les sommets, mais le niveau de la civilisation, de l'agitation intellectuelle, qui descendit de plus en plus.

Le fils du petit employé qui ne voulait pas servir, comme Béliński, le fils laïque du prêtre, comme Tchernychevski, et enfin le pauvre gentillâtre de province, le seigneur-prolétaire comme Gogol, allaient jouer un grand rôle. Ils ne représentaient ni le tiers-état, ni en général une classe quelconque, mais un milieu vivant, qui recevait les forces d'en bas et celles d'en haut. Plus nous marchons, plus nous voyons que c'est cette couche métabolique, intermédiaire entre la stérilité croissante d'en haut et la fécondité inculte d'en bas, qui est appelée à sauver la civilisation pour le peuple. Dans les éléments que ces *hommes nouveaux* ont introduits dans la forme littéraire, il y a de la rudesse, de l'irritation, quelque chose de cassant, d'inexorable, absence de ménagement, et parfois manque d'élégance. Cela blesse le goût des puristes, sans parler des susceptibilités des chambellans de la littérature.

Ce que la réaction reproche maintenant aux *nihilistes*, on le reprochait exactement à Béliński et à Gogol — le seul homme de génie de la dernière période du règne de Nicolas. L'un et l'autre, par leur verve, leurs images parfois vulgaires, leurs excentricités, leur intempérance de style, ont scandalisé beaucoup de gens — Béliński était infiniment plus passionné que ne le comporte un salon. Il se laissait entraîner par une fougue irrésistible et entraînait avec lui toute la jeunesse. Dans ses improvisations, la plume à la main, improvisations qui palpitaient d'indignation, qui accusaient, qui lançaient des anathèmes à «la voûte de plomb qui l'écrasait», il n'avait pas le temps de mettre une cravate blanche, et n'en voulait point mettre. «Rien de sacré, rien de vénérable

pour cet homme!» criaient alors les autorités littéraires. C'est un *nihiliste*, aurait-on dit dans le jargon réactionnaire de notre temps.

Mais le côté sérieux, le côté tragique, l'origine du pli qu'on poursuivait dans Béliński, cette goutte amère qui travaillait et fermentait dans son sang, voilà ce qui échappait à ces juges sévères, qui toujours s'attachant aux formes, ne se sont jamais demandés d'où venait cet atome dissolvant, qui portait en lui tant de destruction et tant d'espérance. L'histoire du *nihiliste* leur est inconnue.

Enfant, la vie s'ouvre à lui par une série d'injustices. Jeune homme, il abdique sa jeunesse, sous la pression des forces hostiles; à l'âge où l'on se livre à tout le monde, il est méfiant, et au moment de la vie où l'on a le plus besoin d'appui, il ne compte que sur ses propres forces. Froissé mille fois, il craint les hommes et surtout ceux qui se présentent *donna ferentes*. Il déteste le monde qui a dégradé son père et enlaidi sa mère. Travaillé de scepticisme, il tâche d'avoir la pensée froide, le verbe insolent; et débordé par son jeune cœur, il se dévoue, il périt, en niant le dévouement.

Quelle tâche que celle de dévoiler avec la patience d'un Agassis poursuivant nuit et jour le germe d'une tortue, de saisir le lien qui unit l'amertume du fils à la concussion, au vol obligé du père, de suivre les larmes de la mère se métamorphosant en rêves socialistes! Oui, cela en valait bien la peine. Mais pour une tâche pareille, il eût fallu être indépendant de toute influence.

Tourguéneff a fait de son nihiliste un «neveu bourru», doté de tous les vices entassés que nous connaissons, vices qu'il craint d'examiner au delà de l'épiderme.

Son héros passe rapidement devant vos yeux... sans avoir le temps de se réhabiliter. Le sort de l'improbable «nihiliste» n'est pas plus heureux que celui de l'impossible Bulgare; l'auteur s'en défait à la Brutus, et le tue par la fièvre typhoïde. Le point litigieux, le procès entre «les pères et les fils», entre les *fades*, *les fats et les insolents*, n'a pu se terminer faute de combattants. Le nihiliste et le Bulgare n'ont rien fait: ils sont à peine entrés

dans la carrière d'où l'on pouvait encore voir la porte de l'école qui se refermait derrière eux.

On meurt quelquefois très jeune; cela est vrai: mais alors on ne devient pas type, ou l'on ne devient que type de la fragilité du corps humain.

Et pourtant ce roman de Tourguéneff est la seule production remarquable de la nouvelle phase littéraire... de la littérature conservatrice. On a beau visiter les caravansérails de nos revues mensuelles, collections immenses!.. On n'y trouve rien, rien sinon peut-être ce que la censure a laissé de l'autre côté, et qu'il faut deviner; rien que des truismes, ou que le hurlement d'un chacal patriotique.

L'active surexcitation du premier réveil qui suivit la mort de Nicolas ne fut pas féconde en grandes œuvres, mais elle fut remarquable par la multiplicité des efforts, par l'élan, par le nombre des questions qu'elle entama. Il ne faut pas oublier, en outre, qu'elle nous a laissé un livre terrible, un *carmen horrendum* qui restera à tout jamais attaché à la sortie du sombre règne de Nicolas, comme l'inscription du Dante, à l'entrée de l'enfer: c'est «La Maison Morte» de Dostoïefski, récit terrible, dans lequel l'auteur ne se doutait probablement pas qu'en traçant de sa main enchaînée les figures de ses compagnons, les forçats, il faisait, sur les mœurs d'une prison de Sibérie, des fresques à la Buonarroti.

A côté de ce livre d'horreurs, nous trouvons un drame d'Ostrovski, intitulé «L'Orage».

Dans cet orage, l'auteur est descendu dans les arcanes les plus profondément ensevelis de la vie russe *non occidentalisée*, et a jeté soudain un trait de lumière dans l'âme inconnue de la femme russe, de la muette qui suffoque dans les étreintes de l'incorruptible et demi-sauvage vie de famille et de patriarcat. Ostrovski avait pris antérieurement pour sujet la couche sociale qui se trouve au dessous du monde civilisé, et il en avait rapporté sur la scène des échantillons formidables de vérité. En voyant les héros qu'il a pêchés dans les eaux stagnantes et corrompues de la vie bourgeoise, tous ces pères de famille ivrognes, ces voleurs faisant le signe de la croix, ces nigauds et coquins, ces tyrans et valets, on croit sortir de la vie humaine, et toucher à l'ours, au sanglier. Eh bien, si bas que se monde soit tombé, quelque chose nous dit

qu'il y a encore un salut pour lui, qu'il le porte au fond de son âme, et c'est ce quelque chose, cet *ignotum* qui se fait sentir dans «L'Orage». Il y a un acquittement sous-entendu; aucune voix du ciel ne donne, comme dans «Le Faust» de Goethe, l'absolution; mais tout le monde la pressent, et le public en a tressailli.

Etrange coïncidence, le poète a plaidé pour cette absolution la veille du jour, où la Russie devait en avoir besoin; et son drame a été la pièce de clôture. Après le cri de grâce pour la vie sauvage, est venu le dévergondage du patriotisme civilisé.

Serait-ce un signe que la Russie impériale, la Russie militaire et nobiliaire, la Russie du testament de Pierre I-er, a fait son temps? Cela est possible. Peut-être est-ce pour cette raison que tous les péchés, toutes les dépravations accumulées durant un siècle et demi, lèvent leur tête hideuse, et, sentant leur fin approcher, se cramponnent au gouvernail pour faire rebrousser chemin au navire?

Haxthausen a pris pour *motto* de son livre deux proverbes russes: «Je suis assis près de la mer et j'attends le beau temps», et «Nous avons quitté notre rive sans parvenir à l'autre». Le baron Westphalien appliquait le premier à la Russie, le second à l'Europe; cela, en 1846. Les temps ont marché depuis. L'Europe reste assise près de la mer... sans attendre le beau temps, et récapitulant ses naufrages; la Russie a quitté le port et flotte au gré des vents. Parviendra-t-elle à l'autre rive? Et quelle est cette autre rive?.. Qui le sait!

Rien n'est décidé, rien n'est sûr; le serpent change de peau — et nous en sommes certains — ne reviendra pas à l'ancienne.

НОВАЯ ФАЗА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Новый период литературы, начавшийся в России после смерти Николая и после Крымской войны, — период пробуждения и порывов, в духе немецкого «Drang und Sturm»*, отчасти изменяет свое направление. Пяти лет было достаточно, чтоб утомить правительство и общество. Правительство после освобождения крестьян испугалось, что оно слишком ушло вперед. На недоумения, порожденные в крестьянской среде новыми указами, оно отвечает картечью; на отказ студентов подчиниться требованиям, какие предъявляются детям, — казематом и ссылкой; вновь начинают осуждать за политические преступления. 14 декабря 1861 года поэт Михайлов приговорен к каторжным работам за воззвание к молодежи*, которое не имело никаких последствий.

Общество, что, быть может, еще удивительнее, также начинает роптать. Оно кажется утомленным свободой прежде, чем даже успело ее получить. Оно опасается крайностей свободы, не успев насладиться ею. Первое возбуждение прошло, и все тяготеет к затишью.

Недоставало лишь предлога, чтобы всецело вступить на путь реакции. Полиция доставила его.

Чтобы выйти из тупика, она наносит решающий удар *по-старинному* и взваливает на «красных», на «социалистов» и вообще на молодежь вину за пожар, охвативший один из кварталов Санкт-Петербурга, — пожар, который она не сумела потушить и которому, быть может, способствовали несколько уличных воров*. Это происходило в мае 1862 года.

Подобного обвинения как будто только и ждали, — в газетах тотчас поднимается вопль против поджигателей. Требуют

расследования и «строжайшего наказания». Обвиняют молодых людей, которые распространяли род революционного манифеста. «Московские ведомости» стараются доказать причастность «Молодой России» к пожарам и пытаются возложить на нее ответственность за действия поджигателей. Общественное мнение встревожено. Боятся в Петербурге. Боятся в Москве. Боятся в провинции. Правительство *должно* спасти общество, успокоить умы; и, чтобы достигнуть этого, оно спешит арестовать несколько сот молодых людей, студентов и литераторов*.

Участие, принятое в этой тревоге газетами, было прологом новой фазы русской журналистики, — фазы, в прошлом году заставившей Европу содрогнуться перед бесцеремонной откровенностью, с какою русские газеты рукоплескали казням в Польше и прославляли палачей.

Между тем расследование по поводу пожаров продолжалось. Сотни людей были допрошены. Бесчисленное множество домов подверглось обыску. Нашли подпольные печатные станки, брошюры, предназначенные для распространения, проекты конституции, мечты утопистов, но не обнаружили ни одного сообщника свирепых поджигателей, задумавших сжечь город, чтобы завоевать симпатии его обитателей.

В течение года с лишком вели следствие по этому делу с ничем не сравнимым пылом, с лихорадочным рвением и с помощью всех средств, которыми располагает русская полиция... Ни одного виновного.

Четыре раза «Колокол», издающийся в Лондоне, требовал, чтобы были названы имена этих гнусных Катилин, этих новых Геростратов и чтобы были сообщены подробности о наказаниях, которым они подвергнуты... Гробовое молчание.

Князь Суворов, петербургский губернатор, человек прямодушный и честный, составил отчет об этом деле и хотел опубликовать его; но г. Валуев, министр внутренних дел, воспротивился этому, находя неприличным объявлять, после целого года расследования, что ничего не раскрыто. Притом он был того мнения, что для правительства полезно держать под подозрением беспокойных и неугомонных людей.

Правительство, встретив такую поддержку своим реакционным стремлениям, тотчас же стало с остервенением преследо-

вать независимую прессу. Оно приостанавливает журналы, бросает в крепость Чернышевского, самого выдающегося публициста; оно угрожает одним и подкупает других, и таким образом ему удается создать литературу порядка и *моральной упрямой благочиния*, какой до тех пор никогда не существовало в России.

С тех пор как сама литература стала выполнять роль цензурного ведомства, она действует орудием, гораздо более опасным, чем ножницы. Возникает система инсинуаций, создается полиция газетных корреспондентов. После всего этого достаточно было восстания в Польше, чтобы отбросить всякую сдержанность, всякое чувство благопристойности.

Вот об этом-то странном, печальном периоде мы и хотим сказать несколько слов.

I

Русская литература как таковая начинается только с XVIII века, т. е. с реформы Петра I. Она, как новая Минерва, вышла из этой реформы, вооруженная с ног до головы дипломами и в академическом мундире. Она не пережила наивного периода, свойственного нормальному росту. Она зарождается в сатирах князя Кантемира, зреет в комедиях Фонвизина, чтобы завершиться горьким смехом Грибоедова, неумолимой иронией Гоголя и бесстрашным, безграничным отрицанием, провозглашенным новой школой*.

Единственный великий поэт и великий художник, который своей звонкой, широкой песнью, своим изящным спокойствием мог бы составить исключение, — это Пушкин; но именно он нарисовал нам печальный и вполне национальный образ Онегина, *лишнего человека*.

Правда, *до насаждения цивилизации* были зародыши иной литературы; но она не имела ничего общего с литературой просвещенной. Язык, даже самые печатные буквы — все было иное. Это была простонародная, бедная литература, в которой слышались первые отзвуки чисто народного лиризма и благочестивые размышления ссылаемых и гонимых раскольников. Это были плавные, печальные, меланхолические песни; иногда, впрочем, они отражали порывы безумного веселья. Что же касается

религиозных произведений, то они всегда отличались мрачным, суровым, аскетическим характером. Благодаря кормилицам, нянькам, старым крепостным слугам песни проникали иногда в *цивилизированный* мир; потаенная же литература раскольников оставалась скрытой в лесах, в недрах общин, достаточно отдаленных, чтоб избегнуть двойного надзора — православной полиции и полицейской церкви. Лишь в последнее время стали записывать эти песни и эти мелодии из уст самих крестьян.

Однако считаем необходимым с самого начала предупредить читателей, что в нашем очерке, как и в прежнем русском «хорошем обществе», не будет речи об этой первоначальной народной литературе, которая всегда стояла ниже *просветительного ценза* русской империи. Литература, занимающая нас, отнюдь не скромный полевой цветок. Далеко нет, это цветок экзотический, пересаженный, с большими издержками, в императорские оранжереи Петербурга. Грубые руки крестьянина никогда не ухаживали за ним. Он развивался в школах немецких космополитов, в казармах императорской гвардии и в бюрократических канцеляриях. Литература эта никогда не переступала за пределы круга дворянства и служилого сословия и сама была, в сущности, своего рода службой, должностью, некоей обязанностью. Немцам это не покажется странным: у них была «государственная философия», у нас, подобно этому, — государственная литература, предписанная правительством и навязанная полицией. Но вот что очень странно: когда закончилось ее воспитание на казенный счет, когда она почувствовала, что стоит более или менее твердо на собственных ногах, она с удивительной неблагодарностью переросла в глухую оппозицию, в иронический и насмешливый протест.

Но было бы совершенно ошибочно думать, что эта искусственная литература, пересаженная с Запада и разведенная немецкой настойкой, не была успешно освоена русской средой и не освоила сама, в свою очередь, эту среду. Напротив того, она пустила очень живучие корни в каменистую, твердую, покрытую грязью почву, где и развилась, болезненная, но упорная, как только почувствовала себя хоть сколько-нибудь свободной от педантов-садовников, которые жертвовали всем ради классической правильности и любили стрижку деревьев больше, чем

самые деревья. Она развивалась с насмешкой на устах и с презрением в сердце к окружающей ее среде, как растут несчастные уличные мальчишки больших городов — в переулках без воздуха и света, между сараем и канавой, болезненные, нервные, хилые, бледные, но обладающие неисчерпаемым источником выносливости и развитием не по летам. Подобно этим детям русская литература первого периода никогда не дышала воздухом полей. Она никогда не удалялась от дворцовой передней, никогда не спускалась ниже последней ступеньки *табели о рангах*. Она останавливалась там, где кончалось должностное лицо и начинался простой смертный. И это было правильно, так как обыкновенный смертный, никем не обучаемый, не умел читать.

Без народной основы, без внутренней необходимости существования, без воспоминаний, порвав с прошлым, презирая все русское, за исключением грубой силы и военной славы, презирая, наконец, самое себя, видя смехотворное положение общества, приговоренного, так сказать, правительством к карательной цивилизации, литература эта явно несла в себе последствия своего внезапного и революционного происхождения.

Петр I хотел создать сильное государство с пассивным народом. Он презирал русский народ, в котором любил только численность и силу, и в подавлении национальных начал пошел гораздо дальше, чем это делает современное правительство в Польше.

Борода считалась преступлением, кафтан — мятежом; портным угрожала смерть за шитье русского платья *для русских*, — это, конечно, *non plus ultra*¹.

Правительство, помещик, офицер, столоначальник, управитель, иноземец только и делали, что повторяли — и это, по меньшей мере, шести поколениям — повеление Петра I: перестань быть русским, и это зачтется тебе в заслугу перед отечеством. Презирай своего отца, стыдись своей матери, забудь все то, что учили тебя уважать в отчем доме, и из мужика, каков ты теперь, ты станешь образованным и немцем; а раз ты станешь хорошо образованным и хорошим немцем, император вознаграждает тебя. Ты станешь барином, ты сам будешь тогда владеть

¹ предел (лат.). — *Ред.*

крестьянами и, при случае, сможешь купить свою мать, если она крепостная, или продать своего отца, если он не вольный¹.
Какое воспитание!

Не думайте, что, подобно московским славянофилам, мы сожалеем о нравах и обычаях, господствовавших в России до Петра I и вызвавших необходимость насильственной революции. Мы говорим здесь лишь о моральных последствиях той странной системы воспитания, которую только что описали.

Московский царизм, без всякого сомнения, уступал петербургскому режиму. Последний таил в себе закваску, бродило, какое-то беспокойство, порыв к будущему и, следовательно, возможность выйти из данного положения, тогда как старый порядок был совершенно лишен движения, являя собою полный застой, отсутствие мысли, идеала, цели. Обезопасив себя от внешних врагов, не страшась более ни монголов, ни поляков, ни литовцев, царизм не знал уже, что ему делать. Правда, он обнаруживал робкие поползновения к преобразованиям, но тяжелая, сонливая атмосфера сгущалась вокруг его византийского трона. Народ, ставший несчастнее, чем когда-либо, вследствие развития крепостного права вширь и вглубь, начал уже, после отчаянных восстаний, возвращаться к своему *a parte*. Москва превращалась в своего рода северный Китай. К счастью, сон этот не был спокойным. Смутно чувствовались угрызения совести; какое-то беспокойство, беспорядочное брожение не находивших себе исхода сил, обнаруживая органическое недомогание, выражалось в глубокой испорченности высших классов.

И вот эта тревога, эта неудовлетворенность, скорее ощущаемая, чем ясно высказанная, нашли, наконец, своего выразителя

¹ Не следует думать, что это преувеличение. Сын крепостного крестьянина, став солдатом, мог, благодаря некоторой храбрости или долгой службе, получить офицерский чин, жениться на богатой женщине и купить у своего бывшего помещика имение, к которому принадлежало его семейство. Сын-помещик имел полное право продать отца, ... а отец-собственник не имел никакого права жаловаться или протестовать. У нас встречались в провинции почтенные патриархи, которые, соединяя полезное с приятным, продавали на американский лад своих собственных незаконных детей, рожденных от них несчастными служанками или крестьянками. И такой порядок вещей продолжался до 1861 года!

в неистовой, нетерпеливой, приверженной ко всему новому личности Петра I. Петр I действительно был принят за спасителя, так как, пробудив внезапно людей ото сна, он нещадно колотил тех, кто засыпал снова.

Это апатичное, пребывающее в летаргии общество было внезапно и насильственно втянуто в лихорадочную деятельность. Верхний слой, *единственный пробужденный* и вовлеченный в движение, все более и более отделялся от массы; всякие человеческие отношения между верхами и низами прекратились, и в этом-то процессе отделения и окончательного разрыва создавалась русская литература, покровительствуемая правительством как одна из отраслей государственной службы. Достаточно вдуматься в это странное положение, чтобы увидеть те две тропинки, по которым эта литература только и могла двигаться. Ей оставалось выбирать лишь между безусловной приверженностью государству, быть может, даже искренней, поскольку правительство представляло «цивилизацию», и иронией и сарказмом, которые только и могли соответствовать положению людей, очутившихся между двумя нелепыми мирами, среди беспорядочной толчеи маскарада, где кишели самые вопиющие контрасты, где никто никого не узнавал, где все было бы смешно, если бы не было столь ужасно, столь свирепо.

Случилось то, чего и следовало ожидать. Холодная и напыщенная поэзия дифирамбов и панегириков, рабски подражающая латинской, немецкой и французской, не могла стать популярной даже среди петербургского общества. Державин, например, был большой талант, но Державина, весьма ценимого в университетах, семинариях, среди духовенства и литераторов, в обществе гораздо более уважали, чем читали.

Первый значительный, серьезный, продолжительный литературный успех выпал на долю комедий Фонвизина, написанных в середине царствования Екатерины II *.

Фонвизин, человек весьма образованный, философ в том понимании, которое придают этому слову энциклопедисты, сам принадлежал к высшему обществу; пробыв довольно долго при русском посольстве в Париже, он не мог сдержать своего сатирического вдохновения при виде этого полуварварского общества с замашками утонченной цивилизации. Он попытался

воспроизвести эту удивительную смесь на сцене, что и удалось ему в совершенстве. Публика помирала со смеху, видя себя осмеянной без всякой пощады. Успех «Бригадира»¹ был чрезвычайный, полный. Князь Потемкин, при всех своих недостатках, далеко не лишенный известной широты взглядов, встретив автора после первого представления «Бригадира» при выходе из театра, взял его за руку и сказал, глубоко взволнованный: «Фонвизин, теперь умри!»*

Но Фонвизин сделал лучше: он написал другую комедию. Успех «Недоросля» значительно превзошел успех «Бригадира». Это произведение сохранится навсегда в русской истории и литературе как картина нравов русского дворянства, возродившегося благодаря Петру I.

Этот первый смех (сатиры князя Кантемира представляли собой лишь подражания) далеко отозвался и разбудил фалангу великих насмешников, и их-то *смеху сквозь слезы** литература обязана своими крупнейшими успехами и в значительной мере своим влиянием в России.

Смех, это самобичевание, был нашим искуплением, единственным протестом, единственным мщением, возможным для нас, да и то в весьма ограниченных пределах.

Как только сознание пробудилось, человек с отвращением увидел окружающую его гнусную жизнь: никакой независимости, никакой личной безопасности, никакой органической связи с народом. Само существование было лишь своего рода казенной службой. Жаловаться, протестовать — невозможно! Радищев попробовал было. Он написал серьезную, печальную, исполненную скорби книгу*. Он осмелился поднять голос в защиту несчастных крепостных. Екатерина II сослала его в Сибирь, сказав, что он опаснее Пугачева. Высмеивать было менее опасно: крик ярости притаился за личиной смеха, и вот из поколения в поколение стал раздаваться зловеющий и иступленный смех, который силился разорвать всякую связь с этим странным обществом, с этой нелепой средой; боясь, как бы их не смешали с этой средой, насмешники указывали на нее паль-

¹ Командир бригады, чин между полковником и генералом, не существующий более в русской армии.

цем. Не существует, кажется, ни другого народа в мире, который вынес бы это, ни другой литературы, столь же дерзновенной. Единственное исключение представляет, быть может, Англия, но при этом следует заметить, что великий смех Байрона и горькая насмешка Диккенса имеют пределы, наша же неумолимая ирония, наш страстный *самоанализ* ни перед чем не останавливается, все разоблачает без всякого страха, так как у него нет ничего святого, что он боялся бы профанировать. Система воспитания Петра I принесла свои плоды.

Самый большой литературный успех после комедий Фонвизина, и при этом лет 50—60 спустя, вышал, как и следовало ожидать, на долю произведения подобного же рода. В этот промежуток не появилось ничего значительного. Русская мысль, отклонившаяся от национальных начал, смутная, перешительная, без инициативы, подражательная, склоняясь то в сторону мартинизма, то в сторону энциклопедистов, порождала произведения слабые, бесцветные, натянутые, которые и тогда-то мало читались, а теперь совсем позабыты.

Комедия Грибоедова¹ появилась под конец царствования Александра I*; своим смехом она связала самую блестящую эпоху тогдашней России, эпоху надежд и духовной юности, с темными и безмолвными временами Николая.

Чтоб верно оценить значение и влияние произведения Грибоедова в России, нужно перенестись в те времена, когда первое представление «Женитьбы Фигаро»* имело во Франции значение государственного переворота. Комедию Грибоедова читали, заучивали наизусть и переписывали во всех уголках России прежде, чем она появилась на сцене, прежде цензорского *imprimatur*². Николай разрешил постановку этой пьесы, чтоб лишить ее привлекательности запрещенного плода, и дал свое согласие на выпуск урезанного ее издания, чтоб воспрепятствовать распространению списков.

И опять-таки содержанием пьесы является *vacuum horrendum*³ высшего русского общества, в особенности московского.

¹ «Горе от ума».

² дозволения печатать (лат.).— *Ред.*

³ наводящая ужас пустота (лат.).— *Ред.*

Но это было уже не доброе старое время, когда писал Фонвизин, — за полвека совершилось много перемен. Краски уже не так резки, и не так уж весел смех. Выспий свет Грибоедова лучше подделывается под Париж, хотя от него все еще несет юфтью за десять шагов.

Таково было в начале нашего века это высшее московское общество, о котором на Западе составилось фантастическое представление как о круге *старых бояр*, упорствующих в своей оппозиции, имеющих хотя и ошибочные, но все же убеждения. О нем можно составить себе довольно правильное понятие, познакомившись с замечательными письмами мисс Вильмот, напечатанными в приложении к «Запискам» княгини Дашковой^{1*}. Грибоедов, родившийся в 1795 году, принадлежал к этой же среде и не имел нужды оставлять отчий дом, чтобы увидеть собственными глазами *«призраки сановников в отставке»*, прикрывающих орденами и звездами целые бездны бездарности, невежества, тщеславия, угодливости, надменности, низости и даже легкомыслия; и вокруг этих покойников, *«которых забыли похоронить»*, — целый мир приживальщиков, интриганов, тунеядцев, влачащих существование; заполненное формальностями, этикетом и лишенное всяких общих интересов.

Не велик промежуток между 1810 и 1820 годами, но между ними — 1812 год. Нравы те же, тени те же; помещики, возвращающиеся из своих деревень в сожженную столицу, те же. Но что-то изменилось. Пронеслась мысль, и то, чего она коснулась своим дыханием, стало уже не тем, чем было. И прежде всего мир этот отражается в новом фокусе, которого не знал Фонвизин. У автора есть задняя мысль, и герой комедии представляет лишь воплощение этой задней мысли.

Образ Чацкого, печального, неприкаянного в своей иронии, трепещущего от негодования и преданного мечтательному идеалу, появляется в последний момент царствования Александра I, накануне восстания на Исаакиевской площади: это *декабрист*, это человек, который *завершает* эпоху Петра I и силится разглядеть, по крайней мере на горизонте, обетованную землю... которой он не увидит.

¹ по-английски, 2 тома.

Его выслушивают молча, так как общество, к которому он обращается, принимает его за сумасшедшего — за буйного сумасшедшего — и за его спиной насмехается над ним.

II

Краткий период от 1812 до 1825 года следует рассматривать как последний органический период *цивилизаторской эпохи* в России: действительно, программа была выполнена, даже превышена.

Хотели сильного государства — Александр возвращался из Парижа окруженный штабом немецких властителей. Хотели образованного дворянства — аристократическая молодежь была либеральна, даже революционна и ни в чем не уступала самым пылким радикалам своего времени.

С того момента, как цивилизация почувствовала себя достаточно сильной, чтоб обходиться без покровительства, а правительство заметило, что она ускользает от его благодеяний и руководства, столкновение между покровительствующим деспотизмом и покровительствуемой цивилизацией становится неизбежным. Едва начавшаяся борьба окончилась в пользу самодержавия. Режим неумолимых репрессий на тридцать лет приостановил всякие политические начинания, независимые от правительства, не дал сорваться с уст зарождавшемуся слову и загнал мысль в ее тайники, чтобы придать ей — конечно, помимо желания — совершенно иное направление... гораздо более серьезное, чем раньше.

Когда общество пришло в себя после овладевшего им уныния, вызванного террором первых лет царствования Николая, один страшный вопрос стал все яснее вырисовываться на фоне привитых нам ипоземных предрассудков, навязанных извне готовых мнений и усвоенных нами традиций. Этот роковой вопрос предстал перед мыслящим человеком и прозвучал еще раз, подобно гласу бога в библии: *«Каин, что ты сделал с братом твоим?»*

С тревогой стали замечать отсутствие народа. Увидели, что все здание русской цивилизации как бы висит в воздухе, приподнятое с помощью веревки, конец которой находится в руках правительства. Но какова же была причина этого равнодушия

народа, этой апатии в несчастьях и страданиях? История русского народа представляет, в самом деле, очень странное зрелище. В течение более чем тысячелетнего своего существования русский народ только и делал что занимал, распахивал огромную территорию и ревниво оберегал ее как достояние своего племени. Лишь только какая-нибудь опасность угрожает его владениям, он поднимается и идет на смерть, чтобы защитить их; но стоит ему успокоиться относительно целостности своей земли, он снова впадает в свое пассивное равнодушие, — равнодушные, которым так превосходно умеют пользоваться правительство и высшие классы.

Поразительно, что народ этот не только не лишен мужества, силы, ума, но, напротив, наделен всеми этими качествами в изобилии. Действительно, русские крестьяне более развиты, чем земледельческий класс почти во всей Европе; исключения встречаются только в Швеции, Швейцарии и Италии.

Вопрос ставился, в основном, следующим образом. Русский народ, казалось, представлял собою геологический пласт, прикрытый верхним слоем, с которым он не имел никакого действительного сродства, хотя этот слой от него же отделился. Спящие силы, скрытые возможности, таящиеся в этом пласте, никогда не были вполне разбужены, и они могли дремать до какого-нибудь нового потопа точно так же, как и могли прийти в движение при столкновении с другими элементами, способными вдохнуть в этот пласт новую жизнь. Отсюда естественно возникал вопрос: где эти элементы? каковы они? Если русский народ в течение десяти веков своего существования не пришел в соприкосновение с ними, то кто знает, придет ли он в соприкосновение с ними в течение следующего тысячелетия? Если нет, то ему остается только приготовиться к существованию, в какой-то мере напоминающему существование его соседей в Тибете и Бухаре. Впрочем, для народов, которые не вступили еще в историю, время в счет не идет, их *действительная служба* еще не началась.

Люди, не любящие покидать проторенные пути, — пути, действительно очень надежные, если нужно попасть из одного известного места в другое известное место, говорили прежде, как говорят и теперь: «Почему предполагают, что русский на-

род может пойти по иному пути исторического развития, чем по тому, каким были выработаны учреждения других современных народов?» Те, к кому обращались с таким вопросом, могли лишь ответить: «Почему? Да что мы знаем об этом? Ведь мы не привилегию какую-нибудь оберегаем, не преимущества какого-нибудь требуем для русского народа. У России нет особой миссии, как нет ее у любого другого народа: эта иудейская идея никогда не была нам свойственна. Мы просто указываем на факт. И так как мы можем утверждать, что в русской жизни отсутствует элемент завоевания, преобладания городов, господства буржуазии, то мы имеем право сказать, что бродило, реактив, нравственная закваска, которая могла бы возбудить в русском народе органическое брожение, была еще неизвестна в ту эпоху, о которой мы говорим, и сущность ее едва только приоткрывается в настоящее время». После 1825 года стало ясно, что высший класс не обладал этой закваской; «просвещенное общество» — тем менее; не располагало ею и правительство. Покончив со своей «просветительской» ролью, оно опиралось только на силу, им приобретенную, да на апатию народа.

Тогда-то тревога, отчаяние и мучительный скептицизм овладели оскорбленными душами. Энтузиаст Чацкий (герой комедии Грибоедова), декабрист в глубине души, уступает место Онегину, герою Пушкина, человеку, скучающему и чувствующему всю свою колоссальную ненужность. Онегин, который вступал в жизнь с улыбкой на устах, с каждой песнью становится все более и более мрачным и наконец, поглощенный пустотой, исчезает, не оставив никакого следа, никакой мысли. Тип был найден, и с тех пор каждый роман, каждая поэма имели своего Онегина, т. е. человека, осужденного на праздность, бесполезного, сбитого с пути, — человека, чужого в своей семье, не желающего делать зла и бессильного сделать добро; он не делает в конце концов ничего, хотя и пробует все, за исключением, впрочем, двух вещей: во-первых, он никогда не становится на сторону правительства, и, во-вторых, он никогда не способен стать на сторону народа...

«Те, кто говорили во времена Николая, что пушкинский „Онегин“ — это русский „Дон-Жуан“, не понимали ни Байрона, ни Пушкина, ни Англии, ни России: они судили

по внешним признакам. „Онегин“ — самое значительное творение Пушкина, поглотившее половину его жизни. Эта поэма созревала под влиянием печальных лет, последовавших за 14 декабря. И кто же поверит, что подобное произведение может быть простым подражанием?

Онегин — это ни Гамлет, ни Фауст, ни Манфред, ни Оберман, ни Тренмор, ни Карл Моор; Онегин — русский, он был возможен лишь в России; там он был необходим, и там его встречали на каждом шагу. Онегин — человек праздный, потому что он никогда и ничем не был занят; это лишний человек в той среде, где он находился, и не обладающий нужной силой характера, чтобы вырваться из нее. Это человек, который испытывает жизнь вплоть до самой смерти и который хотел бы отвесть смерти, чтобы увидеть, не лучше ли она жизни. Он все начинал, но ничего не доводил до конца; он тем больше размышлял, чем меньше делал; в двадцать лет он старик, а к старости он молодеет благодаря любви. Как и все мы, в те времена он постоянно ждал чего-то, ибо человек не так безумен, чтобы верить в длительность положения, существовавшего тогда в России... Ничто не пришло, а жизнь ушла. Образ Онегина был настолько национален, что он встречался во всех романах и поэмах, которые получают какое-либо признание в России, и не потому, что хотели копировать его, а потому, что его постоянно находили возле себя или в себе самом¹.

Чацкий — это Онегин-резонер, старший его брат. «Герой нашего времени» Лермонтова — его младший брат. Онегин появляется даже во второстепенных сочинениях; утрированно ли он изображен или неполно — его всегда легко узнать. Если это не он сам, то по крайней мере его двойник. Молодой путешественник в «Тарантасе» гр. Соллогуба — ограниченный и дурно воспитанный Онегин. Дело в том, что все мы в большей или меньшей степени были Онегинскими, если только не предпочитали быть *чиновниками* или *помещиками*.

«Цивилизация нас губит, сбивает с пути,— писал я тогда,— именно она делает нас, бездельных, бесполезных, капризных,

¹ «О развитии революционных идей в России» Искандера (А. Герцена), 2-е издание, Лондон, 1854.

в тягость другим и самим себе, заставляет переходить от чудачеств к разгулу, без сожаления растрчивать наше состояние, наше сердце, нашу юность в поисках занятий, ощущений, развлечений. Мы занимаемся всем: музыкой, философией, любовью, военным искусством, мистицизмом, чтобы только рассеяться, чтобы забыть об угнетающей нас огромной пустоте. Цивилизация и рабство — даже без всякого лоскутка бумаги между ними, который помешал бы раздробить нас физически или духовно меж этими двумя насильственно сближенными крайностями!

Нам дают широкое образование, нам прививают желания, стремления, страдания современного мира, а потом кричат: «Оставайтесь рабами, немыми и пассивными, иначе вы погибли». В возмещение за нами сохраняется право драть шкуру с крестьянина и проматывать за зеленым сукном или в кабаке ту подать крови и слез, которую мы с него взимаем. Молодой человек не находит ни малейшего живого интереса в этом мире низкопоклонства и мелкого честолюбия. И однако именно в этом обществе он осужден жить, ибо народ еще более далек от него. «*Этот свет*» хотя бы состоит из падших существ одной с ним породы, тогда как между ним и народом ничего нет общего. Петр I так разорвал все традиции, что никакая сила человеческая не соединит их — по крайней мере в настоящее время. Остается одиночество или борьба, но у нас не хватает нравственной силы ни на то, ни на другое. Таким-то образом и становятся Онегинскими, если только не погибают в домах терпимости или в казематах какой-нибудь крепости. Мы похитили цивилизацию, и Юпитер пожелал наказать нас с той же яростью, с какой он терзал Прометея».

Рядом с Онегиным Пушкин поставил Владимира Ленского, другую жертву русской жизни, *оборотную сторону* Онегина. Это — острое страдание рядом с хроническим. Это — одна из тех целомудренных, чистых натур, которые не могут акклиматизироваться в развращенной и безумной среде; приняв жизнь, они больше ничего не могут принять от этой нечистой почвы, разве только смерть. Эти отроки — искупительные жертвы — юные, бледные, с печатью рока на челе, проходят как упрек, как угрызение совести, и печальная ночь, в которой «они существовали», становится еще чернее.

Между этими двумя типами, между самоотверженным энтузиастом, поэтом и человеком усталым, озлобленным, лишним, между могилой Ленского и скукой Онегина медленно текла глубокая и грязная река цивилизованной России с ее аристократами, бюрократами, офицерами, жандармами, великими князьями и императором, бесформенная и безгласная масса низости, раболепства, жестокости и зависти, увлекавшая и поглощавшая все, «сей омут,— как говорит Пушкин,— где мы с вами купаемся, дорогой читатель»*.

Из этого омута необходимо было выйти любой ценой. Но выход преграждал наш сфинкс-народ, с его загадкой, которой никто не мог разгадать.

Первым серьезным словом, которое было сказано, первой попыткой разрешить загадку,— попыткой, приведшей, впрочем, к совершенно отрицательному ответу, было известное «Письмо» Чаадаева.

Опубликование этого письма было одним из значительнейших событий. То был вызов, признак пробуждения; письмо разбило лед после 14 декабря. Наконец пришел человек с душой, переполненной скорбью; он нашел страшные слова, чтобы с похоронным красноречием, с гнетущим спокойствием сказать все, что за десять лет накопилось горького в сердце образованного русского.

Письмо это было завещанием человека, отрекающегося от своих прав не из любви к своим наследникам, но из отвращения; сурово и холодно требует автор от России отчета во всех страданиях, причиняемых ею человеку, который осмеливается выйти из скотского состояния. Он желает знать, что мы покупаем такой ценой, чем мы заслужили свое положение; он анализирует это с неумолимой, приводящей в отчаяние пронизательностью, а закончив эту вивисекцию, с ужасом отворачивается, проклиная свою страну в ее прошлом, в ее настоящем и в ее будущем. Да, этот мрачный голос зазвучал лишь затем, чтобы сказать России, что она никогда не жила по-человечески, что она представляет собою «лишь пробел в человеческом сознании, лишь поучительный пример для Европы». Он сказал России, что прошлое ее было бесполезно, *настоящее тщетно, а будущего никакого у нее нет**.

И рядом с суровым стариком, провозгласившим это отлучение, молодой поэт Лермонтов писал*:

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно...

И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели...

Так тощий плод, до времени созревший,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты — его паденья час!

И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
Глядя насмешливо назад.

Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда.

И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

Ничто не может с большей наглядностью свидетельствовать о перемене, произошедшей в умах с 1825 г., чем сравнение Пушкина с Лермонтовым. Пушкин, часто недовольный и печальный, оскорбленный и полный негодования, все же готов заключить мир. Он желает его, он не теряет на него надежды; в его сердце не переставала звучать струна воспоминаний о временах императора Александра. Лермонтов же так свыкся с отчаянием и враждебностью, что не только не искал выхода, но и не видел возможности ни для борьбы, ни для соглашения. Лермонтов никогда не знал надежды, он не жертвовал собой, ибо ничто не требовало этого самопожертвования. Он не шел, гордо неся голову навстречу палачу, как Пестель или Рылеев, он не мог верить в действительность жертвы; он метнулся в сторону и погиб ни за что¹.

¹ Лермонтов был убит на дуэли в 1840 г.*

Прибавим к этому еще одну характерную черту.

В России тогда был лишь один живописец, пользовавшийся широкой известностью, Брюллов. В чем же художник искал вдохновения? Каков сюжет его главной картины*, этого шедевра, который доставил ему некоторую известность в Италии?

Посмотрите на это странное произведение.

На громадной картине вы видите группы испуганных, остолбеневших людей; они стараются спастись; они погибают среди землетрясения, извержения вулкана, настоящего катаклизма; они падают под ударами дикой, тупой, неправой силы, всякое сопротивление которой было бы бесполезно. Таково вдохновение, почерпнутое в петербургской атмосфере.

В самый год смерти Лермонтова появились «Мертвые души» Гоголя*.

Наряду с философскими размышлениями Чаадаева и поэтическим раздумьем Лермонтова произведение Гоголя представляет практический курс изучения России. Это ряд патологических очерков, взятых с натуры и написанных с огромным и совершенно самобытным талантом. Гоголь взялся тут не за правительство, не за высшее общество; он расширяет рамки, понижает ценз и выходит за пределы столиц; объектами его вивисекции служат: человек лесов и полей, волк, мелкий дворянчик; чернильная душа, лиса, провинциальный чиновник и их странные самки. Поэзия Гоголя, его скорбный смех — это не только обвинительный акт против подобного нелепого существования, но и мучительный крик человека, стремящегося спастись прежде, чем его заживо похоронят в этом мире безумцев. Чтобы подобный крик мог вырваться из груди, надобно, чтоб в ней оставалось что-то здоровое, чтобы жила в ней великая сила возрождения. Гоголь чувствовал — и многие другие чувствовали вместе с ним, — что за *мертвыми душами* есть *души живые*.

Итак, нашлись люди, которые после надгробного слова Чаадаева подняли голову и протестовали против выданного им свидетельства о смерти. «Наша история,— говорили они,— едва начинается. К несчастью, мы сбились с дороги; нужно возвратиться назад и выйти из тупика, куда втолкнула нас своей надменной и грубой рукой цивилизующая империя».

Смельчаки, отважившиеся отрицать цивилизующий режим немецкой империи в России, впали в крайние преувеличения, как это всегда бывает в подобных случаях; перепутали настоящий Запад с петербургским Западом и обратились к искусственному строю московского государства с его узкими формами. Это была реакция, чудачество, нечто вроде романтизма в Германии или прерафаэлитизма в Англии*. Нетерпимость этих людей мешала России в течение многих лет признать великую, инстинктивно угаданную истину, которую они бесспорно обладали.

У славянофилов, подобно сен-симонистам, было очень верное, но смутное предчувствие нового порядка вещей; только вместо того чтоб разрабатывать его положительную сторону, они обратили это предчувствие в религию, и притом в религию прошедшего, совершенно не соответствовавшую их же собственному представлению о русском народе. Под наслоением правительственной цивилизации они открыли *элементы* иного существования и хотели воскресить *учреждения*, которые никогда не давали этим элементам развиваться.

«Письмо» Чаадаева прогремело подобно выстрелу из пистолета глубокой ночью. Что это: весть о каком-то бедствии, призыв на помощь, знак пробуждения, вопль скорби? Неважно. Несомненно лишь то, что после этого нельзя было больше спать.

На этот крик отчаяния славянофилы ответили криком надежды. Образовались две школы: история русской мысли до 1848 года и заключается преимущественно в борьбе этих двух школ.

Между этими двумя крайностями образовалась вскоре независимая партия. Она не хотела воспринять ни религии отчаяния, ни религии надежды, она отрицала вообще всякое навязанное верование. Эта группа ученых, литераторов желала изучать вопрос без всякой предвзятой мысли, произвести беспристрастное исследование. Не разделяя мрачного взгляда Чаадаева на будущее, они отвергали и культ выходцев с того света, проповедуемый славянофилами. Именно из их рядов вышли самые замечательные люди того десятилетия: публицист и критик Белинский, профессор Грановский и, наконец, автор «Записок охотника» Иван Тургенев.

Мы не станем вдаваться в частности полемики, возникшей между этими партиями. Но важно указать, что люди, отчаявшиеся в России, и люди, искавшие спасения в прошлом, — все мы, наконец, со всеми нашими оттенками надежды и веры, сомнения и неверия, любви и ненависти, все мы сходились в одном, и тут Чаадаев, Хомяков¹ и Белинский подавали друг другу руки, — а именно в *осуждении императорского режима, установившегося при Николае*. Не существовало двух мнений о петербургском правительстве. Все люди, имевшие независимые убеждения, одинаково расценивали его. И именно в этом следует искать объяснения странному зрелищу, какое представляли собой в литературных салонах Москвы дружеские встречи людей, принадлежавших к диаметрально противоположным партиям.

В то время существовала газета хотя и неофициальная, но редактируемая в правительственном духе — «Северная пчела»; ее не считали серьезной газетой и относились к ней как к детищу полицейской канцелярии. Бывали в литературе единичные проявления холопства и клиентизма, но они всегда вызывали всеобщее негодование. Даже слава Пушкина не спасла его от общего порицания, вызванного письмом, с которым он обратился к императору Николаю *. Гоголь потерял всю свою популярность из-за нескольких писем, в которых он становился на сторону власти *. Одному поэту, шедшему своим путем, вздумалось как-то воодушевиться коляской и громадной, воинственной фигурой Николая*; это стихотворение вызвало такое негодование, что несчастный поэт, считая себя погибшим, со слезами на глазах стал просить за свое увлечение прощения у друзей и клялся, что никогда более не позволит себе упиздиться подобным образом.

Итак, — мы особенно настаиваем на этом, — вся литература времен Николая была оппозиционной литературой, непрерывающимся протестом против правительственного гнета, подавлявшего всякое человеческое право. Подобно Протею, эта оппозиция принимала всевозможные формы и говорила на всевозможных языках. Слагая песни, она разрушала; смеясь, она

¹ славянофильский поэт

подкапывалась. Раздавленная в газете, она возрождалась на университетской кафедре; преследуемая в поэме, она продолжала свое дело в курсе естественных наук. Она проявлялась даже в молчании и сумела проникнуть сквозь стены и двери, в дортуары институток, в залы для военных упражнений в кадетских корпусах и в залы для упражнений богословских в семинариях.

И вот во время этого глухого и скрытого прорастания прогремело известие о Февральской революции.

Николай на этот раз решился бесповоротно покончить всяким умственным движением в России, и он вступил в открытую, беспощадную борьбу с мыслью, словом, знанием. Семь лет — настоящий период для испытания, по правилу Пифагора, — образованная Россия, с ядром на ногах, влачила жалкое существование в глубоком, унижительном, оскорбительном молчании, чувствуя, что ей недостает силы... т. е. что ей недостает народа.

Несколько недостаточно благоразумных молодых людей¹ осмелились в 1849 г. собираться для бесед о социализме и политической экономии. Их приговорили к расстрелу; им прочли приговор на площади, завязали глаза и, заставив таким образом изведать шаг за шагом все муки агонии, их помиловали... на каторжные работы. Молчание было водворено... и на сей раз по-настоящему.

«Благо Белинскому, умершему вовремя, — писал ко мне Грановский в 1851 году*.— Много порядочных людей впало в отчаяние и с тупым спокойствием смотрит на происходящее... Когда же развалится этот мир?» И он прибавляет: «Слышен глухой общий ропот, но где силы? О брат, как тяжело бремя нашей жизни!»

III

На печальном досуге в тюрьме последних лет царствования Николая идеи зрели быстро. С обеих сторон молчали о том, что видели все с большей и большей ясностью. Правительство все свело к репрессиям, к декоруму порядка и ни в чем не встречало препятствий; и тем не менее Николай с каждым днем становился мрачнее и подозрительнее. Если он не уклонился от Крымской

¹ Петрашевский, Достоевский, Спешнев и т. д.

войны, то потому, в сущности, что и сам, не отдавая себе отчета, желал какого-нибудь движения в этой застывшей, немой и зловещей обстановке, которая начинала пугать его: он видел уступчивость без убеждения и покорность без преданности. Он думал, что война во всяком случае не послужит на пользу свободе, и затем... он был так уверен в победе! Давно ли, в самом деле, австрийский генерал *на коленях умолял* одного из его заместителей спасти апостолический трон¹, и Паскевич писал ему: «Венгрия у ног вашего величества».

После ряда поражений в Крыму Николай с ужасом понял, как слаба система, для которой он пожертвовал всем. Его смерть была признанием, отречением; Катон деспотизма, он не хотел пережить порядок вещей, над которым трудился тридцать лет и который рушился при первом пушечном выстреле.

Чары рассеялись. Правительство и общество взглянули друг другу в лицо, как бы спрашивая друг друга: *правда ли это?* И с одной и с другой стороны были очень довольны, *что это оказалось правдой*. Само правительство почувствовало, что с его плеч скатилось тяжелое бремя, и не скрывало этого. Александр II поспешил заключить мир с союзниками и предоставить внутри государства некоторую свободу или, правильнее сказать, несколько ослабить преследования.

Великое множество идей, мыслей пробилось тогда на свет*. Все, что было погребено в глубине души под гнетом вынужденного молчания, вдруг обрело язык, чтобы протестовать и выйти наружу. Если сравнить газеты и журналы последних лет царствования Николая с теми, которые появились полгода спустя после его смерти, то можно было бы подумать, что их разделяют по меньшей мере четыре поколения.

Совершенно естественно, что первым плодом такой внезапной свободы слова была обличительная литература, — литература, описывающая патологические явления. Само правительство открыло для гласности темные закоулки и низы бюрократии, охраняя от нападков лишь высшие сферы. При таком условии

¹ Генерал граф Кабога, не будучи в состоянии убедить Паскевича, бросился в присутствии секретаря последнего, Гильфердинга, на колени перед ним и сказал: «Мой государь приказал мне на коленях вымолить у вас помощь».

очистка низших ступеней бюрократической лестницы становилась делом бесполезным. Все же доставляло удовлетворение, что можно было разоблачить, хоть отчасти, беспорядок, угнетение, невероятное лихоимство, свойственное тяжелому, бесчестному и придиричвому режиму бюрократии — немецкой и в то же время азиатской, патриархальной и военной.

Так как правительство участвовало в общем хоре и только и говорило что о злоупотреблениях, которые необходимо искоренить, о духе века, о потребностях новой, прогрессивной эпохи, то либерализм стал модой, даже средством обратить на себя внимание. Генералы, ничего так не боявшиеся, как слова «свобода», не имевшие понятия о слове «равенство» и налагавшие, после каждого смотра, телесные наказания на солдат, начинали замечать, что, в сущности, они были либералами, конечно, любящими порядок, но все же большими либералами. Каждый новый столоначальник, вступая в отправление своих обязанностей, не мог обойтись в то время без провозглашения *своих прогрессивных принципов* и напоминания о том, что для России наступила эра реформ и улучшений. В одном из университетов попечитель дошел до того, что стал упрекать профессора за *недостаточно либеральную* речь, произнесенную на официальном торжестве. У чиновников ни один обед не обходился без прогрессивных тостов и речей. Головнин, ныне министр народного просвещения, был того мнения, что для награждения чиновников за их *независимый образ мыслей* необходимо установить новый знак отличия *ad hoc*¹.

Чем больше распространялся либерализм, тем больше он терял в глубине, силе, серьезности. Мрачно настроенное меньшинство, создавшее своим молчанием оппозицию в царствование Николая, было крепкого закала. Слабые люди отходили тогда в сторону, так как игра была слишком опасна, а для тех, кто оставался, двух-трех слов было достаточно, чтобы узнать друг друга. Многозначность была им не нужна. Они много ненавидели, а ненависть — сила. При Александре II сила эта была притуплена словами. Правительство позволяло говорить; но можно было однако предвидеть, что настанет конец этой

¹ специально для этого случая (лат.).— *Ред.*

тершимости. Что же касается народа, то он не принимал никакого участия во всем этом — он оставался в своем *a parte*.

Хотя он был равнодушен к тому, что происходило наверху, но к войне, стоившей ему много крови, он относился иначе. Неудачи подсказали народу мысль, какой у него не было в 1812 году: поднявшись всей массой на защиту страны, добиться уничтожения крепостного права. На Украине дело дошло даже до восстания крестьян, подавленного вооруженной силой* того самого правительства, на защиту которого крестьяне поднимались.

Ясно, что единственным вопросом, который мог вывести народ из спячки и объединить его с образованной Россией, был вопрос об освобождении крепостных.

В то время как люди образованные занимались критическим исследованием заржавелого механизма дисциплинарного режима Николая, правительство выдвинуло великий вопрос освобождения. Дворянство, вместо того чтоб постараться выиграть первый приз, обнаружив широту взглядов, признав добровольно историческую необходимость, вдалось в упорную, мелочную оппозицию. С этого момента сила его была парализована. Народ, брошенный в объятия правительства, ожидал, с наивной верой, иной свободы от своего царя — *золотой воли, воли... с землею*.

Царь отвечал ему ружейными выстрелами; но крестьяне, падая, проклинали дворян и сохраняли веру в царя.

Правительство, которое до тех пор обращалось с народом с величайшим презрением и с удвоенной грубостью — помещика и военного, — начинало теперь ценить силу, которую придавал ему народ.

Положение совершенно изменилось; правительство, поддерживаемое народом, могло бы смело идти вперед в 1860 — 1861 гг. и провести серьезные реформы; но вместо этого, едва ощутив свою силу, правительство употребило ее на то, чтоб повернуть назад и укрепить самодержавие.

Пока продолжалась борьба между правительством и дворянством, литература всех оттенков поддерживала правительство и его проекты освобождения крестьян, — зрелище невиданное. Но согласие продолжалось недолго. Как только был

объявлен манифест об освобождении, часть литературы перешла в оппозицию и вступила в глухую, неравную борьбу с правительственной литературой, — борьбу, вся тяжесть которой должна была неизбежно обрушиться на радикальную партию.

Сочувственное отношение русской молодежи к Польше, печально протестовавшей молебствиями и трауром, появление ряда прокламаций, отпечатанных тайно в Петербурге, и русских книг и газет с заграничных печатных станков — все это обострило борьбу.

Когда в Варшаве пали первые жертвы, в России случилось нечто неслыханное: студенты и офицеры, гвардейские и армейские, заказывали панихиды по убитым полякам, и это в Петербурге, Москве, Киеве и в воинских частях, расположенных в Польше. Правительство, не привыкшее к подобного рода демонстрациям, пришло в сильное раздражение; еще более серьезные события в Казани * довели это раздражение до крайности.

Студенты Казани собрались в университетской церкви, чтобы помолиться за упокой души крестьянина Антона, расстрелянного по приказанию графа Апраксина за участие в безоружном восстании, которое было подавлено с кровавой жестокостью; Щапов, профессор университета, из духовного звания, произнес надгробную речь, прославлявшую память мученика. Этого правительство не стерпело.

Оно начало с отдельных преследований. Офицеры, заказывавшие панихиды по полякам, предстали перед военным судом. Щапова тотчас же арестовали и бросили в тюрьму тайной полицией¹. Политические процессы, почти забытые после смерти Николая, возобновились. Поэт Михайлов за воззвание к молодежи, не имевшее никаких последствий, был осужден на *семь лет каторжных работ* в рудниках. Он находился в дороге, не успел еще прибыть на место своего назначения, как новые аресты и новые процессы встревожили общество.

В числе арестованных были военные, как Обручев, и гвардейские офицеры, как Григорьев.

¹ В настоящее время он сослан в Восточную Сибирь.

В 1862 г. правительство отдало под суд в Варшаве трех молодых русских офицеров: Арнольда, Сливицкого, Каплинского и унтер-офицера Ростковского, обвиненных в том, что они занимались пропагандой в армии, основали тайное офицерское общество и были преданы польскому делу. Их расстреляли, за исключением Каплинского, которого отправили на каторгу. Солдата Щура прогнали сквозь строй за то, что он не донес на офицеров.

Император Александр не любит собственноручно подписывать смертные приговоры: он предоставляет это своим подручным. Приговор по делу несчастных офицеров был, следовательно, подписан генералом Лидерсом. Через несколько дней после казни в Варшаве, в общественном саду, ему раздробили пулей челюсть.

Красовский, заслуженный полковник, покрытый ранами и крестами, был выведен в октябре месяце в Киеве на площадь; с него сорвали эполеты и ордена, бросили ему одежду каторжника, заковали в кандалы и отправили в рудники на двенадцать лет. Преступление его состояло в пропаганде между солдатами, которых он умолял не стрелять в крестьян.

Встревоженное правительство не знало, как выпутаться из положения, как сохранить либеральную репутацию, не делая ни малейшей уступки. Задача была трудная. Николай, в простоте своего деспотизма, был счастливее.

Преследования студентов в Петербурге и в Москве не увенчались успехом, они были слишком грубо задуманы и слишком жестоко выполнены. Император сам заметил ошибку, отстранил *адмирала* от народного просвещения, удалил петербургского генерал-губернатора * и решился испробовать новую, более цивилизованную систему.

Эту новую систему, которая имела полный успех и воздействие которой Россия испытывает и ныне, изобрели главным образом два государственных деятеля; оба молодые, образованные, в расцвете сил. Мы имеем в виду министра народного просвещения Головнина и министра внутренних дел Валуева.

Когда все инструменты были надлежащим образом настроены и оркестр ожидал лишь взмаха палочки капельмейстера, а последний — лишь удобной минуты, подвернулся случай,

какой судьба посылает тем, кто желает этого и притом располагает силой. Это петербургский пожар, — тот исторический пожар, о котором мы уже говорили в предисловии.

Г-н Головнин — поклонник независимости чиновников — был назначен министром народного просвещения вместо адмирала Путятина. Человек честный, пользовавшийся сверх того репутацией философа, он так хорошо повел дела, что, говоря постоянно о свободе печати... в будущем, временно утроил строгость цензуры. Он давал редакторам столь красноречивые советы, делая вид, будто прислушивается к их мнениям, что тон газет изменился в мгновение ока. Такая же тактика применялась и в делах министерства. После того как в газетах целые месяцы толковали о необходимости реформировать в прогрессивном духе университетские порядки, дело кончилось введением таких правил, которые лишали студентов даже тени независимости; особенно замечательно в этих правилах то, что предложил их отнюдь не министр; Головнин предоставил инициативу и разработку проекта советам профессоров.

То, что проделывал Головнин в качестве мыслителя и философа в министерстве народного просвещения, г. Валуев, как истинно светский человек, проделывал в министерстве внутренних дел, но только с большей откровенностью, т. е. с еще меньшими предосторожностями. Правда, чиновники этого министерства представляли собой материал гораздо более гибкий: тут приходилось иметь дело не со старыми профессорами и молодыми учеными, а с заслуженными полицейскими и с молодыми людьми, воодушевленными идеей... сделать себе карьеру.

Итак, Валуев даже не без игривости обделывал свои делишки по части руководства общественным мнением. Было, например, известно, что один журналист* увяз в долгах, что он играл в карты, обладал хорошим слогом и не обладал стойкими убеждениями, был либералом, впрочем, по воспоминаниям; его статьи считались поучительными. Простое чувство долга подсказывало министру приободрить, поддержать талантливого человека... который имел несчастье много проигрывать. Ну вот, его и приободрили немного. В знак благодарности он пролепетал несколько похвальных слов, выставя на вид скрытые добродетели правительства, — и проиграл вдвойне.

Тотчас же поощрение прекратилось... и репутация его также пала; так как, удивительное дело, все знали, что редактор получил поощрение. Год оканчивался, а с ним и подписка (только с 1863 г. публика стала читать с удовольствием поощряемые газеты). Редактор, при последнем издыхании, отправился в Петербург просить министра спасти его. В Петербурге нашли, что это трудно сделать; однако его газете можно было бы предоставить право печатать, например, объявления военного министерства. Но и тут встретились некоторые затруднения. Военный министр не был таким отъявленным либералом, как Валуев. По странному совпадению редактор также почувствовал, что и он день ото дня становится все менее и менее либерален. Он получил привилегию на печатание объявлений и попал таким образом в число поощряемых журналистов.

Число газет и журналов, выходящих в России, очень ограничено; поэтому дела, благодаря применению системы поощрения и при поддержке, оказываемой ей доктриной министра народного просвещения и двумя-тремя газетами *in partibus infidelium*¹, которые выражали, так сказать, *международную* независимость европейских взглядов,—дела, говорю я, шли очень хорошо. У Головнина предавались обстоятельным суждениям, у Валуева — смеялись, а пресса с каждым днем становилась все более и более консервативной.

Пожар, случившийся в Петербурге, был настоящим триумфом этой системы.

Генерал Потапов, начальник тайной полиции, сказал тогда одному из наших знакомых *: «В настоящее время речь уже не о том, чтоб укрепить или опрокинуть то или другое учреждение,— об этом можно спорить; нет, речь идет о том, чтоб сомкнуть наши ряды, присоединиться к правительству и спасти цивилизацию: она в опасности!»

Всякого, кто высказывал независимое мнение, не согласное, на беду, с мнениями, терпимыми правительством, немедленно обвиняли если не в том, что именно он поджег Петербург, то по меньшей мере в сочувствии поджигателям. И Потапов потирал руки: обязанности его канцелярии наполовину выполнялись литературой.

¹ в стране неверных (лат.).— *Ред.*

Рвение, негодование газет превосходило всякую меру. Они вызывали правительство на исключительные, беспримерные жестокости.

«Все надеются, — выкрикивал журнал г. Краевского «Отечественные записки», — что полиция разыщет этих извергов; все хотят, все требуют, чтоб имена их были оглашены, для того чтобы знать, кого нужно бояться. Все хотят, все требуют наказания; народ обрек бы этих злодеев даже на такую казнь, которой нет и в законе. Расстреляние и повешение, по его мнению, слишком легкие, слишком благородные казни для таких варваров. Если б они попались в руки народа, он разорвал бы их на куски, он жег бы их на кострах, он живыми закапывал бы их в землю или замуровывал в те самые стены, которые стоят теперь печальными памятниками злодейства и человеческого безумия. Во всяком случае народ рассчитывает на виселицы, ждет ружейных залпов: он должен быть отомщен».

«Наиболее виновные поджигатели, — повторяли на все лады «Московские ведомости», — вовсе не те несчастные, которые подносят горящую головню, а те люди, которые проповедуют зажигательные учения»¹.

Непосредственные и очень благоприятные для правительства последствия этого скоро сказались в ожесточении простого народа в Петербурге и Москве против студентов, которых начали смешивать с поджигателями и, что еще хуже, с самой реакционной дворянской партией.

Один журнал осмелился поднять голос в защиту оклеветанной молодежи* — он был запрещен; другие стали более осторожны.

Однако правительство не ограничилось запрещением «Современника». Через некоторое время был посажен в Петропавловскую крепость его редактор Чернышевский, замечательный

¹ Один духовный журнал иезуитско-православного направления пошел еще дальше. Когда разыскивают вора, говорит он, то публикуют его приметы. Хотят поймать поджигателей — как же их разыскивать?.. Нужно также описать их приметы. Поджигатель — это человек, который не верит в бога, у которого нет религии, который не признает установленных властей, проповедует принципы западных революционеров и т. д. и т. д.

писатель и самый талантливый из преемников Белинского (который создал этот журнал и руководил им до самой своей смерти). В то же время публика узнала об аресте человека, еще молодого, но пользовавшегося уже большим уважением. Не лишним будет сказать здесь несколько слов о Серно-Соловьевиче: его история в высшей степени характерна для этого времени.

В ту пору, когда проект освобождения крестьян находился в руках нескольких ретроградов-сановников, относившихся к нему враждебно, один молодой питомец Царскосельского лицея, столь заслуженно прославившегося в истории нашего общественного развития, только что начинал свою служебную карьеру в канцелярии Государственного совета. Он работал в отделениях, которые занимались перепиской и приведением в порядок документов Главного комитета по крестьянскому делу. Члены этого комитета употребляли тогда все усилия, чтоб запутать вопрос, создать затруднения и препятствия и затянуть подольше дело. Молодой человек, преисполненный энтузиазма, горячий, фанатически преданный делу освобождения, был возмущен этими интригами и решил отказаться от роли орудия в руках заговорщиков против народа. Но прежде чем оставить службу, он написал царю благородное, откровенное письмо. Он раскрывал ему, что делается, чтобы помешать его намерениям, и каким людям он доверил великое дело своего царствования.

С этим письмом в кармане молодой человек прогуливался по Царскосельскому парку и, встретив императора, подал ему письмо. Император, заглянув в него, нахмурился и сказал молодому человеку, что он прочтет письмо и даст ему ответ. Вечером граф Орлов велел позвать к себе Серно-Соловьевича. «Государь, — сказал он ему, видимо, недовольный этим поручением, — приказал мне благодарить вас и поцеловать. Он прочел ваше письмо и примет его во внимание». Император играл еще тогда в либерализм; но последний маркиз Поза скоро увидел, что бесполезно обращаться к этому монарху, даже когда он посылает через министра полиции свое императорское лобызание. Серно-Соловьевич оставил службу и напечатал в Германии свой проект освобождения крестьян... *с выкупом земли.*

От этой брошюры веяло уже чем-то совершенно новым. «Я печатаю свой проект за пределами государства, — говорит

автор в предисловии,— так как в России его не разрешили бы отпечатать. Я подписываю его, так как наступило время действовать как подобает свободному человеку. Если мы желаем, чтоб с нами обращались как со взрослыми, то нам не к лицу поступать по-детски».

«Берегитесь»,— сказал автору генерал Потапов, но ничего не сделал. *Преступление* было совершено слишком публично, слишком откровенно, слишком, скажем прямо, по-рыцарски. Но спустя несколько месяцев Серно-Соловьевича запутали в один из тех мнимых заговоров, рассмотрение которых обыкновенно возлагается на особые инквизиторские комиссии, ведущие дела при закрытых дверях, без свидетелей, без защиты. После того как подобного рода следствие бывает закончено, комиссии эти, чтоб соблюсти юридическую благопристойность, передают следственные материалы на рассмотрение сената, присовокупляя к ним свое собственное заключение. Сенат, только и помышляющий о том, чтоб представить лишнее доказательство своей горячей преданности престолу, не скупится на услуги, в особенности когда дело идет о врагах правительства; он прибавляет несколько лет каторжных работ, несколько позорящих выражений — и все кончено.

Серно-Соловьевич и Чернышевский, арестованные в середине 1862 г., в момент, когда мы пишем эти строки, томятся *еще* в казематах¹.

Избавившись таким образом от серьезных противников, прекратив, так сказать, временно их существование, устранив слабых и приобретя признательность подлых, министерство смело покинуло свою оборонительную позицию.

Восстание, вспыхнувшее в Польше, представило превосходный предлог, которым министр внутренних дел и воспользовался, чтоб начать знаменитую ныне патриотическую агитацию, побуждая ввиду возможности европейской войны подавать верно-подданнические адреса царю. Чиновники министерства стали

¹ С тех пор как мы написали эти строки, процесс Чернышевского, к несчастью, окончился. Его приговорили к *семи годам каторжных работ* и к вечной ссылке. Этот акт варварства, несправедливости, жестокости дает представление о либеральных и благожелательных настроениях нынешнего императора (1 июня 1864 г.).

колесить по губерниям во всех направлениях, внушая властям мысль об адресе и предлагая *даже самый текст*. Отпечатанный образец текста оставлял однако достаточно простора для местных вариантов и изменений; он вовсе не был обязательным, при условии, чтобы тот, который составлялся взамен, выразил бы еще большую преданность. Народ удалось увлечь. Хотя способ, каким осуществлялось освобождение, и вызывал недовольство, все же народ питал чувство признательности к царю за самое освобождение и все ожидал от него *золотой воли, воли с землею*. Его трогало, что ему сообщали об опасности, угрожающей отечеству; он верил в предстоящее нашествие, подобное нашествию 1812 г., и начал припоминать свою старую ненависть к полякам, которых изображали ему толпой бар и ксендзов, возмущившихся против царя-освободителя.

Провинциальное дворянство не было столь наивно, чтобы не видеть в патриотической преданности весьма недорогое средство восстановить прежнюю дружбу с правительством. С тех пор как возник вопрос об освобождении, дворянство вело мелочную борьбу с правительством. Разбитое в важных вопросах, оно ухитрялось все больше и больше привязывать народ к престолу, непрестанно раздражая крестьян мелкими придирками и упорством по пустякам. Но это не приносило никому никакой выгоды и могло побудить правительство пересмотреть условия освобождения, приняв во внимание народные требования; поэтому дворянство сознавало необходимость примириться, но не знало, с чего начать. Адреса были простым и дешевым выходом из затруднения. И дворянство всех губерний и всех уездов почувствовало себя вдруг охваченным пожирающим пламенем патриотизма.

Оставалось еще образованное общество, та неустойчивая среда, в которой слагается общественное мнение: Петербург и Москва, влиятельное меньшинство в провинции, литературные круги, молодежь.

Средства, пущенные в ход министром внутренних дел, были слишком уж примитивны для того, чтоб можно было пользоваться ими в столицах. Здесь главная роль должна была перейти к *управлению печатью*; и успех Головнина был не только не меньше успеха его коллеги, но настолько возрос, что сам ми-

нистр оказался превзойденным и даже обвиненным в недостатке усердия и решимости.

Правда, одно обстоятельство очень помогло правительству, у которого вдруг одним сильным противником стало меньше. Русское общество привыкло уважать, — быть может, даже слишком, — мнение Западной Европы. Но Европа своими дипломатическими нотами, своими безоружными демонстрациями, своими миролюбивыми криками о войне достигла того, что не только потеряла свой престиж, но что в России стали жадно искать всякого повода, чтоб раздражить ее и бросить ей вызов.

Правительство, решившее расправиться с Польшей и скорее уничтожить ее, чем согласиться на какую-либо серьезную уступку, старалось вовлечь всю нацию в свою бесчеловечную политику. Оно сумело искусно воспользоваться ее настроением.

Попытки завести официозную прессу в Петербурге не удались. Петербург не знает жаргона неистового патриотизма и не обладает престижем независимости. Оставалась древняя столица, центр панславизма, город русский по преимуществу, город университетский, несколько непокорный и при всем том бывший самым значительным очагом реакции.

Тут необходимы некоторые разъяснения.

С начала нынешнего царствования роль Москвы заметно изменилась. Во времена Николая Москва держалась в стороне, носила на себе отпечаток скрытого недовольства, дулась на Петербург и меньше его зависела от правительства. Многочисленные помещики, проводившие зиму в Москве, богатые семьи, жившие там на широкую ногу, придавали московскому обществу характер менее официальный, менее покладистый, менее казарменный и чиновничий по сравнению с петербургским обществом, однообразным и вечно подтянутым. В Москве много внимания уделяли университету; и действительно, Московский университет был великим источником света и знания для всей страны. Доблестно руководимый, несмотря на всевозможные препоны, которые воздвигала растущая реакция, своим духовным представителем, профессором Грановским, он стал трибуной научных споров и просвещения не только для студентов, но для всего общества в целом. Гакстгаузен, свидетель живых споров славянофилов с западниками в салонах Москвы, был поражен тем, как

«фрондеры древней столицы» открыто высказывали свое мнение, которое, конечно, не всегда было в полном согласии с мнением правительства.

После смерти Николая Москва заняла другую позицию. Она тотчас преобразилась, лишь только давление сверху потеряло свою напряженность и вопрос об освобождении крестьян коснулся *земли*. От фрондерства осталась лишь завистливая ревность к Петербургу и к оппозиции, да и то лишь ровно настолько, сколько нужно было, чтоб тормозить целые месяцы дело освобождения крестьян. Император сам вынужден был напомнить о приличиях дворянам-ретроградом.

Что общество *рабовладельцев* продает свой либерализм за чечевичную похлебку, приготовляемую руками рабов, это печально, но понятно. Гораздо труднее понять позицию университета и литературных кругов. Профессорская корпорация состоит обыкновенно не из провинциальных набобов, этих русских князей — завсегдатаев минеральных вод и отелей, и даже не из лиц аристократического происхождения; в большинстве случаев это сыновья священников, класса очень образованного, но бедного и демократического по своему положению; это мелкие чиновники, которые предпочли канцелярии науку; иногда, наконец, это отпрыски мелкопоместных дворянских семей.

Профессорская, вообще преподавательская, среда играла большую роль у нас в деле образования, и, за некоторыми исключениями, роль прекрасную. Учителя лицеев, гимназий, школ были одинокими стражами, безвестными пионерами великой гуманистической пропаганды, которая не доставляла ни славы, ни известности. Борясь с бедностью, отданные во власть грубой администрации, они нередко поступались своим личным достоинством, но тем не менее продолжали проповедовать идею независимости и ненависти к произволу. После литературы преподавательская среда также была представителем пробуждавшегося сознания.

Ни Московский университет, ни московская печать не защищали крепостное право; эта задача выпала на долю Английского клуба и так называемых аристократических кругов. Между тем в обществе обнаруживалась какая-то вялость. После долгой борьбы, которой было ознаменовано царствование Николая,

люди стали чувствовать себя слишком довольными, удовлетворенными, быть может, усталыми. Сравнивая ужасные годы, наступившие после 1848 г., с существующим положением вещей, публика замечала прогресс и удивлялась, что молодое поколение не удовлетворяется этим. Тупое и бесплодное доктринерство овладевало университетом; связь между профессорами и студентами явно ослабевала.

Грановского уже не было. Он умер в 1856 г.*, полный сил, сорока лет от роду. Последний взгляд его упал на начало новой эпохи, исполненной надежд. Удалось ли бы ему остановить реакцию в университете? Или, быть может, к счастью для себя, он вовремя почил?..

Реакция завоевывала позиции так быстро и с такой дерзостью, что один молодой профессор-юрист*, призывая тень Грановского и говоря, что он считает за честь для себя быть его учеником, открыл чтение своего курса изложением философии пассивного повиновения. Он поучал своих слушателей, что еще нет никакой заслуги в том, чтоб исполнять и почитать справедливые законы, но что великий долг человека — это безусловное повиновение всякому закону, даже несправедливому и нелепому, потому только, что это закон.

Такова была теория, практика же ее превзошла.

Известна печальная история демонстрации, устроенной студентами Московского университета*. Здесь собирались применить те самые правила, которые вызвали противодействие студентов Петербургского университета. Московские студенты хотели послать депутацию с петицией к императору. Когда профессора увидели, какой оборот принимает дело, они отступились от студентов. Враждебно встреченные властями, брошенные, преданные профессорами, студенты собрались перед домом генерал-губернатора, требуя, чтобы он принял депутацию.

Это выступление приняли, или сделали вид, что принимают, за бунт. Жандармы, пешие и конные, бросились избивать студентов, толпа, подстрекаемая полицейскими, набросилась на них, и бедные израненные юноши были задержаны и брошены в тюрьму. Их молодая кровь была первой кровью, пролитой в Москве после 1812 г.

Университетский совет, чтоб отстранить от себя всякое подо-

зрение в участии и потворстве, поспешил представить министру записку, в которой он доносил на литературу, на общество, даже на московского генерал-губернатора и взваливал, конечно, всю ответственность на студентов, — и это в то время, когда половина университета находилась в тюрьме. Эта записка будет всегда служить в истории русского просвещения демаркационной линией, отделяющей новые тенденции Московского университета от тенденций предшествующей эпохи.

Записку хотели скрыть *, и потому она была отпечатана лишь в пяти экземплярах; она стала известна в России только благодаря заграничной русской печати.

Петербург остался доволен Москвою. Министр поблагодарил профессоров за усердие, а цензуре дан был приказ не допускать нападок на новый катехизис пассивного повиновения. В Москве-то именно и задумали воздвигнуть главный оплот реакционного патриотизма.

Там же нашелся человек, который составил себе квазилиберальную репутацию, редактируя журнал в эпоху, последовавшую за смертью Николая, то есть в эпоху первого пробуждения русской речи. Катков, проповедовавший с немецким доктринерством превосходство английских учреждений и уважение к законности, помещавший в своем журнале статьи, переделанные из статей «Westminster Review», которые принимали за его собственные, считался умеренным либералом, поклонником английского законодательства и в то же время почтительным учеником Германии и всего немецкого.

От редактирования журнала он перешел к редактированию газеты «Московские ведомости», органа полуофициального, издававшегося под покровительством университета. Там он продолжал играть ту же роль: говорил постоянно с глубоким презрением о русском обществе, учил по книге Гнейста * своих читателей восхищению перед Англией и поносил по всякому поводу петербургскую молодежь. Роль водевильного дядюшки в литературе показалась, наконец, кой-кому смешной, и это подало повод к полемике, в которой редактор «Московских ведомостей» показал, на что он способен. На язвительные насмешки он отвечал обвинениями, на шутки — инсинуациями; мало-помалу он дошел до того, что стал громко — и не раз — доказывать.

моральное соучастие молодых людей, напечатавших прокламацию, в поджогах. Он был замечен.

С этого момента англomanия «Ведомостей» начинает тускнеть: газета перестает любить законность и уважать права личности и предпринимает ожесточенный крестовый поход против Польши. Она оправдывает одну за другой ужасные меры русских властей, смело объявляет изменниками всех тех, кто не разделяет ее точки зрения, и даже прямо указывает пальцем на равнодушных и подозрительных.

Всякий крик негодования, поднимавшийся против таких небывалых у нас до тех пор приемов, был для редакции лишь вехой на ее пути; непоколебимая наглость ее возражений ясно показывала, что цензуры не существовало для нее и что во всех этих случаях она рассчитывала на верную защиту и прочную опору.

Если сказать о «Московских ведомостях», что они были монархическим и абсолютистским «Père Duchesn'om», это даст о них некоторое понятие; впрочем, очень слабое. Во всех заблуждениях революционных листков чувствуются в основе горячее убеждение, пылкая страсть, фанатическая любовь. Гнев московского «Père Duchesn'a» был неизменно холодным, а отказ его от англomanии — слишком слабо мотивированным.

Сначала публика буквально была поражена и не могла прийти в себя от изумления, в которое ее повергло чтение «Московских ведомостей». Никогда, ни в какую злосчастную эпоху не случалось ничего подобного.

Николай в последние годы своего царствования достиг того, что заставил замолчать всю Россию, но он не мог заставить ее говорить так, как ему хотелось. Тогда уничтожали книги и авторов, но не превращали литературу в отделение тайной полиции. Впрочем, Николай и не интересовался этим. Похвалы раздражали его: он считал себя выше одобрения людей. Его мало заботило, довольны или недовольны его приказами, лишь бы приказы эти исполнялись и никто не смел выражать свое неудовольствие. Идеалом порядка было для него пассивное повиновение казармы.

Если опасность для тех, кто говорил, была велика, то по крайней мере можно было безнаказанно молчать; никто не говорил

во всеуслышание: *этот человек молчит не потому, что ему нечего сказать, но потому, что он таит что-то про себя; или — этот человек печален; не потому ли, что он жалеет поляков?*

Лишь в царствование Александра II правящие круги занялись фабрикацией собственной популярности и литературы — бдящей и идолопоклонствующей. С тех пор литераторы выслеживают гораздо тщательнее, чем жандармы, и нравственный уровень понизился благодаря непрекращающейся проповеди истребительной политики и рабской философии повиновения.

Зло, причиненное «Московскими ведомостями», огромно.

Раньше правительство еще соблюдало известную осторожность, общество — тоже. Правительство, в виде опыта, производило жестокие экзекуции, отдельные конфискации. Оно принимало зверские меры, например, преследовало тех, кто пел гимны, сажало в тюрьму женщин, носивших траур. Затем оно приостанавливалось, выслеживая, какое впечатление производит все это на русскую публику. С другой стороны, в обществе назревали дикие поползновения, но сознаться в них люди еще не осмеливались. За отсутствием нравственности подобная стыдливость весьма почтенна.

И вот среди этих-то сомнений, этих колебаний серьезная газета с уже сложившейся репутацией, прикрываясь престижем университета и конституционными убеждениями, самым вызывающим, самым наглым образом, какой только можно себе представить, выступает в защиту гнуснейших мероприятий, совершенно бесполезных экзекуций... Дурные страсти общества тотчас подняли голову, а правительство удвоило *энергию*; оно могло это сделать, получив поддержку не только «Московских ведомостей», но также и других злополучных органов печати, в том числе и «Северной пчелы», которой мешала спокойно спать мучительная зависть и которая старалась превзойти «Московские ведомости» преданностью полиции и ненавистью к Польше.

Противодействие «Ведомостям» было невозможно; приходилось ограничиваться мелкими нападками и карикатурами, не затрагивавшими существа вопроса.

Страшная сила «Московских ведомостей», — сила, которая не только удерживала редакторов, но устрашала и самих цензоров, заключалась в *доносе*.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЬ

VIVOS VOVO!

Выходят два раза въ неделю въ Лондонъ.
Цена 6 шилл. Покупается въ Волной Русской
Телеграфной, Elmfield House, Teddington,
Middlesex.

ЛЮТЬ 1864.

15 Юня 1864.

3 Траверса & Co. въ северной части,
60, Paternoster Row, и у Schottelwsky,
1, Moorfields Street, (Guttered Street, Sals),
London, W. Price sixpence.

ОТЪ АВТОРА.—В. Г. Чернышевскій—Положеніе о губернскихъ и уездныхъ земскихъ учрежденіяхъ (Продолженіе)—Письма къ будущему 1877 (Почти четвертое). Слѣд.: Общественыя работныя—Баша прогресса—Русское шнобель въ Женевѣ—Смѣна А. Н. Кривонова въ Митавѣ—Олодима Деламъ—Школа правдолюбива—Патриотическія доклады—Проблѣмъ выростанія политическаго—Александръ въ Гельсингфорсѣ—Объясненіе.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

Чернышевскій осужденъ на *семь лѣтъ каторжной работы* и на вѣчное поселеніе. Да падесть проклятіемъ это безмѣрное злодѣяніе на правительство, на общество, на поддана, на будущую журналистику, которая накинута это общество, раздавая его въ личностей. Она пручила правительство на убѣжденіяхъ, возмущающихъ въ Помпѣ, а въ Россіи въ утверженіи сеніириной дѣлать сената и сдѣлать дѣлать государственнаго совѣта... А тутъ жалкіе люди, люди-трава, люди-слезыныя говорить, что не слѣдуетъ брать эту шайку разбойничью и негодяевъ, которая управляетъ нами!

"Иисаидъ" вѣроятно спрашивалъ: *гдѣ же лѣтъ Россія*, за которую имъ Гарибальдо. Видно она не вся "за Дидаромъ" когда жертва падаетъ за жертвою... Какъ же согласовать дѣла вѣны, дѣла кары правительства и увѣренность въ безвѣстности полей его писакъ? Или что-же думать редактору "Иисаиды" о правительствѣ, которое безъ всякой обязанности, безъ всякой причины разстрѣлываетъ молодыхъ оживерствъ, съдѣлавъ Михайлова, Обручева, Мартынова, Красовскаго, Трулева, двадцать другихъ, наповѣнь Чернышевскаго въ каторжную работу.

И это-то маршарованіе, мы приветствовали дѣть десять тому назадъ! И—р.

Р.С Строговъ эти бѣлы написаны, когда мы прочли сѣдующее изъ писемъ одного очевидца эдаккуинъ: "Чернышевскій сильно взмѣлился, бѣдное лицо его опухло и носилъ слезы свирбута. Его востанови на колыбѣ, перевернула шпалу и *остановилъ на четвертой шпалѣ у полтора столба*. Какъ-то дѣвица бросила въ карту Чернышевскаго вѣнокъ—ее арестовали. Известный литераторъ П. Якушинъ крикнулъ ему "прощай!" и былъ арестованъ. Сестра Михайлова и Обручева, они дѣлали выдану въ 4 часа утра, теперь бѣдныя дѣвы!..."

Подражаемъ всѣмъ различнымъ Катковымъ—надѣ этимъ врагомъ она восторжествовали! Ну что легко имъ на душѣ!

Чернышевскій былъ нами выставленъ въ стабу на четверть часа,—а вы, а Россія на сколько дѣтъ останется привязанная къ нему?

Прокляте вамъ, прокляте—и если возможно мести!

* Нужно вѣсть какъ рисовать дѣловиковъ въ повѣсткахъ картини, представляющей Чернышевскаго у помощнаго судьи? Этого общественымъ взглядъ бѣдѣ образъ для будущаго нововѣдѣ и дѣлѣнныя послѣдствія такихъ злодѣевъ, представляющихъ высклачелючку къ себѣ протрещивающа, дѣлаю его помрачнѣвъ вѣста.

Годъ VII.

ПОЛОЖЕНІЕ О ГУБЕРНСКИХЪ И УЕЗДНЫХЪ ЗЕМСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ. (Продолженіе).

III.

Мнѣ вѣсочналась—какъ-то давно, еще въ дѣтствѣ читавша статья Франклина о приложеніи алгебраической метода къ мѣтлѣмъ, и поступавъ въ обыденной жизни. Франклинъ предлагалъ, чтобы убѣдиться въ истинности или ложности мѣтлѣ, или въ пользѣ или вредѣ поступка—выписать на одной страницѣ всѣ доводы за мѣтлѣ или поступокъ, а на другой страницѣ всѣ доводы противъ, и потомъ зачеркнуть собственною гадкой поличкаемъ и каждый отрицательный париграфъ; если, по окончаніи этой операціи, останется хотя одна статья по мѣтлѣ—то мѣтлѣ была истинно или поступокъ полезенъ; если останется хотя одна статья отрицательная, то мѣтлѣ должно, а поступокъ вреденъ; если обѣ стороны сведутся на $+$ — $=$ — 0 , то мѣтлѣ правдоно, а поступокъ бесполезенъ.

Мнѣ хочется приложить эту методу къ разбору земскихъ учрежденій и, выписавъ статьи другъ другу противоположныя, совершенно добросовѣстно разсмотрѣть, что изъ всего Кадженія останется, чѣмъ бы общество могло и должно воспользоваться для развитія своей политической самостоятельности и свободы.

Начнемъ съ статей уже отчасти намъ знакомыхъ:

Ст. 6. "Земскаго учрежденія, въ кругу *восторженнаго*" или дѣтъ, дѣствуютъ самостоятельно".

Тако ст. 6. "Законъ опредѣляетъ случаи и порядокъ, въ которыхъ дѣвства и распоряженія ихъ подлежатъ утвержденію и наблюдению общахъ правительственныхъ властей".

Ст. 7 не дозволяющая земскимъ учрежденіямъ пріемленіе власти, запрещаетъ имъ "вмѣшиваться въ дѣла, принадлежащія кругу дѣвствій правительственныхъ, *словамъ* и общественымъ властей и учрежденій".

* Еслибъ Положеніе было составлено не министромъ на общедѣлательныхъ охлѣдѣхъ, то, конечно, было бы сказано: "въ кругу дѣлъ въ *восторженна* и въ *абсолютна*", а теперь вылазеть: "въ кругу дѣлъ *восторженна* или *правительственна*".

1. Слѣдовательно въ общественымъ властей и учрежденій! Но ужъ если не *словамъ*, то земскаго учрежденія каждаго общества и въ *восторженна* дѣла; стало, пришло въ пометка вѣстосъ дѣла—оставить въ кругу дѣлъ дѣвствій.

«Н. Г. Чернышевскій». Первопечатный текст
(«Колоколъ», л. 186, 15 юня 1864 г.).

Журнал «Время», умеренный, но честный и исполненный великодушных симпатий, редактируемый выдающимся писателем Достоевским, мучеником, только что возвратившимся с каторжных работ, напечатал по поводу Польши несколько гуманных слов, которые, весьма вероятно, прошли бы незамеченными, но «Московские ведомости» указали на статью, и журнал был приостановлен*.

«Но ведь это уж не литература, — возражала «Московским ведомостям» петербургская газета «Голос», испуганная тем, что ее поставили в один ряд с польскими газетами и «Колоколом», — вы переносите вопрос в другую область; это уже не спор, а уголовный процесс, возбуждаемый вами» (20 августа 1863 г.).

«Литература, — восклицает Катков, — литературные споры! Да разве мы занимаемся такими пустяками? Мы занимаемся тем, что *проливаем свет на дела, которые нас интересуют*. Правда, у нас не было еще времени заняться вашей литературой; но мы намерены заняться ею и думаем, что не лишнее будет присмотреться немного поближе к тому, что делается в петербургской журналистике» («Московские ведомости», № 222, 1863).

«Да, — говорил он в другой статье, — я добровольно служу правому делу и стараюсь разоблачать врагов, которые мешают видам правительства».

Когда стало известно о назначении ужасного Муравьева и появились первые отчеты об его подвигах, остаток человеческого чувства заставил содрогнуться сердца многих слабых людей. Чтоб ободрить их, «Московские ведомости» тотчас же напечатали следующее: «Россия, конечно, не забудет великих услуг, которые будут оказаны ей в эти трудные времена. Она прославит людей, действующих не виляя в атмосфере преступлений и клеветы. Эти люди должны знать, что Россия поддержит их своим сочувствием. Это ее долг. Да, Россия должна собраться, как под щитом, вокруг этих людей, которые не отступают перед страшной необходимостью пустить в ход все строгости закона, чтобы спасти отечество. Если мы лицом к лицу с мятежом, то мы должны подавить его. Мы были бы изменниками и трусами, если бы отказались исполнить свой долг. Никто не упрекает полководца, увенчанного лаврами, в кровожадности. Сановник, принимающий энергические меры, также не может быть обвинен в жестокости».

И вслед за тем целое собрание литераторов, профессоров, членов нашего жокей-клуба и представителей нашей золотой молодежи... с седыми волосами, устраивает обед Каткову, — обед, на котором в *первый раз* предлагается тост за Муравьева.

Мы не припоминаем, чтоб в самые мрачные дни Французской революции устраивались в Париже банкеты в честь Фукье-Тенвиля или празднества для прославления подвигов Карье и Фуше.

Примеру Москвы тотчас последовали провинция и Петербург. Произошло нечто неслыханное в истории: дворянство, аристократия, купечество, словом, все *цивилизованное* общество империи с шестидесятимиллионным населением, без различия национальности и пола, стало превозносить самые жестокие экзекуции, посылать хвалебные телеграммы, поздравительные адреса, иконы ужасным людям, которые не вышли на честный бой, а занялись умиротворением посредством виселиц, — их встречала не опасность битвы, а безопасность конфискации, осуществляемых вооруженной рукой.

«Московские ведомости» представляли, конечно, лишь наружную язву: испорченная кровь обращалась в жилах почти всего организма. Агитация, предпринятая министром внутренних дел в провинции, обнаружила дикость и глубокую безнравственность общества. В лице Муравьева каждый маленький деревенский тиран любовался самим собой. Но при всем том значительная доля ответственности должна пасть и на университетскую газету.

Ей принадлежит дерзкая инициатива первого слова. Она увлекла слабых, положила конец колебаниям нерешительных. Сколько скверных вождедений, зарождавшихся в тумане неясных возможностей, исчезли бы без следа, если б не встретили поощрения!

Многие честные люди приняли участие в этих странных демонстрациях *сильного против слабого* в глубоком убеждении, что исполняют патриотический долг; и это потому, что они поддались внушению единственной газеты, какую имели обыкновение читать в своей провинции¹.

Часть правительства заметила, наконец, что дело зашло уж

¹ Многие выписывают «Московские ведомости» по привычке; кроме того, они необходимы, так как пользуются монополией казенных объявлений.

слишком далеко; но было поздно. Эта умеренная часть правительства была бессильна; все, что мешало течению, было снесено, опрокинуто партией *действия*, имевшей к своим услугам «Московские ведомости» и виленского генерал-губернатора*.

Великий князь Константин не одобрял того, что делалось в Литве. «Ведомости» смело бросают ему в лицо слово «измена», и брат императора принужден покорно отправиться для лечения на горькие воды в Германию.

Киевский генерал-губернатор Анненков, человек далеко не мягкий и не гуманный, не преследовал однако повстанцев с таким подчеркнутым и артистическим усердием, как Муравьев,— «Московские ведомости» взяли его под подозрение и с тех пор следили за каждым его шагом. Один из бывших студентов Киевского университета, содержавший в Киеве школу верховой езды, *Ромуальд Ольшанский*, пристал к повстанцам. Он был схвачен, и Анненков предал его военному суду и приговорил к каторжным работам. Таким решением возмущаются предводитель дворянства *Бутович* и некий статский советник *Юзефович*,— ни тот, ни другой не имели никакого отношения к делам правосудия, ни тот, ни другой не несли ни малейшей ответственности, и однако они берут это дело в свои руки, протестуют и требуют от генерал-губернатора смертной казни для этого человека. Анненков, опасавшийся уже, благодаря нападкам «Московских ведомостей», что его кредит в Петербурге будет окончательно подорван, отменяет приговор, приказывает пересмотреть дело и приговаривает Ольшанского к расстрелу в Киевской крепости.

Опала, постигшая великого князя, окончательно открыла глаза не только Головнину, который был очень близок с ним, но и Валуеву и многим другим, не говоря уже о князе Суворове, никогда не принимавшем участия в этих темных делах. Они хотели обуздать патриотическое бешенство, заключить его в рамки, предначертанные их канцеляриями; но, как мы уже сказали, пущенное в ход орудие оказалось слишком тяжеловесным, чтоб они могли справиться с ним, и руководство окончательно выскользнуло из их рук.

Тогда отношения между министерским миром и правительственной печатью явили собой совершенно необычайное зрелище. «Московские ведомости» стойко приняли борьбу и, под-

держиваемые невидимой рукой, удвоили нападки. Не имея возможности нападать на министров лично, они стали беспощадно преследовать их газеты: «Северную почту» и «Голос».

Весьма комический случай торжественно ознаменовал апогей влияния «Московских ведомостей». Министр народного просвещения хотел поместить в «Голосе» статью, оправдывающую мероприятия великого князя в Польше. Цензор отказался ее пропустить. Ему дали понять, что статья исходит от министра, т. е. от прямого его начальника. На это цензор ответил, что он готов разрешить статью, если министр примет на себя за нее ответственность, «так как, — прибавил цензор, — в статье есть намеки на «Московские ведомости»; они донесут на меня, и я потеряю свое место».

Если такой случай действительно имел место (о нем рассказывалось в «Кёльнской газете»), то день этот должен считаться, конечно, самым прекрасным днем жизни «Московских ведомостей». Они торжествовали. Но они не забывали о своем деле и с новым пылом свирепствовали против изменников. Они осмелились намекать на то, что *либеральные* министры выдавали государственные тайны корреспонденту «Times'a». Они осмелились объявить подозрительными, врагами отечества высокопоставленных людей, не пожелавших принять участие в подписке, открытой для поднесения Муравьеву образа архангела Михаила¹.

После этих громких подвигов газета сделала еще несколько шагов вперед. Но идти еще дальше она уже не могла — голова кружилась. Мазаниелло-Жавер журнализма, она дошла до иступления. Она, простой газетный листок, не могла вынести всей тяжести достигнутого величия и могущества. Она набрасывалась на все, что носило отдаленный признак независимости, с таким же остервенением, с такою же злобою, с какой упрекала правительство в том, что оно пощадило детей 14—15 лет, взятых в плен среди других повстанцев, или что оно даровало слишком большие права крестьянам, предоставив им судиться собственным судом. Она тряслась от негодования при малейшем дуновении свободы — все равно, проносилось ли это дуновение в Австралии или в Аргентинской республике.

¹ Первый, имевший мужество отказать в своей подписи, был князь Суворов. Его примеру последовали Головин и Валусв*.

Скромный сейм собирается в Финляндии. Там говорят о свободе печати, об уничтожении смертной казни, о местных интересах. «Московские ведомости» рысьими глазами следят за каждым предложением, говорят о сейме с пеною у рта и, когда сейм собирается вытянуть полегоныку из-под лапы медведя хоть какую-нибудь крупицу свободы, «Ведомости» уже тут как тут, чтоб забить тревогу, подчеркнуть, преувеличить все то, что там хотели смягчить, сгладить.

Украинские писатели желают печатать книги по-украински. Они не питают особых симпатий к России... и не имеют ни малейших оснований их питать. «Это польская интрига,— восклицают «Ведомости»,— они хотят отделиться!» — «Замолчите,— кричат им со всех сторон,— разве вы не знаете, что по нынешнему времени ведете людей прямо в тюрьму!» — «Это меня не касается»,— отвечает стоическая газета...

В покорной, скромной, жалкой палате в Берлине раздаются тихие, слабые голоса в защиту свободы... «Московские ведомости», этот международный цербер, тотчас начинают лаять.

Одного предположения, что демократы побуждают копенгагенское правительство к энергическому сопротивлению, достаточно для газеты, чтобы обрушиться со всей силой на датских демократов.

О прочих газетах почти нечего сказать. Одни из них, как «С.-Петербургские ведомости», делают все возможное, чтоб удержаться на уровне порядочности, но это им не удается, так как правительство частью не пропускает статей, а частью, напротив, заставляет их печатать сообщения, изготовляемые его агентами. Другие, как «Северная пчела», стараются подняться *на высоту* «Московских ведомостей», сохраняя притом все повадки рассудительного петербургского либерализма.

Об одной только газете следует еще здесь упомянуть. Из двух партий, которые не примкнули к правительству, одна принуждена была к молчанию и не говорила почти ни слова, другая, не присоединяясь к правительству, заключила с ним союз; мы говорим о московских славянофилах и об их органе «День». Отношение этой газеты к польскому вопросу почти ничем не отличается от отношения «Московских ведомостей»; только «Ведомости», исходя из того, что народы и отдельные личности

служат лишь топливом для великой машины, называемой государством, рассуждают логичнее, чем «День», который исходит из диаметрально противоположной точки зрения.

Учение славянофилов основывается на полном отрицании петербургской империи, на *уважении к национальному*, на подчинении воле народа. В глазах славянофилов русская империя, подобно Польше, страна покоренная, — покоренная шайкой авантюристов, ренегатов, немцев, которые со времен Петра I и с его помощью овладели властью. И вот орган, долженствующий выражать это мнение, при первом крике независимости одного из славянских народов становится на сторону петербургских немцев, но вместе с тем сохраняет свой обычный жаргон «Московского фрондера», называя официальную Россию *Rußland*, проводя различие между *публикой* и *народом*, и никогда не смешивая *любовь к отечеству* с *патриотизмом*, который является лишь любовью к государству.

Репутация редактора «Дня» И. Аксакова ограждала его от всякого подозрения; и действительно, его византийская свирель была неподкупна, в то время как правительство и продажная печать разжигали международную злобу.

То, что других побуждала делать страсть к интриге, газета Аксакова делала под влиянием патриотической экзальтации; и простодушный человек, избегнув нечистой паутины полицейских демагогов, попадал в сети фанатизма.

Любовь к отечеству, любовь к государству... как ни мудри над этими схоластическими различиями, одно ясно: это — не любовь к истине, не любовь к справедливости. Патриотизм всегда будет добродетелью, покоящейся на пристрастии; он приводит иногда к самопожертвованию и всегда — к завистливому вожделению, к скаредному и эгоистическому консерватизму. Любовь к ближнему недалеко здесь от ненависти к соседу.

IV

Наш печальный очерк почти закончен, и читатель вправе спросить нас: где же тут литература? Где новые произведения, новые таланты? Где поэт, романист, мыслитель? Какие созданы типы? Наконец, какие идеалы, какой лиризм, какое страдание нашли себе выражение в искусстве?

Ничего подобного. Ни одного нового дарования не принес с собой этот кровавый прибой, эти свинцовые, черные волны. Даже уцелевшие дарования прежнего времени теперь поблекли и сбились с пути.

В России нет больше книг; газеты всё поглотили. К счастью еще, у нас много переводят. Не имея своих капиталов, мы живем займами. Наша экзотическая цивилизация — по-прежнему цивилизация привозная.

Какая-то тревога проникает в душу, не дает отдохнуть, отнимает спокойствие, необходимое для работы мысли. Ожидание реформ, трудная, ухабистая дорога, движение вспять, ложные шаги правительства, постоянные обещания более свободного закона о печати и непрерывные вторжения беспорядочной цензуры — все это, не говоря уже о восстании в Польше, поддерживает лихорадочное и болезненное состояние.

Целый мир разлагается и перестраивается.

Воплотится ли в жизнь новая форма, к которой люди стремятся, не зная ее? Неизвестно. Одно ясно: мы не возвратимся к государству, основанному на крепостном праве, к государству без народа. Но какое расстояние, какая пропасть между нашими новыми стремлениями, опередившими стремления всего человечества, предвосхищающими будущее, и призраками патриотизма XVI века, с его проповедью истребления, крови и виселиц, поддержанной большинством!

Самые выдающиеся люди предшествующего периода растерялись подобно другим. Например, Иван Тургенев. Он создал себе в русской литературе видное и независимое положение. Артист и наблюдатель, художник и фотограф, он, по своему темпераменту, был далек от всяких партий, — далек не в смысле немецкого отчуждения от реального и бегства в мир фантастический, нет, напротив, он брал свои краски и свои образцы из самой природы. Его очерки из жизни крепостных — эта поэтическая обвинительная речь против крепостничества — принесли огромную пользу.

Но вот и он отказывается от спокойного созерцания и вдохновляется страстями, которые бурлят вокруг; он становится человеком политики, он создает, вместо своих великолепных картин во вкусе Рюисдаля, *тенденциозные* романы, из которых ясно было

видно, что тенденции эти никогда не были его тенденциями. Его герои превращались мало-помалу из живых людей, какими они были раньше, в носителей мысли, скрытой за кулисами.

Увлеченный потоком прогрессивных идей,¹ Тургенев рисует нам агитатора, фанатика национализма*, принадлежащего к миру, который страждет, но не возмущается, болгарского заговорщика, мечтателя, освободителя *in spe*¹; белый негр среди своих, он не знает, что делать, и, весьма молодым и кашляя, как Травиата, отправляется умирать на берега Адриатики.

Подхваченный противоположным течением, Тургенев пытается создать тип русского передового молодого человека, — задача не только художественная, но еще и весьма нравоучительная. Автор хотел устроить головоломку молодому поколению, постоянно противопоставляя ему поколение предшествующее... которое однако не отличалось вообще ничем, кроме своего пассивного ничтожества и своей хлопотливой бесполезности.

Время, тип — все было выбрано неудачно. Роман, появление которого совпало с возникновением реакции*, обрушивался на тех же людей, высмеивал те же идеи и те же недостатки, так же преувеличивая их; наконец, употреблял слово *нигилизм*, которым пользовались и реакционеры. Московским доктринерам надоело называть своих противников *материалистами*, и они изобрели термин *нигилист*, как бы желая подчеркнуть появление отягощающих вину обстоятельств, высшую степень материализма. Этот термин в применении к молодым людям, страстно преданным своему делу, т. е. науке, был лишен всякого смысла.

Мы допускаем еще, что можно говорить в известных пределах о трагическом нигилизме Шопенгауэра, этого философа смерти, или об эпикурейском нигилизме бессердечных созерцателей людских страданий, этих праздных свидетелей кровавой борьбы, державшихся в стороне и не принимающих никакого участия в горестях и страстях своих современников. Но говорить о *нигилизме* молодых людей, пламенных и преданных, лишь прикидывающихся отчаявшимися скептиками, — это грубая ошибка.

Нигилизм, как понимает его реакция, появился не со вчерашнего дня: Белинский был *нигилистом* в 1838 г., — он имел

¹ в будущем (лат.).— *Ред.*

на это все права. Сын мелкого пензенского чиновника, он прошел трудную школу, страдая от нищеты, пробиваясь через всяческие препятствия, добывая одновременно и хлеб, и знания; и несмотря на все это, он уже в двадцать пять лет стал признанным властителем умов всей русской учащейся молодежи. Его появление во главе умственного движения было весьма знаменательным. Он не пришел тайком и не старался заставить забыть о своем происхождении. Он выступил таким, каким был. Задолго до него из среды духовенства, чиновничества выходили ученые, литераторы, государственные деятели; но их поглощала среда, в которую они вступали. Теперь обстоятельства изменились: уже не отдельные люди поднимались и карабкались на вершины, но образование, умственная деятельность постепенно становились доступны низшим слоям общества.

Сын мелкого чиновника, не желающий служить, как Белинский, неверующий сын священника, как Чернышевский, наконец, бедный провинциальный дворянчик, барин-пролетарий, как Гоголь, начинают играть большую роль. Они не представляли собой ни третьего сословия, ни вообще отдельного класса, но живую среду, которая черпала свою силу и снизу и сверху. И чем дальше мы подвигаемся, тем очевиднее, что именно этот неустойчивый слой, занимающий промежуточное положение между растущей бесплодностью верхов и непросвещенной плодovitостью низов, призван спасти цивилизацию для народа. Эти *новые люди* внесли в литературные формы некоторую жесткость, раздражение, нечто резкое, неумолимое; им недостает такта и иногда изящества. Это оскорбляет вкус пуристов, не говоря уже об обидчивости камергеров от литературы.

Белинскому, а также Гоголю — единственному гениальному человеку последнего периода царствования Николая — ставили в упрек именно то, в чем реакция упрекает сейчас *нигилистов*. И тот и другой своим пылом, подчас своим просторечием, эксцентричностью, неумеренностью выражений скандализировали многих. Белинский был слишком страстен для светских салонов. Его бурные порывы увлекали вслед за ним всю молодежь. С пером в руке он создавал свои импровизации, трепещущие от негодования, обвиняющие, проклинающие свинцовый свод, который его давил; он не имел времени надевать белый галстук, да он

и не хотел надевать его. «Для этого человека нет ничего святого, ничего достойного уважения!»— кричали литературные авторитеты. Это *нигилист*, сказали бы на реакционном жаргоне нашего времени.

Но серьезная сторона, сторона трагическая, происхождение той черты, которую они преследовали в Белинском, эта горечь, бродившая в его крови,— вот что ускользало от понимания его строгих судей. Они всегда обращали внимание только на форму и никогда не задавали себе вопроса, откуда же в нем это разлагающее начало, которое причиняло столько разрушений и вызывало столько надежд. История *нигилиста* им была неизвестна.

Уже в детстве жизнь предстает перед ним рядом несправедливостей. Юношей он, под давлением враждебных сил, отрекается от своей юности; в возрасте, когда душа раскрывается всему миру, он недоверчив, и в ту пору жизни, когда человек более всего нуждается в поддержке, он рассчитывает лишь на свои силы. Оскорбленный тысячи раз, он боится людей и в особенности тех, которые являются *dona ferentes* *. Он питает отвращение к тому миру, который унизил его отца и обезобразил его мать. Терзаемый скептицизмом, он старается выработать холодную мысль и дерзкую речь; но юное сердце его переполняется, он жертвует собою, он погибает, отрицая самопожертвование.

Что за задача — раскрывать истину с терпением Агассиса, наблюдающего день и ночь зародыш черепахи, улавливать связь, существующую между ненавистью сына к взяточничеству и вынужденным воровством отца, прослеживать, как слезы матери превращаются в социалистические мечты! Да, подобная задача стоила труда. Но для этого надо было быть независимым от каких бы то ни было влияний.

Тургенев сделал из своего *нигилиста* «брюзгу-племянника», наделенного кучей всевозможных пороков,— пороков, которые он боится исследовать глубже наружного их покрова.

Его герой промелькнул перед вами... не успев даже оправдаться. Судьба неправдоподобного «нигилиста» столь же несчастна, как и судьба невозможного болгарина: автор отделяется от него на манер Брута — убивает его тифом. Спорный вопрос, тяжба «отцов с детьми», процесс между *пошляками*, *фатами* и *наглецами* не мог закончиться за отсутствием сторон.

Нигилист и болгарин ничего не сделали; они едва начали свой жизненный путь, и еще видна была школьная дверь, только что закрывшаяся за ними.

Случается, что люди умирают очень молодыми, это правда, но в таком случае они не успевают сделаться типами; если они и могут служить образцом, то лишь образцом хрупкости человеческого тела.

И все-таки этот роман Тургенева — единственное замечательное произведение новой литературной фазы... фазы консервативной. Заглядывайте сколько угодно в караван-сарай наших ежемесячников, этих огромных сборников... вы не найдете там ничего, ничего, кроме того, может быть, что цензура оставила по ту сторону текста и о чем надо догадываться; ничего, кроме общих мест и завываний патриотического шакала.

Оживленная деятельность, вызванная пробуждением после смерти Николая, не породила великих произведений, но она замечательна многообразием усилий, воодушевлением, множеством затронутых вопросов. Не следует, кроме того, забывать, что эта эпоха оставила нам одну страшную книгу, своего рода *carmen horrendum*¹, которая всегда будет красоваться над выходом из мрачного царствования Николая, как надпись Данте над входом в ад: это «Мертвый дом» Достоевского, страшное повествование, автор которого, вероятно, и сам не подозревал, что, рисуя своей закованной рукой образы сотоварищей-каторжников, он создал из описания нравов одной сибирской тюрьмы фрески в духе Буонарроти.

Наряду с этой книгой ужасов мы должны поставить драму Островского «Гроза».

В этой драме автор проник в глубочайшие тайники *нервопеизированной* русской жизни и бросил внезапно луч света в неведомую дотоле душу русской женщины, этой молчаливицы, которая задыхается в тисках неумолимой и полудикой жизни патриархальной семьи. Островский уже раньше избирал предметом своих произведений социальный слой, лежащий ниже образованного общества, и выводил на сцену потрясающие своей правдивостью образы. Глядя на героев, которых он выловил

¹ ужасающую песнь (лат.).— *Ред.*

в стоячих и разлагающихся водах купеческой жизни, на всех этих спившихся отцов семейства, на этих воров, осеняющих себя крестным знамением, на этих негодяев и плутов, тиранов и холопов, думаешь, что находишься за пределами человеческой жизни, среди медведей и кабанов. И однако, как низко ни пал этот мир, что-то говорит нам, что для него есть еще спасенье, что оно таится в глубине его души, и это что-то, это *ignotum*¹ чувствуется в «Грозе». Тут подразумевается оправдание; голос с неба не возвещает, как в «Фаусте» Гёте, отпущения грехов, но все же и печать и читатели были потрясены.

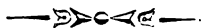
Странное совпадение: поэт возвестил это отпущение накануне дня, когда оно должно было понадобиться самой России; его драма была заключительной. И после призыва к прощению дикой жизни воцарилось бесстыдство цивилизованного патриотизма.

Не было ли это знамением, что Россия императорская, Россия военная и дворянская, Россия, которую нам завещал Петр I, окончила свое существование? Может быть. Не потому ли все прегрешения, все мерзости, накопившиеся в течение полутора веков, поднимают свою гнусную голову и, предчувствуя свой близкий конец, цепляются за руль, чтоб повернуть судно вспять?

Гакстаузен в качестве motto к своей книге* взял две русские пословицы: «Сидеть у моря и ждать погоды» и «От одного берега отстал, а к другому не пристал». Вестфальский барон применял первую пословицу к России, а вторую к Европе; это было в 1846 г. Время шло, и вот теперь Европа сидит у моря... не ожидая хорошей погоды и подводя счет своим кораблекрушениям; Россия покинула гавань и плывет по воле ветров. Достигнет ли она того берега? И какой он — тот берег?.. Кто знает!

Ничто не решено, ничто не достоверно; змея сбрасывает кожу и — в этом мы уверены — больше не облачится в старую.

¹ неизвестное (лат.).— *Ред.*

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Чернышевский осужден на *семь лет каторжной работы* и на вечное поселение *. Да падет проклятием это безмерное злодейство на правительство, на общество, на подлую, подкупную журналистику, которая накликала это гонение, раздула его из личностей. Она приучила правительство к убийствам военнопленных в Польше, а в России к утверждению сентенций диких невежд сената и седых злодеев Государственного совета... А тут жалкие люди, люди-трава, люди-слизняки говорят, что не следует бранить эту шайку разбойников и негодяев, которая управляет нами!

«Инвалид» недавно спрашивал, где же *новая Россия*, за которую бил Гарибальди *. Видно, она не вся «за Днепром», когда жертва падает за жертвой... Как же согласовать дикие казни, дикие кары правительства и уверенность в безмятежном покое его писак? Или что же думает редактор «Инвалида» о правительстве, которое без всякой опасности, без всякой причины расстреливает молодых офицеров, ссылает Михайлова, Обручева, Мартынова, Красовского, Трувелье, двадцать других, наконец, Чернышевского в каторжную работу.

И это-то царствование мы приветствовали лет десять тому назад!

И—р.

Р. S. Строки эти были написаны, когда мы прочли следующее в письме одного очевидца экзекуции: «Чернышевский сильно изменился, бледное лицо его опухло и носит следы скорбута. Его поставили на колени, переломили шпагу и *выставили на четверть часа у позорного столба*. Какая-то девица бросила

в карету Чернышевского венки — ее арестовали*. Известный литератор П. Якушкин крикнул ему «прощай!» и был арестован. Ссылая Михайлова и Обручева, *они* делали выставку в 4 часа утра, теперь — белым днем!..»

Поздравляем всех различных Катковых — над этим врагом они восторжествовали! Ну что, легко им на душе?

Чернышевский был вами выставлен к столбу на четверть часа¹ — а вы, а Россия на сколько лет останетесь привязанными к нему?

Проклятье вам, проклятье — и, если возможно, месть!

¹ Неужели никто из русских художников не нарисует картины, представляющей Чернышевского у позорного столба? Этот обличительный холст будет образ для будущих поколений и закрепит шельмованье тупых злодеев, привязывающих мысль человеческую к столбу преступников, делая его товарищем креста.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ МАРГАРИТКИ

(Ползание на коленях, целование ног,
гуманность «Моск. ведомостей»
и их донос на чугуевское начальство)

Русские журналы рассказывают, что одна из депутатий польских крестьян, возвратясь в Варшаву *, представлялась Бергу, и после обыкновенных поучений с одной стороны и поклонов с другой один крестьянин «опустился на колени» и пополз через всю залу к Бергу, за ним стали на колени все остальные и тоже *поползли на коленах* для того, чтоб поцеловать «ноги и одежду храброго генерала». Бедный, забитый народ!.. Да зачем же не нашлось настолько человеческого декорума, чтобы скрыть это страшное ползание на коленях!

В pendant и к характеристике ползающих депутатов «Кёльнская газета» упоминает о приказе Берга или другого начальника по гминам, из которых ездили депутаты, что за всякое оскорбление, нанесенное им или их собственности, вся гмина будет отвечать... Разве они выбрали самых ненавистных людей в депутаты, таких, каких хуже нет в селе?

«Моск. вед.» в полном цвету; опять каждый лист покрыт доносами, намеками, рабской лезтью Муравьеву, какой-то полицейской фурией. Между прочим пожалев о том, что Муравьев не генерал-губернатором в Новороссийском крае *, и рассказав ряд грабежей, помещичьих драк ¹, происшедших оттого, что не он

¹ Скоро «Моск. вед.» будут уверять свою публику, что если где неурожай, это оттого, что Муравьев не там губернатором; что если река выступила за берег, то это оттого, что нет Муравьева. Мы одно средство и знаем, чтоб помочь горю, — это сделать Муравьева генерал-губернатором всех губерний, но такой генерал-губернатор называется *императором всероссийским*.

там начальствует, редакция помещает следующий рассказ: «К преступникам у нас есть какая-то *чрезмерная снисходительность*. В Чугуеве, над Осиновскою горою, в четверг на первой неделе поста казнен рядовой Изюмского гусарского полка, стоявшего в Купянске, Емельян Пухневич, 35 лет, малоросс, за буйство против дежурного по острогу офицера, которого даже ударил он цепями. За день до расстреливания он накупил свеч, оставил ими свою камеру на чугуевской гауптвахте, стал служить по себе панихиды и громогласно заявлять любопытствующим посетителям, что его казнят понапрасну, а что виноват офицер и его оклеветали перед судом. Это же он повторял еще громче с какой-то импровизованной колесницы, на которой его отправили до места казни. Огромная толпа народа, и в особенности женщин, шла за телегой в нервическом раздражении от слов Пухневича, плача и твердя: «Бедный, бедный мученик!» — а тот повторял: «Православные, братцы, молитесь за меня, гибну понапрасну — не виноват ни в чем». Близь столба у сырой ямы, куда он отчаянно тоскливо взглядывал, Пухневич продолжал держать спичи о своих судьях, поклонился в землю на четыре конца света, обращался с просьбами к солдатам и палачам и т. д. Коли он заведомо лгал и бунтовал слушателей, как же не пробить бы барабанную дробь? Я в минуту этой казни был в Чугуеве, *дивился доброте и простоте нынешних его властей* и окончательно пожалел о такой развязке дела, когда на другой же день окрестности заговорили, что над могилой Пухневича ночью стала гореть сама собой свечка».

Бесчеловечнее строк нам редко случалось читать.

НАШИ ПРОГРЕССЫ

Частные письма и «Кёльнская газета» говорят, что государь принял Муравьева холодно. Торговая казнь кончена, и кнут под лавку! Не пошлют ли его, до поры до времени, опять отмачивать в немецких горьких водах? * Однако интересно, за что же, несмотря на мощную протекцию Каткова, государь охладел к *кату*?.. Уж не завелась ли тут ревность? Нет ли зависти? Государь теряет монополю на идолопоклонство, царская фамилья на исключительность. Константин Николаевич, проезжая в Вильне, не вышел из вагона *, а подозвал Муравьева, и вот Муравьев тоже не вышел из вагона и подозвал Петербург, а потом дозволил, без высочайшего разрешения, нести себя, как папу римского, в креслах — эдак, пожалуй, он сядет и на другое кресло и возьмет Александра Николаевича на руки, как Петр I французского короля! * Решительно на горькие воды катковского протезе. Что-то сделает тогда Катков-верный — останется ли он грязью на сапогах Александра Николаевича или баннным листом присохнет на крови казненных к Михаилу Николаевичу? А впрочем, по-человечески судить, как не изменить в пользу человека, посылающего Чернышевского на каторжную работу *.

Во всяком случае мы не советуем Потапову пускать Муравьева в Москву, а то, в самом деле, до беды не далеко, и Михаил Николаевич до того занеможет в Грановитой палате, что сядет на креслы Михаила Федоровича. Рассказывает же один журнал, что какой-то сенатор К-н, осмелившийся не одобрить ни мер Муравьева, ни поддержку их развратной прессой, был обруган Катковым и приглашен членами московского Английского клуба (где происходила эта сцена) оставить клуб! Этот факт, после известных тостов, образцов, церквей и перед хлебом, который привезла Блудова *, очень замечателен. Он и нам дает поучение.

Пора оставить всех Видоков литературы и Картушей * императорской службы. Все они, вместе с Александром в порфире и с Муравьевым в одышке, бледнеют перед патриотической пляхтой нашей, перед вдовствующим по крепостному праву и голодающим дворянством нашим. Вот куда должно быть обращен все внимание, ося заботливая любовь. Одни бабы лечат застарелые болезни в их язвах... раны — одни последствия, они не могут не быть, они свидетельствуют о гнилой крови организма и яде, текущем в его жилах.

Правительство обойдено, для нас это ясно. Если б в этот двенадцатый час для спасения чести царя, освободившего крестьян, умел бы остановиться государь... Но чего же можно ждать от человека, который недавно велел студентам медико-хирургической академии не носить воротничков и коротко стричь волосы? *

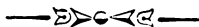
РУССКОЕ ШПИОНСТВО В ЖЕНЕВЕ

В «Carillon de Saint Gervais» написано, что на каком-то годовичном празднестве в русской часовне какой-то господин защищал «Колокол». Его, говорит «Carillon», схватили на границе и сослали... Все это в порядке вещей, но кто же донес? Мудрено ли добраться?.. Батюшка, благословите узнать, не безызвестны же вам нарицания православных овец ваших, бывших на годовичном празднестве.

ССЫЛКА А. П. ЕРМОЛОВА В МУРАВЬЕВЫ

«Московские ведомости», распространяя справедливое преследование всего либерального и оппозиционного, перешли от живых к мертвым. Первый попавшийся на их полицейское наказание — благородный А. П. Ермолов; его они приравняли к виленскому Муравьеву*.

〈ШКОЛА ПРАВОВЕДЕНИЯ〉

«Кёльнская газета» говорит, что два высших класса Школы правоведения закрыты за то, что ученики отказались лобызать руку священника, преподающего логику (кажется, не следовало бы поручать человеку веры науку мысли).

Неужели и это правда?

FÜR DEN LIFLÄNDISCHEN ADELSTAG HOCH!

hip!.. hip!.. hip!¹

Ритеры Лифляндии, столпы нашей бюрократии, полиции и экзекуции, идеал наших экзерциргаузов, шагистики и цивилизации, учителя наши в военной дисциплине и в канцелярском порядке — сей кубок sparkling Hock * пьем мы за ваше здоровье и в память всего родословного древа вашего и тех благородных тевтонских рыцарей, от которых пошли юнкеры Пруссии, Ливии, Эстии, Курии, которым бог Лютера и Валтера (суперинтенданта) предназначил остановить поток революции мекленбургской палкой.

Мы пьем за вас, оправдавших на вашем Ландтаге 1864 все, что мы говорили о немцах вообще и о балтийских в особенности...

Вы удивили «Кёльнскую газету».

Вы заслужили реприманду * «Норда».

Ваш патриотизм поставлен в образец in der «Moskauschen Zeitung»*.

Хвала вам, и бога ради не уступайте ни шагу, не слушайте никаких сирен прогресса, оставайтесь Junkerparadies'ом², как вас назвала «Кёльнская газета».

А главное, не забудьте при помощи прусских брудеров распространить целебные начала феодализма и сословности в Schleswig-Holstein'e — meerumschwungen, stammverwandt³.

¹ Ура лифляндскому дворянству! гип!.. гип!.. гип! (нем.).— *Ред.*

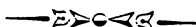
² юнкерским раем (нем.).— *Ред.*

³ Шлезвиг Гольштейне, родственном, одноплеменном (нем.).— *Ред.*

АКСАКОВ В ГОСТЯХ У КАТКОВА

Похвальная ревность «Дня» не осталась без вознаграждения от попечительного начальства. 99 № «Московск. ведомостей» перепечатал на листах своих красноречивейшие места из хвалебной статьи Муравьеву, помещенной в «Дне». Союз двух передовых патриотов невольно радует сердца всех любящих Русландию и Россию. Петр и государство их разделяют, но Муравьев соединяет.

⟨РЕДАКТОРУ «LA CLOCHE»⟩

Cher monsieur Fontaine,
je vous envoie un petit rien du tout; si vous n'avez pas d'objection, si vous ne craignez pas l'odeur de grog, donnez un petit coin de la *Cloche* à ce pauvre diable de *waiter* du *Royal Hotel*.

A. H e r z e n.

Teddington, 1er juin 1864.

П Е Р Е В О Д

Дорогой господин Фонтэн,
посылаю вам небольшую безделку; если с вашей стороны нет возражений, если вы не боитесь запаха грога, предоставьте маленький уголок «La Cloche» этому бедняге *waiter*'у¹ из «Royal Hotel».

A. Г е р ц е н.

Теддингтон, 1 июня 1864 г.

¹ официанту (англ.).— *Ред.*

LIBERTY IN RUSSIA
TO THE EDITOR OF «THE DAILY NEWS»

Sir,— I have before me a letter from St. Petersburg, containing the disgraceful details of the condemnation of the celebrated writer, N. Tchernischevski, the director of the *Contemporain*, and one of the most distinguished literary men of the day in Russia. N. Tchernischevski was arrested nearly two years ago, and has been imprisoned ever since. After a secret inquiry he was tried by the senate, without any defence whatever. The government has published nothing respecting the cause of the trial, and for a very good reason. There was nothing to bring forward except the opinions expressed in censured articles, the influence of Tchernischevski over the young men, and his pretended participation in a clandestine publication. They wanted to get rid of a clever and ardent antagonist, and he was accordingly sentenced to *seven years' hard labour in Siberia, and to transportation for life*. This is not all. On the 31st May, Tchernischevski was led forth in the middle of the day into a public square in St. Petersburg. His sentence was read to him, he was forced to kneel, his sword was broken above his head, and he was then put in the pillory. A young girl threw some flowers to him, she was arrested. A well known literary man cried: «Adieu, my friend!»... he is in prison. Like a worthy son, the emperor Alexander is reviving the memory of his father. Why does not Germany, which tries with so much avidity to seize upon everything that belongs to Holstein, demand the extradition of this ill-omened family, the misfortune of Russia?

Begging you to insert these lines in your excellent paper, — I am, etc.

Al. Herzen.

Elmfield-house, Teddington, June 1864.

СВОБОДА В РОССИИ
ИЗДАТЕЛЮ «THE DAILY NEWS»

Сэр, передо мной лежит письмо из Санкт-Петербурга, содержащее возмутительные подробности осуждения знаменитого писателя Н. Чернышевского, руководителя «Современника» и одного из самых выдающихся литераторов нынешней России. Н. Чернышевский был арестован около двух лет тому назад и с тех пор находился в тюрьме. После тайного следствия он был предан суду сената без права защиты. Правительство ничего не сообщало о процессе, и по весьма основательной причине. Оно не могло выдвинуть против Чернышевского ничего, кроме мнений, высказанных в подцензурных статьях, влияния его на молодежь да мнимого участия в одном подпольном издании. Нужно было избавиться от умного и энергичного противника, поэтому он и был приговорен к *семи годам каторжных работ в Сибири и пожизненной ссылке*. Это еще не все. 31 мая среди бела дня Чернышевский был выведен на одну из площадей в Санкт-Петербурге. Ему прочли приговор, заставили стать на колени, над головой переломили шпагу и привязали его к позорному столбу. Молодая девушка бросила ему цветы, ее арестовали. Известный литератор крикнул: «Прощай, друг мой!»... Он — в тюрьме. Император Александр, как достойный сын, воскрешает память своего отца. Почему Германия, так ревностно стремящаяся захватить все, что принадлежит Голштинии *, не потребует выдачи этого зловещего семейства, составляющего несчастье России?

Прошу вас поместить эти строки в вашей превосходной газете, — остаюсь и пр.

Ал. Герцен.

Elmfield-house, Teddington, июнь 1864.

⟨РЕДАКТОРЫ «LE TEMPS»⟩

Bournemouth (Angleterre). 12 juin.

Mon cher ami,

nous avons devant nous une lettre de Saint-Pétersbourg, qui raconte des détails odieux de la peine infligée au célèbre publiciste russe, le directeur du *Contemporain*, le plus grand talent littéraire du jour en Russie, N. Tchernyshevski. Il me semble que ces infâmes procédés de l'absolutisme russe doivent être connus en Europe.

N. Tchernyshevski a été arrêté il y a près de deux ans, il les a passés en prison cellulaire; après une enquête inquisitoriale et secrète, il fut jugé par le Sénat. Le gouvernement n'a rien publié sur le fond du procès, et cela par une bonne raison: il n'y avait rien à charge que des opinions émises dans des articles *censurés*, que l'influence de Tchernyshevski sur les jeunes gens et la *prétendue* participation à une publication clandestine. On voulait se défaire d'un antagoniste habile, ardent, on l'a condamné à *huit ans de travaux forcés en Sibérie et à une déportation perpétuelle*.

Ce n'est pas tout. Le 19/31 mai, au milieu du jour, Tchernyshevski a été conduit sur une place publique à Pétersbourg. On lui lut la sentence, on le força de se mettre à genoux, on brisa son épée sur sa tête, on le dégradà, et après tout cela *on l'attacha à un pilori*, et on le laissa contempler par la foule. Une jeune demoiselle lui jeta des fleurs, elle fut arrêtée. Un littérateur très connu, P. Yakouchkine, lui cria: «Adieu, ami!» — il est en prison. Il semble qu'en bon fils, l'empereur Alexandre II veuille réhabiliter la mémoire de son père. Je ne connais rien de plus odieux pendant les trente années du règne de Nicolas.

Alexandre H e r z e n

Борнемаус (Англия). 12 июня.

Дорогой друг,

пред нами лежит письмо из Санкт-Петербурга, сообщающее гнусные подробности о наказании, которому был подвергнут знаменитый русский публицист, руководитель «Современника», самый крупный литературный талант нынешней России, Н. Чернышевский. Мне кажется, что эти позорные действия русского самодержавия должны стать известными Европе.

Н. Чернышевский был арестован около двух лет тому назад, он провел эти годы в одиночном заключении; после инквизиторского и тайного следствия он был судим сенатом. Правительство ничего не сообщило о существовании дела, и по понятной причине: ему нечего было поставить в вину, разве только мнения, высказанные в статьях, *прошедших через цензуру*, разве только влияние Чернышевского на молодых людей и *мнимое* участие в одном подпольном издании. Пожелали избавиться от искусного, страстного противника; его осудили *на восемь лет каторжных работ в Сибири * и на вечное поселение*.

Это еще не все. 19/31 мая, среди бела дня, Чернышевский был выведен на одну из петербургских площадей. Ему прочли приговор, его заставили стать на колени, над его головой сломали шпагу, его разжаловали, и после всего этого *привязали к позорному столбу* и выставили на обозрение толпе. Какая-то молодая девушка бросила ему цветы *, ее арестовали. Один широко известный литератор, П. Якушкин, крикнул ему: «Прощай, друг!» — и очутился в тюрьме. По-видимому, император Александр II хочет в качестве доброго сына восстановить уважение к памяти своего отца. Я не знаю ничего более гнусного за тридцать лет николаевского царствования.

Александр Герцен.

⟨РЕДАКТОРУ «LA CLOCHE»⟩

Londres, 19 juin 1864.
Cavendish-hotel. St.-James.

Cher monsieur Fontaine,
le correspondant russe de l'*Indépendance Belge* communique
à son journal ce qui suit:

Mercredi dernier a eu lieu, sur une des places du vieux Pétersbourg, près de la forteresse, une bien triste cérémonie. M. Tchernychevski, journaliste, auteur de romans et de comédies, homme d'un talent réel, *mais* d'opinions avancées, accusé d'avoir rédigé et distribué des proclamations tendant au renversement du gouvernement établi, et même d'*avoir pris une part plus ou moins directe aux incendies qui désolèrent Saint-Pétersbourg, en 1862*, a été condamné, etc., etc.

Ce qui nous frappe et nous offense dans ces lignes, c'est la répétition de ce soupçon absurde, monstrueux et maintenant complètement oublié «d'avoir pris une part plus ou moins directe aux incendies de Saint-Pétersbourg en 1862».

L'enquête (vous le savez, d'après ce que nous avons dit dans la *Cloche*) a été un grand crime et un plus grand fiasco du gouvernement — et on revient encore, à propos d'une cruauté mesquine et horrible envers un homme de la taille le Tchernychevski, réchauffer le vieux conte de la complicité morale d'hommes qui ne voulaient que le bien du peuple. Le procès des incendiaires s'est perdu en fumée; il n'y a pas eu un seul coupable.

Remarquez-le bien, ni la condamnation du Sénat, ni les condamnations du Conseil d'Etat, ni les termes de la *magnanime* commutation en sept années de travaux forcés, ne font pas du tout mention de l'affaire des incendies, et certes le gouvernement

russe est au-dessus du soupçon de laisser passer semblable occasion de calomnier un ennemi terrassé et de motiver sa férocité de caporal asiatique.

Le correspondant de l'*Indépendance* abuse: il est toujours difficile à un homme distingué et éminent de ne pas se trouver poursuivi par certain chef d'accusation judiciaire, surtout dans le cas où, accusé, on est jugé sans défense, dans les muettes ténèbres d'une inquisition civile.

Recevez, etc.

A. Herzen, réd<acteur> du *Kolokol*.

ПЕРЕВОД

Лондон, 19 июня 1864.

Гостиница «Кавендиш». С.-Джемс.

Дорогой господин Фонтэн,
русский корреспондент «*Indépendance Belge*» сообщает своей газете нижеследующее:

В прошлую среду имела место на одной из площадей старого Петербурга, близ крепости, весьма печальная церемония. Г-н Чернышевский, журналист, автор романов и комедий, человек несомненного таланта, но передовых убеждений, обвиненный в том, что он составлял и распространял прокламации, целью которых являлось ниспровержение существующего правительства, и даже в том, что принимал более или менее непосредственное участие в пожарах, опустошивших Санкт-Петербурга в 1862 г., был приговорен и пр., и пр.

Что поражает и оскорбляет нас в приведенных строках — это повторение бессмысленного, чудовищного и теперь совершенно позабытого подозрения в том, что он «принимал более или менее непосредственное участие в петербургских пожарах 1862 г.».

Следствие (вы знаете о нем по нашим сообщениям в «*La Cloche*») было большим преступлением и еще большим фиаско правительства — и вот в связи с мелочной и отвратительной жестокостью в отношении такого крупного человека, как Чернышевский, начинают опять разогревать старые бредни о моральном соучастии людей, желавших лишь блага народу. Процесс поджигателей скрылся за дымом; не оказалось ни одного виновного.

Заметьте же хорошенько, ни приговор сената, ни приговоры Государственного совета, ни обороты, которыми выражено *великодушное* смягчение наказания до семи лет каторжных работ, вовсе не содержат упоминания дела о пожарах, а уж, конечно, русское правительство выше подозрения в том, что оно могло упустить подобный случай — оклеветать поверженного врага и обосновать этим свою жестокость азиатского капрала.

Корреспондент «Indépendance» вводит в заблуждение: человеку замечательному и выдающемуся всегда трудно избежать преследования в качестве главного обвиняемого, особенно в случае, когда он судим без участия защиты, в немом мраке гражданской инквизиции.

Примите и проч.

А. Герцен,
ред(актор) «Колокола».

VII ЛЕТ

Семь лет тому назад вышел первый лист «Колокола» в июле 1857. С тех пор много раз останавливались мы, сверяя свой путь с событиями и спрашивая себя, туда ли мы идем, так ли идем? Цель наша, наши основные догматы были неизменны; задача наша та же, но способы разрешения ее должны были меняться. Мал ли, велик ли ручей, путь его зависит не от него, а от общих склонов и скатов материка.

Но, приближаясь к семилетию, нас занимал другой вопрос, и именно — следует ли нам вообще *продолжать* или *приостановиться* и переждать пароксизм безумной реакции?

Россия явным образом сорвалась с пути, на который попала в 1855, и несетя третий год рядом преступлений и нелепостей — к ряду бедствий, которые переработаются, может быть, но, наверное, не пройдут ей даром.

Рев, вой, шипенье казенного, свирепого патриотизма заглушает всякое человеческое слово. Образованная Россия оказалась гораздо больше варварской, чем Россия народная. На этом варварстве ее стали возможными ужасные дела и ужасные слова: казни в Польше, каторги в России, раненый Сераковский, вздернутый на виселицу, Чернышевский, белым днем выставленный у позорного столба, и все прочие неистовства правительства и общества.

Пока продолжается этот «запой» кровью, для чего наша речь? С кем нам говорить, для кого писать, печатать?

Если б не было так больно замолчать, мы замолчали бы... Замолчать — значит отвернуться, позабыть на время, — это свыше наших сил. У нас слишком много осталось любви и веры, слишком много накопилось негодования и ненависти, чтоб молчать. В душе нет мира и покоя; нет ни безучастья, ни

отчаяния, наконец, после которого человек опускает руки и ждет, скоро ли упадет завеса.

Прошлое обязывает. Мы имели довольно голоса и смелости, чтоб начать речь... мы ее продолжали середь рукоплесканий сверху и снизу — надобно иметь дух продолжать ее, пока пьяные отрезвятся. Продолжать для того, чтоб не умолк последний протест, чтоб не заглохло угрызение совести, чтоб не было вдвое стыдно потом, чтоб иной раз опять выжечь клеймо позора на узком лбе палачествующего правительства, обнищавшего дворянства и шпионствующей журналистики.

Итак, наш звон по-прежнему будет *сзывать живых* до тех пор, пока они придут или мы убедимся, что их нет.

Не ждали мы, начиная нашу пропаганду, что придем к такому страшному времени, что будем в необходимости так говорить, — но разве кто-нибудь ждал?

В 1855 и в 1857 г. перед нами была просыпавшаяся Россия. Камень от ее могилы был отвален и свезен в Петропавловскую крепость *. Новое время сказалось во всем — в правительстве, в литературе, в обществе, в народе. Много было неловкого, неискреннего, смутного, но все чувствовали, что мы тронулись, что пошли и идем. Немая страна приучалась к слову, страна канцелярской тайны — к гласности, страна крепостного рабства — роптать на ошейник. Правительство делало, как иерусалимские паломники, слишком много нагрешившие, три шага вперед и два назад, один все же оставался. Партия дураков, партия стариков была в отчаянии, крепостники прикидывались конституционными либералами...

С половины 1862 г. ветер потянул в другую сторону. На неполное освобождение крестьян потратились все силы правительства и общества — и заторможенная машина двинулась назад.

Мы спрашиваем всех деятелей, явившихся после смерти Николая, от Константина, Горчакова и Суворова до братьев Милютиных, пусть они скажут, положи руку на сердце, предвидел ли из них кто-нибудь кровавую грязь, в которую Россия въехала по ступицу всеми четырьмя колесами благодаря таким кучерам, как Муравьев, и подстегивающим лакеям, как Катков?

Предвидели ли они, что смертная казнь делается у нас ежедневным, обыкновенным делом, что военнопленных будут

расстреливать, что раненых будут вешать, что будут в день казнить по шести человек по приказу какого-нибудь ничтожного генерала?¹

Что за тайно напечатанный листок * юношеских мечтаний и теоретических утопий будут ссылать на *каторжную работу* и вечное поселение — людей молодых, честных, чистых, без уважения к их таланту, к их непорочному имени?

Что политических сосланных будут хуже содержать, чем при Николае, и что найдутся звери, которые предложат в Акатуевске селюлярную тюрьму? *

Что у нас будут закрывать школы за то, что ученики не хотят целовать руку попу? *

Что у нас разовьется литература доносов и она сделается литературой дня, что язык журналистов оподлеет до языка перебранивающихся будочников и жандармов, что мы, развертывая газету, переходим в переднюю III отделения и в канцелярию съезжего дома?

Что Муравьев, которым гнушалась вся Россия и сам государь, сделается героем и что его в Москве будут сравнивать с Ермоловым и Суворовым *, а в Петербурге носить на креслах *, что Катков будет выгонять сенаторов из Английского клуба * и серьезно принимать себя за будущего Сперанского?

Нет, этого никто не мог предвидеть. Ужасы, от которых сердце обливается кровью и занимается дух, делались и при Николае сплошь да рядом. Забитое и трусливое общество молчало, не показывало участия, лгало на себя сочувствие, но не аплодировало. Своекорыстные исполнители делались холод

¹ «В газету «Голос» пишут из Иркутска, что там двое ссыльных и три крестьянина, дети каторжных, зарезали целое семейство бурят, а что бы спрятать концы в воду, сожгли юрту зарезанных. Злодеев отыскали и схватили. Их судили военным судом по *полевому военному* положению. Четверо из преступников приговорены к *расстрелянию*, а пятый сослан в каторжную работу». После Петра I и Бирона ничего подобного не видала Россия. Кровь льется царскими палачами, как вода. Каани, к которым, скрепя сердце, едва осмеливалась прибегать Екатерина II, от которых сдерживался сам Николай, теперь совершаются ежедневно. Смертная казнь введена помимо Свода, каким-то задним крыльцом в уголовное законодательство *. Какое полевое военное положение во время мира, зачем Сибирь в осадном положении?

ными палачами. Теперь общество рукоплещет, палачи казнят с горячностью, делаются виртуозами, идут далее приказа.

Мы не можем привыкнуть к этой страшной, кровавой, безобразной, бесчеловечной, наглой на язык России, к этой литературе фискалов, к этим мясникам в генеральских эполетах, к этим квартальным на университетских кафедрах, к этим робеспьеровским трикотезам Зимнего дворца *, старым, седым, беззубым девкам и бабам, к этим Катковым в юбке и Аскоченским в кринолинах, с их просвирками, вынутыми за здоровье Михаила Николаевича, безобразными образами, посланными ему в благословение, — к этим волчицам без молока, без Ромула и Рема, которые перенесли ревность диких самок в любовь к отечеству.

Ненависть, отвращение поселяет к себе эта Россия. От нее горюшь тем разлагающим, отравляющим стыдом, который чувствует любящий сын, встречая пьяную мать свою, кутящую в публичном доме.

...Зачем, Россия, зачем твоя история, шедшая темными несчастьями и глухою ночью, должна еще идти водосточными трубами? Зачем на другой день после освобождения, когда ты могла миру в первый раз от роду, с радостно поднятой головой, показать, какое руно сохранила ты, бедная, под розгами помещика, под палкой полиции, под царским кнутом, — зачем ты дала себя стащить в эту канаву, в эту помойную яму? Терпи теперь, народ русский, на чужом пиру похмелье, неси на могучих плечах твоих, как богатырь-каторжник в одной сказке¹, темными, длинными, гадкими, вонючими, скользкими, ледящимися переходами твоего *будущего сына*. Ты один выйдешь чист. Лишенный досуга мысли, ты не повинен в ими избранном пути, тебе насильно брили лоб, насильно дали ружье, и ты пошел, бессмысленно слушаясь, убивать и грабить с голода. Только ты не кичись этим — на том же основании право и море, утопившее корабль, и волк, заевший путника...

Ну а вы, *не-народ*, опора нынешнего порядка дел, отцы отечества, интеллигенция, цивилизация, прочные интересы, *демократическая* шляхта, командиры и учителя... вы ведь не

¹ Жан Валжан, Гюго.

достойны участи каторжника, вы же ничего не несете — вы уж так и оставайтесь. С.-петербургский обер-полицмейстер и николаевский генерал-адъютант Кокошкин, ваш Курций, дал вам прекрасный пример...*

Так вот до чего выработались вы в полтора века дрессировки, купленной потом, голодом, холодом целого народа, рубцами на его спине?.. Так этому-то вас научили немцы, академии, корпуса, университеты, лицеи, институты, смольные монастыри, гувернеры, гувернанты? Видно, конюшня родительского дома учила красноречивее, видно, натура холопа-рабовладельца не так легко затыкается за пояс французской грамматикой? Поздравляем вас, на вашей улице праздник, только он необыкновенно короток. Вы даже того не сообразили, что шли в комнату, а попали в другую*; вы не знаете, кому вы подали руку, вы никогда не были разборчивы, а только надменны. Вы не узнали Емельяна Пугачева, одетого не Петром III для службы народу, а кварталным надзирателем для царской службы...Вы еще не подумали, что значит голштино-аракчеевская, петербургски-царская демократия, скоро почувствуете вы, что значит красная шапка на петровской дубинке. Вы погибнете в пропасти, которую роете вместе с будочниками, и на вашей могиле с деревянным крестом (мраморов будет не на что ставить) посмотрят друг другу в лицо — сверху лейб-гвардии император, облеченный всеми властями и всеми своевольями в мире, снизу закипающий, свирепеющий океан народа, в котором вы пропадете *без вести*.

Кто кого сглазит?

Мы догадываемся, но не знаем. Вот что касается до вас, то бога ради не подумайте, что нам вас жаль. Помилуйте. Вам пора сойти со сцены, вы свое сделали; сделали вы нехотя, и за то вам нет уважения, сделали вы думая только о себе, и за то нет вам благодарности. Вы были той пустой средой, тем прозрачным проводником, которым свет западной науки осветил нашу темную жизнь, — дело сделано и пойдет без вас. Вы, как воздух, пропуская лучи, не захватили себе света — увидели другие и знают теперь, что у нас есть в хате и чего недостает. Эти другие пойдут работать, а вы прощайте. Только зачем вы так скверно гниете?

Вместо того чтоб со слов квартальных демократов и демагогов III отделения ругать польское дворянство, вы, милые крепостники вчерашнего дня, поучились бы у них честной кончине. Какое прошедшее не искупится таким принесением себя на жертву. Их очистительный, примирительный подвиг пойдет из века в века, будя юношу и мужа и заставляя биться всякое благородное сердце. Ну а вас, *демократическая* аристократия, чем поминать, чем вы искупаете вашу чужаядную жизнь, ваше пиявочное существование?.. За что вас пожалеть? За то ли, что Иоанн Грозный вас пилил, а вы ему пели псалмы? За то ли, что до Петра вас из-за осударева стола водили постегать за местничество и вы выпоронные приходили доедать курей верченых и пироги пряженые? За то ли, что после Петра вас, снем рубаху, били батожьем, а вы целовали его державную руку, а потом руку конюха Бирона и его немцев, а когда пришел немец, которому сдуру вас стало жаль и он не велел вас бить, так вы его отравили и задушили в Ропше? * За то ли, что деды ваши при Николае плясали у него на коронации, когда их сыновья шли скованные на каторжную работу? *Разве за этих сыновей?*

За них, за наших великих путеводителей, да, за них многое можно бы отпустить их предкам.

Но что же сказать о их сыновьях?

У них не было их, у них были приемыши, им они и оставили наследство. Они его оставили той среде, с которой подымается и растет на свет *Новая Россия*, крепко подкованная на трудный путь, закаленная в нужде, горе и унижении, тесно связанная жизнью с народом, образованием с наукой. Ей доставалась одна обида сверху и одно недоверие снизу. Ей достается великое дело развития народного быта из неустроенных элементов его — зрелой мыслью и чужим опытом. Она должна спасти народ русский от императорского самовластия и от *него самого*. Ее не тяготит ни родовое имущество, ни родовое воспоминание, в ней мало капиталов и вовсе нет привязанности к существующему. Она стоит свободная от обязательств и исторических пут.

Предшественником ее был плебей Ломоносов, могучий объемом и всесторонностью мысли, но явившийся слишком рано. Среда, затертая между народом и аристократией, около века после него билась, выработывалась в черном теле. Она

становится во весь рост только в Белинском и идет на наше русское крещение землю на каторгу в лице петрашевцев, Михайлова, Обручева, Мартынова и пр. Ее расстреливают в Модлине * и разбрасывают по России в лице бедных студентов, ее, наконец, — эту *новую* Россию — Россия *подлая* показывала народу, выставляя Чернышевского на позор.

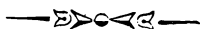
Среда пестрая, хаотическая, среда брожения и личного выработывания, среда алчущая и неудовлетворенная, она состоит из всего на свете — из разночинцев и поповских детей, из дворян-пролетариев, из приходских и сельских священников, из кадет, студентов, учителей, художников; в нее рвутся пехотные офицеры и иной кантонист, писаря, молодые купцы, приказчики... в ней образцы и осколки всего плавающего в России над народным раствором. Вступая при новом брожении в иные химические соединения, они всплывают из народа и распускаются в нем. Это почва зародышей, засеянное поле, на удобрение которого пойдут гниющие и разлагающиеся *верхи*, чтоб и они не остались, как купец Коробейников, не взниканными всепрощающей амнистией истории и всеперерабатывающим круговоротом жизни.

Удар за ударом бьет эту среду, она побита наголову, но *дело* не побито, оно меньше побито, чем 14 декабря, плуг пошел дальше и глубже. Зерна царского посева не пропадают на каторге, они прорастают толстые тюремные стены и снегом покрытые рудники.

Для этой новой среды хотим мы писать и прибавить наше слово дальних странников — к тому, чему их учит Чернышевский с высоты царского столба, о чем им говорят подземные голоса из царских *кладовых*, о чем денно и ночью проповедует царская крепость — наша святая обитель, наша печальная Петропавловская Лавра на Неве.

Середь ужасов, нас окружающих, середь боли и унижений нам хочется еще и еще раз повторить им, что *мы с ними*, что мы живы духом... и не хотим больше ни исправлять неисправимых, ни лечить неизлечимых, а хотим вместе с ними работать над отысканием путей русского развития, над разъяснением русских вопросов.

1 июля 1864.

DIE HEILIGE TRIPEL-ALLIANZ¹

Итак, нет ни одного срама, ни одного позора, в который бы нас не окунуло петербургское правительство от страха, тупости и отсутствия всяких начал!

Сердце рвется на части, и все хочется, по старой привычке, спросить: «Да за что же это? За что?»

Неужели мы не довольно страдали от московской глупости и от петербургского ума, от наших побед и от нашего величия?

Неужели нам недостаточно немцев, ненавидящих нас, и нужны еще немцы-союзники?

И вы, князь Горчаков, были сводчиком этого дела... Зачем же вы не вышли в отставку, зачем вы не настолько любите Россию? Народность, которую вы приобрели прошлогодними нотами *, уничтожена прикосновением Бисмарка.

...Ровно через пятьдесят лет повторяется несчастный союз трех немецких правительств, держащих под своим игом славянские народы. Как будто Зимний дворец, рядившийся год целый в Минины и Пожарские, не знает все отвращение русского народа от немецкого союза, всю его ненависть племенную, кровную к немцам?

} В 1815 году был по крайней мере приличный предлог. Соединялись монархи в отпор врагу, который так долго и много их бил, что бояться его и брать против него меры казалось естественным. Под этим предлогом скрывалась стачка трех деспотических армий на поддержание устарелого государственного быта, основанного на поглощении народа государством, на поддержание самовластной опеки над народами посредством военной аристократии и канцелярского управления.

¹ Священный тройственный союз (нем.).— *Ред.*

Самый характер — доктринерский, мистический, схоластический, последовательный до нелепости, бездушный, как все отвлеченное, — делал из тройного союза 1815 года чисто *немецкое* произведение. Петербургская Россия фигурировала в нем как одна из немецких держав, и в этом почетном качестве участвовала в преследовании нотами и штыками всякого свободного движения, где бы оно ни было — в Италии, Испании, Греции...

Новый союз циничнее, у него предлога нет. Он делается в виду слабого государства, отстаивающего свои очень небольшие территории, и несчастного, четвертованного народа, отстаивающего свое существование.

Где опасность? Неужели Дания хочет завоевать Потсдам? Или поляки — исправить ошибку Яна Собеского и занять Вену? * Да если бы так, где тут опасность для Петербурга, для Москвы?

Этот союз делается в предупреждение скандинавской федерации *.

Этот союз делается, чтоб стереть имя польское с лица земли.

Петербургское правительство гарантирует Австрии и Пруссии их польские владения. Какое же это славянское правительство? Какая же это славянская династия? Николай закабалил немцам Краков *, сын его закрепляет за ними Галицию и Познань и просит за это, чтоб немцы ему гарантировали Польшу... Давно ли Россия стала так слаба, давно ли она боится развалиться, если немец ее не поддержит?..

Раздел Польши, как камень, привязанный к шее, стягивает Россию на дно немецкого болота...

Неужели возможно, чтоб русские войска еще раз явились, как в 1849 году, жандармами-усмирителями или палачами на немецкой службе?

Лишь бы не дожить до этого позора...

...После свиданья в Варшаве трех *немецких* potentатов¹ восстала Польша; что-то будет после союза, заключенного на горьких немецких водах...?*

¹ Можно быть на русской службе, как все Бенкендорфы, Мейендорфы, Ренсдорфы, Берги, Адлерберги, и в сущности оставаться немцами. Можно даже усвоить себе кой-какие русские ухватки, и особенно пороки, передразнивать московских царей, говорить церковным языком, сделаться ярым русским патриотом, и все-таки оставаться немцем — Карл Ифанычем, Ифан Ифанычем.

POLIZEIWUT¹

Бешенство полиции «Моск. ведом». доходит до мономании. Такой искренней, глубокой, всесторонней, нежной страсти к доносам, шпионству, полицейскому вмешательству и надзору нам не случалось встречать, и это тем страннее, что издатель этой газеты — известный англоман. Недавно они жалели, что у бедного русского правительства так мало средств поддержать в западной России *русскую народность* того края (Муравьев, виселицы, расстреливания, корреспонденты «Моск. вед.», «Северн. пчелы» и «Инвалида», конфискации, секвестрации, каторжная работа, тюрьма, штрафы, розги, крестики, присланные государыней, войско, братчики, попы, осадное положение.!!). Правительство, по мнению «Моск. вед.», может запретить явное соращение в католицизм, польский язык в судах и *кондитерских* (кажется, не очень убого средствами правительство, которое может заставить людей говорить на том языке, на каком вздумает), но что оно сделает у домашнего очага? Как присмотреть за тем, что муж говорит с женой, брат с сестрой? И «Моск. вед.», видя такую крайность его, приглашают всех русских *участвовать* в борьбе с полонизмом². И это после того, как те же «Ведомости» рассказывали нам целый год о силе, мощи и славе русского элемента в тех же западных губерниях!

¹ Бешенство полиции (нем.).— *Ред.*

² Нам пишут из России: «Целые компании искателей приключений отправляются из Петербурга русифицировать польские провинции. Люди эти получают деньги в Петербурге и требуют полицейский конвой для водворения их на местах жительства их службы» *. Так им-то «Моск. вед.» прокладывали путь!

Желая приобщить и Москву к благам литовской администрации, университетская газета * в 123 № делает следующий вызов к подслушиванию на Тверском бульваре и полицейскому вмешательству: «По вечерам, когда играет музыка, некоторые посетители Тверского бульвара слишком нецеремонны, и случается слышать более чем свободные речи, обращенные к прогуливающимся дамам; а место, где играет музыка, бывает так вагромаждено толпой, что нет свободного прохода». Неужели магическое слово парижских городских «Circulez, Messieurs, ne vous arrêtez pas, circulez, je vous prie»¹, не вошло еще в наш полицейский словарь? Не худо бы дополнить этот пробел; да я думаю, что нашим полицейским чинам не лишнее вмешаться иногда и в *conversations decolletées*², когда они громко ведутся в публике. Блюстителям публичной благопристойности нельзя в этом случае говорить: «Наше дело сторона».

БАЛАБИН И НОРМА

Что Балабин наделал дипломатического вздору и его уволили * — нам до этого нет дела; что он по старой традиции тотчас после этого занемог и болезнь пошла задним числом — это даже хорошо: что за дипломатия без этих шуток, в которые никто не верит и которые делаются для короля прусского, сказали бы мы, если б в настоящем случае они не делались для австрийского императора. Нас вовсе не то занимает, а вот что: в немецких «С.-петербургских ведомостях» (голштинская династия все еще не приучилась с русскими говорить *по-русскому*) напечатано: «Уже с год времени г. Балабин не отправлял своей обязанности, а потому надобно было устранить такое *ненормальное* положение».

¹ «Проходите, господа, не останавливайтесь, проходите, прошу вас» (франц.). — *Ред.*

² чересчур откровенные разговоры (франц.). — *Ред.*

...Что-то знакомо!..Будто на днях мы читали что-то такое... Да, да, да... «Уж с год времени г. Ренан не отправлял своей обязанности как профессор, а потому надобно было устранить такое *ненормальное* положение». Понравилось выражение — точно оно хорошее выражение, и оперу напоминает*, и Гризи — только уж слишком поторопились зачислить его в русскую службу.

КАЗНИ В КАЗАНИ

Из перепечатанной в «Инвалиде» статейки из «Казанских ведомостей» * мы узнали новое злодейство петербургского правительства. За распространение подложного манифеста и возмутительных воззваний в приволжских губерниях несколько лиц были отданы в 1863 году под военный суд: «По решению военного полевого суда штабс-капитан Иваницкий, поручик Мрочек, подпоручик Станкевич, студент Иван Орлов, дворяне Кеневич, Новицкий, Госцевич, Олехнович и помещанин Маевский признаны виновными в государственной измене, приговорены были все к *смертной казни расстрелянием*. Но по конфирмации г. временного генерал-губернатора Казанской, Пермской и Вятской губерний *смертной казни подвергнуты: штабс-капитан Иваницкий, поручик Мрочек, подпоручик Станкевич и дворянин Кеневич*, которая и совершена над ними в г. Казани, близ Подлужской слободы, между Русской и Немецкой Швейцарией, 6-го текущего июня, в 7 часов утра; прочие злоумышленники: *Иван Орлов, Фердинанд Новицкий, Евстафий Госцевич, Александр Маевский и Август Олехнович* — присуждены к наказанию, заменяющему смертную казнь, именно: к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу в рудниках, первые четверо на 15, последний на 12 лет, с тем чтобы по окончании сего срока поселить их в Сибири навсегда».

«Колокол» был уже набран, когда дошла до нас эта страшная весть, — мы не могли ее отложить до другого листа.

Кровь, кровь и кровь... Вести из России — вести с бойни. Человек, имеющий время заниматься пошлыми переменами башлыков и воротников, прической студентов и всяким вздором *, не имеет времени просматривать смертные приговоры!

Что это за человек? Да и человек ли? Откуда это высокомерное презрение к жизни людской?.. Слабодушное ли бегство от ответственности или эпикурейство слабых нерв? Быть может, страх помиловать? Как бы то ни было, по какому праву дает этот человек доверенность на убийство, по какому праву, чтоб облегчить своим приказчикам злодейства, он отнимает жертвы у законного суда, у Свода?.. Самодержавие еще не есть право на безумие; Павел это испытал на себе, а он не лил шайками человеческой крови.

⟨РЕДАКТОРУ «LA CLOCHE»⟩

Monsieur,

je n'ai rien à ajouter à l'article sur la *Nouvelle phase de la littérature russe*. Malheureusement elle continue, la société russe, à perdre le sens de la liberté, à laquelle elle aspirait la première année de ce règne, et le gouvernement a surpassé en cruauté, en férocité Nicolas et ses prédécesseurs. Le sang coule comme l'eau, la peine capitale s'est introduite par une petite porte dans la législation. En Sibérie on fusille de simples criminels, en Pologne on fusille les prisonniers de guerre.

Si la société russe ne se réveille pas à l'attouchement de Bismark et de l'Autriche, si la triple Alliance soulève un triple applaudissement, il n'y a plus rien alors à espérer de la génération présente, et il faudra se tourner vers les adolescents et les enfants. Il n'y a rien au monde de plus antipathique pour le Russe qu'une alliance allemande.

C'est après l'entrevue des trois monarques *allemands* à Varsovie, que commença le prélude de la grande insurrection polonaise... Quelles seront les suites de l'exhumation de la maudite Sainte alliance?

Recevez, etc.

A. Herzen.

Bournemouth, 12 juillet 1864.

ПЕРЕВОД

Милостивый государь,
мне нечего прибавить к статье о *Новой фазе в русской литературе*. К несчастью, русское общество продолжает терять чувство свободы, которой жаждало в первый год нынешнего

царствования, а правительство в жестокости и в зверстве превзошло Николая и его предшественников. Кровь льется, как вода, смертная казнь проникла через крошечную лазейку в законодательство*. В Сибири расстреливают обыкновенных преступников, в Польше расстреливают военнопленных.

Если русское общество не очнется от прикосновения Бисмарка и Австрии, если Тройственный союз вызовет утроенные рукоплескания, то нечего более ждать от нынешнего поколения и надобно обратиться к юношам и детям. Для русского нет ничего противнее на свете, чем немецкий союз.

И именно после свидания трех *немецких* монархов в Варшаве * началась прелюдия к великому польскому восстанию... Каковы же будут последствия извлечения из гроба проклятого Священного союза?

Примите и проч.

А. Герцен.

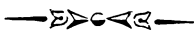
Bournemouth, 12 июля 1864.

И. И. КЕЛЬСИЕВ

В июне месяце скончался в Тульче юный товарищ наш *Иван Иванович Кельсиев*, брат издателя старообрядческих сборников и проч. Ему было 23 года, но он уже успел вкусить всю горечь русской жизни, все ее страдание. Арестованный по делу московских студентов, он был сослан в Верхотурье; пермский губернатор *Лашкарев* сделал все, что от него зависело, чтоб ухудшить состояние молодого человека. Кельсиева потребовали в Москву для справок. Не видя никакого выхода из своего положения, он бежал из-под ареста и пробрался в Турцию. Молодой Кельсиев был человек с большим талантом и с большой энергией. Нет страшнее могил как те, которые прикрывают бессмысленно сломленные силы во всей юности своего развития.

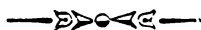

ВОЙНА, ЧУМА, ПОЖАР

Россия горит, горит везде, по городам и селам, по ярмаркам и заводам, на юге и севере, в Москве и провинциях¹. Люди и скот падут от сибирской язвы...* Война, война междоусобная, с казнями, проскрипциями, грабежом,— война, уносящая все деньги из казны и все человеческие чувства из сердца... Что еще прибавить — неурожай, голод?

...Что ломает этот исполинский организм, что в нем бродит... трудно, страшно трудно народу русскому достается его развитие... Хорошо, что мы не верим в небесные кары.

¹ Пожаров больше, чем в 1862 году, были даже явные поджоги. Отчего же нет того вопля о политических зажигательствах, которым началась эпоха реакции и террора? *

ЧЕРНЫШЕВСКОМУ, МИХАЙЛОВУ И ВСЕМ ДРУЗЬЯМ
НАШИМ, СТОЯВШИМ У ПОЗОРНОГО СТОЛБА,
НОСЯЩИМ ЦЕПИ, РАБОТАЮЩИМ НА КАТОРГЕ.

Не прошло восьми лет с тех пор, как наемные убийцы неаполитанского короля расстреляли юного героя *Пизакане* на том берегу, на котором он сделал свою смелую высадку*. Имя его было запрещено поминать. Едва тайком у своего веретена какая-нибудь *spigolatrice*¹ пела вполголоса о *bel Capitano* и его трех сотнях:

Eran trecento eran giovani e forti,
E sono morti...*

С тех пор другой *безумец* сделал высадку на другом берегу*... и свободный Неаполь ставит памятник Пизакане на том месте, где лилась его кровь. Памятник этот будет издали плывущему моряку рассказывать, каких людей производила страна эта во время бурбонского ига, как они умирали за народ и как освобожденные сограждане ставили им памятники.

¹ ткачиха (итал.).— *Ред.*

ЕЩЕ ШАГ

После всех доносов, гнусностей, намеков, подстреканий на казни, ругательств, безнравственностей, полицейблудия, сквернословия мы никак не ждали, что «Моск. ведомости» найдут средство сделать еще более отвратительный поступок, вот он. Для уснащения своего доноса на «Голос» и на *украинофилов* издатель идет к святым гробам декабристов и сквернит их... ни казнь, ни каторга, ни геройство, с которым эти люди перенесли тридцать лет Сибири, ничто не спасло их.

Вот образчик из гнусной статьи*:

Что такое эти украинофилы, которые сотрудничают во львовских «Слове» и «Мете»? Что такое эти сочинители петербургских прокламаций, казанских и киевских манифестов? Что такое эта «Молодая Россия», эти «Великорусы», эти поклонники «Колокола», «Правдивого», «Свободного слова»? Что, наконец, сами пресловутые издатели этих пресловутых журнальцев?.. Не что иное, как люди сознательно или бессознательно пляшущие по дудке Мерославских, Лелевелей, Высоцких!

Доказывать эту мысль относительно последних движений в западном и приволжском крае нет надобности; но дело в том, что она имела совершенно тот же характер и прежде, например, в двадцатых годах. Признания некоторых из *декабристов* раскрывают, что и сорок лет тому назад, как в настоящее время, русские патриоты-реформаторы не находили бесчестным протянуть руку врагам своего отечества! Но те *темные личности*, которым наши заграничные изменники с такою настойчивостью плели венки и воздвигали пьедесталы,— эти *темные личности* точно так же, как и их духовные потомки, дружились и братались с поляками, приготавлившими отторжение пол-России. Подобного унижения, подобной политической безнравственности мы не находим, повторяю, ни в одной стране... («Моск. вед.», 9 июля).

Неужели все это останется безнаказанным? Неужели и это не заставит образумиться? Действительно, подобной безнравственности мы не встречали даже на Западе.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ АГРИППИНА

Петербургская Агриппина воспитала крепостным правом, казарменными экзекуциями, канцелярским унижением и канцелярским нахальством ту кровожадную породу маленьких Неронов, которая тащит за собой старуху от преступления к преступлению, остановиться нет возможности*. У Каткова свой Сенека — Леонтьев, у Муравьева два Сенеки — Катков и Леонтьев. Поздно останавливаться Агриппине, поздно раскаиваться.

Правительство может все делать — вводить смертную казнь, судить людей под сурдинкой, скрывать, за что ссылает на каторгу, выселять целые деревни, класть азиатскую круговую поруку за совершенное преступление... все, *кроме шага к примирению, к врачеванию, к забвению прошлого*. Тут оканчивается материнская власть Агриппины и ее наперсниц, тут она стучается в водяного Нерона на Литве *, в его философов «Моск. ведом.»... а с ними шутить нельзя.

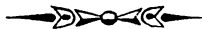
С легкой руки Александра Николаевича, разглаголивавшего на обеде, данном польским солтысам и депутатам из крестьян, о примирении и братстве двух народов *, вздумали в Киеве на обеде пить и есть за то же примирение... но восстал несокрушимый *Юзефович*, ударил в набат «День», и разразились «Московские ведомости»*.

Вот еще образчик из «Моск. ведомостей»:

«Час» в передовой статье своей от 13 июля проповедует помещикам покорность законному правительству, советует положить конец волнениям *не адресами, но делом*, выразить энергически желание успокоения края, принять прямодушно и откровенно указы 19 февраля и *привлечь к себе крестьян* дружелюбным разделом с ними. Читаешь и не веришь: «Час» проповедует прекращение мятежа! Но, вчитываясь внимательно,

вы увидите, что из-под овечьей шкуры выглядывают кровожадные глаза волка. «Час» намерен усыпить бдительность правительства и на почве слияния панов с хлопами приготовить новую революцию.

Нечего сказать, теперь особенно кстати наша «широкая русская натура» набрасывается панам на шею с своими примирительными идеями! Забыли видно: *«Дворянство русское! Плюем тебе в глаза!»* Должно быть, господам миротворцам очень легко обтереть себе глаза и кинуться целоваться с панам-кинжальниками.

ПЛАЧ «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» О ШВАРЦЕ, РАВНОДУШИЕ К ПЕЙКЕРУ

Корреспондент «Московских ведомостей» следующим безмерно наивным образом извещает о смерти Пейкера и Шварца*:

Печальное известие получено сегодня по телеграфу из Влоцлавка от князя Витгенштейна. Вчера, катаясь по реке Висле, утонули: член учредительного комитета д. ст. сов. Пейкер; состоящий при князе Витгенштейне майор Шварц с женою и еще одна дама, г-жа Каблукова. *Описывать заслуги покойного Пейкера не мое дело; но о Шварце могу сказать много...*

И чего тут не прибрал корреспондент: и то, что он открывал революционные почты, и то, что он выловил всех организаторов мятежа в Влоцлавском уезде...

Заграничные польские газеты до того оскорбляли его, что не было слов в лексиконе, которые были бы достаточны для его поругания. Это одно может служить доказательством, в какой степени насолил революционерам этот благородный деятель. Притом он был отлично образован, хорош собою — словом, блестящий молодой человек.

Мы начинаем думать, что несчастный *Пейкер* вовсе никаких полицейских способностей не имел, недаром он так круто обойден.

Шварц был один из свирепейших исполнителей при кн. Витгенштейне. При том самом Витгенштейне, который мужественно стал в защиту телесных наказаний, когда им грозило уничтожение. Как генерал, он любил сечь, как немец, он возвел свою любовь в теорию и напечатал диссертацию в защиту розог. Его диссертация вызвала года три тому назад взрыв

негодования и протест офицеров. *Sed alia tempora*¹, Витгенштейн, автор философии побоев, так же как Белгард, автор восточного циркуляра о наказании сотней невинных за одного виновного*, стали героями дня... за ними мерцают по справедливости их сателлиты — полицейские и всяческие офицеры, исполнители, лазутчики.

Фамилья *Шварц* будит в русском действительно *черные* воспоминания. Шварцем назывался тот страшный семеновский полковник, который доколотил до бунта полк, только что возвратившийся из победоносного и славного похода*.

¹ Но времена другие (лат.).— *Ред.*

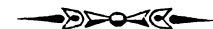

ИМПЕРАТОРСКИЕ САНКЮЛОТИДЫ

«Московск. ведомости» перепечатывают следующую любопытную весть * об учреждении революционного праздника в Литве: «По распоряжению генерал-губернатора Муравьева, во всей Литве будет ежегодно происходить религиозное и гражданское празднество в воспоминание „освобождения Литвы от владычества польского дворянства“. Это распоряжение уже утверждено императором».

Скоро ли на нашей русской улице придут такие праздники?

ШТАБС МИХНО

Приказом Киевского военного округа (27 июня) отданы военному суду пехотного Орловского Паскевичева полка подпоручик *Залесский* и прапорщик *Станишевский* за нанесение раны в голову и ударов рукой по лицу штабс-капитана *Михно* за то, что он сделал Станишевскому выговор за дозволение, данное им политическим преступникам видеться с посторонними лицами*.

Интересны подробности этого дела. Вероятно, Анненков 2 поделится ими с публикой.

НА III ОТДЕЛЕНИЕ III С ЧЕТВЕРТЬЮ

«Сев. пчела» 19/31 июля, парируя доносы «Моск. ведомостей», которыми они защищают *классическое* образование, говорит:

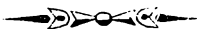
Московская газета избрала себе предметом нападок председатели Ученого комитета, как виновника заразы, и пошла на основании разных слухов кидать «анафемы» во все стороны. Она даже не справилась и не разъяснила, к чему ведет классицизм; она забыла, что *все революционеры* начинают классиками и нигде нет более существенной завлекательности, как на площадях Греции и Рима.

Похвально!

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ СОБРАНИЕ МИНЕРАЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Мы с большим удовольствием узнали из «С.-П. ведом.», 21 июля (2 августа), что астроном-наблюдатель III отдел. действ. ст. сов. и кавалер *М. Хотинский*, слава богу, здоров и участвует в трудах Минералогического общества. Замечательная многосторонность этого ученого изумляет почти столько же, сколько отважность других членов общества, говорящих речи в присутствии такого знатока.

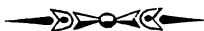
КОМУ СЕЧЬ?

1) Телесное наказание в детском возрасте в известных случаях и в ограниченной мере признается необходимым в целом мире. «Моск. ведом.» № 161.

2) Нельзя оставлять право налагать телесные наказания в руках *волостных судей*, старшин и писарей. № 161.

3) Есть грубые натуры, на которые ничто не действует, кроме телесной боли. № 161.

Еще драть можно и должно, но право это должно быть в руках дворянства.

DIE RUSSEN IN DER SCHWEITZ¹

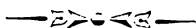
Русская императрица думала провести осень в Швейцарии. Для нее была нанята дача Голдмана в Уши, а для свиты ее hôtel «Beau Rivage». Но императрица раздумала и проведет несколько недель на *Констанцском* озере, куда за нею придет Александр Николаевич. Выбор, конечно, недурен — где же лучше встречаться, как не на озере *Постоянства?* * Но причина того, что государыня не едет в Швейцарию, иная: бдящая о ней свита и русская миссия сондировали кантональное правительство — не выгонит ли оно на время пребывания августейшей купальницы в Уши из кантона поляков и подозрительных русских. Кантон отвечал, что выгнать никого не может, но что готов дать полицейскую охрану. Другие говорят, что Озеров отсоветовал ехать, говоря, что ненадежно.

Мы советуем в отместку россиньевского «Вильгельма Теля» снова в Петербурге давать под названием «Карла Смелого» *.

4 августа арестовали в Цюрихе вора, который выдавал себя за польского выходца, а на деле был русский шпион, у него нашли письма к Шрамму (Schramm) — другому русскому агенту, который хотя и открыт, но не был еще схвачен («Républicain» и «Indicateur de Leman»).

Хотинский, уж и вы не ездите в Швейцарию — что бережно, то не должно!

¹ Русские в Швейцарии (нем.).— *Ред.*

ВТОРОЙ МУРАВЬЕВ И АЛЕКСАНДР ВТОРОЙ

В длинной реляции о проезде государя в Вильне мы находим следующую драгоценную подробность:

Подъехав к Пермскому пехотному полку, государь изволил стать перед ним, скомаандовал «на караул» и, отдав честь начальнику Виленского военного округа, генералу-от-инфантерии М. Н. Муравьеву, поздравил его шефом этого полка; причем благодарил его за труды и самоотвержение, поднятые к умиротворению здешнего края и водворению в нем законности и порядка; в заключение его величество *благоволил сам провозгласить «ура!»*, громогласно повторенное всею свитою и Пермским пехотным полком.

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН В МОЛДОВАЛАХИИ

Читатели «Колокола», вероятно, прочли с сочувствием манифест Кузы об освобождении крестьян. Когда закон обсуждался в Бухаресте министрами, вышла брошюра, обсуживающая вопрос поземельного владения — личного и общинного. Брошюру эту мы получили * при письме, автор посвятил ее нам. С благодарностью, искренней и братской, принимаем мы этот знак сочувствия к началам, которые мы проповедовали всю жизнь. Вот полное заглавие романской публикации: «Bagari di Séma asupra Leges Rurale — dedicata Represintantilor Comunei Russe din Londra». Bucuresci, 1864.

<«КОЛОКОЛ» НА 1865...>

«Колокол» на 1865 будет издаваться на тех же основаниях и в том же духе.

Разнесся слух о прекращении «Колокола»,— вероятно, русская полиция облекла скромное желание свое в выдуманный факт. Сойти со сцены теперь — значит окончательно усомниться в России. Такого торжества мы не дадим еще закоснелым врагам свободного слова в России.

«Колокол», при нашей жизни, только прекратится уничтожением всякой цензуры в России. И то — если это уничтожение будет не австрийское, не прусское, а действительное. До тех пор, кажется, еще много воды утечет.

А. Герцен
Н. Огарев.

10 октября 1864.

ПРИГОВОР ТРУВЕЛЛЕРА

«Юнкер Владимир *Трувеллер* 21 года за распространение напечатанных за границей возмутительных воззваний между нижними чинами фрегата „Олег“, морской генерал-аудиториат приговорил, лишив воинского звания, прав состояния, сослать в каторжную работу в крепостях на *десять лет*». Нелепый срок назначен был, очевидно, чтоб дать случай «всемиловитейшему монарху» уменьшить его на *три* года.

Мы слышали, что у Трувеллера были найдены русские книги и «Колокол». Но какие же воззвания? Трувеллер вел себя с необыкновенной твердостью и благородством.

КЛЕВЕТНИКИ

Частые пожары, и особенно пожар в Симбирске, как и следовало ожидать, снова выдвинул на сцену клеветников, обвиняющих в поджоге поляков и каких-то «молодых людей». На этот раз правительству не пришлось харчиться. Слухи эти разносятся частными средствами даже за границей. Либералы в отставке, радикалы в раскаянии и другие блудные старцы, слезно оплакивающие свое младенческое непониманье Николая, Бенкендорфа, Дубельта и самого великого Аракчеева, ходят из дома в дом, посыпав пеплом главы свои, и повествуют о том, что поляки жгут, а нигилисты раздувают. Как же правительству не сойти с ума с такими подданными! Обвинять теперь в поджоге, когда всякому генерал-губернатору предостав-

лено право пристреливать зажигателей, указывать на поляков, рассеянных правительством по всей северо-восточной России — какое размягчение мозга или какое окаменение сердца для этого нужно? И как их опыт не учит! Где же зажигатели по петербургскому делу? «Колокол» десять раз справлялся об именах, наказаниях. На место лишних людей, праздных людей, у нас являются какие-то гадкие, вредные люди.

— ЕЩЕ ЧАЩЕ —

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ АГИТАЦИЯ И ЖУРНАЛЬНАЯ ПОЛИЦИЯ

I

HERR KATKOFF — LE GRAND ¹

Не будь Катков забрызган Муравьевым и кровью, не попадай яд его чернил в приговоры на каторгу, он был бы самый забавный шут нашего времени. Шутовская сторона его совершенно серьезна, совершенно наивна и потому так неотразимо действует на нервы.

Плохой профессор, он, оставляя кафедру *, вынес из своей школьной деятельности учительский тон, тяжелый педантизм, напыщенную надменность и с ними пустился проповедовать конституционный либерализм *. После смерти Николая это было новостью в русской печати — его стали читать. Как только он заметил это, он, с своей стороны, перестал писать, а начал отечески *внушать* или начальнически *распекать*. Можно было догадаться, что, если и затем какой-нибудь дерзновенный не послушается, учитель пойдет по начальству, т. е. донесет. Так, как он это и сделал после петербургских пожаров.

Пожар этот был счастливейший день в жизни Каткова. Отсюда начинается государственная карьера его. Правительству, обществу надобно было кого-нибудь обвинить в пожарах — Катков обвинил литературных врагов своих. Такой от-важный человек для правительства был клад.

Либеральный публицист, выдвинутый из третьих, четвертых рядов на авансцену, начал с того, что бросил за борт либерализм, конституционализм, поклонение Европе и пр. и вне-

¹ Господин Катков — Великий (нем. и франц.).— *Ред.*

запно почувствовал себя неистовым патриотом, неистовым самодержистом, террористом и пошел проповедовать Муравьева, русификацию, конфискацию...

Правительство тогда еще не умело твердо ходить в крови, поддержка в общественном мнении была ему нужна, оно приласкало его. В средние века верили, что прикосновение короля лечит от золотухи, у нас до чего бы правительство ни коснулось — вконец портится. Катков, прежде того знавший, что он великий человек, почувствовал себя теперь *чиновно великим человеком*, Сперанским-Гизо, которого личность исчезла в великих государственных интересах до такой степени, что каждое слово против него казалось ему государственной изменой, преступлением против первых двух пунктов.

К тому же пришла грубая лезть экс-крепостников. Чему *они* обрадовались — я не знаю. Кого-то наказывают... а Катков кричит: «Покрепче, не жалея его», этого для утративших право на розги было достаточно, чтоб есть за его здоровье кулебяки¹. Катков, демагог против польского дворянства, почувствовал себя столбовым вельможей и явился защитником русских помещиков против черни.

Все это вместе окончательно свело его с ума. Он начал таять в себе, лакомиться собой, сделался аутогастрономом, говорил «мы», когда шла речь о всей империи и корчил из себя Годунова, отказывающегося от престола. Скромно опуская бесцветные глаза, лепетал он с каким-то жгучим самосладострастием: «Полноте, отстаньте, не мне, не мне... я только лучше выразил мысль России, вашу мысль — что же бы я сделал без Михаила Николаевича и без Александра Николаевича, благодарите их, а не меня, я принес одну любовь... одну любовь к истреблению Польши».

Сила, энергия и *мысль*, Александр, Муравьев, а над ними Катков и Леонтьев, из него исходящий.

¹ Скромный Катков, заявляя знаки горячей преданности к его особе разных губернских и московских Собакевичей, Ноздревых и Пеночкиных, не упомянул ни разу об адресах, заявляющих во имя части дворян такой-то и такой-то губернии, что их против воли замешали в усердный муравейник, изъявлявший генералу-редактору тук своих чувств. А на одном протесте было, говорят, сорок подписей.

Но величие имеет свои неудобства. Слава Каткова гремит по миру, все смотрит на него, все спрашивает, кто это превыше пирамид *, заслоняющий собой Александра, озаряющий собой Михаила? Немцы пишут об нем брошюры, Бельгия печатает об нем книги * ... скромность страдает, и вот наш журнальный Саул в бешенстве берет перо и пишет в 195 № «Моск. ведом.»:

Мы должны, наконец, сообщить нашим читателям известие о весьма интересном явлении, возникшем на политическом горизонте Европы: это явление — *мы*. С некоторых пор мы стали предметом внимания, изучения и агитации, гласной и негласной, предметом корреспонденций и передовых статей в заграничной печати, наконец, предметом книг. Удивительные легенды появлялись о нас в серьезных заграничных журналах; европейской публике сообщалось, например, что в отдаленной и холодной России народился дракон, которому имя Herr Katkoff, что он сидит в Москве и оттуда производит свои опустошительные набеги, что целая страна изнывает под его железным игом и слезно молит, да изведет ее бог из этой тесноты и да явится из-за моря святой Георгий поразить это чудище на радость и ликования русского народа. Читатели могут подумать, что мы шутим; мы серьезно уверяем их, что подобные легенды появлялись в заграничных журналах. Мы не передаем их в буквальном переводе, единственно по крайнему неудобству сделать это, *так как наше имя является тут в самых невозможных сопоставлениях*. (Вот оно, где камрадерия-то с государем и Муравьевым.) Наше имя ничего не значит; без всякого затруднения, неудобства и неприличия оно может быть употребляемо во всякого рода пасквилях и пуфах, из какого бы источника они ни происходили; но есть имена, перед которыми должен бы остановиться всякий, даже самый бессовестный интриган и которыми нельзя помыкать даже в заграничной печати. Мы читали эти сказания со смехом, поскольку они касались нас, но и не без прискорбного чувства — не за себя; мы молчали об этих сказаниях, потому что век их был недолог; день приносил их и день уносил.

Молодец... Зачем же он эту вдохновенную статью не прислал в «Колокол»? Злее против него ничего никто не писал, а пройдет *день* — никто и писать об нем не станет.

II

РУКА ВСЕВЫШНЕГО БРОШЮРУ РАЗБРОСАЛА!*

Вымывшись в лучах своей славы, Катков и не подумал отдышать, а сейчас бросился на брошюру Шедо-Ферроти, изорвал ее в куски и по дороге меня укусил за ногу * — Муравьев да и

только! Брошюру Шедо-Ферроти я еще не читал, но из трех ¹ статей «Моск. ведом.», неимоверной длины и бестолковости, явствует, что Шедо-Ферроти, отдавая полную справедливость Каткову за то, что он стер меня с лица земли *одной статьей* (чему Катков верит), далеко не так одобрительно смотрит на методу натравливания на Польшу, мешающую правительству идти больше человеческими путями. Тут было задето все святое для Каткова — Муравьев и он сам. Уязвленный, он вскочил и *срезался*. В его длинных статьях слышится бессильный вой зверя, попавшего лапой в капкан.

Брошюра Шедо-Ферроти «была *незримой* рукой разбросана по России»... Чья же это рука — рука «Земли и Воли», «Польского Жонда», «Великоруса»? Нет, тут, сдается, какая-то *третья* рука*.

Нам просто кажется, что Александр Николаевич жизни не рад, что попал в патристическую галерею, и не знает, как от нее отделаться. Около него явным образом реакция против людоедов. Но он их боится, да и как не бояться людоедов. Пути, цели у него нет. Его уверили, что для спасения России ему надобно быть Нероном в Польше, он согласился; но ведь à la longue так же скучно против своей воли быть Нероном, как Нерону, может быть, было бы скучно ездить на развод и к немецким родственникам в гости. Как быть? А вот средство — начать литературную агитацию против Каткова да ею самого себя и убедить.

Катков с ужасом почуял конец Муравьеву, казням, себе и, верный нравственным основам своим, *донес* на высочайшую агитацию, на *незримую* руку.

Пушкин прав — все изменяется под нашим зодиаком, Лев становится, как ничего, Козерогом... *

¹ Третья статья в 197 № «Моск. ведом.» в форме письма из провинции особенно замечательна сельской простотой; в ней, например, говорится в доказательство образования владимирских крестьян, что «в одном селе, где находится особое общественное здание, род клуба, в котором получают журналы и, между прочим, *три экземпляра* „Моск. ведом.“». «Провинциал» еще наивнее выразился о государе, он так-таки его и назвал костью между Шедо-Ферроти и Катковым, да еще какой — «Кость, — говорит он, — наших костей».

Зачем столько крови и ужасов мешают хохоту — хохоту без конца?

Проходит праздник на катковской улице, не нужно больше барабанщика при палаче, казни надоели, всю мерзость отбросить на Каткова с Муравьевым, а их, выжатые лимонные корки, за окно! За что же Катков пожертвовал всем — Гнейстом, английской законностью, религией немцев и всем, что есть человеческого в сердце человеческом?

•

ПИСЬМА К ПРОТИВНИКУ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Сегодня первое тихое утро после свиданья с вами и ряда наших разговоров. Я перебрал слышанное от вас и старался, насколько мог, спокойно обдумать и привести в порядок сказанное вами. Мы как-то сбиваемся на генерала Ли и генерала Гранта, служа оба двум *распавшимся частям одного целого*: мы, как они, ничего не уступаем и, как ни меняем позиции, все находимся во враждебном положении. Мне кажется, что с нами может случиться то же, что с ними почти наверное будет, т. е. что мир заключат другие за спиной нашей, пока мы будем продолжать старую войну.

Принимаясь за перо, я не имею притязания вас победить, ни предчувствия быть побитым вами; но полагаю, что если мы и не дойдем до общего пониманья, то все же не будет бесполезно определеннее высказаться. В два последних года все понятия и оценки, все люди и убеждения так изменились в России, что не мешает напомнить друзьям и противникам, *кто мы*. Пусть одни хвалят, другие бранят, зная, кого они гладят по голове и кого бьют.

Я вас слушал честно и добросовестно, но вы не убедили меня, и это не личное упрямство и не упорство партии. Объективная истина для меня и теперь так же свята и дорога, как во времена юных споров и университетских препинаний. Мне не надобно было внешнего побуждения, чтоб заявить в пятидесятых годах, насколько я ошибался в споре с нашими славянами *, и я не очень испугался западных авторитетов, обличая и уличая их революционную несостоятельность, так, как она мне раскрылась в 1848 г.

Ваше оправдание тому, что в России теперь делается, я решительно отвергаю. Из глубины моей совести, из глубины моего сердца подымается крик протеста и негодования против казней в Польше, против террора в России, против мелких преследований и добиваний после победы, и, само собой разумеется, еще больше против всякого посягательства их оправдывать. Защищающие дикую расправу правительства «из высших государственных интересов» берут на себя страшную ответственность за растление целого поколения. Оправдание того, что делается в России, не в смысле объяснения причин, а в смысле сочувствия и солидарности, ниспровергает всякое простое, прямое человеческое понимание, всякую нравственность и тем больше оскорбляет, что оно вовсе не нужно. Дикая сила имеет верх, и того с нее довольно; какие оправдания нужны напору стихий, сибирской язве, наводнению?

Это я должен был заявить с самого начала, об остальном я готов рассуждать с вами. Тут я не сделаю ни одной уступки и не имею права. Я не настолько религиозен, чтоб с холодной улыбкой шагать через трупы и назидательным взглядом укора провожать мучеников мысли и преданности на виселицу и каторгу.

Затем мне хотелось бы также в самом начале указать, в чем мы согласны. Если б у нас не было ничего общего, то о чем же нам было бы говорить? Мы махнули бы друг на друга рукой и пошли бы один в свою сторону, другой в свою.

Действительно, трудно себе представить двух человек, которых весь нравственный быт и строй, все святое святых, все идеалы и стремления, все упования и убеждения были бы до такой степени противоположны, как у меня с вами... мы люди разных миров, разных веков, и при всем том и вы и я *служим одному делу*, преданы ему искренно и такими признаем друг друга.

Разными путями дошли мы до *одной точки*, в которой согласны. Я знаю, что вы не допустите возможности не одинаким образом доходить до истины, но факт против вас. *Исторически* почти все истины открывались путем ломаным, кривым, фантастическим; однажды сознанная истина освобождается от случайных эмбриогенических путей и получает не только

признание помимо их, но и примыкает к методу — вместо личного, относительно случайного проселка, она потом создает свой логический, широкий путь.

Нас занимающий вопрос не в теории и не в методе, нас занимает практическая, прикладная сторона его. Дело для нас не в точке отправления, не в личном процессе, не в диалектической *драме*, которыми мы отыскиваем истину, а в том, *истинна ли истина*, которая стала нашей плотью и кровью, нравственным основанием всей жизни и деятельности, и верны ли пути, которыми мы осуществляем ее. Что слово *драма* или *роман* идут к процессу развития живых учений, это мы знаем по опыту. Вспомните борьбу славянофилов с нами в сороковых годах и сравните ее с тем, что теперь делается. Два противоположные стана, как два бойца, переменили в продолжительном состязании место, перемешали оружия. Славянофилы сделались западными террористами, защитниками немецких государственных идей — а часть западников (и мы в том числе), отрекаясь от *salus populi*¹ и кровавого прогресса, стоим за самоправность каждой области, за общину, за право на землю. При этом кружении, при этом обмене сторон и оружий осталась неизменной та точка, около которой совершилось все это. Мое воззрение отчасти вам известно, я думаю, что знаю ваше, а потому *точку* определить не трудно. Господствующая ось, около которой шла наша жизнь — это *наше отношение к русскому народу, вера в него, любовь к нему* (которую я так же, как и «День», не смешиваю с больше и больше ненавистной мне добродетелью патриотизма) и *желание деятельно участвовать в его судьбах*.

Любовь наша не только физиологическое чувство племенного родства, основанное исключительно на случайности месторождения, она, сверх того, тесно соединена с нашими стремлениями и идеалами, она оправдана верой, разумом, и потому она нам легка и совпадает с деятельностью всей жизни.

Для вас русский народ преимущественно народ *православный*, т. е. наиболее христианский, наиболее близкий к *веси небесной*. Для нас русский народ преимущественно *социальный*,

¹ блага народа (лат.).— *Ред.*

т. е. наиболее близкий к осуществлению одной стороны того экономического устройства, той *земной всси*, к которой стремятся все социальные учения.

Не мы перенесли на народ русский свой идеал, и потом, как это бывает с увлекающимися людьми, сами же стали им восхищаться, как находкой. Мы просто встретились. События последних годов и вопросы, возбужденные крестьянским делом, открыли глаза и уши слепым и глухим. С тех пор, как огромная северная лавина двинулась и пошла, что б ни делалось, даже самого противоположного в России, она идет от одного социального вопроса к другому.

Социалист я не со вчерашнего дня. Тридцать лет тому назад я высочайше утвержден Николаем Павловичем в звании социалиста — *cela commence à compter*¹. Через двадцать лет я напомнил об этом его сыну в письме, которое вы знаете *, и через десять других говорю вам, что я решительно не вижу выхода из всеобщего импаса² образованного мира, кроме старческого обмиранья или социального переворота — крутого или идущего исподволь, нарастающего из жизни народной или вносимого в нее теоретической мыслью — все равно. Вопрос этот нельзя обойти, он не может ни устареть, ни сойти с очереди, он может быть оттерт, заставлен другими, но он тут, как скрытая болезнь, и если он не постучится в дверь, когда всего меньше думают, то постучится смерть.

Политическая революция, пересоздающая формы государственных, не касаясь до форм жизни, достигла своих границ, она не может разрешить противуречия юридического быта и быта экономического, принадлежащих совершенно разным возрастам и воззрениям, — а оставаясь при их противуречии, нечего и думать о разрешении антиномий, и прежде существовавших, но теперь пришедших к сознанию — вроде безусловного права собственности и неотрицаемого права на жизнь, правомерной праздности и безвыходного труда... Западная жизнь, чрезвычайно способная ко всем развитиям и улучшениям, не касающимся первого плана ее общественного устройства,

¹ с этого начинается счет (франц.). — *Ред.*

² тупика (франц. *impasse*). — *Ред.*

оказывается упорно консервативной, как дело доходит до линии фундамента. Феодално-муниципальное устройство его стоит твердо и втесняет себя уж не как разумный или оправданный факт, а как существующий и привычный. За городовым валом своим он не боится сельской нищеты и полевого невежества окружающих его. Против оторванных от земли, против номадов цивилизации, сражающихся с голодной смертью, он защищен — армией, судом, полицией. Внизу — готизм, католицизм, пнетизм и детское состояние мозга. На вершинах — отвлеченная мысль, чистая математика революции, стремящаяся примирить безумие существующего с разумом водворяемого компромиссом между готизмом и социализмом. Этот half-and-half¹ и есть *мецанское государство*.

Когда я спорил в Москве с славянофилами (между 1842 и 1846 годами), мои воззрения в основах были те же. Но тогда я не знал Запада, т. е. знал его книжно, теоретически, и еще больше я любил его всею ненавистью к николаевскому самовластью и петербургским порядкам. Видя, как Франция смело ставит социальный вопрос, я предполагал, что она хоть отчасти разрешит его, и оттого был, как тогда называли, *западником*. Париж в один год отрезвил меня — зато этот год был 1848. Во имя тех же начал, во имя которых я спорил с славянофилами за Запад, я стал спорить с ним самим.

Обличая революцию, я вовсе не был обязан переходить на сторону ее врагов — падение февральской республики не могло меня отбросить ни в католицизм, ни в консерватизм, оно меня снова привело *домой*.

Стоя в стану побитых, я указывал им на народ, носящий в быте своем больше условий к экономическому перевороту, чем окончательно сложившиеся западные народы. Я указывал на народ, у которого нет тех нравственных препятствий, о которые разбивается в Европе всякая новая общественная мысль, а, напротив, есть *земля под ногами* и вера, что *она его*.

И вот пятнадцать лет я постоянно проповедую это. Слова мои возбуждали смех и негодование, но я шел своей дорогой. Пришла Крымская война, смех заменился свистом, клеветой...

¹ смесь в равных количествах (англ.).— *Ред.*

но я шел своей дорогой. По странной иронии мне пришлось на развалинах французской республики проповедовать на Западе часть того, что в сороковых годах проповедовали в Москве Хомяков, Киреевские... и на что я возражал.

Год тому назад я встретил на пароходе между Неаполем и Ливорной русского, который читал сочинения Хомякова в новом издании. Когда он стал дремать, я попросил у него книгу и прочел довольно много. Переводя с апокалиптического языка на наш обыкновенный и освещаая дневным светом то, что у Хомякова освещено паникадиллом, я ясно видел, как во многом мы одинаким образом поняли западный вопрос, несмотря на разные объяснения и выводы. Патологическое описание Хомякова верно, но из этого не следует, что я согласен с его теорией и с его объяснениями зла. То же самое в его оценке бытовых элементов русской жизни, на которых возникает наше развитие. Хомяков, например, полагает, что вся история Запада, т. е. почти *вся* история полутора тысячи лет, не удалась оттого, что германо-романские народы приняли католическую веру, а не греческую, и дает чувствовать, что спасение их собственно возможно на том основании, на котором у нас берут во двор немецких принцесс при перемене одного христианского исповедания на другое. Я считаю, что такие длинные, хронические болезни далеко не излечимы такими простыми, *симпатическими* (как говаривали встарь) средствами, ни таким гомеопатическим вышибанием клина клином. Вообще я ни прежде, ни теперь не мог понять, отчего все христианство за стенами восточной церкви *не христианское* и отчего Россия представляет учение о свободе (разумеется, не на практике...), а Запад — учение, основанное на необходимости. Это становится еще темнее, читая католические любезности той же пробы насчет схизматиков...

...На этом месте меня застало ваше письмо... Оно изменяет температуру. Из вашего письма и из его сильного одушевления я вижу, что был совершенно прав, «отмахиваясь» от богословско-метафизической контроверзы. Я знал, что она не приведет к добру и не принесет того огня, который светит и греет, а раздует тот, которым жарили еретиков и неверующих.

Делить людей на агнцев и козлов — дело не хитрое и не новое; ставить в одну категорию всех людей религиозных и

преимущественно православных, а в другую всех остальных и преимущественно материалистов—легко. Жаль только, что это деление имеет один важный недостаток — полнейшую неверность в практике. Вам, как всем идеалистам и теологам, это все равно, вы строите мир а priori, вы знаете, какой он *должен быть* по откровению,— ему же хуже, если он не такой, какой должен быть! Если б вы были просто наблюдатель, вас остановили бы факты, противуречающие вашему мнению, они заставили бы вас возвратиться к перебору начал и решить, история ли и жизнь нелепы, или учение ложно. Уверенные в непогрешительности учения, вы шагаете через. Что вам за дело, что возле мартилога христианства — мартилог революции! История вам указывает, как язычники и христиане, люди не верившие в жизнь за гробом и верившие в нее, умирали за свое убеждение, за то, что они считали благом, истиной или просто любили... а вы все будете говорить, что человек, считающий себя скупением атомов, не может собою пожертвовать; а человек, который считает свое тело искусными, но презренными ножами души, жертвует собой по праву, несмотря на то, что история вовсе не доказывает, чтоб материалисты 93 года были особенные трусы, а верующие по ремеслу — попы, монахи — были бы (кроме Польши) особенно падки на самоотвержение и героизм. Дело в том, что все эти *первые мотивы* и метафизические мирозерцания вовсе не имеют такого решительного и резкого влияния на характер и действия, как вы полагаете. Большое счастье, что голод и жажда развиваются прежде, чем человек обдумает, стоит ли кормить ничтожные атомы и достойно ли поить презренные ножны. Привычка сделана, и еда идет своим чередом, а трансцендентальная психология своим. Матери не нужно ни религии, ни атеизма, чтоб любить своего ребенка; человеку вообще не нужно ни откровений, ни сокровений, чтоб быть привязанным к своей семье, своему племени и, если случится, вступить за них; а кто вступает, тот иной раз ложится костями — из ничтожных ли атомов они или из творческого вовсе ничего, это все равно.

Обо всем этом можно наговорить бездну интересных вещей, бездну вещей давно сказанных, не говоря ни слова о русском вопросе, который меня занимает гораздо больше этих безвы-

ходных параллелей, в которых можно биться до конца жизни, не двигаясь ни на шаг и не выплывая на берег.

Вы находите, например, непоследовательным, что человек, не верующий в будущую жизнь, вступает за настоящую жизнь ближнего. А мне кажется, что *только он* и может дорожить *временной* жизнью своей и чужой; он знает, что лучше этой жизни для существующего человека ничего не будет, и сочувствует каждому в его самохранении. С теологической точки зрения смерть представляется совсем не такой бедой; религиозным людям была нужна заповедь «не убей», чтоб они не принялись людей спасать от греховного тела, смерть, собственно, одождает человека, ускоряя его вечную жизнь. Грех убийства состоит вовсе не в акте плотоумертвления, а в самовольном повышении пациентов в высший класс. Наши вешающие генералы с религиозной точки легко оправдываются, они отсылают подсудимых в высшую инстанцию, там они могут оправдаться и чем невиннее окажутся, тем лучше будет их судьба. Вы дивитесь, почему мы дорожим так кровью, будучи «материалистами» (я для вас повторяю это слово, оно и не выражает дела и очень школьно), — из этого ясно, что вы, с вашей точки, имеете полное право сострадания, — отчего же вы им не пользуетесь? Отчего я в ваших словах, в вашем письме не видал ни одного слова участия и сострадания к казнимым, к идущим на каторгу? Почему вы думаете, что все это виновные, как будто бывают тысячи виновных, как будто в числе казнимых нет людей, чисто преданных своему делу?.. Да и, наконец, если б все были виноваты, кто же за их вину вас-то наказал безучастьем к судьбам их? Отчего вы вообще гораздо больше заняты определением *вменений*, наказаний, чем оправданием обвиняемых?

Вы меня даже спрашиваете, какими нравственными наказаниями я заменяю телесные и не телесные ли наказания тюрьма, ссылка и пр., как будто я когда-нибудь брался, как князь Черкасский, находить детские или старческие, светские или духовные розги и их эквиваленты? Из того, что я говорил о нечеловечности, о гнусности полосовать человеку спину за прошлый поступок, не следует вовсе, что я тюрьму считаю умной и рациональной, а штраф справедливым.

— «Хотите уничтожения холеры?»— Без сомнения.

— «Но какой же заразой ее заменить? И легче ли будет новая зараза?»— Такого вопроса ни один доктор не разрешит.

Розги и тюрьмы, грабеж судом выработанного и насильственная работа виновного — все это *телесные* наказания и могут быть только заменены иным общественным устройством.

Материалист Оуэн не искал ни преступников, ни наказаний, ни уравнений между кандалами и побоями, а думал, как найти такие условия жизни, которые не наводили бы людей на преступления. Он начал с воспитания; испуганные безнаказанностью детей, пиеетисты закрыли его школу.

Фурье попытался самые страсти, причиняющие в своем необузданном и вместе с тем стесненном состоянии все преступные взрывы и отклонения, направить на пользу общества — в нем заметили одну смешную сторону...

Целые страны существуют без телесных наказаний, а у нас еще ведут контроверзу о том, сечь или не сечь. Если сечь — чем сечь? Если не сечь — сажать ли на цепь или в клетку?.. Что лучше — розга или клетка?.. Какова клетка, какова розга? Детская розга хороша, а детская клетка никуда не годится.

«Уничтожение наказаний невозможно», — скажете вы с точки зрения религии, которая сделала себе специальностью все прощать, все прощать. Может быть — но ведь из этого не следует, что наказания надобно выдавать за правду, а за то, что они есть — за печальную необходимость, за несчастное последствие. О самих вменениях хлопотать нечего, они найдутся. Пока будет судейское ремесло, пока останется кровавый кодекс общественной мести и средневековое невежество масс, хирург правосудия — палач — не умрет без работы.

Но оставимте, наконец, все эти общие диссертации, я еще раз «отмахиваюсь» от них и перехожу к нашим домашним делам.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Вы строго нас судите. «Ваша пропаганда, — говорите вы, — подействовала на целое поколение, как гибельная, *противуестественная привычка*, привитая к молодому организму, еще не успевшему сложиться и окрепнуть. Вы иссушили в нем

мозг, ослабили нервную систему и сделали его не способным к сосредоточению, выдержке и энергической деятельности... Причина всему этому злу — *отсутствие почвы*, заставляющее вас продолжать без веры какую-то *революционную чесотку*, по старой памяти» *.

Что у нас есть *почва* и даже отчасти общая с *вами*, я вам сказал. Мы на нашей почве, очень реальной, стоим очень реально; почва обыкновенно бывает под ногами; у вас есть другая над головой; вы богаче нас, но, может, поэтому земные предметы вам представляются обратными.

Что касается до «чесотки», об ней поговорим после, а теперь позвольте вас спросить: да в самом ли деле у нового поколения иссушен мозг и ослаблена нервная система, в самом ли деле оно не способно к *выдержке* и *энергии*? Я ставлю сильный вопросительный знак.

Как бы нам, старикам, не пришлось себя винить в противуестественных привычках, вместо молодого поколения? И вы и мы по положению, по необходимости были рефлектерами, резонерами, теоретиками, книжниками, *тайнобрачными* супругами наших идей. Все это было уместно, необходимо после перелома русской жизни в 1825 году; надобно было сойти поглубже в себя, добраться до какого-нибудь света, все это так — *но энергией, но делом, но мужеством* мы мало отличились. Вы скажете, что, когда нет войны, нет и случая показать свою военную отвагу, — без сомнения, но нечего же и бросать камня в юношей, рвущихся на бой, за то, что они пошли слишком задорно и, главное, не дочитали своих учебников. История и география вещи хорошие, но за их незнание нельзя предавать целое поколение проклятию и, разодравши сертуки наши, с злобной радостью видеть, когда его посылают на какому-нибудь торгу. В 1812 году мальчишки шли на войну, и никто не бранил их за то, что они, не кончив курса, брали георгиевские кресты.

Невежество — там, где оно не роковая необходимость, а следствие лет и небрежности, — я, конечно, ненавижу не меньше вашего; но, во-первых, я желал бы знать, что вы разумеете под невежеством? Изучение филологии, *классическое* образование составляли прежде все образование; теперь больше других специалистов; теперь больше занимаются естественными

науками. А во-вторых, есть в истории народов полосы, в которые пульс усиливается и мешает обыкновенному строю, в котором все кругом колеблется, изменяется, другие потребности овладевают умами, чем во времена застоя, и увлекают их. Россия явным образом в этом положении с Крымской войны. Спокойно, кабинетно заниматься вряд было ли возможно не только молодежи, но и седым головам.

Нам учиться был страшный досуг. Мы, кроме книги, ни за что и не брались, мы удалялись от дела, оно было или так черно или так невозможно, что не было выбора; люди, как Чаадаев, как Хомяков, исходили болтовней, ездили из гостиной в гостиную спорить о богословских предметах и славянских древностях. Мы все были отважны и смелы только в области мысли. В практических сферах, в столкновениях с властью являлась большей частью несостоятельность, шаткость, уступчивость. Хомякову было за сорок лет, когда ему Закревский велел обречься, и он обрелся*. Бывши под следствием в 1834 году, я скрывал свои мнения, мои товарищи тоже. Не знаю, что скажут другие бывшие по крепостям и призываемые в III отделение, но мне кажется, что после декабристов до петрашевцев все лыняли. Самая революционная натура николаевского времени, *Белинский*, и он был сведен на эстетическую критику, на Гегелеву философию и дальние намеки.

Все печально сидело по щелям, читало книги, писало и, по большей части украдкой, показывало потом статьи. Вдруг, когда всего меньше ждали, в петровском тюремном корабле открылась течь. Обезумевший шкипер первый растерялся и умер. Среди мрачной и мертвой тишины весть о его смерти сверкнула молнией и все зашевелилось, подняло голову, подняло голос, все были готовы ринуться, исполненные надежд, ожиданий... Куда?.. Этого еще никто не знал, а только спрашивали: когда же? что же?.. да скоро ли?

Минуты великие, в которые начинается пробуждение целой страны, на вершинах всех слоев занимается заря... и все чувствуют, что начинается другое время, новый день...

И вы могли думать, что молодежь, что шестнадцати-семнадцатилетние юноши останутся спокойно и благонаравно доучиваться с тем втесненным безучастием к жизни и отчаянным

усердием, с которым мы сидели на университетских лавках? И это несмотря даже на то, что у них не было больше профессоров, как Грановский, и со всех сторон врывается в аудиторию говор об общественных делах? Какой же вы плохой знаток человеческого сердца!

Что, собственно, вас сконфузило и испугало? Что студенты стали делать сходки, посылать депутатов к начальству, говорить речи? Отчего же студентам не делать сходки? Зачем молчание монастыря, передней или фрунта? Больных в комнате не было, а была горячая молодежь, которой разрешили немного погромче говорить. Зачем вы и ваши друзья принесли на эти весенние праздники угрюмую фигуру недовольных учителей, монахов на пирушке? Зачем вы видели в этом естественном взрыве молодых сил один беспорядок и нарушение строя (и какого строя!)? Зачем в языке, который обращался к молодежи, был слышен клерикальный и начальнический тон? Одно мягкое братское слово могло сделать больше впечатления, чем томы черствых проповедей. Вы оскорбили молодежь безучастием и порицанием в минуты дорогие для нее. Чему же удивляться, что и та часть ее, которая слушала вас прежде, отстранилась и ускользнула от вас?

Новые деятели, выступившие на сцену, мало-помалу оставленную старыми актерами, испугавшимися, что пьеса, которую они весь век представляли, начинает превращаться в быль, двинули молодежь в ином направлении, и если они меньше учили ее по книге, то учили больше примером. Оттого молодое поколение стало складываться с большим мужеством, с большей выдержкой и с большей готовностью на бой — вам это может не нравиться, но все же это совершенно противоположно той *энервации*, о которой вы говорите.

Хотите примеры, я вам напомним три-четыре случая, известные всей России; мало их, я готов привести двадцать. Боюсь одного, что они не подействуют на вас: для того, чтоб вы оценили подвиг преданности, любви, вам надо, чтоб он был в чьей-нибудь минеях или по крайней мере в Болгарии или Сербии, а это все примеры светские, петербургские и иногородные.

Перед каким-нибудь римским центурионом *, смело читавшим «запрещенные» молитвы, не боясь ни своего легионера, ни

диких зверей, религиозные люди умиляются тысячу восемьсот лет; а когда гардемарин *Трувеллер* прямо и открыто говорит: «Да, я давал эти листы, эти книги солдатам, потому что в них заключается правда»; или, когда *Сливицкий* на вопрос, кто писал письмо, служившее единственным доказательством против него, говорит, что писал письмо он и подписывает его, зная, что он подписывает свой приговор; когда *Муравский*, больной, без всяких средств, встает перед судьями и говорит им все, что накипело в его душе,— тогда почитатели центуриона называют это мальчишничеством, дерзостью, западной демонстрацией.

Что, *энервированный* Михайлов просил пощады? Обручев валялся в ногах царя? Чернышевский отрекся от своих убеждений? Нет, они ушли на каторгу с святою нераскаянностью. И у Мартьянова нервы не особенно были слабы, когда, обиженный враждебным отношением всей Европы к России, он предал сам себя земскому царю.

Я ни в тридцатых, ни в сороковых годах не помню ничего подобного.

Двенадцатого апреля 1861 года русская земля обагрилась русской кровью *. Пятьдесят крестьянских трупов легло на месте, восемьдесят тяжело раненных умирали без всякой помощи по избам. Фанатик, который их вел, простой крестьянин, как Мартьянов, веровавший в земского царя и золотую волю, был расстрелян Апраксиным. С казни Антона Петрова началась та кровавая полоса нового царствования, которая с тех пор, не перемежаясь, продолжается и растет, но не одна она. С этой же казни начался мужественный, неслышанный в России протест, не втихомолку, не на ухо, а всенародно, в церкви— на амвоне. Казанские студенты служили панихиду по убиенным, казанский профессор произнес надгробное слово *. Слабодушным этого поступка назвать нельзя.

Публицист, не имеющий возможности при капризной цензуре нашей сказать свое слово о крестьянском вопросе, печатает свою брошюру в Германии, подписывает ее, говоря в предисловии, что настала пора открытых поступков... Публицист этот третий год уже ждет в каземате приговора на каторжную работу *.

Где же доказательства той нравственной распущенности, той неспособности к энергическому делу, в которой вы обвиняете

молодое поколение? Из-за чего вы так осерчали против него? Неужели только из-за того, что оно мало и дурно учится? У нас покой века учились мало и скверно, и неужели молодежь, шедшая в юнкера и выходявшая из кадетских корпусов, училась больше? Отчего же вы об ней не кручинились?

Правительство гонит молодое поколение потому, что оно его боится, оно уверено, что пожар был от «Молодой России» * и что еще две-три прокламации — и в Петербурге настал бы 93 год. Правительство до «Молодой России» и после «Молодой России» вовсе не похожи друг на друга — она действительно произвела переворот. Министры прогресса и директоры либерализма, гуманная полиция и столоначальники освобождения — все исчезло, как прах, от ужаса и слов «Молодой России». Правительство стремилось возвратиться в николаевскую смиренную гавань... По счастью, к ней плыть было тоже страшно, и оно остановилось, как пароход без угля и парусов, со всеми неудобствами качки, но без движения вперед. Страх, наведенный небольшой кучкой энергической молодежи, был так велик, что через год Катков поздравлял правительство и всю Россию с тем, что она миновала страшную революцию. Гонения правительства, стало быть, объяснены — у страха глаза велики.

Вы совсем в другом положении. Вы уверены, что всякая революционная попытка в России невозможна, что «русский народ не пойдет против своего царя, что дворянство без него бессильно и что надобно быть поврежденным, чтоб предположить, что несколько студентов, не кончивших курс, сделают в России переворот прокламациями à la Babeuf» *. Прекрасно, ну так и оставьте это бессилие и не делайте из него силу. Люди настолько в самом деле становятся сильны, насколько сами верят и верят их окружающие.

— «Да, но они ошибаются, их надобно поставить на путь истинный», — но ведь ошибаются и те, которые столы вертят и которым Юм ходит по голове, что же вы не направите паяльную трубку вашу на них?

Если вас испугал самый факт «подпольной литературы», то это только доказывает нашу великую девственность в этих делах. В какой же стране, где существовала цензура и прави-

тельственный произвол, когда в ней возбуждалось умственное движение и желание воли, не было тайных типографий, тайного распространения рукописей? Это такой же естественный факт, как печатание за границей, как эмиграция. Все христианство распространилось подпольной литературой, вроде нашей раскольнической.

Нет, тут что-то другое, все это не объясняет священного гнева вашего. Уж не особенно ли сердит вас *то учение*, которое легло в основу нового направления?

Не гоните ли вы в молодом поколении *материализм*, так, как гоните в поляках *католицизм*?

В раздражении вашем, в том, что вы меня обвинили, что я губельно подействовал на целое поколение, нет ли у вас особого чувства *dépit*¹, от которого надобно чрезвычайно остерегаться и в котором невольно лежит сознание, что ваша пропаганда, несмотря *ни на тяжелые беседы, ни на нелегкие дни* *, не имела никакого успеха в молодом поколении, не соблазнила бы его без патриотических комфортативов. Если б я выражался с той патологической откровенностью, с которой вы выражаетесь, я сказал бы, что вас приводит в гнев то, что наша *революционная чесотка* взяла верх над *богословскими паршами* светских пастырей наших, идущих по стопам богоотец своих Магницких, Руничей и пр.

Беспощадным порицанием молодого поколения вы оканчиваете схоластическую контроверзу, а правительство находит в нем оправдание своим гонениям. Вы сердитесь диатрибами, а правительство каторгой, казнями. Неужели вам может нравиться этот неровный бой? Воля ваша, а это дурной метод вести учено-богословские споры!

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

С тою же несправедливостью, но с гораздо большей жестокостью отзываетесь вы об молодых офицерах, писавших к нам из Польши. Офицеров всегда строже наказывают военные судьи, но мы с вами статские.

¹ досады (франц.). — *Ред.*

Чудеса наделало петровское воспитание, оно лишило нас всякого смысла свободы и независимости. Нашей освобождаемости едва хватило на пять лет, следовавшие за смертью Николая. Стоило наткнуться на две, на три прокламации, на матрикулы и на рассуждающих офицеров, чтоб с испугом бежать назад под кров кварталных няnek и правительственной опеки. Мы торопимся завесить, как Сен-Жюст, «статую свободы и права человека»*, забывая, что у нас ее нет, а вместо прав человека — покамест только уничтожение крепостного права.

Говорят, что Англия любит свободу, но не любит равенства, что Франция любит равенство, но не любит свободы. Россия их опередила: она равно не имеет ни пристрастия к равенству, ни *емкости* к свободе. Это так и ведет от аракчеевского императорства к императорству пугачевскому.

Первое мы знаем хорошо. Сухая, беспощадная, фрунтовая выправка, вечное молчание, бессмысленное повиновение, механический порядок — идеал великого курфюрста в колоссальных размерах и в колоссальном развитии. В мещанском мизере немецкой жизни фельдфебельству негде было расправить члены; на русском черноземе, благодаря помещичьему закалу, оно быстро развилось до заколачивания в гроб* и *до музыки в шпорах*. Вся педагогика Петра и его наследников состояла в вариациях на эту музыку, т. е. в переложении на русские нравы немецкой казарменной дисциплины. Составились общие катехизисы, философские сентенции вроде знаменитого совета: «Ты мне из десяти рекрут выправь одного солдата, да чтоб был солдат», т. е. девять остальных забей, убей, изуродуй, но чтоб у десятого была музыка в шпорах. Самое удивительное во всем этом то, что любовь к этой музыке просочилась во все слои штатского общества, мужского и женского.

Вас сердит, что молодые офицеры обратились ко мне «как к своему *directeur de conscience*»*. Вас сердит, что они готовы были скорее перейти в ряды освобождающихся поляков, чем стрелять в них. Вы упрекаете меня, что я *не догадался* объяснить им все злодейство человека, *носящего русский мундир, из рук русского правительства получающего жалованье и власть над солдатами, который замышляет во время войны пристать к врагам**.

Итак, мундир делает из человека спадасина без воли и нравственности! А подкуп жалованьем низводит спадасина на степень наемного убийцы. Ваши доводы мне напомнили того вольтеровского солдата, который на вопрос путника: «Из-за чего война?» отвечает: «Это до меня не касается. Мое ремесло состоит в том, чтоб убивать, быть убитым и этим жить, об остальном знает начальство».

По этой теории мундира и жалованья как критериума нравственности ни один народ никогда не вышел бы из зависимости вооруженной шайки. Возмущением против безнравственных приказов, отказом исполнять их начались все освобождения в мире. Офицеры нигде не считали себя *на содержании* у государя; они везде знали, что жалованье *выдает* правительство, а платит народ; везде знали, что есть предел, далее которого повиновение не идет. Неужели генералы, полковники и офицеры, которые годы целые засекали насмерть целые деревни для водворения ненужных военных поселений, поступили доблестнее подполковника Красовского, сказавшего своим солдатам: «Не стреляйте, братцы, в своих родных, не бейте крестьян» — и пошел за то на каторгу?

Вы упомянули слово «война». *Польской войны* вовсе не было, а было *польское восстание*, что совершенно меняет дело. Сверх того, офицеры писали к нам гораздо до восстания. Они писали к нам осенью 1861 года *, спрашивая, что им делать, если Польша восстанет, а их пошлют усмирять. Мы советовали им идти в отставку и ни в каком случае не драться против людей, ищущих независимости своей родины.

Почти через год получили мы другое письмо (оба писал от имени товарищей А. Потемня) *. Офицеры извещали нас, что ответа нашего не получали (вероятно, благодаря родственной прусской почте), что их пропаганда идет быстро и что они решились в случае восстания идти с поляками, но что им бы очень хотелось узнать мое мнение. Вы смеетесь над этим и называете меня их *directeur de conscience*. Отчего же это смешно? Не оттого ли, что у меня нет *директорского* мундира и я не получаю *жалованья*, ну хоть из синода, за мою духовную работу? Что же смешного, что к человеку, который *тридцать лет* проповедовал одно и то же, обратились за советом молодые люди,

разбуженные, может, его словами, в минуту мучительного противуречия человеческого долга с долгом служебным?..

Не успели мы обдумать ответ, как страшная весть напомнила нам, с каким зверем офицеры имеют дело. Июня 16-го 1862 были расстреляны Арнгольдт, Сливичкий и Ростковский за пропаганду между солдатами, «за дерзкие речи» и «*превратные толкования*».

Рубикон был перейден. Испуганное журнальными алармистами и николаевскими генералами, правительство дерзнуло *казнить* без крайности, без опасности; казнь Антона Петрова указала дорогу. Приучение непривыкшего общества и народа к судебным убийствам, к крови — факт чудовищной безнравственности. Мы думали, что по крайней мере кнутом, клеймом, рваньем ноздрей, плетью, палками, розгами, фухтелями, шомполами, шпицрутенами и пр. русский народ откупился от виселиц, эшафотов и *смерти свинцом*, — не тут-то было. Дверь палачу была открыта через кордегардию. Ужас перед смертной казнью исчез, нервы укрепились. Можно было предвидеть и того безумного генерал-губернатора, который расстрелял в Нижнем разбойника *по подозрению* *, и ту развратную журналистку, которая рукоплескала казням и дальше подталкивала рассвирепевшее правительство. Вы, как богослов, очень хорошо знаете, что есть заповедные святыни, которые твердо и несокрушимо держатся, пока никто не касается до них, и падают, как только допускаются исключения. В России человек ничего не стоил или стоил по справочным ценам столько-то за душу и на рекрутские квитанции, но жизнь человеческая была *почему-то* свята, последовательно или нет — все равно. В совести правительства и в совести народа было отвращение от смертной казни. У нас казнили в последнее время только в чрезвычайных случаях и то больше для царского удовольствия, чем по внутреннему чувству справедливости. Уничтожением смертной казни мы хвастались перед другими народами.

Вдруг *три* жертвы, три молодые жертвы, беспощадно расстрелянные, не уваженные даже *царской скрепой приговора*... * И во всей литературе не нашелся ни один орган, ни один публицист, ни один поэт, во всем обществе не осмелился ни государственный человек, ни женщина, ни иерарх церкви поднять

голос и указать весь ужас этого *почина* крови; не нашелся ни один человек, ни один член царской фамилии, который бросился бы перед царем и остановил его руку, пока она не обогрилась русской кровью... Одна молодежь, «энервированная нашей пропагандой», одни несчастные офицеры, считающие нас за своих «directeurs de conscience», помянули казненных торжественной панихидой да наш дальний Колокол печально прозвонил им вечную память и успокоенье с нашими святыми.

Смерть Арнольдта и его товарищей произвела то, что всегда производят мученичества — удвоенную энергию, удвоенную ненависть; казнь не запугала никого, офицерский кружок крепче сплотился около Потебни. Для меня совершенно понятно, что никакой мундир, даже гусарский или питый, никакое жалованье, даже с прибавлением столовых и подъемных, не могли заглушить совести офицеров в виду этой начинавшейся оргии казней, крови и бешеного патриотизма. Не дождавшись нашего ответа, они прислали в Лондон Потебню.

Личности больше симпатичной в великой простоте, в великой преданности, в безусловной чистоте и бескорыстности своей, в трагическом понимании своей судьбы — я редко встречал. В статье Огарева «Надгробное слово» («Кол.» 1 мая 63 г.) нет тени увеличения. Потебня принадлежал к числу тех воплощений вековой боли целого народа, которыми он изредка отбывает страдания, скорбь и угрызения совести. Он плохо верил в успех, но шел, шел потому, что он не мог примириться с мыслью, что русское войско, что русские офицеры без протеста, холодно и беспощадно пойдут бить людей, с которыми два года жили в близости, за то, что они хотят быть вольными. Смерть трех товарищей его, расстрелянных в Люблине, бродила в его крови, и он погиб, потому что хотел погибнуть и потому что твердо веровал, что смерть его искупает повинование других. «Я еду, — писал он, отправляясь в Польшу, — а в ушах у меня раздается: мы, на смерть идущие, вам кланяемся!»

Мы предвидели гибель их и всеми силами старались задержать восстание. Правительство, напротив, утомленное quasi-законностью, торопилось скорее покончить «польское затруднение».

Офицеры сделали последний торжественный шаг, последний протест, они написали адрес... *

Вместо того чтоб приходиться в дисциплинарное негодование и официальный ужас от офицерской дерзости, подумайте об ней. Освободитесь на минуту от *петербургской* раздражительности перед словом, сказанным «не по начальству», перед делом, написанным не по форме, перед всяким свободным актом человека, и скажите, что преступного в том, что накануне междоусобицы офицеры доводят до брата государя, до наместника края о том, что у них на душе и просят их *спасти* от измены себе — или долгу? «Мы в невыносимом положении в Польше, — пишут они, — мы не хотим быть изменниками русскому народу, но не хотим быть и палачами!» Во время севастопольской осады подобные сомнения не возникали и подобных вопросов не ставилось. Если б Константин Николаевич в свою очередь подумал об этом (по несчастию, им всегда недосуг думать), то, может быть, вместо того чтоб поручать Минквицу составление контрадреса *, над которым смеялся весь мир, он довел бы его до государя, и сколько бедствий, крови было бы спасено... Но как допустить такую дерзость не только офицерам, но и генерал-аншефам! Отчего же идущий на смерть по службе не имеет права осужденного на казнь сказать свое последнее слово, выразить свое желание? Если б в 49 году Паскевичи и Ридигеры довели до Зимнего дворца настроение русских войск и офицеров в Венгрии *, мы не видали бы преступного, отвратительного зрелища русской армии, бьющей дружески расположенный к нам народ в пользу своего злейшего врага.

Петербургское правительство всегда, во всем шло напролом, ломало все, что попадалось под ноги, лишь бы дорога была посыпана песком и, главное, была бы вытянута прямолинейно по шнуру. Оно ни разу не останавливалось ни перед чем и топтало без зазрения совести все дорогое и святое человеку. Человеческий оборот дела если и приходил изредка ему в голову, то всегда поздно. Во всем, везде сначала дикая сила, ломанье, и, когда дело вполнину погибло на корню, тогда принимаются залечивать. Сперва столкнут целое население к морю, чтоб от него отделаться, а потом догадаются, по иностранным газетам, что меньше нельзя сделать, как дать им корабли.

Человеческие пути дальше и сложнее, пути насилия коротки и казисты. Для того чтоб их употреблять, надобно иметь

отсутствие сердца, очень ограниченный ум и совсем не ограниченную власть, надобно иметь исполнителей, которые никогда не спрашивают, так ли это и почему так. Иметь все это, при счастливых обстоятельствах, бездарностью и ограниченностью можно наделать чудеса нелепостей и бог знает что загубить: «Петрополь вызвать — из блат», Зимний дворец — из пепла, сделать из деревень — военные поселения, из военных поселений — деревни...

...Накануне польского восстания представлялись два средства для того, чтоб его остановить: депортация нескольких тысяч человек подтасованным *набором** и *освобождение крестьян*, как оно сделалось через год после резни и террора.

Я не встречал ни одного человека с здравым смыслом, которого бы весть о наборе не ошеломила. Князь Орлов поскакал в Варшаву уговаривать великого князя; говорят, что великий князь сам был в раздумье, телеграфировал государю. Но дело было zu petersburgisch¹...набор не отменили. Все усилия, просьбы, доводы, которыми многие старались остановить, задержать восстание, исчезли как прах перед набором.

«Вы видите, — говорил нам в декабре месяце Сигизмунд Падлевский в Лондоне, — можно ли медлить и в нашей ли воле остановить восстание? Если эта варварская травля на людей сбудется, мы, может, все погибнем, но восстание будет наверное». И он поехал с Потебней в Польшу.

Знаменитая *бранка** была в Варшаве 15 января, 21 января вспыхнуло восстание, а месяца через три не было уже ни Потебни, ни Падлевского, — кровь лилась рекой, и на мрачном горизонте России подымались два тусклые пятна вешателя и его риторы *, именами которых будет помечена эпоха, начавшаяся с конца 1862...

Напрасно хотят покрыть это темное время одним патриотическим взрывом и возбужденным чувством национального достоинства. Одна непомерная спутанность понятий и наглость языка может ставить год *казней* наряду с годом *побед*, год великой и малой полиции с великим 1812 годом. Что кастратский задор западных нот мог взбесить всю Россию и она показала

¹ слишком петербургским (нем.). — *Ред.*

готовность отпора — это понятно, что по сей верной оказии многим захотелось наконец сбросить нравственное иго Европы¹, в котором нас держали всякие фамулусы Гнейста и подмастерья немецких гелертеров — также понятно. Но взглянитесь в результат всей агитации. Когда вчерашние почитатели Англии, громко презиравшие все русское, премудро сделавшие «шпанже через половину манежа», раздули вместе с откровенными кликушами и беснующимися о России патриотические искры в длинное пламя, которому недоставало одного — сожигаемого материала, т. е. неприятеля, следовало бы успокоиться на сознании и заявлении своей силы. Не тут-то было. Все это возбуждение, вся готовность сразиться с Европой перешла в *полицию*. Прокофьи Ляпуновы и Минины Сухорукие почувствовали себя квартальными и частными приставами; доносчики, сыщики — Фигнерами и Сеславиными; Муравьев — князем Пожарским. Не имея ни отечества для спасения, ни мира для покорения, все бросились на полицейское усмирение Польши, на полицейское водворение русского элемента, на полицейскую пропаганду православия, на чиновничью демократизацию края... Такой исток патриотизма слишком сдает нашим Петербургом, и мы не видим в нем русского народного чувства. Русский народ положил бы в котомку свой черствый, черный хлеб и пошел бы на войну за Русь, но он отроду не считал Польшу русской — что ему до нее за дело! Он слишком занят заботою дня, своим поземельным и выкупным делом, чтоб заниматься Польшей.

Да если б и в самом деле народ, которому грозили войной из-за Польши, которого уверяли, что в каждом пожаре участвует поляк, заразился бы полицейской чумой образованных сословий, мы и с ним не взяли бы круговой поруки против нашей совести, как не берем ее с вами. Мы не рабы любви нашей к родине, как не рабы ни в чем. Такого языческого, азиатского поглощения своей воли и своего разума племенем, народом не только нет больше в *новом мире*, но никогда не было в мире христианском, по крайней мере в том, который основался и развился «не на свободе», а «на логической необходимости».

¹ О чем мы проповедовали (не говоря уже о славянофилах) пятнадцать целых лет.

Под какой бы логической или стихийной необходимостью мы ни были, мы не отречемся от нашего нравственного самоопределения — от святой, самодержавной независимости нашей, мы никогда не поставим критериум нашей совести в чем бы то ни было вне ее. Оттого-то нам родственно понятен голос юношей, остановившихся в раздумье перед кровопролитьем и спросивших себя: «Да следует ли в самом деле быть слепым орудием правительства?» Оттого-то они для нас недостижимо выше тучи «охотников», пошедших на помощь правительству, распинавшему Польшу, и переменявших военный мундир на полицейский.

И в то время когда эти несчастные доделывают свое дело мести и ненависти, когда они не могут уняться и после победы и рвутся, как тот гвардейский офицер, который бросился к Павлу, чтоб дать еще пинька умирающему *, — в то время кровь Потебни и его товарищей кладет основу забвению прошедшего и будущему союзу для новой жизни обоих народов. Русские юноши смертью в польских рядах засвидетельствовали не рознь свою с народом русским, а единство славянского мира, понимающего все отрасли одного дерева.

Нельзя прилагать уголовный свод и полицейский устав, военный артикул и кабальное право мундира и жалованья к таким трагическим событиям; тут ни лица, ни дела не подходят под мерку судебной инстанции, не исключая самого правительствующего сената со всеми департаментами своими.

Вы хорошо знакомы с религиозным воззрением на наши мирские дела. Вспомните, что делали монахи (когда они были истиной) на окровавленных полях диких битв. Они не упрекали раненых, не отравляли последние минуты умирающих, они без различия стороны молились о тех и других и утешали последних будущностью, как они ее понимали... У религии не одна сторона *нетерпимости и гонений*. Зачем же вы берете только ее?

СВИДАНЬЕ В НИЦЦЕ

Ненужнее, унижительнее для Петербурга, неприятнее для Франции ничего нельзя было выдумать, как неуместную, испугительную поездку императора Александра II в Ниццу. Fiasco полное. Наполеон поехал из учтивости... Александр дал солдатам по Станиславу — и разъехались. «Globe» превосходно заметил, что если б Наполеон спросил Александра, что всего больше его удивило во Франции, ему пришлось бы сказать, как некогда отвечал дож французскому королю: *«То, что я здесь»* *.

РУССКИЕ ДЕНЬГИ, ПОЛЬСКИЕ ДЕНЬГИ

«Моск. ведомости», № 215, сообщают очень интересные новости о хозяйственных делах газеты «Le Nord». Они говорят, что «„Le Nord“ основан на русские деньги и продолжает свое существование благодаря ежегодным пособиям из России». Скажите пожалуйста, мы все думали, что «Le Nord» — журнал независимый, он сам не раз говорил об этом! С чего же Катков взял это?

«Le Nord», не зная ничего об этом, за него же вступился против Шедо-Ферроти и рассказал, как московский университетский совет на смех Головнину отослал назад им рекомендованную книгу, находя ее вредной*. Жаль, что первый геройский шаг университетской оппозиции так реакционен. Видно, от великого так же близко к гадкому, как и к смешному.

В 216 № «Моск. ведом.» напечатана следующая загадка о книге Шедо-Ферроти, наделавшей столько шуму по инвалидной команде и полицейскому ведомству:

Книга эта действительно замечательна своею наглостью, но оценить ее можно только приблизительно, справясь в редакциях некоторых французских журналов, сколько им платила в минувшем году польская партия, чтоб унижать подобным образом русский народ и превозносить поляков, разумеется, не останавливаясь для сего ни пред истиной, ни пред презрением всех благомыслящих людей.

Что все это значит?

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Борьба Польши с Россией — одна из самых страшных трагедий в истории. Мы ее досмотрели с тем ужасом, с которым человек с берега наблюдает, шаг за шагом, крушение корабля, на котором плывут близкие ему люди... и на душу падала больше и больше та глухая, тяжелая, подавляющая боль, которая сопровождает совершение всякого безвыходного несчастья. А борьба эта была *безвыходна*... Бой мог не завязываться, завязаться иначе, в другое время, но когда однажды он вспыхнул, спасения не было, да не было и выбора со стороны Польши. Какой-то грозный архангел стоял за польскими бойцами, не позволяя отступить и указывая им то на близкую земную помощь и лавровый венок, то на вечную награду и мученическую ореолу.

Сила одолела. Польша, измученная, исходящая кровью, опустила меч, но и теперь, когда смерть носится перед ее глазами, она высоко держит свое знамя костенеющими руками и продолжает верить в помощь родственного ей Запада и в небесную помощь.

Победы над несчастьем тяжелы. Сам Петербург не радуется, не торжествует. Злоба, уже падающая теперь, скоро заменится темным сознанием, что совершились страшные судьбы, страшные события, которых ни порицать, ни праздновать нельзя, но которые *обязывают обе стороны к другому будущему* и, прежде всего, к крепкой думе.

Польские и русские статьи и брошюры последнего времени неудовлетворительны, их грань мелка, им не дорога правда. В одних неукротимое раздражение, в других бесконечные пересуды, пустая болтовня праздных на месте несчастья, поли-

цейское следствие, процесс обеих сторон и скучные антикварские диссертации. Как будто дела в истории решаются судебскими приговорами и живые события ищут себе оправдание *ex fontibus*¹. Пора вынырнуть из диких возгласов и дипломатических тонкостей, из исторического права и наглости права сильного, пора оставить обязательные фразы, угрозы, ругательства и взглянуть прямо в глаза фактической истине и последнему результату. Скажем больше, пора самой искренней горести, самому святому сетованию принять больше мужественную форму. Нельзя вечно оставаться плакальщиками на кладбище. Жизнь и сила не удовлетворяются ни плачем и сетованием, ни ненавистью и бранью, им надобно пониманье и дело. Искренняя слеза прошедшему и твердый взгляд вперед. *Le roi est mort — vive le roi!*² Это крик всей природы, всего живого — мы говорили это в стану других побежденных и повторяем теперь.

Нас оскорбляет, что дела идут не по нашей программе, что пути их не разумны, не чисты; взволнованные рядом жертв и злодейств, мы забываем, что они все же *идут*. История не создается а priori, не творится из одной мысли. Разум не имеет столько власти над фактами, чтоб заправлять ими, не принимая постоянно в расчет *событий совершившихся* — они составляют необходимую базу его операций. Элементы не создаются ни в истории, ни в химии, их надобно брать как они есть, им надобно подчиняться, для того чтоб над ними владычествовать. Только в этом сочетании фактического материала с сознательным идеалом и состоит историческое деяние.

Польский вопрос, так, как он ставился с 1831 года, вряд может ли ставиться в будущем — но не видно ли из-за него целого ряда других вопросов, выдвигающих на первый план славянскую федерализацию, в которой сохранится народ польский и распустится империя всероссийская в равноправном *славянском союзе*? Казенные патриоты кричат с ужасом о *сепаратизме*, они боятся за русскую империю, они чувствуют в освобождении частей от старой связи и в федеральном их соединении конец самодержавию...

¹ в источниках (лат.).— *Ред.*

² Король умер — да здравствует король! (франц.).— *Ред.*

...При слове «союза, федерации славян», мы предвидим тот взрыв негодования и возгласов людей практических, натерелых дельцов, который встречал некогда наши слова «о праве на землю, об общинном владении» до тех пор, пока, так или иначе, то и другое не было признано самим правительством. Мы не боимся их канцелярской мудрости, последние годы показали ясно меру способностей людей, ничего не видящих дальше своего носа и зато очень подробно знающих то, что у них перед носом. Что поняли, предвидели, предупредили, отвратили министры всех дворов и при всех дворах всей Европы в польском, датском, итальянском вопросах? А уж конечно Росселей и Пальмерстонов нельзя назвать идеологами.

Над идеологами любят смеяться Наполеоны, что им не мешает лет через десять исполнять их программу*.

Славянский мир идет к федеральному союзу, по дороге его останавливают две империи, одна уж всеми елелями «посвящена богу», другая кажется сильной и молодой*. Но не она сильна и молода, а народ русский, с неустоявшимися и с полупроснувшимися силами своими. Мы не верим, чтоб кто-нибудь мог серьезно принимать временную государственную форму, которой Россия управлялась последние полтора столетия, за окончательную и вековую. Императорство русское представляет общий, западный, военный деспотизм в самой грубой, наглой форме, с примесью деспотизма восточного. Это диктатура в европейском смысле слова и завоевательная азиатская династия. Постоянная революция помимо воли народной, постоянное усмирение всякого свободного стремления. У него нет законов, а разные меры; у него нет собственно родины, петербургское императорство *дошло умом* до необходимости быть национальным — в продолжение полтора столетия оно было до того чужое народу, что дворянство, желая походить на него, старалось быть наименее русским. Одна немецкая религия *des Staates*, государства, могла у нас развить петербургский патриотизм. Одна ненависть к полякам могла привести славянофилов к идолопоклонству перед немецкой империей — прежде они ясно понимали всю невозможность народного развития с этим ядром на ногах. В самом титуле, которым императоры называли себя в сношениях с Европой, проглядывает сознание, что

невская империя не единое, органическое целое, а какое-то скучение — *de toutes les Russies*¹. Потому-то мы и приветствуем все, что может освободить *все России* от смычки, на которой их пасло самодержавие со времен Петра.

После освобождения крестьян *внутренний* смысл императорства утратился и, может, за ним осталось одно *внешнее*, кровавое дело.

Трагедией 1863—64 г. ничего не разрешилось, ничего не окончилось. Ею, как Шекспировым Иоанном, не замыкается, а начинается длинная эпопея, которой конца мы не увидим. Он ставит нас накануне огромного столкновения, которое предвидели многие, выходя с самых противоположных сторон, и над которыми смеялись и смеются дипломаты, доктринеры и вообще умные дураки и глупые резонеры.

С Польшей, ратующей за независимость и католицизм, с Польшей рыцарской и набожной, демократической и революционной *побито чем-то другим передовое войско западной цивилизации*, ее *guardia nobile*². Польша служила плотиной, в которую ударялось русское море, она сдерживала его. Теперь оно надвинулось и ближе подступило к немцам, стоящим на славянской земле. Вместе с тем просасывается и подымается с низменных мест другая Польша, — Польша отстраненная, бедная, крестьянская — и занимает место Польши *отсутствующей*, сосланной в Сибирь, ушедшей на чужбину, легкой костыми за независимость.

С старой Польшей, с *Польшей польской*, выбывает окончательно рыцарский элемент из европейской жизни. Пора было ему распуститься в городском мещанстве и армейской демократии в ожидании больше человеческих превращений, но нельзя же его не пожалеть. Польша представляла рыцарскую традицию в новом строе европейских народов, в ее сочетании с традицией революционной. Полная старостью и юностью, полная идеалом, героизмом, католицизмом, она касалась разом средних веков и 1789 года, крестовых походов и великой армии. В то время когда западные народы, охлажденные долгою

¹ всех Россией (франц.).— *Ред.*

² почетная гвардия (лат.).— *Ред.*

жизнию, больше и больше бросали мечты и предавались купеческому делу, один народ продолжал жить дворянином и торопился жертвовать кровью, детьми, достоянием за восстановление родины во всех лучах ее миновавшей славы. Побитый силой, поляк уносил свое *право* за пределы родины и продолжал свою борьбу. Польская эмиграция была с 1831 года каким-то потерявшимся на чужбине и уцелевшим остатком иного мира; в ней середь XIX века встречались странствующие рыцари, паломники с характером, который мы знаем из легенд и с прибавкой нашей размахистой славянской распущенности. Конечно, ни немецкий ритер и барон с своим конкертумом, ни французский дворянин в демократии, ни допотопный английский тори, держащийся одним богатством, не спасут отходящий элемент, последним представителем которого остается польский выходец, этот пилигрим-воин, «беспрерывно возвращающийся» к святым гробам своих отцов и, с двумястами товарищами, объявляющий войну шестой части земного шара. Возвращался он с восторженной верой, с несбыточными надеждами, возвращался он с мрачным отчаянием, заявляя права своей родины и складывая голову за это заявление. В этом акте полной преданности заключается все христианское значение рыцарства и все рыцарское Польши.

Для поляков отчаяние было новой силой, опасность — новым вдохновением. Во всей польской поэзии последних десятилетий бродят страшные пророчества, повторяются страшные слова, звучит мрачная, но фанатическая и крепкая струна, она вызвала мессианизм и товянщизну, она воспитала целые поколения на *религии смерти*, на веровании, что Польша, живая или мертвая, призвана на жертву искупления за другие народы, за грехи былого. Земные идеалы бледнеют у Красинского перед идеалом народа-мученика, знающего свою участь и благословляющего ее. Только такое настроение могло создать типы новых Ниобей и Ифигений... эти великие траурные типы польской матери, жены, дочери, — типы, до того вселяющие уважение, что грязное копыто русской полиции и сквернословие русской журналистики не оставили ни малейшего пятна на черном мраморе этих *Esse Mulier*... Тот, кто видел рядом с вдовой с состарившимися от слез глазами осмнадцатилетнего ребенка с

чахоткой на лице, растерявших половину своих и безропотно провожающих на гибель остальных, поймет нас. Не «народ в трауре», как сказал Монталамбер, а «народ в мученичестве», народ на Голгофе. Выше этой преданности, этой любви и жертвы жизнь человеческая ничего не имеет... Оттого-то ореола распинаемого народа делает чудеса, одна она могла бросить последний луч, кроткий и человеческий, на тонущий в мраке и старчестве Ватикан, освещая папу, окруженного кардиналами и архиереями и благословляющего рукою св. Петра восставший за свою независимость народ...

Затем *consomatum est*¹ начинаются новые судьбы. На места убитых, на места женщин в трауре, гордых панов и беспокойной шляхты садится петровская голь и Пугачев, пена и осадок Петербурга. Так, как за польским повстанцем виднеется папа, Наполеон, европейский консерватизм и европейская революция — вся армия западной цивилизации, — так за немецкими генералами, за правительственными нивелерами, за чиновниками, гвардейцами, казаками в Польше виднеется несметная масса народа русскаго, с необъятным горизонтом, как море, и с одним уровнем, как оно. Какой-то мир с чужой цивилизацией на поверхности, стремящийся к *своей*, которой еще нет и которая должна соответствовать его быту, — мир, несущий силу и способность, а не заработка, — мир черный, полевой, земледельческий, с примесью «туранской» и всяческой крови, — мир общинный, совершенно противоположный городскому миру Западной Европы и дружинному, панскому, шляхетскому миру старой Польши.

Кто не помнит оперу Глинки? *

...С одной стороны великорусское село, мир в сборе — мужички толкуют о земском деле, о земской беде... поются унылые песни хором, тишина, бедность, грусть и в то же время готовность постоять за свою землю. С другой — польская ставка, все несетя в мазурке, шпоры гремят, сабли гремят, притоптывают каблуки. Вот гордый пан стольник, как его описывал Мицкевич, высокомерно взглянул на соперников, дотронулся до шапки и пошел, и пошел... а за ставкой опять поля, поля,

¹ в завершение (лат.). — *Ред.*

избушки на косогоре, дымящиеся овины, тихий хоровод под бесконечную песню... и мужичок, оттачивающий топор на сопостата.

Но эти два мира еще имели кой-что общего — любовь к простору и шири, общую славянскую небрежность и спустя рукава. Скрытое, подавленное желание разгула и необузданности было и у русских, самая семейная распря соединяла его с поляком. Между ними был казак, была Украина, *не польская и не русская*, но родственная в обе стороны. Теперь Россия, опершись на ружья, смотрит на передовые прусские и австрийские пикеты... Мир избы и хаты, села и деревни и мир мещан и городов, мир *sollen*¹ и мир *haben*², мир, довольный собой и своей цивилизацией, и мир, не знающий себя и без цивилизации. Польша как-то скрывала их друг от друга, католическая и славянская, она имела симпатии и антипатии к обоим. Теперь они слишком близко придвинулись и не нынче — завтра они могут заспорить. Славянский вопрос — вопрос между Россией и немцами. Не Турция же, которую водят под обе руки *, его решит. Для борьбы все готово... большие армии, военные правительства, бесправные народы, народная ненависть, *une grande idée à défendre*³, с одной стороны спасение целой цивилизации, с другой — восстановление целой народности... разные возрасты, разные стремления и общие границы. Сверху вопросы государственные, вопросы национальные, внизу вопросы социальные.

На сию минуту трехглавый немецкий орел, довольный, что заклевал Данию, в дружбе с своим византийским товарищем... Искусственный мир может так же продолжаться, как естественный бой начаться... и те же немецкие и на манер немецких генералы поведут русских солдат на Галицию, на Познань, там также есть Польша на *умиротворение*. Опять петровская голь вперед, опять саранча чиновников, воров замкнет христолюбивое воинство — и кто знает, где она осядет, если ее не предаст какой-нибудь изменник в Зимнем дворце, как это сделал Петр III *.

¹ Здесь: обязанный (нем.).— *Ред.*

² имеющий (нем.).— *Ред.*

³ защита великой идеи (франц.).— *Ред.*

Прусско ли австрийский жандарм, «носитель цивилизации», или грабящий казак-«коммунист» возьмет верх — все равно, по дороге, наверное, погибнет бездна старого, размоется не одна плотина и унесется не одно бревно, загораживающее теперь дорогу... погибнет, вероятно, рядом с ним кой-что хорошего, с этим делать нечего. Такие катаклизмы без потерь не обходятся.

Какой-нибудь клочок земли, с стародавних времен покрытый лесами, в которых важно бродили мамонты и их животные *ровни*, вдруг заливаается водой вследствие вулканического потрясения. Тонут мамонты, мастодонты... тонут хвойные леса, на их место являются целые населенные рыбы, моллюсков, зоофитов, медуз, — все это по зоологической табели о рангах гораздо ниже допотопных уродов, дышавших легкими. Море сносит на дно всякую всячину, смытые и погибнувшие леса, трупы животных и рыб оседают, потом вода убывает, бассейн начинает просыхать, превращаться в болото, в долину, и на родине мамонтов, покрытой тучной почвой, без возвышенных скал и сумрачных гранитов, кишит целый мир животных и птиц.

Все это так, но зачем все это нужно? Неужели немцам с своей стороны и русским с своей нет другого дела, как вцепиться друг другу в волосы? Никто и не говорит, что это нужно в смысле разумной необходимости, а обстоятельства так сложились.

Два противоположные потока европейской жизни мешают всякому развитию, всякому единству, губят в ней всякую энергию. Один из них должен взять верх, чтоб Запад мог ринуться вперед или пойти откровенно назад, — до тех пор нет возможности сделать ни одного решительного шага, ни одного не колеблющегося действия. Это не компромисс, не путь по диагонали, а искусственный застой при страшной трате сил, мешающих друг другу. Во всем домогаются противоположного. Европа хочет быть либеральной и консервативной, прогрессивной и католической или протестантской, военной и мирной. Она ставит своим знаменем *non-intervention*¹, отречение от дел сего мира и мешается — вредно и неловко — во все на свете.

¹ невмешательство (франц.).— *Рес.*

Она не может допустить гибели Польши, расчленения Дании, но она не может из-за них идти на войну. Меры на подавление революции поглощают всю внутреннюю деятельность правительств; вооруженное отстаивание мира стоит дороже войны. В этом самоуничтожении сил ничего не может успешно развиваться, кроме разложения.

Неспетая политика Запада допустила Россию сокрушить Польшу и стать лицом к лицу к Германии. Взаимноуничтожающая друг друга политика Англии и Франции позволила Германии взять роль, не свойственную ей, позволила ей растерзать Данию и с кровью на губах стать лицом к лицу к России, вешающей Польшу, — вот и все; остальное, при свирепых инстинктах народов, при возбужденности страстей и правительственной алчности, делается само собой.

Польский вопрос и датская война — две огромнейшие ступени вниз по той стремнине, по которой сходит старый мир. В минуты самого черного пессимизма никто не предполагал, что страны, путеводившие народы, без боя и крайности откажутся от своей гегемонии, оставляя за собой старушечье право ворчать и читать морали за каждое действие двух господствующих казарм, как будто всего того, что они делают, нельзя было предвидеть. Как Крым сгубил престиж николаевской империи, так Дания и Польша отняли страх перед западными державами. История не брезглива, она так же, как природа, не разбирает путей: нельзя пройти сухой дорогой — она идет грязью, нельзя идти Англией и Францией — она идет Пруссией и Австрией. А там, что гордый Альбион получил заушение от Горчакова и как настоящий христианин подставил другую ланиту Бисмарку * и, удивляясь, как они больно дерутся, с важностью римского сенатора спокойно пошел на рынок; а там, что Германию разделят между Веной и Берлином — до этого никому, кроме пациентов, нет дела. Это может сердить, занимать на минуту, но главное, существенное не в том, а в том, что «Катилина» ближе к дверям *, с тех пор как двери эти перенеслись на Дунай и Вислу — с Темзы и Сены.

Последний политический гений Запада *, которого сумрачная фигура замыкает собой революцию, другими словами предсказывал «Катилину» и за полвека угадал молчащее море за

императором Александром I. Десять лет он то ссорился с ним, то протягивал ему руку и кончил тем, что двинул на него всю Европу... Россия взяла ее же и пошла по пятам его в Париж...

С 1812 года начинается наша новая история и кончается старая история Запада.

Людвиг XVIII никогда не мог примириться с мыслью, что русский царь посадил его на трон, и был совершенно прав. Королевская власть, спасенная 21 января 1793 года гильотиной, погибла, привезенная казаками в Тюльери. Освобожденная Россией, Германия сделалась смешна как государство; она управлялась русскими секретарями посольства, и сосланный император, видя все это, пророчил, что Европа *будет через пятьдесят лет républicaine ou cosaque*¹. Сперва боялись этих слов, потом стали над ними издеваться, разумеется, не давая себе ни труда вникнуть в смысл их, ни даже подождать арифметического срока. Оттого страшен «Катилина» и оттого страшен казак, что не только старый мир не оправится от ударов революции, но что и революция не оправится от ран, им нанесенных ей. Революция потеряла силу, которой она вела полки, подымала народы. Она замешала в дело массы и пала от их равнодушия в ту минуту, когда они поняли, что она не могла сделать для них того, что хотела. Революция была, скажем мы, перефразируя Робеспьера, *слишком аристократична*, чтоб долго остаться народной; она опиралась на образованную, буржуазную демократию, ее умственный ценс был высок. Ее молодой, рациональный фанатизм свободы, равенства и братства сокрушился о старый мистический фанатизм церкви и трона, ее обобщающий гуманизм был подавлен исключительной национальностью.

Теряя власть и почву, гонимая во всей Европе, революция снова отступила в литературу, в школу, в пропаганду, но в пропаганду нетерпеливую, постоянно срывавшуюся на площадь, увлекая за собой один и тот же подвижный слой общества то трехцветным знаменем побед и начал 1789 года, то красным знаменем мести и истребления в пользу «неизвестного бога».

¹ республиканской или казацкой (франц.).— *Ред.*

Несостоятельность политической революции и незрелость социальной бросались в глаза. От последней люди пятились с испугом, первая была побеждена не только на площади и на баррикаде, но и в сердцах людских.

Массы не пойдут больше драться, как в конце XVIII столетия, как еще недавно, из-за политического катехизиса, из-за алгебры прав человека, из-за хартий, камер, банкетов. Их можно только расшевелить племенной независимостью, так сказать, зоологическими вопросами о народности, которые выдвигают на первый план, и вопросами *социальными*, которые всеми силами отталкивают на последний, что не мешает им глубоко бродить по мастерским и фабрикам.

Социалисты 1848 года попробовали сделать социальный переворот средствами политического *coup d'Etat*¹. Их банкротство было неминуемо, и последняя вера народов отлетела. Народы снова покорились прежним властям, но покорились не прежними. Они покорились им как необходимому злу, которое искоренить дорого стоит, особенно — не зная, чем его заменить.

Ум, талант, наука, искусство еще меньше возвратились к унисону с старыми порядками, снова взявшими верх в правительственных сферах. Все живое, сознательное ищет обойти эту темную мощь, эту полицейскую триаду — войска, церкви и дипломатии, — заправляющую миром. Оттого-то он и не идет в самом деле и его сильные по видимому ноги оказываются в параличе.

В виду этого-то расслабленного мира закипает неведомое море, поглотившее Польшу, поглотившее Кавказ, окровавленное на окраинах, грязное на поверхности и непонятно тихое в глубине. Оно смывает берег за берегом, следуя естественному влечению и, так сказать, историческому склону, и чем ближе подходит к миру, *недоносившему* свой социальный плод, тем яснее видит свою *способность*, готовность принять его, кормить его своею грудью, взять Катилину в казаки...

...Странны встречи русского народа с старым миром — Византия в начале и Париж в конце.

¹ государственного переворота (франц.). — *Ред.*

Выходя из стихийного хаоса, дикий народ спускается по невозможным дорогам из Новгорода до Черного моря, садится на какие-то скорлупы и плывет в Византию; там прибывает он щит свой к ее стенам и берет с собой оттуда *свою веру*, противуречащую Перуну, под знаменами которого он шел. В то время когда *православие* едва тлело на Востоке под пятой ислама, дикий народ этот разнес его от Черного моря до Белого, до Балтики, до Тихого океана...

Прошло около тысячелетия... темного, тяжелого тысячелетия, и тот же народ прошел всей Европой, прошел немецкими городами, перешел Рейн с своими казаками и калмыками, финнами и башкирцами, занял *Париж* и вместо всяких трофеев вывез из него с своими пушками *другую веру**, враждебную другому Перуну. Он ее сохранил под спудом, в едва заметном меньшинстве, и когда в самой Европе, в самом Париже она уступала напору реакции и новый бог революции заставил отпрянуть от себя с ужасом прежних поклонников, он бросил нам неожиданный свет под ноги, и там, где Запад останавливается с ужасом перед чудовищем социализма, русский узнает преобразование своего народного быта и приветствует в нем свою будущность. И самая царская власть метет дорогу социальному перевороту, вовсе не догадываясь о существовании такого зверя!

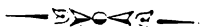
Нас упрекали в какой-то злобной радости, с которой мы говорили о возможности будущего столкновения; в наших предсказаниях находили что-то *schadenfroh*¹. Это неправда. Мы только без риторических учтивостей и сентиментальных возгласов говорили, что видели и как видели. Мы только смело смотрели в глаза событиям и не жалели о том, что рухнет от старости, что пора бросить за борт, когда главное цело и существенное спасено.

Если западный мир не имеет в себе сил обновления, для него же лучше, если явится новый Аттила — американский или русский, казак из-за Дона, из-за Урала, пираты из-за океана, пожалуй, оба вместе, чтоб разбить старые формы и, достигая своих частных целей и личных местей, расчистить дорогу буду-

¹ злобно-радостное (нем.).— *Ред.*

щему. Если же, напротив, у Запада есть эти силы, или борьбы не будет, или он побьет русскую империю. В том и другом случае народ русский ничего не теряет. Поражение петербургской империи будет точно так же началом для России федеральной эры, как освобождение Россией славянского мира.

А потому мы и смотрим спокойно на то, что Катилины и казаки у ворот старой Европы.

К ИЗДАТЕЛЮ

Любезный друг,

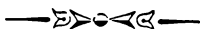
вы хотите напечатать небольшой сборник моих статей из «Полярной звезды» и «Колокола» — я ничего не имею против этого. Желая вам успеха и посылаю небольшой рассказ «Трагедия за стаканом грока», который не был напечатан по-русски. Я особенно рад, что в число перепечатываемых статей вошли «Вариации на старую тему», — пусть эта статья, писанная в начале 1857 года, еще раз пройдет пред читателями, напоминая им неизменность оснований того воззрения, которое я старался проводить *. В книге, писанной тотчас после июньских баррикад, в статье, перепечатываемой вами, и в последних статьях «Колокола» проповедуется одно и то же.

Бездна вещей, тогда довольно новых, прососались в народное разумение, сделались ходячей монетой, не только стали в ряду вещей, всеми принятых, но долею осуществились. Примут, стало, и другие истины, от которых еще пятится робкая совесть непривыкшего и против которых кричит безумный изувер и корыстный защитник.

Еще раз желаю вам успеха и жму вашу руку.

И—р.

Лондон, 1864.

1 8 6 5

1865

В виду тяжелых событий последних двух лет нам приходится не один раз высказывать наши убеждения, — мы считаем, вступая в новый год, излишним повторять наш символ веры и наш протест.

Мы продолжаем наш путь, а не вступаем в другой.

«Колокол» остается чем он был — *органом социального развития в России*. Он будет, как прежде, против всего, что мешает этому развитию, и за всё, что ему способствует.

Мешает ему — военно-канцелярское управление, сословные права, господствующее духовенство, невежество образованных, сбивчивые понятия, идолопоклонство перед государством, которому жертвуют всем — благостоянием лиц и масс, умом и сердцем. Все это вместе не сломит тех начал, глубоко заключенных в быте народном, на которых основано наше упование. Не сломили же их ни татары, ни немцы, ни Москва, ни Петербург — сколько ни задерживали развития, сколько ни искажали его, марая народ ненужной кровью и незаслуженной грязью.

Против этих темных сил, опертых на неведении одних и на корысти других, мы будем бороться, как прежде, и еще больше, чем прежде, зовем на помощь.

Пора сосредоточить мысль и силы, уяснить цели и сосчитать средства.

Пропаганда явным образом распадается надвое. С одной стороны слово, совет, анализ, обличение, теория; с другой — образование кругов, устройство путей, внутренних и внешних сношений. На первое мы посвящаем всю нашу деятельность, всю нашу преданность. Второе не может делаться за границей. Это дело, которого мы ждем в *ближайшем будущем*.

П. Ж. ПРУДОН

Прудон умер 19 января в Пасси. Ему было едва 56 лет.

Быстро сходят со сцены мощные бойцы борьбы — неоконченной, но приостановившейся за туманом, в котором трудно стало узнавать своих и чужих, — борьбы, ослабнувшей от неопределенных целей и неясного пониманья исхода.

Прудон принадлежал к сильнейшим двигателям общественного самосознания именно в то время, в которое по Франции пробегала социальная дрожь и она, чтоб выйти из старых пут, пробовала все: фаланстеры и проповеди сен-симонистов, июньские баррикады и американские Икарии *. Прудон не разрешил великих вопросов, не снял страшных сомнений, он не основал школы, но оставил диалектический гаран. Может, он и думал, что умеет лечить, но сила его была не в лечении, а в рассечении трупов. Прудон не создавал, он ломал, он воевал, а главное — он *двигал*, он все *двигал*, все покачивал, все затрогивал, отбрасывая условные уважения, освященные навывком понятия и принятый без критики церемониал. Надобно вспомнить внутреннюю робость романской мысли — дерзкой снаружи, волнующейся на поверхности, быстро несущейся в известном слое и упорно хранящей в глубине своей заветные начала, занесенные вековой тиной, — туда-то проникал Прудон и, несмотря на крик негодования и скрежет зубов, своей крепкой, плебейской, крестьянской рукой толкал эти мнимые клады в общий поток. Это была своего рода *ликвидация* нравственно недвижимых имуществ.

Когда-нибудь мы поговорим о его подвиге, теперь нам хотелось бросить и нашу горсть земли на гроб учителя.

...Serrez les rangs, serrez les rangs!¹ Да, старое меньшинство *юных стариков* тает не по дням, а по часам во Франции. Не долго последним ветеранам простоять на часах... угрюмо смотрят они в даль дороги, не идет ли *смена*. Много идет... все мимо, все чужое, все мелкое, все без помазания. Иногда кажется — вот закипает мысль, вот является энергия, завязывается узел, выступают новые силы.

...Сестра Анна, сестра Анна, что, идут ли? — Пылит дорога, раздается топот, это они, это *наши*... Нет, это идет какое-то стадо...

Тяжелая перемичка для всей Европы!

Montpellier, 20 января 1865.

¹ Сомкните ряды, сомкните ряды! (франц.).— *Ред.*

〈А ОТЧЕГО ИМПЕРАТРИЦА ТАК КРУЧИНИТСЯ...〉

А отчего императрица так кручинится, что Константина Николаевича назначили председателем Государственного совета?

ПРИВИВКА КОНСТИТУЦИОННОЙ ОСПЫ

Она, как роза, жила один день, утром распустилась и увяла к вечеру! * Magna Charta и *сoup d'état* *, гордые норманны жмудского происхождения и Бисмарки петербургского, нотабли и 18-е Брюмера* — все это поднялось и исчезло ровно в столько времени, сколько нужно писарю настрочить лист от заголовка до министерской подписи и вагону допариться от Петербурга до Москвы.

Царь *земщины* отделался на первый случай удачнее *безземельного* царя *.

Мы вовсе не против попытки звенигородских, можайских и всяких других лордов бархатной книги и сенатской геральдики. Вреда они сделать не могут, олигархическая конституция была возможна, да и то на несколько дней, при воцарении Анны Иоанновны *, а конечно не теперь. Если же всякому народу, развивающемуся на западный манер, надо пройти дворянской конституцией, хорошо, что мы так скоро отделались от нее. Остается побережться несколько дней, как после коровьей оспы, да и в путь по своим делам.

Тип нашей цивилизации вообще — прививная оспа. Мы проделываем понемногу и в тесно очерченной сфере воспаления те великие лихорадки истории, те страшные болезни ее роста, от которых государства обливались кровью, делались уродами, дробились, останавливались, умирали. У нас после петровской прививки шла собственно не история, а какой-то особенный курс ее *в лицах*; форсированным маршем догоняя Запад, мы проделывали маневры цивилизаций и революций.

...Потешные войска, образцовые полки, учебные батальоны, учреждения, вводимые «в виде опыта», опыты, вводимые

«в виде учреждений», так же натуральны петербургскому управлению, как быстрое усвоение себе наук и идей, воззрений и систем, Вольтеров и Гегелей, Гёте и Байронов естественно нашему всеедному обществу. Все это как-то *и в самом деле и не в самом деле*, все это «еще не служба, а службишка, служба, мол, еще впереди». Мы от всего сердца и от всего помышления верим этому.

Да, это не служба, а ученье, и долею прескверное и претяжелое, так что поневоле вспоминаешь, думая о дидактической империи нашей, известные стихи солдатской песни:

Нам ученье ничего,
Впрочем, очень тяжело.

С самого начала петербургской эпохи правительство, видя, что с такой огромной массой, как Русь, не сорудуешь, начало отделять от живого великана небольшой кусок филейного мяса и его приняло за государство деятельное, учебное, экспериментальное, за образцовую ферму и военно-гражданский экзерциргауз. Эта вырезанная среда, это «очищенное» государство было неразрывно связано с правительством, долею находилось у него на содержании, долею содержало себя по его милости. Остальное народонаселение, т. е. весь народ, без филейного куска, был отдан ему на прокормление, отопление, одежду и обувь в награду за хорошее учение и послушанье. Правительство, верное своему цивилизующему призванию, стоит во главе школы и лаборатории и с утра до ночи делает штатские и военные опыты и, главное, учит — учит всему, беспрестанно учит, прививает все, беспрестанно прививает: шведские законы, немецкие кафтаны, бранденбургский артикул, гольштинские пукли, французские министерства, прусские каски. Империя всероссийская начинается собственно с парикмахерского урока, где носить волосы и где не носить, с высочайше утвержденной выкройке спинки и талий и оканчивается замечанием министра Панина, говорившего, что он *молодых* сенаторов не любит пускать за границу, зная, что юнейшему отроку из них все же было за пятьдесят лет. Ничего не оставлено произволу самобытности, даже преданию. Старого и малого ровно посылали в ассамблеи и в церкви, заставляли плясать и говеть,

одеваться по-немецки и говорить по-французски. Если курс не всегда оканчивался, то, конечно, не от недостатка учебных пособий. Кто виноват, что в главной школе, например в армии, половина рекрут умирала, не кончив пространныго курса военного столбняка и метанья ружьем. Были неудачные опыты и в других сферах. Правительство, не ограничиваясь одними государственно-патологическими и государственно-хирургическими опытами над людьми, хотело распространить свое воспитание на растительный и минеральный мир, но тут оно встретило неожиданную оппозицию. Как ни старался, например, граф Аракчеев, чтоб на всех полосах у поселенцев рожь была одной вышины, цель не была достигнута. Геология оказалась еще упорнее, и, несмотря на высочайшую волю Николая, сам Мурчисон не мог найти каменного угля в той части, в которой государю было угодно, чтоб он был¹.

Состав педагогической конференции, окружавшей главного педагога империи, был чрезвычайно разнообразен и состоял, разумеется, большей частью из немцев, но также и из своих. Тут были и дети лютеранских пасторов, и дети русских попов, были и Канкрины из евреев, и Бироны из конюшни, и Клейнмихели совсем из ничего. Космополитический характер этих учителей особенно хорошо выразился в канцлере Нессельроде, родившемся в Лиссабонском порту, на английском корабле, от немецких родителей, находившихся в петербургской службе,— так что ученый министр иностранных дел был своею личностью до некоторой степени кратким руководством к географии. Участвовали, конечно, и столбовые русские дворяне в общем государственном поучении, но их глубокое незнание делало их мало способными к самобытной педагогии, они больше играли роль крепостных бурмистров при немце-управляю-

¹ Когда Мурчисон возвратился из своего путешествия по России в Петербург, Николай пригласил его на вечер и, подойдя к нему, спросил: «Нашли ли вы каменный уголь?» — «Нет, государь». — «И не надеетесь найти?» — «В той части, в которой я был, не надеюсь». Николай изменился в лице и, сказав: «Вы первый решились мне это сказать», отошел. Но спохватившись, снова адресовался к геологу: «Мне уголь нужен, где же я его возьму?» — «В. в. будете его покупать в Ньюкестеле и других английских портах». Затем Николай уже не адресовался больше к нему..

щем, т. е. били не на живот, а на смерть кого Иван Иванович или Карл Иванович прикажет. Зато на более скромном поприще — передней, конюшни и гумна каждый из них сам становился Петром I, отцом-просветителем. Сколько свежих и здоровых людей, поколений легло в могилу, было искалечено, прежде чем приватное дворянство дворни обучилось артистически подавать шубу, эстетически священнодействовать с тарелкой в руке и не хуже Вателя готовить артишоки à la Varigoule! Сколько деревень, сел, волостей было вконец разорено на заведение «в виде опыта» невозможного хозяйства и ненужных фабрик!

Словом, такого поучающего государства мир не производил, история не помнит. Целые существования людские проходили в труде и поте на пользу воспитания ближнего; и эти ближние, происходя в чины, снова занимались учением других и сами были поучаемы до гробовой доски. «Сладкого плода» науки, о котором говорит пословица, никто не вкушал. Семидесятипятiletний лакей моего отца — Яков Игнатъевич Бакай, о котором я уже имел случай говорить *, в преклонных летах своих с утра до ночи учил, т. е. таскал за волосы и бил двух мальчиков, взятых во двор, и одну ньюфаундлендскую собаку, жившую на дворе, несмотря на то, что воспитанье мальчиков и собаки ему вовсе не было поручено; это все в силу петровского толчка. В. к. Михаил Павлович с нежного возраста восьми лет *учил* солдат. Раз сбился с дороги, вздумал в самом деле взять крепость, положил свое войско под подорванными стенами Браилова *, махнул рукой, отказался от пустых лавров и пошел опять учить и выправлять солдат, и учил и выправлял до дня своей кончины.

Здесь кстати заметить всю верность взгляда цесаревича Константина, что война портит армию. Война вообще мешает *ученью*. Последствия 1812 года были плачевны в смысле педагогическом. Весь современный беспорядок идет оттуда. Пожар Москвы был страшной прорухой в дисциплинарном порядке: сожги ее Наполеон — было бы очень хорошо, сожги ее Ростовчин по форме, по высочайшему приказу — все было бы в порядке вещей. Но правительство не приняло на себя ответственности, а французов, кроме Шишкова, никто в пожаре серъ-

езно не обвинял. Укрепилась пагубная мысль — что жители сами сожгли свои дома и что это геройский подвиг... как будто город не казенное добро и не государственное имущество? Результат самовольного поджога и ряда побед был тот, что лучшие ученики захотели учиться по своим книжкам, а не по казенным, им казалось, что они не маленькие, если делают такие огромные дела.

Петровская традиция в них осталась, и им тоже хотелось делать опыты и учить, но не для приращения казенного интереса, а собственного своего. Глаза их были тоже обращены на Запад, но уже они не останавливались на одних формах, фасадах, покроях, а изучали внутреннее устройство жилья, быстро усваивали себе сущность западного воззрения. Эта усвояемость несомненно свидетельствует о шире понимающа и ловкости соображения, но не надобно забывать, что в этом усвоении и состоял *весь* их подвиг. Труднейшая часть всякой теории — ее приложение, ее фактическое, а не диалектическое развитие, ее практическое применение. Ее прикладная, т. е. жизненная сторона вопроса, — она была вне их возможности. При первом опыте непокорных учеников выйти на свет и волю ученое правительство раздавило их, т. е. перевешало, посадило на снег и руду, заперло их в петропавловский карцер*. На первое время все казалось ладным, так что незабвенный больше из роскоши и шалости забрил несколькими московским студентам лоб и послал других в ссылку*. Но в сущности правительство раздавило только *людей*, мысли остались, взошли внутрь и бродили... Николай Павлович подозревал это и держал тридцать лет кого-то за горло, чтоб тот не сказал *чего-то*, и только что Мандт доложил ему, что он высочайше скончался, как *кто-то* закричал во все горло и на всю Россию: «Теперь баста!»

Сотней голов мы проделывали в тридцатилетнем загоне вековые драмы западного развития, жили ими, страстно принимали их к сердцу, страдали их прошедшими страданиями — надеялись их надеждами... отдавались им беззаветно, откровенно и быстро изнашивали их знамена самой стремительностью и преувеличением. Догнавши старших, мы вместе с ними хоронили одну фазу их развития за другой и, не оставаясь на могиле, торопились навстречу наследнику. Мы пережили

в темную, глухую ночь, рядом сновидений, всю западную эпопею. Пасхаль говорит, что царь, спящий полсутки и видящий во сне, что он пастух, и такой же сонливый пастух, также видящий во сне, что он царь,— равны *. К нашему меньшинству это совершенно идет, тем больше что сны наши не были простые. Мы дремали — слыша сквозь сон какой-то стон, разлитой в воздухе, дремали — придавленные свищевой гирей, и притом сны были так яркие, так ясны, что их можно назвать временным переселением душ. Так, как древние ходили в преисподнюю, так мы отступали в прошедшее, становились на время предками и жили, например, всю революцию от ослепительного утра ее в 1789 — до «закладки», которую судьба положила в ней, как сам себя назвал Наполеон... Кто из нас не слышал громовых речей Мирабо и Дантона, кто не был якобинцем, террористом, другом и врагом Робеспьера, даже солдатом республики у Гоша, у Марсо?.. Даже сумеречные времена и неясные фигуры времен Реставрации и Людвига-Филиппа отражались в нас со всеми своими вопросами и гневными. Мы обижались, что *иностранцы* посадили Бурбонов на трон, и плакали с Беранже о утраченном знамени *, забывая, что победители мы и что наше знамя было твердо и высоко в руках какого-то преображенного троглодита...

...Все эти сны — сны революции, сны философии, сны поэзии — были долею наяву, и в этом-то их важность. Прививная оспа все же действительная оспа, несмотря на то, что она слаба, снята с другого организма и не заставляет сильно страдать. Если б этого не было, она не предохраняла бы от натуральной, она не имела бы смысла.

Прошедши в лунатизме по стремнинам и утесам, нам возвращаться не нужно, дорогу мы все же сделали. Мы так же пережили Руссо и Робеспьера, как французы, Шеллинга и Гегеля, как немцы. Но все выжитое нами, все приобретенное было в сфере мысли и сознания, в практический мир новых оспопрививателей не пускали, генерал штаб-доктор в ботфортах стоял у дверей *.

От этого мы в прикладном мире сильно отстали, там нам следует протверживать «зады», читать по складам, да и то азбуку. Дивиться нечему; мы, резко и смело критиковавшие немецкую

философию, французскую республику, английскую конституцию, не смели явно усомниться ни в святости крепостного права, ни в пользе телесных наказаний.

Лиха беда была отчалить. Как только правительство нанесло удар рабству, с дня на день можно было ждать ряд конституционных попыток. Вместо Земского собора, Земской думы потребовали думу боярскую, явилась попытка жмудских норманнов и татарских баронов, сто лет тому назад избавленных Петром Федоровичем от телесных наказаний * и выросших теперь до требований времен крестовых походов, — ограничить белой, дворянской костью царский произвол. Беды нет, успех невозможен, а за почин им спасибо. Оспа, снятая с торизма, оказалась очень кроткой и доброкачественной (*benigna*, как выражались старинные врачи), от нее едва останется рябина на нежном плечике московского дворянства, вот и все. Словом, вреда никакого, а путь указан, слово произнесено, печать молчания сломана — не в главном заведении, в котором все подпечатывают, а всенародно, в дворянском собрании.

Вот существенное, *субстанция*, как выражался в Иегове почивший Спиноза, остальное — «атрибуты, акциденции» *.

Ну и надобно признаться, что касается до этих акциденций и атрибутов... это своего рода саро d'орег...¹ Тут комизм так перемешан с отвратительным, Офросимов с Катковым, молодое желание свободы с старыми заступниками крепостного права, что человек равно чувствует невозможность смеха и плача, гулового осуждения и откровенного сочувствия.

Для нас фарса с речью, подsunутой Офросимову (как ее рассказывает «*Indépendance*»), нецененна *. Революция, начинающаяся с фальша, с лубочной арлекинады, должна была окончиться в чернильнице валуевского писаря или в применении черкасских розог к шалунам, обманувшим безграмотного шарика *.

Хорош также и à rporos²... мы долго думали, что за муха укусила Английский клуб и лордов его... Отчего вдруг Безобразову стало уж так моркотно жить без ограничения царской

¹ образцовое произведение (итал.).— *Ред.*

² повод (франц.).— *Ред.*

власти, а Орлову-Давыдову — так невмочь терпеть l'arbitraire?¹ Мы все искали Чацкого, который произвел всю эту кутерьму. И вышло, что этот Чацкий — Константин Николаевич — l'imprégné², ничего не делающий после приезда в Петербург, как ничего не делал в Варшаве *. Видите, испугались, что его назначение остановит палачей в Литве и в «Моск. ведом.», что не всю Польшу вывешают и ушлют в Сибирь, что не весь Катков будет печататься. Неукротимые бароны и мирзы, дети степной воли и Английского клуба, этого не могли вынести. Они-то встрепнулись и кликнули клич по всем уездам московским: «Постоим-де, братцы, за Иверскую Божию мать, не дадим в обиду наших. Пойдем за свободу действий Муравьева и за вольное катковское слово!»

Нет, господа, этим путем до свободы не дойдете и не доедете ни даже с двумя форейторами и одним гайдуком.

¹ произвол (франц.).— *Ред.*

² непостижимый (франц.).— *Ред.*

ЦАРСКОЕ NON POSSUMUS¹

Несмотря на головомойню московскому дворянству и на рекламу своему царствованию, Александр Николаевич втихомолку примеривает конституционные формы*. По несчастью, болваном конституции он избрал катковского Муравьева. Вот две замечательные ограниченности царской власти, два *non possumus*'а восточного папы. Графов Потоцкого и Тишкевича потребовали зачем-то в Литву. Один болен, у другого жена умирает. Оба они лично знакомы с государем — *по охоте*, а вдвое того, верно, по неволе... оба доказали свою преданность и благонамеренность и медведями, и собаками, и плошками, и балами. Оба попросили они короткую отсрочку. Конституционный император смиренно отвечает: «Не могу, я дал слово не мешаться в распоряжения Муравьева».

Но еще это поляки. А вот что, говорят, случилось с русским, да еще больше — с русским генералом, и притом из немцев. Граф фон дер Остен-Сакен получил от своего управляющего донесение, что Муравьев обложил его именьем тем калымом, которым он разоряет поляков. Остен-Сакен пишет управляющему, чтоб он не вносил денег, и протестует. Муравьев посылает экзекуцию, велит арестовать управляющего и взыскивает деньги. Граф пишет к государю, говорит, что его больше денег оскорбляет то, что с ним поступают, как с инсургентом, и просит, чтоб ему возвратили деньги. Конституционный монарх отвечает: «Не могу, я дал слово не мешать Муравьеву»...

А тот чем занят, что государь боится помешать?— *Осквернением трупов*. Месяца два-три тому назад, в одном уездном

¹ мы не можем (лат.).— *Ред.*

городе Виленской губернии был расстрелян молодой человек¹; его мать, больная старушка, очень уважаемая в городе, упростила офицера дозволить труп сына похоронить на кладбище. Это дошло недели через две до Муравьева. Он отправил полицейских с командою отрыть труп и бросить на место казни*.

Все вкусы гиены сохранились под этими генерал-адъютантскими эполетами.

¹ Мы читали сами этот факт в письме к нашему знакомому.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ

Нам пишут, что русский генерал с немецкой фамилией, с которого Муравьев назначил польскую справу, не *Остен-Сакен*, а *Корф* и что не граф *Потоцкий*, а гр. *Браницкий* просил отсрочки у самодержца, ограниченного Муравьевым. Хотя замена имен и не изменяет фактов, но спешим сделать эту поправку.

Перед нами одно письмо из Литвы и одно из Москвы.

В первом подробно рассказана история неистовства над трупом отрока, о котором мы говорили в прошлом листе. Дело выходит, что эту гнусность выкинул не Муравьев-рёге, а Муравьев-филс *. Что за счастье этому человеку, он может спокойно закрыть последний глаз и утонуть в собственной воде, имея такого достойного сына и наследника.

18 января с. г. в м. Ужвенты, Ковенской губернии, Шавельского уезда, за участие в борьбе Польши за независимость расстреляли учителя Шавельской гимназии (стало быть, мальчика, а не молодого человека) *Тавтовича*. Несчастная мать убиенного вымолила у шавельского военного начальника полковника Тинькова позволение похоронить тело в семейном склепе. Узнав об этом, ковенский губернатор, сын Вешателя, предписал жандармам арестовать участвовавших в вырытии тела, разбить семейный склеп Тавтовичей, вынуть из него труп мальчика и зарыть опять на месте казни. Полковник же Тиньков за мягкосердие немедленно был смещен.

Это второе издание Муравьева должно быть великолепно. О его прежних делах нам случалось не раз слышать и говорить*. Но вот новая черта, сообщаемая тем же письмом. Муравьев jun., прищипывая усердие своих чиновников, несколько раз повторял им: «Я покажу вам, что я не мой ополчившийся отец!» Он вообще находит, что отец стар и не довольно энергично действует, что он стал мягок. Вот каковы нынче сыновья! Это все после «Отцов и детей» пошли такие опрокинутые Бруты.

Он ли (Муравьев-рёге), — соболезнует письмо, — не принимал меры для обрусения Литвы? не лез ли, как говорится, из кожи, чтоб доказать свою преданность государю самым зверским и бешеным управлением этою несчастною странюю? не заменял ли приговоров военно-судных комиссий, приговаривавших тех, кои не принимали слишком деятельного участия в польском восстании, к нескольким годам ссылки на житье в великорусские губернии — на смертную казнь? не ссылал ли 16-летних помещичьих дочерей, одних, в сопровождении пьяных жандармов, за несколько тысяч верст, потому только, что отцы или братья их принадлежали к восстанию? не запрещал ли, вопреки закону, следовать за ссыльными женам их? не назначал ли мужа в одно, а жену в другое место, точно так же матерей и дочерей? не жег ли сел и городов, не равнял ли с землею помещичьих дворов за то, что через их имения проходили инсургенты, хотя помещики жили спокойно на его глазах в Вильне? не выселял ли целых деревень или десятков семейств за то, что из этих деревень кто-то пошел в восстание? не позволял ли усердным русским патриотам плевать в лицо ведомых на смерть католических священников, с приговоркою: «Вот тебе снятие сакры»? не приказывал ли, в день исполнения смертных приговоров над поляками, делать вечером балы и заставлял танцевать их родственниц? и пр. и пр. И за все эти великие подвиги быть названным, и кем же — своим собственным сыном, — *ополячившимся*. Страшно и больно! Не даром об сыне идет традиция, что, будучи мальчиком в гостях у гродненского предводителя, помнится у кн. Святополка Четвертинского, он повесил козу, принадлежавшую детям предводителя.

Муравьев Вешатель, — продолжает письмо, — запретил в Литве ставить в поле кресты с распятием, под штрафом 50 руб. с того, на чьей земле католический крест будет поставлен, и 25 руб. с того, кто ставил. Велел отвести по одному алтарю в католических костелах для православных попов, вследствие чего католические священники, по каноническим законам, не могут служить в этих костелах обеден. Велел взыскивать в виде подати за крещения и венчания католиков по католическому обряду от 10—25 руб. сер.; крестьяне же, кои крестили бы своих детей или венчались у попов, ничего не платят. Католические костелы (некоторые) в Вильне и в Литве превращаются в православные церкви, например, древний францисканский в Вильне. Францисканы первые проповедовали католическую веру в Литве. Запретил в Вильне на улицах говорить по-польски, невзирая на то, что многие старики вовсе не знают русского языка. Штраф за это, т. е. за польский разговор, полагается на первый раз 10 руб. сер. Недавно известный виленский книгопродавец Иосиф Завадский, старик, никогда не говоривший по-русски, за то, что на спрос о какой-то книге отвечал по-польски, был подвержен штрафу 75 руб. сер. Запретил в Литве говорить при встрече: «Niech będzie pochwalony Jezus Chrystus!» Издревле крестьяне в Польше и Литве и дворяне, при встрече с собою здороваясь, говорили эти слова или по-латыни: «Laudatur Jesus Christus», т. е. «Да славится имя Иисуса Христа!»

«Литовский вестник» («Kuryer Wileński»), издаваемый по-польски, после по-польски и русски, как равно и «Месяцословы», велел издавать по-русски. На нынешний год «Месяцослов» гласит, что великий князь литовский Ольгерд был православный, а также и сын его, король польский Владислав Ягелло, и что он назывался не Владиславом, а Яковом Андреевичем. А мы ведь думали до сих пор, что наш Владислав Ягелло при вступлении на польский престол из язычников был окрещен краковским архиепископом Бодзантою (уж тоже не православным ли?) в Кракове по римско-католическому обряду и наименован Владиславом. Еще годик-два, и мы под отеческим правительством Михаила Николаевича Муравьева усомнимся, пожалуй, сами в том, что мы поляки и католики. Может быть, нас крестили православные попы, переодетые в католических ксендзов? Да и сам папа Пий IX не православный ли, в самом деле, тайным образом по крайней мере, святой отец?

Письмо из Москвы состоит из подробностей *конституционной агитации*, к которым прибавлены выписки из «Вести». Подробности не все удобны для печати. Скажем одно: искренно жаль, что первые свободные слова, произнесенные публично, и долею, наверное, людьми, горячо желающими добра, не найдут, по их *mésalliance*'ам, сочувствия; они поднялись, как блуждающие огни из топкого болота, и должны были исчезнуть, как они. Судите сами. Вот что пишет «Весть» в 4 N:

Из Москвы. 9 января. Вы уже знаете, что г. Ростовцев (*какой?*) сделал в дворянском собрании предложение о выражении сочувствия гг. Каткову и Леонтьеву за их полезную деятельность и желания, чтоб они продолжали эту деятельность. Многие находили, что дворянскому собранию не время заниматься этими вопросами. Однако же, по уездным столам стали подписывать письмо на имя К. и Л. Но дальнейшая подпись была остановлена письмом самих гг. К. и Л., которые просили не давать дальнейшего хода этому делу.

9 января г. Безобразов сказал несколько слов о важных заслугах г. Каткова. Он упомянул, что этот человек раздавил змею, которая распространяла яд в нашем молодом поколении, и разбил *преаренный* «Жолокол». Другая его заслуга состоит в ратовании за ту мысль, которою мы все преисполнены, — мысль о единстве России.

Затем вот отрывок из очень неуклюжей, тяжелой речи графа Орлова-Давыдова. Говоря о финансовом расстройстве

России, ораторствующий граф вдруг, ни к селу ни к городу, прибавляет:

Я вижу в настоящее время не одно материальное расстройство; я вижу еще попытки с разных сторон потрясти все нравственные основы и колебать наши верования и все те нравственные понятия, в которых мы были воспитаны. С какою целью переводят на наш язык и печатают книги вроде Бэклиа (!!!), отвергающего всякое участие провидения в человеческих делах? Я спрашиваю, с какою целью распускают между крестьянами дешевые книжки и ими знакомят крестьян с именем Бунзена (!), который первый подал мысль о сочинении новой библии и нового евангелия, приспособленного к настоящим понятиям? Разве нельзя было сослаться, по случаю *благотворительных женщин*, ни на кого *из отцов* церкви? А если нужно современное имя, разве нельзя было вспомнить о Гизо в Париже, о Навиле в Женеве, о Чальмерсе в Англии? Как же возможно было в самой Москве не вспомнить об одном еще ясном и еще горящем светилах, о том пастыре, который имеет самые обширные понятия во всех религиозных делах и который привлекает тысячи слушателей в Успенский собор? * (*громкое одобрение*).

Грязно-красное пятно, которое на себя взяло московское помещичество непрошеным заявлением своей нежности к палачеству, поддерживаемому муравьевской веревкой и чернилами «Московских ведомостей», оно не смочет. Пятно это, как и следует, пойдет в родовое наследство столбовым олигархам Московской губернии. Без всякого вызова, без всякой нужды, без общественной опасности, в то время когда весь свет с изумлением, с отвращением смотрит на беспримерное в наш век зверство смертных казней, продолжающихся после победы, — люди, домогающиеся свободы и человеческих прав, жмут руку Маратам царизма, куртизанам палачей. Они начинают свой лепет о представительных правах с того, что за добривают похвалами и гостинцами панегиристов Муравьева *, и кончают криком папской энцикликвизитики ¹*

Неужели эти господа в самом деле думают, что, поддерживая кровавое гонение целого народа, рабство мысли и науки, они достигнут до монополия свободы, так, как потворствуя всему скверному, что прежде делало правительство, они достигли до монополия рабства?

¹ Отчего корреспондент наш не прислал речи Голохвастова * — сдается, что она дельнее прочих? Нельзя ли ее достать?

Никогда!¹

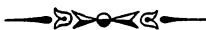
Еще слово. Теперь мы вполне верим, что «Колокол» — сила». Безобразов поставил поприще его в первую заслугу г. Каткова, а спасение единства России во вторую. «Норд» еще прежде, в каком-то опыте надгробной речи г. Каткову, сказал, что Россия до конца дней не должна забывать, что издатель «Московских ведомостей» стер нас с лица земли.

Но мы должны крепко огорчить друзей г. Каткова — *vos morts et vos mourants se portent assez bien*².

Презираемый Безобразовым, разбитый *Колокол* звонит, *зовет живых* как прежде, будет звать, и это еще вопрос, для нас не вовсе ясно решенный, что дольше останется: наш ли звон или нынешнее направление «Москов. ведомостей»?

¹ Как до костей мы прогнили от рабства, как для нас чуждо всякое независимое действие, каким *конституционным* сифилисом помещичьего, фельдфебельского и педельского деспотизма заражена вся наша кровь, это поразительно! Рядом с нелепостью Давыдова-Орлова, требующего отчета, почему переводчики Бэкля не переводят Навиля и почему не говорят о Филарете, когда хотят говорить о Бунцене, — посмотрите эту синодальную, квартальную злобу, с которой накинулся Катков на какого-то русского купца, построившего на свой счет иноверческую церковь. Мы не скажем, как Платон: «Восстани, Петр!» * Нет, пусть лежит на месте. Много сделал он нам вреда, он окончательно сломил уважение к личной воле.

² ваши мертвые и умирающие чувствуют себя довольно хорошо (франц.). — *Ред.*

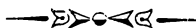

ЗАПРОСЫ САНОВНИКАМ

В списке лиц, которым воспрещен въезд в Россию, находится *принц Наполеон*, т. е. ни более и ни менее как император Наполеон III. Список этот есть в Таурогене, в Вержболове и пр. и пр., он печатный. Против имени принца отмечено: *«учтиво отклонить»*... Что касается до учтивости, то наш самодержец пломбы и таможен Войт за себя постоит, а все как-то не по-братски — самому кататься по Франции до самых аннексаций*, а Наполеона Войтом учтиво отклонять от самой границы.

Рядом с этим нескромным вопросом наворачивается другой. Не скажет ли нам г. Жданов, производивший следствие по симбирскому пожару*, много ли открыто нигилистов, много ли поляков, а главное — не скажет ли чего-нибудь насчет несчастья, постигнувшего канцелярию подполковника Бендерского, сделавшуюся жертвою хищной стихии, точно так же, как и канцелярия его предшественника, поглощенная той же ненасытной стихией?

ЛИБЕРАЛЬНИЧАНЬЕ «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Оттирая всеми средствами русского крестьянина от дел самоуправления, даже в той скудной мере, в которой уступает ему правительство, орган неокрепостников и истребления Польши вдруг поместил в 37 №. следующую *либеральную фразу*:

Из помещенных ниже, в нашей «Последней почте», сообщений «Северной почты» о составе уездных собраний Самарской губернии видно, что *большинство в этих собраниях состоит из крестьян*. Собрание, состоящее наполовину из людей неполноправных и неграмотных, не может быть местом для *серьезных обсуждений и вообще есть дело крайне неудобное*. Когда крестьянскому большинству в уездных собраниях Самарской губернии вверены такие дела, как раскладка земских повинностей, как народное просвещение, продовольствие, призрение, здравие, и когда все уездное хозяйство поставлено в зависимость от их приговоров, то не оказывается ли самую настоятельную необходимостью возвысить юридическое положение этих людей? Не заключается ли серьезная опасность в том, что эти люди, которых приговорам подчинены все жители уезда, в свою очередь трепещут каждого станového пристава или исправника, имеющего право подвергать их, или по крайней мере их отцов и сыновей, телесному наказанию?

Засим разглагольствование о сближении сословий:

Чтобы действительное сближение было возможно, необходимо, чтобы гражданские права крестьян были хоть сколько-нибудь возвышены, чтобы закон трактовал их как взрослых людей, а не как детей, на которых нужна розга.

Договорившись до уничтожения розог, Катков испугался и, чтобы успокоить умы, прибавил:

Мы не говорим о совершенной отмене исправительного телесного наказания, но при оказавшейся необходимости озаботиться сближением сословий не следует ли признать, что исправительное телесное наказание должно бы потерять характер сословного признака и распространяться лишь на порочных, беспорядочных и грубых людей, с которыми, как с штрафными солдатами, без телесного наказания нет возможности совладать?

В том же N «Москов. ведом.» чрезвычайные путевые происшествия каких-то почтенных помещиков, ездивших на земские выборы в Бузулук. Помещики эти, без предварительных собраний, без объяснения с избирателями, приехали (как, вероятно, и все другие) *за несколько часов* до выборов в снегом хранимый город Бузулук. Вот картина избирательного собрания:

В трех низеньких, наполненных табачным дымом комнатах, из которых одна была немного побольше, толпилось 73 человека избирателей из дворян, купцов, духовенства и крестьян. С первого взгляда было заметно в этом собрании резкое разделение сословий. Крестьяне вместе с купцами держались особняком в той комнате, которая была побольше; большинство из них сидело чинно на поставленных среди комнаты лавках, поглаживая бороды, с любопытством и как бы с недоумением оглядываясь кругом и изредка перешептываясь друг с другом. Первые две комнаты занимало дворянство; здесь было несравненно оживленнее, все ходило взад и вперед, раздавался говор неумолкаемый, но трудно было разобрать, что именно говорилось, так как говорили почти все в одно время. Духовенство держалось между третьей и второю комнатами, видимо желая, по как будто не решаясь перейти к дворянству.

Крестьяне вообще представлены оторопелыми, непонимающими, не то «что дворянство, искусившееся в выборных делах». И, вероятно, в доказательство их тупоумия приводится следующее замечание, когда стали второпях баллотировать 36 гласных из людей никому неизвестных:

От крестьян было сделано два-три замечания, некоторые из них говорили нам: «Жаль, что дело так повели, приходится нам класть шары, а из *ваших* *молодцов* мы почти что никого не знаем; говорил нам кое про кого *производитель*, да все-таки не знаем, и вы наших тоже не знаете. Нужно было бы прежде сойтись да потолковать, друг бы дружку немного узнали, и справки бы навести можно было.

Интересно знать, что же умнее было сказано в первых двух комнатах, в которых было оживленнее?

«Л. САМАРИН и Н. БЕКЕНЕВ»

Двое молодых людей, *Л. Самарин*, вольный слушатель Петербургского университета (22 лет), *Н. Бекенев*, гимназист (19 лет), были подвергнуты Государственным советом чрезвы-

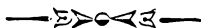
чайно опасному милосердию государя и вышли из него рядовыми солдатами. Виновы эти юноши, так жестко пораженные монаршим милосердием, «в покушении на принятие участия в бывшем в западных губерниях мятеже», и за это покушение, за это намерение участвовать, Государственный совет счел их достойными «лишить всех прав состояния и казнить смертью». Но взяв в рассмотрение, что молодые люди ровно ничего не сделали, кроме самовольной прогулки, Государственный совет принялся изыскивать средства смягчить их участь; ближайшее облегчение было бы казнить их смертью, не лишая прав состояния, но, вероятно, и это казалось Совету слишком строгим. Перебравши купно с известным экспертом всякого милосердия и смягчения — с виленским Муравьевым, — он дошел до следующей *думы* в своем *мнении*:

Приступая к избранию для подсудимых одного из сих наказаний, Государственный совет не мог не заметить, что хотя высочайше утвержденным 22 марта 1860 г. мнением Государственного совета и воспрещено отдавать за преступления в военную службу, но действие сего общего закона, за силою ст. 70 основ. госуд. зак. не должно распространяться на настоящее дело, как принадлежащее к числу тех, для коих именно издан закон специальный, изображенный в высочайше утвержденных 11 мая 1863 года правилах. Признавая посему, что к вине Самарина и Бекенева должен быть применен этот последний закон, и имея в виду, что сии подсудимые, по выраженным ими чувствам полного раскаяния и молодости лет, подают надежду на исправление, в особенности при строгом за ними надзоре ближайшего начальства, Государственный совет нашел более удобным отдать их в солдаты. По всем сим соображениям, Государственный совет *мнением положил*: участь Самарина и Бекенева повергнуть монаршему милосердию.

Как штука ни проста, но князь Павел Павлович ее выдумал не без *grano salis**: «Хотя, мол, наказаний и много, но мы выберем то, которое государь воспретил 22 марта 1860 и разрешил 11 мая 1863 года. Надобно же ему напомнить, что нельзя менять законы как лампы и выпушки, а вместе с тем хорошо воспользоваться, чтоб дать огласку высочайшей шаткости, чтобы впредь государь был осмотрительнее». Если б это было без намерения, на что же Совету было выводить на справку отмену и отмену отмены?

А молодые люди пошли в солдаты за «намерение участвовать». Тут все хорошо: и царское милосердие, и юридический смысл Совета. А пронос к Совету.

Бутков попал под телеграммы...* Помнится, до морового пожара была мода ставить старичков на юбилей, ставили Вяземского и Сухозанета, Ковалевского и Греча, Миллера и Шульца; после пожаров юбилеи заменились телеграфическими депешами от всех подчиненных всем начальникам, от купцов — великим князьям, от всех любящих казни — Муравьеву и пр. и пр. Отыскивая новых субъектов, сыщики великих подвигов добрались и до нашего *général Routkoff*. *Его* благодарят за юридическую реформу, его и Павла Павловича Гагарина*, разные помещики, сделавшиеся аматёрами законоведения и обедающие в честь реформы, что во всяком случае не так сви-репо, как обедать в честь казней. Кто следующий?

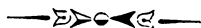

⟨ПРЕДЛОЖЕНИЕ Н. М. СМИРНОВА И ПР.⟩

«¿Правда ли, что Н. М. Смирнов прочел при рукоплесканиях в Москов. двор. собрании предложение о том, чтобы в прошении государю было выражено желание дворянства установить на прочных началах *вотчинную полицию в лице помещика* и распространить патронатство и патримониальное право не только на временнообязанных, но и на крестьян-собственников и на казенных?»

«¿Правда ли, что в проекте адреса государю было прибавлено там, где говорится об избрании лучших людей от дворянства, которые бы, не получая жалованья, окружали престол и пр.: „из столбового дворянства и из рода в род наследственно“ и что эти слова были вычеркнуты за четверть часа до торжественного чтения?»

Что же удивительного после этого, что эти столбовики хотят поднести гостиниц Каткову и взять его к себе в нахлебники!

ПИСЬМО К ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II

Государь, судьба неумолимо, страшно коснулась вас. Грозно напомнила она вам, что, несмотря на помазание, ни вы, ни ваша семья не освобождены от общего закона, — вы под ним. Она два раза отметила семейство ваше, раз острием косы и раз ее тупой стороной — смертью вашего сына и странными слухами насчет его брата*.

К бесчисленному числу польских семей, повергнутых в глубокое горе, потерявших сыновей своих, прибавилась еще семья в трауре — это ваша семья, государь. Она счастливее их, ее горе не будет оскорблено. Между нами, противниками вашей власти, не найдется ни одного бездушного негодяя, который проводил бы гроб вашего сына обидой, который хотел бы сорвать траур с матери или сестры, отнять тело у родителей и могилу у слез... всего того, что делали и делают ваши Муравьевы в Польше.

В жизни людской есть минуты грозно торжественные, в них человек пробуждается от ежедневной суеты, становится во весь рост, стряхает пыль — и обновляется. Верующий — молитвой, неверующий — мыслью. Минуты эти редки и невозвратимы. Горе, кто их пропускает рассеянно и бесследно! Вы в такой минуте, государь, — ловите ее. Остановитесь под всею тяжестью удара, с вашей свежей раной на груди и подумайте, только без сената и синода, без министров и штаба, — подумайте о пройденном — о том, где вы и куда идете.

Если и смерть сына не может вас разбудить, исторгнуть из дребезжащей и призрачной среды, в которую вас поставило ваше рождение, то что же вас разбудит? Разве одно лишение престола, т. е. пустота и печальный досуг, всегда сопровождающие вдовство этого рода. Но такое позднее пробуждение будет, может, хорошо для вас, но бесполезно *для других*. А эти

другие, когда речь идет о вас, — *весь народ русский*. Вот это-то и нудит меня неотступно опять писать к вам.

Первое письмо мое не прошло даром *. Невольный крик радости, вырвавшийся из дали добровольной ссылки, подействовал на вас. Вы на минуту забыли, что я по рангу не имею права говорить с вами.

Язык свободного человека был для вас нов, вы в его резких словах поняли искренность и любовь к России — вы тогда еще не ссылали утопии на каторгу, не привязывали к позорному столбу человеческой мысли *. Это был медовый месяц вашего воцарения, он заключился величайшим актом всей династии вашей — *освобождением крестьян*.

Победивший Галилеянин, вы не умели воспользоваться вашей победой. Вы не умели удержаться на той высоте, на которую вас ставил манифест 19 февраля. Вашу шаткость заметили, вы были дурно окружены, вас увлекли... и вы сошли с вашего пьедестала при свете какого-то горящего рынка *, опираясь на тайную полицию и явно подкупленную журналистику. Вы испугались, поверивши нелепой клевете, и не догадались, что это клевета — даже и тогда, когда все ваши инквизиции и инквизиторы, работая до поту лица целый год, с той ширью средств, с той безответственностью, которыми располагает русская полиция, не нашли ни одного виновного.

Вас испугали несколько печатных листков, в которых раскованное слово, после тридцатилетнего молчания, перешло ценсурную меру *. Вас испугал крик вашими же министрами подкупленных журналов и голос тех же советников, которых корыстные советы вы отвергли в деле освобождения крестьян, и вы начали бой с молодым поколением, — бой грубой власти, штыков, тюрем — против восторженных идей и вдохновенных слов. Ваш предшественник воевал в Польше с детьми *, вы воюете в России с юношами и отроками, поверившими вам и вашим органам, что для России настала новая эпоха.

С потухающим заревом этого несчастного пожара и вы бледнеете, черты ваши теряются, вы отступаете на второй план, и вместо вас выставляется знакомая нам система отпора и угнетения, бесправья лиц, незаконности судебных комиссий, — система вашего отца с прибавлением риторики и крови.

Русской крови — во-первых.

Какой несчастный, черный день был для России и какой черный грех вы приняли на душу, когда, под влиянием панического страха и клеветы ваших клеветов, вы разрешили себе *кровь* и, еще хуже, облекли ваших генералов правом ее лить, как будто вы не знали, кто они.

Неужели вы спокойно спали, когда падали, сраженные пулями, то Антон Петров, то Арнгольдт, Сливицкий и др. Неужели вы не оцепенели от ужаса, когда в Нижнем расстреливали по подозрению, а в Киеве — за драку и грубые ответы *. Вы не могли привыкнуть к убийству и не могли шутя тушить жизни, как карнавальные свечки, — между вами и Петром полтора года лет.

Прошедшее немо, самодержавие не простирается на него. Убитых вы не воротите. Искушите вину вашу перед живыми и, стоя у гроба вашего сына, отрекитесь от кровавой расправы. Возвратите нам нашу гордость, что при всей неразвитости нашего законодательства в нем не было смертной казни и палач показывался на помосте, пугая целые поколения своим *незаконным* появлением, раз или два в столетие.

...Подумайте, как изменилось ваше положение, с тех пор как вы сели на престол. Тогда вам стоило свободно идти, вести, вы освобождали крестьян, от вас все ждали добра, чего-то хорошего — тогда вы хоронили прошедшее... Теперь мрачно около вас, дела застряли, денег нет, избивается целый край *, юноши идут на каторгу, учителя народа идут на каторгу, на гласисах крепостей * вешают, расстреливают, и вы хороните ваше *будущее*.

Да, государь, теперь настала минута, в которую вам надо решиться, который из ваших путей вам продолжать... Надгробный памятник вашего сына становится на дороге указательным знаком и грозным напоминанием.

Решитесь, не дожидаясь второго удара, — может, тогда будет поздно, может, он будет слишком силен.

Вы видите ясно и едва можете скрыть, что старая машина, ржавая и скрыпучая, устроенная Петром на немецкий лад и прилаженная немцами на русский, негодна больше. Вы видите, что нельзя больше управлять народом в семьдесят миллионов, как дивизией. Фрунт не стоит больше «смирно». Есть

люди говорящие, думающие, недовольные, догадавшиеся в Крыму, что команда плоха. Есть люди, знающие, что под Альмой, под Инкерманом, на Черной — пала не Россия, а петербургский регимент *. Вы знаете, кто не пережил Евпатории и кто пережил самый Севастополь, утер слезу и порох и пошел вперед. Вы все это прожили и пережили и думаете, что заменю откупа акцизом и Земского собора земскими учреждениями вы удовлетворили Россию?*

Если вы это думаете, то это оттого, что вы не знаете ни о чем страдает Россия, ни чего она хочет. И как же вам знать? Печать не свободна, да и вы мало читаете. Видите вы одних слуг, зависящих от вас, лгущих перед вами! Свободных людей, поднимающих голос, вы казните. Был человек, убежденный, что вы хотите добра России, молодой, чистый и благородный, он пробился до вас. Вы велели Орлову его поцеловать в 1859 году, а в 63 бросили его в каземат, где он теперь в ожидании сентенции, — это Серно-Соловьевич *. Был крестьянин, веровавший в вас, видевший в вас своего «земского царя», восторженный фанатик; он откровенно, горячо написал вам письмо, в котором говорил о нуждах народных. Написал его из Лондона и сам передал себя в ваши руки, вы его послали в рудники *. Вы с беспримерной свирепостью осудили единственного замечательного публициста, явившегося в ваше время. А знаете ли, что писал Чернышевский? В чем состояло его воззрение? В чем опасность, преступность? Можете ли вы на этот вопрос отвечать самому себе? Из нелепейшей сенатской записки вы ничего не могли понять *.

Ясно, что нужны голоса громче и сильнее, чтоб перекрычать трубы и литавры, вас окружающие, чтоб слова перешли за кавалергардов, за «опричников», как недавно было сказано... * Для чего же вы отдаляете истину, для чего вы обманываете себя, что вы — помимо народного совета и вольной речи — вывезете сядящуюся на мель петровскую барку в широкое русло?

Делайте что хотите, расстреливайте или давайте кресты, посылайте на каторгу или на кормленье, склоняйтесь на сторону Муравьева и его русских заплочных мастеров или на сторону немцев и их балтийских цивилизаторов — самовласть в его николаевской девственности и чистоте вы не сохраните и не восстановите.

Вы сильнее ваших предшественников, но вы сильнее их — освобождением. Союз ваш с народом не должен вам отводить глаза. В венцах из колосьев и сельских цветов, которые вам подносят старосты и войты, есть опасные тернии и семена вредных растений для власти. Вы стали ближе не во имя консервативной идеи, а во имя *революционного начала*, во имя демократического нивелирования дворян и признания аграрного начала в поземельном наделе. Ветшавшая петровская порфира упрочена подкладкой пугачевского кафтана.

Взгляните ясно и просто с Монблана, на который вас поставила судьба, разгоняя стаи галок и ворон, имеющих право приезда ко двору, и вы увидите, что лавированием между казенным прогрессом и полицейской реакцией вы далеко не уедете и сведете себя на один бесплодный отпор, и притом на отпор неоткровенный и лишенный единства.

Не лучше ли же, не доблестнее ли порешить общие дела общими силами и созвать со всех концов России, со всех слоев ее — выборных людей. Среди их вы услышите строгие суждения и свободные речи, но будете безопаснее, чем был ваш дед, окруженный рвами, стенами и лейб-гвардейскими эспонтонами в подбострастной немоте Михайловского дворца*.

Судьба, касаясь холодной рукой смерти до вашей семьи, остановила вас — воспользуйтесь этим. Вы собирались идти дальше тем страшным путем, которым вы идете с половины 1862 года. Возвратитесь с похорон вашего сына на прежнюю дорогу. Нигде не бывает раскаяние легче и очищение полнее, как у близкого нам гроба. Оно вам необходимо для того, чтоб приготовиться к великому земскому делу.

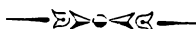
...Но прежде всего остановите руку палача, возвратите сосланных и прогоните незаконных судей, которым поручалась царская месть и несправое гонение.

Не для невинных жертв ваших, не для пострадавших мучеников нужно всепрощение. *Оно нужно для вас.* Вам нельзя человечески идти дальше без амнистии от них.

Государь, заслужите ее!

Искандер.

Женева, Boissière, 2 мая 1865.

〈КОНЧИНА КН. Е. ОБОЛЕНСКОГО
И БОБРИЦЕВА-ПУШКИНА〉

Князь Е. Оболенский и Бобрицев-Пушкин скончались в последнее время. Убыло еще два героя из святой фаланги декабристов.

ПИСЬМА К ПУТЕШЕСТВЕННИКУ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Вы меня забросали вопросами — и что делается, и что делать, и что читать? Какие люди, какие книги, что внутри, что снаружи, куда идут, куда идем, где мы, что мы, и правда ли то-то, и правда ли это-то? О каждом вопросе можно продумать год, написать том, пожалуй, два... дайте же срок, дайте привесть в порядок ваши вопросы и собственные мысли, а главное — дайте прежде всего вас поздравить... не с тем, что вы приехали, а с тем, что вы уезжали, с тем, что вас с начала 1863 года вовсе не было ни в России, ни в Европе. Вы чище нас всеми событиями, которых вы не видали, вы моложе нас всем временем, которого вас не было налицо, вы крепче нас всем здоровым, могучим, суровым воздухом, которым дышали по ту сторону океана... в то время как мы задыхались и исходили стыдом.

Кстати, я очень рад, что вы полюбили Соединенные Штаты *, что вам понравилась их дебелия, резкая красота в противоположность седым и повиснувшим прелестям Европы. Американская война наделала страшную кутерьму и окончательно спутала тощие идейки, которыми пробавлялись государственные мозги глубокомысленных политиков...

Не правда ли, как демократии и республики, управляемые «чернью», бестолковы, беспомощны и только годны для маленьких кантонов и больших диссертаций, как федеральность слаба? Да и что же можно сделать без постоянных войск, состоящих в должности саранчи в мирное время, без крепкой централизации, администрации и, главное, полиции? Все это хорошо в книгах, все это утопии, «остроумные мечты»! * Какой урок,

какой удар! Где та монархия, империя, королевство, где тот священный или проклятый союз помазанных и непомазанных царей, который устоял бы против такого распада и такого междоусобия, который выдержал бы такую войну, на таком протяжении — год, два, три, четыре? Тут все непонятно человеку «старого материка»¹, потому что все ново, все в первый раз. Непонятно не только дипломатам, финансистам, стратегам, рутинерам, дельцам, эмпирикам нашего «Западно-восточного дивана» (à la Goethe, сочиненного на немецком языке), но также непонятно чисто *западным* диванам на Сене и Темзе *. Сегодня войско побито, завтра оно же идет вперед... сегодня не верят последнему выпуску бумажных денег, завтра их выпускают втрое больше и дело поправлено. «Отечество в опасности», полтела отщепилось и восстало, успехи нерешительны, потери страшны, и вместо понурой головы, как в Австрии после двух итальянских сражений, и вместо потерянной головы, как во Франции после Ватерло, трансатлантический кондор не только дерзко смотрит в глаза старого мира, но еще вызывает его помериться в открытую войну вместо контрабандной и воровской *.

Иногда так и кажется, что этот старый мир на новых квартирах и есть именно *тот свет*, в котором сохранилось все энергичное и живучее, умершее *в этом*, — Кромвель и 1789 год, пуритане и энциклопедисты, Гош и Марсо, суровые личности Конвента и суровые последователи Кальвина. Новые основы гражданственности в старом мире оселись в трясинах веками накопившегося невежества и были занесены пылью и песком всевозможных развалин и обломков. В Америке не было ни песку, ни рухнувших памятников, в ней не было лаццарониевского осадка *, низвергнутого на дно для того, чтоб верхние слои прозрачнее отстоялись. Американское общество *не без гуши*, но зато мышцы у него покрепче, это очень оскорбляет слабонервных детей европейской цивилизации...

Вы все это видели, осызали и жалеете, что вас не было ни здесь, ни в России. Полноте, пожалуйста! Счастье тем сыновьям

¹ Полагаю, что вы не забыли, что и наших «предков» делят на «обезьян старого континента и обезьян нового континента».

Ноя, которых не было дома, когда безобразно пьяный отец буянил и полунагой валялся на полу. Оттого что вас не было налицо, вам легче связать конец 1862 г. с началом 1865, чем нам; он немного обсох от крови и грязи, и вы не знаете, как он был мокр и как он был грязен.

Мы испытали на себе эти два года и теперь выходим из них словно из больницы или дома умалишенных, щупая, не обрита ли голова. Мы жили в чаду, в горячке, в раздоре с собой, мы изменяли разуму, следуя сердцу, и изменяли сердцу, следуя разуму. Битые тяжестью каждого дня, горечью каждого дня, оскорбляемые событиями, оскорбляемые людьми, оставленные на одни свои силы, на свой неподдержанный протест, отрезанные от края, мы подвязывали парус за парусом, ожидая, когда у пьяного Ноя затрептит голова, а может, и совесть, но хмель был силен и продолжителен. Едва теперь протрезвляются у нас. *Звери становятся как-то смиреннее*, они извиняют совершившееся, ищут причин и объяснений; год тому назад они хвастались страшными, вопиющими делами, и едва теперь прежняя мысль всплывает над печальным полем, на котором не обсохла еще кровь после совершившейся исторической уголовщины.

Да, это было страшное испытание, лишь бы оно не прошло даром.

Смирненнее должны мы идти вперед. Нам предстоит труд, о котором мы не думали, нам следует перевоспитать весь правственный быт наш. Последние два года страшно обличили, сколько дикого, зверского, узкого, тупо-жестокое дремало в нашей душе, сколько каждый из нас кварталный, помещик и палач. Все прошлые злодейства Петербурга и Зимнего дворца общество покрыло с роскошью. Апотеоза Муравьева была амнистией Бирону и Аракчееву; рукоплесканья, с которыми встречали дикие, позорные, отвратительные меры, запрещавшие полякам говорить по-польски, запрещавшие женщинам носить траур*, рукоплескали с тем вместе избиению стрельцов, гонению кафтанов и бород; оправдан Петр I, оправдан Николай. Не в них лежало начало этого наглого вмешательства силы в последние святыни личности, не в них, а в нас. Москва и провинции рукоплескали чему-то родному, знакомому; они сочувствовали тому, что делалось в Литве и Польше,

потому что в душе лучших остались элементы помещика и холопа, потому что у каждого из них была своя Литва в деревне и свои мятежники в передней.

Ни слова о правительстве, ни слова о статских и военных генералах. Правительство никакого мнения не имеет — разве Адлерберг и К^о за него; правительство с Муравьевым и с Суворовым, с братьями Милютиными и с собственным братом Константином. Генералы имеют мнения генеральские, присвоенные их рангу. Все это одето в мундир и верно своей ризе и своей ливрее. Пора перестать дивиться, что штык колет, жандарм доносит, а правительство вешает и по надобности в Сибирь заточает. В последних событиях важно то, что кровавая гидра, поднявшая голову, была без красного и без шитого воротника, это была гидра партикулярная, гидра Английского клуба и дворянских сходок, гидра литературы и салонов, гидра журналистики, профессорских конференций, гидра всей псевдообразованной России. Вот отчего она нам так ненавистна, вот отчего она так пятнает нас.

Никто после горчаковских нот и ответов на них не верил ни в какой 1812 год *. Но чем безопаснее становилось наше положение, чем больше ослабевал противник, тем наглее становились мы, тем свирепее патриотствовали... Грубое, отвратительное чувство, чисто помещичье, чисто чиновническое «*дать себя знать*» непокорным, наказать, унижить их и с тем вместе подслужиться — вот что являлось во всем цинизме на каннибальских банкетах, на изгнаниях из Английского клуба порицателей Муравьева*. Если не веревкой и не пулей, если не жертвуя ни шкурой, ни деньгами, то кулебяками и телеграммами, то оскорблением несчастного народа и сквернословием принять участие в его казни...

...А тут добрые люди воображают, что мы должны *сочувствовать* конституционному прорезыванию зубов у этих московских шакалов, которые с самого первого слова, без малейшей нужды привенчали себя Муравьеву и виселице, *вотируя* свою чернильницу благодарности «Московск. ведомостям»*. «И на нас каплю крови, и на нас комок грязи, дайте и нам потянуть кончик веревки, хоть после казни! Пожалуй, палач может им дать кончик веревки, так, как кучера дают баричам вожжу

пристязной; но пусть же они не освобождают отечества, не делаются ни Гемпденами, ни Лафайетами, а остаются родовым потомством Ноздрева, детьми Собакевича и внучатами Фамусова.

И сколько при всей лжи, при всем раболепии, коварстве, — сколько глупости в людях, кичащихся дворянской грамотой, на ней строящих свои законодательные притязания и становящихся за уничтожение польской аристократии! Чему радуются наши помещики, что правительство так поступает с литовским дворянством?

Мы можем смотреть как на необходимую меру на польское освобождение крестьян с землей. Вспомните, что писали мы спокон века, что писал полякам Бакунин, вырвавшись из Сибири*. Но что же нравится в разорении и оскорблении польского дворянства — таковому ж российскому? Неужели они не понимают, что стоит им еще побаловаться конституционными кубарями* да попасть неловко в царскую ногу, с ними сделают точно то же и прогонят их сквозь строй таких же мер и таких же Муравьевых. За свежим Катковым, который воспоеет их гибель, как достославную победу, дело не станет. Вероятно, мы и тогда не будем на их стороне, да они-то сами зачем не на своей стороне? Они-то что за японцы, что точат ножи на свой собственный живот? Ведь уж им об этом докладывал их собственный дворовый листок...**

«Но — но большая разница между польской аристократией и нашим барством, между ехидным литовским паном и *кротким* степным помещиком нашим»... Может, до вас в Америке не дошло новое открытие, что наше русское, столбовое дворянство *ужас какое демократическое*, что крепостное право у нас было временным затмением братских отношений, недо-разумением между старшим и младшим, что, в сущности, помещики и крестьяне нежно любили друг друга, господа были отцы-матери своих мужичков, ели в те же дни, как и они, постное, парились по субботам в бане и ходили по воскресеньям в ту же церковь к обедне*. Словом, если б наши крупнопоместные и мелкопоместные демократы не засекали мужиков и дворовых до смерти, не морили бы их на барщине и оброке, не дрались бы беспрестанно в передней, не насиловали женщин

и не обирали бы мужчин, то их самих по правам и обычаям, особенно же по отношению к высшему начальству, можно бы было принять за самых радикальных смердов в мире, или (так как они ходят по-немецки) за их собственных лакеев...

Часть наших журналов* этим путем приравнения к передней и избе поднимала русское дворянство для того, чтоб оправдывать дикие меры правительства и обвинять польское шляхетство, во многом несправое, но которого кровь в это время лилась всеми жилами, которого сыновья падали на поле битвы или шли на виселицу, жены — в Сибирь, старики — в изгнание, казна — на содержание тайной полиции враждебного повелителя и на премии за доносы.

Институт, который для своего сохранения должен прикидываться не самим собой и класть свое знамя в карман, непрочен. Его собственные защитники спасают его так, как спасали помещиков во время пугачевщины, накинув на барские плеча мужицкий бараний тулуп... Плакать об нем не станут. Прошедшее нашего барства серо и темно... и эта темнота — его счастье. В нем один светлый день — 14 декабря 1825 года, в нем одна светлая полоса — та, которая идет к этому дню, та, которая идет из него. Если дворянство и сделало что-нибудь, то сделало исключительно для правительства, для государства, для царя; для народа — ничего, для защиты прав, для обороны личности, совести — ничего. *Как сословие* оно не может пережить верную подругу свою — крепостное право; ему приходится зачухнуть в бесплодных усилиях, овладеть движением (если нельзя остановить его) или откровенно снять с себя очень некрасивый дворянский мундир, отцепить очень тупую дворянскую шпажку и выйти из залы благородного собрания — простым смертным на чистый воздух.

Замечание графа Ростопчина* становится пророчеством. La route¹ — единственная гавань, в которую можно спрыгнуть с тонущего дворянского судна. Пришлось из кобелящихся пергаментов переписываться в ревижские сказки. Рекрутщина уже занесла свою лапу на молодое поколение — и ловит его за бархатный воротник.

¹ чернь (франц.). — *Ред.*

Дождевые капли, притянутые на время солнцем, должны снова упасть на землю, сверкнувши в радуге и поносившись туманом по воздуху. Россия — царство крестьянское, сельское. Всё уходившее по делу и по безделью из села — воротится в него. Взятые во двор и попавшие в рекруты, отданные в науку и бродившие по миру воротятся дрожжами и солью в несколько пресную сельскую «опару» и внесут в нее движение, которого ей недоставало. Долгое введение наше в историю, долгий и тяжелый искус, которым мы проходили наше немецкое пленение, окончатся — вместе с монополем привилегированных сословий. А что мы идем к *бессловности*, в этом трудно сомневаться.

Бессловная, демократическая Америка и идущая к бессловности крестьянская Русь остаются для меня по-прежнему странами *ближайшего будущего*. История, вопреки агрономам, заводит трехпольное хозяйство, и пока Европа, истощенная своими богатыми урожаями, лежит под паром, она пашет и боронит два другие поля.

На первый взгляд кажется странным, отчего именно этот народ колонистов с угловатыми нравами, с какой-то цивилизованной грубостью, с неприятной свободой и всякими эксцентричностями, и другой — едва пробуждающийся от рабства, избитый и покорный, — отчего именно они призваны к деятельному совершению своих судеб, именно теперь. Для того, чтоб понять это, необходимо ярко отделить ядро от скорлупы. Последняя война показала не только мощь Америки, но и ее слабые стороны. Линкольн в одной из последних речей своих выразил своим мистическим языком печальное сознание, что «войной провидение наказало обе стороны», что «обе согрешили перед богом»*. Недостатки России не только бросаются всем в глаза, но в них признаются все: правительство и литература, заголовки реформ и дворянские собрания. Сознание своих недостатков — великое дело, его высказывают или в минуты отчаяния и смерти, или в начале новой жизни, по крайней мере жизни обновленной. Оттого, что наше современное состояние так скверно и мы это знаем, оттого-то мы и идем вперед. Самодовольство косо, гордое *suffisance*¹ не двигается. Англия

¹ самомнение (франц.). — *Ред.*

знает, что она первая страна в мире, Франция — что она великий народ, чего же им еще? Америка и Россия — страны незрелые внутри и перезрелые снаружи, обе с здоровой кровью и накожными сыпями, с юными мышцами и старческими привычками. В последние годы Америка открыла, что у нее бездна черного белья, а Россия — что у ней вовсе нет чистого. Стирка сделалась необходимостью.

После нее они пойдут вперед, *но* пойдут они розно. Америка, с лавровым венком и фригийской шапкой, торжественно выходит из гигантского боя. Россия, с опущенным покровом, смиренно и печально пройдет не триумфальными воротами, а скромной калиткой, которую отворяют беременной женщине, осужденной, виновной, но в которой хотят спасти «плод чрева ее»!

Кто он? чей он? Об этом мы поговорим в другом письме.

Женева, 15 мая 1865.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Северо-Американские штаты и Россия — два полюса той социально-гражданской антиномии, к которой примыкает западное развитие со всеми своими перестройками и переворотами. Они оба *за границей* старой арены, представляют два противоположные, но *неоконченные* решения и потому скорее дополняющие друг друга, чем исключают. Полная жизни и развития, противоположность — без замкнутости, без законченности, без физиологической розни, не вызов на вражду и бой, не условие на безучастную посторонность, а на труд для снятия чем-нибудь более широким *формального* противуречия, хотя бы взаимным пониманием и признанием.

Самую резкую и типическую противоположность в Европе представляют два народа, наиболее связанные друг с другом былым и настоящим, географией и торговлей, интересами и образованием. Противуположное воззрение Англии и Франции, *отвердевшее* в своей исключительной непереходимости, перешло в видовой *habitus*, в особенность сложившуюся, окостеневшую и от которой отделаться очень трудно. Тут дошли до дна, задачи разрешены, шаткого мало, сомнительного мало, обе стороны стоят слишком близко и слишком довольны собой, чтоб

уступить что-нибудь. Северная Америка и Россия не решили задачи, а *разрешают ее* на разных основаниях, ни та, ни другая не достигли до *безапелляционных решений*. Постановление задачи взято ими из тех же источников, из той же западной школы, но материал для разрешения явился под руками совсем другой. Школа для них не обязательна, наследственных долгов на них нет. С прошедшим их не связывает ни родовая честь, ни дворянский *point d'honneur*¹, они могут отказаться от него, не бесславя отцовского имени, его никто не знает. У них нет майоратов, полученных на ряде условий,— в Америке все благоприобретенное, в России одни засеянные поля. Там, где Европа останавливается, спотыкается, оттуда идут новые народы; то, что в Европе считается невозможным, нелепым, гибельным, там очью совершается, и вот почему для меня гораздо интереснее все, что творится в Америке и в России, чем все, что делается в Европе, от Стокгольма до Лиссабона.

Можно ли в самом деле страстно принять к сердцу вопросы, теперь находящиеся в западной работе, разрешаемые кровью и прениями, армиями и камерами? Гольштейн и Дания, Пруссия и Австрия, Наполеон и Наполеон*; тут Тьер защищает папу, там Виктор-Эммануил возвращается, как библейский сын, к римскому отцу и отец не приказывает даже убить лучшего барана для него*; «Польша, Польша! Идем за Польшу!», и вдруг Польша забыта, предана на пропятие, даже без замены Баравой*. Все это носит тот характер случайности или внешней необходимости, который бывает в ежедневных встречах, нельзя же, чтоб чего-нибудь да не случилось,— сегодня одно, завтра другое, а может, и третье. Научное движение, чужое окружающему, как быстрая река, несетя своей дорогой, орошая берега, обогащая их и не останавливаясь на них.

Была минута в начале нынешнего года, сердце дрогнуло, но и она прошла и затерлась в общей тине — церковь и государство показали друг другу свои старые зубы*. Помните байроновское преставление света². Середь общей гибели и мрака тихо поднимаются два исхудалых умирающих старика,

¹ вопрос чести (франц.).— *Ред.*

² «The Darkness».

последние живые существа гибнущего мира и два заклятых врага. Они узнали друг друга, их черты, искаженные наступающей смертью, исказились злобой, они задержали кончину и вперили друг в друга стеклянный взгляд, в котором агония смешалась с ненавистью *. Мы видели эти две головы и видели этот взгляд; церковь и государство приподняли голову над старческим бредом энциклики и поняли еще яснее, не только как они друг друга ненавидят, но и как они друг другу необходимы. Убедившись в этом, счастливее байроновских героев, они остались живы и, побранившись, успокоились.

Америка и Россия натолкнулись на вопросы, поставленные вроде сфинксов на всех выходах и бастионах старой западной фортеции, и они их обойти не могут и не хотят. Сецессия и федерализация, индивидуализм и коммунизм, обеспечение земель и обеспечение правами, товарищество работников и сельская община, круговая порука и личная независимость, раздел заработка и общинное владение землей. Все это в Европе сдано в архив за неимением средств к разрешению, и все это на первом плане в Америке и России. Президент, громко говорящий: «Не вы для нас, для государства, а мы, правительство, а государство для вас» *, и мужик, повторяющий с незыблемою верой, что земля его, что он не может быть без земельного надела, ставят целую программу будущего.

К ее-то осуществлению Америка и Россия идут противоположными путями.

Америка родилась из готовой головы и в полном вооружении. Новая колония, она глубоко пустила старые англосаксонские корни в непечатую почву. *Нового принципа* она с собой не принесла, но принесла крепко закаленный и очищенный старый, это был выселок меньшинства, наиболее развитого в известном смысле, и притом меньшинства недовольных старыми порядками. Протестантизм, пуританизм имели в себе сильно революционную закваску, они *протестовали* против одной части европейских традиций и ее не взяли с собой за океан, они *очистились* от нее. Религиозная экзальтация несколько не мешает революционной, школа Руссо и вся суровая часть Горы, с Робеспьером и Сен-Жюстом, слишком *резко* доказали это. Привезенная колонистами цивилизация явилась в Америке при

совершенно новых условиях развития и в совершенно новой среде. Непочатая природа, дремучие леса и степи, не перерезанные дорогами, дикость почти необитаемого края, исчезающие племена другой формации встретились лицом к лицу с последним результатом образования, с наукой, с развитой гражданской ответственностью. Иди американцы на севере со всем вековым балластом, во всех рыцарских доспехах, как испанцы на юге, они не далеко бы ушли. Северные колонисты, переходя в новую среду, оставляли свою рыбу оболочку за собой, как головастики; отделившись от нее, им было легче работать и легче принять в кровь и плоть гражданское учение, озарявшее вершины философской Европы. Они начали свою самобытную жизнь с провозглашения *прав человека**.

Россия тоже колония, но колония иных веков и иных условий; стекая в незапамятные времена с востока, славянское племя ничего не могло принести с собой, кроме себя. Россия, обживая почву, вращая в нее, из нее выростала и росла, инстинктивно распространяясь в далеко разбросанное и далеко ветвившееся сельское государство. Всю европейскую историю она оставалась в стороне, в тени. Об ее медленном, задержанном и потом переломленном развитии говорили у нас и говорят много, но мало обращают внимания на то, *что ей не было следа развиваться быстрее и в другое время*. Тут не фатализм, а историческая физиология. Сначала Русь тихо оседала, обживалась, потом обособилась от чужого, собрала, стянула свои части и стала складываться в земство. Смутное государство было нелепо, оно как-то сбивалось на допотопные формы зоологического творчества, на тех неповоротливых животных, которые в самых формах своих, колоссальных и неуклюжих, носили доказательство незрелости. Нелепое царство не выдержало и превратилось в нелепую империю, в военную тиранию с западными формами и приемами и без западного содержания и смысла. Вся жизнь, искусственно вызванная и поднятая, притекла наверх. Внизу был застой и продолжение догосударственного быта. Наверху делались всевозможные опыты переложений и сочетаний всех европейских государственных учреждений, не противуречащих самодержавию. Ничего не принималось в самом деле, а все приняло уродливые, безобразные

очертания. Западное устройство явным образом не соответствовало «апатическому, забитому, неспособному» народу русскому; он чувствовал себя в нем, как в чужом кафтане, и в этом *одно из величайших достоинств его*. Посмотрите, например, как Франция дома в централизации, в военщине, в полиции, как она во всем любит *rouvoir fort*¹, во всем ищет опеку; вчера были камеры, сегодня империя, завтра будет республика — это ничего не изменит. Гражданский сельский сторож так же жандарм и так же комиссар полиции *son amoge*² — теперь, как козидьеровский монтаньяр в 1848 и муниципал при Людвиго-Филиппе. Франция нашла учреждения и государственные формы ей соответствующие *. Но Франция, еще по старой привычке, наружно недовольна и выдумывает перемены вроде наших русских перемен мундиров, выпушек, петличек. Англия и этой привычки не имеет, она была бы готова свинтить покрепче все государственные гайки, чтоб во веки веков жить, как теперь.

Даже протест «неприглашенных» на пир *, нищих труда, скитальцев работы, бездомных бродяг полей и городов в своих стремлениях верен началам, соответствующим характеру двух народностей, успокоившихся в своих государственных учреждениях. Тихо, тяжело осматриваясь, выступает из тесных берегов своей жизни английский пролетарий, он идет путем законности, скрепляя каждый шаг и не выходя из норм англосаксонского быта. Утопии французского работника постоянно склоняются к казенной организации работ, к казарменному коммунизму, к 18 брюмера или 2 декабря * социализма. И то и другое составляет особую прочность старых государств. Путем строгой и робкой законности так же трудно уйти далеко, как увлечь перспективой галерного устройства работ. Дальний рев голода и стон бедности хотя и приближается и мужает, но при таких обстоятельствах «пирующее» государство может спокойно донировать. Стон больше неприятен для нерва, чем опасен. «Красный призрак» долго не превратится в *красную действительность*.

¹ сильную власть (франц.).— *Ред.*

² с любовью (итал.).— *Ред.*

Мы ничего не бережем из существующего, у нас консерватизм дальше и выше деревни не идет. Село хранит быт свой, чуя в нем зародыш будущего... За селом никто ни к чему не привязан, и всякий если не понимает, то чувствует, что все остальное временный балаган, который снаружи окрасили под старое, прочное здание. Когда Мишле в своей легенде о Костюшке * говорил, что у нас, русских, нет следов нравственных понятий, что *истинное* и *справедливое* для нас не имеет смысла, я спросил его, о *какой* истине и о *какой* справедливости идет речь, напоминая, что истинное и справедливое старой Европы — *южь* и несправедливость для новой. Затем я заметил ему, что это не все, что нравственность русского народа вовсе не сложилась, не вышла из тесного круга обычая, патриархальности и хранимых преданий; что царский суд и царская расправа, что переведенные с немецкого и французского понятия обязанностей для него не обязательны просто оттого, что они не его да и не общечеловеческие. Что нравственность русского народа может только сложиться на тех основаниях, которые составляют его религиозно-общественную *особность* и которые для этого должны быть приняты за первоначальный факт, от которого идут, но на который не возвращаются, не дойдя до предела.

Эта *особность* заключается в веровании *русского человека*, что *русская земля принадлежит русскому народу*, что *русский человек не может быть в России без поземельного надела*. Это основное, натуральное, прирожденное признание *права на землю* ставит народ русский на совершенно другую ногу, чем та, на которой стоят все народы Запада. Положим, что тут есть своя односторонность, но односторонность-то именно и выражает характер, и потому самобытное развитие только и будет с ним. Право на землю предполагает иную *нравственность*, другие общественные отношения, неразвившиеся, но и не заметимые чужими, идущими из гражданского устройства, отрицающего всякое право на землю, кроме купли и наследства. В основу нашему законодательству непременно лягут элементы нашего бытового, непосредственного социализма. Общинное начало например, круговая порука пойдут у нас вперед перед самодержавием собственности во всей его западной

неумолимости¹. Задача нашего законодательства будет состоять в соглашении прав личной независимости с сохранением общинного устройства.

Шаткость моральных понятий, навязанных нам извне, доказывает ясно, что это не наши понятия. Мы им покорились, пойманные в капкан, обманутые, и нарушаем их без угрызения совести. Заставить какого-нибудь самоеда или лопаря делать на трескучем морозе мумии из всех умерших зверей — можно, особенно уверив его, что этого требует *вечная* нравственность и спасение души. Но отвернитесь от него, дайте страху пройти, и лопарь с покойной совестью, безраскаянно оставит мерзнуть моржей и тюленей, и ни солнечный зной, ни разлив Нила, ни миазмы трупов ему не напомнят греха. Англичанин смиряется перед нелепостью одной части своих законов, потому что он в другой видит защиту своих прав и, главное, своей собственности, которая у него такой же догмат *irréductible*², как наше право на землю. Француз считает закон обязательным (все будничные дни, кроме праздников, т. е. дней революционных), повинуетя им из *point d'honneur*'а, из религии дисциплины, из уважения к *будто бы* им установленным властям. Оттого тот и другой чувствуют себя внутренне оскорбленными судебным приговором, а русский чувствует один материальный вред наказания — так же мало думая, что он нравственно уничтожен им, как человек, сломивший себе ногу или схвативший горячку.

Французский и английский радикал считает свои законы усовершеншаемыми, но в то же время очень *совершенными*. Вот отчего революционные люди в Европе с бешенством нападают на людей, осмеливающихся касаться не до частных недостатков, а до религиозных, юридических или экономических оснований. У нас святость этих святынь подозрительна. Человека, привыкнущего с малых лет к тому, что *мужик есть*

¹ Никогда русский ум без повиха не поймет, что справедливо человека больше наказать за краденый платок, чем за побои женщине; никогда не поймет, что можно быть честным отцом и вести в суд девочку или мальчика, дочь или сына лет одиннадцати-двенадцати за кражу нескольких копеек; а в Англии это делается всякий день и все находят, что это в порядке вещей.

² неизменяемый (франц.).— *Ред.*

собственность, не удивишь, сказав ему, что *собственность есть кража**.

Все это не ново и было высказываемо много раз нами и не нами, но в общее сознание не перешло. Большим не меньше детей нужно протверживать зады. Забывая их, мы теряем ключ к пониманию того, что делается, и случайно блуждаем, прикидывая то фут, то метр к явлениям, к которым прилагается другая мера. Без своей единицы, глядя на сумбур реформ, прогрессов, регрессов, казней, учреждений, приговоров, проектов, патристического неистовства, конституционных слабостей, можно прийти в отчаяние, сойти с ума.

России мы с пути не собьем нашим непониманием; ее ни татары, ни немцы, ни сам Петр Алексеевич не своротили с дороги. Она уперлась на петербургском тракте, как лошадь с норовом, стегай сколько душе угодно. Но нам-то стыдно теперь не понимать, когда европейские *дальние* горизонты сливаются с нашими *близкими* и европейская выстрадавшая наука ярко освещает наши поля и наши проселки.

Сырой материал нашего быта оставался в тени за дворянской грамотой, за массаами войск, за императорской порфирой, за либеральными идеями. Мы его не знали, и он в самом деле был непонятен, для разрешения его формулы недоставало какого-то элемента, недоставало определения чего-то неизвестного. Его нам указали социальные теории. Мы представляем *частный случай* нового экономического устройства, новой гражданственности, *одно* из их приложений.

Так, как Северная Америка начала с последнего слова революционной философии, с алгебры *прав человека*, так мы начнем с приложения социальных учений к бытовой практике нашей.

История развития мысли человеческой и сознания дошла, спускаясь с вершин государственных сфер, конституционных хартий, правительственных форм, до вопросов о насущном хлебе и хозяйстве, о работе и выработанном, о голоде и капитале, о грамоте и праве... Вопросы мало разрешились, но поставлены они ясно наукой, и их-то свет, падая на наши низменные поля, говорит будто с Кольцовым:

Что ты спишь, мужичок,
Ведь весна на дворе *.

Наше дело на череду. Наши десять заповедей, наш гражданский катехизис — в социализме.

«Да неужели социализм, этот незрелый плод тридцатых годов, выкинутый самой Францией, еще существует?»

Если б он и в самом деле умер и был схоронен в Европе, то и тогда это мало бы имело влияния на нас. Наследство свое он передал нам при жизни — но, сверх того, я сильно сомневаюсь в его смерти. Он, как евангельская девица, *не умер, а спит**.

Женева, 25 мая 1865.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Вот какой случай случился со мной несколько лет тому назад. Один человек, игравший большую роль в своей родине и как революционер, и как администратор, спорил со мной о социализме*. Он, — и надобно признаться, что он не один в этом случае, а имеет даже таких товарищей, как Маццини¹, — убедившись, что движение 1848 года погибло от примеси социализма к чисто политическому движению, опрокинулся на социализм с тем ожесточением, с которым он прежде гнал реакцию. Сколько я ни ораторствовал, мой противник стучал кулаком по столу, выходил из себя и говорил в заключение такого рода вещи: «Посмотрите, какие законы я провел, посмотрите, как ограждены работники, я сам всеми силами поддерживаю рабочничьи сходки, у нас нет ни одного нищего и на все на это мне не было нужно никакого социализма...»

— А только почти деспотическая диктатура.

«...этого, — продолжал он, не слушая меня, — этого проклятого социализма, этой выдумки иезуитов, которой они затормозили революцию, разделили наш стан и сбили все понятия у слабых людей».

— Теперь я вижу, что, в сущности, мы с вами гораздо ближе, чем я думал. Вам, собственно, не нравится слово *социализм*.

¹ Нельзя удивиться скудости знания и понимания полицейско-консервативных органов; они постоянно называют Маццини социалистом, несмотря на его брошюры, статьи и пр.*

Попробуем то, что все называют социализмом, называть *Клеопатрой*, и дело пойдет как по маслу.

Уступку, которую я делал моему «Дионисию, тирану сиракузскому»*, я не сделаю ни для вас, ни для кого из русских читателей.

В гонении на социализм, поднятом у нас в подражание Западу, есть что-то невероятно бессмысленное и тупоумное, трусливое и невежественное. Европа боялась социального переворота потому, что он был страшен для нее; встретив суровый отпор, он шел путем отчаяния и насилия на разрушение узкого, но веками слепленного и привычного государственного устройства... У нас *этот быт* непривычен, у нас он чужой; где же, в чем вред, причиненный России социализмом, или чем может он повредить ей? Разве освобождение крестьян *с землей* — не *социальный переворот*? Разве общинное владение и право на землю — не *социализм* (как там себе ни голоси наши славянофильские кликуши)? Ненависть к социализму крепостника, оплакивающего землю свою и барщину свою, понятна, так, как понятен был страх откупщика, боявшегося отмены откупа; но наших теоретических, литературных врагов социализма нельзя понять.

Когда же для нас будет ясно то, что было ясно слишком пятьдесят лет тому назад для Бентама, говорившего Александру I в Лондоне о «счастье, что России не мешает ни римское право, ни феодальный хлам, ни католическая церковь»? * Когда же у нас перестанет болеть голова с чужого похмелья?

В самой Европе преследование социализма безумно. Как будто какое-нибудь развитие на череду, какое-нибудь логическое последствие ряда осуществившихся посылок можно остановить кулаком и бранью, не убивая организма или не делая из него уродца. Нашли ли главные социальные вопросы решения или нет — все равно, ошибочны ли эти решения или односторонни — все равно, они не менее живы и не менее стучатся во все двери и бьются во все стороны, ломая и подмывая стены и заборы, мешающие им.

Вообще ни ошибочные решения, ни односторонние не влекут с собою в гибель вопрос или задачу. Каких чудовищностей не нагляделись мы в один наш век, например, в медицине —

от кровопролитий Бруссе до наводнений Пристница*, от *нигилизма* гомеопатии до всевозможных лечений голодом, холодом, парами, молоком, гальванизмом, магнетизмом... тем не меньше и несмотря ни на мистический эмпиризм, ни на традиционную алхимию медицины, в возможности патологии и терапии никто не сомневается.

Социальные идеи не убиты и не отстранены, их побежденный авангард без знамени и шума занял множество неприятельских мест, и не один *новый* Дионисий Сиракузский делал социализм, как Мольеров Журден делал прозу, не зная того. Не только сен-симонизм и фурьеризм не прошли бесследно, но неопределенные стремления, нашедшие отголосок в поэзии Гюго, в романах Сю, в целой литературе 30-х годов, женский протест Ж. Санда, индийская триада Пьера Леру, полемика Прудона* — все это не только разбудило людей и направило их мысли в известную сторону, но все это принялось, прозябло и проросло старую почву. Вглядитесь внимательно, и вы найдете социальные оттенки в тюльерийских декретах* и прусских министерских указах; следы проповедей Менильмонтанской улицы остались в оборотах Перейры, в ликвидации недвижимой собственности*; добродушная голова старика Р. Оуэна просвечивает со дна всех английских кооперативных обществ. Каким образом Гладстон дошел до порицания безусловного права собственности и до государственной организации страховых обществ...* и почему Стюарт Милль остановился в раздумье перед общинным владением, не рубя с плеча вопроса, как наши молинарьевские подмастерья? * О чем робко и не выступая из парламентских форм хлопочет Брум? * Все они пролагают, отнекиваясь и открещиваясь, дорогу социальному пересозданию государственного строя.

В тот день, когда несостоятельность юридических, административных и политических реформ оказалась очевидной, когда сама Французская революция погибла в крови и в *теоретическом* освобождении меньшинства, а реальные умы догадались, что в тех сферах, в которых искали разрешения вопроса, *его нет*, в тот день отрицательно была поставлена вся задача социализма. Ей недоставало имени, имя явилось как-то само собой*.

Разумеется, что социализм только в антитетическом смысле противопоставляется переворотам чисто политическим, в сущности он представляет их исход. Политический переворот делается внутри известных государственных учреждений, которые идут вперед как неоспоримые условия государственной жизни — будь это монархия или республика, централизация или федерализм. Там, где анализ, критика идут далее, там, где вовлекаются в спор и борьбу сами эти условия, т. е. где с ними делается то же самое, что реформа делала с папской, а революция с королевской властью, — там мы переходим в социализм. Разграничение между политикой и социализмом условное: две разных станции одной и той же дороги.

Все государственные и политические вопросы, все фантастические и героические интересы по мере совершеннолетия народа стремятся перейти в вопросы народного благосостояния. Принимая существующий результат исторических развитий за неизменный в своих основах, мы их не разрешим; исторический быт, так, как он посильно сложился, под влиянием совсем иных идей и целей, не совместен с общенародным благосостоянием. Это-то и хотел сказать американец Брейсбен, которого слова я уж не раз приводил, парижским работникам в 1848 году *, говоря, что «в Америке республика дала все, что могла, что политическое устройство, основанное при самых благоприятных обстоятельствах, но на старых основаниях, дало все, что могло, но вопросов, занимающих работников, *не разрешило и не может разрешить*», — тут ее предел, а разрешить необходимо.

Я так и жду обыкновенного возражения: что за разрешение ломать зря и устраивать общество насильно, на какой-то каторжный манер?.. а социализм только так и разрешал вопрос.

Он ошибался и горько пострадал за это. Но кто же сказал, что он только *так* хотел разрешать и только *так и мог* их разрешать?..

Прудон упрекал в этом социализм, разумея под социализмом организацию работ Луи Блана, коммунизм Теста, отца Кабе, а не социализм вообще. Не будьте ни Апеллесов, ни Павлов, и тогда вы не будете клясть церковь из-за Апеллеса или Павла *.

Восставая против социализма под тем предлогом, что он хочет зря ломать и насильственно строить, люди со всеми своими прогрессивными стремлениями становятся на сторону закосневшего консерватизма и защищают падающие институты, составляющие главное препятствие развитию. Разве не на наших глазах в 1848 г. республиканцы сделались гонителями и дали тот впрок пошедший урок, который научил всех царей и все власти, как надобно подавлять противников.

Противников они подавили и с тем вместе их односторонность — идеи остались, вопросы остались. Выброшенные полицией за дверь, они за нею притаились и постоянно готовы взойти во всякую щель.

По несчастию, их останавливает не одна грубая рука насилия, их останавливает столько же, если не больше, роковое несчастие масс — их невежество и *роковое просвещение* других сословий, ученых, не желающих переучиваться, монополистов, не желающих поступиться ни одной привилегией и оттого могущих потерять все, и совершенно справедливо; они отстаивают свои права без веры; наивное понимание, исключаящее вину и ответственность, давно возмущено и перервано выстрелами на площади и спорами везде — в книгах и сходках, в камерах и журналах. Неведением социализма в наше время отговариваться нельзя.

И это не все: социализм был не меньше задержан в развитии внутренними причинами, как и внешними. Чувство боли от общественной неправды было очень ясно, желание выйти из сознанно скверного положения очень справедливо, но от этого до лечения далеко. Социализм, страстно увлеченный, с желанием кары и мести, бросил свою перчатку старому миру, прежде чем узнал силу свою и определил мысль свою. Седой боец поднял ее — и не Голиаф, а Давид пал. С тех пор ему было много досуга обдуматься в горькой школе изгнания и ссылки. Додумался ли он до того, чтоб не бросать перчатки, не имея силы, не зная, что будет после битвы, кроме казни врага? Не знаю.

Не воином, не судьей должен он явиться... суд он держал, пусть же он явится исполнителем судеб в ином смысле слова, пусть он «увенчает здание» и завершит революцию. *Ему* следует столкнуть последнюю глыбу, мешающую идти вперед

своей *неподсудимостью*, в рвущийся поток мысли и водрузить на ее месте знамя разумных отношений людских и действительных; трезвых, логических законов общежития. Не уничтожить и разбить должен он политическую экономию, а превратить ее из эмпирического свода рассуждений и наблюдений, не смеющего касаться до святых твердынь существующего, в экономическую науку, посягающую на все.

Но для этого нужен огромный внутренний труд и огромный нравственный подвиг. Для водружения нового знамени надобно отбросить старое, знамя непримиримого раздора, исключительно враждебного антагонизма. Военные крики его до того сбили понятия самых передовых бойцов, что они, как Квазимодо, бросают камни и льют свинец на *truanderie*, пришедшую спасти цыганку, которую они защищают*.

Поймет ли, наконец, звонарь, что враг сзади, что он не *ее* спасает, а помогает *ему*, и бросит ли он его черную фигуру с колокольни?.. это покажет будущее. Но во всяком случае тем, которые стоят со стороны социализма, надобно яснее и покойнее высказаться, а для этого необходимо яснее и проще понять задачу.

Лихорадочный, острый период зарождения для социализма прошел.

Страстная, вдохновенная форма, в которой является новое учение, глубоко захватывающее жизнь от очага до площади, его церковные ризы, его фантазия, не знающая пределов, его фанатизм, не знающий сомнений, его юная нетерпимость, его ревность прозелитизма — все это на месте вначале. Без идеалов, без поэзии люди не оставляют одр свой, чтоб идти за учителем; но за яркими цветами зари настает дневная работа, с помехами и ошибками, с дождем и ведрами, с каменистой почвой и болотами, с отклонениями и уступками, с компромиссами и диагоналями. Для этой работы нужны не кадилы и не рипиды*, а простые орудия труда и простые формулы разума.

Фразы, от которых билось сердце, текли слезы и кровь, все эти молитвы гражданской литургии в начале революции, с которыми массы шли на бой, сгубили ее потом. У всякого возраста свой язык и свой смысл слов. Псалмы Давида были марсельезой гугенотов. Поричать язык другого времени так же нелепо,

как говорить им. Социальные идеи пережили свою героическую интродукцию; ни бархатный жилет верховного отца Анфантена, ни фаланстер Фурье, ни государственная барщина, ни коммуна *вопогит*^{1*}, ни разрушение семьи, ни отрицание собственности — ничего не сделают теперь сверх того, что они сделали для вызова на сцену и постановки вопросов.

Поле, по-видимому, стало беднее, но замечательно очистилось, много выяснилось в том, где искать ответы и где их не может быть.

Люди недовольны экономическими условиями труда, упрощенным неравновесием сил, их потерей, рабством работы, злоупотреблением накопленных богатств — но они

не хотят переезжать в рабочие казармы,

не хотят, чтоб правительство гоняло их на барщину,

не хотят разрушать семьи и очага,

не хотят поступиться частной собственностью,

т. е. они хотят при обновлении, при перерождении сохранить, насколько возможно, свою привычную жизнь, согласуя ее с новыми условиями. На каких же разумных основаниях можно сделать, согласить такие сложные и противуречающие потребности? В этом-то и задача, весь социальный вопрос так и становится, освобожденный от громовых туч своих и молний.

Есть ли решенья?

В прошлом письме я взял на себя смелость, *j'ai hasardé*² сказать, что одно из *действительных* решений представляет русский народный быт в его современном развитии. Бедное село наше, с своей скромной общинной жизнью, с своим общинным землевладением, наша черная Русь и крестьянская изба невольны вырезаются на сцене, с которой больше и больше исчезают в тумане фаланстеры, Икарии, национальные рабочие, государственные подряды и пр.*

Возражения, которые я слышал на эту стародавнюю мысль мою, все без исключения, не только не переубедили меня, но

¹ коммуна добрых (лат.).— *Ред.*

² рискнул (франц.).— *Ред.*

вообще были несерьезны и походили на богословские доказательства *текстом*, имеющие вес только для тех, кто сам принимает текст за критерий истины.

Женева, 1 июня 1865.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Прежде чем мы будем продолжать наш *аргумент*, как говорят здешние школьники, я должен вам рассказать о разговоре, который был у меня с одним из ваших друзей по поводу моих писем к вам. Он прямо из Москвы, и тут-то я увидел, как был прав, что поздравлял вас с долгим отсутствием из России. Разговор, о котором идет речь, близок к нашему предмету, и мы им, как маленьким проселочным объездом, незаметно выедем на нашу большую дорогу. «Вы престранный человек,— говорил он,— и я не могу вам надивиться, в вашей мысли два потока, я думаю, что вы пишете двумя разными перьями, из двух разных чернильниц. С одной стороны, вы болезненно ясно понимаете все страшное положение наше и беспощадно клеймите его; с другой — вы полны прежних надежд и верований. Как будто ничего не было, как будто правительство не резало Польши и общество не плескалось с диким упоением в ее крови, как будто литература не превратилась — консерваторская в донос, прогрессивная в извозчичью брань, как будто вы не знаете, какая сонная, сытая, ко всему безучастная апатия овладела обществом, которое бесновалось, года три-четыре тому назад, в „восторге некоем пламенном“, говоря о своем либерализме, гуманизме, прогрессизме...»

Затем, так как это не в первый раз, я уж и ждал: «...если б вы только могли провести месяц или два в Петербурге или Москве, как бы вы отрезвились...»

— Не думаю...

— Хорошо говорить издали, а посмотрели б, что делается, поближе. Люди, рвавшиеся на деятельность, люди, которые были готовы идти на каторгу с Михайловым и Обручевым, стояли сложа руки, когда Чернышевский был у позорного столба; люди, находившие вас отсталым, люди, шедшие на площадь, социалисты, демократы — теперь...

— Вольно же вам было пыль, поднявшуюся перед грозой, принять за самую грозу... все легкое и пустое прежде всего уносится ветром, кружится в воздухе, а потом опять падает на мостовую, в канаву, это явление не новое, но ново то, что у нас приходят в отчаяние от того, что сухие листья и бумажные змеи приняли за небесных герольдов и архангелов. Мы проходим скверной полосой, но мы не сядем в ней, и наш ропот, исполненный безнадежностью, происходит от непривычки к борьбе с ее капризными приливами и отливами. В этом отношении есть чему поучиться нам у западных людей, особенно у англичан. Мы ужасно скоро бросаемся на все и ужасно скоро все бросаем. Ни выдержки, ни терпенья. Выбиваемся из сил от всякой неудачи, непредвиденное препятствие конфузит нас, ошибка заставляет теряться, поражение — опускать руки. Веры мало, дыхание коротко. От того ли это, что мы не находим все еще своего настоящего дела, или от чего другого — все это очень печально, — тем не меньше в настоящем случае в этой невыдержке лежит залог, что и беснующийся патриотизм так же скоро пройдет, износится, как прошел галопирующий либерализм. Перестрадав весь позор этой печальной эпохи, мы предвидим ее конец. Неужели вы думаете, что судьбы России изменятся от этой катковско-муравьевской грязи по ступицу. Лапти по ней кой-как пройдут, а если увязнут кой-какие сапоги, особенно немецкой работы, беда, право, не велика.

— Да ведь и мы с вами их носим...

— Я и не вижу особой необходимости ни в вас, ни во мне; но в этом случае вы ошибаетесь: мы выйдем, может, босыми, может, потонем, но с чистой совестью, с чистыми ногами.

— А если не потонем, то куда же пойдем? Я не спорю, мало ли чего может быть «лет через пятьсот», по пушкинскому выражению*; но теперь-то, когда все молодое состарилось за ночь, когда потухли таланты, в университетах пьют тосты за Муравьева, когда журналы...

— Опять старая история. Прежде чем требовать и негодовать, следовало бы определить себе, в чем состояла *общественная задача европеизма в общей экономике русского развития*, — не та задача, которую сами себе ставили люди или которую мы за них ставили, а та, которая досталась им на часть по са-

тому течению жизни. Вы их клянете и браните, а мне кажется, что они *свое дело сделали* и теперь сходят со сцены по минованию надобности. И это в то же время, как по другой лестнице спускается другая Россия, — Россия Английского клуба, мертвых и ревизских душ, гумна и конюшни.

— Ну эти пьесу свою сыграли до конца, а какая же пьеса была у наших?

— Пьесу-то вы и проглядели... Она преинтересная и называется «Знакомство двух незнакомцев, или Новая смесь французского с нижегородским».

— Ничего не понимаю.

— Что ж мне с вами делать? Общественная задача западной цивилизации в России состояла в *объяснении социальных начал русского быта и в усвоении социальных идей Запада*... Двадцать лет тому назад едва осмеливались намекать на это славянофилы, Гакстаузен, мы и потом то новое поколение, на которое вы нападаете, — оно-то и заявило свои социальные стремления и вместе с тем стремления чисто русские, это факт, и его из сознания топором не вырубить. Люди, участвовавшие в этом, могут цвести или завянуть, писать романы или и не читать их, жить долго или скоро умереть — все равно, свою службу они отправили. Очень вероятно, что им мерещилось гораздо больше, а именно что они будут призваны на осуществление своих идеалов... это не удалось. До полного приложения много еще пройдет случаев и ужасов, ужасы почти всегда пропорциональны силе власти, неразвитости масс и количеству войска; а тут еще наткнемся на какую-нибудь глупую войну, на какую-нибудь глупую дворянскую конституцию, на какую-нибудь «счастливую случайность», как выражался Александр I, или на какую-нибудь «несчастную»... Все может быть, но лишь бы продолжалось то социальное развитие, которое прозябает на наших полях. Наша сила тут, как Самсонова была в волосах.

— Все это хорошо... да где же взять столько голландской флегмы или философского спокойствия?

— Хотите, я вам открою секрет моей философии? Он может равно пригодиться для частной и для общей жизни, вся тайна заключается в тексте: «Марфа, Марфа, печешися о мнозе, *едино же есть на потребу*» *. Узнать, определить для себя это

единое и оставить все, отца, мать и прилепиться к нему; за ним следить со всей настойчивостью, страстью, ревностью, к которой человек способен, допуская всему остальному меняться, изменять, уклоняться, совсем лопать. Человек, глубоко сосредоточенный на одном, должен быть *легкомысленным* во всем другом, иначе он растеряется и ни во что не принесет полной силы. Отчего Ротшильды богаты и богатеют? Оттого, что все их существование постоянно подчинено главной цели. Основной тон жизни Кобдена была свобода торговли, и он во всех событиях, во всех вопросах смотрел прежде всего и после всего на free trade *. Перед всякой войной и после всякой войны Кобден обсуживал могущие быть от них стеснения или расширения международных торговых отношений. Во Франции революция — Кобден рассчитывает шансы трактата, во Франции другая — Кобден посылает проект. А там Пам ли министром в Лондоне, Персиньи ли в Париже, ограбили ли немцы белым днем Данию или нет * — это не то чтоб было все равно, но не на первом плане. Равнодушны ли мы к кровавым путям, по которым идет правительство наше, поддерживаемое обществом, — это вы знаете... два года из нашей груди не вырвалось светлого звука, два года мы постоянно были на похоронах, униженные, словно и мы участвовали в убийстве, и при всем том живой о живом и думает, и пока Россия не своротила с главного тракта, пока она *туда идет*, какая бы скорбь ни была на душе, мы не впадем в отчаяние и не поступимся нашей верой. В 1862 году я говорил¹: «Только тот, кто, призванный к деятельности, поймет быт народа, не утратив того, что ему дала наука, кто затронет народные стремления и на осуществлении их оснует свое участие в общем земском деле, тот только и будет *женихом грядущим*.

Кто же будет этот суженый?

Император ли, который, отрекаясь от петровщины, совместит в себе царя и Стеньку Разина? Новый ли Пестель? Опять ли Емельян Пугачев, казак, царь и раскольник, или крестьянин и пророк, как Антон Безднинский?

Трудно сказать.

Но кто б он ни был, наше дело — идти к нему навстречу с хлебом и солью».

¹ «Полярная звезда», VII кн., II вып. «В. Н. Каразин» *.

Вот вся тайна моей философии, весь мой махиавеллизм. Многие догадываются о ней, но никто не рискует прямо высказать, так еще мало свободен наш разум и наш язык от разных картонных драконов и отставных святынь. К тому же мы мало привыкли избирать *единое на потребу* и идти постоянно к нему. Есть люди, которые постоянно в жизни видят ее изнанку, ее шероховатую сторону, ее случайные недостатки, и из-за них теряют всю гармонию, всю картину светлой, лицевой стороны ее. Организации желчно-раздражительные и нетерпеливые специалисты, неловкие в обобщении, затерявшиеся в мелочах, они делаются в общественной жизни тем, что на языке Французской революции называлось *алармистами* *; они охлаждают каждый порыв, бросают сомнения там, где нужна вера, они стягивают в подробности там, где их надобно забыть, и всего больше *во лжи*, тогда когда *правы*, потому что лестница от частного к общему у них потеряна, потому что правда их плоска и их взаимное отношение утрачено. Если оптимизм большая глупость, то пессимизм большое несчастье, и как ни жаль их, но удивляться мудрено тому, что Комитет общественного спасения рубил головы алармистам.

— Сила крестная с нами, — сказал ваш приятель расхохотавшись, — да это вы меня просто прочтите на гильотину.

— Непременно, если вы воротитесь с вашими привычками в 1794 год.

Вы, мой милый путешественник, я знаю, не делите нетерпеливого и капризного взгляда этого, но его делят многие, и это дурной признак. Старцы Сибири возвратились через тридцать лет каторги * с молодыми надеждами, с горячей верой! Мы сами вынесли длинное путешествие через николаевскую Сахару, и чего, чего не было на пути. Разбуженные 1825 годом, мы росли, имея за собой страшную судьбу предшественников, возле страшное безучастие среды и впереди страшное *ничего*. Грубые факты, глупые факты гнали слово, мысль с лица земли, а умственная деятельность росла в тиши, в ту меру, в которую беднела общественная жизнь. Люди спасались от погрома, от дикой силы, удаляясь в отвлеченную науку или отыскивая между полусогнившими костями отгадку новых бед и наталкиваясь

именно на те тайники русской жизни, о которых мы говорили... Седые волосы показались на нашей голове... перешли и мы за тридцать... за сорок лет. Сильнейшие бойцы, с крепкими мышцами, гибли один за одним, Белинский умер, Гоголь шел в сумасшедший дом, Петрашевский с друзьями шли на каторгу — еще тише... один грустный голос Грановского раздавался, как псалтырь у похороненного тела, и пророчил сквозь слезы жизнь будущего века и веру в судьбы человечества... Молча смотрело новое поколение, зачатое в плаче и скорби, изуродованное до хилости, оскорбленное до юродства, сознававшее свое бессилие, свое бесправие. Я жил тогда вдали — что было в этой дали, вы знаете по преданиям. Все, все изменило; потерянный в лондонском тумане, свидетель голодной смерти единого свободного народа и мученичества эмиграции, я проповедовал о будущем России, а Николай, медуза Николай был еще жив. Теперь *есть борьба, есть работа.*

Будучи в меньшинстве собирающегося войска, материальная сила не с нашей стороны, зато у противной громады, кроме ее и привычки, ничего нет — ни ума, ни образования, ни единства цели, ни плана. Правительство беспрестанно отталкивает напор, кричит «мирно!», ловит забежавших впред — это дело полицейское, но что ж оно хочет сказать в этом *мирно*, что сделать на расчищенном плац-параде? — *Как что? Известно что.* А в сущности вовсе не известно, и всего меньше правительству. Оно не злее и не хуже прежнего, но оно больше мечется, кидается, тербит, оно больше боится. Разве этот страх — не наша победа? Рядом с «пороньем горячки» оно делает бездну несправедливостей, глупостей, ошибок — к этому пора привыкнуть. Да и кто же ждал от него ума, гуманности, справедливости? Ведь это все же продолжение Николая, Павла и пр.

Вот когда оно по немецкому совету и по наговору помещичьих журналистов подталкивает всякими распоряжениями и искушениями крестьян на замену общинного пользования землей наследственным разделом ее в собственность *, тогда действительно мороз дерет по коже. Мало ли что можно напортить, имея в своих руках такую бесконтрольную власть, такой приманчивой вещью, как буржуазная собственность, покупаемая со льготами. Правительство, умевшее поддержать двести лет

крепостное состояние и ввести его в XVIII веке там, где его не было, имеет слишком богатые средства и слишком широкую совесть, чтоб его не бояться. *Буржуазная оспа* теперь на череду в России, пройдет и она, как *дворянски-конституционная**, но для этого не надобно дразнить болезнь и «высочайше» способствовать ей.

Если мы вынесем эти посягательства не протестуя, мы не будем иметь даже того извинения, которое имели наши цивилизаторы; они или вовсе не понимали или верили в пользу вколачиваемого образования, скроенного по иностранным шаблонам. Тут место борьбе и обличению, место энергии и страсти, тут мы должны преследовать, клеймить без усталости и остановки. А вести войну с частными промахами и гнусностями правительства хотя и должно, но это не может стоять на первом плане.

То же приходится сказать о нашем благородном обществе, о том, которое называло увлекавшихся юношей зажигателями, которое рукоплескало ссылке Чернышевского, казням поляков и посылало телеграммы Муравьеву и его литературному дрягилю... * Кто же составляет основу и ядро этого общества, этой России, которой Зимний дворец — в двух Английских клубах, а крепости и будки во всех помещичьих домах? Та же прежняя матушка Россия — Россия «Недоросля» и «Мертвых душ», «Горя от ума» и «рассказов охотника». Пеночкин стал либеральным государственным человеком, но все же остался Пеночкиным, Ноздрев стал *красным* патриотом, муравьевским якобинцем, оставшись Ноздревым... Разве мы этой России, идущей от петровских заводов, от разных Салтычих и Биронов, не знали прежде? Разве не пели мы ей на все голоса «De profundis» * и «Со святыми упокой»? Чему же удивимся мы, что она не изящно умирает; она не римский гладиатор, а просто русский помещик, отдающий богу душу, делающий до конца глупости и заботящийся, как Николай в последнюю минуту, можно ли или нет причащаться, не выбривши бороды *.

Как сословие дворянство имеет меньше жизненной силы, чем правительство, — последняя, материальная сила его улетучилась — оно обнищало.

И перед этими-то врагами наша молодежь хочет сложить

руки — в унынии... Полноте, это мимолетные минуты отчаяния и досады, в которых мешается гнев и любовь, плач о падших и чувство материального бессилия. Они должны пройти.

1 июля 1865.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Вас еще удивляет, оскорбляет глубокое непониманье наших старших братьев *о цивилизации?*.. Удивлялся и я, негодовал и я — и теперь едва покоряюсь темной силе. Злые духи, раз поселившись в человеке, да еще имея за себя давность, — упорны; их изгнание или заговаривание никогда не было делом легким. Нет людей под рукой, они бросаются, как вы знаете по писаниям, в стадо многокопытных и с ними мутят воду. Разве изобретут какую-нибудь машину для *дренажа человеческого ума*, а то одной логикой не много сделаешь.

Человек уверен, убежден, что истина, сказанная им, выведенная им, доказанная им, убеждает и других. Ему возражают — он отвечает, ему приводят новые сомнения — он приводит новые доводы и думает, что дело сделано. Противники соглашаются, восторгаются — и вы можете быть уверены, с той несомненностью, с которой вы ждете лунного затмения, что через два-три месяца явятся те же возражения, те же сомнения, те же озлобления, вроде уток в известной детской игрушке, которые постоянно выходят из правой башенки и отправляются в левую, без всякого конца, потому что всё это одни и те же.

Годы целые бьешься, бьешься о непобедимую мощь непониманья, думаешь: «Ну! сколько-нибудь выиграл»... не тут-то было, все на одном месте... После десятого разговора вам возражают точно то же, что при начале первого, *совершенно соглашаясь со всем, что было говорено в промежутках*.

Казалось бы, оставить их в покое, горбатого лечит одна могила — сил нет. Человек не может с рыбьим хладнокровием смотреть на другого, когда тот идет не по настоящей дороге, да еще, того и гляди, попадет под колеса почтовой кареты, в которой скачет сама история.

Откуда эта лень ума, эта робость силлогизма, это желанье не идти дальше, набросить покрывало?.. Давно ли, кажется,

западный человек, освобождаясь от двух самых грубых опеки, рвался вперед с отвагой в мысли и деле, отрицая все не оправданное разумом, потрясая все существующее — и по дороге создавая науку и ставя огромный вопрос современности? Его-то он и испугался, как Фауст вызванного им духа. Смел он был в ожидании, в теоретическом отрицании, в ломании внешних цепей — черед пришел до приложений, и западный человек стал *революционным консерватором* — красным белого цвета. Порог ли это, за который он запнулся, или его предел — покажет время, но до тех пор у нас с ним нет языка. Выходя из отвлеченных сфер, мы встречаем в нем закоснелого врага или непонимающего друга. Последний хуже. Для меня нет ничего противнее, *как непониманье с сочувствием и с некоторой любовью.*

«Что вам нравится в моих статьях? — говаривал я многим и многим из западных друзей, — дайте себе отчет, и вы увидите, что мы стоим на противоположных полюсах. Вы или увлекаетесь дружбой ко мне, или моим слогом; сущность моей мысли не принята вами и скорее противна вам, чем симпатична. Для меня это бесконечно печально, — печально за вас и за ваших, и я вас прошу — не восхищайтесь моими статьями или поймите их. В 1848 году вы сделали *fiasco* — затем реакция, апатия: на земле империя порядка, на небе воздушный шар социальных теорий, плавающий по воздуху без вожжей, руля и почвы, куда бы спуститься. Вы все говорите, что видите прошлые ошибки, что ищете новых решений, вы все жалуетесь, что старинные стены и развалины вам не дают ступить шага, вы ждете в раздумье и не можете ума приложить, что делать. Являются какие-то люди, *которые* приносят вам весть о стране, в которой существуют искони задатки иного социального устройства, на полях которой нет развалин, а есть только что поставленные острожные частоколы, нет устарелых прав, а есть надоевшее бесправие, нет консервативных верований, а есть силой удерживающиеся цепи и веревки.

Что же вы сделали с этими вестями? Исследовали ли вы, справедливы или ложны показания этих людей и в чем состоит это *естественное* решение вопроса? Нет. Вы продолжали, с одной стороны, риторическую войну возгласов на старые

беранжеровски-либеральные напевы, которые нас так и переносят в блаженные времена тьеровского либерализма и оппозиции Гизо *. С другой — вы все еще хотите нам перелить в жилы вашу старую кровь, с вашей старой мудростью, с которой вы дошли до второго пришествия империи.

Из вашей цивилизации нам только и нужно то, что вы в ней считаете варварским, то, чему вы запираете двери, и то, что одно могло бы вас спасти, так, как спасет нас. А вы, вместо пониманья, хотите нас учить вашему кодексу, вашему канцелярскому и камерному порядку. *Нам ваше пониманье* не нужно, нам нужна ваша наука, скрыть ее вы не можете: она родилась у вас, но она не ваша. Вам нужно нас знать, иначе вы можете по-римски поплатиться за старческое невнимание к варварам, за аристократическое пренебрежение новых народов.

Так, как в «Гамлете» трагедия представляется в трагедии и на сцене сцена, так я хочу в письме к вам передать другое письмо, писанное мною года три тому назад. Вы увидите, как вопрос этот мало двигается. В 1862 г. один нелепый лондонский журнал снова напал на Бакунина и по дороге зацепил и нас, я отвечал несколькими словами с откровенностью македонского солдата и с учтивостью русского гарнизонного офицера *.

Вслед за тем я получил письмо от одной англичанки...*

Перебирая всю мою жизнь за границей, я должен сознаться, не обижая многих и многих мне близких и дорогих людей, полное пониманье нашего вопроса я встретил *один раз* — и это не в мужчине, а в женщине, и притом в англичанке.

Письмо было от нее. Она испугалась тона полемики и того озлобления, которое могло идти за пределы жалкого листка. Письмо ее было так благородно и полно дружбы, что мне пришлось в голову серьезно разъяснить вопрос в ряде писем к ней. Пока я собирался, дела приняли другой оборот — нас покрыло дымным и кровавым туманом петербургской реакции и польского восстания. Ненависть ко всему русскому еще раз оправдалась. Где тут было делать различие между официальной Россией и той, о которой мы говорили! К тому же дворянская и литературная чернь заткнула за пояс правительство и полицию.

Я оставил в портфеле письмо, написанное к ней. И, с го-

рестью сложа руки, ждал, чем кончится это испытанье. Вот вам оно:

«... Мне трудно отвечать на ваше письмо, за ваши добрые, дружеские слова я, кроме сердечной благодарности, не могу ничего сказать хорошего или утешительного. Я боюсь за свою откровенность, но не могу, писавши к вам, остановиться на полдороге... Не сердитесь же на лампу за то, что она освещает. Вообще дела людские хороши *en gros*¹. История, как Альпы, красива издали... вблизи серые камни, замаранный снег, обрывы и все еще бездна дороги, и притом дурной, тяжелой дороги впереди...

Позвольте мне напомнить начало нашего знакомства. Вы протянули мне руку, не зная меня лично, и протянули ее во имя дела, которое я делал, и во имя мира, о котором я свидетельствовал. Не знаю, каким вдохновением, каким наитием вы почувствовали *живые всходы* под нашими снегами и отгадали, что мрачный и немой мир наш не *отходил*, а *нарождался*. Вы приветствовали его во мне, когда я случайно попался на вашей дороге, и я бесконечно вам благодарен за это,— но что сделали другие? Что сделала *старая гвардия* цивилизации, с которой я сблизился на ее Ватерлооском поле, что сделали покрытые сединой и шевронами колонновожатые рода людского, которые завели его в болото и потеряли путь?

Сначала они меня слушали с тем молчанием, с которым слушают, находясь не в авантаже, даже безвредных сумасшедших. Потом, когда половина предсказанного стала осуществляться они, как римские сенаторы в деле Сципиона, закрыли глаза... * А вы говорите: объясняйте им, толкуйте.

Ненависть к России, никак не надобно ошибаться, не относится исключительно к правительству, к дворянству или „схизматическому“ духовенству, а просто-напросто *гулом ко всему русскому*. Вы составляете исключение, может, еще два-три человека, да и то если вы без ненависти смотрите на народ русский, то скажите откровенно, *любите ли вы Европу?* Ненависть к России не взаимна, совсем напротив, Россия с начала XVIII века находила в Европе свои модели, свои выкройки, свои

¹ в общих чертах (франц.).— *Ред.*

прописи, тянулась за ней во всем, подражала ей и едва теперь начинает сторожить уши. С тридцатых годов либеральная Европа привыкла на нашей спине, с спартанской педагогической несправедливостью, наказывать гадости всех правительств; чем больше она теряла право критики домашних дел, тем свирепее секла она Россию, не замечая, что она хлещет не только по той России, которая все ломит и все давит, а и по той, которую все давит и все ломит. Это зрелище довольно новое. Слышали ли вы, чтоб за неаполитанских Бурбонов кто-нибудь стал позорить крестьян на terra di lavoro¹, горцев в Калабрии или за австрийское удушливое императорство бросать грязью в тирольца или морава? Тут ненависть к правительству и к силам, его поддерживающим, там зоологическое, инстинктивное отвращение, консервативная ненависть старой расы, встречающейся с неизвестным intrus², с новой расой, бродящей по границе и словно засматривающей в глаза. А ведь мы смотрели до сих пор вовсе не так, как Франц Моор, спрашивая своего дряхлого отца: «Что ж ты, вечно хочешь жить, что ли?»* Мы смотрели от внутренней тоски, мы искали совета и науки. Встречая в последнее время надменную ненависть, и мы наконец начинаем хмуриться. Из этого могут вырасти беды, кровавые столкновения, вы хотите их устранить. Хотел бы и я, но где же возможность, где элементы?.. Вы говорите: «Продолжайте ваше апостольство, раскрывайте глаза западным людям, не прибавляйте яду и озлобления в натянутое положение». Простите меня, я не узнаю тут вашу самобытную, безбоязненную мысль: sans peur ni reproche!³ Где же ваше гордое смирение перед фактической необходимостью? Вас исполняет ужасом «собирающаяся борьба двух разных цивилизаций», и я смотрю на нее с ужасом, но не могу же я кинуться навстречу лавине!..

Вы сомневаетесь в *достаточности* причин, вы сомневаетесь в ненависти и относите ее к недоразумению, вы говорите, что это чувство новое. Я был бы рад согласиться с вами, но мне кажется, что причин больше, чем надобно, больше, чем их было

¹ пашнях (итал.).— *Ред.*

² вторжением, вкраплением (лат.).— *Ред.*

³ без страха и упрека (франц.).— *Ред.*

во всех роковых столкновениях «двух цивилизаций» — мира греческого, например, с миром персидским, мира германского протестантизма с миром романского католицизма, мира романской революции с миром германского консерватизма...

Мы разумом побеждаем в себе, т. е. мы — несколько человек, порывы физиологических антипатий, и то при малейшем поводе они берут верх.

Ну, а там, где всякое очеловечение неизвестно и где ненависть раздувают всеми силами — из видов, из риторики, из непонимания? Вы правы, это чувство ненависти не всегда существовало, но на этом-то я и основываю его страшную будущность, *оно в росте*.

Пока Россия являлась ученицей, антагонизму не было места, философы XVIII века ласкали ее, поощряли, льстили ей; лицемерный, литературный либерализм Екатерины II был принят *au pied de la lettre*¹. Хваля ее, бранили своих (обратная игра той, которую я отметил выше). При Наполеоне Европа с Россией померилась, узнали, что им друг друга не сломить, и успокоились на дипломатии и конгрессах; вопросы были спутаны, дело шло не о «двух цивилизациях», а о завоевательном начале в борьбе с национальным. Пол-Европы было с Россией, русские победы были немецкими победами, русская политика была общеевропейской, ультраконсервативной, специально-немецкой, но не национальной, не русской. Открытый антагонизм между Европой и официальной Россией начался с 1830 года. Дерзкая, обуховая политика Николая, гонения дома, а всего больше в Польше, вооружили общественное мнение всего мира против России. Россия казалась постоянным тормозом, задерживавшим всякое движение Европы, мешавшим всякому прогрессу.

Но и этот антагонизм не был еще серьезен. Борьба Ормузда и Аримана решена вперед. Европа представляла все хорошее — свободу, науку, цивилизацию, гуманность; Россия — материальную силу, бесправие, крепостное состояние, самовластие, Сибирь, рудники, кнут. Чисто отрицательное начало не может выдерживать войну с началом положительным. И как

¹ за чистую монету (франц.).— *Ред.*

бездарно ни была ведена Крымская война со стороны союзников, но она показала не одну, а несколько ахилловых пят России. Она показала, что народ не был за войну, что общество не было за войну, что литература не была за войну. Она показала общее неудовольствие, общий ропот. Мрачное отчаяние, с которым защищали Севастополь, выражало только народное «не тронь меня» и свидетельствовало о той силе, которую могла бы возбудить народная борьба. Для прочной, долгой борьбы, для серьезного, исторического антагонизма необходим *нерешенный вопрос*, необходимо, чтоб *правда и неправда* была с обеих сторон и чтоб вопрос был на живот и на смерть.

Где же вопрос, на котором «две цивилизации» могли бы торжественно слиться, отрекаясь от всех антагонизмов, или окончательно расшибиться друг об друга в диком единоборстве? Вы его ставили много раз с такой ясностью, что мне, если бы я не к вам писал, пришлось бы переписать ваши слова...»

Первое письмо этим оканчивалось, второго я не писал. Польское восстание, как я сказал, захватило все внимание и надолго смешало карты. Озлобление, ненависть к нам Европы удесятерились не только действиями русского правительства, но и чувством собственного бессилия, невольной измены, стыда.

В этом хаосе страстей должен был бы потухнуть последний луч пониманья. Совсем напротив, именно в это время, по какому-то ясновидению ненависти, заклятейшие враги начали разглядывать *действительную почву* нашего антагонизма... а наши западные друзья, не раскусив смысла, подхватили их слова и начали бить, не отдавая себе никакого отчета, *кого они бьют*.

В 1863 году вышла в Париже брошюра, писанная поляком, «La Pologne et la cause de l'ordre»¹. Она ставила вопрос совершенно ясно и указывая Европе, консервативной и либеральной, в чем ей грозит опасность от России и почему она должна всеми мерами стараться стереть главу этой гидры. Католик, писавший эту книгу, пошел дальше Донозо Кортеса*; Донозо Кортес страдал одной покорной массой войск и единством воли, располагающей ими. Автор брошюры прямо говорит, что Рос-

¹ Советуем не читавшим этой брошюры ее прочесть*.

сия, сверх дикой силы, неустановившейся и готовой на все, представляет хаотическое отрицание западных государственных форм, что во всех проявлениях внутри бродящей силы ее страшный фермент *социализма*, незаарканенного и мечущегося во все стороны, который ничего не пощадит, ни перед чем не остановится — ни перед духовной, ни перед гражданской святыей...

Наконец-то, то, что мы проповедовали столько лет, стало являться на площади в полном параде, в Сан-Бенито*, с зажженными свечами в руках, бросающими длинные черты тени... Кто будет теперь сомневаться в наших словах? Их подтверждают враги. *Мир порядка* отлучает нас, мир *ниспровержения* его — протянет нам руку...

Не тут-то было.

Они говорили об официальной, окровавленной, казнящей России. Не в Зимнем же дворце, не в казармах и канцеляриях *тот страшный фермент*, о котором говорил автор брошюры... Загляните под казенное, красное сукно.

— Нет, нет, — кричат радикалы со всех сторон, — знаем мы вас, вы не лучше, вы все *коммунисты, социалисты!*

— А вы, господа, — так и хочется им ответить, — вы все-таки вдвое ближе к всероссийскому императорству, которое ругаете по привычке, чем к вольным людям, ищущим действительной свободы и действительной правды.

С ними, *caro mio*¹, будьте уверены, не скоро сговоримся мы.

20 июля 1865.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

На этот раз, любезный друг, я пишу к вам не письмо, а скорее *post scriptum* к двум прошлым письмам.

Меня паки и паки упрекают в недомолвке, в неясности, требуют, чтоб я сказал категорически, в чем дело, отчего Россия *guter Hoffnung*, а Европа в импассе...*

Да ведь если я, двадцать лет говоря одно и то же, не дошел до того, чтоб растолковать свою мысль, трудно себе представить, чтоб мне удалось теперь. К тому же рассказать, в чем

¹ мой дорогой (итал.). — *Ред.*

дело, значит ни больше ни меньше, как изложить целый курс социализма и рассказать историческое развитие

От Ромула до наших дней *.

Это мне не под силу. Что касается до общих мест, до сентенций и афоризмов — они большей частью оттого и безжизненны, что общи. В частных развитиях и применениях живее передается мысль. К тому же я не могу забыть, что и М. П. Погодин писал когда-то исторические афоризмы *.

Я через два-три часа еду и хочу в ответ на полученное мною замечание только поставить несколько точек на *i*. Предупреждаю в одном — что все это ужасно старо и может скорее служить попреком за невнимание, чем новым постановлением вопроса.

Государства — таков наш главный тезис — сложились, как все сложилось в природе, по неопределенным стремлениям, по открывавшимся возможностям, прилаживая и изменяя внутренние потребности к внешним обстоятельствам. По мере развития мысли, сознания является желание разумнее, целесообразнее устроиться. Французская революция была колоссальной попыткой заменить политический, юридический, религиозный быт, так, как он вырос под разными влияниями, — разумным, так, как его понимали тогда. Книжный, философский идеал энциклопедистов был совершенно достаточным в руках меньшинства, чтоб разрушить седые стены старой Bastille... но, опрокидывая могучим потоком все церковно-политическое устройство, революция остановилась перед экономическим вопросом, так, как реформация перед текстом св. писания. Ни реформация со своими сектами, ни революция со своими не могут *шагу идти дальше*, не выходя — первая из христианства, вторая — не касаясь экономического вопроса.

Предоставить орудия работы, экономические силы, творчество и производительность, скучение богатств и распределение их случаю и привычному праву — не сообразно с разумом, с современным пониманием. Бездна материала пропадает без рук, бездна рук гибнет без материала, огромные богатства без производительности, огромные запасы без сбыта, избыток и голод, наконец, большинство всех народов, страдающее в

нужде и невежестве, именно от случайного распределения сил и орудий. В этом хаосе нельзя жить, понявши его; неведением теперь отзывать нельзя — страстное желание исторгнуть жизнь из старых форм совершенно последовательно. Но между прошедшим, за которое никто не отвечает, и будущим, за которое *мы будем отвечать*, с одной стороны — *сознание необходимой перемены*, с другой — *выгода отстаивания приобретенного*.

Недостаточность прежних гражданских идеалов ясна не только для тех народов, которые прошли ими, но и вообще для всех народов *идущих*. Для нас это особенно важно. Нам нет никакой необходимости переходить *всеми* фазами политической эволюции, для того чтоб вступить в фазу экономического развития.

Чем прочнее и больше выработаны политические формы, законодательство, администрация, чем дороже они достались, тем больше препятствий встречает экономический переворот. Во Франции и Англии ему представляется больше препятствий, чем в России, чем в Молдовалахии. Тут нет ни гордости, ни унижения, это факт, бросающийся в глаза. Само собой разумеется, что одна неразвитость гражданских форм не обуславливает еще социального развития, иначе Турция была бы ближе всех стран к нему. В России есть почва в быте народном, в народном характере, — почва невозделанная, но готовая принять первое семя; семя это принесло к нам с Запада. Признание за народом права на землю — величайшая победа, сделанная народным смыслом *и социальной идеей*. Консервативная партия в экономическом смысле у нас только что слагается, ее росту надобно помешать. Императорская власть чисто внешняя, у ней сила, а не смысл. Препятствия на пути нашего развития искусственные, это не рвы, а бревна, но бревен могут натаскать много, если мы будем сидеть сложа руки. Вот все, что мы проповедовали. Я и теперь еще убежден, что мы можем идти далее по пути социального развития без общих потрясений, без экспроприации, без колонизации, без всех тех страшных вещей, которыми в Европе останавливают, как медузиной головой, естественный ход дел.

Именно на этой помехе естественному росту основано все

безумие современного состояния, например, во Франции. Сила империи и реакции в этом avortement¹ революций.

Революцию, так, как она шла с 1789 года, не могли своротить с дороги ни обе империи, ни обе реставрации; ее остановила громадность социальной задачи и парализовало необыкновенное отношение к ней деятельной среды, развитого меньшинства. Пока дело шло о политических правах, все образованное стояло со стороны движения; дошедши до социального вопроса, сделалось новое расщепление. Несколько человек остались верными логике и движению, но масса образованных отступила и очутилась, при своих оппозиционных замашках, с консервативной стороны. Народ, за которого прежний революционер становился ходатаем, снова пал на руки поамили вовсе остался беспомощным в потемках низменных сфер жизни; адвокаты его, скрывавшие за собой его детскую неразвитость, расступились, и мы увидали несколько пророков на горе да внизу спящую тяжелым сном народную массу. Идти вперед боялись, идти назад было невозможно, вера в прошедшее была утрачена; надо было выжидать, ладить, удерживать нужное и ненужное, отстаивать приобретенное, отталкивать новое. Такому положению дел простой деспотизм империи, т. е. самодержавной полиции, естественнее конституционной монархии.

Колебляющаяся среда либерализма, основанная на освобождающемся разуме и держащаяся за обязательные предания, — среда неискренняя, полная страхов и угрызения совести, в которой сосредоточивается вся деятельная сила Франции, падает из ошибки в ложь, из лжи в ошибку. Она не верит и поддерживает католицизм, она боится социализма и хлопочет о народном образовании, она не имеет храбрости открыто звать на помощь невежество и великую узду голода. Из такого нравственного сумбура жизнь не может осесть серьезно, а непрерывно расплзается, чинится, меняется, непрерывно торопится не зная куда, зачем, в каком-то чаду противуречий.

«Империя — мир!»*, — кричат перед войной.

«Даровое ученье, всеобщее ученье, и да погибнет социализм!» — говорят республиканцы.

¹ выкидыше (франц.). — *Ред.*

Работник мрачно смотрит на все, говоря: «Работы, работы, и не нужно мне ваших свобод», забывая, что не будет обеспеченной работы — без обеспеченной свободы.

И эти хаотические сумерки выдают нам за лучший цвет цивилизации... Что за вздор!

...Неужели и вы находите что-нибудь неясного в этом сжатом изложении? где? в чем? Пишите, я готов отвечать.

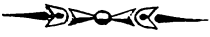

МИХАИЛЫ И МИХАИЛЫ НИКОЛАЕВИЧИ

Муравьев удален в графы*. Иностранные газеты говорят, что за воровство. Мы не верим. Жена цезаря выше подозрения*. Делая его графом, рука дрогнула у государя и он не прибавил ожидаемого слова «виленский». Эта насмешка над несчастием показалась неуместной в Ницце (рескрипт подписан там). Ждем с нетерпением возведения Каткова в графское достоинство и назначение какого-нибудь литературного Кауфмана редактором «Ведомостей».

Но что нам делать с третьим *спасителем* отечества, с *третьим Михаилом*? Он по рождению князь, да еще великий. Недавно кавказский Михаил отвратил страшную беду, висевшую над головой России: он открыл двух-трех гимназистов, составивших тайное общество «Молодой Грузии и Молодой Армении», и затем были арестованы в Петербурге какие-то грузинские студенты*. Что было бы с нами, если б не его бдительность!

«НАРОДНАЯ ЛЕТОПИСЬ»

«Народная летопись» запрещена за то, что не напечатала вести о смерти наследника, почти в тот же день, как объявлен тощий указ о *ценсуре-неценсуре**. Кстати, иностранные газеты

говорят о какой-то конституции-неконституции, в силу которой *теперечний сенат* составит *le pouai*¹ представительной камеры. Начать новую больницу с того, чтоб в нее перевести старых гангренозных больных,— это мысль до того нелепая, что мы начинаем ей верить.

¹ ядро (франц.).— *Ред.*

НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Мы перевезли станок наш в Швейцарию, «Колокол» с 25 мая будет выходить в Женеве. Переезд наш не вносит никакой внутренней перемены в наше издание. Тверже, чем когда-нибудь, стоим мы на нашей почве. Определять ее и высказывать свое *profession de foi* по поводу географического передвижения мы считаем лишним. Основы нашего воззрения вам известны со времени основания первой вольной русской типографии в Лондоне. Вы их знали и прежде, но всего больше знаете их из «Колокола». Восемь лет звонил он одно и то же; *службы*, к которым он звал, менялись — но *религия, дух* оставались те же.

Теперь на череду ударять к Собору, к земскому бессословно-му собору. До чьего-нибудь слуха звон наш дойдет и разбудит мысль о нем. Если б мы думали, что он бесплоден, мы сложили бы руки.

Многое из наших горячих, заповедных желаний приняло плоть и осуществилось — если уродливо и не вполне, то все же осуществилось.

Десять лет тому назад крепостное право стояло твердо, ревниво охраняемой основой империи. Народ русский били от Авачи * до Одессы, по суду и без суда, в казармах и передних, в частных домах и на гумнах. Малейший ропот, слово негодования, двуперстый крест наказывались строже воровства и грабежа... и мы говорили наследнику Николая, когда он сел на его место: «Уничтожьте крепостное право, дайте землю крестьянину, освободите слово от цензуры и спину русского человека от палки, отворите двери суда, дайте волю совести»*.

...Мы говорили и повторяли эти слова на разные лады, целые годы. И все затронутое нами покачнулось.

Рухнулось крепостное право и сдва цепляется за землю.

Телесные наказания уничтожены для *виновных по суду*, можно думать, что скоро перестанут бить и сечь *невинных**.

Запертые двери суда раскрываются, и юридическая реформа, какова бы она ни была, — прямое сознание со стороны правительства в негодности прежней расправы*.

Надтреснула цензура, и ее оставляют скорее допускаемым злом, чем защищаемой необходимостью*.

За двуперстый крест не наказывают как за душегубство, и старообрядцы сравнены правительством с публичными женщинами — их не дозволяют, но терпят*.

Мы не хотим сказать, чтоб наш звоп вызвал эти *почины*, но они совершились *не без него*, он их предварил, он к ним звал, он первый их громко высказал и беспрестанно повторял. Какая доля его вошла в живую ткань событий, как она изменилась в ней, как она ее изменила — кто уловит это, проследит, кто измерит и к чему? Общий поток истории снимает в себе, увлекает в свой стержень все капли, брызги, дожди, ручьи — как живое тело свои клетчатки и ячейки и армия своих солдат, — тем не меньше нельзя у рядового отнять сознание, что и он был участником в Бородинском бою или Севастопольской защите, так, как нельзя малейшей клетчатке отказать в признании ее живой частью слона.

Реформы, осуществленные правительством, неудовлетворительны, все они не доделаны, неоткровенны, косы, узки, все они носят характер временной сделки, чего-то *покаместь*, на скорую руку, *faute de mieux*¹. Действительная важность их в *почине* и невольном отрицании существующего порядка дел. Но ведь говорило и действовало во всем этом одно правительство, а мы гулом слушали и принимали, не имея даже права отказываться. Что время пришло и нам сказать свое слово, до такой степени очевидно, что само правительство постоянно приостанавливается и слушает (как известный московский полицмейстер*) *молчание*... а если кто вздумает сказать слово не по шерсти ему, того оно сажает в казематы или посылает на каторгу. Такая двойная нелепость должна окончиться и голос

¹ за неимением лучшего (франц.).— *Ред.*

народный—получить права гражданства. Потому-то *Земский собор* и составляет первую, ближайшую, насущную, неотлагаемую потребность России.

Вместе с тем растет необходимость разъяснения социальных и экономических, гражданских и юридических вопросов, теснящихся и выплывающих вперед в современном движении русской мысли, русской жизни.

Собор не должен нас застать врасплох.

Хотелось бы и нам, по мере сил, участвовать в этом разъяснении вопросов и, оставаясь при прежней критике казенных построек и при прежнем обличении казенных строителей, выдвинуть на первый план начала возможного чиновничества. Это заставляет нас расширить план нашего издания.

Мы не будем больше исключать ни чисто теоретических статей, ни исторических монографий, лишь бы они имели прямое соотношение к нашему русскому социальному и гражданскому развитию. Будет таких статей много, будут они слишком велики для «Колокола», мы снова примемся за «Полярную звезду». Посылайте же нам статьи, которые вы не можете печатать в России при нынешней свободе книгопечатания *с ценсурой*¹.

И так как мы уж обратились к вам за статьями, скажем в заключение еще об одной потребности нашей. При всех наших усилиях, при всех общих статьях, мы не сделаем «Колокола» живым, русским органом *без корреспонденций из края*. В последние два года их было очень мало. Мы *заявляем вам это*. Просить корреспонденций нам не приходится, дело заграничной гласности столько же ваше, сколько наше,—ваша совесть должна сама решить, что надобно делать. Серьезных затруднений в доставлении к нам писем нет.

Следующий 198 лист «Колокола» выйдет 15 июня.

Цена листу *пятьдесят сантимов*. Книгопродавцы вне России не имеют ни малейшего права *подымать цену*.

В Женеве «Колокол» продается у г. Георга, Corraterie; в Лондоне у N. Trübner et Co., 60, Paternoster row; в Париже A. L. Herold, Librairie, 67, rue Richelieu; Брюсселе С. Muquardt,

¹ Труды такого рода требуют много времени, много книг, работать без возмездия не все могут. Мы приглашаем желающих платы за статьи, помещенные в «Колоколе» или в «Полярной звезде», писать нам об этом.

F. Claassen; Bève Richard Lesser, Librairie, 15, Rue du Lac; Лозанне Martigner et Chavannes; Лейпциге F. A. Brockhaus; Берлине Ferd. Schneider, 11, Victoria StraÙe, Schneider et Co., 19, Unter den Linden, В. Behr, 27, Unter den Linden; Гамбургe Perthes Besser et Mauke, Hoffmann et Campe; Любеке Fr. Asschenfeldt; Штетине Von der Nahmer; Флоренции Eugène Vieusseux; Афинах К. Wilberg; Каире W. Hammerschmidt; Константинополе F. Schimpff et Comp., Köhler et Weiss.

ИКОНОБОРЕЦ И ИДОЛОПОКЛОННИК

В «Киевлянине» помещен циркуляр волынского губернатора о том, чтоб во всех присутственных местах имелись *приличные* (еще бы другие!) иконы, *чтимые* православной церковью. Благочестивый губернатор рекомендует сверх того иметь, кроме икон приличных, иконы *благолепные*, сооруженные и содержимые чиновниками. «Иконы же и кресты римско-католического *характера*» изгоняются, точно в 1794 году, во времена Эберта и Анахарсиса Клоца.

СВОЙ НАКАЗАННЫЙ ПРИНЦ

Как благотельно действуют благие примеры и как действительно правительственная Россия не отстает от своего французского идеала, показывает следующий приказ, помещенный в «Инвалиде» 31 мая: «Е. и. в., князь Евгений Макс. Романовский, герцог Лейхтенбергский, числящийся в полках л.-гв. Преображенском, Уланском и Стрелковом баталионе, исключается из списков *этих частей*». Sehr energisch!¹ Да где же он произносил речь?.. За неимением речи велено было, говорят, принять декларацию в любви — за опасный манифест.

¹ Очень энергично! (нем.).— *Ред.*

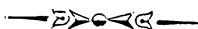

Н. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ, П. ВЕТОШНИКОВ, Н. ВЛАДИМИРОВ

Н. Серно-Соловьевич, П. Ветошников, Н. Владимиров осуждены к лишению всех прав состояния и поселению в Сибирь. Публичное объявление приговоров было: Серно-Соловьевичу 2/14 июня, Ветошникову 3/15, Владимирову 4/16. К чему эта постепенность, к чему это продолжение удовольствия во *время траура?*

Мы возвратимся к приговору в следующем листе.

ЧТО ГОРОД, ТО НОРОВ

В газете «Кавказ» пишут, что 21 апреля (3 мая) исполнен был в Тифлисском уезде *обряд повешения* трех преступников*.

Его императорск. высочеству не угодно было, чтобы в дни общей горести и скорби, испытываемых всеми по случаю кончины цесаревича, лишены были жизни даже люди, подвергшиеся за свои злодеяния каре закона. В этом случае светлая и невинная душа скончавшегося цесаревича предстательствовала пред земным правосудием о помиловании трех человек, осужденных на смерть. Помилованные преступники были главными руководителями шайки разбойников в 25 человек, производивших грабежи с 1859 по 1862 год в окрестностях Манглиса и в Ахалкалакском участке, причем совершено ими несколько убийств.

Рядом с этой новостью мы читаем в русских газетах, что в местечке Соколове 11 мая были повешены ксендз *Бржоско* и *Вильчинский* *. Отчего же светлая и невинная душа цесаревича не предстательствовала и об этих осужденных? Неужели для царского дома и после смерти разбойники ближе к душе, чем повстанцы?

ГРАФИНЯ СТРОГОНОВА, СТРОГИЙ ПРУССКИЙ ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТ, УСЛУЖЛИВЫЙ КОРОЛЬ И ВЛЮБЛЕННЫЙ ПРИНЦ

Не нужно быть Поль де Коком, чтоб из этих стихий создать роман, — мы передаем сырой материал его из «Кёльнской газеты». «Вот что пишут в „National Zeitung“ о причине исключения принца Евгения Лейхтенбергского из гвардии. Молодой человек имел здесь с начала зимы любовную связь (*unterhielt seit Beginn des Winters hier eine Liebschaft*) с французской актрисой *namens* Летисье. Незадолго до отъезда в княгини Марии (графини Строгоновой) в апреле месяце во Флоренцию молодой человек, за которого мать заплатила все долги, обещал ей от Летисье отстать (*von der Letissier zu lassen*)» — *но родительский подкуп не удался, и молодой человек «слова не сдержал, за то и был, под каким-то военным предлогом, содержим под домашним арестом. Мать, вероятно, его здесь (в СПб.) оставила, уезжая сама, в уверенности, что надзор за ним будет строже. Арест за любовь, арест по фальшивой причине, за это следует отдать под суд начальников нежного герцога. «Indes¹ два дня после смерти наследника, когда весь свет здесь был занят этим событием», — это не так-то глупо, разумеется, тогда и следует бежать, когда сторожа другим заняты, — «принц обманул чиновников железной дороги и уехал за границу в сопровождении актрисы». Et vogue la galère² — на душе легче, пусть молодые люди пожурируют. Но на беду у нас, как у Ноздрева, и по эту сторону границы Россия и по ту Россия и та же полиция*.* «На одной прусской станции (Магдебург, думаю я, *т. е. не я, а немец „Национ. газеты“*) принц был приглашен королевским адъютантом выйти на минуту из вагона» — *герцог опростоволосился и забыл, что на минуту выходят люди из вагона по собственному желанию, а не по высочайшему королевскому приглашению*³. — «Герцог только что из вагона — сви-

¹ Между тем (нем.).— *Ред.*

² Была не была (франц.).— *Ред.*

³ Русский народный смысл именно с этой точки зрения и понял совершенную независимость людей от царской власти, как доказывает всем известная пословица*.

сток», и полетела моя Летисье одна в Париж. Каковы шалуны! «Одна — jedoch mit der ihr anvertrauten Reisekasse — впрочем, с ей порученной дорожной кассой». Вот хорошо бы ее отпустить без гроша! — «Принца привезли сюда (в Берлин), разгневанная мать хотела его предать всей строгости военного закона». Какой же закон в военном артикуле запрещает любить хорошеньких девушек, и какое наказание положено за это? Один человек компетентный и есть в России, который может обсудить это дело, — граф Амурский. Говорят, что казус этот хотят поручить ему и Буткову. Почему выбор пал на Буткова, этого мы не знаем*.

Для вас, герцог, в этом случае лежит великий урок. Вы, поставленные так близко к трону, и вы не избегли скрещенных лап союзного деспотизма! Подумайте о том, что случилось с вами, и вам не захочется снова проситься ни в стрелки, ни в преображенцы, ни в егеря. Вам, наследнику громкого имени, не захочется называться каким-то князем Романовским, и вы закаетесь ездить назад по прусским железным дорогам, пока наступят другие времена для России.

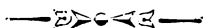
О «НАРОДНОЙ ЛЕТОПИСИ»

(Поправка)

Нам пишут из Петербурга:

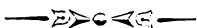
В 197 л. «Колокола» вы говорите, что «Народная летопись» была запрещена за то, что не известила о смерти наследника. Не знаю, сколько эта кончина способствовала к принятию валуевской меры, но могу вас уверить, что на первом плане были другие причины. Московский оратор, Голохвастов, хвалил в Моск. общ. сельского хозяйства фермерство. «Летопись» возражала и упоминала что-то о лицемерии английского побора в пользу бедных. Голохвастов показал эту статью председателю Моск. ценсурного комитета Щербинину. Щербинин ехал тогда в Петербург и в свою очередь показал Валуеву, которому до этого не было никакого дела. Валуев теперь в припадке сильнейшего консерватизма, с некоторыми признаками крепостничества, распустил цензора и велел приостановить умный и дельный журнал до 1 сентября.

Говорят, что Валуев надоел и хотят его отнять от министерства. Помилуйте, да какого же им еще надобно министра? «Московские ведомости» отстоял, «Народную летопись» запретил и делает все возможное, чтоб сохранить последние памятники крепостного права.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТАЙНА.

После возвращения государя в Петербург была в глубокой тайне принята одна решительная мера. Втиши были созваны полицейские власти, втиши были им вручены пакеты, пакеты дозволялось вскрыть, отойдя столько-то верст от генерал-губернаторского дома, и то если не будет пущена сигнальная ракета,— в последнем случае тотчас побросать пакеты в Неву. Ракеты не было пущено, все *общественные* слуги, называемые *частными* приставами, открыли пакеты и сообщили тайну квартальным надзирателям и их помощникам, обязав их передать ее по секрету *всем* городовым. В чем состоит тайна, никто не знает, но с тех пор курящих сигары на улицах не беспокоят.

ДЕЛО СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА

Один из благороднейших, чистейших людей в России, Н. А. Серно-Соловьевич, отправлен на вечное поселение. «Умное правительство,— сказал один из членов Государственного совета *,— старалось бы иметь за себя таких людей» — да!.. *умное!*

Мы умоляем друзей наших прислать нам *in extenso*¹ сенатскую записку этого дела *. Приговор колоссальностью нелепости, отсутствием единства и какой-то небрежной растрепанностью (времени не было порядком написать!) далеко оставляет за собой прежние юридические маски, которыми прикрывались царские мести. Около *трех лет* держали людей в казематах, изредка доходили мрачные слухи о важности дела... Сенатское стадо приговаривало их к каторге, потом само увидело, что перебрело все границы, и побрело назад *. В чем же дело? Да в том, что его *нет*. Отнимите у приговора маскарадные слова, подьяческие выраженья, полицейские микроскопы, и останется тощий процесс первой инстанции. Серно-Соловьевич был знаком с *лондонскими пропагандистами*, читал их издания, давал их читать другим и встретился с *юридической редкостью первой величины* (кто тут удержится, чтоб не знакомиться?) — с *неосужденным государственным преступником* Кельсиевым, который представлен вдали каким-то Тамерланом, потрясающим империю всероссийскую... Далее все тайна: когда Кельсиев возведен в новое звание, не объяснено, в чем состояли его неосужденные преступления до поездки его в Россию *, не сказано. Равно умолчано, отчего

¹ полностью (лат.).— *Ред.*

Кельсиев преступник, если он не осужден, и зачем он не осужден, если он преступник, как будто не судят отсутствующих. Все это страшная белиберда, но «неосужденный государственный преступник» останется скромной лептой, внесенной в XIX столетии русским судопроизводством в сравнительное законоведение.

Вина Ветошникова, Владимирова и других, менее наказанных, само собою разумеется, еще ничтожнее. Тут приговор отличается удивительной казуистикой. Серно-Соловьевич наказывается за распространение *заграничных сочинений их преступного содержания* (и запятой даже нет), а Ветошников и Владимиров только за *распространение преступных сочинений* (без содержания?). Далее одна глупость за другой: Лялин наказан за *подозрение* в переписке с Бакуниным. Английского подданного *А. Бени*, за *недоведение* до сведения правительства о прибытии Кельсиева в *Петербург* — выдержать в тюрьме, а за недоведение до сведения правительства о прибытии Кельсиева в *Россию* — оставить в сильном подозрении и затем выслать за границу *. По какому трактату английские подданные обязаны делать такие любезности русской полиции, мы не знаем и обращаем на это внимание Foreign office'a¹. Девуцу *Марию Челищеву*, за имение у себя запрещенных сочинений и изображений, велено выдержать *под арестом* десять дней. В пущие дни бешенства нашего незабвенного Саула * не было ничего более гнусного. Недонос — уголовное преступление!

Вот и все, остальное — канцелярская фиоритура, арматура, гарнитура, hors d'œuvre² и неловкое извинение самодержавной, но нечистой совести в свирепости преследований и зверстве приговоров.

Судьба Серно-Соловьевича и его товарищей смягчена. Приговор *преднамеренно* напечатан вслед за похоронами наследника, с которыми он так же мало имеет общего, как приговор вольнопрактикующего врача *Ганценбаха*, *востроумно* прибавленный в газетах к приговору Серно-Соловьевича * (чь это выдумка — интересно бы знать). Огорченного государя

¹ министерства иностранных дел (англ.). — *Ред.*

² пристройка (франц.). — *Ред.*

хотели оставить в подозрении, что он смягчил участь приговоренных, но е. в. заговелся на трех разбойниках, которых великий князь заставил разыграть ролю повешенных *, и на нескольких тысячах *казенных* денег, посланных погорелым. В смягчении участи Серно-Соловьевича и подсудимых *он не участвовал*. Их отстоял один из членов Государственного совета *, пораженный благородством, откровенностью, силой ответов Серно-Соловьевича; он перебрал дело и, удивленный инквизиторским и с тем вместе тупо-полицейским характером его, отстоял сколько мог Серно-Соловьевича, вопреки разной ветоши и, говорят, разных немецких нахлебников вроде Петра Ольденбургского *.

Если у высочайшей мести нет больше изобретательных обер-секретарей, которые умели бы тотчас *вдумать* в дело комплот, поджог, покушение, клятву на кинжале и пр., то уж лучше отказаться от тиранских преследований или по-николаевски давить людей втихомолку, а кто хватится о задавленном, того втрое: «Много, мол, будешь знать, скоро состаришься».

Что ответы Серно-Соловьевича поразили порядочного человека, в этом нет ничего удивительного. Серно-Соловьевич принадлежит к числу тех избранных на великий пример сосудов, тех вперед помазанных на мученичество лиц, которые спокойно идут своей дорогой и ясно смотрят в глаза беснующимся судьям — перед этими людьми власть срезывается и потому неохотно поднимает на них руку. Их нельзя, по поучительному примеру Тиверия, осквернить в тюрьме, чтоб сделать достойными казни. Таков был Грановский, и Николай обошел его. Милосердый Александр II, целовавший Серно-Соловьевича губами князя Орлова *, не так разборчив.

ВСЕ ЕЩЕ ГОРИТ РОССИЯ

Пожар в двадцати губерниях! Всѣ поджоги — намекают «Московск. ведомости». Но кто же поджигает? Неужели ни разу, нигде полиция не добралась ни до одного *в самом деле* виноватого, кроме каких-то юродивых да малолетних, от которых путного слова нельзя было добиться? Как же не прогнать такую полицию, со всеми ее частными и общими приставами, гражданскими, военными губернаторами и военными генерал-губернаторами? Если же поджогов нет или если они составляют незаметную случайность, то как же не прогнать всю эту журнальную сволочь алармистов, всех этих *нравственных отравителей* общественного мнения?

СТАРОВЕРЫ И ЕВРЕИ

Маски падают одна за одной, их бросают впредь до новых кровавых святок. «Кёльнская газета» говорит, что с полным усмирением восстания в Литве начались снова невыносимые гонения на староверов. Им это урок, пора им знать, что неблагодарность австрийского правительства, которой хотел удивить мир Шварценберг, ничего не значит перед петербургской способностью неблагодарности. Горько раскаются они в своих уступках и лицемерной преданности*. За раскольниками урок евреям*.

Приказ варшавского обер-полицеймейстера.

Приказом по исполнительной полиции миновавшего 1864 года, за № 36, предписано было иметь наблюдение за точным исполнением постановления совета управления Царства Польского от 19-го июня (1-го июля) 1853 года относительно недозволения евреям носить воспрещенные высочайшим повелением еврейские уборы. Распоряжение это по случаю особых и исключительных в минувшем году усиленных действий полиции, при бывшем в крае беспорядке, лишило ее возможности следить за выполнением одного и принудило по необходимости ограничиваться одними лишь напоминаниями о выполнении высочайшего указа. Ныне, при восстановленном уже порядке, в городе усматривается, что большею частию евреями подтверждение это не только не выполнено, но многие из них допускают себе носить самые безобразные и неприличные костюмы, показываясь в оных на улицах и даже в местах общественных гуляний; почему высшее начальство и нашлось вынужденным сделать подтверждение о точном выполнении вышесказанного указа. Для исполнения сего и понуждения всех дозволивших себе евреев отступать от изданного и неотменного постановления мною вместе с сим предложено варшавским раввинам объявить под расписки всем евреям, что, назначая им семидневный срок для приведения своих головных уборов в надлежащий вид, предвещаю, что если по истечении сего срока, т. е. с 30 июня (12 июля) кто-либо из них еще дозволит себе носить *крымки, пейсы и неприличное для*

горожанина одеяние, то будет задерживаем полицией и по распоряжению, вместе с сим сделанному, не принимая никаких причин в оправдание, будет понужден к исполнению *полицейскими уже мерами*. Имея же в виду, что многие евреи низшего класса по бедности своей не в состоянии бы были в столь короткий срок заменить настоящие свои костюмы на общепринятый для горожан всех исповеданий, дается им семимесячный срок, но с тем, чтобы *головные уборы* были ими сняты в семидневный срок, как выше сказано, и чтобы при донашивании ими старого одеяния они не смели себе позволить являться в места общественных собраний в *неприличной одежде*. («Рус. ипв.»)*

...Так и пахнуло съезжей и Николаем. Какая тупость, какая узкость, какое мелочничество у этого несчастного правительства! Враги ли его толкают в эти ямы глупости или собственная, в кровь и мозг вошедшая, фельдфебельская страсть к регламентации? Нет, это циркульное, портняжническое правительство ничего не примерит, ничего не сделает, никуда не поведет — *pas de rêveries!*¹

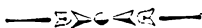
¹ оставьте напрасные мечты (франц.).— *Ред.*

LA BOURSE OU LA VIE!¹

«Норд», не замечая, что, виновата или не виновата Польша, но что с 1863 года она, верно, утратила огромное количество людей, находит, что лишних полтора рекрута с тысячи в Польше следуют за невыставленных в 1863 году рекрут, но что несмотря на справедливость этой меры, манифест 1/13 июня дает добавочным рекрутам право откупаться. Рассуждение довольно странное! Или люди для войска нужны — имеется ли война в виду, смертность ли какая произвела убыль в войске — и тогда берут людей, потому что они нужны для безопасности страны; или ничего такого нет и люди не нужны для войска — тогда незачем их и брать; а если народу говорят «подавай людей, а не хочешь, то подавай денег», тогда это чистый грабеж, где *власть имущий* говорит: «La bourse ou la vie!» Или «Норд» думает, что за вынужденные деньги правительство станет нанимать взамен охотников? Ну, это уж извините — *pas de rêveries!*

〈ОФИЦЕР БЕЙДЕМАН〉

¿Правда ли, что русский офицер *Бейдеман*, принимавший участие в итальянской войне и выданный австрийцами в Россию, с тех пор, т. е. третий год, содержится в каземате без суда, следствия и, стало, приговора?..

¹ Кошелек или жизнь! (франц.).— *Ред.*

РУССКИЙ ПРОГРЕСС

В газете «Dziennik Warszawski» помещено следующее объявление:

Варшава, 25 июня (7 июля). *Ректор главной школы* извещает, что согласно предписанию его сиятельства графа, наместника Царства Польского, вследствие предложения бывшего генерал-губернатора губерний Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской, генерала-от-инфантерии графа Муравьева, молодые люди родом из помянутых губерний, а равно из губерний Могилевской и Витебской, *не иначе* будут приниматься в учебные заведения королевства, как с дозволения местных губернаторов. А потому все студенты главной школы, происходящие из помянутых губерний и желающие матрикулироваться на будущий год, обязаны представить таковые свидетельства; *ибо представленные прежде при приеме в школу утратили все значение вследствие нового предписания.* На сыновей же военных и чиновников, а равно и владельцев недвижимых имений в королевстве, имеющих постоянное жительство в нем, *не распространяется это предписание, хотя бы они были родом из империи* *.

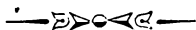
Оно понятно, что ректор отзывается почтительно на муравьевские изобретения; но что же думали Берги, Черкасские, Милютины и tutti quanti¹, когда упитанный кровью Муравьев возлагал на них исполнение своего отвратительного насилия? Как это наместник Царства рассудил, что в предложении Вешателя все хорошо: *дозволение губернаторов*, в виде нового рода тормоза и усиления произвола, и *негодность прежних свидетельств*, вопреки правилу, что закон не имеет обратного действия, и, наконец, то, что *сыновья чиновников и проприетеров* не подходят под предписание? Или Берг, чуя отставку, думал, как бы Катков не ускорил ее?

¹ все прочие (итал.).— Ред.

Курляндское дворянство, по собственной инициативе, постановило исходатайствовать у правительства отмену исключительного права, предоставляющего одному только курляндскому дворянству, записанному в местных матрикулах, на владение рыцарскими именами, а распространить такое право на все сословия*.

Каково великодушие со стороны благородных рыцарей Курляндии, особенно после того, как крепостное состояние-то уничтожено?!

Городское общество Ярославля нашло, что Государственный совет, так долго думавший над разрешением вопроса о курении на улицах и дозволивший это, сошкольничал и дал маху, а потому оно, ярославское общество, и запрещает курить на улицах*. В этом определении и пика Государственному совету, и та зрелость соображения, которая полагает, что курить на улицах может быть дозволено разве лет через триста.

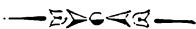

«КИЕВЛЯНИН»

«Москов. ведомости» перепечатывают из какого-то дикого «Киевлянина» следующие отрывки из житомирской корреспонденции.

Польские вывески исчезли в Житомире, но зато рядом с русскими красуются неизбежно французские... если только их можно назвать французскими: так, один магазин выставил у себя русскими буквами *Лонцский* и рядом с ним *La'tsky*, что едва ли в состоянии был бы прочесть француз. На вопрос корреспондента, что стоит лимон, еврей отвечал ему: *то цитрина*, и объявил, что она стоит *двасенць гроши*. В Житомире есть театр, обращенный из польского в русский посредством очень простого механизма. Бывшей польской труппе объявили, что она должна играть по-русски и русские пьесы или *убираться* восвояси. Она предпочла остаться и играть на русском языке. Можете себе представить, что это за язык! Впрочем, и стоны, и смех, и пляски актеров раздаются большею частью в пустыне: поляки не ходят, потому что играют не на польском языке, а русские также, потому что играют не на русском, а на каком-то неведомом языке.

Отвратительнее этой насмешки со стороны палачей над жертвами мы не знаем.

〈ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ〉

Monsieur le Directeur,

Vous m'obligerez beaucoup, en donnant une place dans votre estimable feuille aux lignes qui suivent:

L'«Invalide» a publié un article sur les incendies néfastes qui désolent la Russie. Cet article, reproduit par autres feuilles russes, tend à nous accuser d'avoir pris part à ces incendies.

C'est un mensonge absurde, ignoble. Est-ce le gouvernement que l'on trompe, ou est-ce le gouvernement qui trompe de cette manière le public — cela nous est assez indifférent; mais nous ne voulons pas rester sous le coup de cette calomnie.

Si quelque chose de pareil avait été imprimé dans un pays jouissant non seulement d'une police vénale et toute puissante, mais aussi de tribunaux et de lois, nous aurions fait un procès à l'«Invalide».

C'est impossible en Russie. Mais hors de la Russie, pourtant la question peut s'éclaircir.

Nous demandons à ces calomniateurs des preuves, que nous sommes tout prêts à analyser dans les feuilles publiques ou devant les tribunaux anglais ou suisses. Que ces messieurs sortent donc de leur tanière de police, de leur caverne d'inquisition, qu'ils laissent une fois les ténèbres et arrivent au grand jour; c'est assez de jouer avec des documents faux, comme dans l'affaire de Tchernychevski; qu'ils viennent nous accuser devant des juges libres d'un peuple libre, qu'ils nous montrent leurs figures. Nous sommes prêts.

Alexandre H e r z e n,
Directeur du «Kolokol».

28 août 1865.
Genève, Château Boissière.

Господин издатель!

Вы меня очень обяжете, поместив в вашей уважаемой газете следующие строки.

«Инвалид» напечатал статью о злосчастных пожарах, приводящих в отчаяние Россию. Статья эта, перепечатанная другими русскими газетами, имеет целью обвинить нас в участии в этих пожарах.

Это — нелепая, подлая клевета! Обманывают ли правительство или правительство обманывает таким образом народ, — для нас это безразлично; но мы не желаем оставаться под гнетом этой клеветы.

Если бы нечто подобное было напечатано в стране, обладающей не только продажной и всемогущей полицией, но и судом и законами, мы бы привлекли «Инвалид» к суду.

В России это невозможно. Но вне России этот вопрос может быть выяснен.

Мы требуем от клеветников доказательств, которые охотно проанализируем в газете или перед английским или швейцарским судом. Пусть эти господа выйдут из своих полицейских берлог, из инквизиционных притонов; пусть они хоть однажды расстанутся с мраком и появятся на свет божий; довольно им орудовать подложными документами, как в деле Чернышевского; пусть они обвиняют нас перед свободными судьями свободного народа, пусть раскроют свое лицо! Мы готовы.

Александр Герцен,
Издатель «Колокола».

28 августа 1865.
Женева, Буасьер.

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

«Инвалид» напечатал, а другие русские газеты перепечатали статью «О пожарах в Северо-Западном крае», составленную будто бы по полицейским, официальным сведениям. В этой статье обвиняют нас в том, что мы участвовали вместе с каким-то польским комитетом, о существовании которого мы не слыхивали, в поджогах¹.

Правительство ли так глупо, что его этим обманывают, или оно так безнравственно, что употребляет такие средства против своих врагов,— нам все равно. *Мы объявляем, что это ложь, ложь нелепая, очевидная для всех знающих нашу жизнь, наши мнения.*

С какой целью можем мы участвовать в несчастных поджогах? Странное *carpatio benevolentiae*².

Если бы что-нибудь подобное было напечатано в стране, имеющей, сверх шпионов и доносчиков, суд и расправу по законам, мы отвечали бы или сделали бы «Инвалиду» процесс. В России это невозможно.

Но вне России возможно другое.

Мы требуем от этих официальных негодяев доказательств и готовы отвечать не только в печати, но перед судом в Англии или Швейцарии. Нам интересно будет узнать, кто этот достопочтенный банкир Т... * и кому он платил деньги; а Европе еще интереснее будет ознакомиться с тем, что за вертеп разврата,

¹ Дней пять тому назад «Моск. вед.» намекали, что мы и фальшивые монетки... * Не участвовали ли мы еще в убийстве Бригса?.. не украли ли носовой платок у Каткова, когда он являлся к нам с почтением в Фуламе и уверял нас, что «„Колокол“ — сила», нисколько не сердясь за это?

² снискание благоволения (лат.). — *Ред.*

клеветы, бездушья и подлости русская полиция и русская официальная журналистика.

Вот главные места статьи:

Общественное мнение в России издавна указывает на польскую революционную партию как на главнейшую виновницу поджогов. Обвинить всю эту партию поголовно было бы несправедливо; мы имеем, напротив того, данные, удостоверяющие, что между членами этой партии встречаются и такие лица, которые открыто отказываются от солидарности с поджигателями, и что поджоги входят в систему действий преимущественно партии *красных*, т. е. той самой грязной партии, которая хозяйничала в Польше в течение 1863 года, которая придумала жандармов-вешателей и революционный террор, освящала кражу и клятвопреступление и которая вселила к себе отвращение даже в поляках, столь нам недоброжелательных. Солидарность этой партии с партией поджигателей действительно отвергать невозможно. К этой же гнусной партии следует причислить и известную горсть наших заграничных ренегатов, которые, будучи окончательно опозоренными в общественном мнении России, добиваются ныне во что бы то ни стало восстановить свою незавидную известность, хотя бы геростратовскими средствами.

Отрывочные сведения о нынешнем положении вопроса о поджогах не могут быть точными уже потому, что следствие продолжает еще производиться весьма деятельно. При всем том они могут служить подтверждением справедливости молвы народной, что приписывать пожары одним случайностям значило бы добровольно закрывать глаза от истины и что поджоги — дело не отдельных личностей, а целой организации. К сожалению, мы не знаем еще организации этой вполне, хотя и случалось нападать на следы ее. Вот, между прочим, сведения, которые имеются об этом из-за границы и которые добыты также путем следствий над несколькими политическими преступниками, задержанными в последнее время.

В настоящее время за границей существуют две шайки революционных поджигателей: 1) шайка польских эмигрантов и 2) шайка самых красных русских революционеров (молодая Россия).

Польская эмиграция, рассеявшись по Европе, разделилась на многочисленные партии и занимается в настоящее время политическими спорами и распрями, составлением проектов о различных революционных предприятиях и отысканием людей для приведения проектов этих в исполнение. Между этими партиями существует и тайная партия поджигателей, главным притоном которой служит Швейцария, затем Париж и Лондон и, наконец, Турция. Большинство лиц, составляющих эту страшную партию, известно. Покуда мы не назовем их. В состав партии в Париже входят многие лица, занимавшие в последнее восстание должности революционных организаций в Литве и Царстве Польском. Они занимаются ныне высылкой поджигателей в Западный край, а может быть, и в Польшу. Людей для этого находят они в изобилии между эмигрантами, поселившимися в Швейцарии. Сильно нуждаясь в средствах к существованию,

весьма многие из них готовы всегда на все. Парижский комитет не отказывает в средствах на подобные предприятия. Лица, отправляемые на поджоги, снабжаются особым, легко воспламеняющимся составом из угля, серы и фосфора. В течение 1863 года жидкость эта изготовлялась в Варшаве, в аптеке Младенца Иисуса, высланным ныне в каторжную работу аптекарем Строньским, откуда и рассылалась в некоторые города. Эта самая жидкость была употреблена при пожаре ратуши в Варшаве; с помощью ее же была подожжена крыша казарм около замка, но пожар был вовремя замечен и потушен. Эта же жидкость была употреблена при покушении на жизнь графа Берга, 8-го сентября 1863 года, причем состав ее был силен до такой степени, что она горела еще на следующий день на каменной мостовой.

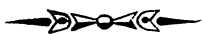
Шайка польских эмигрантов-поджигателей, сносясь с теми из полков, которые, будучи замешаны в мятеже, высланы на жительство внутри империи, в то же время сносятся с подобною себе шайкой русских ренегатов, называющеюся «агенцией Герцена» и сосредоточенною в Тульче. Эта последняя шайка, разившись сильно в Турции, при помощи бежавших из России липованов, скопцов и других выходцев, избрала поприщем своих преступных действий южную Россию.

Обе эти шайки состоят под покровительством лондонского общества «*Ognisko rewolucyjne*» («Революционный пламя»), делами которого заведывает польский эмигрант; он же выдает и денежные пособия злоумышленникам. *В мае 1864 г. он привозил деньги «агентству Герцена» и жил некоторое время в Тульче. Самое же общество революционеров получает деньги от члена своего, лондонского банкира Т..., сердечного приятеля Мадани.*

Ограничиваясь на первый раз перечнем голых фактов, предоставляем читателям выводить из них свои заключения. Сведения нами почерпнуты из официальных источников. Будем надеяться, что обнародование их послужит к общему благу.

Ну, господа, выходите из ваших нор и застенков! Мы ждем. Полно играть втемную, поддельными документами, как в деле Чернышевского. Являйтесь обвинителями белым днем, перед свободными судьями свободного народа — дайте посмотреть на ваши лица... Мы готовы!

30 августа 1865,
Château Boissière.

БОЛТОВНЯ С ДОРОГИ

(Тессинская учтивость.— Зоология русских туристов.— Министр, не окончивший курс.— Бой Константина Николаевича с Катковым.— О деле Серно-Соловьевича).

— Есть место в Андермат?

— Вероятно, будет.

— В кабриолете?

— Может быть, вы заходите в половине одиннадцатого...

Я смотрю на часы — три без четверти... и с чувством какого-то бешенства сажусь на лавочку перед кафе... Шум, крик, таскают чемоданы, водят лошадей, лошади стучат без нужды по камням, трактирные гарсоны завоевывают путешественников, дамы роются между саками... шелк, шелк, один дилижанс поскакал, другой поскакал за ним... площадь пустеет, пустеет, все разошлось... жар смертельный, светло до безобразия, камни побледнели, собака легла было середь площади, но вдруг вскочила с негодованием и побежала в тень. Перед кафе сидит толстый хозяин в рубашке, он постоянно дремлет. Идет баба с рыбой. — «Почем рыба?» — спрашивает с видом страшной злобы хозяин. Женщина говорит цену. — «Carrogna»¹, — кричит хозяин. — «Ladro»², — кричит женщина. — «Иди мимо, старая чертовка». — «Берешь, что ли, разбойник?» — «Ну, отдавай за *три венты* фунт». — «Чтоб тебе умереть без исповеди!» Хозяин берет рыбу, женщина деньги, и дружески расстаются. Все эти ругательства — одна принятая форма, вроде вежливостей, употребляемых нами.

¹ «Стеррва» (итал.). — *Ред.*

² «Разбойник» (итал.). — *Ред.*

Собака продолжает спать, хозяин отдал рыбу и опять дремлет, солнце печет, сидеть дольше невозможно; иду в кафе, беру бумагу и начинаю писать, не зная вовсе, что напишу... Описание гор и пропастей, цветущих лугов и голых гранитов — все это есть в гиде... Лучше посплетничать. Сплетни — отдых разговора, его десерт, его соя; одни идеалисты и абстрактные люди не любят сплетней... Но о ком сплетничать?.. Разумеется, о предмете, самом близком нашему патристическому сердцу, — о наших милых соотечественниках. Их везде много, особенно в хороших отелях.

Узнавать русских все еще так же легко, как и прежде. Давно отмеченные зоологические признаки не совсем стерлись при сильном увеличении путешественников. Русские говорят громко там, где другие говорят тихо, и совсем не говорят там, где другие говорят громко. Они смеются вслух и рассказывают шепотом смешные вещи; они скоро знакомятся с гарсонами и туго с соседями, они едят с ножа; военные похожи на немцев, но отличаются от них особенно дерзким затылком, с оригинальною щетинкой; дамы поражают костюмом на железных дорогах и пароходах, так, как англичанки за *table d'hôte*'ом, и пр.

Тунское озеро сделалось цистерной, около которой насели наши туристы высшего полета. *Fremden List*¹ словно выписан из «Памятной книжки»: министры и тузы, генералы всех оружий и даже тайной полиции отмечены в нем. В садах отелей наслаждаются сановники, *mit Weib und Kind*², природой и в их столовой — ее дарами. — «Вы через Гемми или Гримзель?» — спрашивает англичанка англичанку. — «Вы в „*Jungfraublick*'e“ или в „Виктории“ остановились?» — спрашивает русская русскую. — «Вот и „*Jungfrau*“!» — говорит англичанка. — «Вот и Рейтерн» (министр финансов), — говорит русская.

Мирное наслаждение горными отелями и видами русских министров было возмущено на днях встречей в Интерлакене * двух старых знакомых. Головин, министр просвещения, встретился с известным литератором П. В. Долгоруковым.

¹ Список приезжих (нем.). — *Ред.*

² с женами и детьми (нем.). — *Ред.*

— «Здравствуйте, Александр Васильевич», — говорит Долгоруков. — «Мы больше с вами не знакомы», — отвечает просвещение, приподняв шляпу. Долгоруков ему в ответ... мало ли чем старые знакомые могут заключить свое знакомство, когда один говорит «Здравствуйте», а другой по казенной надобности отвечает «Мы с вами больше не знакомы». Не все звучно в печати, что звучно *viva voce!*¹

Окончивши знакомство, Головнин уехал из Интерлакена, *не окончивши курса*. Это приобретет ему большую популярность между студентами, находящимися в том же положении.

История эта сделала *сенсацию*, многие из русских оставили Интерлакен — кто поехал в Тун, кто в Бриенц. Одни финансы в таком расстроенном состоянии, что Рейтерн остался долечивать их горными вершинами.

Головнинская встреча с Долгоруковым была вторая неудача для бедного министра просвещения в нынешнем году.

Мне рассказывали, что несколько месяцев тому назад он взялся ходатайствовать о Константине Николаевиче перед Катковым. Головнин хотел выхлопотать для Каткова, если он положит гнев на милость, какие-то льготы при пересылке по почте «Моск. ведом.» Катков соглашался оставить в покое великого князя, но требовал для себя, сверх почтовой льготы, не в пример прочим, бесцензурности — на том, вероятно, основании, что он, как Сусанин, спас царский дом от поляков и, следовательно, имеет право на то, чтоб быть «вольным газетопашцем». Головнин похлопотал — не удалось. Сусанин наш подождал — толку нет, он и пошел снова намекать и подводить дальние апроши... не великий ли, мол, князь жжет Россию?.. Что Польша горит от его управления, сомневаться мудрено: почему, в самом деле, ни он, ни маркиз Велёпольский не догадались сослать в Сибирь все зажигательные спички и всех делающих их? Словом, в то самое время, как Головнин обнадеживал великого князя и говорил ему, что «смягчил» «Моск. ведом.», друг Муравьева * продолжал свое следствие о якобы чинимых злоупотреблениях прежним наместником Польши,

¹ в личной беседе (итал.). — *Ред*

отрешенным «Московскими ведомостями» от дел, и даже намекнул, что он поддерживал «Колокол», когда это было нужно.

Положение великого князя становится вовсе не легкое. «Моск. ведомости» косятся на Грузию, и Михаилу Николаевичу несдобровать. Назови государь Леонтьева своим меньшим братом, Катков и его заподозрит в сепаратизме и желании иметь особенного статс-секретаря при редакции. Одно положение хуже и есть великокняжеского — это положение Шедо-Ферроти. Что бы кто бы ни написал, в Риге или в Кёльне, в «Daily News» или в «Крестовой газете», а уж Шедо-Ферроти достанется от Сусанина.

А пророс к доносам и доносчикам, чернильным инквизиторам и литературным полицмейстерам: один военный господин, заслуживающий полного доверия, рассказывал мне некоторые подробности, не важные, но характеристические, о финале дела Серно-Соловьевича, о роле (известного своими собственными историями) Карниолина Пинского во время следствия и пр. От него я узнал, что другой член Государственного совета, говоривший в пользу обвиненных, был князь Суворов; что несчастный Траверзе умер в тюрьме; что Тургенев с большим успехом цитировал в свою пользу отрывки из «Колокола», засвидетельствованные в парижском посольстве *. Процесс составляет, говорят, *четыренадцать* томов.

Серно-Соловьевич, как мы и знали, везде, во всем вел себя удивительно. Сенаторы были подавлены его благородством, его доблестью.

Суворов хотел, чтоб осужденных везли в каретах на площадь, но благосердый Александр Николаевич, с не менее благосердым Третьим отделением, велели их везти на какой-то колеснице. В мелких жестокостях всего больше обрисовывается сердце человека. Сила, энергия иногда увлекаются до жестокости, но никогда не колют булавками.

Настоящий поэт палачей, впрочем, тот из них, который придумал читать Серно-Соловьевичу и его товарищам сентенцию вместе с каким-то господином, делавшим фальшивые документы. Суворов восставал и против этого, но его величество хотело показать, что «не боится злоумышленников».

...Пойду лучше опять смотреть на пустую площадь и на спящую собаку; наши сплетни, как все наши разговоры, как все мысли, чем бы ни начались, все-таки оканчиваются мрачной ненавистью и печальным презрением...

В заключение — говорят, что Михайлов и Чернышевский очень больны...

НИГИЛИСТЫ — ФАЛЬШИВЫЕ МОНЕТЧИКИ!

«Моск. вед.» в № 167 перепечатавают из «Dziennika Warszawskiego» новость об аресте во Франции:

В Париже и Эне (Aisne) арестовано было значительное число людей, занимавшихся подделкою русских ассигнаций в весьма обширных размерах, и конфискованы подделанные ими билеты на сумму от *семи до восьми миллионов* рублей, а вместе с тем и все необходимые для подделки инструменты. Корреспондент так объясняет подробности этого постыдного дела: «Незадолго до восстания 1863 года устроен был в Лондоне комитет под покровительством революционной пропаганды всех стран; задачею его было разорение правительства и землевладельцев как в России, так и в Польше. Подрывом денежного курса намеревались разорить государство; поджогами — его жителей. *Комитет этот слыл между самими членами его то под именем комитета нигилистов, то под именем «копища красных петухов».*

Что это пошлый вздор и что никто ничего не слышал ни о скопище красных петухов, ни о комитете *нигилистов* — догадаться не мудрено. Но каков тот подлый орган, который в Москве перепечатывает эту клевету, зная очень хорошо, что под именем *нигилистов* (долею благодаря той же редакции) разумеется у нас литературная партия, враждебная Каткову с К^о.

ОТЦЫ РОДНЫЕ И ВОСПИТАТЕЛИ

«Le Nord» рассказывает в корреспонденции из Нижнего о презабавном полицейском предписании. Полиция рекомендует жителям «вести себя *прилично* в увеселительных местах,

не позволять себе неприличных и грубых шуток, потому что иностранцы, будучи свидетелями неприличных сцен, могут сделать ложные заключения о нравах». Очень хорошо, или очень «курьезно», как говорят беспрестанно «Московские ведомости».

ПОТОКИ КРОВИ В ТИФЛИСЕ

В ожидании более подробных сведений об отличившихся в тифлисском *деле*, мы считаем далеко не лишним пополнить официальные известия, помещенные нами в 202 л. «Колокола» *. Вот что говорят иностранные газеты: по частным известиям, *беспорядки* в Тифлисе и последствия их гораздо значительнее, чем это представляет официальная заметка «Русск. инвалида». А именно: убито не четыре, а около *сорока* человек, и хотя жители и обещали князю Орбелиани не нарушать более спокойствия, но раздражение все еще весьма сильно и все дела совершенно остановились. По другим известиям, князю Орбелиани указаны были около сорока зачинщиков, но он не решился схватить их — не по доброте, не по слабости характера, а просто потому, что должен был признать жалобы взявшихся за оружие вполне основательными.

НЕУДАЧНАЯ ПРОГУЛКА, СТОИВШАЯ ДВУХ СУДОВ

По известиям из Стокгольма, русская эскадра и известный мореход Константин Николаевич были встречены шведским населением такими приветствиями, от которых не поздороваются.

Зачем же это ему понадобилось в Швецию: напомнить ли своей эскадрой скандинавам, что вот, мол, скөмпрометировали

вы себя симпатией к полякам, так посмотрите, какая есть у нас морская сила, или так просто разгуляться, себя показать да людей посмотреть?

Не лучше ли же сидеть дома, когда нечем хвастаться: не погубили бы, по крайности, двух судов; а то и приняли незваных гостей некрасиво, да и двух судов как не бывало.

В РЕДАКЦИЮ «ИНВАЛИДА»

Господин Редакция *,

вы не человек, вы место, вы чернильница, вы не несете никакой ответственности за то, что вы печатаете, вы ниже нравственной ответственности, ваша нравственность в пачальстве. Об нем-то мы и хотим с вами поговорить; может, наши слова возбудят в вас негодование и вы взбунтуетесь. Оно употребило вас на черное дело, оно вами гнусным образом оклеветало меня. Мы вас жалеем и дивимся Милютину *военному*, что он допустил *бесплезное* преступление, и притом такое, которое не могло не вызвать отпора *. Мы считали, что он умнее, но в наше переменчивое время никого узнать нельзя и братья Милютинны — эти Гонорий и Аркадий русской империи * — становятся какими-то сфинксами... бюрократы и либералы, организаторы и децентрализаторы, вчера западники, сегодня — славянофилы, завтра... кто их знает что?

Обвинить меня косвенно и с недомолвками в поджогах не только ложно, но глупо. Мои воззрения известны, я не скрывал их, а старался всеми мерами обнародовать их. Моя общественная деятельность вся на виду, на совести у меня нет не только пожара или наводнения, но даже тех легких облаков, которые носятся в воспоминаниях *других* типографов и журналистов, ловко устроивших свое обзаведение на чужой счет.

Ни с лондонского банкира Т., друга Маццини, ни с московского раскольника С.*, экс-приятеля Каткова, я денег не брал, и кричи об этом все Третье отделение и оба брата Милютинны, ни один умный человек, ни один честный человек этому не поверит.

К чему же вся эта клевета? Она только показывает, — а

показывать это, конечно, не хотели ваши шефы,— что наши акции поднимаются, что общественное мнение снова в нашу пользу и что нас хотят донять не мытьем, так катаньем.

Да мы не дадимся, а будем беспрерывно требовать доказательств, суда... Я от вас не отстану, пока вы не ответите словами, что доказательств нет, что начальство солгало, или молчанием дадите мне право клеймить ваше заведение готовальной фальшивых обвинений.

Что же вы выиграли? т. е. не вы, а набольшие ваши? Не мог же думать ни Долгорукий, ни кто другой, что мы оставим дело без ответа.

Если б все это было в стране не только православной, но с честным правительством во главе, я не стал бы к вам приставать, а пошел бы дальше и выше. Я написал бы к государю письмо, я попросил бы его *sauf-conduit*, пропуск в Россию и из России; там стал бы я добровольно перед гласным судом и втоптал бы в грязь поставщиков живого материала в казематы и двора его величества фурнисеров*, и вербовщиков каторжной работы, а потом воротился бы за свой станок.

Возможно ли это? Спросите министерию и весь генералитет. Много ли генералов и негенералов возьмут на свою ответственность, *на свою честь, перед всем светом*, что такая прогулка будет иметь оба конца? Слову государя я доверился бы, но что его слово, когда дуэт московских кастратов может его перекричать.

«Однако вы придаете важность этому обвинению»,— скажете вы, может быть.— А то как же?

Три передовые статьи в «Московских ведомостях», три сряду, о моем участии в поджигательствах *, три статьи, писанные чернилами III отделения,

с слюною бешеной собаки *,

т. е. Каткова. Три статьи, в которых этот *публичный мужчина* всея России ругается, как сыщик при допросах в московском остроге, имея так же, как и он, перед своими зубами не только щеку, но и руку императора и все пространство империи.

Статья вашего полицейского корреспондента послужила подножкой, чтоб дальше прыгнуть Каткову. Он был нездоров, голоден, скучал — Серно-Соловьевича с товарищами сослали

за то, что они читали «Колокол», Бени — за то, что не донес *, — крепость пуста, Карниолин Пинский без дела, надобно подзадорить полицию, напугать публику, и вот Катков подхватил инвалидную трубу и трубит по той методе, по которой трубил в дантовском аду один из тамошних жандармов*.

На меня, собственно, он лает, но кусает других, его цели ближе, они в Петербурге, его цель — выдать Головнина за зажигателя, Константина Николаевича за зажигателя *, его цель — засадить в застенок «Голос», «Петерб. ведомости» * и других личных врагов.

Что касается до меня, он не только не верит, чтоб я участвовал в поджогах, но *положительно знает*, что это клевета; у него и у его корреспондентов одна рука в Долгоруком, другая в Муравьеве, одна в канцелярии заместника польского, другая в III отделении, — как же он может верить наравне с каким-нибудь князем *Васильем Баюшевым*¹ в такой вздор?

¹ Не можем не перепечатать из «Москов. вед.» отрывок из наивного письма симбирского жителя, князя Василья Баюшева *; пусть читатели судят:

«Во время самых пожаров взяты поляки по подозрению в поджогах, и не простым народом, раздраженным и бессознательным, а людьми, вполне владевшими собой и действовавшими разумно к охранению своих домов и имуществ. Впоследствии некоторые из арестованных в то время поляков найдены действительно подозрительными, так что и до сего времени содержатся в остроге; к ним присоединены и другие личности польского происхождения, даже из чиновного круга. Потом богохульные и ругательные надписи на польском языке, усмотренные на цоколе собора, так варварски истребленного, и на решетке перил, проведенных *по венцу* близ того места, где были зарыты зажигательные материалы, приготовленные, вероятно, для истребления города, часть коих употреблена зажигателями в дело, а остальная часть была взорвана от загоревшегося на этом месте разного, вынесенного из домов, имущества, и, наконец, всеародное провозглашение польского фанатика о мести поляков как о причине истребления города могут служить достаточными основаниями установившегося мнения о виновности нескольких поляков в гибели города. Впрочем, мнение, что поляки были единственными деятелями поджогов, принадлежит большею частью простому народу, и не только в Симбирске, но и во всех местностях России, где только бывали пожары. Большинство же образованных симбирских жителей полагает, что бедствия эти происходят от действий общеевропейской революционной партии, в которой участвуют не только поляки, но люди всех наций, в том числе и наши доморожденные агитаторы школы Гердена, эта нечи-

Он не настолько одурел от величия своего положения, от побед над министрами и великим князем, с его стороны это обдуманная клевета. Совесть невольно сказала в том, что он минует называть меня лично и толкует о *новых герценистах*, о *герценовской агентии*. Верь он одну минуту, что мы из Лондона через Тульчу подожгли Симбирск, мы первые отпустим ему не только брань его статей, но их скуку, их повторения, их длинноту.

Откуда же взялся азарт, патос, в котором писаны статьи, откуда язык казнящего попа и проповедающего палача, откуда ярый гнев, горячечный патриотизм у этой лимфатической природы? Тут нового мало, искусство ложных раздражений и натянутых страстей всегда цвело у *ноктурн* Марии Бредау, только они никогда не употребляли его с такими гнусными целями, как *журналисты-доносчики*.

Если чему дивиться, так это отсутствию *страсти* у обвиненных, у запутанных в дело, у поставленных на порог Третьего отделения; им грозит каторга, поселение, отставка, немецкие горькие воды — смотря по тому, кто просто литератор, кто не просто, кто министр просвещения и кто великий князь. Как же все они не положат предел этой московской чуме, пятнающей Россию и губящей их? Как же они, в свою очередь, не обличат этот заговор реакции, неокрепостников, всех этих Коцебу с пушкинской рифмой?

А впрочем... а впрочем это их дело... слабых учить силе мудрено...

Но ложь Каткова, ложь вашего корреспондента несколько не отнимает важности самого обвинения, совсем напротив, оно особенно важно, коли высшие профессора доносов, виртуозы шпионства избрали именно это средство, и вот почему я хочу оправдаться.

стая накипь нашего общества. *Причины же*, побудившие это скопище негодяев направить свой удар преимущественно на Симбирск, *заключаются в особенном патриотическом настроении симбирского общества, в неизменной преданности престолу и в любви к отечеству, в восторженном приеме, сделанном почившему в бозе цесаревичу, а также в высказанном публично сочувствии лицам, стоявшим неуклонно (Катков и Муравьев!) на страже великих интересов земли русской, что сильно противодействовало целям заговорщиков».*

Вы можете мне способствовать в этом и, наверно, хотите. Я делаю отчаянное предположение, что вы, не зная того, послужили шпанской мухой, натянувшей такую обильную дрянь из Каткова, и с тем вместе даю вам средство поправить дело. Упросите Милютина, если надобно — двух, Долгорукова и все Третье отделение, чтоб они обиделись и напечатали бы мне назло документы, на основании которых они меня обвиняют, не запомнили бы, кстати, имя банкира Т., друга Маццини и пр., а всего лучше послали бы сюда не ритора, не спадасина, — на эти штуки нас не подденешь, — а военного или гражданского чиновника, пожалуй, попа или протопопа, для уличения меня перед федеральным или кантональным судом. Посылают же они офицеров и статских за всяким вздором, за изучением почтовых марок, прусских мундиров... посылают же они действительных статских советников и кавалеров, как Хотинский, подслушивать у дверей, чего жим стоит послать на казенный счет какого-нибудь титулярного советника вовсе без ордена в Швейцарию, для того чтоб доказать соприкосновенность нашу в деле поджогов. *Faites cela!*¹

Между нами, скажу вам, мне совершенно все равно, как обо мне думают — не только такой чирей на России, как Катков, но все государственные и *сепаратистические*, коронные и дворянские полиции; я не боюсь ни управы благочиния, ни Английского клуба, они могут меня *ad libitum*² считать зажигателем или отравителем, вором или фальшивым монетчиком. Есть, вероятно, в управе добрые люди, найдутся они и в Английском клубе, может, и они поверят такому вздору — жаль, но зачем же они глупы?

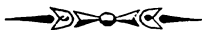
Меня заботит другое: я боюсь, что эти мерзавцы оклеветают меня перед народом русским. Любовь моя к нему оскорблена, мое служение ему очернено, и вот почему я не хочу молчать и не хочу оставить на себе ни одной пылинки, ни одной брызги полицейской пены. У меня ничего нет: ни вашей религии, ни вашего патриотизма, ни вашего общественного положения; я изгнанник, усыновленный другой страной, но

¹ Сделайте так! (франц.).— *Ред.*

² по желанию, на выбор (лат.).— *Ред.*

у меня есть своя религия, своя любовь, свое положение, до них я не позволю касаться всякой полицейской швали, особенно когда она уверяет, что я кому-то дал уголь в руки и сказал: «Иди и жги избу русского мужика!», — мужика, которого неволя, которого нищета, которого бедствия были страданием всей моей жизни, об освобождении которого я мечтал с детских лет... Да уж не советовал ли я восстановить крепостное право, развить пролетариат, разбить общинное владение, отдать крупной поземельной собственности в кабалу мелкую? А главное, не хлопотал ли о восстановлении *телесных наказаний*?.. За последнее не ручаюсь. Видите, жечь не только избы, но и Каткова благоприобретенный дом в Москве я не хотел бы: соседний дом загорится, пожитки кучера или горничной, пожалуй, сгорят... ну а высечь коновода клеветников было бы очень хорошо. Издатель «Моск. вед.» так убедил нас, что есть неисправимо падшие натуры, для которых одно средство спасения — телесные наказания, что, конечно, не ему пенять, если мы, желая его (т. е. коновода) исправления, желаем, чтоб он был *последним сеченным в России*.

1 сентября 1865.

АГЕНТСТВО ГЕРЦЕНА В ТУЛЬЧЕ И «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

«Что же это за агентство Герцена в Тульче?»— ораторски спрашивают «Московск. ведом.» с торжествующим видом прокурора, который обладает страшными документами виновности, и вслед за тем помещают статью о Кельсиевых, из которой можно вывести разные разности, кроме двух вещей: *нашего участия в агентстве и участия агентства в поджогах.* А только это и хотели доказать «Московск. вед.» Неужели дикий хор, окружающий журнал доносов, до того глуп, что его можно обманывать такими жалкими средствами? Перепечатать всей статьи мы не можем, но берем главнейшие места ее * и с тем вместе просим всех имеющих возможность прочесть статью *in extenso*¹ в 183 № «Моск. вед.».

Главными деятелями и, как кажется, организаторами тульчинского агентства были братья Василий и Иван Кельсиевы... В 1857 г., в то время, когда Вас. Кельсиев уже был на пути в Русскую Америку, чтобы поступить на службу тамошней компании, он сошел с компанейского корабля в Плимуте и бежал в Лондон. Там он присоединился к г. Герцену, который был в то время первоклассным светилом для всей нашей учащейся молодежи, особенно для петербургской. В Лондоне Кельсиев принялся за перевод библии на русский язык по еврейско-раввинскому тексту, в духе еврейско-талмудического учения. Затем он обратился к изданию раскольнических книг и с 15-го июля 1862 г. начал издавать при «Колоколе» добавочные листки, под именем «Общего веча», при деятельном соучастии г. Огарева. Он считал своею главнейшею задачей действовать на поприще религиозно-политической пропаганды. Это направление его, может быть, объясняется тем, что дед его был священником, хотя отец его уже и *вышел из духовного звания и служил чиновником при с.-петербургском таможенном пакгаузе.*

¹ полностью (лат.).— *Ред.*

Младший брат его, Иван Кельсиев, за участие в уличных студенческих проказах в октябре 1861 года, был выслан на жительство в Верхотурье. Между тем началось дело о перепечатке сочинений г. Герцена. Оказалось, что Кельсиев был участником и в этом деле; его вытребовали для производства следствия, но ему удалось бежать за границу.

Так как братья Кельсиевы избрали своею специальностью мир раскольничий и так как в северных пределах Турции, неподалеку от русской границы, проживает немалое число раскольников, бежавших в прежнее время из России, то туда и *были направлены* братья Кельсиевы летом 1863 года. Они явились в город Тульчу не одни, а в сопровождении Сеид-паши (поляка Чайковского), который был тут по соглашению с Чарторийским. Кельсиевы, с одной стороны, рассчитывали найти сочувствие в раскольничьем архиепископе Аркадии *, проживавшем близ Тульчи, в Славе, которому и предлагали устроить в Славе типографию для печатания старообрядческих книг и других сочинений, разумеется, в их духе, и для отправления их в Россию, а с другой, вместе с Сеид-папой, они старались уговорить некрасовцев, чтоб они шли на помощь к польским повстанцам в Подолию и Вольты, и, вместе с тем, выслали от себя эмиссаров на Дон, на Терек и на Урал для возмущения, во имя старой всеры, тамошних казаков. Но первые их попытки не имели ни малейшего успеха: Аркадий решительно не согласился на предложение Кельсиевых, а некрасовцы с негодованием выгнали из своих слобод как их самих, так и их спутника. Несомненно, что с тех пор как польско-русские революционные агенты попытались употребить некрасовцев для борьбы за польское дело против России, эти простые, необразованные, вовлеченные в заблуждение люди, тем не менее, живо почувствовали себя русскими людьми и стали просить о дозволении им возвратиться в Россию¹.

Между тем Кельсиевы не унывали. Возвратясь в Тульчу, где к ним присоединились некоторые русские выходцы и поляки, они завели там русскую типографию, *о деятельности которой нам, впрочем, ничего неизвестно*. Они снова пытались привлечь на свою сторону раскольничьего митрополита Кирилла Белокриницкого *; но точно так же не имели успеха: Кирилл, в своем послании, напечатанном в 1864 году в Яссах, напротив, даже запретил старообрядцам своего согласия иметь какие бы то ни было сношения с этими людьми. Все они, и особенно Василий Кельсиев, были в презрении у местных и окрестных жителей русского происхождения, за исключением людей совершенно потерянных или принадлежащих к самым противообщественным сектам. Из этих-то людей им и удалось составить свою шайку, о которой говорится в «Виленском вестнике» *. Впрочем, Иван Кельсиев умер в Тульче, а брат его Василий

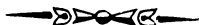
¹ За это следует Кельсиеву андреевская лента. Каков! Второй Ермак... только тот покорял казаками Сибирь, а Кельсиев Сибирью покорял казаков.

нынешним летом отправился в Женеву¹, где теперь издается «Колокол», и, сколько известно, до сих пор еще не возвратился в Тульчу. Связь собранной ими шайки с лондонским обществом революционного пламени до сих пор была неизвестна, но она напоминает о митинге лондонских революционеров, рассматривавшем вопрос о поджогах как о революционном средстве. На этом митинге, который был описан в газете «Наше время» за 1862 год *, одни высказывались против поджогов, другие склонялись к их одобрению, и между этими последними были некоторые из русских выходцев.

Где же малейшее доказательство, что Кельсиевы участвовали в поджогах? Иван, прекрасный и даровитый юноша, умерший от тифа в июне месяце 1864 (время кончины его в статье скрыто), вероятно, не жег в 1865, а Василий уехал из Тульчи (хотя и не в Женеву). Где доказательства, что банкир Т... пересылал им деньги и пр.?

Тип шпионской логики — в глубокомысленном замечании, что Вас. Кельсиев считал себя религиозно-политическим пропагандистом, «может быть, потому, что дед его был священником, а отец служил на таможне»... Да ведь таким путем и с большей верностью можно заключить, что полицейская магия Каткова объясняется его воспитанием в московском остроге, где его родительница была приставлена к арестанткам...

¹ Плохи шпионы у Кауфмана, да не лучше и в Женеве — Кельсиев в Женеву не отправлялся.

ПЕРВАЯ РЕТИРАДА

Сейчас прочли мы в «Моск. вед.» (№ 187) следующее отступление союзных войск «Инвалида», Каткова, III отдел., Валуева и братии:

«Кёльнская газета» сообщает, что она получила письмо из Женевы от издателя «Колокола», г. Герцена, в котором он протестует против приведенных «Русск. инвалидом» *полуофициальных известий* об участии «партии Колокола» в поджогах. Г-н Герцен приглашает своих обвинителей доказать свое обвинение и, с своей стороны, выражает готовность отвечать на это в печати или пред одним из судов Англии или Швейцарии. (В статье «Р. инвалида» не было речи о самом г. Герцене, а только об *агентстве Герцена* в Тульче. Если г. Герцен имеет основание думать, что агентство это во зло употребляет его именем, то пусть обратит он против него свое судебное преследование.)

ИЗ СИБИРИ И КАЗАНИ

Мы получили довольно подробное изложение «Казанского дела», начавшегося весной 1863 года и окончившегося тимашевскими казнями. В следующем листе мы поместим извлечение из него *. Для французского правительства особенно будет интересен эпизод о казни *француза, не уличенного ни в каком преступлении, письмо которого к французскому консулу Тимашев изодрал* *.

При тетради (за которую благодарим безмерно) приложено письмо, в котором между прочим написано: «Из Сибири важ-

ные новости: в Томске и Иркутске были аресты, говорят, открыли тайное общество, всех схваченных повезли в Омск, в числе арестованных называют Потанина»*.

ИЗ ПЕТЕРБУРГА

«Валуев послал секретный циркуляр ко всем губернаторам, требуя *непрерывно* открыть зажигателей. Донесение Кауфмана — следствие этого циркуляра». Все это превосходно и совершенно в духе Валуева и петербургского управления, но все же нам был бы в тысячу раз дороже текст нашего grand coup¹.

¹ великого пройдохи (франц.).— *Ред.*

УБИЛИ

Михаил Ларионович Михайлов скончался 3/15 августа на Кандийском прииске, в восточной Сибири.

А 4/16 сентября напечатано в «Голосе» № 244: «Исключен из службы бывший горный начальник нерчинских заводов, а ныне состоящий по главному управлению этих заводов, полковник *Дейхман*, преданный суду за послабления, оказанные им в содержании государственного преступника *Михайлова*».

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ «ОТГОЛОСКОВ»

Мы послали 9 сентября следующее письмо г. издателю «Отголосков». Оно не было напечатано в его журнале до 30 сентября, а потому печатаем его в «Колоколе».

Милостивый государь,
вы перепечатали несколько слов из моей протестации, позвольте мне поблагодарить вас и просить, чтоб вы дали место в вашем журнале моему письму.

Мнения наши розны, но в настоящем случае дело идет не о мнениях, а об обличении лжеца. Кто-нибудь да лжет — мои обвинители или я. Мне кажется, что не вовсе лишено интереса вывести на чистую воду лгуна. Может, лгу я, ну и покончить со мной навсегда. Такого случая долго не придет опять.

Я торжественно утверждаю:

1. Что никогда, нигде не сказал ни одного слова, не написал ни одной строки, из которых можно бы было заключить, прямо или косвенно, что я одобряю поджоги, бывшие в России.

2. Что я никогда не был ни в каких сношениях с обществом «революционного пламени», в существовании которого сильно сомневаюсь.

3. Что я ни от банкира Т., ни от кого другого денег для пересылки в Тульчу не получал и в участие Кельсиевых в поджогах не верю.

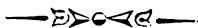
Впрочем, последний пункт можно считать решенным. «Моск. вед.» в 183 № поместили подробную статью об *агентстве* (откуда взялось это безобразное название?) *Герцена в Тульче*, из которой можно вывести что угодно, кроме двух вещей — моего участия в агентстве и участия агентов в поджогах.

Истину моих слов я готов утверждать в бесцензурной печати и в свободном суде — в Англии или Швейцарии.

Позвольте, м. г., заключить мое письмо уверенностью, что вы не откажетесь поместить его в «Отголосках».

Готовый к услугам вашим

А. Герцен.

<ОТВЕТ НА ПРЕДЛОЖЕНИЕ
«МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»>

«Le Nord» ...но зачем же нам угощать наших читателей разогретой дичью, приправленной пикантным соусом для скрытия ее несвежести *, когда мы можем ее бить в самых девственно-полицейских лесах наших. Оставляя в стороне *северное сияние* «Моск. ведомостей», мы обратим внимание на их предложение начать, если мы хотим, судебное преследование не против клеветников, а против мнимого агентства Герцена в Тульче *.

Кажется, чего справедливее... Но вот в чем беда. 1-е: агентства Герцена ни в Тульче, ни в каком другом месте земного шара не существовало и не существует. 2-е: для того чтоб начать судебное преследование, надобно верить обвинителям, а обвинители — русские шпионы. 3-е: если б мы и верили им, то еще надобно бы во всей Европе ввести русские законы, по которым наряжают комиссии и ссылают в каторжную работу по полицейским доносам без всяких документов.

Ясно, что предложение это было нелепо и сделано только потому, что «Моск. вед.» зарпортовались и слыняли.

ЭС-БУКЕТ КАУФМАНОВСКОГО ЦИЦЕРОНСТВА

В бытность генерал-адъютанта фон Кауфмана в Витебске, 12 июля, этот достопочтенный преемник Муравьева держал речь гг. офицерам 64-го Казанского пехотного полка. Самое заме-

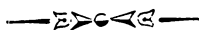
чательное место в этой речи, по нашему мнению, следующее: «Гг. офицеры полка, составляя общество сплоченное, дружное в отношениях между собою, не должны однако же упускать из виду того уважения, которым они обязаны *старшему в чине* из уважения к самим себе, к своему званию: это предмет *первостепенной важности* и столь существен, что я в особенности прошу не допускать между старшими и младшими *фамиллярности*, весьма скоро переходящей в неуважение».

〈СПИРИТИЗМ В ПЕТЕРБУРГЕ〉

¿ *Правда ли*, что у нас в Петербурге спиритизм цветет, что сам государь беседует с Юмом, который его растрогал раз до слез?

И это еще! Зачем же они сами натягивают такие сходства со временами, предшествовавшими французской революции 1789 года?

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOVO!

ЛИСТЪ 205.

1 Октября 1865.

Paraît à Genève tous les quinze jours
Le depot principal est chez H. Grosse, à
Genève, Courmiers, No. 10. A Londres,
chez N. Tassier et Co., 60, Paternoster
Row. Le prix de chaque No. est de 20 cen-
times, le port de la poste non compris. Tarif
postal:

Alemagne	15c.
L'Autriche	15c.
Angleterre	15c.
Belgique	5c.
France	5c.
Italie	5c.
Naples et Sicile (voies de Marseille)	20c.
Grece (voie de Marseille)	5c.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10c.
Suede	25c.
Suisse	5c.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ.
Получается въ Большой Русской Типографіи,
40, Rue L'Éclair et въ главномъ депю — у
Г. Гюгга, 10, Courmiers, Genève; у И.
Гроссера въ Ко., 60, Paternoster Row,
London. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ
вѣсехъ. Преправлять почтовой тарелкой:
— Въ Германию 15c.
— Австрію 15c.
— Англию 15c.
— Бельгію 5c.
— Францію 5c.
— Италию 5c.
— Неаполь и Сицилію 20c.
— Грецію (черезъ Марсель) 5c.
— Турцію и Дунайскія княжества
(черезъ Марсель) 10c.
— Швецію 25c.
— Швейцарію 5c.

ОГЛАВЛЕНІЕ: Бончера М. Л. Михайлова — Казанскій заговоръ — Странное извѣстіе изъ Урала — «Благотѣ и Дѣлу» — Современныя замѣтки. Сибирь: Писаню къ редактору
«Отблескомъ» — Отвѣтъ на предложеніе «Моск. Вѣстн.» — Цинцгофскій Казанскій — Сергійевскій проговоръ — Слѣдствіе въ Петербургѣ — Отъ редактора.

УБИЛИ.

МИХАИЛЪ ЛАРИОНОВИЧЪ МИХАЙЛОВЪ скончался
3/15 Августа на Кандіискѣмъ прирѣкѣ, въ восточной Сибири.

А 4/15 Сентября напечатано въ *Голосѣ* № 244: «Некакоючъ
изъ службы бывшій горный начальникъ нерчинскихъ заво-
довъ, а кинѣ состоящій по главному управленію этихъ
заводовъ, полковникъ *Дейдманъ*, преданный суду за послаб-
ленія, оказанныя имъ въ содержаніи государственнаго пре-
ступника Михайлова».

КАЗАНСКІЙ ЗАГОВОРЪ

(1863—1865).

Арестъ изъ Казани, въ Вятку, въ Пермь, въ Москву — Вѣтское слѣдственное
оудѣленіе — Нарышкинъ — Лапшевская слѣдственная коммиссія, Казанская
коммиссія, военный судъ — Тяжашевъ и убійства.

Весной 1863 г. промѣлъ въ Казани слухъ, что въ Спасскомъ
Казанской губ., арестовали какого то капитана на *Иоанницкаго*. На
другой день послѣ этого захватили студента *Жеманова* и одно-
прочно съ нимъ вѣзъ студента *Гласова*. Вѣзъ за тѣмъ
промѣлъ слухъ, что Казань объявлена на военномъ положеніи.
Вышній губерн. Козляничинъ, приказавъ въ свѣту этого убрать
съ Воскресенской улицы скамеечки, стоящія около домовъ
и магазиновъ. Зѣлѣть вѣзались на сцену зеленія, заржавленныя
пушки, хранившіяся до тѣхъ поръ, гдѣ то подъ губернаторскіи
скимъ домомъ. Въ кузницахъ оттачивали овицерскія клинки.
Изъ всѣхъ ближайшихъ городовъ солдатъ ступали въ Казань.
Солдаты въ казармахъ спали въ ночной амуниціи. Въ 9 ча-
совъ вечера уже нельзя было выйти со двора, не бывъ захв-
ченнымъ патрулями. Козляничинъ поставилъ около своего
дворца ночной овицерскій казачій караулъ. Доложанъ не
было конца: одни говорили, что полки хотятъ заводитъ
городъ; другіе, что хотятъ прибалъ изъ Питера до 30 тыся-
чникомъ партизановъ и вѣстъ Казань приступомъ; а иные, что
студенты хотятъ поднять казанскихъ татаръ, и перерѣзать
городскія вѣсны, начавша съ губернатора и овицерскія
квартальнымъ.

Въ это время полиція начала отыскивать еще студентовъ И.
Орлова и *Элиидина*. Значитъ молва о татарахъ и студентахъ
оправляется, говоря прудые люди.

Годъ IX.

Въ ночь на 2 Мая квартира чиновника Пеньковского
наполнилась полиціей, состоящей изъ частнаго пристава,
квартирнаго и подчиненныхъ солдатъ. — Сколько васъ здѣсь
живетъ? — Былъ первый вопросъ. — Трое, отвѣчаютъ. —
Вы всѣ братья? — Да. — А тѣхъ Элиидинъ? — А кто его
знаетъ. — Бакъ! Вѣдь я вчера же его видѣлъ здѣсь? — съ
досадою говорить квартирный. — Да, вчера былъ, а теперь
нѣтъ. — Почему же вчера вы меня обманули, сказали дру-
гую фамилію? — Другая фамилія, была тоае у меня, и я
могъ полагать, что се-то вамъ и нужно. Началась шаренка
во всѣхъ углахъ и ашикахъ. Забрали бумаги и семейныя
писма, сказали, чтобы старшій Пеньковский садовѣлъ за
ними. — За чѣмъ же вамъ меня? — спросилъ Пеньковскій.
— Вы скрывали Элиидина, отбитаго полиціей. Тутъ всего
интереснѣе было то, что квартира была окружена 12-ю сол-
датами и каждыиъ былъ съ большою связкою веревкою. — Для
чего эти веревки? — спросилъ кто-то. — На всѣхъ стульяхъ,
незавъ же былъ вѣхъ, отбитаго полиціей. Пеньковскому поли-
цейстеръ сказалъ, что его не выслушать до тѣхъ поръ, пока
не отыщутъ Элиидина. На второй день послѣ этого, говорить
Элиидину его знакомые, что нечестно сказать въ тюрьму
Ев. Пеньковского, ни душень, ни тѣломъ не причастнаго ни
къ какому политическому замыслу, но по 1-му; а по 2-му
могъте себѣ отыскивать изъ ла вѣхъ-либо пустякомъ.
Элиидинъ выслушавъ такіа рѣчи, явился къ полицмейстеру.
Здѣсь сѣдуютъ маленькое повѣщеніе. Элиидинъ былъ сосланъ
въ деревню (но не въ помѣстье, ибо оиъ пролетарій) безсрочно
и безъ права на выѣздъ куда-либо. Кроме того, секретными
предписаніями губернатора, явившагося властямъ въ обяза-
тельность не допускать его ни къ педагогическимъ обязанностямъ,
ни къ занятіямъ при волостныхъ управленіяхъ.

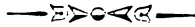
При повѣщеніи Элиидина, полицмейстеръ сдѣлалъ ему
выговоръ за то, что тотъ осмѣлился даяться въ Казань, безъ
разрѣшенія начальства. Элиидинъ замѣтилъ было, что ему
приходилось умарать съ году, не выказавъ изъ деревни и не
имѣя права заниматься чѣмъ-либо. Въ, перерылъ полицмей-
стеръ, не хотице гмѣдной смертю умереть, а... а... но тутъ
оиъ ничего не произнесъ, а указавъ на свою шею: Элиидинъ
разсѣлся и тутъ же былъ отведенъ въ клоповникъ, и на
третій день какъ оиъ, такъ и Е. Пеньковскій были увезены
въ Лапшевскій тюремный замокъ на слѣдствіе.

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Мы просим покорнейше всех, имевших сведения о последнем времени жизни М. Л. Михайлова на Кандийском прииске, сообщить их нам во всей подробности. Исключение из службы Дейхмана (имя которого русская история не забудет) и дошедшие до нас слухи говорят ясно, что русское правительство сделало все что могло, чтобы избавиться от глубоко презиравшего своих палачей мученика.

Мы желали бы тоже иметь подробности последних арестов в Иркутске и следствия, производящегося в Омске*.

JEROME KENEVITZ

Vers le printemps de 1863, quelques étudiants de l'université de Kazan ont été arrêtés pour avoir répandu des écrits révolutionnaires, proclamations, appels... qui n'ont eu aucun effet. L'un d'eux avait un revolver, d'autres ont parlé entre eux, et avec des officiers de leur connaissance, de la possibilité d'un prochain soulèvement en Russie.

C'était au plus fort de la panique du gouvernement russe. L'affaire acquit des proportions gigantesques, quatre individus furent fusillés, après deux années de prison, d'enquête. Parmi ces derniers, se trouve un sujet français, Jérôme Kénévitz né en France d'une famille polonaise, établie en France, marié à une française.

Au nombre des étudiants mêlés à cette affaire, il se trouve quatre jeunes gens de l'université de Pétersbourg, Novitzki, Olekhnovitch, Maïevski et Goscievitz: ces deux derniers déposèrent qu'ils avaient reçu les proclamations d'un ingénieur français attaché au chemin de fer, et que son petit nom était *Jéronime*. Il se trouvait que Jérôme Kénévitz, ingénieur d'un chemin, était antérieurement mis aux arrêts, suspecté de connivence avec les polonais, *mais non jugé*. On ordonna immédiatement sa translation à Kazan, où s'établit une commission d'enquête. Confronté avec les jeunes gens, Kénévitz ne fut pas reconnu par eux.

Maïevski avait sur lui un revolver lors de son arrestation; il disait que cette arme lui avait été donnée par le même français Jéronime, et ajoutait que cet homme avait une cicatrice au bras. On se rappela cette particularité, on envoya chercher des experts.— Kénévitz n'avait point de cicatrice au bras. On

apprit que son épouse était à Moscou, et l'on expédia un membre de la commission dans cette ville pour faire une visite domiciliaire avec l'aide de la police. On ne trouva rien.

La commission d'enquête termina ses affaires au mois de janvier 1864. Le ci-devant chef de la police secrète, général Timacheff, fut désigné par l'empereur comme président d'un tribunal de guerre, qui devait se prononcer sur le sort des inculpés.

Kénévitz adressa une lettre au consul français, demandant sa protection. Le général Timacheff déchira la lettre. *Quelques jours* avant l'arrêt, on permit à Kénévitz d'écrire à ses parents, et d'en faire venir quelque argent... (Nous ne savons pas si l'argent a été envoyé ou non.)

Timacheff condamna sans preuves, sans débats, sur des soupçons, Ivanitzki, Mrotzek, Stankevitz et *Kénévitz à être fusillés*. Kénévitz a été mené dans une voiture, couverte de tous les côtés, sur la place d'exécution.

Après la lecture de la sentence, Kénévitz dit à haute voix: «Pourquoi me tuez-vous?» Le colonel Gral ordonna aux hornistes de commencer une marche funèbre. «Vous êtes des lâches!» cria Kénévitz, et il tomba mort avec ses compagnons.

Une partie des jeunes gens a été envoyée aux travaux forcés pour dix, douze, quinze ans. Un officier Mikhaïloff, pour ne pas avoir dénoncé un entretien privé, a été condamné à dix ans.

П Е Р Е В О Д

ЖЕРОМ КЕНЕВИЧ

В начале весны 1863 г. несколько студентов Казанского университета были арестованы за распространение революционных сочинений, прокламаций и призывов... не имевших никаких последствий. У одного из них оказался револьвер, другие говорили между собою и со знакомыми офицерами о возможности в близком будущем восстания в России.

Это случилось в то время, когда паника русского правительства достигла наивысшей точки. Дело приняло грандиозные размеры; четыре человека, после двухлетнего тюремного заклю-

чения и допросов, были расстреляны. Среди них был французский подданный Жером Кеневич, родившийся в польской семье во Франции, поселившийся там и женатый на французской жене.

В числе молодых людей, замешанных в этом деле, было четыре студента Петербургского университета: Новицкий, Олехович, Масвский и Госцевич. Двое последних показали, что прокламации они получили от французского инженера, служившего на железной дороге и которого звали *Жероним*. Выяснилось, что Жером Кеневич, железнодорожный инженер, раньше был арестован по подозрению в единомыслии с поляками, но *судим он не был*. Немедленно был отдан приказ о доставке его в Казань, где была назначена следственная комиссия. На очной ставке с молодыми людьми Кеневич не был опознан ими.

У Маевского при аресте нашли револьвер; он сказал, что получил его от того же француза Жеронима, и прибавил, что у этого человека был шрам на руке. Вспомнили об этой особенности, пригласили экспертов — никакого шрама у Кеневича на руке не оказалось. Узнали, что жена Кеневича живет в Москве. Туда был отправлен член комиссии, чтобы, при помощи полиции, произвести домашний обыск. Ничего не нашли.

Следственная комиссия закончила свои дела в январе 1864. Государь назначил бывшего начальника тайной полиции генерала Тимашева председателем военного суда, который должен был решить судьбу обвиняемых.

Кеневич обратился к французскому консулу с письмом, прося защиты. Генерал Тимашев разорвал это письмо. *За несколько дней до приговора Кеневичу было разрешено написать своим родным и вытребовать сколько-нибудь денег...* (Мы не знаем, были ли посланы ему деньги или нет.)

Тимашев, без доказательств, без прений, единственно по подозрению, *присудил к расстрелу* Иваницкого, Мрочека, Станкевича и *Кеневича*. Кеневича, в закрытой со всех сторон карете, привезли на место казни.

После прочтения приговора Кеневич спросил громким голосом: «За что вы убиваете меня?» Полковник Граль приказал

горнистам сыграть похоронный марш. «Вы подлецы!» — закричал Кеневич и пал мертвый вместе со своими товарищами.

Часть молодых людей была сослана в каторжные работы на десять, двенадцать и пятнадцать лет. Офицер Михайлов за то, что он не донес о частном разговоре, был осужден на десять лет каторги.

ЛЖЕЦЫ

Сегодня месяц, как мы требовали в «Колоколе» доказательств, что мы прямо или косвенно, словом или делом, через Тульчу или иное место участвовали в пожарах. Доказательств клеветниками не представлено, мы имеем полное право назвать *лжецами* казенных доносчиков и их литературных писарей.

ДЕРУЩИЙСЯ ПО ДОРОГАМ ГУБЕРНАТОР И НЕЖНЫЙ МУЖ

Вот что рассказывает «День» в 30 №:

На днях мы получили подробное, документальное описание одного случая, бывшего с месяц или меньше тому назад в одной из наших губерний. Мы невольно подумали, читая это описание,— такие случаи не могут, не должны по крайней мере иметь место при действии земских учреждений. Дело в том, что в этой губернии одно официальное лицо катается часто в имение свое, в соседней губернии, и не только само это лицо, но и супруга лица. Для этой надобности выставляются, несмотря на летнюю рабочую пору, обывательские лошади, и крестьянам приходится иногда, при исправлении сей новой повинности, терять в ожидании по несколько (даже по 12) дней. Особенный ропот возбуждали в крестьянах поездки не столько самого официального лица, которому они считают себя обязанными делать, как нам пишут, «всякое уважение», но его домашних. Волостной старшина одной пограничной волости, побуждаемый настояниями общества и видя, что эти поездки совершаются за границу губернии, следовательно, не по делам службы, как-то запоздал выставкою лошадей, которые хотя и выставил, но не за несколько суток, а чрез полчаса по приезде официального лица. За это был он официальным лицом собственноручно прибит, и когда битый осмелился доложить, что по Положению 19 февраля волостные старшины избавлены от телесных наказаний, то был прибит еще больше. Нет сомнения, что земская управа не допустила бы существования такой новой земской повинности, да и во всяком случае подобное обстоятельство было бы тотчас оглашено на земском собрании, что, конечно, послужило бы немалой уздой энергическому самоуправству.

Неужели и при бесцензуре наша гласность будет играть все также втемную и безымянную? *Пришлите хоть нам имя супруга-губернатора.*

РЕЖИМ КАУФМАНА

«Кёльнская газета» (№ 273) передает следующий факт. Какому-то жителю Варшавы понадобилось приехать по делам в Вильно. Едва успел он сказать несколько слов на улице с одним из своих знакомых, как стоявший вблизи полицейский пригласил его следовать за собою. Чиновник съезжей потребовал с него 10 руб. сер. Изумленный арестант спрашивает: «За со?» и получает в ответ, что он теперь должен заплатить 15 руб. «За со?» — повторяет он еще раз и платит за недогадливость уже 20 рублей. Эта новая система, обогащающая казну по 5 руб. за 4 буквы, без сомнения обессмертит имя Кауфмана.

КАТКОВ ЗАВОДИТ КУЛАЧНЫЕ БОИ

Издатель «Петербургских ведомостей» получает довольно часто от катковщиков подметные письма с ругательствами и наконец с угрозами. Он выписывает в 217 No. окончание вновь полученного им письма: «Не советовал бы я вам *поздно вечером* одному ходить, потому что есть люди, которые ничего *не побоятся* (за исключением дневного света), чтоб вас вразумить кулаками». А что, в России дозволено носить life-preserver¹ или нет? Мы советуем издателю «Спб. вед.» запастись, life-preserver чуть ли не лучше всякого револьвера против кулачников.

¹ тяжелую дубинку (англ.).— *Ред.*

СОВЕТ г. ГЕРЦУ, СОБСТВЕННИКУ КОНЦЕРТНОЙ ЗАЛЫ,
г. ГЕРЦУ-ЭСТЕТИКУ, г. ГЕРЦУ, ДОКТОРУ МЕДИЦИНЫ,
И ВСЕМ НЕМЕЦКИМ ГЕРЦ-ОГАМ

Нам пишут, что один харьковский помещик *г. Герценвич* явился в Австрию, его схватили по подозрению, что он издатель «Колокола», таскали по всем мытарствам и грозили выдать в Россию *. А потому мы и советуем всем имеющим несчастье в своей фамилии иметь слог *Герц-*, отправляясь в Германию, прибавлять: *nicht zu verwechseln mit dem berüchtigten Flüchtling und Herausgeber des «Colokol's»*¹.

¹ не смешивать с пользующимся дурной репутацией беглецом и издателем «Колокола» (нем.).— *Ред.*

АГЕНТСТВО В ТУЛЬЧЕ

То, в чем мы не сомневались ни одной минуты, то подтвердилось письмом *В. И. Кельсиева*. Само собою разумеется, что В. Кельсиев столько же был удивлен, как и мы сами, прочитав клевету русских шпионов о не знаю каком участии его в поджигательствах. Когда подлая клевета эта дошла до него, несчастный Кельсиев, давно оставивший Тульчу, хоронил двух детей своих.

Какие мерзавцы все эти царские лазутчики, лгуны III отделения и арендаторы полицейских листков!¹

¹ Что «Моск. вед.» подхватили с полицейским восторгом клевету, нас это не удивило. Но что сказать о следующих строках аксаковского «Дня»? Передаем их без малейших комментариев: «После статьи, напечатанной в „Русском инвалиде“ от 6 августа и составленной из официальных источников, было бы совершенно бесполезно входить в исследование главной причины если не всех пожаров, то того излишка пожаров, которыми подарил нас этот год. Нам очень страшными кажутся попытки некоторых петербургских органов высвободить поляков от всякой ответственности за поджоги в России! Нужно иметь много упрямой неноследовательности в голове, чтобы отрицать возможность поджигательства со стороны поляков как логический вывод из их революционного учения. Назови поджог «политическим» — и совесть спокойна!! Разве не пыталась революционная догматика, даже под пером русского эмигранта, оправдать поступок Орсини, стоявший жизни *сотне* (отчего не тысяче?) людей, оправдать на том основании, что это, дескать, убийство политическое! Мы же прямо объявляем, что человека, измыслившего *фальшивые манифесты или прокламацию*, в которой предлагается произвести всеобщую резню на улицах, или оправдывающего принцип терроризма, считаем вполне способным и на поджог. Если же он оказывается не способен, так, значит, он непоследователен, он или лгал в своих прокламациях, или он дрянь характером и не хватило у него духу быть верным слесю мерзкому принципу» («День», № 28).

И это говорит человек, так коротко знавший нас, и говорит после того, как в напечатанном ответе Касьянову* было сказано о том, что мы не участвовали ни в каких прокламациях и ни в каких манифестах. Нет, г. Аксаков, вы тоже *Катков*.

-

AVERTISSEMENT VALOUIEFF¹— МЕЖДУ AVERTISSEMENT И АКАТУЕВСКИМ ЗАВОДОМ

Нет страны в мире, где бы отмена предварительной цензуры не была торжеством для всего народа, великим праздником, великой победой. Даже там, где правительство обманывает свободой книгопечатания, оно старается пышно обставить свой обман. Несчастное начальство наше, напротив, умеет каждый шаг свой вперед обставить такими нелепостями, такими страхами, такими кривляньями, что самая уступка его становится противна и каждая льгота отравлена.

О самом законе мы говорили подробно. Он решительно глуп и невозможен*; довольно вспомнить, что он желающим остаться под ценсурой предлагает остаться. Злее критики быть не может.

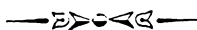
Теперь взглянем на приложение.

Premier avertissement — все рабски сколото с нелепой французской формы (Валуев переводит очень хорошо). Avertissement дан Коршу*. Читая его, нам пришел в голову старый московский анекдот об одном буяне, сильно шулерничавшем в картах. Раз он играл с каким-то господином, мало знавшим московские обычаи. Господин этот остановил буяна, метавшего банк. — «Позвольте, позвольте, вы сейчас передернули карту». — «Что?» — закричал предшественник Валуева. — «Да то, что с вами играть нельзя, вы передергиваете». — «Я сам знаю, — закричал он, ударив кулаком по голове неосторожного господина, — что передергиваю, да не люблю, чтоб мне говорили это»*.

Валуев поступил точно так же с Коршем, посылая ему

¹ Предостережение Валуеву (франц.). — *Ред.*

моральный тумак в виде французского *avertissement* за то, что «Петербургск. вedom.» безнравственно утверждали, что заложенное именье ни продавать, ни перезакладывать нельзя, не выкупивши. Конечно, нельзя нам, смертным, но для русского правительства — другое дело. Или В. Корш вместе с Аксаковым думает, что власть Романовых *от мира сего*, что они царят по народному избранию? Так ведь за такой дебаш Аксаков чуть не попал в товарищи Чернышевскому, со всем своим православием, единодержавием, царелюбием и москвобесием. «*Indépendance*» (14 oct.) очень интересно рассказывает, как наша *пресная администрация* была глубоко сконфужена статьей «Дня»; она думала, что Романовых никто не хотел и никто не избирал, что они вдруг явились на троне, как грибы. При этом чиновничья натура и прорвалась сквозь французские *avertissement*, она нашла, что *каторги много, а avertissement мало*. Ищут средней пропорциональной линии. Ну где же свободному слову ужиться с этими допотопниками!

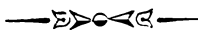

ГЕРЦОГ ЕВГЕНИЙ ЛЕЙХТЕНБЕРГСКИЙ

Читатели наши не забыли романа кн. Романовского, разлученного на железной дороге свирепой матерью и берлинским дедом с парижским предметом страсти (л. 198 и 199). Мы тогда писали: «Для вас, герцог, в этом случае лежит великий урок. Вы, поставленные так близко к трону, и вы не избегли скрещенных лап союзного деспотизма! Подумайте о том, что случилось с вами, и вам не захочется снова проситься ни в стрелки, ни в преображенцы, ни в егери. Вам, наследнику громкого имени, не захочется называться каким-то князем Романовским, и вы закаетесь ездить *назад* по прусским железным дорогам, пока наступят другие времена для России». Мы с большим удовольствием узнаем теперь из иностранных газет, что совет наш исполняется. Герцог хочет ехать во Францию и там остаться,

жертвуй своим прозванием «Романовского» и оставаясь герцогом Лейхтенбергским tout de bon¹.

Если это справедливо, мы не советовали бы герцогу слишком долго оставаться на живописных берегах Шпре. Конечно, Берлин — хороший город и Пруссия — хорошее королевство, но в Петербург оттуда скорее попадешь, чем в Париж.

⟨КУПЕЦ СОМОВ И ПР.⟩

Не может ли тульский губернатор Шидловский обязать нас сведением, чем окончилось дело о взломе ворот и похищении экипажа у купца Сомова двумя частными приставами — одним, на службе находящимся, и другим уволенным? Дело было в Туле, и Сомов (ограбленный и избитый) сидел в остроге?

¹ в самом деле (франц.).— *Ред.*

ДВЕ КОНЧИНЫ

В прошедшем месяце скончалась на границах Турции *Варвара Тимофеевна Кельсиева*, супруга известного В. И. Кельсиева. Безропотно, самоотверженно, кротко, без фраз вынесла эта твердая, превосходная женщина добровольную ссылку, страшную бедность и всевозможные лишения. На ее руках умер меньшей брат Кельсиева, через несколько месяцев она лишилась сперва одного из детей, потом дочери пяти лет. Вслед за ними сошла и мать в могилу. Ей едва ли было двадцать пять лет.

И *он*, этот человек, всем пожертвовавший для своих убеждений..., ходя с похорон на похороны и опуская один дорогой гроб за другим в чужую землю, должен был встречать подлые клеветы Каткова и шайки!*

А седьмого ноября на другом конце Европы, в Неаполе, смерть скосила холерой другое замечательное существование, другую женщину в полном разгаре сил и энергии — и каких сил и какой энергии!

Мы не можем не поместить в «Колоколе» рядом с кончиной В. Т. Кельсиевой и эту кончину.

Может, читатели наши вспомнят, что в «Пятом письме к Путешественнику» («Кол.» 17 авг. 1865, л. 202) шла речь об одной англичанке, которую мы тогда не назвали*. «Перебирая, — сказали мы, — всю мою жизнь за границей, я должен сознаться, не обижая многих и многих мне близких и дорогих людей, полное пониманье нашего вопроса

я встретил *один раз* — и это не в мужчине, а в женщине, и притом в англичанке»¹.

Англичанка эта — *Емилия Рив*. В 1862 году она устроила с другими соотечественницами своими школу для бедных девочек в Неаполе и сама стала в ее главе, занимаясь всем с безграничной преданностью. Она окончила свою жизнь на дружеских руках — наш М. Бакунин и его жена были безотлучно при ней.

¹ Повторяем отрывок из письма к ней, напечатанного там же: «Позвольте мне напомнить начало нашего знакомства. Вы протянули мне руку, не зная меня лично, и протянули ее во имя дела, которое я делал, и во имя мира, о котором я свидетельствовал. Не знаю, каким вдохновением, каким наитием вы почувствовали *живые восторги* под нашими снегами и отгадали, что мрачный и немой мир наш не *отходил*, а *нарождался*. Вы приветствовали его во мне, когда я случайно попался на вашей дороге, и я бесконечно вам благодарен за это».

УБИЙСТВА СВОИМ ЧЕРЕДОМ

Благодушный монарх и опричники доказывают через год чего не успели казнить в прошлом. Поручик *Черняк* (читатели наши помнят его участие в Казанском деле, изложенном в 205 и 206 листах «Колокола») расстрелян в Казани 11 октября.

МЕЛЬНИКОВ И ДУХОВНЫЕ ПУТИ СООБЩЕНИЯ

К водяным и сухопутным путям сообщения у нас стараниями генерала Мельникова присовокупляется ведомство *духовных путей*. Ученый генерал недавно ездил лично устроить в Вене сношения с разными *медиумами*, собиравшимися в этом приличном для колдовства и шарлатанства центре европейского обскурантизма. Не следует ли заведование земными путями отобрать у человека, занимающегося небесными? Грубое, материальное занятие может только отвлечь постукивающего генерала от дела духовного и испортить его *медиумную* способность.

ПОЦЕЛУЙ КАУФМАНА

Прибавился еще исторический поцелуй к знаменитым поцелуям Франчески да Римини, Иуды Искарнота, Николая — Полежаеву *: Негг Кауфман поцеловал руку русского попа *. *Усердие* все преодолевает!* «Виленский вестник», говоря о православно-немецком поцелуе Кауфмана, прибавляет: «Пример этот велик, а равно велик и тот, кто подает народу такой пример!» Действительно велик! Будь это дикий православный, сам Аксаков *, удивительного было бы мало. А немец, вероятно, протестант, целующий *по службе* руку попа, — почтенно. Нельзя не порадоваться, что Кауфман живет в наш образованный век, а живи он во время святительства бога Аписа, ему пришлось бы прикладываться к обоим концам божественного хвоста его.

**ЗАПРОС гг. ИЗДАТЕЛЯМ
РУССКИХ ПАРТИКУЛЯРНЫХ ЖУРНАЛОВ**

Почтеннейшие сотоварищи,
уничтожение предварительной цензуры ставит русскую независимую журналистику на более совершеннолетнюю ногу. О запрете статей по одному имени писавшего ее или приславшего не может быть и речи.

Ясно, что помещение статей зависит от их достоинства, от их сообразности с духом журнала и, наконец, от степени личной храбрости издателя — в ней, почтеннейшие сотоварищи, мы не сомневаемся...

Совсем напротив, мы так уверены в ней, что предлагаем вам посильные труды наши и с нетерпением ждем вашего ответа.

Радуясь с вами вместе началу освобождения русского слова, мы нашим предложением даем вам средство измерить его глубину и искренность.

Напечатание этого письма в почтенных журналах, издаваемых вами, мы примем за особенное одолжение и вперед благодарим за него.

Желая вам всякого успеха и всякой дали от субсидии, аренд, казенных афиш и иных правительственных поощрений, остаемся готовыми к услугам вашим

Александр Герцен.

Николай Огарев.

1 декабря 1865.
Château Boissière.

P. S. Если вы желаете, мы пришлем перечень статей, которые мы готовы прислать в ваши распоряжения.

К КОНЦУ ГОДА

I

Переживаем мы и 1865 год, как пережили 1863 и 1864.

После двухлетней белой горячки наступает утомительное выздоровление, медленное, неоткровенное, с продолжением горячечных явлений, с возвращением бреда. Яркого перелома, в который верили старые доктора, не было, но припадки бешенства видимо ослабли и, взяв все в соображение, дела идут все хуже.

Для нас даже положительно лучше.

С нынешней весны звон наш опять стал проникать в Россию, опять стал будить одних, беспокоить других, нас больше бранят, к нам больше пишут, у нас больше корреспонденций и читателей... А мы идем все *тем же, своим путем* и вовсе не намерены его менять, т. е. самого пути, за тон и освещение мы не отвечаем, они зависят от событий, а не от нас; это мы говорили много раз¹.

Идти своим путем при обстоятельствах, при которых мы шли последние три года, было трудно, и мы никогда не скажем, чтоб при царившей путанице идей, страстей, при противоположно несущихся потоках нас не уносило иной раз в сторону, — но с главной линии мы не сбились ни под неистовым ругательством своекоштных и казеннокоштных врагов, ни под советами строптивых друзей.

«Колокол» остался тем, чем был, остался *самим собой*, он представлял ту же мысль и не представлял никакой котерии.

¹ «Мал ли, велик ли ручей, путь его зависит не от него, а от общих склонов и скатов материка» («Колок.», 1864)*.

Брошенный почти всеми, он не бросился ни в патриотическую реакцию, ни в демагогический алармизм.

Стоять на одном месте и говорить одно и то же—еще не находка. Может, мы потому-то и неправы, что твердим, как Платов Михайлович Горич, седьмой год тот же дуэт а mol'ный *. Упираясь на одном месте, мы дали опередить себя, упорствуя идти по одной дороге, мы не заметили, что Россия пошла по другой. Все это для журналиста, для публициста — смертный грех, и стойкая добродетель Симеона Столпника всего меньше идет ему.

Что враги наши пошли по другой дороге и захватили с собой девять десятых друзей, это мы знаем и видим. Но долго ли за ними пойдет читающий русский люд — этого мы не знаем и не видим, а ведь мы пишем только для него. Не говоря о том, что мы не могли следовать на путях кровавого и дикого патриотизма за нашими врагами, нам кажется, что по мере того как он будет стынуть, по мере того как опротивят «Моск. ведомости» и муравьевские меры, по той мере будут возвращаться наши читатели.

Что лично сильные люди, бойкие таланты, полные юной свежести, могли опередить нас, должны были опередить, мы это не только знаем, но радуемся этому, как всякий человек, расчистивший путь, радуется, что по нем идут далее *; но опередило ли нашу пропаганду общественное мнение в России, этого мы не знаем и сильно сомневаемся.

Теоретическое преподавание *ex cathedra*¹ идет по другим законам, чем журнальная речь. Круг *чистой* науки шире, выше и отвлеченнее; лекция уже потому независимее от аудитории, чем журнал от общественного настроения, что она говорит с юношами. Тут поневоле надобно вспомнить разделение труда и различие средств, сообразных разным целям. Первое условие успеха практической пропаганды — быть по плечу своему хору, всего шагом вперед и никогда двумя. Мы должны хору уяснить *его* собственные стремления, *его* смутные мысли, ставить силлогизмы *его* посылкам, ставить точки на *его* *i*. Если мы уйдем от него далеко — он не пойдет за нами, если уклонимся — он оставит, если отстанем — он

¹ с кафедры (лат.).— *Ред.*

задавит или обойдет нас. Интересов его нельзя выдумывать или «конструировать», как делали немцы, их надобно брать у него и развивать. Мало ли в мире интересного и хорошего, но если оно не на череду, оно так же мало пойдет в ход, как квекерская агитация Peace Society во время Крымской войны *. Апостол Павел говорит своим пропагандистам: «Будьте все со всеми, с подзаконными будьте подзаконными и с свободными — свободны».

Ни отвлеченное мышление, ни дальние идеалы, ни логическая строгость, ни резкая последовательность сами по себе не помогут делу житейской пропаганды, если в ней не будут уловлены ближние идеалы, сегодняшние стремления, сомнения масс. Площадь и клуб, зала и всякий сход людей тем и отличается от замкнутого круга школьных друзей, что одни слушают, другие учатся или должны бы были учиться.

Следить из дали за меняющимся потоком мнения, особенно такого молодого, необузданного и только наполовину раскованного, как наше, было не легко, и мы, только доверяясь своему чутью, проламинировали, кой-как, темной и бурной ночью, между противоположными маяками, да и то потеряли весь балласт.

В этом, впрочем, мы себя не виним. Соответствие с направлением общества имеет предел, далее которого оно становится *изменой*. Звуки «Колокола» терялись, возбуждали гнев и негодование по той мере, по которой росла популярность Муравьева и «Моск. ведомостей». Муравьева откинули, «Моск. ведомости» перешли свою апогею и *наверное будут бледнеть*, худшее время мы пережили, и скоро на наш звон снова явятся блудные дети наши с седыми волосами и совсем без волос из патриотического стада, в котором не они пасли, а в котором их пасли.

По счастью, время, которое они провели Навуходносорами *, не прошло даром, в нем выработались силы, которых никто не знал и которые могут быть иначе употреблены, чем на поддержку и защиту «скотного двора» и его пастухов, — но об этом потом.

Теперь возвращаемся к нашей *via mala*¹ с ее двумя проти-

¹ тяжелой дороге (итал.). — *Ред.*

вуположными пропастями. Ни один схимник в пустыне не был так преследуем, так искушаем — с правой и с левой стороны.

Это началось не со вчерашнего дня. Когда в 1858 году напал на нас *Червь* с своим доктринерски-административным актом *, мы уже имели несколько пурпурно-красных писем, упрекавших нас в модерантизме, и пук брани за социализм, якобинизм, разные неуважения, продерзости и пр.

С тех пор одни постоянно считали нас анархистами,
другие — гвернементалистами,
одни — гебертистами,
другие — маркизами Поза,
одни — кровожадными террористами,
другие — постепеновскими прогрессистами,
одни — говорили с ужасом: «Они зовут к топорам и пишут воззвания!»

другие — с скрежетом зубов: «Они не зовут к топорам и пишут не только к государю, но и к государыне» *.

На днях мы получили два письма. Одно от стародавнего друга, другое от стародавнего противника *. «Вы выбиваетесь из сил, — пишет друг, — вы гибнете, вы садитесь на мель оттого, что не имеете храбрости плыть на всех парусах, вы воображаете, что развитие пойдет мирным путем, а оно мирным путем не пойдет; пожалуй, вы еще надеетесь в этот несчастный одиннадцатый час на правительство, а оно может только делать вред; вы запнулись за русскую избу, которая сама запнулась да и стоит века в китайской неподвижности, с своим правом на землю; зовите людей, собирайте их, кликните клич, великое настает время, оно близко...»

«Вы тонете, — пишет противник, — в какой-то тине, и мне вас жаль. По временам у вас вырываются прометеевские вопли, но все-таки вы погружаетесь глубже и глубже в свою бездну. Вы должны переменить атмосферу, забыть прошедшее, обновиться, освежиться, приобрести другой язык. Теперь вашу речь нам, русским, читать тяжело, ни одного доброго слова мы от вас не слышим. Вы не встречаете в отечестве ни малейшей хорошей черты, точно как будто русские составляют какой-нибудь отверженный народ... Двадцать пять миллионов крепостных крестьян и

двадцать пять миллионов казенных получают свободу и землю. Дворянское сословие переносит свою нужду с терпением и покоем, раздаются свободные голоса в думах, земских собраниях, в печати. Войска узнать нельзя. Духовенство обновляется... неужели все это *не находит отзыва в душе, любящей истинно* отечество? Нет, ваш *Колокол* треснул, благовестить вы не можете, а зловестить есть преступление... Прозвоните же *De Profundis*, напишите эпилог...»

Так и хочется, читая, посыпать голову пеплом и идти в Соловецкий монастырь, а потом привести себя в распоряжение светского начальства.

Новое обвинение, прибавившееся к прежним, *одно*: то, что мы «доброе слова не говорим о России», то, что мы «равнодушны к великим событиям, совершившимся там», словом, что *мы ненавидим Россию и народ русский*. Этого, помнится, ни *Червь* и вообще ни один человек из нападавших на нас до патриотической проказы 1863 и 1864 * никогда не говорил.

Трещина, о которой упоминает наш уважаемый противник, — оптический обман, это черная полоса, пролагаемая с берега виселицами, позорными столбами и столбами, к которым привязывают расстреливаемых.

Но при постоянстве этих обвинений, напоминающих спор о кафтане Недоросля*, не надобно выпускать из виду и третьего постоянства — именно нас, занимающих роль Тришки; мы не гибнем, не тонем, не вязнем, не грузнем, слушаем гласы сиреньи справа и слева и идем своей дорогой. За туманом и черными волнами нас не было видно, теперь становится по светлее — челнок опять на горизонте, с тем же знаменем...

Какое же это знамя у нас? Мы, не нарушая законов скромности, думаем, что его пора бы знать. Знают же цвет «Дня», цвет «Вести»...

«Мы глубоко убеждены, что нынешние государственные формы России никуда не годны, и от души предпочитаем путь мирного человеческого развития — путь развития кровавого, но с тем вместе так же искренно предпочитаем самое бурное и необузданное развитие — застою николаевского *statu quo*».

В этих словах, сказанных нами во втором листе «Колокола» (1 августа 1857) *, не символ нашей веры, его знали все прежде,

а так сказать, практический артикул наш, *notre gouverne*¹, объяснение наших путей. Мы с них не сбились и так же последовательно говорили: «Ты победил, Галилеянин!», когда государь стал открыто со стороны освобождения крестьян, как последовательно спрашивали его: «Куда вы?» и прибавляли: «Прощайте, нам с вами не по дороге», когда он, шаткий и колеблющийся, склонялся больше и больше в реакцию и подогревал в 1860 г. нелепый Священный союз.

Союз не удался — опять Александр мог двинуться вперед во всех внутренних вопросах и опять, освобождая крестьян, он пятился и упирался во всем.

Нас мучило сознание, что *великое пересоздание* «так близко, так возможно»*, и так беспричинно упускается из рук, долгое время гнались мы за императором, хватали его за шинель, становились с «Колоколом» за пуговицей на его дороге * (он тогда еще читал нас) и указывали ему кротко и дерзко, прося и раздражая, что он сворачивает с дороги. Но куды, державный кучер заломил себе Мономахову шапку—и неся по воле лошаков, запряженных в придворный рыдван.

Нам было жаль его. У нас не было ни систематической оппозиции, ни демагогической, натянутой ненависти; мы первые приветствовали его свободным русским словом при его восшествии на престол *, мы хотели с изгнанниками старого мира, с главами европейской революции пить за освободителя крестьян и непременно сделали бы это, если б страшная весть из Варшавы 10 апреля 1861 г. не залила наши бокалы и плошки польской кровью *.

Над этой кровью мы призадумались и печально спрашивали себя: «Наконец, кто же он такой и куда идет?» Конечно, польский вопрос наболел у них, Польшу он боится, тем не меньше дразнить надеждами и стрелять в безоружных... это слишком!

Вдруг выстрел с другой стороны — Антон Петров пал расстрелянный на груду убитых крестьян...

Неужели ошибка, страх могут идти до того?.. Он обманут — это клевета крепостников, их месть.

Еще блеск молнии — Арнгольдт, Сливицкий, Ростковский... Это уж не ошибка, это преступление...

¹ наше правило поведения (франц.).— *Ред.*

А тут и пошло — одно дело за другим... дело Михайлова, Обручева, студентское дело *, гонение на журналы, аресты, ссылки, выдумка политических пожаров, поощрение растленной литературы... Нет, все это не ошибка, а какой-то нелепый и безнравственный заговор.

— «Да, но 1862 год!»

— Ну что же было в этом пресловутом 1793 году на Неве? * Ведь четвертый год пошел с тех пор, пора людям, закрывшим глаза от страха, их раскрыть и покраснеть до ушей. Надобно было всю гадкую злобу педанта, над которым смеялись юноши, всю мстительность вздутой ничтожности, поднятой несчастными событиями на высоту полицейского, бесконтрольного обвинителя, чтоб уверять, что правительство и общество ходят по подкопам, сделанным «Молодой Россией», и что два дня позже — и кучка студентов с двумя-тремя офицерами провозгласит на Адмиралтейской площади республику, окруженную нигилизмом и пугачевщиной *.

Правительство представило испуганный вид, хотело испугаться. Его начали беспокоить свободные речи, оно шутило в либерализм, шутка эта начала ему надоедать, и оно, придравшись к пожару, не имевшему ничего общего с тайно напечатанными листами, подняло общее преследование.

... Если так, то, без сомнения, было бы лучше, чтоб кровь лилась за дело и люди гибли бы, сделав больше тайно напечатанных прокламаций и шиллеровских professions de foi...

Без сомнения,— но имела ли она силу литься за дело — мученичество не вовремя всегда остается великим примером, но не есть дело.

В этом-то состоял главный вопрос. Не знаем, как его решали те и другие, мы сомневались в положительном решении его. Сколько мы ни смотрели и ни разглядывали, мы не видели в России 1862 года ни одного элемента достаточно крепкого и зрелого, ни одного вопроса достаточно разработанного и общего, чтоб во имя его могла собраться мощь, и мощь достаточная, чтоб бросить перчатку правительству — с уверенностью, что ее поддержат в борьбе.

Разве мог удался какой-нибудь лейб-гвардейский пере-

ворот. Такие перевороты делают и холера, и тиф, и воспаление с Мандтом.

Ни одна задача из возбужденных задач не была ни так разработана, ни так обща, ни так ясна, чтоб сделаться хоругвью. Чисто политический вопрос не занимал. Вопрос крестьянский с поземельным наделом и общиной не совпадал с экзотическим социализмом литературы, дворянский либерализм — шел вразрез тому и другому. Правительство неуловимо шаткое, от отсутствия всякой определенности, было сильно этой шаткостью и всякими отрицательными силами, — сильно ожиданием народа, нескончаемостью крестьянского вопроса, боязнью дворянства, упованиями литературы... Тут не могло быть ни прочности, ни взрыва. Элементы росли, и казенное платье поролось по швам. С пожара в Петербурге начиная, правительство было готово разить, и, глядя кругом, оно, как библейская Гофолия, находило одного врага — отрока *, отроков, не боящихся говорить слова истины. Оно набросилось на молодое поколение и непременно срезалось бы, если б ему на помощь не явился его злейший, его законнейший и стародавний враг — *Польское восстание*.

Польское восстание, опирающееся на Европу, разом остановило брожение и рост стихий, разъедавших обветшалый организм русского императорского государства, и дало правительству точку опоры и оправдание.

Мнение «Колокола» о Польше и польском деле было высказано в ряде писем (1859—60), мы его никогда не меняли ни на йоту; что Польша имеет полное право на независимое государственное положение, в этом не может сомневаться ни один добросовестный человек. Польшу можно подавить, убить, вывести в Сибирь, вытолкать в Европу — все это зависит от силы, это может сделать Россия, так, как мог прежде сделать Чингисхан, Тамерлан и не знаю кто, — это будет факт, как кораблекрушение, и будет иметь свое физическое объяснение, но не больше. На зарезанном человеке ставится крест — немым протестом против злодейства, над убитым народом носится его история, и кто знает, что она, переселяясь из поколения в поколение, не воскреснет снова в одном из них.

Греция воскресла меньше полувека тому назад.

Ирландия не сделалась Англией.

Венеция молчит, как молчал Милан*. Мы знаем, что значит это безмолвие.

Но признавая право Польши, остается вопрос — вовремя ли она его предъявила. Мы думаем и думали, что несчастнее минуты нельзя было избрать. Все, даже длинный трагический пролог, все было против восстания. Войска после Крымской кампании отдохнули, Европа и не думала поднимать крестовый поход из-за *чужого права*.

Мы знали, какого зверя будили и дразнили поляки своими демонстрациями и выстрелами, и трепетали за них и за Россию и до конца умоляли их остановиться; мы говорили им, что в России все готовится и *ничего не готово*, что движение, которое они видят, истинно и глубоко, но далеко от той «организации», о которой они мечтали, мы повторяли сто раз, что Европа пальцем не тронет, чтоб их спасти, что все ее симпатии и разглагольствования — «упражнения в стиле». Мы говорили им, что самое участие русских офицеров было больше *отрицательное*, что они не хотели быть палачами... Мы это знали и *вместе с ними* умоляли и правительство и Константина Николаевича пощадить русскую кровь, русскую честь и не искушать офицеров противуречием долга и совести. Такова была наша речь накануне Велепольского набора — и на другой день после того, как кровь уж лилась в Царстве*.

И после этого нас обвинили, что мы подстрекали поляков ложными уверениями о том, что Россия готова восстать на Волге и Доне, в Украине и Сибири.

Слабые слова наши, которыми мы старались удержать трепетавших от негодования бойцов, ничего не могли сделать и исчезли каким-то дальним, непризнанным, сторожевым криком.

Беда распахнулась во всей силе... горели деревни и местечки, солдаты грабили и убивали, начальники грабили и вешали, поляки начинали мстить, русский народ подымали слухами о новом 1812 годе; ненавидимый всей Россией Муравьев ехал в Вильну — общество рукоплескало его назначению.

Положение наше было невыносимо тяжело. Броситься на сторону победителя, свирепого и сильного, встретиться с Муравьевым и Катковым, подтянуть хору палачей и придворных

Евменид *... этого от нас никто не ждал, ни даже враги наши. С Западом, обманувшим Польшу, не оставалось ни одной теплой искренней связи. В польском деле мы все же были посторонними. Общественное настроение в России наводило ужас и отвращение... Наша журналистика превзошла все виденное в самые печальные эпохи политических распрей и клевет. Давая себе вид демократически-верноподданный, она довела свой самодержавный якобинизм и православное санкюлотство до барковского сквернословия «Московских ведомостей» *, до бесстыдства образов и просвирок Муравьеву.

Мы протестовали ¹, т. е. сделали все, что может сделать лично человек перед дикой силой, мы заявили наш голос, для того чтоб он в будущем свидетельствовал, что такой разврат общественного мнения и публичной речи не мог пройти без отпора, без слабого, отдельного, затерянного, но неизгладимого veto.

Были минуты, в которые нам хотелось замолчать, но нас уже не оставляли в покое ни клевета, ни беспрерывно повторявшиеся преступления. Наглость росла, уступить ей место было сверх сил.

В эту темную ночь были написаны следующие строки:

«Ни вблизи, ни вдали нет ни успокоения, ни отрады («Колокол», октябрь 1863, *письмо из Неаполя*), такое положение редко встречалось в истории. Разве в первые века христианства испытывали подобную скорбь *чуждости в обе стороны* монахи германского происхождения, развившиеся в римских монастырях. Спасать языческий мир не их было дело, его падение они предвидели, но не могли же они сочувствовать диким ордам единоплеменников, бессмысленно шедшим на кровавую работу совершающихся судеб. Им оставалось одно — идти с крестом в руках и с словом братского увещания к расвирепевшим толпам, стараясь добраться до чего-нибудь человеческого в их загрубелых сердцах. Креста у нас нет... слово осталось, но до человеческого чувства мы еще не договорились»*.

И при всем этом замолчать было решительно невозможно. Другой мощный голос, рядом с отчаянием, громко говорил, что наше будущее выбьется из этой грязи и крови...

¹ «Колокол», 1 августа 1863 *.

«... Но замолчать было невозможно. Другой мощный голос громко говорил, что наше будущее выбьется из этой грязи и крови...» Этими словами заключили мы прошлую статью и ими начинаем ее второй отдел.

Совершившееся зло было велико, обличившееся нравственное растрение безмерно. Петербургское правительство, вышедшее из школы Бирона и Аракчеева, отстало, общественное мнение толкало его дальше и дальше в кровавую пропасть. «Мы втеснили Петербургу Муравьева», — говорил мне один из «свирейных» в 1864 году в Лондоне. Общество поощряло доносы «Моск. ведомостей». Помрачение совести дошло до того, что честный и независимый от *светских* властей орган — «День» — помещал статьи ничем не лучше катковских. Люди, которых мы знали лет двадцать кряду врагами всякого насилия, не краснея толковали о государственной необходимости всех нечеловеческих мер и полицейских неистовств в Литве и Польше.

Что же значил голос, поддерживавший нас в самые тяжелые минуты?

...Голос вечной надежды и утешенья, который вместе с предсмертным бредом раздается в ушах умирающего, суля ему выздоровление или обещая рай?.. Голос, который из века в век пророчит иудеям славу Иерусалима и восстановление храма Соломонова?

Нет — это был голос здоровой, сильной груди, голос, по видимому, непоследовательно отрекавшийся середь преступлений и злодейств от ответственности за них, во имя каких-то иных начал и какой-то грядущей жизни... Как будто нам вместо казни и каторги следовали венки и плоды!

Нашей людской нравственности и справедливости не надо искать ни в природе, ни в истории: евангельское «имущему дастся» одно исполняется в мире стихий и их развитий. История — быль, а не басня, она имеет часто в конце периода урок, но никогда не имеет правоучения. Право сильного, крепкого, право первого захватившего место, право дерзкого, сунувшегося вперед, одно признано безусловно. Тот, кто раньше вышел на работу и трудился, пока другие спали... тому наименьшая жатва и самый тяжелый труд. Тот, кто первый отправился

в путь, плетется себе каким-нибудь проселком в телеге, а тот, кто опоздал, обгоняет его в вагоне, да еще посмеивается из окошка, как другой вязнет в грязи. Но обыкновенно трубить победу не приходится ни тому, ни другому... по большей части *оба* остаются в дураках и кто-нибудь *третий*, который вовсе не ездил и не работал, воспользуется и трудом и вагоном — и это потому только, что он, не зная опасности, не боится ехать за протянутую цепь или за торную дорогу, не боится искать на свой страх брод, или, еще проще, потому, что стоит по ту сторону оврага.

Один народ за другим, выбиваясь из сил, идет к *свету* и *свободе*, ноги скользят, теряется грунт, течет кровь... они подаются назад... начинают снова свой путь, кто тихо, кто быстро и далеко не доходя ни до свободы, ни до света, натываются на границу, на опущенный плагбаум и на громовое Halte!¹ У них подкашиваются ноги, опускаются руки, они пятятся и строятся перед какой-то неизвестной бедой, упираясь на одном месте. Смельчаки, стыдя их, идут за кордон, их побивают камнями как *дезертиров в будущее*.

Halte! И французская республика отступает в империю, строится в империю, потеряны дальние горизонты, брошены трубы, которыми «великий народ» трубил всему миру последнюю великую *повестку* в 1848 году, забыты смелые идеи, везде благочинный порядок, словно ждут неприятеля, и *сам народ чувствует, что остановиться было пора*, что еще шаг — и он упал бы в зияющую пропасть...

Может, это самое худшее, самое печальное в современной драме.

...Бывало, наши солдаты на постое у крестьян проводили черту мелом по полу и все, что попадалось за нее, отбирали. Жаловаться тому, кому не хотелось иметь вместо одной черты на полу — сотню на спине, было невозможно. Таким образом вся изба, вместо того чтоб делать дело, занималась караулом и обращением вспять неугомонных кур и цыплят, переходивших линию. Но самый замечательный факт во всем этом состоял в том, что ни солдат, проводивший мелом черту, ни крестьянин.

¹ Стойте! (нем.) — *Ред.*

не смевший ее стереть, *не верили в нее*. Один, не веря в свое право, насильствовал, благо власть в руках; другой, не веря в его право, повиновался — это очень дурно, очень скверно, очень безнравственно, но легче проходит, чем то, когда теснят с верой и повинуются с религией.

Следы нашего рабства позорны и бросаются в глаза, как следы розог, и, как следы розог, остаются на поверхности.

Ни правительство, ни барство, ни крепостные, ни духовенство, ни сенат, ни синод — никто в сущности не верит в истину своей власти или своего безвластия. Оттого-то все и боятся всего, а иные всего надеются, оттого-то все и порют беспрестанно горячку. С одной стороны, *они* видят, как распускается, тает этот государственный быт, с другой — они чувствуют, что не на чем стоять, а поддерживать надо выгодный для них механизм, они и поддерживают его — чем попало, вздувая наше парное православие в какой-то иконописный иезуитизм, разделяя Россию на военные уделы и предоставляя удельным генералам право на жизнь и смерть их подданных и пр. И при всем этом печатный листок в тайной типографии, странно вспыхнувший лабаз приводит их в ужас, всякий юноша, выходящий вперед свободным человеком, заставляет трепетать. Они боятся Михайлова, боятся Чернышевского. Орлов-Давыдов просит конституцию, чтоб отражать Бэклия и Бунцена. Безобразов благодарит публично Каткова за спасение отечества и поправление «Колокола»*.

Правительство, словно обрадовавшись польскому восстанию и пожарам, пошло с конца 1862 года прямее осаживать на всех путях, на всех точках... С тех пор оно беспрерывно шумит, давит, кричит, ставит барьеры, дерется, убивает, прет народ назад своей грудью и лошадиным задом, т. е. тайной полицией и «Московскими ведомостями». Никто явно не препятствует ему и ничего не идет *назад*, все только жметя и подается то вправо, то влево.

Не будь каждый шаг этого сумбура полит кровью, сопровождаем казнями, казематами, каторжной работой, то зрелище, представляемое теперь Россией, было бы исполнено всемирно-исторического комизма и иронии, до которой не доходила ни одна ни божественная, ни дьявольская комедия. Это какое-

то столпотворение вавилонское, шабаш, геологический переворот, приложенный к пластам гражданской жизни. Все странно, громадно и спутано. Правительство насильственно ломает, либеральное дворянство делается болезненной *обструкцией* на дороге к выходу, консервативен собственно один аграрный коммунизм,—и весь этот раствор под надзором полиции, которая ни во что не мешается, а спрашивает «кого бить?» и бьет.

Страшная путаница.

Да, господа, и да здравствует она! Благословите жмурки, в которые мы играем. В этом хаосе, в этом брожении, в этом твориле устоятся новые нормы, скристаллизуются иные основания, те, которые близки душе нашей и которым было бы труднее пробиться при готовых понятиях, принятых порядках, при вере, что солдат по праву протягивает мелом черту.

На Западе реакция имеет единство и смысл. Ее ломаные линии представляют уклонения и изгибы, приспособления и уступки *одного пути*, в ее выступающих и входящих частях, в ее острых и тупых углах есть план. Западная реакция вовсе не есть дело одного правительства, одного плана, а дело всех существующих властей и сил — академии и церкви, литературы и биржи, исполнительной власти и парламента. Есть *одни и те же* слова, предметы, точки, которые неминуемо, когда вы их коснетесь, вызовут во всей Европе грозно *постукивающих* духов. По их появлению можно верно начертить пограничную *линию*, за которую европейская жизнь не идет, за которой она окапывается на долгие зимние квартиры...

Говорите о всеобщей подаче голоса, об уничтожении смертной казни, о свободе книгопечатания, вероисповеданий, митингов, у вас будут сторонники, будут противники, пожалуй, явятся постукивающие жандармы, но *постукивающих* духов вы не вызовете. Но рядом есть вопросы, от которых равно встрепаются и отпрянут папа и Маццини, архиерей Дюпанлу и Едгар Кине, вчерашний бернский консилиум социальных лекарей и завтрашний туринский, Sacré College в Риме и европейский комитет в Лондоне.

В России пограничная линия эта местами, так, как и *снежная*, теряется. *Мы за ней, мы по ту сторону.*

Отсюда ясно, что правильной реакции у нас быть не может,

в ней нет действительной *необходимости*... А как скоро реакция бессмысленна, то она и должна носить тот бессмысленный характер, в котором она является у нас. Случайные поводы, случайные меры, капризы, непонимания, власть, не обузданная разумом и не боящаяся ответственности, азиатские привычки и казарменное воспитание, никакого плана и никакой системы. Главный отпор всегда был устремлен на наружное, на слово, а не на дело. К половине гонений примешана трусость беспокойной совести и правительственная обидчивость. Тип петербургских мер остается бритье бород, стрижка волос, возвращение дельной бумаги из канцелярии потому, что она *не по форме написана*. Сам Николай, тридцать лет оборонявший Россию от всякого прогресса, от всякого переворота, ограничивался только *фасадой* строя, не порядком, а *видом порядка*. Ссылая Полежаева, Соколовского за смелые стихи, вымарывая слова «вольность», «гражданственность» в печати — он пропустил сквозь пальцы Белинского, Грановского, Гоголя и, сажая на гауптвахту цензора за пустые намеки, не заметил, что литература с двух сторон быстро неслась в *социализм*.

Снова вступая в пути отпора и реакции, правительство «освобождений и реформ» показало, что и оно не поумнело.

Лиц оно сгубило бездну с бездушием и жестокостью, которые ужаснули бы всякого Бенкендорфа и Дубельта, вот и все. Движения оно не остановило, даже не вогнало его внутрь, как это было при Николае.

А между тем правительство никогда не было сильнее. Хорошее и дурное, Севастополь и Парижский мир, освобождение крестьян и восстание Польши, пустые угрозы Европы и реформы *in spe*¹ — все было ему на руку. Литература изменила, журналы сделались каланчами III отделения, университетские кафедры полицейскими будками, дворянство парализовало себя тоской по крепостному праву, крестьяне продолжали ждать воли от царя.

Правительство, так поставленное, могло сделать *чудеса по плюсу и по минусу*. Что же оно сделало?

Постоянно испуганное и настороже, оно казнило и казнит направо и налево, чего никогда не делают правительства,

¹ ожидаемые (лат.) — *Ред.*

чувствующие твердую почву под собой. Оно казнило поляков, победивши их оружием. Оно казнило поджигателей, объявляя потом, что тех поджогов, о которых кричали его литературные шпионы, вовсе нет; оно ссылало за воззвания, за перехваченные письма, за чтение «Колокола» и било сплеча и без разбора каждого человека, выдававшего вперед не по начальству, не *по форме*. Идет с чужбины домой крестьянин Мартьянов, с поэтической верой в земского царя, с доверием, которое тронуло бы любого не только помазанного, но и разрисованного африканского самодержца, — хватить и Мартьянова дубиной по голове да на каторгу.

И в то же время растут другие силы возле, вдали, вблизи и перерастают *официальную* силу, живущую в Зимнем дворце. Даже те силы, которые сам Зимний дворец вызвал, купил, воспитал и наградил, оказываются змеями, отогретыми на груди его.

Правительство разнуздало дикие заявления патриотизма, поддразнило народную ненависть и религиозную нетерпимость клеветой своих журналов, оно призвало народ в судьи. Как в 1812 году перед занятием Москвы французами граф Ростопчин вывел на площадь Верещагина и отдал его рассвирепевшей толпе, так наше *гласное* правительство отдавало своих противников стае грязных борзописцев, останавливая прикладом цензуры всякое оправдание и всякую защиту. Народные сходки, открытое обсуживание земского дела, заявление своих сочувствий к правительственным лицам и мерам, политические банкеты, демагогические тосты, террористические иконы — все было разрешено. Государственные мудрецы потирали себе руки и не могли нарадоваться, как «славно подожгли» общественное мнение и как злы, кровоохочи спущенные ими агенты литературно-полицейской своры. Глубокие психологи с портфелем воображали, что, привыкнувши к людскому стону и людской крови, звери их, как крыловские дворянчики, полают и перестанут*, как только хозяева свистнут, — не тут-то было.

Двух с половиною лет не прошло, как перейденное в своем собственном смысле правительство захотело заарканить свою свору — и не могло. У одного министра искусана рука, у других исподнее в ключьях. Да и что министры, особенно из *штатских!* Сам Константин Николаевич не нашел спуска.

«Моск. ведом.» затеребили его, он и на кислые воды от них и в немое председательство — нет отбоя, и теперь, только покажется из Совета, в котором притаился, так они и зальются опять, так и норовят изорвать адмиралтейскую шинель... *

Правительство с каким-то тупым остолбенением видит перед собой до сих пор неизвестную ему власть, которую хочет по миновании надобности прогнать — и которая упирается... Зачем было замешивать в семейный концерт посторонних музыкантов?

Комическое единоборство министра просвещения с казенным листом, издающимся против него под фирмой одного из подведомственных ему мест *, пройдет; пройдет и то гнусное настроение общественного мнения, на которое опирается гнусная газета, но *сознание того, что может сделать журнал, когда общественное мнение за него, останется.*

То же самое мы видим в другой сфере, больше близкой к самому делу.

Патриотические банкеты замолкли, никто не пьет больше Муравьеву, ни просто, ни по телеграфу, никто не шлет больше любовных адресов государю, и время, в которое будут краснеть, вспоминая эту роскошь раболепия, — не за горами. А привычка сходки, коллективного обсуживания и челобитья останется. Адрес московского дворянства, в котором они хотят не только *любить* государя, но и говорить с ним без свидетелей, без опричников, и говорить именно о чиновничьем безобразии, станет началом конституционной агитации, которая обойдет всю Россию и в свою очередь разбудит иную агитацию, чем ту, о которой мечтают Безобразовы и Давыдовы-Орловы *. Если б Александр II, руководствуясь примером родителя, молча душил поляков и молча посылал бы на каторгу своих, вопрос о взятии под опеку самодержавия не поднялся бы так скоро...

Ne réveillez pas le chat qui dort!..¹ Только, на беду, будить кошку или нет — не так зависит от личной воли, как кажется. И в этом нет никакого фатализма, а одна эмбриогения, одни фазы органического развития. Вчера плод не был зрел и кошка

¹ Не будите спящего кота!.. (франц.).— Ред.

спала мертвым сном, сегодня он зреее... и кошка спит сном девичьим и как нарочно ее все будят.

Дело в том, что *наша груша зреет* не по дням, а по часам, и потому все будит нас — император Александр и «Молодая Россия», московские дворяне и петербургские нигилисты, льготы и каторги, вёдра и ненастья. Пора нам твердо убедиться в этом и действовать сообразно убеждению.

Дойдем мы, конечно, куда идем без компаса и секстанта, если сила — новая и неожиданная — не остановит; но сознание осветит путь и предупредит пустое шатание из стороны в сторону, смутные шаги назад и грубые ошибки. Нам надобно вперед знать, *в какой зодиакальный знак* мы вступаем.

Мы как будто робеем ставить некоторые вопросы. Робость эта почтенна, это тот страх вместе с верой, с которым христиане звали к приобщению телом и кровью, к участию в «тайне», — но и его необходимо победить. Не все же иностранцам указывать нам, что у нас под ногами, как это сделал Гакстаузен *. Досадно видеть, что они ненавистью больше понимают, чем мы любовью, — а действительно понимают.

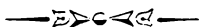
Оставляя в стороне враждебные голоса, завывающие в ежедневной прессе, мы сошлемся на старого мыслителя, у которого кровь обращается покойно, который много жил в прошедшем, много видел в настоящем и много думал об обоих. Речь идет об Едгаре Кине. Он до сих пор мало говорил об России, он ею не занимался. Но пораженный теперь «аграрным характером» освобождения крестьян и вглядевшись в него, он, несколько испуганный, принялся упрочивать мнение, что Конвент, что революция, что 1793 год, что Робеспьер и его товарищи, разрушая все общественное здание, касаясь до всего, до головы живого человека, до церковных колоколен, до верховной власти, никогда не касались до «собственности» и всего больше до «поземельной собственности», до этой животворящей, единоспасающей основы общества, образования, семьи, личности, *свободы*. Гражданский кодекс — величайший памятник Конвента — освятил и упрочил ее. Для Кине *бабувизм* (социализм) — *чуждый* элемент, не совместный с гением народов франко-галльских, который сбивает революцию с величавых путей ее, переходит пределы, ей назначенные, и

теряет из-за своих аграрных грабежей и чечевичной похлебки то, из-за чего она сама лила столько крови и пота, — *Свободу*.

И вот он указывает вдали на какие-то необозримые степи рабства и коммунизма, в которых едва заметно и почти молча рухнула колоссальная поземельная собственность двух дворянств, прибавляя как будто с иронией, что «террор Конвента никогда так далеко не ходил — *он только убивал!*»

...Оно и немудрено, что так мало от него осталось...

Перед такого рода суждениями пора и нам громко и подняв голову сказать нашим судиям: «Да, вы правы, мы народ, иначе понимающий поземельную собственность, для вас социализм был заходящим солнцем, для нас восходящим... Мы шли за вами, пути наши пересеклись, и мы снова пойдем не по одной дороге — *вы пролетариатом к социализму, мы социализмом к свободе*».

CHAMBER OF HORRORS¹

В «Виленском вестнике» 30 сентября напечатано:

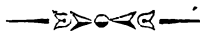
Рядовой 64-го пехотного Казанского его и. в. в. к. Михаила Николаевича полка, Василий *Шмаков*, по конфирмации начальника 16-й пехотной дивизии, подлежал наказанию розгами, но, при исполнении конфирмации, оказал сопротивление и, запершись в комнате, где содержался на гауптвахте, бросал камнями; причем ранил двух караульных нижних чинов и едва не попал в голову майору Коллену. Как на Шмакова не подействовали и увещания командира полка, то полковник Цытович нашел нужным употребить оружие, причем Шмаков был ранен пулею в живот и скоро умер.

В «Вятских ведомостях» напечатано:

Крестьянин деревни Канаевой, Елабужского уезда, *Сулейманов*, 35-ти лет, был взят 14-го сентября вместе с двумя другими крестьянами в бондюжское волостное правление за кражу разного имущества у одного елабужского мещанина. На другой день прибыл в правление волостной писарь *Добронравов* и, призвав в присутственную комнату арестованного Сулейманова, начал его ругать за воровство и бить с такой силой, что Сулейманов унал без чувств на пол и, унесенный обратно в арестантскую, немедленно умер.

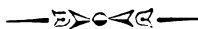
Волосы становятся дыбом... ну, господа, когда-нибудь вы заплатите за эти злодеяния!

¹ Комната ужасов (англ.).—*Ред.*

ПОДЖИГАТЕЛИ И ПОДЛЕЦЫ

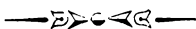
Иностранные газеты уже сообщили Европе факты, обнаруженные органом министра внутр. дел^х в Петербурге по поводу пресловутых поджигательств *. Клевета негодяев осталась клеветой и обличена самим правительством... Куда делась эта мрачная ассоциация «мстителей огнем», имевшая своим центром Лондон, где банкир Т., друг Маццини, снабжавший деньгами зажигателей, где серное, фосфорное агентство в Тульче *— *omne exit in fumo*¹, как и следовало ожидать в деле пожаров. Нам становится стыдно, что мы оскорбились клеветами подлецов, которых выдает само правительство.

НАШИ БУДУЩИЕ ПЭРЫ И НАШИ ПРОШЕДШИЕ АНГЛОМАНЫ

«Nord» рассказывает, что депутация Английского клуба (ждем с нетерпением, не пошлют ли депутации Троицкий трактир и Красный кабачок) просила московского генерал-губернатора *запретить* пьесу Потехина «Отрезанный ломоть» потому-де, что в ней достается крепостникам *. Ген.-губ. отказал, и прекрасно сделал, зато и досталось «императорскому театру и императорским актерам» от экс-англоманов, ныне арендующих «Моск. вед.»*

Хорошо, что Фонвизин заблаговременно успел поставить на сцену свой скотный двор диких помещиков, а Гоголь издать свое кладбище «Мертвых душ»... Хорошо и то, что И. Тургенев, не переходя в *отцы*, рассказал, как он еще *сыном* хаживал на охоту и каких Пеночкиных с К^о он подстреливал, в то время как дупели и бекасы спокойно порхали с ветки на ветку.

¹ все исчезло в дыму (лат.).— Ред.

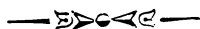
НИКОЛАЙ КАК ОРАТОР

В августовской книжке «Русского вестника» помещена статья «О происшествиях в Новгородской губернии во время первой холеры»*. Вслед за описанием невероятно глупых и стеснительных мер, взятых начальством в Новгородской губ. во время холеры 1830 года, и нескольких эпизодов из печальной истории старорусской *месты* военных поселенцев в 1831 году, автор, бывший очевидцем этих событий, приводит *краткую, но красноречивую* речь, произнесенную Николаем собранным поселянам. Речь эта такой *chef d'œuvre*, что мы не можем отказать себе в удовольствии передать ее целиком. Тут высказался весь Николай, неподдельно, наивно, натурально, как мать родила и манежи воспитали: «Что вы это делаете, дураки? С чего вы взяли, что вас отравляют? Это кара божия. На колени, глупцы! Молитесь богу! *Я вас!*» Что за неподражаемое, корнелевское «*Я вас!*»

Простодушный очевидец прибавляет: «Военные поселяне судились военным судом и все получили по делам своим достойное возмездие», но он забыл, что прежде возмездия они получили царское прощение, *а после амнистии* виновных прогнали сквозь строй.

Не думали мы, что именно «Русский вестник» бросит этот тяжелый камень в могилу Николая... *On n'est trahi que par les siens!*¹

¹ Свои-то и предают! (франц.).— *Ред.*

ПЕРВОЕ ЗАПРЕЩЕНИЕ, ПЕРВОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ, ПЕРВЫЙ СУД!

I.

ЗАПРЕЩЕНИЕ ПЬЕСЫ ПОТЕХИНА

«Отрезанный ломоть» все-таки запрещен! Да здравствует *Английский клуб!* * Что за беспутнейшее правительство — ни в чем ни выдержки, ни единства. Оно, как хмельный солдат, которого Суворов заставлял пройти «по одной доске», из усердия *идет по двум.*

II

ПЕРВОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Распоряжение министерства внутренних дел 10 ноября 1865 *.

Припимая в соображение:

что в статье «Новые времена», помещенной в августовской книжке журнала «Современник», в особенности на страницах 376, 383—384, оскорбляются *начала брачного союза* *;

что в статье «Записки современника», помещенной в той же книжке, в особенности на стр. 308—321, заключается косвенное порицание начал собственности в применении к капиталистам, несправедливо будто бы присвоившим себе сбережения рабочих классов;

что в статье под тем же заглавием в сентябрьской книжке того же журнала, в отделе, носящем название: «Как измерить примерно долг народу цивилизованных классов?», в особенности на стр. 93—95, начала собственности подвергаются прямому оспариванию и отрицанию *; и

что в этой же статье, особенно на стр. 97, 98, 103—112, возбуждается вражда к высшим и вообще имущественным классам, выставляемым по самому принципу их существования безнравственными и зловердными для народного благосостояния *,—

министр внутренних дел, на основании ст. 29, 31 и 33 высочайше утвержденного, 6-го апреля сего года, мнения Государственного совета

и согласно заключению Совета главного управления по делам печати определил: объявить *первое* предостережение журналу «Современник» в лице издателя-редактора дворянина Николая Некрасова и редактора, состоящего в чине VII класса, Александра Пыпина.

Наконец-то мы очью видим игру «предостережений», эту *французскую болезнь несвободной свободы* книгопечатания... Предостережение «Спб. ведомостям» было так глупо * и так смешно упало на голову Валуеву, да еще замаравшись в Каткове, что его считать нельзя, оно было, по выражению графа Толстого, «в булку». Новое предостережение имеет совсем иное *portée* ¹.

«Современник» давно обречен богам. Еще два валуевские «презерватива» — и летопись окончена его *. Ни повредить, ни помочь мы ему не можем, край его одежды не нынче попался в колесо петербургской плющильной машины, а это не жена Потифара, от нее не отделаешься клочком мантии *. В тот день, когда Чернышевский был взят без всякого юридического основания, освобожден сенатом от обвинений, принятых советом, когда он, невинный кругом, был выставлен к позорному столбу и сослан на каторгу — без того чтоб правительство сочло нужным или возможным сказать верноподданым, в чем дело, — в тот день судьба «Современника» была решена. Валуеву хотелось побаловаться «предостережениями», это новая игрушка, притом парижская, что-то либеральное, легальное, буквальное — но конец будет тот же: *они* порешат «Современник» *без суда* *.

Повод, по которому дано предостережение, тоже чрезвычайно замечателен.

Русский министр внутренних дел делается министром отживающей цивилизации — так это и поняла либеральная «Кёльнская газета».

Ганри Мартин в «Сиекле», Валуев в министерстве и «Кёльнская газета» в Кёльне указывают своим трехперстием *одного врага* *. Только Ганри Мартин, учившийся не в пажемском корпусе, относит превратное понимание законов собственности в России к духу народному, — к тому враждебному цивилизации

¹ значение (франц.).— *Ред.*

туранскому, татарскому, кочевому элементу, на котором выросла Россия; а Валуев — к редакции «Современника».

Considerants¹ валуевского предостережения можно приложить не к одному «Современнику», а чуть ли не ко всей современной России. Многие избегли от министерской нахлобучки только тем, что печатали свои статьи до снятия цензуры.

Будь у нас *свобода* книгопечатания в 1861 году, мы непременно прочли бы, что «министр внутренних дел, принимая в соображение:

что в статье „Положения“, напечатанной отдельно и в периодическом издании Редакционной комиссии, оскорбляются начала *крепостного союза*, заключается косвенное порицание собственности в применении к помещикам, несправедливо будто бы присвоившим себе труд крепостных людей и крестьян;

что в тех же „Положениях“ начала поземельной собственности подвергаются прямому оспариванию и ставится недобросовестное различие между *собственностью и ее пользованием*, — различие, неминуемо ведущее к вражде между собственниками и пользователями, —

министр внутренних дел на основании § 29 и проч. определил объявить *первое* предостережение Редакционной комиссии и издателю „Положений“ в августейшем лице ныне благополучно царствующего государя императора Александра Николаевича...»

Но если закон не имеет обратного действия даже для лиц незаконных, то что же за привилегии даны комиссарам Комитета общественного спасения, рассылаемым нашим Карно-Милютиным по провинциям? * Эти революционные генералы не только подкапывают «брачный» союз, но церковь, не только «собственность», но и *собственников*. Демагогические речи (из немцев) Кауфмана * в целом крае возбуждают ненависть к классу имущему и презрение к духовенству. «Хочу, — говорит, — руку попу целую, *не хочу — ссориться* с духовенством буду»². Какое же после может быть уважение у народа к своим пастырям! Дворянство, — сказал Кауфман в Вилько-

¹ Мотивировки (фрагм.). — Ред.

² «Если вы останетесь в *напрасном напряжении* (это что-то медицинское, мы не понимаем), я буду с вами *ссориться*» («Голос», 2 декаб.).

мире, *успев в час времени коснуться до всего* (вероятно, тоже и до поповской руки губами *), — «угнетало народ, развращало его» (насчет женского пола, вероятно?). Это просто призыв к топорам. «Вы должны исполнять желание русского народа» (т. е. отдать всю землю крестьянам?). И в какое время... когда возле другой агитатор (не из немцев, даже бог знает из кого) — Безак — *переводит* католичество на русский язык... *

Где же тут равенство перед законом?..

Мы даем Валуге *первое* предостережение!

III

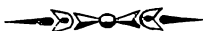
ПЕРВЫЙ СУД •

19 ноября (1 декабря) в с.-петербургской уголовной палате судились *публично* несколько дел «о преступлениях против законов о печати. Сначала производился при *закрытых дверях* доклад о преданном суду кандидате Блюммере за издание за границу < журналов > „Свободное слово“ и „Европеец“. Блюммер являлся в качестве арестанта и из палаты отправлен опять в тюрьму».

После этого мрачного и таинственного инцидента при *закрытых дверях* *двери* *отворились*, но в них именно не взоршел бенефициант Бибииков, «привлеченный к ответственности за издание книги „Критические этюды“». Несмотря на то, что Бибииков не явился, палата занялась разбором Стюарта Милля, Дарвина, Фурье и проч. * «Две сальютные черты» («Спб. вед.» № 306) в книге Бибиикова были найдены: во-первых, та, что он сочувствует Фурье в его желании сравнить женщину в правах с мужчиной, во-вторых — что он не сочувствует мещанину Краснову, который убивает (по счастью, в комедии Островского, а не на самом деле) свою жену — в то время как «доклад» желал бы видеть в нем особенную симпатию к убивающему мещанину. «Доклад» видит в этом со стороны Бибиикова желание подорвать крепость брачного союза, не замечая, что и убийство жены до некоторой степени фактически подрывает крепость союза. Семейные дела мещан Красновых заставили составителей «доклада» усомниться насчет поведения Бибиикова, и тут мы видим очень удачное и *чисто русское* прибавление к европейским законам о книгопечатании: вместо того

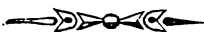
чтоб судить книгу, докладчики пошли сплетничать и выпрашивать друзей Бибикова *, да еще под присягой, каково его поведение? Оказалось, что Бибиков себя ведет как «хороший гражданин». К тому же и «*при обыске в квартире Бибикова ничего подозрительного не найдено*». Прекрасно!

Хороша тоже и ссылка на 1356 ст. Улож. о наказ., которая начинается со слов: «*Если кто-нибудь будет тайно от цензуры или иным образом издавать*»... а цензура отменена! «Состоялось ли судебное решение по этому делу или оно отложено до другого заседания — *неизвестно*» *.

ОТЕЦ МАРТЫНОВ И ОТЕЦ САМАРИН

Иезуит отец Мартынов написал короткое письмо к издателю «Дня» и тотчас нашел богослова — отца Самарина, который ему длинно ответил. Иезуитам всегда везет. Вот мы писали *четыре письма к противнику*, но противник не отвечал!

НАБРОСКИ

〈ПОЭТОМУ-ТО В СВОЕМ БЕШЕНСТВЕ ДОНОСОВ...〉

Поэтому-то в своем бешенстве доносов эти падшие люди откопали и этот факт в провинциальном журнале и явили его на свет.

Мы истинно не знаем меры презрения — не к журналистам-шпионам, но к падшей, гадкой, гнусной среде, которая их читает, которая допускает [подобное] бесстыдство полицейской литературы and so on...¹

¹ и так далее (англ.)—*Ред.*

**РЕДАКЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ,
ПРИМЕЧАНИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ**

1864

〈ОБЩИЙ ФОНД〉

В *Общий фонд* получено из Германии 5 гульденов, из Италии 20 фр. и 40 франков.

〈«КОЛОКОЛ» В 1864 БУДЕТ ИЗДАВАТЬСЯ...〉

«Колокол» в 1864 будет издаваться на тех же основаниях, как и в прошлые годы.

Как ни скучно толковать одно и то же, но постоянно повторяющиеся обвинения в бескорыстных русских журналах, что «Колокол» продается слишком дорого, заставляют нас еще раз сказать, что цена, которую платят в Германии, Франции и пр., до нас не касается.

Печать в Лондоне дорога. Английские журналы живут объявлениями и рассчитывают на огромный сбыт. Пока мы печатаем в Лондоне, цену уменьшить нельзя. Мы делаем огромную уступку книгопродавцам, на каком основании они берут дороже объявленной цены, мы не знаем. Всякий, кто хочет выписать экземпляр от гг. Трюбнера или Тхоржевского, получит «Колокол» и «Общее вече» по объявленной цене с прибавлением весовых, по английской таксе, один пенс с листа и с границы.

М. МУРАВСКИЙ

〈ВСТУПЛЕНИЕ〉

В прошлом листе «Колокола», поместив приговор *М. Муравского*, сосланного на пять лет каторжной работы и потом на пожизненное поселение, мы просили сообщить нам подробности о его деле. Передаем нашим читателям то, что получили.

ЦАРСКИЕ ПОДАРКИ К НОВОМУ ГОДУ

<ВСТУПЛЕНИЕ>

Только что мы прочли в русских газетах * безобразный приговор, утвержденный государем, над лекарем Каликстом Павловским (20 лет!), «виновным в покушении на распространение возмутительного воззвания» и за это приговоренным на пять лет каторжной работы и на пожизненное поселение в Сибири, — как является ряд новых жертв, начиная с студента Петербургского университета Капитона Сунгурова, судимого, «за недонесение кому следует о получении им возмутительных воззваний, хранении оных у себя и передачу другим», за что он приговорен к заключению в крепости на год, с высылкой потом из Петербурга *.

Затем гонение юношей продолжается так:

Д. Блудов сообщил Государств. совету об утверждении государем следующего сенатского заключения.

<ОБЩИЙ ФОНД>

В *Общий фонд* получено из Италии 20 франков и 2 фунта стер. с особым назначением.

ПОПРАВКА

Мы забыли напечатать в 175 л. «Колокола», говоря о присланных в *Общий фонд* из Германии 1000 фран. или 40 фунт., что они присланы 1 декабря через г. Тхоржевского от **.

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Мы получили две замечательные статьи из России: «От детей к отцам» и того же автора «Братское слово к учителям семинарий». Последнее мы с большой радостью помещаем в сегодняшнем «Общем вече»* и обращаем внимание читателей «Колокола» на эту статью.

<ОБЩИЙ ФОНД>

В *Общий фонд* от К. — 2 фун. Книжки и журналы отосланы, и деньги получены.

ОБЪЯСНЕНИЕ

Издатели «Колок.» получили от 14 фев. письмо из Г., снова спрашивающее, получены ли *сорок фун.*, посланные в декабре п. г. к лондонским банкирам F. Nuth & Co и назначенные в *Общий фонд*. Деньги эти *тогда же были нами получены через г. С. Тхоржевского* и показаны в получении в 175 л. «Колокола». Мы имеем причины, которые всякий поймет, не назначать подробно, *откуда* присланы деньги; на этот раз мы забыли поставить ** при сумме 40 фун. Г-н Тхоржевский получил об этом запрос *без подписи и адреса* и передал его нам. 1 февр. в 178 л. «Кол.» мы напечатали: «Мы забыли напечатать в 175 л. „Кол.“, говоря о присланных в *Общий фонд* из Германии 1000 фран. или 40 фунт., что они присланы 1 декабря через г. Тхоржевского от **». Чего же больше желает господин, пославший 40 фунт.? Расписки мы даем всегда, но для этого следует знать *имя и адрес*.

ЗЛОДЕЙСТВА ПОЛЯКОВ И «ПРИМЕРНОЕ САМООТВЕРЖЕНИЕ РУССКОГО ПРОТОИЕРЕЯ»

〈ВСТУПЛЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ〉

«Инвалид» поместил донесение протоиерея Крашановского в доказательство перейского мужества и польского свирепства. Донесение длинно, Крашановский красноречив; мы расскажем сущность дела его же словами, но выпуская подробности, не имеющие особого интереса.

Каково пострадал протоиерей Крашановский от бандитов?

〈ОБЩИЙ ФОНД〉

В *Общий фонд* 5 фунт. 5 шил.

СЕМЕЙНАЯ ССОРА

〈ВСТУПЛЕНИЕ〉

В 56 № «Инвалида» мы прочли следующую пикирровку между членами доброй семьи русских корреспондентов в Варшаве. Размолвка рассказана в *частной* корреспонденции «Инвалида», но которой именно *Части* не сказано.

〈ОБЩИЙ ФОНД〉

В *Общий фонд* от И** — 1 фунт.

〈ОБЩИЙ ФОНД〉

В *Общий фонд* из Италии 90 франков.

СВОЙ ГАРИБАЛЬДИ

〈ВСТУПЛЕНИЕ〉

Да, в Петербурге свой Гарибальди, и именно М. Н. Муравьев. Прием, сделанный ему и описанный, как и следует, в «Московских ведомостях», не забудется в истории... до этого не падало ни одно дворянство, желаем ему от души и не подыматься.

〈МЫ С НЕТЕРПЕНИЕМ ЖДЕМ «ЕВРОПЕЙЦА»...〉

Мы с нетерпением ждем «Европейца». Что-то скажет г. Блюммер на страшную статью о нем, помещенную в 19 № «Листка».

ОКОЛИЦА ИБЯНЫ

〈ВСТУПЛЕНИЕ〉

Читая какое-то баснословное описание в русских газетах о злодействах, совершенных в несчастной околице Ибяны, нам пришло в голову, что «Виленский вестник» так много тратит красок и эффектов, чтоб отвести глаза от варварского финала.

«Познанский дневник» 10 мая, № 106 действительно подтверждает наше предположение. Вот что он говорит.

НОВАЯ ФАЗА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В 44 и 45 №№ «La Cloche», выходящем в Брюсселе, напечатана статья *Искандера* под заглавием: «Une nouvelle phase de la littérature russe». Статья эта, имеющая целью ознакомить Европу с *настоящим* положением нашей публицистики,

может, не лишена интереса и для русских читателей — мы поэтому не сочли неуместным объявить о ней в «Колоколе». «La Cloche» продается в главных книжных лавках в Брюсселе: Claessen, 88 rue de la Madeleine; Muquardt, Place Royal; Lefèvre, 12 Passage de la Monnaie; Gerstman, 34 rue Neuve. В Париже у Amydt, 8 rue de la Paix; Dentu, 13 & 17 Galerie vitrée, Palais Royal. В Берлине у Schneider & Co; Behr (E. Bock). В Лейпциге у Lacroix, Verbockhaven & Co.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

В Женеве будет выходить сербский радикальный журнал под названием

С л о б о д а.

В его названии — вся программа его. «Слобо́да» будет выходить еженедельно. Главные статьи и корреспонденции будут помещаться на сербском и на французском языках.

Издатель нового сербского журнала — Владимир Иованович, бывший профессор политических наук в Белграде, автор брошюры «The Serbian nation and the Eastern Question» (London, Bell and Dolds, 1863).

Первый лист «Слобо́ды» выйдет 1 августа.

Цена подписки:

Для Сербии и Швейцарии	14 фр. в год		
»	7	» 50 сен. на 6 месяц.	
»	4	»	3 »
»	2	»	1 »

Для других стран прибавляется цена пересылки.

Подписка принимается в Женеве у Пфеффера и Пуки (M. M. Pfeffer & Puky), imprimeurs à Genève¹.

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

<ВСТУПЛЕНИЕ И ПРИМЕЧАНИЯ>

Мы получили с разных сторон три статьи о Н. Г. Чернышевском, спешим передать одну из них нашим читателям. В следующем листе будет вторая.

¹ издателей в Женеве (франц.). — *Ред.*

Примечания даны к следующей фразе:

«Дряхлый сенат, несмотря на все подделки, признал Чернышевского виновным: во враждебном правительству духе статей его (1), в возмущении мешанина Яковлева (2), в сочинении и передаче для напечатания другому (3) возмутительного воззвания, в возбуждении против правительства Плещеева запискою (4) в сношениях с изгнанником Герценом (5).

- 1) Цензурованных.
- 2) Подкупленного!
- 3) Всеволоду Костомарову!
- 4) Поддельной!
- 5) О чем речь? Неужели о моем открытом предложении печатать «Современник» в Лондоне? А. Г.

〈ОБЩИЙ ФОНД〉

В *Общий фонд* (мы начали уже забывать об его существовании) получено 50 франк. Из Москвы 6 русских полуимпериалов. Из Гейдельберга от «Москвитянина» 20 гульденов.

〈УВЕДОМЛЕНИЕ〉

Сенатская записка по делу Чернышевского существует и напечатана. Мы просим всех честных русских, которым попадется этот лист «Колокола», прислать нам этот исторический документ.

〈УВЕДОМЛЕНИЕ〉

Письмо, в котором говорится о том, что «черная полоса» в русском настроении проходит, получено. Мы очень благодарим за него. В большей части мы с ним согласны.

〈ОБЩИЙ ФОНД〉

В *Общий фонд* присланы в последнее время через г. Тхоржевского от Р. Е. *пятьдесят четыре фунта и один фунт*. Сверх того, поступили от князя П. В. Долгорукова *двадцать два фунта*.

ОПОЗДАВШЕЕ ПИСЬМО

〈ВСТУПЛЕНИЕ〉

Письмо, которое мы печатаем почти целиком, опоздало несколькими месяцами; но оно так исполнено отечественного букета и колорита, что мы уверены, что читатели наши не будут сетовать за помещение его. Мы сохранили самый слог письма, носящий на себе очевидную печать неподдельности. Весьма благодарим корреспондента и просим впредь не забывать, что за границей существует свободный орган, не подлежащий цензуре.

〈ОБЩИЙ ФОНД〉

В *Общий фонд* получено 5 фунтов и 1 фунт

1865

ДЕЛО Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

Примечание сделано к следующему месту в «Сенатской записке» по делу Н. Г. Чернышевского:

В конце июня 1862 года получено было в III отделении уведомление, что из Лондона едет Ветошкин, знакомый с Герценом и Бакуниным, и везет с собою запрещенные издания Герцена, Огарева и др. и вместе с тем и корреспонденции от пропагандистов. При арестовании Ветошкина, между прочими письмами, оказалось у него письмо изгнанника и пропагандиста Герцена к Серно-Соловьевичу, в коем он убеждает распространять пропаганду в России, и в конце письма приписка: «Мы здесь или в Женеве намерены с Чернышевским издавать „Современник“».

Я никогда не находился в переписке с Чернышевским *. Я не мог писать, что мы намерены издавать «Современник» с ним, потому что не имел ни малейшего сведения, хочет он или нет издавать «Современник» вне России. Тут явная перестановка слов для того, чтоб предложению дать вид соглашения и оконченного дела. Даже сенат остановился перед этой проделкой *. Запрещение «Современника» было объявлено в газетах, мы тотчас предложили громко и открыто издателям «Современника» печатать его на наш счет за границей («Колок.», л. 139, 1862) *. На наше предложение никогда не было ни малейшего отзыва. Как же я мог писать об этом положительно, и к тому же в Россию? Уж не служу ли после этого и я в тайной полиции?

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН В РОССИИ И ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ (Из Москвы)

⟨ПРИМЕЧАНИЕ⟩

Помещая эту замечательную по своей энергии статью, мы обязаны сказать, что не во всем разделяем мнения почтенного автора.】

КРЕСТЬЯНЕ И ДУХОВЕНСТВО НА ВЫБОРАХ

⟨ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ⟩

Выписываем следующее из «Инвалида». И это уж не для того ли, чтоб доказать глупость и тупость русского крестьянина?

СЕМЬ УБИТЫХ КРЕСТЬЯН И ТРИДЦАТЬ РАНЕННЫХ В ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

(Из письма к издателям)

⟨ПРИМЕЧАНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ⟩

Мы упоминали вкратце об этой гнусной истории в 190 и 192 л. (1864) и чрезвычайно благодарны корреспонденту за сообщение подробностей. Это письмо останется в истории российского дворянства и профессорства.

О чем хотите пари, любезный корреспондент, что не пошлет министр никакого чиновника, ни порядочного, ни непорядочного! В самом деле, до того ли правительству, чем и чем оно, бедное, не занято, вот пример:

Правительственные распоряжения. Под этим заглавием «Ирбитский ярмарочный листок» печатает 15 февраля 1865 года следующее: «С утверждения пермского комитета о губернском коннозаводстве в городе Ирбите учреждается в нынешний год случайной пункт из трех жеребцов пермской земской конюшни для случки с ними кобыл частных владельцев за умеренную плату. Жеребцы выступили из Перми 4 февраля и придут сюда в конце этого же месяца. Попечителем здешнего случного пункта назначен городской голова А. А. Дробинин».

ДВА ПИСЬМА ЯРОСЛАВА ДОМБРОВСКОГО

〈ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ〉

Мы получили эти два письма бывшего члена Центрального комитета, Я. Домбровского, для помещения в «Колоколе», от одного из его товарищей. Спешим передать их нашим читателям.

МОЩИ ДМИТРИЯ РОСТОВСКОГО ПОД ПОЛИЦЕЙСКИМ СЛЕДСТВИЕМ

〈ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ〉

Нам доставлена следующая переписка князя Вяземского с Мельгуновым о мощах Дмитрия Ростовского. Мы передаем ее нашим читателям как очень интересный исторический документ.

К ОБЪЯВЛЕНИЮ

Мы получили записку по делу Андрущенко, — можем ли ее печатать или нет?

ПИСЬМО ИЗ МОСКВЫ

(Дантист Извольский — Государь в Москве — Дело Бугона)

〈РЕДАКЦИОННЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ〉

Мастерски Валуев выбирает губернаторов, надобно отдать справедливость.

От Ред. Мы очень благодарны москвичу, сообщившему нам имя дантиста Извольского. Дело Кичеева мы действительно читали. Печатая ужасные подробности о нем, мы должны ответственность за их достоверность оставить на совести корреспондента.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ВОЕННЫХ СУДОВ

〈ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ〉

Выписываем из «СПб. вед.» следующую страшную драму:

Далее следует приговор крестьянам Федосею и Степану Ивановым за вооруженное сопротивление требованию оброка.

Вероятно, рачительное начальство узнало, о какой ране на спине говорил Федосей, и не преминет сообщить об этом публике.

〈«КОЛОКОЛ» НА 1866〉

«Колокол» на 1866 будет издаваться в Женеве на тех же основаниях и в том же духе.

〈ОБЩИЙ ФОНД〉

Собранные 7 декаб. 50 франков получены от М. С. Д. и переданы по назначению.

D U B I A

ОПОДЛЕНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ

После унижения иконы Архистратига Михаила, поднесенной Муравьеву Вешателю, после оподления храма божия построением церкви в память казней — вот образец красноречия одного из православных иерархов.

В именины Муравьева архиепископ полоцкий и витебский * сказал речь, начинающуюся так:

Братия! Кого из добрых россиян и вообще благомыслящих людей не утешили и не порадовали преславные доблести командующего войсками Виленского военного округа, генерала-от-инфантерии Михаила Николаевича Муравьева 2-го, которыми он, с своею пронизательностью, поражал и попрал мятежников в Литве и Белоруссии и привел тьмы заблуждающихся на путь верноподданнической чести и долга? и пр.

Повистине, все мы должны, восхищаясь этим, *лобызать доблести и направление* сего чудного мужа, Михаила Николаевича, и от всей полноты души и сердца каждый день, каждый час, каждую минуту, особенно же в святой день ангела его, молить бога, чтобы *мышцею* своею вынул¹ укреплял его, славою и честью венчая избранного царем, столь доблестного поборника и пр.

ХРОНИКА ПОДЛОСТИ

Московские университетские профессора праздновали избрание профессора Баршева в ректоры. Реляция обеда с обычными фразами и пошлыми речами оканчивается в «Москов. ведомостях» так *:

Университетский праздник не мог не отозваться на современные события, за которыми с живейшим участием следит весь русский народ,

¹ всегда (ц.-слав.).— *Ред.*

и не вспомнить о тех государственных людях, которые являют себя истинными поборниками отечественного дела или на самом театре событий, или в сношениях России с Европой, — в сношениях, которые в последнее время так занимали общественное мнение у нас, так волновали и потрясали народное чувство. Ректором, С. И. Баршевым, были провозглашены тосты за здоровье наместника Царства Польского, генерал-адъютанта графа *Ф. Ф. Берга*, которому так необходимо теперь народное сочувствие и поддержка общественного мнения в его столь трудном деле; генерал-губернатора литовских и белорусских губерний, генерал-адъютанта *М. Н. Муравьева*, оказавшего незабвенные заслуги отечеству, и министра иностранных дел, вице-канцлера князя *А. М. Горчакова* «как достойного представителя русской чести и русских интересов в советах Европы». Несмедленно в Петербург, в Вильно и в Варшаву отправлены были телеграммы, и пр.

За что же князь Горчаков-то обижаем товариществом свирепых исполнителей дикого самовластья? Почему он является этим *третьим* и притом после Муравьева? Что он не протестует... Пойти в историю пристяжным к такой коренной, как Михаил Николаевич, не заслуживая этого, — право, пренеприятная вещь.

И ЭТО СЛАВА?

Какое страшное ремесло война, и в особенности война *умиротворения!* Берем, без комментариев, несколько слов и образов из рассказа штабс-капитана *Озерского* о взятии ксендза Мацкевича («Сев. пч.», дек. 15).

«... Я получил приказание через час выступить... возвратившись накануне вечером из экспедиции, я сильно пригорюнился, нисколько не подозревая *впереди ожидавшего меня счастья*».

Посмотрим это счастье. Отряд солдат и их начальник искали по следам укрывавшегося Мацкевича, долго плутали они по гористым местам, наконец «гренадер Никонов остановился и протянул палец... Гляжу, ничего не вижу, но пол-оборота направо, шагах в пяти от нас, под зеленым навесом запорошенной снегом ели, лежало что-то серое. В один миг исполынский скачок — и я очутился верхом на каком-то человеке... колени в грудь, руками за шею... «Ваше благородие, держите за револьвер, он под вами», — кричали подбежавшие солдаты, и вслед за тем кто вцепился из них за волоса, кто за ноги... растянули лежащую бороду и наконец обезоружили».

Это был сам ксендз Мацкевич, и этот-то случай назван «счастьем, ожидавшим» штабс-капитана *Озерского*.

ДРУЖБА И БРАТСТВО

Какой-то друг г. Каткова, *фон Роткирх* *, служит помощником директора канцелярии *по делам военного положения*, т. е., так или иначе назови, по полиции. Фон Роткирха хотели убить, и друг его г. Катков сам признается, что «Польский подземный жонд, как видно, не ошибается в выборе жертв для своих наемных убийц. На этот раз он выбрал человека, который принадлежит к числу лучших и честнейших русских деятелей в Варшаве. Дела в Варшаве давно пошли бы иначе, если бы законная администрация в Царстве Польском (*намек на дурной состав администрации при вел. князе*) вся состояла из таких людей, как г. фон Роткирх с его добросовестностью и патриотизмом. Мы имеем достаточные основания сказать это о г. фон Роткирхе, и говорим с полным убеждением. *Мы утешаем* себя тем, что раны, полученные им, не будут иметь серьезных последствий *для его здоровья* и что вскоре он снова вступит в свою должность в Варшаве, откуда заговорщикам так хотелось выпроводить его. Застращать таких людей, как г. фон Роткирх, тайным убийцам не удастся; людей известного закала подобные покушения возбуждают лишь к большей энергии и решимости. Подобные покушения не переведут честных деятелей у нас, а, напротив, усилят и размножат их. Своими угрозами и нападениями убийцы только явственнее отличат тех, кто им истинно опасен в числе агентов законной власти... Мы послали телеграмму в Варшаву и с нетерпением ждем известий о состоянии здоровья г. фон Роткирха»¹.

В этом лепете дружбы при вести о несчастии, постигшем сотоварища, в этих повторениях о закале и размножении «честных деятелей» виден как будто страх со стороны издателя «Московских ведомостей»; но ведь г. Катков в богом хранимой Москве, а не в Польше, и к тому же «польский жонд не ошибается в выборе жертв», и если перенесет (чего боже сохрани) свою деятельность в Россию, то неужели выберет г. Каткова? Еще три месяца благочинной редакции его сгубят этого господина без всяких хирургических средств.

¹ В следующ. № «Моск. вед.» г. Катков успокоил волнующуюся Москву следующим известием: «На посланную нами в Варшаву телеграмму мы получили ответ, что г. фон Роткирх находится несколько дней в горячем состоянии».

〈ПРОСИМ ДАТЬ НАМ КЛЮЧ...〉

; Просим дать нам ключ перевести на русский язык или вообще на язык здравого смысла следующую фразу «Сев.пчелы»:

Начальниками уездов, по представлениям ближайших военных властей, будут назначены люди деятельные, способные, понимающие, что при настоящих обстоятельствах действия вроде *цирлих-манирлих* вредны для края во всех отношениях!

ССЫЛКА ОДНОГО ВМЕСТО ДРУГОГО

«Le Temps» 8 февр. напечатал письмо г. Сенкевича к русскому послу в Париже. Он извещает его, что русское правительство приговорило к 20-летней каторжной работе *Михальчевского* из Галиции, которого по *ошибке* приняли за Сенкевича. Какие милые ошибки и любезные рассеянности!

ХОЗЯИН НЕ ПОЗВОЛЯЛ!

В одном из рассказов Даля немец-учитель сочинил для своего питомца русскую басню следующего содержания:

Маленький собак с большой злость
Гриз кость,
Большой собак подходиль
И маленькой собак спросиль,
Зачем маленькой собак с большой злость
Гриз кость?
Маленькой собак отвечаль:
«Мне хозяин даваль».

Нравоучение:

Ничего нельзя брать без позволения*.

Люди, привыкшие смеяться над всем священным и назидательным, обрадовались оригинальному слогу немецкого педагога, чтоб поохотать и над моралью. А мораль шла себе да шла и бросала «без злость свой маленькой нравственный кость» и через два поколения принесла плоды.

В том листе «Современной летописи», в котором сосланы на заточение Земские положения, один путешествующий наблюдатель нравов, описывая свое пребывание в Седльцах, рассказывает, как он пришел «в книжную лавку Г. (следуют приметы, чтоб ошибиться было невозможно) и спрашивает исторических книг. Г. намекает на Лелевеля. Г-н Виноградов (путешественник) отвечает — «Слуга покорный, я *запрещенного не могу читать*»*.

«Хозяин не позволял!»

Одно непонятно — отчего г. Виноградов боится темноты? Может, болезнь. Вот он что говорит: «Резкий востр рвется в щели окон. Ночь. Люди спят. Темнота страшная. Однако тут опасно. Нужна смелость, чтоб здесь жить. Сейчас гимназия и три глухие улицы. Да у подъезда на высоком столбе, как с похмелья, покачивается смрадный, чуть-чуть светящийся огонек, одиноко догорающий. А кругом такая темнота». (19 декабря.)

РОЖНОВСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ

Во «Всеобщем дневнике» читаем следующее:

В ответ на баснословные слухи, распушенные польскою агитационною прессою и подхваченные некоторыми немецкими газетами, считаем нужным сообщить нашим читателям, что вступление вновь назначенного варшавского гражданского губернатора, генерала Рожнова, в должность происходило 3-го февраля в здании здешнего губернского правления в присутствии членов и всех чиновников правления. При этом генерал Рожнов, обращаясь к присутствующим, сказал следующую речь *: «Начиная новый род службы, в которой я должен руководить вашими занятиями, господа, я считаю моею обязанностью познакомить вас с моими политическими понятиями. А потому предупреждаю вас, что все те, которые с полною верою в отношении к престолу и монарху и со всевозможною точностию будут исполнять свои служебные обязанности, найдут во мне всегда доброго и ценящего заслуги начальника. Те же, кои, не помня святость верноподданнической присяги, захотят поступать противным путем, не останутся моими сотрудниками». Речь эта, кажется, не требует никаких комментариев.

Красноречив генерал Рожнов! И какие оригинальные политические понятия у генерал Рожнова!

К маленьким гадостям неприятельского правительства в Польше принадлежат вуали, которыми оно прикрывает свои дрянные поступки. Оно учредило, например, *грабеж* под названием штрафов за политические преступления. «Сев. пч.» в 38 № так повествует о своих подвигах:

В последнее время варшавские начальства ввели в употребление *чувствительные* денежные штрафы со всех лиц, у которых открыты вещи, заставляющие предполагать, что они находятся в связи с народовою организациею. Так, с одной домовладелицы, у которой найдены были различные враждебные правительству документы и стихотворения, предполагалось взыскать 2000 рублей. Граф Берг *нашел впоследствии* возможным уменьшить этот штраф вполтину.

В имении г-жи В. Скаржинской, в Пултувском уезде, был учрежден лазарет, в котором равно подавалась помощь раненым русским и полякам. Это не понравилось. Послали сделать обыск, нашли в доме г-жи Скаржинской какую-то запрещенную газету и велели заграбить у нее в пользу казны 2000 рублей. У нее денег не было, тогда учтивый кавалер Берг пошел на сделку, предложил несчастной женщине позор своего бала *. Почему же в «Сев. пч.» не сказана причина уменьшения штрафа?

НАШИ ПАТРИЦИИ

«Куда ты лезешь,— говорит лакей в обтерханной шинели крестьянину,— ведь мужик сиволапый, как есть, а туда же лезешь в переднюю». «Армяков сюда не пускают,— кричит будочник, поднимая грязный кулак,— тут ходят одни *благородные*». А благородные вот что говорят *: «Платонов (повествует «Le Nord»), царскосельский дворянский предводитель, предложил в члены агрономического общества крестьянина, известного своими знаниями по части сельского хозяйства. Общество пришло в негодование от такой дерзости, оно оскорбилось мыслью, *что мужик осмелится сесть за один стол с ними*, да еще, пожалуй, будет играть, как они, в лото!»

АВСТРИЯ НА КОЛЕНЯХ

В Галиции объявлено осадное положение, меньше от Австрии нельзя было ожидать; лучше поздно удивлять благодарностью, чем рано дивить (по словам Шварценберга) неблагодарностью.

«День» еще недавно напомнил нам в некрологе *Гильфердинга* * следующую трогательную сцену из исторического романа. «Гильфердинг в качестве управляющего дипломатической канцелярией наместника Царства Польского в Варшаве сопровождал Паскевича в венгерской кампании 1849 года и, между прочим, был *личным* (если не единственным) свидетелем знаменитой сцены, когда посланный от австрийского императора граф Кабога стал пред нашим фельдмаршалом на колени и сказал: „*Mon souverain me charge d'implorer à genoux votre secours*“ (Мой государь поручил мне на коленях молить вас о помощи, т. е. о том, чтобы Паскевич скорее двинул войска в Венгрию)»...

ПИСЬМО ИЗ МОСКВЫ

Наконец-то пришла весть из Москвы, хорошего ничего нет, но спасибо, что не совсем забыли. В письме описывают безгласно оставшуюся дуэль *Леонтьева* с гласным * и усердные подвиги *Всеволода Костомарова* *. Его стараниями был взят купец *Басов* * за то, что у него нашли лондонские издания, и посажен в Петропавловскую крепость.

Партии польских арестантов, проходящих через Москву, очень многочисленны. Их содержат отвратительно. Им отведены *летние* помещения военного госпиталя и развалившаяся

фабрика у Калужских ворот (некогда принадлежавшая Титову), холодная и угарная. Чему удивиться, что «Теймс» говорит, что из партии поляков в 160 человек пришло в Пермь 40!

Далее мы из письма узнали имя одного почтенного иеромонаха православной церкви. Читатели наши, вероятно, помнят, что в 27 л. «Общего веча» мы перепечатали из «Моск. вед.» от 18 января отвратительный случай, бывший в духовном училище *, в каком именно, разумеется, скрыто. Негодяй смотритель страшным образом истязал ученика за то, что он не записал его белья, отданного прачке. Мальчик 13 лет, изуродованный наказанием, впал в помешательство. Мы имеем возможность теперь прибавить имена главного актера и его укрывателей. Вот что нам пишут: «Этот случай был в Москве, в училище при московском Донском монастыре, имя смотрителя *Савва*, он иеромонах, был уже за подобный поступок под следствием, но оправдан. Теперь по просьбе отца изуродованного мальчика, поданной митрополиту (отец сельский священник московск. спархив), производится следствие архимандритом *Иаковом*, и теперь он, вероятно, будет опять оправдан. Он не только что не удален от должности смотрителя, но надеется даже оправдаться и *получить награду*. *Все будет покрыто* митрополитовой мантией *. Избитый ученик в московской городской больнице, медики говорят, что в рассудок он не придет и что жизнь его продолжится не менее года; раны до сих пор заживить не могут. Училище это находится в самом жалком виде, и только крайность сельского духовенства заставляет помещать туда своих детей. Митрополит очень недоумен, что и эту заметку поместили в „Моск. вед.“, и, говорят, писал об этом Головнину».

⟨НОВОЕ СРЕДСТВО УМИРОТВОРЕНИЯ⟩

«Кёльнская газета» говорит, что в Вильне запрещено купцам с покупателями говорить по-польски, хотя бы они и не умели иначе*. Новое средство умиротворения!

ПРАВОСЛАВИЕ НА РЕЛЬСАХ

«День», с яростью ополчившийся в последнее время на папуж, латынство, иезуитство *, напрасно портит свою кровь. Православие не только не в опасности, но, напротив, само ударилось в прозелитизм, и в чисто императорский, казенный прозелитизм. «Кёльнская газета» говорит, что толпами отстав-

ленные служители польских железных дорог * за то, что они поляки, обратились с просьбами, чтоб их приняли на русские железные дороги. Правительство согласилось, но с условием, чтоб те из них, которые исповедуют католическую веру, приняли греко-российское исповедание.

КАЗНИ РУССКИХ

«Русский инвалид» говорит* о казни расстрелиaniem в Сувалках *Федора Блашнина* и в Остроленке *Владимира Иванова*, — кажется это не поляки!

БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ПЛОДОРОДИЕ

«Русский инвалид», рассказывая подробности о пребывании депутатов от крестьян Царства Польского в Петербурге *, отмечает довольно замысловатый ответ «седых солтысов», целовавших покровы гробницы Николая. На вопрос о причинах такого предпочтения, по-видимому, удивившего их провожатых, они отвечали: «Мы благодарим его за то, что он дал свету такого великого государя, который уничтожил крепостную неволю в России и довершил освобождение наше из-под ига своевольных панов предоставлением нам прав собственности на возделываемую нами землю, без чего никогда быт крестьян не мог бы улучшить».

Каково тридцатилетнее царствование и пятидесятипятiletняя жизнь, в которых народ только и находит хорошего, что рождение наследника и, стало, небессмертие родителя!

ЗЕМЛЯЗИ ДИПРАНДИ

Генералу-от-инфантерии *Дипранди* * дано в Самарской губернии 5041 десят. 410 саж. удобной и неудобной земли. Когда же это кто-нибудь догадается сказать государю, что ведь земля русская не в самом деле романовская собственность, которую можно давать на чай и на водку кому вздумается?

ИЗ ПОЛЬШИ

«Мятеж не существует, банды рассеялись, везде веселые лица, все благодарят Берга, Муравьева, всех на свете за освобождение от освобождения», — пишут на все лады временно-

обязанные журналисты наши и в доказательство прибавляют такого рода детали: «11 (23 мая) по суду расстрелян в городе Пшасныше рядовой Нижегородского пехотного полка Савелий Бондарцев за побег в банды».

«Того же числа повешен в городе Радоме политический преступник, помещик деревни Липа Опатовского уезда Игнатий Дембицкий».

«В Радоме расстреляны за побег в банды рядовые Киевского гренадерского полка: 22 мая Иван Липатов и 26 мая Михайло Жуков».

«22 мая в Ленчице Варшавской губернии расстрелян доудца банды, отставной поручик прусской артиллерии Иероним Вержбицкий, носивший псевдоним Борута. (По народным сказкам, Борута есть злой дух, постоянно живущий в Ленчице в разных подвалах)».

«20 мая в Ломже повешен начальник шайки Юлиан Обухович».

«22 мая в Красноставе расстрелян за побег в банды рядовой Харьковского уланского полка Семен Павлов».

«В Варшаве все благополучно. Начались жары. Варшава вся почти живет в садах, и там играет музыка» («Моск. вед.», № 124).

Этого финала к кровавому листу казней, конечно, никто не ждал! Мы рядом поставим и другой неожиданный финал. «Кёльнская газета» от 21 июня говорит, что полковник *Туколкин* при допросе *плюнул* в лицо профессора *Дибек*, Дибек его ударил и был за это *сослан в Сибирь!*

ОКЛЕВЕТАННЫЙ КАТКОВ

Мы всегда считали одним из больших несчастий совершенное незнание поляками русской литературы, русской мысли, это вводило их в непрерывные ошибки. «С. пчела» в 169 № помещает отрывки из довольно замечательной, хотя и смутной, статьи, помещенной в «Познанской газете» под заглавием «Польша и журналистика». Говоря о Каткове как «о *могущественном* противнике», статья замечает: «Недостаточно побеждать Каткова и К⁰уличением их в *демократическо-социалистических* стремлениях... Катков демократ и социалист! Его компания, т. е. Леонтьев, — демократ и социалист! Помните, Катков и К⁰, эти клиенты и литературные приказчики тамбовских и саратовских патрициев, — демократы и социалисты!

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ ЕВРЕЯМ

Усмирив и Польшу и материализм *, устроив православную церковь на Западе и ободрив братчиков *, издатель «Дня», не отдыхая ни одного номера, принялся за прерванное гонение евреев, на этот раз с таким ожесточением, что мы действительно не советуем им ходить по Спиридоновке, особенно мимо дома Мазаровича *.

<40 000 СЕР.?)

¿ *Правда ли*, что Муравьев Вешатель поднес одному публицисту в Москве *, из ярых, *сорок тысяч рублей серебром* из штрафных и конфискованных у поляков денег? Ответ на этот вопрос очень нас одолжит.

<РЕВОЛЮЦИОННАЯ ОПЕКА>

¿ В 238 № «Сев. пчелы» в перечне длинного ряда приговоров за разные политические преступления в Юго-Западном крае между всякого рода невероятными курьезностями напечатано: «Дворянин Подольской губ. Густав *Соботкевич*, 44, обвиненный в принятии *революционной* должности опекуна над семействами окомпрометированных лиц».

После этого уж наши опекунские советы — не якобинские ли клубы?

УБИЙСТВО В СИМБИРСКЕ

Из двух солдат, расстрелянных в Симбирске после пожара, один был расстрелян (это было напечатано во всех русских газетах) за кощунство и за то, что он после пожара говорил, что «поляки, единомышленники его, выжгут не знаю что».

Это называют зажигательством.

ПРАВЫ МОЛОДЕЖИ ИСПРАВЛЯЮТСЯ

В одной из последних книжек «Библиотеки для чтения» мы с великим удовольствием прочли, что г. N., один из «наших молодых людей, посланных или поехавших за границу для *настоящих* занятий, возвращается с магистерской диссертацией о *праве наказания*. Он будет защищать это право».

ИЗ ГРУЗИИ

Барон Николаи, при открытии в Тифлисе заседаний комиссии судебной реформы для Закавказского края, начал свое председательство этой комиссии речью, в которой сказал: «Господа, грузинский народ не имеет и мысли *требовать* каких бы то ни было *политических реформ*, да и не нуждается в них... Суд присяжных есть установление *чисто политическое* (!), для пользования благами которого *грузинский народ еще не созрел*» (!).

Из этой речи ясно только то, что благородный барон ни по нравственному чувству, ни по пониманию вещей сам не созрел ни до какого участия в общественном деле.

ПРОДОЛЖЕНИЕ КАЗНЕЙ В ПОЛЬШЕ

В Минском уезде повешен шляхтич *Телесфор Холев*. Казни эти после совершенного одоления имеют характер невыносимой гнусности и беспредельного зверства.

РОЗГИ В ОСТЗЕЙСКИХ ПРОВИНЦИЯХ

Розги в *остзейских провинциях* процветают, последние состоявшиеся цены очень сходны — 2 коп. сер. за удар. В «Эстляндских ведомостях» пишут, что «до общего изменения судебной части остаются в силе наказания *60 ударов розгами*, арест до 7 дней и штраф до 12 руб.» Это право предоставлено судьям земской полиции, а общинной дано право на 30 ударов. В тех же случаях, когда возможна замена наказания штрафом, *10 ударов розог* должны равняться *20 коп. штрафа*. Какое варварство и какой цинизм! Кто лучше — немцы или пражительство?

<«МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»>

«Московские ведомости» перепечатали из «Варшавского дневника» перечень лиц, будто бы удержавших значительные суммы общественных денег во время восстания в Польше. Первый лист содержит только имена поляков, участвовавших в восстании. Ждем второго, в нем, вероятно, будет такой же

реестр о русских «задержаниях, уклонениях, употреблении казенных сумм» во время восстания. Лист этот, как следует, начнется с Муравьева, который *не хотел* отдать отчета в *семи миллионах* руб., им взысканных. Для сравнительной статистики преступлений такого рода перечень не лишена интереса.

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР ЗА НАРУШЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Николай *Орлен*, мещанин, отданный под военный суд в Каменце-Подольском *за дерзость* против караульного офицера приговорен к смертной казни председателем штаб-офицером *Велосукинским* после гласного суда и несмотря на защиту г. Макарова, доказывавшего, что Орлен был в нетрезвом виде, когда бросился на офицера «с намерением его ударить», но был оставлен солдатами.

QUASI-ПАВЛОВСКАЯ СЕНТЕНЦИЯ

По известиям из Москвы, смотры и парады, назначаемые государем, следуют один за другим. На одном из таких парадов Александр II замечает одного офицера, осмелившегося явиться не в указной форме. Поручив вел. кн. Михаилу осведомиться о причине такого преступления, он узнает, что офицер по крайней бедности имел только два мундира, из которых один совершенно промок на параде же, а другой не соответствовал новой форме. А так как офицер не хотел не быть на параде, то и явился в последнем мундире. На это государь приказал посадить офицера (*за то, что он беден*) на 14 дней под арест и в то же время выдать ему (*ради его бедности*) 150 руб. сер. для парадного мундира, соответствующего форме.

ТАКСА ЗА ДОНОСЫ

В «*Dziennik's*» было опубликовано, что всякий указавший на кого-либо, подлежащего рекрутству и желающего от него отделаться, получает за то 10 руб. сер., к какому бы сословию ни принадлежал, т. е. к военным или к штатским. Выплачивание этих 10 руб. не сопряжено ни с какими формальностями и делается тотчас же в округе, где случился донос. Военные начальники каждого места должны озаботиться, чтобы гражданские чиновники при уплате за доносы не делали затруднений. Эта публикация сделана по распоряжению главного директора внутренних дел в Царстве Польском, либерала

Черкасского. Особенно характеристичны те моральные основания, по которым полагается плата за доносы: если теперь число подлежащих военной службе окажется довольно велико (говорится в начале приказа), то в следующем году понадобится уже гораздо менее рекрутов.

ВСЯКИЙ РАССТРЕЛИВАЕТ

Исправляющий должность нижегородского генерал-губернатора утвердил смертный приговор военного суда над двумя крестьянами *Юнисовыми*, и 10 сентября *Юнисовы* были расстреляны.

ЛУКАШОВ И МАСЛОВСКИЙ

В «Русском инвалиде» пишут, что из партии *политических преступников*, в числе 76 человек следовавших в г. Иркутск, 2 сентября, во время ночлега в Тельнинской фабрике, бежали два политических преступника — *Никифор Лукашов* и *Александр Масловский*. Кто они, за что были судимы, где, когда? Не явное ли это доказательство, что правительство *втихомолку* губит множество людей под предлогом политических преступлений? Не убеги *Лукашов* и *Масловский*, кто бы знал о их ссылке?

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

1864

ПИСЬМА К ПРОТИВНИКУ

Письмо 1

М. Г. — или что-нибудь —

Трудно себе представить двух человек, которых весь нравственный быт и строй, все святое святых, все идеалы и стремления, все упования и убеждения были бы до такой степени противоположны, как у меня с вами. Мы люди разных миров, разных веков, и при всем том и вы, и я, мы служим *одному делу*, преданы ему искренно и такими признаем друг друга.

После ряда свиданий с вами я некоторое время не мог привести в порядок мыслей — едва теперь я прихожу в себя. Приемы были слишком крепки и требовали долгой работы, чтобы дойти до свободного обдумывания.

Вы указали некоторые ошибки наши, — я стремлюсь их исправить — вы заставили меня подумать о слабых сторонах нашей деятельности, — я постараюсь укрепить их для того, чтобы быть еще большим и сильнейшим противником того направления, которое вы защищаете. Оно имеет верх, сила с его стороны, оно может быть объяснено, имеет достаточные причины, но не нравственное оправдание. Да оно же ему и не нужно, как не нужно всякому катаклизму или напору стихий.

Из глубины моего сердца, из глубины моей совести подымается крик протеста против террора в Польше, против гонений внутри России, против казней, против добиваний после победы. Я все это считаю не только ненужным, но вредным.

Я вас слушал честно и добросовестно, но вы не убедили меня, и это не личное упрямство, не упорство партии. Это-то именно я и хочу вам доказать.

С самого начала мне, кажется, следовало бы сказать, в чем мы *согласны* с вами, в чем у нас есть *общая истина, общая любовь*. Если б их не было, то о чем же нам было бы и говорить?

Я знаю, что вы не допускаете возможности разными путями доходить до одной истины, как все люди религиозные. Но история и наука против вас; они вам показывают на каждом шагу, что каким бы ломаным, кривым, фаптастическим путем ни открывалась истина, однажды сознannая, она освобождается от путей и получает признание помимо их. По системе Тихо Браге доходили больше мудренным путем до тех же законов движения планет, как по системе Коперника.

Практический вопрос не в точке отправления, не в личном процессе, не в диалектической драме, не в логическом романе, которым мы отыскиваем истину, а в том, *истинна ли истина*, которая становится нашей плотью и кровью, практическим основанием всей жизни и деятельности, и истинны ли пути, которыми мы осуществляем ее.

Действительно, слова «драма» и «роман» идут к процессу роста живых учений.

Вспомните, как мы встретились с вами двадцать лет тому назад, в двух противоположных станах и тотчас вступили в состязание. Как два бойца, мы переменили в продолжительном бою не только места, но [схватились не за свои] перемешали орудия, вы и ваши друзья сделались западными террористами, защитниками петровской империи, даже дворянской цивилизации; а мы, отрекаясь от кровавых прогрессов, от поглощающего государства, стоим за народ, за общину, за право на землю. Ваши друзья за Петербург — мы за — нет, мы не за Москву, мы за село. При этом кружении около одной точки, при этом обмене сторон и оружий, что же осталось неизменным? Именно *эта точка*.

Об ней-то позвольте мне сказать несколько слов.

Мое воззрение вам известно — я думаю, что знаю ваше. Точка, оставшаяся господствующей осью, около которой прошла наша жизнь от отрочества до седых волос, это наше отношение к русской земле, к русскому народу, *вера в него, любовь к нему* (я ее, как «День», никак не смешиваю с патриотизмом, с этой, больше и больше ненавистной мне добродетелью). Любовь деятельная, стремящаяся во что б ни стало облегчить труд его развития, участвовать в его судьбах и ставить целью своей жизни его благосостояние. Любовь наша не только физиологическое чувство племенного родства — нет, она тесно соединена со всеми нашими стремлениями и идеалами, она оправдана верой и разумом, она имеет основу ширшую, чем случайность месторождения.

Для вас русский народ по преимуществу народ *православный*. Что он для меня — позвольте мне сказать в нескольких словах.

〈Два черновых отрывка〉

〈1〉

... не оттого ли, что [ни у которого из] у меня нет *дирек-〈торского〉* мундира и я не получаю жалованья хо〈ть〉 из синода за мою духовную работу? Что же тут странного, что последридцатилетней службы одной идее, проповеди одного убеждения молодые люди, разбуженные, может, [нашим] моим словом, обратились ко мне, мучимые горестным противуречием долга человеческого со служебным долгом?

[Я был глубоко тронут их доверием, но я его заслужил]. [Я не успел порядком] Вслед за письмом, прежде чем мы успели обдумать ответ [офицерам], [клавший на нас большую ответственность, как страшная весть грозно], страшная [черная] весть напомнила нам, с каким зверем [мы] они имеют дело.

За пропаганду между солдатами, за дерзкие речи и «превратные толкования» 16 июня 1862 были *расстреляны* Арнгольдт, Сливцкий и Ростковский. Рядовой Щур прогнан сквозь строй, поручик Каплинский сослан на каторжную работу. Малодушное, уклончивое бегство государя от ответственности предоставления права казни военным начальникам, как будто не все равно пером или Лидерсом утверждать приговоры, поразило не меньше самой несоразмерности вины с казнью.

Ошибиться было невозможно — правительством одолевал больше и больше страх, раздутый николаевцами и журнальными алармистами, — он свел его с ума. [Оно само...]

〈2〉

У русского народа есть земля под ногами и эта земля его, а у кого есть земля, у того есть кусок хлеба не только сегодня, а и в будущем. Это главнейшее условие развития. У русского народа есть община, самобытная, на выборном начале основанная, у русского народа рядом с его понятием о праве на землю есть общинное владение, круговая порука и подворная артель. Чего нельзя развить на этих основаниях?

Отчего же так мало развилось, так туго развивается?

Оттого, что разум человеческий вообще не больше полувека стал понимать этот порядок истин, а тут своя круговая порука между теоретической мыслью рода и способностью ее принять отдельного народа. Русь — народ, позже являющийся в историю, народ полевой, крестьянский, народ чернозема. Наша почва моложе. Государство накрыло деревню — как завоевание, но не раздавило ее, деревня прозябала подснежным зерном. Государство, перейдя из московского в европейское, стремилось

перенести западные формы [ничего не имело общего с народом], хотело нам привить чужую традицию, создать нам воспоминания памятника и взяло самую поверхностную и бесчеловечную часть ее, оно стало абстрактным самовластьем, в России Европа могла катиться на последний вывод — оно не вселило ни понятия о законности, ни прав, ни юриспруденции, ни цивилизации, это была администрация, полиция и страшная военная сила — благодаря неисчерпаемым силам народа.

Правительство создало себе другую Россию, в ней жило и двигалось, употребляя за топливо [за почву] Русь народную. Народ оставался в стороне — под двумя рабствами казенного и крепостного права. Упрек, что он ничего не делал — несправедлив. Не говоря о том, что невежество — слабость. Его с земли не сгоняли гулом. Но главное — разум человеческий, сама цивилизация не ставила вообще так вопроса, на котором мог двинуться наш частный вопрос, а до остальных ему не было дела. Свое неудовольствие он показал Пугачевым. Это июньские дни его без плана и стало быть без возможного успеха, его полная невозможность дольше терпеть, это акт отчаяния.

Об освобождении с землей начали говорить в сороковых годах. Всякое политическое движение, до того времени сделанное, привело бы к личному освобождению и максимум к прусской или австрийской конституции. Освобождение с землей не было бы сделано дворянством — его могло сделать или восстание или царская власть. Случилось последнее. Может, тем лучше, потому, что не лилась кровь.

〈ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?〉

С другой стороны, является народ 1812 года *〈Далее идет знак вставки, которая отсутствует〉*.

В личной жизни человека и в жизни народов есть роковые минуты, в которых полная откровенность необходима и правда, вся правда становится обязанностью.

Из-за веры в Запад Польша пренебрегла нами [пренебрегла восходящими силами России], не знала [их] ни нашей силы, ни нашей слабости, искала [простой] заговор там, где работала и перерабатывалась мысль [о будущем устройстве], идущая дальше всякого заговора, и не узнала силы потому, что искала строя *〈далее — не дописано〉*.

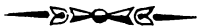
Из-за веры в прошедшее она пренебрегла грядущим, мощам дала первое место, а не колыбели. Она говорила об исторических правах, которые исторически перестали существовать, в то время как надобно было проповедовать уничтожение

последней и нелепейшей исторической преграды — петербургского управления. Польша была так мало современна, так исключительно жила в мире своих мечтаний, что она не знала, что на Западе нет ни одного верования, ни одной идеи, ни одного стремления, ни одной ненависти, из-за которых бы он взялся за оружие, что времена всякого рода крестовых походов миновали и Англия с Францией сошли на второй план.

Мы смотрели на Запад [равнодушнее], как смотрят посторонние и пришлецы. Мы жили его умом, но не жили его жизнью, мы его наукой учились понимать и его и себя, и там, где поляки верили с увлечением, верили, не замечая основного противуречия между католицизмом и революцией, мы качали головой и клали персты в раны.

[Вот причина, почему нас падение Европы, дошедшей до прусско-австрийской гегемонии, оставляет равнодушными. Что нам за дело, что Англия, в качестве христианской державы получивши в одну ланиту удар Горчакова, подставила другую Бисмарку; что Наполеон глубокомысленно молчит, повторяя изредка сакраментальное слово: «Конгресс! Конгресс!» Что нам за дело, что Германию завтра разделят между застарелой монархией и капральским королевством. Мы от Запада — государственного никогда ничего не ждали, да и от западных народов не больно много. Мы на Западе уважали его науку и его воспоминания, и говорили с самого начала полякам: не верьте, не верьте в них.]

Если б мы могли остановить их — какие усилия мы ни употребляли, убедить их было невозможно, но дело сделано — и не можем же мы вечно остаться плакальщиками на кладбище. Жизнь и сила не удовлетворяются ни слезами и сетованиями, ни ненавистью и бранью.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**КОРРЕСПОНДЕНЦИИ И МАТЕРИАЛЫ,
ОБРАБОТАННЫЕ В РЕДАКЦИИ «КОЛОКОЛА»**

1865

МОСКОВСКАЯ ПЫЛЬ

(Торговля детьми.— Лечение от удара по методе квартального.
— Разбойники в штате полиции.)

(Из письма к нам)

В Московском воспитательном доме дают детей на воспитание старым женщинам, ходящим по миру. Им раздаются те дети, при доставлении которых ничего не прилагают в пользу чиновников, заведывающих этим отделением, а те дети, при которых прилагается благодарность, отдаются по деревням. На улицах часто встречаются старухи лет в 60 и больше с грудными детьми, которых они кормят жеваным хлебом,— большей частью это все питомцы воспитательного дома.

11/23 апреля лаборант Московского университета, коллежский советник Я. Данкварт, проходя Леонтьевским переулком, упал пораженный ударом и был взят в Тверскую часть в 9 ч. вечера. Там он пробыл всю ночь без медицинской помощи, только дежурный квартальный, считая его пьяным, сунул ему в рот селедку. Впрочем, у Данкварта, отправленного на другой день в полицейскую больницу, где он и умер, не нашлось ни золотых часов с цепочкой, ни денег, ни даже обручального кольца, зато кусок селедки остался во рту.

«Моск. ведом.» известили о благополучном открытии усердием и преданностью разных квартальных каких-то разбойников, намеревавшихся ограбить дом. Полиция схватила преступников в то время, как они хотели взойти в дом. Все это хорошо, но зачем «Моск. ведомости», по чувству понятной скромности, скрыли, что двое разбойников были солдаты, а третий — *городовой из Рогожской части?*

В Москве есть целые части, где нет мытищинской воды, именно: в Якиманской, Пятницкой, Серпуховской. Туда в фонтаны проведена москворецкая вода (большая польза живущим около этой реки). Округ отказывается провести мытищинскую воду за недостатком воды в резервуаре, а в то же время дает дозволение проводить воду в бани и берет за это деньги, и во всех банях, где проведена мытищинская вода, кроме дозволенного крана, есть еще секретные краны, так что где дозволено брать 1000 ведер в день, там берут 4000. Поэтому жители Москвы и должны пить вредную речную воду, а это начальству водопроводов дает 10 000 руб. сер.

ЕЩЕ О Я. ДОМБРОВСКОМ

В прошлом листе мы поместили два письма Домбровского, теперь берем из «Ойчизны» (№ 53) следующие подробности о его спасении:

«Домбровский был до восстания капитаном генерального штаба и квартирмейстером варшавского гарнизона; вследствие различных подозрений и доноса шпионов 13 августа 1862 г. он был арестован. Следственная комиссия главным образом обвиняла, или, лучше сказать, подозревала его в том, что он был начальником города Варшавы и вместе главным организатором вооруженного восстания в Польше, а также что он с давних пор ревностно трудился в деле освобождения польского и русского народа. Присутствие духа, логическая защита, а частью любовь и дружба прежних товарищей были причиною, что следственная комиссия, не имея никаких доказательств, оправдала его.

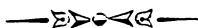
Мнение военного суда не понравилось Бергу; он не утвердил его, перечеркнул протокол и велел остановить дело, предоставляя времени разъяснение его. Грязные и темные стены десятого павильона варшавской цитадели были жилищем Домбровского в продолжение 13 месяцев.

Когда восстание стало клониться к упадку, во время одного боя в Литве взят был в плен в ноябре 1863 г. бывший инженерный офицер Миладовский, который *под пыткой* сознался перед следственною комиссиею, что Домбровский, находясь в Петербурге, был главным агентом Центрального народного комитета и основателем обществ военных с целью приготовления офицеров к народной службе и что в конце 1861 года был призван Комитетом в Польшу для организации вооруженного восстания. Вследствие этого приказания Домбровский выхлопотал будто бы, чтоб его послали в западную армию для состояния по особым поручениям при 2-м корпусе, а потом о назна-

чении квартирмейстером варшавского гарнизона; наконец, он показал, что Домбровский сделан был членом Центрального народного комитета и, пользуясь своим положением, доверием и уважением товарищей и соотечественников, стал в главе глубоко пустившего корни в войсках заговора, который имел целью занять перед восстанием варшавскую цитадель и Модлин, но что это ему не удалось исполнить вследствие неожиданного арестования Арягольдта, Сливицкого, Каплинского, Ростовского и других офицеров. Муравьев, получив это признание, потребовал у Берга немедленной выдачи ему Домбровского для исполнения над ним смертного приговора. Берг, будучи в дурных отношениях с Муравьевым, отказал ему в этом удовольствии и приказал следственной комиссии вновь пересмотреть дело Домбровского и судить его полевым уголовным судом. Военный суд приговорил его к смертной казни, но приговор был заменен Бергом 15 годами каторжной работы в Сибири, на лишение всех прав состояния, орденов и конфискацию имущества. 18 ноября 1864 года приговор был прочитан Домбровскому, и в обществе с лишком ста человек его отправили в Сибирь. Между тем в виленской цитадели О. А., упавший физически и нравственно от долгого заключения и инквизиции, подтвердил показание Миладовского. Тотчас же Муравьев выслал *курьера в Сибирь* за Домбровским и властью, ему данною, приговорил его к смерти. Но все его усилия были напрасны. Домбровский, пользуясь сочувствием сельского населения, на дороге успел достать женскую крестьянскую одежду и, дождавшись удобной минуты, не замеченный ни товарищами, ни стражею, бежал с Каламанного двора, окруженного русскими штыками. Бегство было исполнено за три дня перед банею, которая, по словам русских газет, послужила будто ему к бегству без малейшей помощи посторонних лиц.

Русская молодежь, сочувствовавшая ему, спрятала его у себя и облегчила путешествие по России, которое, в видах общего дела, он исполнил после своего бегства. Напрасно бегился г. Катков, напрасно шпионы, для увеличения числа которых Муравьев прислал семь своих. искали его; Домбровский был в совершенной безопасности, среди русских молодых людей, которые притихли под натиском реакции, но остались верными своим убеждениям. Приглашенный на годовщину памяти декабристов, Домбровский участвовал в многочисленном собрании русских, праздновавших память своих мучеников. Домбровский посетил впоследствии разные места, стараясь связать работу русской молодежи с нашими усилиями — настолько, насколько могут быть соединены эти две разные армии, действующие каждая согласно своим целям, но имеющие общего врага.

Домбровский, будучи еще в варшавской цитадели, женился на девице Пелагии Пиотровской. Молодая чета недолго жила вместе. Берг и Трепов для того именно дали дозволение повенчаться в крепости, чтобы потом принужденною разлукою нанести более сильный удар. Через две недели г-жу Домбровскую сослали в Ардатов, дрянный городишка Нижегородской губернии, а его отправили в Сибирь. Домбровский не хотел оставить Россию без жены. Едва возвратившись из путешествия по России в Петербург, он собрал все нужные сведения, касающиеся Ардатова и его окрестностей, отправился в этот город и, встретившись с женою на прогулке, взял ее с собою в Петербург; оттуда поехал в Финляндию и благодаря сочувствию финляндцев счастливо пробрался в Штокгольм.

КОММЕНТАРИИ

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

В разделе «Комментарии» приняты следующие условные сокращения:

1. А р х и в о х р а н и л и щ а

- ЛБ* — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Москва.
ПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград.
ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства СССР. Москва.
ЦГИАМ — Центральный Государственный исторический архив. Москва.

2. П е ч а т н ы е и с т о ч н и к и

- К* — «Колокол».
Л — (в сопровождении римской цифры, обозначающей номер тома) — А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под редакцией М. К. Лемке. П., 1919—1925, тт. I—XXII.
ЛН — сборники «Литературное наследство».
ОК — оглавление «Колокола».
ПЗ — альманах «Полярная звезда».
Письма КТГ — «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену», Женева, 1892.
-

Восемнадцатый том Собрания сочинений А. И. Герцена включает статьи и заметки 1864—1865 гг., в большей части своей впервые опубликованные на страницах «Колокола».

1865 год — историческая дата в издании «Колокола». В мае этого года Вольная русская типография была переведена из Лондона в Женеву, которая являлась в эту пору центром русской революционной эмиграции. План переезда в Женеву возник еще в 1863 г.; в 1865 г. Герцену стала ясна неотложная необходимость переезда. 19 марта 1865 г. он писал Огареву из Парижа: «Всякий раз, когда я бываю на континенте, я больше и больше убеждаюсь в необходимости (для дела) переезда и во вреде, что он не был сделан три года тому назад. Я в Париже и Женеве узнаю в три дня больше новостей из России, чем все мы в месяц узнаем их в Лондоне».

При поддержке оседавшей в Женеве «молодой эмиграции» Герцен надеялся расширить связи с Россией, необходимые для более быстрого получения всякого рода информации с мест и улучшения условий распространения «Колокола». Он рассчитывал на активное участие эмигрантов в изданиях Вольной русской типографии. Однако серьезные разногласия по ряду политических и тактических вопросов между редакцией «Колокола» и «молодой эмиграцией» привели, в частности, к тому, что Герцен и Огарев остались основными авторами статей и заметок, помещаемых в газете. Из представителей «молодой эмиграции» в это время активно сотрудничал в «Колоколе» лишь Н. Я. Николадзе (Рио Нели), более или менее случайными являлись статьи П. И. Утина, Л. И. Мечникова, М. К. Эллидина.

В последние месяцы лондонского периода «Колокол» выходил один раз в месяц (лл. 192—196). В Женеве было налажено ежемесячное издание двух номеров.

Отличительной чертой «Колокола» в 1864—1865 гг. было усиленное внимание его редакторов к большим теоретическим статьям. В этом отношении Герцен шел навстречу желаниям деятелей революционной «молодой эмиграции», ждавшей от «Колокола» уяснения важных вопросов теории и практики общественного движения. 30 марта 1865 г. Герцен писал Огареву: «Всё требуют они общих статей, — статей, так сказать, теоретико-практических, leading'ов, и я думаю, они правы!». Ответственные программные статьи писал для «Колокола» в этот период и сам Герцен («1864», «Письма к будущему другу», «Письма к противнику», «VII лет»,

«1865», «Письма к путешественнику», «К концу года») и Огарев («К одному из многих», «Русские реформы»).

Однако, как и прежде, Герцен продолжал считать важной задачей «Колокола» быстрые отклики на злободневные политические, общественные и литературные события. В тех листах «Колокола» за 1864—1865 гг., которые готовил Герцен, отделу «Смесь» всегда принадлежит значительное место. Находясь часто в разъездах, Герцен был лишен возможности систематически прочитывать русские газеты, но всегда просил Огарева откладывать их для него, не пропуская «ни одного номера» и отмечая все представляющее интерес. Огарев в своих письмах постоянно сетовал по поводу того, что ему иногда приходится подбирать материал для «Смеси», считая это занятие «не своего ума делом». Следует заметить, что в технической подготовке материалов для «Колокола» (вырезки и выписки из газет) принимала участие Н. А. Герцен. 8 августа 1865 г. Герцен писал С. Тхоржевскому: «Если б Тата быстро делала кроки, было бы что поработать».

Как и в предшествующих томах, при установлении принадлежности Герцену тех или иных анонимных заметок 1864—1865 гг. принимались во внимание указания М. К. Лемке на различные материалы документального характера, бывшие в его распоряжении (записки, пометы, письма Огарева, членов семьи Герцена, работников Вольной русской типографии — С. Тхоржевского и Л. Чернецкого). Нынешнее местонахождение всех этих материалов остается неизвестным, однако в тех случаях, когда авторство Герцена подтверждается и другими данными (идейно-тематического и стилистического порядка), указанные мотивировки М. К. Лемке становятся вескими аргументами в пользу атрибуции.

В основном разделе восемнадцатого тома печатаются следующие статьи и заметки, не включавшиеся до сих пор в Собрания сочинений Герцена: «Черкасский-министр развивается», «Liberty in Russia», «Редактору „Le Temps“», «Либеральничанье „Московских ведомостей“», «Предложение Н. М. Смирнова и пр.», «Кончина кн. Е. Оболенского и Бобринцева-Пушкина», «Народная летопись», «Дерущийся по дорогам губернатор и нежный муж», «Chamber of horrors». В этом же разделе печатается ряд статей и заметок, отнесенных в издании под редакцией М. К. Лемке к разряду Dubia: «Нашим библиографам, библиофилам, любителям (борников и исторических документов и пр.)», «Перечень доносов», «Фурии», «Кончина А. Н. Муравьева», «Государь в немилости, первое avertissement Милютину (статскому)», «Пруссия, Россия—ist mir alles gleich, и палки, палки...», «Убийство сумасшедшего», «Августовские адреса», «Нововведение в журналистике», «Издатели „Колокола“ покорнейше просят...», «Русский инвалид», «Логика падения», «Брань на смерть идущим», «Кощунство „Московских ведомостей“ и их такт», «Здоровы ли „Московские ведомости“?», «Polizeiwut», «Балабин и норма», «Второй Муравьев и Александр Второй», «Клеветники», «Русские деньги, польские деньги», «Н. Серно-Соловьевич, П. Ветошников, Н. Владимиров», «Что город, то норов».

«О Народной летописи» (Поправка), «Государственная тайна», «Все еще горит Россия», «Староверы и евреи», «Офицер Бейдеман», «из Сибири и Казани», «Из Петербурга», «Эс-букет Кауфмановского цистеронства», «Режим Кауфмана», «Катков заводит кулачные бои», «Купец Сомов и пр.».

Статья «Русский прогресс», разделенная в издании под редакцией М. К. Лемке на три заметки («Русский прогресс», «Курляндское дворянство», «Журение на улицах»), печатается, в соответствии с ее публикацией в «Колоколе», как единое произведение. Заметка «Письмо из Москвы», помещенная М. К. Лемке в основном тексте, печатается нами, как не имеющая явных признаков авторства Герцена, в разделе *Dubia* (см. комментарий к ней).

В разделе *Dubia* впервые помещено 8 заметок.

В разделе «Редакционные заметки, примечания, объявления» впервые перепечатываются заметки и примечания к 11 публикациям из «Колокола». В издании М. К. Лемке из пяти примечаний к статье Н. И. Утина «Николай Гаврилович Чернышевский» помещено только последнее, подписанное А. Г.

В приложении к тому, помимо публикации «Московская пыль», состоящей из корреспонденций, обработанных в редакции «Колокола» (в издании М. К. Лемке отнесена к разряду *Dubia*), перепечатывается из «Колокола» статья «Еще о Я. Домбровском», представляющая собою перевод и обработку материалов, напечатанных в польской газете «*Ojczyzna*».

В разделе «Другие редакции» впервые публикуются по автографу ранние черновые отрывки «Писем к противнику» и «Что же дальше?».

Текстологические комментарии к произведениям настоящего тома составили М. А. Соколова (1864 г.) и Л. Д. Опульская (1865 г.), при участии Л. Я. Гинабург («Новая фаза в русской литературе»), Л. Р. Ланского (открытые письма на французском языке) и Г. И. Месяцовой («Свобода в России»).

Реальные комментарии: К. И. Бонцкий («Н. Г. Чернышевский», «Новая фаза в русской литературе»), Э. С. Виленская («1864», «П. А. Мартыанов и земский царь», «Сплетни, копоть, нагар и пр.», «Письма к будущему другу», «VII лет», «Письма к противнику»), Е. Н. Дрыжакова («Письмо к издателю», «От издателей» («Инвалид» напечатал»), «В редакцию „Инвалида“», «Агентство Герцена в Тульче и „Московские ведомости“», «Первая ретирада», «Письмо к издателю „Отголосков“», «Ответ на предложение „Московских ведомостей“», «Агентство в Тульче», «Поджигатели и подлецы»), В. И. Лазерсон («Прививка конституционной оспы», «Письмо к императору Александру II», «К концу года»), С. Д. Лицинер («Письмо к Гарибальди»), С. Д. Лицинер и Л. Д. Опульская (справка о В. К. Бодиско, как адресате «Писем к путешественнику»), И. В. Порож («Кончина кн. Е. Оболенского и Бобринцева-Пушкина», «Нашим читателям», «Дело Серно-Соловьевича», «Офицер Бейдеман», «Болтовня с дороги», «Потоки крови в Тифлисе», «Неудачная прогулка,

стойшая двух судов», «Из Сибири и Казани», «Убили», «Две кончины», «Убийства своим чередом», «Отец Мартынов и отец Самарин», «Дело Н. Г. Чернышевского <Примечание>», «Объявление» («„Колокол“ на 1866»), *В. В. Пугачев* («1865», «П.Ж. Прудон», «Русский прогресс», «Киевлянин»), *Л. И. Ройтберг* («Перечень доносов», «Загадка для Нового года», «Шпионы», «3/70 копейки с души», «Портрет Муравьева», «Русская конституция и английский журнал», «Татьянин день», «Убийство сумасшедшего», «Августовские адреса», «Новости заграничные...», «Графиня Антонина Блудова и Матфей Хотинский», «Издатели „Колокола“ покорнейше просят...», «Иосиф Янковский», «Умиротворение Литвы, успокоение Польши», «Освобождение крестьян в Польше», «Брань на смерть идущим», «Запрос „Дню“», «Кн. В. Черкасский», «Отечественные маргаритки», «Балабин и норма», «И. И. Кельсиев», «Петербургская Агриппина», «Плач „Московских ведомостей“ о Шварце, равнодушие к Пейкеру», «Императорские санкулотиды», «Штабс Михно», «Второй Муравьев и Александр Второй», «Приговор Трувеллера», «Клеветники», «Что же дальше?», «Царские подарки к Новому году», «Поправка», «Злодействия поляков и „примерное самоотвержение русского протоиерея“», «Мы с нетерпением ждем „Европейца“», «Околица Ибяны», «Уведомление» («Письмо, в котором говорится...»), «Рожновские политические понятия», «Австрия на коленях», «Письмо из Москвы», «Казни русских», «Благодарность за плодородие», «Земля и Липранди», «Из Польши», «40 000 сер.», «Убийство в Сямбирске»), *Т. И. Усакина* («Письма к путешественнику», «Поцелуй Кауфмана», «Первое запрещение, первое предостережение, первый суд!»). Комментарии к остальным заметкам подготовила *Г. И. Месяцева* при участии *А. М. Малаховой*.

СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА» И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1 8 6 4

1864

Печатается по тексту *К*, л. 176 от 1 января 1864 г., стр. 1445—1446, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р*. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Статья, намечавшая, в условиях победившей реакции, «середь мрачной ночи», программу «Колокола» на 1864 год, находится в прямой связи со статьей Герцена «В вечность грядущему 1863 году» (см. т. XVII наст. изд.). Характеризуя новый этап в развитии освободительной борьбы в России, обусловленный политическим размежеванием двух лагерей, Герцен пришел к выводу, что отход «мертвых», т. е. деятелей либерально-монархического фланга, не ослабил, а укрепил освободительное движение, очистил его от «слабых, шатких, мелких, робких». Изменившиеся условия определили главную задачу «Колокола» в отношении к демократическим кругам передового русского общества — призыв к «общему труду», «к делу и борьбе». Этот призыв означал поддержку прежде всего революционной деятельности русской разночинной интеллигенции.

С ориентацией на молодое поколение революционеров-разночинцев особое значение приобрела старая социальная теория Герцена — «русский социализм». Она стала открытой программой «Колокола». Это определялось, прежде всего, тем, что круг передовых читателей, к которому обращался Герцен, в значительной мере опирался на ту же самую веру в крестьянскую общину как в зародыш социализма, что и сам Герцен. Сохранение общинного строя после реформы 1861 г. казалось верной гарантией дальнейшего развития общины по социалистическому пути. «На этом глубоком сознании нашей свободы и соответствии наших стремлений с бытом народным, — пишет Герцен, — неизбежно основана наша вера, наша надежда».

Написанная в трудную пору, которую переживала тогда освободительная борьба в России, статья Герцена пронизана революционным оптимизмом, уверенностью в том, что «перед нами светло и дорога пряма». Ср. слова Герцена о «началах, глубоко заключенных в быте народном, на которых основано наше упование», в написанной через год статье «1865» (стр. 313 наст. тома).

Стр. 7. «Пять лет мы без устали в деле!» — Заключительные слова из передовой статьи «Колокола», л. 175 от 15 декабря 1863 г., — «В вечность грядущему 1863 году» (см. т. XVII наст. изд., стр. 296).

...полицейского содержателя публичного листа в Москве... — Герцен имеет в виду М. Н. Каткова, издателя «Московских ведомостей».

Стр. 8. . . . общины с в я т ы х б е з у м ц е в... — О «великих безумцах», «святых Дон Кихотах революции» см. в «Концах и началах» Герцена, т. XVI наст. изд.

Стр. 9. . . . империя «фасад»... — Империей фасадов назвал Россию маркиз де Кюстин в книге «La Russie en 1839» («Россия в 1839 году»). Ср. запись Герцена в дневнике от 26 октября 1843 г.: «Всего лучше он <Кюстин> схватил искусственность, поражающую на каждом шагу, и хвастовство теми элементами европейской жизни, которые только и есть у нас для показа. Есть выражение поразительной верности: „Un empire de fa-sades... la Russie est policée, non civiéisée“» (т. II наст. изд., стр. 311).

...два уважаемых всей Англией бойца ∞ сторожевой лай... — 24 ноября 1863 г. в одном из центров манчестерского промышленного района Рочделе состоялся митинг, на котором выступили основатели «Лиги борьбы против хлебных законов» Ричард Кобден и фабрикант Брайт, коснувшиеся многих вопросов внутренней и внешней политики Англии. Под «Цербером-капитала и монополии» подразумевается правительственный официоз «The Times».

...Кобден, этот испытанный вождь торговой свободы ∞ Corn law? — Кобден возглавлял движение сторонников свободы торговли — «фритредеров», в котором участвовали и чартисты. В конце 1847 — начале 1848 г. в Брюсселе состоялся интернациональный конгресс фритредеров, на котором выступил Карл Маркс с «Речью о свободе торговли» (9 января 1848 г.). Вскрыв буржуазный характер борьбы за отмену хлебных законов (высоких пошлин на ввозной хлеб) и показав, что удешевление хлеба преследует интересы промышленной буржуазии, но не улучшает положение рабочих, Маркс вместе с тем подчеркнул, что «система свободной торговли ускоряет социальную революцию», так как «доводит до крайности антагонизм между пролетариатом и буржуазией» (К. Маркс и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, изд. 2-е, т. 4, М., 1955, стр. 418). Corn law — хлебный закон (англ.).

П. А. МАРТЬЯНОВ И ЗЕМСКИЙ ЦАРЬ

Печатается по тексту К, л. 176 от 1 января 1864 г., стр. 1448—1450, где опубликовано впервые, с подписью: И — р. Автограф неизвестен.

П. А. Мартьянов, бывший крепостной графа А. Д. Гурьева, осенью 1861 г. приехал в Лондон, где познакомился с Герценом. В эмиграции Мартьянов занялся изучением вопросов политического и государственного устройства России. Свои политические взгляды он изложил в письме к Александру II, написанном 3—15 апреля 1862 г., и в брошюре «Народ и государство», напечатанной в Вольной русской типографии в конце того же года. Письмо, отправленное по почте на имя царя и опубликованное в «Колоколе» (л. 132 от 8 мая 1862 г. и вторично в л. 178 от 1 февраля 1864 г.), содержало резкую критику русского государственного строя и развивало идею внесословной народной монархии во главе с земским царем. Эта идея в утопической форме отражала демократические чаяния крестьянства с его царистскими иллюзиями. В брошюре «Народ и государство» Мартьянов писал: «Народ, это — то, что эксплуатируют, это *земство*, которое гнетется *государством*» (стр. 8). Свою брошюру Мартьянов заключал выводом о необходимости уничтожения (вернее самоуничтожения) «государственного стана» и превращения государственной власти во власть

правительственную, «сообразную с духом, ростом и потребностями народа, самоуправляющегося посредством представительной формы правления с Великою Всенародною Земскою Думой во главе, как выражением союза и неразрывного единства всего мира славянского» (стр. 67).

При возвращении в Россию в апреле 1863 г. Мартянов был арестован и приговорен Сенатом к каторжным работам сроком на пять лет. Приговор, вынесенный Мартянову, был настолько чудовищным, что даже Ю. Ф. Самарин, резко осудивший письмо Мартянова, не мог верить, что такое письмо могло повлечь за собой ссылку в каторжные работы. «Одно из двух, — писал он Герцену 3 августа 1864 г., — или Мартянов не на каторге, или он сослан не за это письмо, а за другое дело, и вам и мне неизвестно» («Русь», № 1 от 3 января 1883 г.).

Статья Герцена, раскрывая новое преступление самодержавия, одновременно была направлена и против славянофилов — «проповедников русско-царской демократии». В идее «земского царя» Герцен видел тем более вредную фантазию, что, в противовес Мартянову, ее легальные сторонники шли «не в каторжную работу, а вверх по службе». Он разоблачил как «отвратительнейшую демагогию» славянофильскую проповедь о том, что «Россия представляет какую-то демократическую империю, какое-то царство равенства и масс», что она «борется с Польшей во имя крестьянской свободы против помещиков и пр.». Реакционная ложь этой проповеди становилась особенно наглядной в свете трагической судьбы, которая постигла Мартянова за его наивную веру в «земского царя».

Стр. 11. *«Признав его ∞ порядка управления»*... — Герцен цитирует определение Сената по делу Мартянова от 5 мая 1863 г. Определение частично опубликовано в книге Мих. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», СПб., 1908, стр. 354—356.

Стр. 13. *...старую барыню, описанную Диккенсом...* — Бетси Тротвуд — персонаж романа Диккенса «Давид Копперфильд».

Стр. 14. *Человек едет где-нибудь в Говенской, Минской губернии ∞ пышных панских палат...* — Намек на «Дорожные заметки» М. Ковальского («Русский вестник», 1863, № 7, стр. 191—206), в которых автор описывал впечатления от своей поездки по белорусским губерниям в 1863 г.

...северночельский Бабёфов и «дневных» Гракхов... — Имеется в виду издатель реакционной петербургской газеты «Северная пчела» П. С. Усов; «дневной» Грах — издатель московской славянофильской газеты «День» — И. С. Аксаков.

Стр. 15. *Вот еще приговор ∞ подробности дела г. Муравского.* — Дело М. Д. Муравского было изложено в корреспонденции, помещенной в следующем, 177 листе «Колокола» (см. в наст. томе вступление к заметке «М. Муравский»). В 1855 г., будучи студентом Харьковского университета, М. Д. Муравский принял участие в организации тайного студенческого общества (затем действовавшего в Киеве), был исключен из университета и выслан в Оренбургскую губернию. В 1862 г. был арестован в связи с «процессом 32-х», так как при аресте Н. А. Серно-Соловьевича и П. В. Завадского были найдены письма Муравского. За действия, имевшие целью «возбудить к бунту против власти верховной», и «выраженные им в данных следственной комиссии показаниях дерзкие отзывы о личных качествах государя императора и об управлении его государством» Муравский был сослан в Александровский завод Нерчинского горного округа (Мих. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», стр. 277—331).

НАШИМ БИБЛИОГРАФАМ, БИБЛИОФИЛАМ, ЛЮБИТЕЛЯМ СБОРНИКОВ И ИСТОРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ И ПР.

Печатается по тексту *К*, л. 176 от 1 января 1864 г., стр. 1450, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОЖ* озаглавлено: «Г. г. библиофилам». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется ответственным редакционным характером заметки («Мы обращаем внимание г.г. библиофилов...»; текст заметки был дважды перепечатан в «Колоколе» — л. 177 от 15 января 1864 г., стр. 1460 и л. 179 от 15 февраля 1864 г., стр. 1476), а также ее непосредственной связью с другими статьями Герцена 1863—1864 годов по поводу «адресобесия» в России и сбора средств для подношения иконы Муравьеву-Вешателю (см. «Один покраснел», «Адресоложество», «Граф Амурский» — т. XVII наст. изд.).

Упоминание о «знаменитом пожаре в Петербурге, по которому не найдено ни одного зажигателя», продолжает тему многих аналогичных запросов и реплик Герцена в его публицистике, начиная с 1862 г. (см. «Зарево», «Отчего правительство притаилось с следствием о зажигательствах?», «Третий раз спрашиваеммы...», «Четвертый запрос от издателей „Колокола“» в т. XVI наст. изд. и др.). Характерны для стиля Герцена ироническое замечание об «архистратиге Михаиле», высказанное по адресу Муравьева (ср. также в статье «Один покраснел» — т. XVII наст. изд., стр. 302, и в статье «Графиня Антонина Блудова и Матфей Хотинский», наст. том, стр. 58), противопоставление *отцов* и *детей*, использующее заглавие романа И. С. Тургенева (ср. в статьях «1831—1863», «Россиада» — т. XVII наст. изд., стр. 110, 171, «Портрет Муравьева», «Поправки и дополнения» в наст. томе, стр. 34, 327), а также сатирически заостренные строки об «отхожей журналистике» и «шпионах-литераторах».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XVII, 10—11).

Стр. 16. ...подписывавшихся на сооружение иконы, храма во имя несчастного Архистратига Михаила... — В благодарность за подавление восстания 1863 г. в Литве М. Н. Муравьев получил из Петербурга «по общественной подписке» икону архангела Михаила, поднесенную ему вместе с письмом-адресом. Ответ Муравьева на это письмо был напечатан в «Московских ведомостях», № 250 от 16 ноября 1863 г.

...с знаменитого пожара в Петербурге... — Герцен имеет в виду майские пожары 1862 г. (см. заметку «Зарево», т. XVI наст. изд.).

ПЕРЕЧЕНЬ ДОНОСОВ

Печатается по тексту *К*, л. 176 от 1 января 1864 г., стр. 1450, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется тематикой заметки: полемикой с Катковым, который в публицистике Герцена, начиная с 1862 г., является предметом постоянных разоблачений и насмешек (см., например, статьи «Сенаторам и тайным советникам журнализма», «Дурные оружия» — т. XVI наст. изд., «Донос или не донос?», «Донос на „СПб. ведомости“» — т. XVII наст. изд. и комментарий к ним), а также непосредственной связью данной заметки с высказываниями Герцена о доносах Каткова, отношениях с ним Головнина и критике Катковым вел. князя Константина Николаевича за его якобы либеральную политику в Польше, имеющимися в фельетоне «Болтовня с дороги» (см. наст. том, стр. 411—412). «Страшная сила „Московских ведомостей“ (<...> в доносе), — писал Герцен в статье «Новая фаза в русской литературе» (см. наст. том, стр. 208).

См. также о «доносах» Каткова и его выпадах против «либерализма» вел. князя Константина Николаевича и Головнина в статьях наст. тома

«Сентиментальный взгляд назад» (стр. 32), «Отечественные маргаритки» (стр. 223), «На III отделение III с четвертью» (стр. 263), «Правительственная агитация и журнальная полиция» (стр. 269—273) и др. В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia*. (Л XVII, 12).

Стр. 17. ...*доносы на Финляндию, Трубникова и Гильфердинга*... — Имсеется в виду передовая статья газеты «Московские ведомости», № 258 от 27 ноября 1863 г., посвященная выступлениям депутатов Финляндского сейма и газеты «Helsingfors Dagblad», требовавших государственной самостоятельности Финляндии. В № 269 «Московских ведомостей» от 11 декабря 1863 г. был напечатан ответ «Helsingfors Dagblad» на эту статью.

В передовой статье «Московских ведомостей», № 261 от 30 ноября 1863 г., критиковались выступления «Биржевых ведомостей» (редактор К. В. Трубников) относительно положения русских финансов. Автор статьи утверждал, что между направлением «Биржевых ведомостей» и «политическим мнением» русских официальных кругов не было никакой связи.

В передовой статье газеты «Московские ведомости», № 264 от 4 декабря 1863 г., была подвергнута резкой критике статья известного слависта А. Ф. Гильфердинга «Положение и задача России в Царстве Польском», напечатанная в №№ 254 и 255 газеты «Русский инвалид» (от 16 и 17 ноября 1863 г.). В частности, «Московские ведомости» негодовали по поводу утверждения Гильфердинга о том, что русский народ не желает порабощения Польши и с «восхищением» рукоплескал бы восстановлению политической независимости Царства Польского. Газета доносила, что выдержки из статей Гильфердинга облетели европейскую журналистику и были с живейшим одобрением перепечатаны в органах, самых неприянных царской России.

...но главный донос сделан «Совр.л.» на «Голос»... — В №42 «Современной летописи» (декабрь 1863 г.) была опубликована статья П. Шестакова «Ответ на статью „Голоса“ о правах, составленных советами университетов: петербургского, казанского и харьковского» (№ 287). Автор «Ответа», нападая с реакционных позиций на умеренно-либеральные взгляды «Голоса» по вопросам организации учебного процесса и общего распорядка студенческой жизни, заявлял, что «не только университетские ученые корпорации, но и литературные деятели обяаны поддерживать устраивающийся порядок (после волнений 1861—1862 г.), а не подрывать его и не волновать молодежь ради красного словца».

...Головнин — Краевский, скоро и вас поведают по Владимирке... — Редактором-издателем «Голоса» был А. А. Краевский, пользовавшийся поддержкой министра народного просвещения А. В. Головнина.

Как хорошо сделал Константин Николаевич ∞ за границу. — Великий князь Константин Николаевич, бывший в 1862—1863 гг. наместником Царства Польского, подвергся яростным нападкам Каткова за то, что якобы не принимал достаточно энергичных мер к подавлению восстания в Польше и своей перешительностью «потворствовал мятежникам». В сентябре 1863 г. Константин Николаевич оставил пост наместника и выехал в длительное заграничное путешествие.

МЯСОЕДЫ САМОДЕРЖАВИЯ

Печатается по тексту К, л. 176 от 1 января 1864 г., стр. 1451, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVII, 12) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается письмом Бабста, хранящимся в архиве семьи Герцена» (Л XVII, 433).

Авторство Герцена подтверждается тематикой заметки, входившей в круг ближайших интересов Герцена: политика царского правительства в Польше постоянно разоблачалась в публицистике Герцена этой поры (см., например, заметки: «10 апреля 1861 и убийства в Варшаве», «Русская кровь льется!», «12 апреля 1861 (Апракинские убийства)» — в т. XV наст. изд., «Преступления в Польше», «Плач» — в т. XVII наст. изд. и др.). Об убийстве Падлевского см. статью Герцена «С. Падлевский» в т. XVII наст. изд. Характерно для Герцена замечание о «петербургском благодушнике» по адресу Александра II (ср. заметку «Третья кровь» в т. XV наст. изд., стр. 185; «благодушным дурачком» назвал Герцен Александра II в письме к М. К. Рейхель от 13 августа 1861 г.). Мысль о том, что «солдат заколачивают в гроб», повторяется Герценом неоднократно — см. например в статье «Что-то сделаете Константин Николаевич в Польше?» («... в гроб заколачивать матросов» — т. XVI наст. изд., стр. 128). Принадлежность заметки Герцену подтверждается всем гневно-экспрессивным строем авторской речи («Бедная, опозоренная, обманутая Россия, темная Россия...»; «Темный, слепой лев, помни это...»).

Стр. 17. ...газетчики начинают считать жертвы гуртом... — В № 217 «Московских ведомостей» от 8 октября 1863 г., в корреспонденции «Из Царства Польского», был помещен список поляков, арестованных в июле 1863 г. (перепечатано в «Северной почте», № 221 от 10 октября 1863 г.). К апрелю 1864 г., даже по официальным, сильно преуменьшенным данным, в Польше и Литве было повешено около 2 тысяч человек.

...И старика Падлевского, застрахованного кровью сына, выкупленного ею, — и его они убили... — Герцен говорит об отце одного из руководителей польского восстания Зигмунта Падлевского, захваченного русскими войсками и расстрелянного 15 мая 1863 г. в Плоцке. См. заметку Герцена «С. Падлевский», т. XVII наст. изд., а также письмо Герцена к дочерям и М. Мейзенбург от 23 мая 1863 г. и письмо к сыну от 25 мая 1863 г.

ЗАГАДКА ДЛЯ НОВОГО ГОДА

Печатается по тексту К, л. 176 от 1 января 1864 г., стр. 1451, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК озаглавлено: «Загадка». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVII, 13) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается запиской Чернецкого» (Л XVII, 433).

Авторство Герцена подтверждается его личным участием в разоблачении приезжавшего в Лондон агента III отделения М. Хотинского — см. статьи «Астроном-наблюдатель и миссионер Хотинский», «Г-н М. Хотинский и III отделение» — т. XVII наст. изд., «Действительный статский советник и кавалер М. С. Хотинский (Эпизод из истории нашего заморского шпионства)» — т. XIX наст. изд. и комментарии к ним. Характерны для публицистического стиля Герцена сатирическая окраска заметки, отдельные каламбуры («собственный корреспондент собственной его величества канцелярии...») и ироническая концовка: «А мы знаем, кто старичок!»

Появление заметки вызвано письмом одного из корреспондентов «Колокола», штурманского кондуктора клипера «Алмаз» Павла Мордовина, предупреждавшего издателей «Колокола» об очередном приезде в Лон-

дон тайного агента III отделения М. С. Хотинского (см. также заметки «Шпионы», «Графиня Антонина Блудова и Матфей Хотинский» в наст. томе).

Стр. 18. ...из Швабии в Цюрих... — О пребывании Хотинского в Цюрихе (откуда он в конце декабря 1863 г. приехал в Лондон) Герцен мог узнать от Л. Чернецкого, А. А. Слепцова и В. И. Касаткина, с которыми он виделся в декабре 1863 г., после их приезда из Цюриха в Женеву.

...очень скромный, так что и имени своего не сказал... — Хотинский остановился в лондонской гостинице «Sablonniere Hotel»; в книге постояльцев он записался под вымышленным званием «M. Chotinsky, général polonais» («М. Хотинский, польский генерал»).

ПОВОРОТНАЯ ЛИНИЯ

Печатается по тексту К, л. 176 от 1 января 1864 г., стр. 1452, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVII, 13—14) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается запиской Чернецкого» (Л XVII, 433).

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером заметки, ее идейно-тематической связью с другими выступлениями Герцена против Муравьева-Вешателя, в частности, против сбора подписей на икону польскому палачу (см. в наст. томе комментарий к статье «Нашим библиографам, библиофилам, любителям сборников и исторических документов и пр.»). Заметка использует сведения из газеты «The Times», обзоры материалов которой в «Колоколе» делал обычно сам Герцен. Характерна для публицистического стиля Герцена ироническая концовка заметки.

Стр. 19. 7/19 декабря в петербургском Английском клубе был с е м е й н ы й (?) праздник в честь князя А. М. Горчакова. — Чествование А. М. Горчакова состоялось по случаю его шестидесятилетия; подробный отчет об этом обеде был опубликован в «Московских ведомостях», № 273 от 15 декабря 1863 г., в заметке «Обед в Петербургском Английском клубе в честь князя А. М. Горчакова».

...московский Ювенал этот — Тютчев. Его милое Gelehenheitsgedicht, ходившее по рукам ∞ назвал его людоедом. — Речь идет о стихотворении Ф. И. Тютчева «Его светлости князю А. А. Суворову» («Гуманный внук воинственного деда...»), написанном по поводу отказа Суворова от участия в подношении образа М. Н. Муравьеву в день его имени. По словам А. В. Никитенко (запись в дневнике от 16 ноября 1863 г.), Суворов заявил при этом, что «не может сделать этой чести такому людоеду как Муравьев» (А. В. Никитенко. Дневник, т. II, М., 1955, стр. 377). Стихотворение Тютчева напечатано Герценом не совсем точно.

Стр. 20. ...Вот что значит перейти из декабристов — в ... Московские Ювеналы. — Связывая Тютчева с декабристами, Герцен имел в виду, вероятно, его ранние антимонархические высказывания и стихотворение («Огнем свободы пламеня»), распространявшееся в нелегальных списках, а также ту линию политического поведения молодого поэта в начале 20-х годов, о которой впоследствии вспоминали его московские друзья (см. «Записки Д. Н. Свербева», т. II, М., 1899, стр. 143). Учителем Тютчева был С. Е. Раич, член Союза благоденствия, в который входил и

двоюродный брат поэта А. В. Шереметев. В 1825 г. Тютчев встречался в Москве с декабристами Д. И. Завалишным и В. М. Голицыным (Д. И. З а в а л и ш и н. Записки декабриста. СПб., 1906, стр. 174—176).

ШПИОНЫ

Печатается по тексту *К*, л. 176 от 1 января 1864 г., стр. 1452, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVII, 14) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается запиской Чернецкого» (*Л* XVII, 433).

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером заметки («Извещаем корреспондента нашего...»), а также ее непосредственной близостью к заметке из того же листа «Колокола» «Загадка для Нового года» (см. стр. 18 наст. тома). Характерна для публицистического стиля Герцена ироническая концовка заметки («Оба гуся здесь, и пользуются, сверх жалованья, прекрасным здоровьем»).

Стр. 20. ...о пресвде в Лондон двух шпионов...— Один из них — М. С. Хотинский (см. в наст. томе заметку «Загадка для Нового года» и комментарий к ней). Личность второго неизвестна.

ПИСЬМО К ГАРИБАЛЬДИ

Печатается по тексту *К*, л. 177 от 15 января 1864 г., стр. 1453—1456, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р.* Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

«Письмо к Гарибальди», как и ранее написанная статья «В вечность грядущему 1863 году» (см. т. XVII наст. изд.), посвящено анализу основных политических событий русской жизни 1863 г., программы и деятельности революционных организаций и настроений народных масс, а также перспектив дальнейшего развития демократического движения в России. На общность темы и главной мысли этих статей указывал сам Герцен в письме к Н. А. Огаревой от 25 ноября 1863 г.: «Письмо мое к Гарибальди начерно готово. Оно в роде моей последней статьи, но для иностранцев. Для меня впереди становится светлее: для нас ничего не прошло — *errur si muove!* <И все-таки вертится!>».

Герцен обращает свое письмо к Гарибальди, так как видит в нем не только подлинного вождя итальянского народа, воплощение его революционной энергии, но также истинного представителя международной демократии. При этом, однако, Герцен сознавал и политическую наивность Гарибальди — «Дон Кихота революции», как назвал он его в «Концах и началах» (см. т. XVI наст. изд., стр. 166). Общая оценка Герценом деятельности Гарибальди дана в «Былом и думах», в главе «*Camicia rossa*» (см. т. XI наст. изд.).

Обращаясь к этому «мужу народов» в момент временного спада деятельности русских революционных организаций, Герцен пишет о том, что «движение русское вовсе не подавлено и, вообще, по сущности своей *неподавляемо*». Он указывает далее, что социальная основа его неистребимости — в стремлении многомиллионной крестьянской массы к освобождению с землей, в «брожении, поднимавшемся с самого дна жизни на-

родной». Опираясь на крестьянскую идею «права на землю», он вновь формулирует утопическую теорию общинного социализма — панацеи от зол капиталистической частной собственности и «пропасти пролетариата». Но исходя из иллюзорных представлений о сельской общине, как «ячейке» свободных учреждений, Герцен обосновывает в статье программу революционной борьбы за свержение самодержавия, за коренную демократизацию общественного строя и разъясняет европейскому читателю тактические основы деятельности тайных обществ в России, в частности «Земли и воли». «Письмо к Гарибальди» отражает решительный отказ Герцена от дореформенных надежд на образованное меньшинство дворянства как передовую силу в борьбе за демократизацию страны. Наряду с такими статьями, как «MDCCLXIII», «1853—1863», «1831—1863», «Земля и Воля», «Волжский манифест и Россия в осадном положении» и другими (см. т. XVII наст. изд.), оно свидетельствовало о преодолении им либеральных колебаний в важнейшем вопросе о путях и социальных силах преобразования жизни.

С позиций последовательной революционной демократии характеризует далее Герцен польское восстание 1863 г. Отдавая должное справедливости и величю неравной борьбы польских революционеров за национальное освобождение их родины от власти российского самодержавия, всемерно поддерживая демократические тенденции в этой борьбе, Герцен считает необходимым указать в «Письме» и на основную ошибку руководства польским восстанием — нерешительность и непоследовательность в решении крестьянского и национального вопросов. Лишь проведение в жизнь декларированного Польским Центральным национальным комитетом во время переговоров с Герценом в сентябре 1862 г. лозунга «Земля крестьянам, воля областям» обеспечило бы поддержку восстания со стороны польского и русского народов, объединение с русским революционным движением и возможность победы над общим врагом. Герцен, однако, ясно понимал, что эта ошибка не была случайной, а вытекала из шляхетской ограниченности большинства руководителей восстания. Как и в статье «В вечность грядущему 1863 году», Герцен раскрывает в письме к Гарибальди все отрицательное значение победы националистических «предрассудков» в руководстве восстанием: благодаря ей царскому правительству удалось использовать оружие социальной и казенно-патриотической демагогии для подавления восстания, а также для борьбы с русским революционно-демократическим движением.

То сложное положение, в котором оказались русские революционеры, поддерживавшие польскую революцию, когда определилось преобладание в ее руководстве «белых» (представителей польской аристократии и буржуазии), еще полнее обрисовано в письме Герцена к М. А. Бакунину от 1 сентября 1863 г.: «польское дело (...) — не наше дело, хотя и правое относительно (...) наш принцип социальный, — заявляет Герцен. — А с чьей стороны социальные начала? Со сторон(ы) Демонт(овича) или пет(ербургских) сатрапов, отдающих крестьянам помещичьи земли? „Да нам нельзя же идти с Муравьевым“. Без сомнения, нельзя. Но можно иногда и эклипсироваться <скрыться — франц.> и поработать в тиши».

Характеризуя в «Письме к Гарибальди» «заторможенность деятельности» революционных организаций в России к концу 1863 г., Герцен, однако, выражает уверенность в близости нового демократического подъема, связывая свои надежды с продолжающимися выступлениями крестьян. В подготовке этого подъема Герцен отводит «Колоколу» деятельную роль «центра», идейно собирающего разгромленные силы революционного движения и вселяющего бодрость в молодых борцов (см. его письмо к Н. П. и Н. А. Огаревым от 1 декабря 1863 г.).

Имея в виду настоящее письмо, а также статьи «В вечность грядущему 1863 году», «1864», Герцен писал А. А. Серно-Соловьевичу 26 декабря

1863 г.: «Аккуратно ли вы получаете „Колокол“? Обращаю ваше внимание на № 15 декабря, будущий 1 января и 2—15 января. Мы там взяли иную боевую позицию».

Стр. 21. ...*позвольте мне не прибавлять к вашему имени слово генерал...* — В 1859 г. король Пьемонта Виктор Эммануил II присвоил Гарибальди чин генерал-майора. Впоследствии, в «Былом и думах», Герцен писал по этому поводу: «Гарибальди <...> был пожалован генералом королем, которому он пожаловал два королевства...» (см. т. XI наст. изд., стр. 261).

Стр. 22. *Лодочник отвечал ∞ что во время бури обр-а-во-к Г а р и б а л ь д и о ч е н ь п о м о г а е т.* — Этот эпизод Герцен рассказывает также в «Былом и думах», в главе «Camicia rossa» (т. XI наст. изд., стр. 278).

В «*Материалах к истории освобождения крестьян в России*» автор рассказывает ∞ *придет господин Галибардов*. — Имеются в виду анонимно опубликованные в Берлине в 1862 г. «Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II», т. III. Сборник был составлен сенатором Д. П. Хрущовым (см. т. XV наст. изд., стр. 424, и т. XVI, стр. 280 и 454—455). Автор сборника писал о настроениях в Петербурге в феврале 1861 г.: «...Народ не верил скорому объявлению манифеста. Одив легкой извозчик (это истинное происшествие) на вопрос ездока, скоро ли будет манифест, отвечал: „нет, должно быть, не скоро, разве Гарибалдов не придет ли пособить!“ — Народ очень хорошо знал Гарибальди с его портретов, вывешенных в магазинах на Невском проспекте» (стр. 178 указ. изд.).

...*Monièr замечает, что возвратись Франческуло, народ и его встретит криком: «Viva Garibaldi!»*. — Герцен приводит замечание из книги: M a r c M o n n i e r. Histoire du Brigandage dans l'Italie Méridionale, Paris, 1862, гл. IV, стр. 68—69. Речь идет о последнем короле Обехи Сицилий Франциске II, получившем в народе пренебрежительное прозвище Franceschiello. Он бежал из Неаполя 6 сентября 1860 г., перед вступлением в город революционно-освободительной армии Гарибальди. С февраля 1861 г. Франциск II находился в папском Риме, откуда вел борьбу против объединенной Италии.

...*он из вашей красной рубахи сделал свое святое облачение, свою camicia santa...* — Красная рубаха (camicia rossa) — одежда добровольцев армии Гарибальди. Camicia santa — святая рубаха.

...*моря, понимающего ∞ долины восточной Азии...* — То есть заливающего, наводняющего.

Стр. 25. *Сбитые с толку агентами правительства, некоторые из них посылали недавно свои верноподданнические адреса...* — Шовинистическая кампания верноподданнических адресов, в том числе от крестьян и раскольников, была инспирирована правительством в 1863—1864 гг. в связи с подавлением польского восстания. Герцен разоблачал в «Колоколе» механику фабрикаций этих адресов и их непосредственного вдохновителя — министра внутренних дел П. А. Валуева (см. т. XVII наст. изд., статьи: «Россиада», «Финляндия и адрес», «Два образчика, циркулярно разосланные Валуевым», «Победа!» и др.).

Дворянство целых губерний (например, тверское) просило ∞ сложить с себя нелепые привилегии, которые ∞ мешают простым отношениям с другими сословиями. — В адресе тверского дворянства на имя Александра II от 2 февраля 1862 г. было сказано: «Государь! Мы считаем кровным грехом жить и пользоваться благами общественного порядка за счет

других сословий». В протоколе чрезвычайного тверского губернского собрания в тот же день эта мысль формулировалась еще определеннее: «Уничтожение антагонизма сословий может быть произведено не иначе как их полным слиянием. Дворянство, будучи глубоко проникнуто сознанием безотлагательной необходимости выйти из этого антагонизма и желая уничтожить всякую возможность упрека в том, что оно составляет преграду на пути общего блага, объявляет перед лицом всей России, что оно отказывается от всех своих сословных привилегий...» (см. публикацию адреса и выписки из протокола в *К*, л. 126 от 2 марта 1862 г.).

Стр. 26. ...*правительство выдумало историю политических пожаров и додразило студентов до манифестаций...* — Имеются в виду известные пожары в Петербурге в мае 1862 г. Они были использованы правительством как предлог для организации жестокого террора против революционно-демократического движения (см. в т. XVI наст. изд. запросы Герцена в «Колоколе» о «зажигателях»: «Отчего правительство притаилось с следствием о зажигательстве?», «Третий раз спрашиваем мы...», «Четвертый запрос от издателей „Колокола“»). Далее Герцен упоминает о студенческих волнениях осенью 1861 г. (см. «Петербургский университет закрыт!», «Исполни просыпается!», «Третья кровь» — в т. XV наст. изд., «Студентское дело» — в т. XVI наст. изд. и другие статьи).

...*начинает гуртовой подкуп журналистов и писателей.* — Правительственная тактика открытого подкупа журналистов, введенная министром народного просвещения А. В. Головниным, стала объектом язвительных разоблачений «Колокола» (см. «В этапе» — т. XVII наст. изд.). Е. М. Феоктистов, служивший в 1863 г. чиновником особых поручений при Головнине, передает в своих мемуарах слова последнего, в связи с переходом цензуры в ведомство министерства внутренних дел: «В прежнее время министерство народного просвещения преследовало печать, с этой же минуты оно обязано покровительствовать ей, не щадить средств для ее поощрения (...) я испросил у государя известную сумму денег, которую мне хотелось бы ежегодно распределять между нашими учеными в пособие на приготовляемые к печати их издания, а также между редакторами педагогических журналов...». Феоктистову и было поручено распределение этих денег (см. Е. М. Феокт и ст о в. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848 — 1896. Л., 1929, стр. 134—135).

Тайно печатные и распространяемые листы обличали, в чем дело, и пророчили бурю... — Имеются в виду прокламации подпольных революционных организаций, отпечатанные в русских гайных типографиях в 1862 г. («Молодая Россия» П. Г. Заичневского; «К образцовым классам» Н. И. Утина; «Земская дума» и др.), а также издания «Земли и воли» 1863 г. («Свобода», №№ 1, 2 и др.).

Стр. 26—27. *Год тому назад я говорил нашим друзьям русским офицерам в Польше «Мы возьмем другую часть эвхаристии — д и с к о с х л е б о м!»* — Герцен неточно цитирует свою статью «Русским офицерам в Польше» от 10 октября 1862 г., опубликованную в *К*, л. 147 от 15 октября 1862 г. (см. т. XVI наст. изд., стр. 256).

Стр. 27. ...*римская латиклава...* — Туника, украшенная широкой пурпурной каймой, которую носили римские сенаторы.

Для нас оно было скорее несчастьем, и только правительством подкупленный журнализм обвиняет нас в том, что мы подстрекали поляков, уверяя их, что Россия готова восстать. — Эти обвинения содержались в передовой статье «Московских ведомостей», № 225 от 17 октября 1863 г. Герцен отвечал на эти инсинуации в статье «В вечность грядущему 1863 году»: «Пусть укажут хоть одну строку „Колокола“, „Полярной звезды“ или чего бы то ни было из наших изданий, в которой бы мы себя выдавали

„вождями могущественной революционной партии“, в которой мы бы говорили, что Россия готова восстать, подстрекали поляков и пр.» (см. т. XVII наст. изд., стр. 293).

...расстрелявши А р н о л ь д т а, С л и в и ц к о г о и пр., сославши в каторжную работу полковника К р а с о в с к о г о, О б р у ч е в а, двадцать других...— О поручике И. Н. Аргольде, подпоручике П. М. Сливцом, унтер-офицере Ф. Ростовском, расстрелянных 16 июня 1862 г. по приговору военно-полевого суда за революционную пропаганду в войсках,— см. в т. XVI наст. изд. статью «Аригольд, Сливцкий и Ростовский». О подполковнике А. А. Красовском, приговоренном 11 октября 1862 г. двенадцати годам каторги, см. в т. XVI заметку «Хроника террора и прогресса», а также публикацию материалов его «дела» в К, л. 162 от 1 мая 1863 г., стр. 1336—1338. В. А. Обручев после исполнения над ним обряда гражданской казни 31 мая 1862 г. был сослан на каторгу на 3 года, с оставлением на поселение в Сибири. См. о нем в т. XVI в статье «Молодая и старая Россия»; о жестоких репрессиях в войске см. также статью «MDCCLXII» в т. XVII наст. изд.

Русское правительство ∞ продолжает отрицать ∞ достоверность адресов, напечатанных в «Колоколе»...— Имеются в виду адрес «Великому князю Константину Николаевичу от русских офицеров, стоящих в Польше», опубликованный в К, л. 148 от 22 октября 1862 г., и адрес «Офицерам русских войск от Комитета русских офицеров в Польше», напечатанный в К, л. 151 от 1 декабря 1862 г. Первый из них объявлял об отъезде революционных офицеров быть палачами Польше и требовал представления ей самоуправления. Второй призывал к созданию революционных организаций во всей русской армии для подготовки общенародного восстания. Военные власти в Варшаве инспирировали офицерское опровержение этих документов через газету «The Times», где адрес Константину Николаевичу объявлялся подложным, авторство же его, а следовательно, и второго, приписывалось Герцену. См. об этом статьи «Официальный контрадрес», «О якобы офицерском письме в „Теймс“», «По делу адреса офицеров», «История адреса и контрадреса продолжается» и комментарии к ним в т. XVII наст. изд.

...когда член офицерского комитета, привозивший к нам в Лондон адрес, П о т е б н я, погиб, под Песчаной Скалой...— Руководитель комитета русских офицеров в Польше подпоручик А. А. Потеня, установивший письменную связь с Герценом и Огаревым, а также трижды приезжавший в Лондон для личных переговоров с ними — в июле, октябре-ноябре 1862 г. и в феврале 1863 г., во главе созданного им повстанческого отряда принял участие в польском восстании и погиб в бою у местечка Скала 4 марта 1863 г. (см. статьи «Письмо офицеров» — т. XVI наст. изд., «А. А. Потеня» — т. XVII наст. изд., а также «Былое и думы» — г. XI наст. изд., стр. 365, 368, 372—373).

По возвращении в Лондон я прочитал в «русских вестях» о 40 русских офицерах, перешедших к восстанию.— Герцен вернулся из Женевы в Лондон 6 декабря 1863 г. (см. письмо его к дочерям от 7 декабря 1863 г.). «Московские ведомости» (№ 217 от 8 октября 1863 г.) в корреспонденции «Из Царства Польского», а вслед за ними и газета «Северная почта», в № 221 от 10 октября перепечатывавшая эту корреспонденцию, сообщали, что «собственно из войск Царства Польского оставили ряды и изменили присяге не более 40 офицеров...» Автор корреспонденции, однако, далее замечает: «Из Петербурга бежало гораздо более офицеров».

Кровь нашу дали бы мы за то, чтоб остановить на год или на два польское восстание.— Еще в сентябре 1862 г. Герцен убеждал приехавших из Варшавы членов Центрального национального комитета А. Гиллера, З. Падлевского и В. Миловича в несвоевременности восстания (см. «Былое и думы», т. XI наст. изд., стр. 368—372). В статье «Русским офи-

перам в Польше» от 10 октября 1862 г. издатели «Колокола» излагали план объединения революционного движения в России и Польше, считая его единственным условием успеха польского восстания (см. т. XVI наст. изд.). 22 октября 1862 г., уже после объявления рекрутского набора, Герцен в письме к И. Цверцякевичу приводил решительные доводы против немедленного восстания. Об этих усилиях удержать поляков от несвоевременного выступления см. также статью «Resurgexit» (т. XVII наст. изд.).

...набор был ∞ шляпа Гесслера, оскорбление, вызвавшее сицилийскую вечерню.— В октябре 1862 г. был издан указ о рекрутском наборе в Царстве Польском, который должен был осуществляться по заранее составленным спискам, включавшим участников революционного движения (см. статью «Подтасованный набор» в т. XVI наст. изд.). Герцен сравнивает проведение этого рекрутского набора в Польше в январе 1863 г. с событиями, которые послужили поводом к революционным восстаниям в истории других народов. По народной легенде, наместник австрийского императора в Швейцарии в начале XIV в. Гесслер приказал на площади г. Альгорфа вывесить на шесте шляпу герцога, символизирующую австрийскую власть. Жестокие репрессии за отказ кланяться шляпе и вызванное ими убийство Гесслера крестьянином Вильгельмом Теллем послужили сигналом к освободительной войне крестьян и горцев Швейцарии против австрийского владычества. Герцен вспоминает в этой связи и восстание на о. Сицилия в 1282 г., направленное против гнета французских феодалов-завоевателей. Поводом к нему послужили бесчинства французских солдат. Ссылаясь на приказ губернатора острова, запрещавший населению носить оружие, они пытались подвергнуть оскорбительному осмотру молодежь, танцевавшую 31 марта 1282 г. у церкви Сан-Спирито близ Палермо. По преданию, восстание началось по звону колокола, призывавшего к вечерней молитве.

Стр. 28. *И когда благородное меньшинство русских офицеров обратилось к нам за советом ∞ мы не обинуясь скавали им, что лучше ∞ быть убитым, чем сражаться против Польши...*—Имеются в виду письма и посещения А. А. Потебни (см. «Надгробное слово» Огарева в К, л. 162 от 1 мая 1863 г.) и ответ издателей «Колокола» в открытом письме «Русским офицерам в Польше» (т. XVI наст. изд.).

...мы не предъявляли ничего, кроме желания, чтоб польская революция приняла за основу наше аграрное начало ∞ волю области.— Эти условия были выдвинуты Герценом и Старевым во время переговоров в Лондоне с представителями Центрального национального комитета в сентябре 1862 г. и приняты ими. См. письмо «От Центрального народного польского комитета в Варшаве издателям „Колокола“» в К, л. 146 от 1 октября 1862 г., стр. 1205—1206, а также «Былое и думы», т. XI наст. изд., стр. 358—372.

На вымыслах в роде Варфоломеевской ночи...— В начале польского восстания русские газеты были полны замыслениями о зверствах повстанцев над русскими солдатами, которые были захвачены врасплох внезапным нападением. И. С. Аксаков в статье «Из Парижа», напечатанной в газете «День», № 19 от 11 мая 1863 г., за подписью: *Касьянов*, писал о «Варфоломеевской ночи Польши, где несколько тысяч русских людей были умерщвлены самым предательским образом...»

Стр. 29. *Тогда следовало бы ему стать во весь рост и громко объяснить то, что ∞ оно предоставляет судьбу их — свободной воле народа...*— В письме «От Центрального народного польского комитета в Варшаве издателям „Колокола“» было сказано: «Основная мысль, с которой Польша восстает теперь, совершенно признает право крестьян на землю, обрабатываемую ими, и полную самоправность всякого народа располагать своей судьбою (...). Основные идеи польского движения — чисто народные,

в них нег ни тени шляхетского консерватизма, <...> они стремятся к уничтожению сословных различий и к обеспечению крестьян землей» (см. *К*, л. 146, стр. 1205). Первые акты Временного национального правительства — манифест и декрет от 22 января 1863 г. — конкретизировали эту декларацию, объявляя обрабатываемую крестьянами землю их собственностью с компенсацией для помещиков от правительства (см. «*Wydawnictwo materialowe do powstania 1863—1864*», Lwow, 1888—1894, t. I, s. 33—35). Но даже это компромиссное решение крестьянского вопроса не было проведено в жизнь, ввиду противодействия «белых». Лишь 27 декабря 1863 г. последний диктатор Р. Трауггут, пытаясь опереться на поддержку народных масс, издал декрет, направленный к осуществлению январского манифеста и угрожавший смертной казнью за принуждение крестьян к уплате денежных сборов и барщинных отработок. Но выполнение этого декрета было вновь сорвано шляхтой. Герцен с горечью писал о беспоследовательности польских революционеров в аграрном и национальном вопросе в письме к гр. Е. В. Салиас от 24 декабря 1863 г.: «Теперь, т. е. в декабре месяце, в Лемберге печатается ряд статей, в которых поляки говорят с полной ширью о необходимости признать русинскую народность и аутономию русинов. Теперь — остатки народ<ного> правит<ельства> говорят положительно о разделе, т. е. о наделе землей крестьян. Виноваты ли мы, что это говорится в декабре 1863, а не в декабре 1862? Ведь мы этого требовали в октябре 62 г. Тогда ждали выручки от Европы; теперь, когда все мечты пали, они начинают говорить то, что мы говорили<...> Трагический элемент — трагическим <...> но ведь и объективной истине надо отдать долю».

«Колокол», л. 146 (1862). — Герцен имеет в виду письмо «От Центрального народного польского комитета в Варшаве издателям „Колокола“» (*К*, л. 146 от 1 октября 1862 г.).

В Литве правительство проповедовало против дворян с первым последствием этого был отказ киевских крестьян работать на русских помещиков. — Об использовании русским правительством при подавлении польского восстания противоречий между крестьянством и шляхтой см. статьи «...А дело идет своим чередом» и «Вывод из владения» (т. XVII наст. изд.). В ряду подобных мер был издан 30 июля 1863 г. указ о прекращении обязательных отношений между крестьянами и помещиками украинских губерний и выкупе ими наделов через казну. В некоторых местностях за этим последовал отказ крестьян не только от работы на помещиков, но и от выкупных платежей (см. «Отчет о действиях III отделения за 1863 г.» в сборнике «Крестьянское движение 1827—1869», вып. II, М.—Л., 1931, стр. 55—56). Этим известиям, подтверждавшим прогнозы Герцена, издатели «Колокола» придавали большое значение. См. письмо Герцена М. А. Вакунину от 1 сентября 1863 г. и письмо Огарева к гр. Е. В. Салиас от 2 октября 1863 г. (*ЛН*, т. 61, стр. 820).

Стр. 30. Если вы мне сделаете этот вопрос, любезный и уважаемый друг с я охотно буду отвечать в другом письме. — См. в наст. томе статью «Ответ Гарibaldi!»

3/70 КОПЕЙКИ С ДУШИ

Печатается по тексту *К*, л. 177 от 15 января 1864 г., стр. 1458, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется на основании его письма к Е. В. Салиас от 31 декабря 1863 г.: «Вы видите, что les vieux de la vieille garde <ветераны старой гвардии> не совсем утратили дух. Полагаю, что во 2 листе вы будете довольны, если не „Письмом к Гарibaldi“, то „Портретом Му-

равьева“, „3/70“ и „календарем за 1863 год“...». От первого лица в редакционных статьях «Колокола» писал лишь Герцен. Включено в издание М. К. Лемке (Л XVII, 20).

Стр. 31. *Die Liebe muß sein platonisch.* Н. Heine. — «Любовь должна быть платонической» — из стихотворения Г. Гейне «Sie saßen am Teetisch und sprachen» («Buch der Lieder»).

...Н. Ф. Павлов (тогда еще партикулярный писатель, изгавший в карты, а не в убеждения... — Иронизируя по поводу ренегатства Н. Ф. Павлова, превратившегося из либерального беллетриста и общественного деятеля в редактора рептильной газеты «Наше время», Герцен попутно намекает и на его широкую известность в Москве как картежного игрока.

...как Геспер тонет в солнечных лучах... — Геспер в греческой мифологии — вечерняя звезда.

...36 868 руб. (т. е. вроде трех семидесятих копейки с души). — Подсчет сделан, видимо, исходя из данных переписи 1858 г., согласно которой число жителей России определялось в 74 миллиона человек.

...почти ничего не дает — кроме адресов... — См. комментарий к стр. 27 наст. тома.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД НАЗАД

Печатается по тексту К, л. 177 от 15 января 1864 г., стр. 1458—1459, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется на основании его письма к Е. В. Салиас от 31 декабря 1863 г., где заметка названа «календарем за 1863 год» (см. в наст. томе комментарий к статье «3/70 копейки с души»). Принадлежность заметки Герцену подтверждается также ее тематикой, входящей в круг его ближайших интересов: доносы «Каткова-Верного» (см. в наст. томе комментарий к статье «Перечень доносов»), деятельность Муравьева, Аскоченского. Характерны для Герцена-публициста и некоторые стилистические особенности заметки: ироническое обыгрывание хронологической канвы «Месяцеслова», каламбур со словом «горькое», характеристика Каткова, «исправляющего должность Сильвестра и Адашева», и др. Строку из двустушия, приписываемого Пушкину, Герцен приводит также в статье «Правительственная агитация и журнальная полиция» (см. наст. том, стр. 272).

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVII, 20—22).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 32, строка 22: она вместо: оно

Стр. 32. *Все изменилось под нашим Зодиаком...* — Строка из фривольного двустушия, приписываемого А. С. Пушкину: «Все изменилось под нашим Зодиаком».

...портрет опального великого князя... — В «Месяцеслове» Академии наук на 1863 г. был помещен портрет Константина Николаевича, тогда еще наместника Царства Польского.

...Катков-верный... — Герцен сравнивает Каткова с предателем декабристов И. В. Шервудом, которому указом от 1 июля 1826 г. велено было прибавить к фамилии слово «Верный» в «ознаменование отличного подвига» (ср. в т. XVII наст. изд. статью «Ввоз нечистот в Лондон»).

...донес бы ∞ на Головнина... — М. Н. Катков в своих статьях 1863—1864 гг. резко критиковал министра народного просвещения А. В. Головина за его «либерализм» и близость к опальному вел. князю Константину Николаевичу. В своих нападках на Головнина он доходил до того, что обвинял его в «ближайших сношениях с заграничными революционерами» (см. Е. М. Феоктистов. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Л., 1929, стр. 131).

...на «СПб. ведомости»... — В дневниковой записи от 23 января 1864 г. А. В. Никитенко отмечал, что редактор газеты «С.-Петербургские ведомости» В. Ф. Корш «написал ругательство на цензуру и правительство вообще, и, оттиснув листок, просил председателя цензурного комитета представить это Совету» (А. В. Никитенко. Дневник, т. II, М., 1955, стр. 398). Министр внутренних дел Валуев признал, что в статье заключалось «прямое оскорбление как цензурных учреждений, так и правительства вообще». С тех пор Катков избрал «С.-Петербургские ведомости» мишенью своих нападок на «либерализм».

...остановиться в декабре на мае. — «Обзоры событий» в «Месяцесловах» Академии наук доводились обычно до 1 июля предшествующего года, в 1862 г. они прекратились на 1 мая, а затем не печатались вовсе.

Стр. 33. ...о смерти Б у т к о в а — не настоящего Б у т к о в а... — В 1862 г. умер М. Г. Бутков, брат академика П. Г. Буткова. «Настоящим Бутковым» Герцен иронически называет В. П. Буткова, государственного секретаря, реакционного сановника, связанного с III отделением (см. письма В. П. Буткова к шефу жандармов кн. В. А. Долгорукову о пребывании Герцена в Париже летом 1861 г. — ЛН, т. 63, стр. 306—310); в конце 1863 г. он был избран почетным членом Академии наук.

...des églises montagnardes — это назмет 1793 годом. — Игра слов: дословно — горские церкви; горцами — «монтаньярами» — в 1793 г. называли якобинцев в Конвенте.

ПОРТРЕТ МУРАВЬЕВА

Печатается по тексту К, л. 177 от 15 января 1864 г., стр. 1460, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется на основании письма его к Е. В. Салнас от 31 декабря 1863 г. (см. в наст. томе комментарий к заметке «3/70 копейки с души»).

12 января 1864 г. Герцен сообщал сыну: «4 № пришлю и вместе портрет Мур (авьева), о котором будет статья в „Колоколе“». 15 января 1864 г. Герцен писал М. Мейзенбуг: «...пустил в одном из „Кол.“ портрет Муравьева, — это стоит штудиума».

Принадлежность заметки Герцену подтверждается идейно-тематической и стилистической близостью ее к другим статьям Герцена, разоблачающим Муравьева-Вешателя и ту часть русского общества, которая рукоплещет князям («Россиада», «Вывод из владения» в т. XVII наст. изд. и др. — см. ниже). Характерно для Герцена противопоставление «отцов и детей», использующее название романа Тургенева (см. в наст. томе комментарий к заметке «Нашим библиографам...»), а также наименование Муравьева «людоедом» (ср. например, «Поворотная линия» в наст. томе). Включено в издание М. К. Лемке (Л XVII, 24).

Памфлет Герцена явился ответом на «патриотические восторги» русской реакционной общественности, которая «в пьяном раболепии» чествовала «спасителя отечества» Муравьева, посылая ему иконы, письма,

адресы. Герцен своими статьями запечатлел для потомков истинный портрет Муравьева — человеконенавистника, палача, вешателя. См. также статьи и заметки Герцена «Адресоложество», «К муравьевщине» (т. XVII наст. изд.), «Императорские санкиологиды», «Второй Муравьев и Александр Второй», «Наши прогрессы», «Михаилы и Михаилы Николаевичи» (наст. том), «Виселица и Муравьев», «Из речи Муравьева» (т. XIX наст. изд.) и др.

Стр. 34. ...выбрала этого урода... — За свою безобразную внешность М. Н. Муравьев получил в Петербурге прозвище «курносого ярыги» (П. В. Долгоруков. Петербургские очерки. М., 1934, стр. 301).

СПЛЕТНИ, КОПОТЬ, НАГАР И ПР.

Печатается по тексту К, л. 177 от 15 января 1864 г. стр. 1460, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК озаглавлено: «Сплетни». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки и подтверждается письмами И. С. Тургенева, выражавшего свое возмущение выступлением Герцена. 2 апреля 1864 г. Тургенев писал ему по поводу этой заметки: «Бакунин <...> распространял обо мне самые пшлые и гадкие клеветы — это в порядке вещей <...> но я не полагал, что ты точно так же пустишь грязью в человека, которого знал, чуть не двадцать лет, потому только, что он разошелся с тобой в убеждениях» (см. Письма КТГ, стр. 181—190). Включено в издание М. К. Лемке (Л XVII, 25).

Комментируемая статья являлась прямым продолжением заметок «Один покраснел» (см. т. XVII наст. изд.) и «Поворотная линия» (см. наст. том), в которых Герцен говорил о признаках несомненного колебания среди либеральных элементов, пытавшихся отмежеваться от лагеря Каткова. Герцен предсказывал, что «с легкой руки „Дня“, у нас теперь пойдет лафа на Магдалин» (т. XVII наст. изд., стр. 302). В настоящей статье развивается та же мысль о наступающем переломе и связанных с ним «покаяниях».

С другой стороны, и больше всего, статья направлена против трусливого поведения русских либералов в условиях наступившей реакции и, прежде всего, против И. С. Тургенева, названного «седовласой Магдалиной» за присессиные им царскому правительству покаяния в связях с Герценом, Огаревым и Бакуниным. Тургенев был привлечен к дознанию по «делу о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами» («процесс 32-х»). 7 декабря 1862 г. статс-секретарь А. Ф. Голицын, председатель особой следственной комиссии, доложил Александру II о необходимости вызвать Тургенева, среди других лиц, из-за границы. Ссылаясь на состояние здоровья, Тургенев в письме к Александру II (февраль 1863 г.) испрашивал разрешения ответить на «запросные пункты» в письменной форме, не выезжая в Россию, и упомянул о своих верно-подданических чувствах. В марте 1863 г. в русском посольстве в Париже Тургеневу были предъявлены вопросы, на которые он дал весьма пространные ответы, не только рассказав о своих отношениях с русскими эмигрантами, но и присоединив к ним несколько еддержек из писем Герцена и Бакунина, как свидетельство своих политических расхождений с ними (см. Мих. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», СПб., 1908, стр. 160—174, а также И. С. Тургенев. Собр. соч., т. XI, М., 1956, стр. 452—468 и 558—565). Царское

правительство, однако, не удовлетворилось этими показаниями и осенью 1863 г. вторично потребовало личной явки Тургенева в Петербург. В начале января 1864 г. Тургенев явился в Сенат и дал некоторые дополнительные показания (см. Мих. Л е м к е. Указ. соч., стр. 206—208). 28 января 1864 г. он получил разрешение возвратиться за границу, не дожидаясь окончания процесса, с обязательством снова явиться по первому вызову.

Герцен сурово осудил поведение Тургенева во время следствия и суда по делу «32-х», которое на фоне общей травли «лондонских refugie» реакционной и либеральной прессой выглядело особенно недостойным. Ни многолетняя дружба, ни признание заслуг талантливого писателя не остановили Герцена от разрыва с последним из оставшихся у него близких друзей, примыкавших к либеральному лагерю.

В начале 1864 г. получил широкое распространение также стихотворный памфлет Огарева «Новая полурыбца в русской литературе» («Жил на свете рыцарь бедный...»), в котором Огарев писал:

И тревожась о пощаде,
Сам к царю он написал,
Что он преданности ради
Связи дружбы разорвал

(см. Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы, Л., 1956, стр. 368—369). Неизвестно, дошли ли до Тургенева стихи Огарева, но заметка Герцена в «Колоколе» глубоко задела его. В письме к Герцену от 21 марта (2 апреля) 1864 г. Тургенев пытался оправдаться перед ним, убеждая, будто в своих ответах он не думал отречься от друзей и ничем не оскорбил их: «Я бы почел это недостойным самого себя» (*Письма КТГ*, стр. 181). Но ответ Герцена (от 10 апреля 1864 г.) проводил резкую черту, отделявшую его и Огарева от недавних российских либералов. «Наше дело, может, кончено,— писал он.— Но память того, что не вся Россия стояла в разношерстном стаде Каткова,— останется. И твоя совесть тебе это скажет <...> Мы спасли честь имени русского— и за это пострадали от рабского большинства».

В статье В. И. Ленина «Памяти Герцена» эти слова из письма Герцена к Тургеневу и осуждение «седовласой Магдалины» в комментируемой заметке приводятся как показатель демократических тенденций, которые брали у Герцена верх при всех его колебаниях между демократизмом и либерализмом (см. В. И. Л е н и н. Сочинения, т. 18, стр. 13).

Стр. 35. *Мы получили после Нового года несколько писем из России и от русских из-за границы.*— См., например, письмо Е. В. Салиас к Огареву от 4 января 1864 г., в котором говорится о положении дел в России (ЛН, т. 61, стр. 826).

Отказ Суворова раздражил их до высшей степени.— Речь идет об отказе С.-Петербургского генерал-губернатора князя А. А. Суворова подписаться на икону, которую поднесли Муравьеву-Вешателю в благодарность за подавление восстания 1863 г. (см. в наст. томе заметки «Нашим библиографам, библиофилам, любителям сборников и исторических документов и пр.», «Поворотная линия» и комментарии к ним).

Константина Николаевича они сильнее и громче бранят, чем когда-либо ∞ остается неизменным.— См. комментарий к статье Герцена «Виселицы и журналы» — т. XVII наст. изд.

...об Анненкове говорят, как об «умеренном» и «хладнокровном».— Имеются в виду передовые статьи Каткова в «Московских ведомостях» о русской администрации в Юго-Западном крае, которая якобы враждебна русскому населению и поддерживает польскую шляхту. Статьи были направлены против киевского генерал-губернатора Н. Н. Анненкова. (См.

«Московские ведомости», №№ 252, 253, 267 от 19, 20 ноября и 8 декабря 1863 г.).

Стр. 36. ...не спасут тут лирические возгласы о величине и пространстве России, на манер Гоголя... — Имеются в виду последние строки первого тома «Мертвых душ».

ФУРИИ

Печатается по тексту К, л. 177 от 15 января 1864 г., стр. 1460, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки («Мы надеемся, что нам пришлют»), а также ее тематической близостью к другим статьям Герцена, разоблачающим «адресоложство» и «адресобесие» (ср., например, в «Россиаде»: «Скоро Муравьев будет нападать из-за угла на прохожих с веревкой и криком: „Адрес или горло!“» — т. XVII наст. изд., стр. 174). Характерны для Герцена и некоторые стилистические особенности заметки (каламбур: «комиссия погашения и уничтожения Польши», ироническое сравнение: «будет работа всем девам и бабам-ягам нашего бомонда», восклицание: «О наивный „Siècle!“» и пр.). В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XVII, 26).

Стр. 37. ...Муравьева, который едет, говорят, председателем новой комиссии погашения и уничтожения Польши... — В начале января 1864 г. был учрежден комитет по делам Царства Польского из пяти членов под председательством Александра II для подготовки земельной реформы в Польше, которая и была объявлена в середине 1864 г. Проведение ее было возложено на особый комитет в Варшаве под председательством наместника и под руководством Н. А. Милютина.

ОТВЕТ ГАРИБАЛЬДИ

Печатается по тексту К, л. 178 от 1 февраля 1864 г., стр. 1461, где опубликовано впервые, с подписью: И — р. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

В письме к Е. В. Салиас (февраль 1864 г.) Герцен писал: «Надеюсь, что вы были довольны сквозь - строем, которым я провел наше общество в комментариях к письму Гарибальди».

Свое «Письмо к Гарибальди», датированное 21 ноября 1863 г., Герцен закончил словами: «Проснулся ли он *(русский народ)* в самом деле? Если вы мне сделаете этот вопрос *(...)* я охотно буду отвечать в другом письме» (наст. том, стр. 30). Получив письмо Гарибальди, Герцен ответил комментируемой статьей. Принимая справедливый упрек Гарибальди в том, что судьба Польши должна вызвать у русского общества более действенный протест, Герцен пытается исторически объяснить причины жестокости русского дворянского общества, которая столь позорно проявилась при подавлении польского национально-освободительного движения. Они, по его мнению, кроются в крепостнической почве, на которой основалась и выросла самодержавная Российская империя, веками воспитывавшая в народе раболепие и трусость, создавшая круговую поруку правительства и общества, взаимно «питающих друг друга своим ядовитым молоком».

Следует отметить, что Герцен вновь останавливает свое внимание на разночинной интеллигенции — на «дворовом человеке государства», на чиновнике, чернорабочем «без роду и племени», который, научившись мыслить, станет «гигантом протеста ... Белинским».

Стр. 38. ...*мраморные gamins...*— Иронический намек на пьесу Т. Барьера и Л. Тибу «Les filles du marbre» («Мраморные девы») — см. статью Герцена «Оба лучше» в т. XII наст. изд. и комментарий к ней. *Gamins* — мальчики (франц.).

Стр. 39. ...*«лобызаем их доблести»*, по выражению одного из православных иерархов...— В день именин Муравьева - Вешателя архиепископ полоцкий и витебский Василий сказал в своей речи о нем: «все мы должны <...> лобызать доблести и направление сего чудного мужа» (см. в наст. томе заметку «Оподление православия»).

Стр. 40. *Первое слово сказано теми с требовали каких-то беспримерных казней...*— Речь идет о выступлениях в печати М. Н. Каткова, Н. Ф. Павлова, И. С. Аксакова и др. в связи с петербургскими пожарами.

...*то попробует расстрелять русского юношу...*— Намек на расстрел в июне 1862 г. члена русской революционной офицерской организации в Польше И. Арнольда.

...*п у б л и ч н ы е м у ж ч и н ы , к о т о р ы м о н о п р и п л а ч и в а е т...*— Намек на Н. Ф. Павлова, получавшего правительственную субсидию на издание в Москве газеты «Наше время», и на А. А. Краевского, издававшего в Петербурге с 1 января 1863 г. газету «Голос», существование которой поддерживалось первые три года субсидиями правительства (см. Мих. Лемке. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов, СПб., 1904, стр. 239—243).

...*как убили благороднейшего Сераковского...*— См. статью «Сигизмунд Сераковский» (т. XVII наст. изд.).

...*не Старая Русса, не Казанская губерния...*— Намек на восстание военных поселян в Старой Руссе (1831) и на крестьянские волнения в селе Бездна Казанской губернии (1861).

...*робеспьеровские трикотезы...*— Трикотезы (от французского *tricotage* — вязать) — женщины из народа, которые во время яковинского террора присутствовали в общественных учреждениях, рассматривавших дела изменников; во время заседаний, длившихся с утра до ночи, они обычно вязали.

...*в верхних паражах и в паражах чернильных...*— *Parage* — край, область (франц.). В данном случае употреблено в смысле «сфера», т. е. в высших правительственных сферах и журнально-газетных кругах.

Стр. 41 ...*профессором элоквенции...*— Речь идет о В. К. Тредьяковском, назначенном в 1745 г. императрицей Елизаветой Петровной профессором «как латинския, так и российския элоквенции».

...*с немецким берейтором всея России...*— Имеется в виду Бирон.

...*Вольнского с бьющего по щекам Тредьяковского...*— В 1740 г. кабинет-министр императрицы Анны Иоанновны А. П. Вольнский избил Тредьяковского за попытку отказаться от сочинения стихов к свадьбе придворного шута князя М. А. Голицына с Е. И. Бужениновой.

...*патриарха современной журналистики и ур-ректора, посылающего с телеграммы Бергу и Муравьеву с своего обеда.*— Намек на редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова, который не раз посылал с обедов, даваемых в его честь, телеграммы М. Н. Муравьеву о том, что за него был провозглашен тост. См., например, об обеде, данном М. Н. Каткову в Английском клубе 9 июня 1863 г., — в т. XVII наст. изд., комментарий к стр. 176 («Россиада»). 21 ноября 1863 г. в Московском университете в честь ректора Баршева был дан обед, с которого были посланы телеграм-

мы М. Н. Муравьеву и наместнику Царства Польского Ф. Ф. Бергу (см. «Московские ведомости», № 257 от 26 ноября 1863 г.). Герцен неоднократно высмеивает в своих статьях эти верноподданнические адреса, см., например, стр. 10 наст. тома.

...готовый, как Осип, клясться ∞ что ему вовсе не нужно на ней валяться.— См. комедию Н. В. Гоголя «Ревизор» (действ. II, явл. II).

Стр. 42. ...ездил Шешковский сечь барынь, статс-дам по высочайшему повелению...— Будучи начальником Тайной канцелярии, С. И. Шешковский лично «с пристрастием» допрашивал заключенных — не только мужчин, но и женщин. Для ведения дел Шешковский выезжал по поручению Екатерины II в Москву.

...которое делалось в Новгороде после убийства грязной любовницы Аракчеева.— 10 сентября 1825 г. дворовые села Грузино, принадлежавшего графу Аракчееву, убили за зверское с ними обращение любовницу графа — Настасью Млякину. Следствие по делу о ее убийстве вслосе с невероятной жестокостью (см. об этом в главе XXVII «Былого и дум», т. IX наст. изд., стр. 88—89).

РУССКАЯ КОНСТИТУЦИЯ И АНГЛИЙСКИЙ ЖУРНАЛ

Печатается по тексту *Н*, л. 178 от 1 февраля 1864 г., стр. 1467—1468, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», с подписью: *И* — *р.* Автограф неизвестен.

Заметка является ответом Герцена на помещенные в лондонской газете «The Times» от 14 января 1864 г. две статьи о России: по вопросу о конституции, которую якобы намеревался дать народу Александр II, и о положении в политических тюрьмах Варшавы и Вильно, где находились в то время в заключении многие участники восстания 1863 года.

В статье о русской конституции высказывалось оскорбительное для русского народа обвинение в отсталости и неспособности понять свои политические интересы. Единственным классом, заслуживающим, по мнению автора статьи, политической свободы, является буржуазия, но так как в России она отсутствует, то вопрос о конституции должен быть отклонен до тех пор, пока новое поколение придет к «пониманию своих прав и к исполнению своих обязанностей».

Во второй статье, автором которой был член английского парламента Грант Дофф, рассказывалось о посещении им политических тюрем в Варшаве и Вильно. Выступление Гранта Доффа было продиктовано, конечно, не «бесхитрым простосердечием английского туриста», как его называет, иронизируя, Герцен. Положительное отношение Гранта Доффа к порядкам в русских тюрьмах, его свидетельства о достоинствах наместника Царства Польского графа Берга и о популярности в Литве Муравьева-Вешателя становятся понятными из конечных выводов его письма, услужливо перепечатанного русскими газетами («Московские ведомости», № 6 от 9 января 1864 г.; «Северная пчела», № 11 от 12/24 января 1864 г.). Отмечая «восстановление порядка» в Польше и Литве и подчеркивая, что восстание обезглавлено, так как почти все его организаторы и главные участники уничтожены или арестованы, Грант Дофф делает вывод о полной обреченности и безнадежности борьбы польского народа, которому остается лишь одна участь — покориться царской России. Были и личные мотивы, вызвавшие хвалебную статью английского парламентария, — на них указал Герцен в письме к Огареву от 4 марта 1864 г., спустя месяц после опубликования комментируемой статьи: «Брат Grant Duff снял в России какую-то железную дорогу. Вот оно что...»

В статьях «The Times» Герцен с необычайной прозорливостью определил «внутреннюю мысль таймского воззрения на Россию»: консервативная Англия боялась быстрого роста политического сознания народов России, развития в ней революционно-демократического движения, она стремилась пресечь «коммунистические стремления» русского крестьянства, которое своими требованиями «права на землю» представляло угрозу для аграрных порядков во всей Европе.

Стр. 44. *Il ne faut jurer de rien...* — «Не надо биться об заклад» — название пьесы Альфреда де Мюссе (1835).

...мы напечатали наш ультиматум... — Далее цитируется статья Герцена «Ultimatum» (см. т. XVI наст. изд., стр. 99—100).

Стр. 45. ...наши м и р н ы е в р а г и... — То есть государства Западной Европы (в частности — Англия), формально выражавшие сочувствие национально-освободительной борьбе польского народа.

Стр. 46. ...известного героя фонвизинской комедии ∞ что она устанет бить батюшку... — См. комедию Д. И. Фонвизина «Недоросль» (действ. I, явл. IV).

...сам Сизз отшарахнулся бы от задачи в ы д у м а т ь для нее конституцию. — Деятель французской революции Эмманюэль Жозеф Сийес выступил в 1789 г. с брошюрой «Qu'est-ce que c'est le tiers état?» («Что такое третье сословие?»), в которой формулировал притязания буржуазии на политические права. Сийес участвовал в составлении «Декларации прав человека и гражданина» и являлся также одним из авторов конституции 1795 г.

Стр. 47. ...москворецкому «Теймсу»... — Намек на «Московские ведомости».

Стр. 48. ...поднявший страшную историю о жене и матери Сераковского... — 30 декабря 1863 г. газета «The Times» напечатала корреспонденцию, в которой рассказывалось о судьбе родных казненного польского революционного демократа С. Сераковского (см. о нем статью Герцена «Сигизмунд Сераковский» и «Еще о вдове Сераковского» в т. XVII наст. изд.). Парализованная мать и сестра жены Сераковского были сосланы в Сибирь; жена Сераковского, будучи беременной, четыре месяца содержалась в виленской тюрьме, а затем была также отправлена в Сибирь, но по дороге, из-за начавшихся родов, была вынесена из вагона на одной станции близ Новгорода. Выдержка из этой заметки была перепечатана в К, л. 176 от 1 января 1864 г., под названием «Жена Сераковского». Следует добавить, что в статье Гранта Дoffфа («The Times» от 14 января 1864 г.) упоминалось еще об одной родственнице Сераковского, сошедшей с ума во время заключения в виленской тюрьме.

...полковник Лебедев сестрой милосердия, с усами и шпорами. — Бывший редактор газеты «Русский инвалид» полковник П. С. Лебедев, находясь при командующем войсками варшавского военного округа, ведал варшавской тюрьмой.

П р а в о н а з е м л ю ∞ проповедуют Кобден, Брайт и вся манчестерская партия с ними. — См. комментарий к стр. 9 наст. тома.

ОНИ СОВСЕМ СОШЛИ С УМА

Печатается по тексту К, л. 179 от 15 февраля 1864 г., стр. 1469, где опубликовано впервые, без подписи. Этой статьей открывается лист «Колокола». В ОЖ озаглавлено: «Казнь Ф. Амброжинского». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется ответственным редакционным характером статьи и ее тематикой, непосредственно примыкающей к кругу вопросов, которыми занимался Герцен. Так, полемику с «Днем» И. С. Аксакова вел на страницах «Колокола» обычно Герцен (см. его статьи «Виселицы и журналы», «„День“ и „Колокол“» — т. XVII наст. изд. и др.). Как известно, Огарев не разделял резкой оценки Герценом деятельности Аксакова. 1 мая 1862 г. он писал Е. В. Салиас: «„День“ мы получаем редко. Об Аксакове и ре Польши Герцен уже писал. Мне жаль — я люблю Аксакова за какую-то своеобразную чистоту убеждения, а идти приходится врозь» (*ЛН*, т. 61, стр. 807); «Аксакова не жалей, — предостерегал Герцен Огарева 13 февраля 1867 г., — в нем надобно добиться до совести, двойство его безобразно».

Статья проникнута характерной для публицистики Герцена революционной страстью обличения (гневные восклицания, эмоциональные повторения, обращения и т. п.). Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVII, 46—47).

Стр. 49. ...*Аскоченский уже донес, что «Колокол» делает различие между «Днем» и «Московскими ведомостями»!*... — В. И. Аскоченский в своей пасквильной статье «С того берега» («Домашняя беседа», № 41 от 12 октября 1863 г.) обрушивался на Герцена за его поддержку революционной Польши и доносил на «Искру», выступавшую с критикой М. Н. Каткова. Между прочим, он указывал, что Герцен, «грызущий „Московские ведомости“», «почему-то... маленько мирволит „Дню“».

...*cum grano salis*... — Буквально: с крупинкой соли, т. е. с иронией (лат.).

Стр. 50. *Вы жалели нас в «Дне»*... — И. С. Аксаков сожалел, что Герцен сблизился с «изменником русскому народу» Бакуниным, выступившим в защиту польского восстания 1863 г. «От Бакунина, — писал он, — мы ничего другого и не ждали, и не уважали его никогда нисколько, но от Герцена мы не можем этого ожидать и ждем... Да, ждем раскаяния» («День», № 19 от 11 мая 1863 г.). См. также заметки Герцена «„День“ и „Московские ведомости“», «„Московские ведомости“ и „День“» и комментарий к ним в т. XVII наст. изд.

КОНЧИНА А. Н. МУРАВЬЕВА

Печатается по тексту *К*, л. 179 от 15 февраля 1864 г., стр. 1469, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки («Рекомендуем читателям...»), а также ее тематикой — о декабристском движении и его деятелях обычно писал в «Колоколе» Герцен. Его перу принадлежит ряд некрологов декабристов, написанных от имени редакции «Колокола»: «Кончина И. Д. Якушкина» (т. XIII наст. изд.), «Кончина Пущина» (т. XIV наст. изд.), «Кончина Басаргина», (т. XV наст. изд.), «Н. Р. Цебриков» (т. XVI наст. изд.), «Кончина кн. Е. Оболенского и Бобринцева-Пушкина» (наст. том). В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XVII, 47).

Стр. 51. *Рекомендуем читателям прочесть в 17 № «Листка» небольшую статью об нем.* — В «Листке», № 17 от 28 января 1864 г., в отделе «Смесь» (стр. 136), был помещен некролог «Кончина А. Н. Муравьева».

ГОСУДАРЬ В НЕМИЛОСТИ, ПЕРВОЕ AVERTISSEMENT МИЛЮТИНУ (СТАТСКОМУ)

Печатается по тексту *К*, л. 179 от 15 февраля 1864 г., стр. 1473, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Государь в немилости». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется на основании идейно-тематических и стилистических признаков. Реакционная деятельность М. Н. Каткова постоянно разоблачалась Герценом в «Колоколе». «Может, наша речь иной раз, как угрызение совести, помешает пирующим между кулебякой Каткову и кубком Муравьеву!» — писал Герцен в статье «Протест» (т. XVII наст. изд., стр. 217). Описание обедов, данных Каткову, на которых посылались телеграммы Бергу и Муравьеву (о чем говорится в данной заметке), не раз появлялось в статьях Герцена (см., например, «1864», «Ответ Гарибальди», стр. 10, 41 наст. тома). Характерно для Герцена и наименование Каткова «вторым Михайлой» — ср. в наст. томе заметку «Михаилы и Михайлы Николаевичи». Наименование Каткова Адашевым встречается также в статье «Сентиментальный взгляд назад» (см. наст. том). В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XVII, 47—48).

Заметка написана по поводу указа Александра II Сенату от 1 января 1864 г. о введении в действие новых «Положений о губернских и уездных земских учреждениях», разработкой которых руководил Н. А. Милютин (названный Герценом «статским» в отличие от его брата, военного министра Д. А. Милютина). В. И. Ленин писал по поводу этих «Положений» в статье «Гонители земства и аннибалы либерализма»: «...земство с самого начала было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления, колесом, допускаемым бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось, а роль депутатов от населения ограничивалась голой практикой, простым техническим исполнением круга задач, очерченных все тем же чиновничеством» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 5, стр. 32).

Стр. 52. ...*Полоний* ∞ *родная мать дивится ему?* — Слова матери Гамлета о том, что поведение принца «повергло ее в изумление и ошеломило», передает ему не Полоний, а Розенкранц (В. Шекспир. Гамлет, акт 3, сцена 2).

...*второй Михайлой*. — Первым Михайлой Герцен называл М. Н. Муравьева (Вешателя).

...*берлинских каморных профессоров, когда они недовольны королем, сильым, беззвучным ура!* — В составе франкфуртского Национального собрания (*die Kammer* — парламент — нем.) 1848—1849 гг. было много профессоров. «Собрание старых баб», по выражению Энгельса, проводило трусливую и предательскую политику по отношению к интересам трудящихся масс.

...*безжалостно сослал «Положения» из главного листа в «Современную летопись»*... — В «Московских ведомостях» был помещен только указ Александра II о введении в действие новых «Положений» (см. «Московские ведомости», № 8 от 11 января 1864 г.). Сами «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» были напечатаны в воскресных приложениях к газете (см. «Современная летопись», 1864, январь, № 2).

...*Доносом на коммунизм «Современника»*. — В критическом обзоре «Роман на берегах Невы», напечатанном в том же номере «Современной летописи» (стр. 12—13), «Современнику» вменялась в вину продолжающаяся на его страницах пропаганда коммунистических идей в духе романа Чернышевского «Что делать?».

...печеные яблоки летят отовсюду... — Н. И. Утин сообщал Огареву 5 марта 1864 г., что «в России и в Питере вообще большое недовольство земскими учреждениями» (ЛН, т. 62, стр. 646).

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

Печатается по тексту К, л. 179 от 15 февраля 1864 г., стр. 1473—1474, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется на основании идейно-тематической близости заметки с другими его статьями, высмеивающими «витийства» аксаковского «Дня», — например, со статьей «Они совсем сошли с ума» — из того же листа «Колокола» (см. выше комментарий к ней). Характерны для публицистики Герцена некоторые стилистические особенности заметки (иронические восклицания: «еще бы он тут им прочел Поль де Кока!», пародийное употребление возвышенного слога: «А Аксаков, верный мысли, что Иван Великий средоточие России, так витийствует»). Включено в издание М. К. Лемке (Л XVII, 48).

Стр. 53. *Университетское торжество (12 янв.)*... — 12 января 1755 г. — день основания Московского университета.

...имея под боком у себя университет... — Аксаков говорит о Казанском университете, основанном в 1804 г.

...«Московский университет ∞ в Москву». — Цитата из статьи И. С. Аксакова «Памятная заметка к университетскому обеду 12 января», напечатанной в газете «День», № 2 от 11 января 1864 г., за подписью «—ъ».

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО НА ТАМОЖНЕ

Печатается по тексту К, л. 179 от 15 февраля 1864 г., стр. 1474, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется, как и для предыдущей заметки, ее тематикой: полемику с «Днем» И. С. Аксакова вел на страницах «Колокола» обычно Герцен (см. комментарий к статье «Они совсем сошли с ума» в наст. томе).

Мысль о том, что «коренная народность», проповедуемая «Днем», должна защищаться «виселицами и комфортативами», неоднократно повторялась Герценом (см., например, его статью «„День“ и „Колокол“»: «Мы считаем неправдами те правды <...> которые так близки к костру и виселице» — т. XVII наст. изд., стр. 222). Включено в издание М. К. Лемке (Л XVII, 48—49).

Стр. 53. *Какой-то Войт*... — Речь идет о В. К. Войте, брате Н. К. Войта, шулера и мошенника, незаконным путем присвоившего себе имение Дурова и помогшего влиятельным родственникам ограбить несовершеннолетнего мальчика, опекуном которого он был. В «Листке» П. В. Долгорукова, № 17 от 28 января 1864 г. была напечатана статья «Законодатель Войт, с прибавлением рассказа о появлении преуспевании семейств Войтов под сенью полуавгустейших семейств Адлербергов и Барановых» (см. также заметку «Войт» в т. XIV наст. изд. и комментарий к ней, а также «Запросы сановникам» в наст. томе).

Стр. 54. *К огни врагов ∞ латинством*. — Не совсем точная цитата из заметки «Из Новогрудка, Минской губ.» («День», № 2 от 11 января 1864 г.).

...комфортативами. — Укрепляющими средствами (франц. confortative).

ПРУССИЯ, РУССИЯ — IST MIR ALLES GLEICH, И ПАЛКИ, ПАЛКИ...

Печатается по тексту *К*, л. 179 от 15 февраля 1864 г., стр. 1474, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Пруссия, Россия и палки, палки». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки («Мы получили на днях»), ее тематикой, близкой интересам Герцена того времени (издательства русской полиции над поляками — см. например, заметки «Преступления в Польше», «Плач» в т. XVII наст. изд. и др.), и некоторыми характерными особенностями стиля (каламбур: «рыцарский характер плац - майоров и плац - миноров», заголовок, немецкие слова и поговорки, которые органически вплетены в публицистическую речь автора, и пр.). В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XVII, 49).

УБИЙСТВО СУМАСШЕДШЕГО

Печатается по тексту *К*, л. 179 от 15 февраля 1864 г., стр. 1474, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки, а также ее тематикой: разгул правительственного террора был темой постоянных разоблачений в публицистике Герцена. Основная мысль заметки: «Как мы были правы, говоря, что стоило им лизнуть крови, границ не будет» — неоднократно высказывалась Герценом — см., например, «12 апреля 1861 (Апраксинские убийства)» — т. XV наст. изд., стр. 107, «Ответ Гарибальди» — стр. 40 наст. тома. Характерно для публицистической манеры Герцена ироническое противопоставление: «в Англии хлопочут, чтоб сумасшедшим спастись от казни, у нас смертною казнью начинают лечить сумасшедших». В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XVII, 49—50).

С т р. 55—56. «По военно-судному делу ∞ войск киевского гарнизона». — Сообщение перепечатано из официального отдела газеты «Русский инвалид», № 13 от 17 января 1864 г. Об этом факте известила также своих читателей газета «Северная пчела», № 18 от 19/31 января 1864 г.

АВГУСТОВСКИЕ АДРЕСЫ

Печатается по тексту *К*, л. 179 от 15 февраля 1864 г., стр. 1474—1475, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется идейно-тематической близостью заметки к другим его статьям, разоблачавшим политику Александра II в Польше и действия Муравьева-Вешателя (см. «Русская кровь льется», «Преступления в Польше» в т. XVII наст. изд. и др.). Обзор материалов газеты «Kölnische Zeitung» делал обычно для «Колокола» сам Герцен (см., например, в наст. томе статьи «3/70 копейки с души», «Иосиф Янковский» и др.). Характерна для публицистического стиля Герцена ирония заключительной фразы. В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XVII, 50).

Назначенный в разгар польского восстания, 1 мая 1863 г., генерал-губернатором Литвы, М. Н. Муравьев получил вскоре во временное управление Августовскую губернию, входившую в состав Царства Польского. Поддержанный реакционной прессой, Муравьев организовал сбор подписей августовских жителей под адресами Александру II о присоединении их губернии к России. Однако, опасаясь неблагоприятного впечатления в Европе, общественное мнение которой справедливо расценило бы этот факт как расчленение Царства Польского, Александр II не согласился узаконить отторжение Августовской губернии от Польши. В 1867 г. Августовская губерния была разделена на две части, образовавшие Сувалкскую и Ломжинскую губернии в пределах Польши.

НОВОСТИ ЗАГРАНИЧНЫЕ, ВОЗВРАЩАЮЩИЕСЯ ИЗ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЖУРНАЛОВ, И КНЯЗЬ П. И. ШАЛИКОВ, ВОЗВРАТИВШИЙСЯ ИЗ МЕРТВЫХ, МЕЖДУ ТЕМЗОЙ И НЕВОЙ

Печатается по тексту *К*, л. 179 от 15 февраля 1864 г., стр. 1475, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Между Темзой и Невой». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется тематикой заметки (разоблачение реакционной русской журналистики), упоминанием «Пимена Арапова и Дмитрия Пименова» (ср. характеристику Арапова, Пименова и его трактата «О сущности красоты и прелести» в «Былом и думах», т. VIII наст. изд., стр. 99—100), а также характерным для Герцена-публициста остро-сатирическим стилем заметки (иронический заголовок, насмешка над высокопарной и безграмотной фразой «Северной пчелы», каламбурное сочетание имен, немецкие слова, входящие в состав авторской речи, и пр.). Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVII*, 50—51).

Стр. 56. ...ему родился сын.— В № 4 «Северной пчелы» от 4/16 января 1864 г. была напечатана заметка, озаглавленная «Рождение сына принцу Уэльскому».

Стр. 57. ...князь П. И. Шаликов, забытый новым поколением, но потешивший нашу юность.— Князь П. И. Шаликов издавал в Москве «Дамский журнал» (1823—1833) и редактировал «Московские ведомости».

Отчего он не воскрес «Московским ведомостям» hochverschwägert...— Иронический намек на родственные связи редактора «Московских ведомостей» Каткова с князем Шаликовым, на дочери которого Катков был женат. Hochverschwägert—буквально: высокородный свойственник (нем.).

...статью покойника с Темзы на Неву.— В начале 1864 г. в «Северной пчеле» из номера в номер печатались корреспонденции «С Темзы на Неву (Дорожный дневник)» за подписью «В. С.—ъ». Цитируемые далее Герценом отрывки взяты из корреспонденции, помещенной в № 4 «Северной пчелы» от 4/16 января 1864 г.

...«Мои безделки»...— Название вышедшего в 1794 г. сборника произведений Н. М. Карамзина.

ГРАФИНЯ АНТОНИНА БЛУДОВА И МАТФИЙ ХОТИНСКИЙ

Печатается по тексту *К*, л. 179 от 15 февраля 1864 г., стр. 1475, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется на основании идейно-тематических и стилистических признаков заметки. В «Колоколе» неоднократно поме-

щались заметки и объявления о члене императорского минералогического общества в Петербурге М. Хотинском и почти всегда от имени издателей «Жолокола» или самого Герцена (см., например, его заметки «Астроном-наблюдатель и миссионер Хотинский», «Г-н М. Хотинский и III отделение» — т. XVII наст. изд.; «Загадка для Нового года» — наст. том; «Действительный статский советник и кавалер М. С. Хотинский» — т. XIX наст. изд. В последней подробно раскрывается «история заморского шпионства»).

Об «особом способе прикладываться к высокопоставленным иконам», «не оцененном ни графиней Антониной Блудовой, ни Аскоченским», писал Герцен в «Письмах к будущему другу» — см. наст. том, стр. 86.

Характерны для Герцена и некоторые стилистические особенности заметки — например, такие фразеологические обороты, как «аскоченское влияние на государыню», постоянное для Герцена ироническое сопоставление имен Каткова и Муравьева: «возил Михаилу Николаевичу Каткову, — ох, то бишь, Муравьеву — икону». Об иконоборском поругании образа архангела Михаила см. также в заметках «Один покраснел» — т. XVII наст. изд., «Нашим библиографам...» — в наст. томе. Включено в издание М. К. Лемке (Л XVII, 51—52).

Стр. 58. ...иконоборского поругания образа Архангела Михаила... — См. комментарий к стр. 16.

Графиня Блудова, имеющая очень назидательное и очень аскоченское влияние на государыню... — А. Д. Блудова, дочь председателя Государственного совета и Комитета министров графа Д. Н. Блудова, с 1863 г. была камер-фрейлиной императрицы. «Аскоченское влияние» — т. е. церковное, ханжеское — по фамилии редактора «Домашней беседы», религиозного фанатика и мракобеса, В. И. Аскоченского.

Стр. 59. ...*Мартьянов был схвачен вследствие его рапорта...* — Мартьянов был арестован 12 апреля 1863 г. в Вержболово (пограничном пункте между Россией и Германией), 15 апреля он был заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. См. о Мартьянове в наст. томе комментарий к статье «П. А. Мартьянов и земский царь».

НОВОВВЕДЕНИЕ В ЖУРНАЛИСТИКЕ

Печатается по тексту К, л. 179 от 15 февраля 1864 г., стр. 1476, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки, а также ее тематикой, близкой основным интересам Герцена — разоблачение официальной русской журналистики, в частности газеты «Северная пчела», которая (как писал Герцен в «Новой фазе в русской литературе») «старалась превзойти „Московские ведомости“ преданностью полиции и ненавистью к Польше» (наст. том, стр. 208). Ср. заметки «Appel à la pudeur» — т. XIII наст. изд., «Ернический тон русских газет» — т. XVI наст. изд. и др. Характерен для публицистического стиля Герцена иронический тон заметки. В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XVII, 53).

Стр. 59. «Северная пчела» печатает, кажется, двадцатое письмо об английском языке. — В течение января — начала февраля 1864 г. в «Северной пчеле» было напечатано 19 «Писем об английском языке», носивших справочный, лексикографический характер.

...*Флюгеля «Англо-немецкий лексикон»...* — Англо-немецкие словари И. Г. Флюгеля: «Volkständiges deutsch-englisches und englisch-deut-

ches Wörterbuch» (3-е изд., Лейпциг, 1848) и «Practical Dictionary of the English and Germany languages» (Гамбург и Лейпциг, 1847—1852) пользовались в XIX в. чрезвычайной популярностью и неоднократно переиздавались.

Стр. 60 ...*фармакопею Курта Шпренгеля*...— Имеется в виду известная работа по практической фармакологии К. Шпренгеля «Versuch einer pragmatischen Geschichte der Arzneikunde» (1-е изд., Галле, 1792—1803 гг.).

<ИЗДАТЕЛИ «КОЛОКОЛА» ПОКОРНЕЙШЕ ПРОСЯТ...>

Печатается по тексту К, л. 179 от 15 февраля 1864 г., стр. 1476, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Автограф неизвестен.

Запрос написан от лица издателей «Колокола» и непосредственно при-
мыкает к заметке Герцена из л. 175 «Граф Амурский», сообщавшей о том, что граф Амурский подписался на икону виленскому палачу (см. т. XVII наст. изд.) В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XVII, 53).

В последующих листах «Колокола» ответ на этот запрос издателей напечатан не был. В «Листке» П. В. Долгорукова, в редакционной заметке, опубликованной в № 18 от 25 февраля 1864 г., отмечалось, что по сведениям, полученным из Петербурга, «генерал Муравьев не подписывался на икону, посланную к его брату, а подписался родственник их, граф Амурский» (стр. 144).

О русских государственных деятелях, отказавшихся подписаться на икону Муравьеву, Герцен писал в заметке «Поворотная линия» (см. наст. том).

<«РУССКИЙ ИНВАЛИД»>

Печатается по тексту К, л. 179 от 15 февраля 1864 г., стр. 1476, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОК. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется на основании тематики заметки. О запаздывании почты не раз писал в «Колоколе» именно Герцен (см., например, его статью «Почта в России», т. XIV наст. изд.), считавший, что «Колокол» должен немедленно откликаться на события, освещаемые русской прессой. Остро иронический стиль заметки подтверждает авторство Герцена. В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XVII, 53).

Русская почта доставлялась в Англию с большой задержкой, причиной которой была ее тщательная перлюстрация и цензурование в Берлине, являвшемся транзитным пунктом на пути ее следования в Англию. Н. И. Утин писал Огареву 5 марта 1864 г.: «Из Берлина мне пишут, что почта российская свирепствует в Германии, многие письма не доходят, а только пустые конверты и даже распечатанные письма!» (ЛН, т. 62, стр. 646).

Стр. 60. ...*берсальерского шага*...— Стрелковые роты берсальеров считались одними из лучших соединений итальянской пехоты.

ИОСИФ ЯНКОВСКИЙ

Печатается по тексту *К*, л. 180—181 от 1 марта 1864 г., стр. 1486, где опубликовано впервые, с подписью: *И—р*. В *ОК* озаглавлено: «Казнь И. Янковского». Автограф неизвестен.

Стр. 61. ...*Шиндлера, хотевшего убить кого-то из русских*...— Ф. Шиндлер обвинялся в покушении на жизнь В. А. фон Роткирха — вице-директора Особой канцелярии по делам полиции в Варшаве.

Стр. 62. «*Что-то подельывают мои тигры-обезьяны?*» — писал *Вольтер*, спрашивая о парижанах. — Сопоставление французов с «тиграми-обезьянами» находится в повести Вольтера «Кандид», герой которой восклицает: «Поскорее бы мне покинуть страну, где обезьяны поступают, как тигры».

...*Николаевское гонение на пейсики, на долгополые еврейские кафтаны*... — При Николае I евреям запрещалось носить национальную прическу и одежду; специальное постановление об этом было издано Советом управления Царства Польского 19 июня 1853 г. С наступлением реакции в период подавления польского восстания 1863 г. эти гонения возобновились. В примечании Герцен имеет в виду статью, напечатанную в «Московских ведомостях», № 28 от 4 февраля 1864 г.

Стр. 63. «*Кёльнская газета*» ∞ на днях поймала наших шамунов... — См. «Kölnische Zeitung» от 13 февраля 1864 г.

...*и д е л в Пермской губернии толпу детей, отобранных у евреев*... — См. «Былое и думы», часть II, главу XIII (т. VIII наст. изд., стр. 232—233).

ПИСЬМА К БУДУЩЕМУ ДРУГУ

Печатается по тексту *К*: письмо первое — л. 180—181 от 1 марта 1864 г., стр. 1487—1489; письмо второе — л. 182 от 20 марта 1864 г., стр. 1496—1498; письмо третье — л. 184 от 1 мая 1864 г., стр. 1513—1516; письмо четвертое — л. 186 от 15 июня 1864 г., стр. 1528—1530; письмо пятое — л. 213 от 1 февраля 1866 г., стр. 1741—1743, где опубликовано впервые, с подписью: *И—р*. Перед первым письмом, после введения (NB) также стоит подпись: *И—р*. Автограф неизвестен.

В письме к Е. В. Салиас от 26 мая 1864 г. Герцен писал: «Довольны ли вы моими „Письмами к будущему другу“? Ив. Тург(енев), я полагаю, недоволен; а в письме к Ю. Ф. Самарину от 14 июля 1864 г. указывал: «Если досуг вам, прочтите в 186 листе „Колокола“ IV письмо к будущему другу, — оно даст диапазон».

В настоящем издании в текст внесены следующие исправления:

Стр. 66, строка 20: *пришедшим вместо: пришедшими*

Стр. 69, строка 36: *приблизившемуся к лагерю и ожидавшему вместо: приблизившегося к лагерю и ожидавшего*

Стр. 71, строка 10: *не прочно вместо: не непрочно*

Стр. 86, строка 3: *который вместо: которое*

Стр. 87, строка 14: *переселить вместо: переселить*

Эпистолярная форма, которую избрал Герцен для серии разнообразных по своей тематике статей, объединенных в «Письмах к будущему другу», позволила ему коснуться широкого круга вопросов, связанных с развитием русской жизни, литературы и журналистики шестидесятих годов. В заключительном, пятом письме цикла, написанном значительно позднее, в январе 1866 г., Герцен возвращается к изложению основных принципов «русского социализма», с позиций которого он рассматривает судьбы России и Запада.

В «Письмах» отразился решительный и полный разрыв Герцена с либералами всех толков, которые в годы наступившей реакции пошли на сближение и союз с охранителями самодержавия. Весьма знаменателен самый выбор адресата, подчеркивающий отсутствие единомышленников из числа прежних, «ушедших» друзей. Среди них не оказалось никого, кто «желал бы что-нибудь знать», к кому бы «хотелось что-нибудь писать».

Герцен обращается к будущему другу, способному разделить его непримиримую ненависть к существующему порядку, его борьбу за новые общественные отношения. Такими единомышленниками для Герцена вскоре стали революционные разночины, о которых он с симпатией отзовется в работе «Новая фаза в русской литературе»; в статье «VII лет» Герцен открыто объявит, что революционная разночинная интеллигенция и есть та среда, для которой он хочет писать, прибавив свое «слово дальних странников» к тому, чему ее учит Чернышевский «с высоты царского столба» (см. стр. 244 наст. тома).

В этой связи большой интерес представляет оценка в «Письмах к будущему другу» так называемых «лишних людей» и их роли в развитии общественного движения в России. Она значительно отличается от той характеристики, которую несколькими годами раньше Герцен давал «лишним людям» в статье «Very dangerous!!!» (см. т. XIV наст. изд.). Теперь он сам признает, что «лишних людей» когда-то поэтизировали без меры, он видит в них промежуточное поколение, через кладбище которых «старцы - хранители» — декабристы — призовут внуков на дело и укажут им путь». Говоря о трех шеренгах борцов против самодержавия, Герцен устанавливает между ними преемственную связь и утверждает, что «лишним людям тех времен (т. е. николаевских) обязано новое поколение тем, что оно не лишнее». Он видит свою задачу в том, чтоб «помирить отцов и детей», предав забвению «пограничные споры двух поколений».

Стр. 64. ...живет с ним через коридор...— Имеется в виду Н. П. Огарев.

...предварение человека, открытое императорским почтамтом в России ∞ по подорожной с будущим...— В подорожных проездных свидетельствах было означено право взять с собой любого попутчика, который обозначался в них в качестве «будущего».

Автор сам был будущим в одном давно прошедшем путешествии ∞ рядовой жандармского дивизиона.— При следовании Герцена в вятскую ссылку в 1835 г. подорожная выписана была на сопровождавшего его жандарма.

Стр. 65. ...составить небольшую хрестоматию à la Noël et Charval...— Имеется в виду книга «La nouvelle grammaire française» Жана Франсуа Ноеля и Шарля Пьера Шапсея (1823 г.).

Обложил я себя, как Лазарь, всем гноем, привезенным ∞ с берегов счастливой Невы и благоразумной Москвы-реки.— Подразумевается евангельский образ покрытого струпами нищего (Евангелие от Луки, гл. XVI, ст. ст. 20—25). Гноем Герцен называет органы русской реакционной печати.

...северных пчельников...— То есть писаний газеты «Северная пчела».

Стр. 66. ...государь-редактор «Моск. вед.»...— Имеется в виду М. Н. Катков. Далее приводится отрывок из статьи, напечатанной в № 283 «Московских ведомостей» от 31 декабря 1863 г.

...к князьям, боярам, воеводам...— Перифраз начальных строк монолога Дмитрия Донского из одноименной трагедии В. А. Озерова (действ. I, явл. 1).

...эпиграф «Man kann, was man will», избранный Н. А. Полевым...— На титульном листе «Московского телеграфа», издававшегося Н. А. По-

левым, стоял эпитафия: «Man kann, was man will, man will, was man kann» («Можешь то, чего желаешь, желаешь то, что можешь»).

Стр. 67. ...а «Моск. вед.» повторяют о том, что «прежде, нежели думать об освещении московских улиц газом ∞ чтоб город имел полицию». — Из статьи, помещенной в № 265 «Московских ведомостей» от 5 декабря 1863 г.

Стр. 68. ...«воздвиг гонения даже на малороссийские авбуки ∞ Разве раскол не интрига!»... — Имеются в виду возражения С. С. Громеки («Отечественные записки», 1863, № 7, «Современная хроника России») на помещенные в «Русском вестнике» (1863, май) статьи А. Иванова «О малорусском литературном языке и об обучении на нем» и Н. С. на «Современные движения в расколе».

...*similia similibus*... — Часть латинского выражения «*similia similibus curantur*», означающего: «подобное излечивается подобным».

...*Au clair de la lune ∞ Ermiloff!* — «При свете луны, мой друг Катков, одолжи мне твое перо, я подписываюсь: Ермилов!». Пародия на куплет популярной французской песни неизвестного автора:

Au clair de la lune,
Mon ami Pierot,
Prête moi ta plume
Pour écrire en mot

(«При свете луны, мой друг Пьерро, одолжи мне твое перо, чтобы написать словечко»).

Беру свежий лист «Московских ведомостей» ∞ а возмутителей выдали. — Отрывок из корреспонденции «Из Августовской губернии» за подписью Н., помещенной в «Московских ведомостях», № 5 от 8 января 1864 г.

Стр. 69. *Развертываю статью о «Гайдамачине»*... — Далее цитируется статья К. Е. Козловского «Поляки в Заднепровской Украине в XVIII веке» («Русский вестник», 1863, № 10).

...*идти против конфедератов.* — Конфедерации — временные союзы шляхты в Польше XVI—XVIII вв. Конфедераты стремились уничтожить влияние России в Речи Посполитой, выступая под лозунгом борьбы против православных.

Стр. 70. ...*польскому рейментарю*... — Рейментар — занимавшийся в армии подбором лошадей.

...*субальтерну*... — Субальтерн — младший офицер роты, эскадрона, батареи в Польше.

...*помнил казнь Гонты и пел ∞ назад положили.* — Отрывок из песни, опубликованной в сборнике «Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем», М., 1834, стр. 126. В настоящем издании печатается в транскрипции «Колокола».

Стр. 71. ...*маремма*... — Приморская нездоровая болотистая местность на западе Италии, в провинции Гросетто.

С «Отечественными записками» был, между прочим, года два тому навад переломчик ∞ требуя небывалые казни в а ж и г а т е л я м, тоже небывалым. — Имеется в виду статья А. В. Эвальда «Все и ничего» в «Отечественных записках», № 6 за 1862 г. (см. о ней в т. XVI наст. изд., стр. 232 и 431).

Сердится Андрей Александрович... — А. А. Краевский, издатель «Отечественных записок».

«се это крайние мнения ∞ что вы режете его противника». — Герцен пародирует обзор «Современная хроника России», где С. С. Громека писал: «Я почел бы себя несчастным, если б осужден был на рабскую верность какому-нибудь из этих политических догматов, хотя бы и самому»

либеральному, для меня возмутительно положение человека, обязанного, *во что бы то ни стало*, быть крайним или умеренным от головы до ног» («Отечественные записки», 1862, № 6, стр. 43).

...величественная масса облаков, которые можно принять за верблюда и за рыбу, как в «Гамлете»...— См. В. Ш е к с п и р, Гамлет, акт 3, сцена 2.

Ст р. 72. ...гражданин Бушо преподавал ∞ французскую революцию...— См. «Былое и думы», часть I, т. VIII наст. изд., стр. 64—65.

...гражданин Московского университета...— Студент Иван Евдокимович Протопопов, домашний учитель Герцена (см. о нем в «Записках одного молодого человека», т. I наст. изд., стр. 266—268, и в «Былом и думах», т. VIII наст. изд., стр. 63—66).

Ст р. 73. ...в четвероместной книжке «Отеч. записок»...— «Отечественные записки» состояли из четырех главных отделов (не считая «Смеси»), каждый из которых имел свою пагинацию.

Г-н Тургенев ∞ безобразных Кукушкиных.— Цитата из статьи «Литературная летопись» («Отечественные записки», 1863, № 11—12, отдел «Современная хроника», стр. 92—93).

Ст р. 76. ...в флорентийских Уффициях...— Картинная галерея во Флоренции, во дворце Уффици, построенном в XVI веке.

...игуменью Дидро ∞ нелепого обета.— См. роман Дидро «Монахиня».

...о л ы й мальчик Фландрена...— Речь идет о картине французского художника Ипполита Фландрена.

Ст р. 78. ...«Записки» Ф. Вигеля в «Русском вестнике».— «Записки» Ф. Вигеля были впервые опубликованы после его смерти в «Русском вестнике» в 1856 г., в 1864—1865 гг. вышли отдельным изданием I—IV части, в 1865 г.— V—VII части. Далее Герцен цитирует их, не точно придерживаясь текста, но не изменяя смысла.

...он был известен объяснением Пушкина ∞ когда ему заказывает их Вигель.— Имеется в виду куплет из эпиграммы С. А. Соболевского, долгое время приписывавшийся Пушкину (см. С. А. С о б о л е в с к и й. Эпиграммы и экспромты. М., 1912, стр. 114); был опубликован в сборнике «Русская потаенная литература XIX столетия», Лондон, 1861, стр. 91.

Чаадаев был уверен, что он в Петербурге поднял официальное гонение на его известное письмо.— В письме от 21 октября 1836 г. к митрополиту Серафиму Вигель назвал Чаадаева автором «философического письма». Однако донос Вигеля запоздал, дело против Чаадаева было начато раньше (см. М. К. Л е м к е. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг., СПб., 1909, стр. 411—412).

...«Записки» честного Болтина...— Автобиографические «Записки» Андрея Тимофеевича Болотова были опубликованы в отрывках в «Сыне отечества», 1839, № 8 и 9; полностью — в «Отечественных записках», 1850 (№ 4—8) и 1851 (№ 1—5). Герцен ошибочно называет автора записок Болтиным.

...не VIII столетия, его знает М. П. Погодин...— Иронический намек на труды М. П. Погодина по древней русской истории (в частности на его магистерскую диссертацию «О происхождении Руси», М., 1824).

Ст р. 79. ...дворяне - сеттлеры...— Сеттлеры — поселенцы (от англ. settler).

...качик...— В средней и южной Америке начальник индийского племени.

Ст р. 80. ...до черного инженер-генерала...— Имеется в виду прадед А. С. Пушкина по материнской линии Абрам Петрович Ганнибал.

Карл Петр Ульрих, герцог голштинский, был наследником престола.— Сын Анны Петровны, дочери Петра I и голштинского принца, — Петр III.

Ст р. 83. ...«не им, не им, а имени царскому...»— Герцен перефразирует надпись «Не нам, не нам, а имени твоему», которая, начиная с 1796 г.,

чеканилась на русских серебряных монетах (см. в т. XVII наст. изд. комментарий к стр. 295).

Стр. 84. ...*как исчезли военные поселения*...— После восстания военных поселенцев Новгородской губернии в 1831 г. весь институт военных поселений постепенно стал ликвидироваться. Окончательно упразднен в 1857 г.

Стр. 85. *Encore une étoile qui file!*— «Еще одна звезда, которая померкла» — строка из припева песни Беранже «Les étoiles qui filent» («Падающие звезды»).

Стр. 86. *Историю о Надежде Ивановне Вигель...*— Тетка Ф. Ф. Вигеля. Герцен писал о ней в «Былом и думах» (см. т. IX наст. изд., стр. 187—188).

...*успокоилась в одном из них*...— В доме Голохвастовых, родственников Герцена.

Стр. 87. *Человек ∞ умер года два тому назад в небольшом городе на Роне*.— Имеется в виду Н. И. Саонов, близкий Герцену с университетских лет. Умер в Швейцарии в 1862 г.

Стр. 88. *В стране метелей и снегов ∞ Лены*...— Из поэмы К. Ф. Рылсева «Войнаровский».

Стр. 89. *«Былое и думы»*.— См. о М. Ф. Орлове в «Былом и думах», т. VIII наст. изд., стр. 175—178; о Чаадаеве—т. IX наст. изд., стр. 133—172.

Стр. 90. ...*сделал портрет Чаадаева*...— См. «Записки одного молодого человека» (т. I наст. изд.). В письме к старшим дочерям от 18 мая 1864 г. Герцен писал: «Ты не понимай буквально о портрете Чаадаева в Трензинском, это не был портрет, это было только художественное сходство. Трензинский — сам собой, лицо, покрывающее не одного Чаадаева; это образ, созданный не с живого лица и еще меньше с лица Петра Яковлевича».

...*чело, как череп голый*...— Из стихотворения А. С. Пушкина «Полководец».

Стр. 91. ...*величавый старик ∞ еще более блестящий, но уж иным светом*...— Декабрист князь С. Г. Волконский. Арестованный в январе 1826 г., он был приговорен к смертной казни, замененной 20-летней каторгой; впоследствии срок каторги был сокращен до 15 лет. После отбытия каторги Волконский оставался на поселении в Сибири, откуда вернулся после амнистии 1856 г. В 1859 и 1860—1861 гг. выезжал за границу для лечения. Герцен встречался с ним в Париже в конце июня — начале июля 1861 г.

Между виселицами на Кронверкской куртине и виселицами в Польше и Литве...— То есть от казни декабристов на Кронверкской куртине в Петропавловской крепости в 1826 г. и до подавления польского восстания 1863 г.

Стр. 92. ...*nel largo Oceano*.— «В безбрежный океан» — см. поэму Камюэна «Лузиады», воспевающую подвиги отважных португальских мореплавателей.

...*и его последняя книга*.— Edgar Quinet. La Révolution, Paris, 1865.

Стр. 94. ...*каков портной?*— Имеется в виду президент США в 1865—1869 гг. Джонсон, который в молодости был портным и даже грамоте научился, будучи уже женатым человеком.

Восемьсот тысяч войска распущены...— После капитуляции генерала Ли, возглавлявшего в гражданской войне 1861—1865 гг. в США армию рабовладельческого Юга, северяне распустили войска.

Стр. 95. ...*Нинона Ланкло*...— Знаменитая французская куртизанка, умершая в глубокой старости; ее именем Герцен называет Западную Европу.

...*между Вестфальским миром и Венским конгрессом*.— Вестфаль-

ский мир (1648) — мирный договор, закончивший тридцатилетнюю войну в Германии. Венский конгресс (1815) завершил войны коалиции европейских держав против Наполеона.

...мальтийские кавалеры...— Мальтийский орден — духовно-рыцарский орден, названный так в 1530 г. по имени острова Мальта, находившегося во владении ордена. После взятия острова Наполеоном (1798) рыцари мальтийского ордена избрали магистром ордена Павла I, которого поэтому иронически иногда называли «мальтийским кавалером».

...ученье-то Монро и Джонсона...— Президент США в 1817—1825 гг. Джеймс Монро провозгласил доктрину «Америка для американцев», направленную против вмешательства европейских стран в дела США; на эту же доктрину опирался президент Джонсон.

Стр. 96. ...убивает немейских львов...— Убийство «немейского льва» — один из двенадцати подвигов мифического греческого героя Геракла.

...лары...— По верованиям древних римлян, души предков, покровители домашнего очага.

...осталась после этого ∞ нравственного Фонтенебло... своя Св. Елена.— В Фонтенебло состоялось отречение Наполеона I от престола. На остров св. Елены Наполеон I был сослан после низложения.

Стр. 97. Оставалась для него одна дверь...— Речь идет об утопическом социализме.

...в гостии...— Хлеб, употребляемый при причастии у католиков и лютеран.

...написал ему...— Далее приводится отрывок из письма Герцена к Э. Кине от 30 декабря 1865 г.

Стр. 98. ...patres conscripti...— Официальный титул при обращении к собранию сенаторов в древнем Риме.

Стр. 98—99. ...написать длинное письмо к ∞ Мишле.— «Русский народ и социализм. Письмо к Ж. Мишле» — см. т. VII наст. изд.

Стр. 99. ...о другом враге...— Имеется в виду частная собственность.

НА ВОЛЫНЬ!

Печатается по тексту *К*, л. 180—181 от 1 марта 1864 г., стр. 1489, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется непосредственной близостью заметки к другим его статьям, разоблачающим «День» и его издателя (см. «Колокол» и «День» в т. XVII наст. изд. и др.), а также своеобразным юмором, характерным для публицистической манеры Герцена (например, каламбуры: «Он пошел на всех парусах», «для Москвы, как для Помпеи, настает последний День»). Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVII, 106—107).

Написано в связи со статьями И. С. Аксакова (см. «День», № 5 и 6 от 1—8 февраля 1864 г.), в которых, угрожая правительству восставшим крестьян на Украине, он упрекал власти Юго-Западного края в бездействии по отношению к «проискам польской пропаганды» и требовал принятия решительных административных мер. Впоследствии разгул реакции на Украине настолько усилился, что в Киевской губернии начали сечь крестьян «за неповиновение помещикам» (В. Ф. Одоевский. Дневник. Запись от 29 сентября 1864 г., *ЛН*, т. 22—24, стр. 185). О шовинистической кампании русской реакционной прессы против «украинофильства» см. в наст. томе заметку «Еще шаг» и комментарий к ней.

Стр. 100. ...пишет в своем «Aux armes, citoyens», 1 февраля, г. Аксаков. — Герцен цитирует (соединяя в одном абзаце выдержки из разных мест) передовую статью И. С. Аксакова («День», № 5 от 1 февраля 1864 г.), иронически сравнивая ее с революционным призывом «Марсельезы» — «Aux armes, citoyens!» («К оружию, граждане!»). См. далее статью «Запрос „Дню“» и комментарий к ней.

«LE NORD» И LE TZAR ЗА ЗЕМЛЮ И ВОЛЮ

Печатается по тексту К, л. 180—181 от 1 марта 1864 г., стр. 1490, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется ответственным редакционным характером заметки, являющейся ответом Э. Мезону, который вел полемику лично с Герценом. Анекдот о русском генерале в Дюссельдорфе рассказан Герценом и в «Былом и думах» (см. т. XI наст. изд., стр. 172). Включено в издание М. К. Лемке (Л XVII, 108).

Стр. 102. ...Е. Мезон, видя, что «международный журнал» передал отрывки из его статьи ∞ 14 февраля. — В газете «Le Nord» от 3 и 4 февраля 1864 г. были напечатаны две статьи Э. Мезона: «La discussion de la Question polonaise au corps législatif» и «La discussion de la Question polonaise au corps législatif au point de vues Russe». В письме редактору «Le Nord», помещенном в газете 14 февраля 1864 г., Э. Мезон указывал на неточности и прямые извращения, допущенные газетой при публикации его статей, и высказывал свой взгляд на положение дел в Польше.

«Международный журнал» поместил через день ответ русского патриота de Moller. — Письмо de Moller редактору «Le Nord» — «La Question de Pologne et le traité de Vienne» — было напечатано в газете «Le Nord» 16 февраля 1864 г. Далее Герцен цитирует его в переводе.

УМИРОТВОРЕНИЕ ЛИТВЫ, УСПОКОЕНИЕ ПОЛЬШИ

Печатается по тексту К, л. 180—181 от 1 марта 1864 г., стр. 1490—1491, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется упоминанием о «старом приятеле и должнике»; это был Н. А. Мельгунов, что видно из его переписки с Герценом (см. ЛН, т. 62, стр. 308—381). Включено в издание М. К. Лемке (Л XVII, 120—121).

В настоящем издании текст внесено следующее исправление:

Стр. 105, строка 3: всякого кредита нравственного вместо: всякий кредит нравственный.

Заметка имела целью разоблачить лживые сообщения русской реакционной печати о полном подавлении польского восстания. Герцен высмеивает царское правительство, рекламные заверения которого об «умиротворении Литвы, успокоении Польши» не согласовались с печатавшимися в тех же газетах рассказами «о казнях и битвах».

Стр. 103. ...старого приятеля и должника. — В декабре 1856 г. Н. А. Мельгунов получил у Герцена займы 4 тысячи франков, в январе 1857 г. — еще две тысячи, затем сумма долга возросла до 13800 франков.

В 1867 г. Мельгунов умер, оставшись должником Герцена (см. письма Мельгунова к Герцену, ЛН, т. 62, стр. 308—381, а также статью Герцена «Частное дело» — т. XIX наст. изд.).

Стр. 104. ...*Агдобокля Карловна*... — Подразумевается, по-видимому, Каролина Карловна Павлова (см. о ней в тех же письмах Мельгунова).

...*Submarine telegraphical ∞ Company* — 4 sh. 6 d. — Кампания подводного телеграфа на улице South-Western Gracechurch — 4 шиллинга, 6 пенсов.

Стр. 104—105. ...*в роде лондонской Алгамбры или Креморна ∞ Последнее из второй серии трех ∞ Представлений*. — Alhambra Theater и Stornogards — увеселительные места в Лондоне, где гастролировал известный французский цирковой артист Леотар.

Бездарное и расслабленное правительство ∞ лишает себя, рядом с финансовым ∞ кредита нравственного. — В 1864 г. во второй январской книжке «Revue des Deux Mondes» была напечатана статья известного французского экономиста Л.-Р. Воловского, в которой утверждалось, что Россия стоит на грани полного разорения и неминуемого финансового краха. Русская пресса вступила в полемику с Воловским (см. статью Ф. Тернера в «Русском инвалиде», № 21 от 26 января 1864 г.). Вторая статья Воловского, содержащая возражения русскому оппоненту, была напечатана в «Revue de Deux Mondes» 1 марта 1864 г. «Колокол» отозвался на полемике статьями Огарева о финансовом положении в России, в которых указывалось, что только созыв Земского собрания и «замена чиновничества выборным управлением» могут вывести Россию из кризисного состояния (см. статьи «Тень Банка», л. 178 от 1 февраля, «Финансовые споры», лл. 179—184 от 15 февраля, 1 и 20 марта, 15 апреля и 1 мая 1864 г.).

«ЕВРОПЕЕЦ»

Печатается по тексту К, л. 180—181 от 1 марта 1864 г., стр. 1491, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки («Нас „Европеец“ вот как отпевает»), являющейся непосредственным ответом на выступление газеты «Европеец», которое было направлено лично против Герцена. Мысль о том, что «1863 год проехал тяжелой колесницей по груди», неоднократно высказывалась Герценом (например, в статьях «В вечность грядущему 1863 году», т. XVII наст. изд., «1864», наст. том). Характерны для Герцена и стилистические особенности заметки (каламбурное обыгрывание эпиграфа газеты «Европеец», сатирические сравнения: «степные и городские Калибаны, жующие пироги в честь Муравьева», и др.). Включено в издание М. К. Лемке (Л XVII, 122).

Еженедельная русская газета «Европеец» начала выходить в Дрездене с февраля 1864 г. В первом же номере ее издатель Л. И. Блюммер резко выступил против деятельности Герцена и Огарева. Издание газеты прекратилось на № 10 в июне 1864 г. (см. далее комментарий к заметке «Мы с нетерпением ждем „Европейца“...»).

«ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН В [ПОЛЬШЕ]»

Печатается по тексту К, л. 182 от 20 марта 1864 г., стр. 1498, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVII, 136) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из указания Огарева, хранящегося в архиве семьи Герцена» (Л XVII, 436).

Авторство Герцена подтверждается тематикой заметки, обличающей кровавую политику русского правительства в Польше (ср., например, статьи «Русская кровь льется», «Преступления в Польше» — т. XVII наст. изд. и др.). Характерно и наименование Муравьева «людоедом» — ср. «Портрет Муравьева», «Поворотная линия» в наст. томе

Заметка написана в связи с опубликованием двух указов Александра II от 19 февраля 1864 г. о крестьянской реформе в Польше. В отличие от положений манифеста 19 февраля 1861 г., первый указ устанавливал обязательный выкуп крестьянами земли, находившейся в их пользовании, после чего земля переходила в полную собственность крестьян. Вторым указом устанавливались принципы самоуправления крестьян в гминах (волостях).

В заметке Герцен приводит цитату из первого указа от 19 февраля 1864 г.

Стр. 107. ... в *Заманиловке*. — См «Мертвые души» Н. В. Гоголя, т. I, глава II.

ЛОГИКА ПАДЕНИЯ

Печатается по тексту К, л. 182 от 20 марта 1864 г., стр. 1499—1500, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется тематикой заметки, являющейся важным звеном в единой цепи статей Герцена 1864 г. о реакционной журналистике и руководителе «Московских ведомостей» Каткове (см. в наст. томе «Они совсем сошли с ума», «Новая фаза в русской литературе», «Кошунство „Московских ведомостей“ и их такт», «Здоровы ли „Московские ведомости“?», «Аксаков в гостях у Каткова», «*Polizei-wut*», «Петербургская Агриппина», «Правительственная агитация и журнальная полиция», «Письма к будущему другу» — письмо первое — и др.). Заметка непосредственно примыкает к работе Герцена «Новая фаза в русской литературе», в III главе которой подробно говорится о грязной кампании, поднятой «Московскими ведомостями» по поводу пожаров, о доносах Каткова и пр. (см. наст. том, стр. 206—214). Характеристика «высокомерной, надутой фигуры Каткова», как «какого-то дяди русского развития», который «открыто презирал» русское общество и «противополагал ему Англию», текстуально совпадает с определением его в «Новой фазе...», как «ведьмилкого дядюшки в литературе», который «учит восхищению перед Англией» (см. наст. том, стр. 206).

Много раз встречается в публицистике Герцена и наименование Каткова «зверем», «помешанным», у которого «добро и зло, черное и белое совершенно спутаны» (см., например, стр. 270 наст. тома).

Характерны для Герцена также некоторые стилистические и фразеологические особенности заметки («литературные Аббадоны», «проповедь Польши по Муравьеву — проповедь Англии по Гнейсту» и т. п.). В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XVII, 137).

Стр. 108. ... *обозрения «Westminster review» в его «Вестнике» считались русскими.* — Начиная с 1857 г., в «Русском вестнике» печатались так называемые «политические обозрения», которые Герцен иронически сравнивает со статьями «Вестминстерского обозрения», намекая на бывшее англоманство Каткова.

Русское общество он открыто презирал, открыто оскорблял и постоянно противопоставлял ему Англию, ее учреждения.— Е. М. Феокистов писал в своих воспоминаниях: «Катков тщательно вычеркивал в статьях своих сотрудников всякие неблагоприятные отзывы об Англии из опасения, что отзывы эти могут подорвать веру и уважение к стране, внутреннее устройство коей должно служить образцом для России» (Е. М. Феокистов. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Л., 1929, стр. 93).

Стр. 109. *Петербургский пожар...*— См. комментарий к стр. 26 наст. тома.

Стр. 110. *Около двух лет издатель «Моск. вед.» проповедует о нашем «повреждении и сумасшествии».*— Кампания, поднятая Катковым в русской легальной печати против Герцена, открылась 16 мая 1862 г. в «Современной летописи» «Русского вестника», № 20; вторая, еще более резкая статья против Герцена появилась там же 6 июня 1862 г. в № 23 (см. т. XVI наст. изд., заметки «Дурные оружия», «По поводу крепких слов г. Каткова и слабостей генерала Потапова» и комментарий к ним).

...прочсть передовую статью «Моск. вед.» 35 № ∞ смысла.— См. «Московские ведомости» от 12 февраля 1864 г.

БРАНЬ НА СМЕРТЬ ИДУЩИМ

Печатается по тексту К, л. 182 от 20 марта 1864 г., стр. 1500, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется на основании тематики заметки (о разгule правительственного террора см. в наст. томе заметку «Убийство сумасшедшего» и комментарий к ней). Герцен часто использовал вольтеровский образ «тигров-ослов» (или «тигров-обезьян»), в которых сочетаются «страшные преступления» с «ничтожнейшими мелочами» (например, в «Былом и думах» — см. т. X наст. изд., стр. 37, а также в статье «Иосиф Янковский» — см. стр. 62 наст. тома). В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XVII, 139).

Стр. 111. *«Рус. инв.», например, говорит ∞ разбойничьи шайки...*— Имеется в виду опубликованное в № 42 газеты «Русский инвалид» от 21 февраля (4 марта) 1864 г. сообщение о расстреле рядового гродненского батальона внутренней стражи Яна Красинского «за двукратный побег в разбойничьи шайки и подговаривание других к тому же».

ЗАПРОС «ДНЮ»

Печатается по тексту К, л. 183 от 15 апреля 1864 г., стр. 1507, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVII, 148) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из указания сына» (Л XVII, 436).

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером заметки, а также ее тематикой: очередная полемика с газетой «День» по поводу ложных сведений о положении в Польше (см. в наст. томе комментарий к статье «Славянофильство на таможен»).

Стр. 112. *В 9 № «Дня» напечатано следующее...*— Далее цитируется статья Ф. Кокошкина «Три месяца на Воляни. Письмо к редактору», печатавшаяся в газете «День», № 8 от 28 февраля 1863 г., №№ 2, 4, 6 и 9

от 11 и 25 января, 8 февраля и 5 марта 1864 г., в которой прокламировались задачи руссификации западных областей Украины.

На запрос «Колокола» «День» ответа не дал.

...рухавке... — движении — от польского *rusch*.

ДОКУМЕНТЫ! ДОКУМЕНТЫ!

Печатается по тексту *К*, л. 183 от 15 апреля 1864 г., стр. 1507, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки («Мы посылаем в Академию „Колокол“») и подтверждается ее тематикой (восстание в Польше), а также характерным заголовком, имеющим вид запроса. Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVII*, 148).

<КН. В. ЧЕРКАССКИЙ>

Печатается по тексту *К*, л. 183 от 15 апреля 1864 г., стр. 1508, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVII*, 149) со следующей ссылкой в комментарии: «См. 2363» (*Л XVII*, 436). Так как самый текст статьи № 2363 («Запрос „Дню“») не имеет никакой связи с комментируемой заметкой «Кн. В. Черкасский», то, по-видимому, М. К. Лемке в данном случае имел в виду комментарий к статье 2363, где указано, что принадлежность заметки Герцену «ясна из указания сына».

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером заметки и ее польской тематикой. Деятельность «изобретателя детских розог» князя В. А. Черкасского не раз затрагивалась Герценом на страницах «Колокола» — см. «Письма из России» (т. XVI наст. изд.), «Письма к противнику», «Прививка конституционной оспы» (наст. том) и др.

Заметка непосредственно примыкает к статье «Черкасский-министр развивается» (см. наст. том).

Стр. 113. *Кн. В. Черкасский назначен министром внутренних дел в Царстве Польском.* — Правительственным указом от 3/15 марта 1864 г. князь Черкасский был назначен «главным директором, председательствующим в правительственной комиссии внутренних дел Царства Польского» (см. «Русский инвалид», № 59 от 14/26 марта 1864 г.).

...несмотря на его шалость о детских розгах. — Участвуя в работах редакционной комиссии по крестьянскому делу, князь Черкасский высказался за право помещиков применять телесные наказания к срочно-обязанным крестьянам, но предложил ограничить число ударов восемнадцатью (см. статьи «Письма из России» и «Розги долой» — в т. XIV наст. изд.).

Речь, им произнесенная, плоха. — Выступив 11/23 марта 1864 г. перед членами комиссии внутренних дел с речью, князь Черкасский заявил, что «первым долгом каждого служащего есть, без сомнения, безусловная преданность правительству и строгое соблюдение присяги» и что члены комиссии должны строго следить за выполнением указа от 19 февраля /2 марта 1864 г. об устройстве крестьян в Царстве Польском (см. «Русский инвалид», № 61 от 17/29 марта 1864 г., раздел «Внутренние известия»).

КОЩУНСТВО «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» И ИХ ТАКТ

Печатается по тексту *К*, л. 183 от 15 апреля 1864 г., стр. 1508, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* дано общее название с последующей заметкой: «Кощунство „Московских ведомостей“ и их такт, здоровы ли они?». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется идейно-тематической близостью заметки к другим статьям Герцена, разоблачающим «чернильных инквизиторов и литературных полицмейстеров» с Катковым во главе, как назвал их Герцен в «Былом и думах», т. XI наст. изд., стр. 632 (см. в наст. томе комментарий к заметкам «Перечень доносов» и «Логика падения»). Характерны для публицистической манеры Герцена некоторые стилистические особенности заметки, например, такие словосочетания, как «полуграмотные писцы и вовсе неграмотные полицейские». В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XVII, 149).

Стр. 113. В 61 № «Моск. ведом.» помещена корреспонденция из Варшавы...— См. «Московские ведомости», № 61 от 17 марта 1864 г.

ЗДОРОВЫ ЛИ «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»?

Печатается по тексту *К*, л. 183 от 15 апреля 1864 г., стр. 1508, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка является непосредственным продолжением предыдущей (в оглавлении, как было указано выше, они объединены вместе). Мысль о единении правительства с реакционной журналистикой не раз подчеркивался Герценом, например, в статье «В этапе», где он писал: «С поджогов, лишенных пожигателей, начинается циническая близость полиции и печати, открытая связь правительства с журналистикой. Государь рука об руку с Катковым на бале московского дворянства напоминает прогулку Нерона с Пифагором по улицам Рима» (см. т. XVII наст. изд., стр. 251). В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XVII, 149—150).

Стр. 114. *Цензура ли их обижает с Третьего отделения.*— М. Н. Катков, почувствовав себя с середины 1863 г. идейным вдохновителем реакционного правительственного курса, все меньше и меньше считался с требованиями цензуры и за разрешением всех споров обращался непосредственно к министру внутренних дел П. А. Валуеву, который всячески его поддерживал. «Если вы встречаете цензурные препятствия, — писал он Каткову 6 февраля 1864 г., — неужели опыт не убедил вас, что не только с моей стороны, но и со стороны М. П. Щербинина вы встретите дружескую готовность устранить те затруднения, которых устранение возможно?» («Русская старина», 1916, № 6, стр. 346—347). Передавая подробности репрессивных правительственных мер против журналов и газет, осмелившихся критиковать Каткова, А. В. Никитенко 25 июня 1863 г. отмечал в своем дневнике: «Итак, Катков действительно есть лейб-гоф-отбуржурналист. Недаром говорят в публике, что он получает субсидию. Но в таком случае зачем же так высоко поднимать голову в качестве независимого органа общественного мнения?» (А. В. Никитенко. «Дневник», т. II, М., 1955, стр. 353).

Лист, говоривший правду братьям царским, министрам государским...— Намек на травлю, поднятую «Московскими ведомостями»

против вел. князя Константина Николаевича и министра народного просвещения А. В. Головнина (см. комментарии к стр. 32 наст. тома).

...огонь, набранный ими на петербургском пожаре...— См. комментарий к стр. 26 наст. тома.

UNCROWNED KING

Печатается по тексту *K*, л. 183 от 15 апреля 1864 г., стр. 1508, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», с подписью: *И—р*. Автограф неизвестен.]

Заметка посвящена событиям, связанным с пребыванием Гарибальди в Англии в апреле 1864 г. О секретной цели его поездки, заключавшейся в том, чтобы организовать, при поддержке широкой английской общественности, коллективное выступление революционной эмиграции в защиту Польши, говорилось в корреспонденции «Allgemeine Zeitung» из Венеции от 1 апреля 1864 г.: «Существующий здесь тайный комитет действия, которого связи с Гарибальди известны <...> дает интересное объяснение причине поездки Гарибальди в Англию. В одной из последних прокламаций сказано <...> что наконец повстанческому комитету в Венгрии и Галиции удалось договориться с итальянским комитетом о плане совместных действий и что Гарибальди принял на себя главное руководство», надеясь в Англии получить материальную поддержку этим планам.

В последующих статьях «Колокола», посвященных поездке Гарибальди в Англию, и в «Былом и думах» (ч. VI — см. т. XI наст. изд.) Герцен раскрывает сознательное стремление правящих кругов Англии помешать Гарибальди в выполнении этого плана.

С т р. 115... *grand levée*.— Буквально: большое вставание, — старофранцузский придворный этикет различал, соответственно числу и рангу лиц, допускаемых в королевскую спальню, «petits levés du roi» и «grands levés du roi» — «малые и большие вставания короля».

С о а ц и я й Веллингтону в Англии...— Имеется в виду прибытие Веллингтона в Англию после окончательного разгрома наполеоновских войск при Ватерлоо в 1815 г.

...*прием Кошута в 1852 г. был великолепный*.— Имеется в виду прием, устроенный Кошуту летом 1852 г. при его возвращении из поездки в Америку.

От этой встречи «некоронованного царя»...— Гарибальди приехал в Англию 3 апреля. 4 апреля в Саутгемптоне состоялся многолюдный митинг в честь его прибытия. В своей приветственной речи мэр города г. Брайтон заявил: «Обращаясь к вам, генерал, я смотрю на вас как на короля между людьми, короля некоронованного» (см. «The Times» от 5 апреля 1864 г. и подробный отчет об этом митинге в «Московских ведомостях», № 73 от 1 апреля 1864 г.).

17 АПРЕЛЯ 1864

Печатается по тексту *K*, л. 184 от 1 мая 1864 г., стр. 1509—1510, где опубликовано впервые, с подписью: *Александр Герцен* в конце письма Герцена к Гарибальди, которым и завершается заметка. Этой статьей открывается лист «Колокола». В *ОК* озаглавлено: «Гарибальди у нас».

17 апреля 1864 г. состоялось известное свидание Гарибальди с Маццини в доме у Герцена, вызвавшее огромный резонанс в Англии и за ее пределами. «День этот удался необыкновенно и был одним из самых светлых, безоблачных и прекрасных дней последних пятнадцати лет», — вспоминал впоследствии Герцен в «Былом и думах» (т. XI наст. изд., стр. 276). В письме к А. Таландые от 5 мая 1864 г. он писал: «Не будь меня, Гарибальди уехал бы без официального, так сказать, обеления его отношений с Маццини. Маленькое празднество наше вышло очень удачным». Прием Гарибальди в доме Герцена сыграл важную роль в провале попыток английских правящих кругов изолировать Гарибальди от революционной эмиграции и народных масс. Подробное описание этого посещения Гарибальди дома Герцена см. в главе «Camicia rossa» «Былого и дум», т. XI наст. изд. В архиве Герцена сохранилась вырезка из газеты «The Daily News» с заметкой, в которой описывался этот визит Гарибальди и передавалось содержание дружеских речей Маццини и Гарибальди (ЛН, т. 63, стр. 820—822). См. также письмо Герцена к Д. Гверцони от 16 апреля 1864 г.

Тон русских газет, печатавших подробные и вначале сочувственные отчеты о пребывании Гарибальди в Лондоне, резко изменился после сердечных слов Гарибальди в адрес польских революционеров (см. «The Times» от 12 апреля 1864 г.) и в особенности после его встречи с Герценом. «Кто еще сомневался, что Гарибальдийский восторг, овладевший теперь Лондоном, есть не более как мыльный пузырь, пущенный ловкими мастерами своего дела», — писал М. Н. Катков в «Московских ведомостях», № 84 от 14 апреля 1864 г.

О посещении Гарибальди дома Герцена в русской печати ничего не сообщалось.

Стр. 116. ...*оно так неожиданно окончилось*... — Предполагалось, что Гарибальди пробудет в Англии продолжительное время и совершит поездку по городам Англии и Шотландии, откуда он получил многочисленные приглашения. Однако, испугавшись общественного резонанса, вызванного его приездом, правящие круги Англии под предлогом заботы о его здоровье вынудили Гарибальди 22 апреля покинуть Англию. В заметке «Гарибальди в Лондоне», перепечатанной «Московскими ведомостями» из газеты «The Times», сообщалось: «Замечательно, что ни в этом письме (прощальном адресе), ни в прежних ответах депутациям, устных и письменных, Гарибальди сам ни разу не ссылается на расстроенное здоровье, как на причину отъезда из Лондона» («Московские ведомости», № 87 от 17 апреля 1864 г.).

Но та статья впереди. — Путешествию Гарибальди в Англию Герцен посвятил главу «Былого и дум» «Camicia rossa».

UN MOT

Печатается по тексту газеты «La Cloche», № 43 от 15 мая 1864 г., где опубликовано впервые, с подписью: *A. Herzen*. Автограф неизвестен.

Во многих иностранных газетах появились перепечатки заметки из газеты «Daily News», опубликовавшей отчет о посещении Герцена Гарибальди 17 апреля 1864 г. Текст в «Journal de Débats» от 22 апреля 1864 г. содержал ряд искажений, частью указанных в письме Герцена. См. также в наст. томе заметки «17 апреля 1864», «Uncrowned king» и комментарий к ним.

ЧЕРКАССКИЙ-МИНИСТР РАЗВИВАЕТСЯ

Печатается по тексту *К*, л. 185 от 15 мая 1864 г., стр. 1524, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется на основании идейно-тематической и стилистической близости заметки к другим статьям Герцена, разоблачающим «изобретателя детских розог» кн. Черкасского (см. в наст. томе заметку «Кн. В. Черкасский» и комментарий к ней), а также некоторых характерных стилистических особенностей заметки (например, сежонцовка).]

NOUVELLE PHASE DE LA LITTÉRATURE RUSSE

Печатается по тексту газеты «La Cloche», 1864, № 44 (25 мая), стр. 1—6 и № 45 (15 июня), стр. 1—7, где опубликовано впервые, с подписью: *Iscander*. В *К*, л. 186 от 15 июня 1864 г., Герцен поместил объявление о выходе «Новой фазы в русской литературе» (см. стр. 484 наст. тома). Перевод заглавия статьи в этом объявлении является, очевидно, авторским; поэтому он дается в настоящем издании, вместо принятого обычно: «Новая фаза русской литературы».

Вслед за публикацией «Новой фазы...» в «La Cloche» издатель этой газеты Л. Фонтэн выпустил текст статьи отдельным изданием: «Nouvelle phase de la littérature russe», Bruxelles et Gand, 1864. В примечании от издателя говорилось: «Этот ряд очерков А. Герцена (Искандера), впервые напечатанных в „La Cloche“ (французское издание), появится позже по-русски. Рекомендуем их вниманию особенно тех, кто хочет составить себе понятие о нравственном уровне современной прессы, находящейся в услужении С.-Петербургского правительства». В «La Cloche» от 1 октября 1864 г. было помещено объявление, извещавшее читателей о том, что отдельное издание выйдет в течение октября. В этом же объявлении — как ранее в примечании издателя в № 44 «La Cloche» и позднее в примечании к отдельному изданию — сообщалось, что «Новая фаза...» впоследствии должна появиться по-русски. Это, однако, не осуществилось, и русский текст статьи до нас не дошел.

В отдельном брюссельском издании «Новой фазы...» к статье под заголовком «Post-scriptum» был прибавлен дополнительный материал, относящийся к Чернышевскому: заметка Герцена «Н. Г. Чернышевский», опубликованная в «Колоколе», л. 186 от 15 июня 1864 г., и напечатанная по-французски в «La Cloche», № 46 (25 июня 1864 г.); письмо Герцена к Л. Фонтэну от 19 июня 1864 г. (см. стр. 235 наст. тома) и отклик Фонтэна на это письмо. К тексту Герцена в «Post-scriptum», без всяких оговорок, был присоединен отрывок (он содержит краткие сведения о предъявленных Чернышевскому обвинениях) из статьи Н. И. Утина «Николай Гаврилович Чернышевский» за подписью Z, напечатанной в л. 189 «Колокола», а также в № 49 «La Cloche». К «Post-scriptum'у» относится и редакционное дополнение к подстрочному примечанию на стр. 43 отдельного издания «Новой фазы...». Дополнение это гласит: «Voit à la fin de la brochure» («См. в конце брошюры»).

Герцен обычно не принимал участия в переводе статей из «Колокола» для «La Cloche», но в данном случае мы располагаем прямым свидетельством о том, что он послал Фонтэну готовый французский текст статьи «Новая фаза...», первоначально предназначавшийся для журнала «Revue des Deux Mondes». В письме к сыну от 2 марта 1864 г. Герцен сообщает: «Я пишу длинную статью в „Revue des Deux Mondes“». Однако в письме к нему же от 16 марта 1864 г. Герцен называет издателей этого журнала тру-

сами и педантами. «Таландые очень хорошо поправляет слог... Кончится все тем, что я брошу статью в фонтан <шуточная переделка фамилии Фонтан>, и она вживется в „La Cloche“». То обстоятельство, что Таландые «поправляет слог» статьи, позволяет предположить, что французский текст «Новой фазы...» является авторским. 5 мая 1864 г. Герцен писал А. Таландые: «„La Revue des Deux Mondes“ не пожелала поместить мою статью, и я ее передам в бельгийскую „La Cloche“. Во всяком случае, прошу извинения за все труды и неприятности, причиненные вам этой историей. Благодарю вас от всего сердца». Наконец, 26 мая 1864 г. Герцен писал Е. В. Салиас: «Статью <...> французскую, отвергнутую „Revue des Mondes“, я подарил Fontain'у, и она будет в „La Cloche“, начиная с следующего №, т. е. который в Брюсселе выйдет сегодня. Я вам пришлю 2 экземпляра — нельзя-ли хоть ею разобидеть наших бургграфов литературы».

Таким образом, текст, напечатанный в «La Cloche», восходит к авторскому оригиналу. С другой стороны, нет оснований утверждать, что Герцен авторизовал также текст отдельного брюссельского издания. В этом издании сохранилось подавляющее большинство опечаток «La Cloche» и сверх того появились новые, еще более грубые. Например, вместо: rien que des truismes, в отдельном издании находится текст, не имеющий никакого смысла: rien que la truste (стр. 69 отдельного издания). Имеются два пропуска в изложении «Философического письма» Чаадаева (после dans son passé пропущено: dans son présent, стр. 22) и в цитате из «Думы» Лермонтова (после parmi les fleurs пропущено: ils ne charmant ni l'oeil, ni le goût, стр. 23). Оба этих пропуска, искажающих текст, можно объяснить только издательской погрешностью.

В отдельном издании имеются также ряд изменений грамматического порядка. *Вместо:* les larmes—des larmes (стр. 11); *вместо:* c'était à côté—c'est à côté (стр. 24); *вместо:* Il se trouve donc des gens — Il se trouva donc des gens (стр. 25); *вместо:* ce malheureux demandait — ce malheureux demanda (стр. 28); *вместо:* si elles ne trouvaient aucun encouragement, s'élimineraient sans laisser de traces — si elles n'avaient trouvé aucun encouragement se seraient éliminées sans laisser de traces (стр. 56).

Крайне сомнительно, чтобы подобной правкой занимался сам Герцен; он писал по-французски свободно, но неоднократно подчеркивал, что не считает себя компетентным в вопросах французской грамматики. Эта грамматическая правка, очевидно, правка издательская, но иногда она приводила к искажению мысли Герцена. Например, строки о Тургеневе, который стал писать des romans à tendances dans lesquels on voyait très bien qu'elles n'avaient jamais été les siennes (стр. 64) <романы с тенденциями, из которых явствовало, что эти тенденции никогда не были его собственными>, в отдельном издании читается: des romans à tendances dans lesquels on voyait très bien quelles tendances n'avaient jamais été les siennes <романы с тенденциями, из которых явствовало — какие тенденции никогда не были его собственными>. Получается, что Тургеневу присущи были тенденции, но не те, которые он выразил в своих романах. Между тем, из контекста ясно, что мысль Герцена иная; Тургенев, по мнению Герцена, был подлинным художником, пока он писал произведения без явных политических тенденций. Знаменитое определение разночинцев: milieu vivant, qui recevait les forces d'en bas et celles d'en haut (стр. 66) <живая среда, черпавшая силы снизу и сверху> — в отдельном издании искажено: milieu vivant, qui recevait ses forces d'en bas et celles d'en haut. Поставив ses вместо les, следовало изъять слово celles. В отдельном издании это не сделано, и фраза потеряла смысл. Отметим еще, что Souvarov (стр. 58, 59) в двух случаях изменено на Souvovov. Souvarov, однако, не опечатка, но распространенная французская транскрипция фамилии Суворов; этой транскрипцией пользовался и Герцен. Среди всех разночтений отдельного издания можно указать только на два случая действительно смысловых

изменении: *вместо*: pour que toute retenue, tout sentiment de décorum fussent dépassés (стр. 4) <чтобы перешагнуть через всякую сдержанность, всякое чувство приличия> — pour que toute retenue, tout sentiment de décorum fussent abandonnés <чтобы отбросить всякую сдержанность, всякое чувство приличия>; и *вместо*: les idées mûrissaient vite (стр. 29) <идеи созревали быстро> — les âmes mûrissaient vite <души созревали быстро>. Остается неизвестным происхождение этих двух смысловых различий, но их наличие не является достаточным основанием для того, чтобы принять текст отдельного издания, с его пропусками и искажениями, в качестве основного.

В текст «Новой фазы в русской литературе» Герцен ввел цитаты из своей работы «О развитии революционных идей в России»; некоторые из них взяты им в кавычки, другие даны без кавычек. Эти цитаты мы даем в переводе, напечатанном в т. VII наст. изд., учитывая, однако, те изменения, которые Герцен, по своему обыкновению, вносил в автоцитаты.

Мысль о тесной связи, существующей между художественной литературой и политикой, впервые сформулирована была Герценом еще в 30-х годах: «нераздельное представляет нам литература и политический быт», — писал он в феврале 1834 г. (см. т. I наст. изд., стр. 59). Всегда рассматривая явления искусства и литературы в свете многосторонней идейной борьбы своего времени, Герцен доказал, что влиянием на общество русская литература обязана прежде всего своей органической связи с освободительным движением. В судьбах и путях русской литературы отразились судьбы и пути русской революции. Не случайно, что центральное произведение Герцена, в котором дан очерк развития русской литературы и общественной мысли, начиная с XVIII и кончая первой половиной XIX века, было названо им «О развитии революционных идей в России».

Статья «Новая фаза в русской литературе» заключает ряд положений, содержащихся в книге «О развитии революционных идей в России» (1851), и вместе с тем отчетливо свидетельствует о переходе Герцена на новую, высшую ступень своего идейного развития. Близкая по своему содержанию к таким выступлениям Герцена, как «Ученая Москва» (т. XVI наст. изд.), «В этапе» (т. XVII наст. изд.), «1831—1863» (т. XVII наст. изд.), «VII лет» (наст. том), статья наглядно показывает, что писатель твердо встал на сторону революционной демократии против либерализма.

«Новая фаза в русской литературе» написана в трудный для Герцена период, когда, по словам В. И. Ленина, «вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши, когда все „образованное общество“ отвернулось от „Колокола“...» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 13).

События и факты, освещенные в «Новой фазе...», относятся главным образом, к 1862—1863 годам. Это было время, когда царское правительство, подавляя волнения крестьян и национально-освободительное движение в Польше, открыто встало на путь реакции, прибегнув к жесточайшему террору против русской демократии. Аресты Н. Г. Чернышевского, М. Л. Михайлова, Д. И. Писарева, Н. А. Серно-Соловьевича, привлечение к следствию за связи с Герценом и Огаревым И. С. Тургенева, повсеместное закрытие воскресных школ и народных читален за распространение в них «превратных понятий о праве собственности» и «безверия», запрещение к печати «сочинений и статей, излагающих вредные учения социализма и коммунизма», закрытие на 8 месяцев передовых журналов «Современник» и «Русское слово», введение нового университетского устава, резко ограничившего возможность поступления в университеты молодежи из среды разночинной интеллигенции, и тому подобные мероприятия, лично санкционированные Александром II, обнаружили подлинное лицо и подлинные намерения «царя-освободителя».

Важно подчеркнуть, что именно в этот момент реакция встретила горячее одобрение и нравственную поддержку со стороны либералов. Измена либералов вызвала возмущение Герцена. Вскоре после проведения так называемой «великой реформы», по словам Герцена, «начинается циническая близость полиции и печати, открытая связь правительства с журналистикой» (см. т. XVII наст. изд., стр. 251). Говоря о «новой фазе» в русской литературе, Герцен имел в виду открытый поворот к реакции таких деятелей, как М. Н. Катков, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, таких органов печати, как «Отечественные записки», «С.-Петербургские ведомости» и др. Весьма симптоматично, что «Отечественные записки», подробно перечислив в июньском номере 1862 г. драконовские мероприятия правительства, направленные на подавление свободной мысли, с удовлетворением констатировали, что «из всех этих распоряжений несомненно явствует, что правительство имеет поводы разделять те же предубеждения общественного мнения, о которых говорят газеты».

24 февраля 1864 г., в разгар работы над «Новой фазой в русской литературе», Герцен писал старшим дочерям: «Что делается в России, — ужасно. Общество хуже правительства, журналисты хуже общества». В письме к редактору «La Cloche» Л. Фонтэну от 12 июля 1864 г. он сообщал: «Милостивый государь, мне нечего прибавить к статье о „Новой фазе в русской литературе“. К несчастью, русское общество продолжает терять чувство свободы, которой жаждало в первый год нынешнего царствования, а правительство в жестокости и в зверстве превзошло Николая и его предшественников» (см. стр. 252—253 наст. тома, перевод с франц.).

В 1851 г., в книге «О развитии революционных идей в России», Герцен с горечью говорил о разрыве между «образованным меньшинством» и народом. Анализируя типичный для русской литературы 30—40-х годов образ так называемого «лишнего человека», Герцен подчеркивал в «Новой фазе...», что этот «лишний человек» хотя и «никогда не становится на сторону правительства», но «никогда не способен стать на сторону народа». В 1864 г. Герцен указывал, что «единственным вопросом, который мог вывести народ из спячки и объединить его с образованной массой, был вопрос об освобождении крестьян», при этом в отличие от либералов, считавших, что крестьянская реформа успешно и к выгоде обеих сторон решила крестьянский вопрос, Герцен вскрыл крепостнический характер реформы. По словам В. И. Ленина, Герцен «боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 14).

В шестидесятые годы Герцен по-новому оценивает роль и значение народных масс в историческом процессе — см., например, его статью «Император Александр I и В. Н. Каразин» (т. XVI наст. изд.), где содержится яркая характеристика революционной активности пореформенного крестьянства.

Выразителем интересов народа Герцен признает теперь не передовое дворянство, прогрессивную роль которого он считал законченной, а революционную демократию. Указывая на Белинского и Чернышевского, Герцен пишет, что они «не представляли собой ни третьего сословия, ни вообще отдельного класса, но живую среду, которая черпала свою силу и спизу, и сверху». По словам Герцена, люди этого типа «призваны спасти цивилизацию для народа». Возникновение разночинной идеологии и демократической литературы он оценивает как закономерный результат всего предшествующего развития. Идея преемственности революционных поколений в русском освободительном движении, признание исторической роли в русской революции «молодых штурманов будущей бури» составляет сильнейшую сторону статьи.

В очерке развития русской литературы, данном в «Новой фазе в русской литературе», Герцен, как и в книге «О развитии революционных

идей в России», утверждает литературу критического, обличительного направления. Он высоко оценивает сатиру Фонвизина, Грибоедова, Гоголя. Вместе с тем Герцен обращает внимание на Радищева, в книге которого он услышал голос «пробужденного сознания». Подчеркивая критический характер русской литературы, Герцен в то же время отмечает создание ею положительного образа, в частности, он указывает на Чацкого как на «декабриста», человека «печального, неприкаянного в своей прони, трепещущего от негодования и преданного мечтательному идеалу». Гораздо более определенной и более резкой, чем раньше, становится характеристика героя дворянской литературы — «лишнего человека», не имеющего сил до конца порвать с породившей его средой и слиться с народом.

Признавая исторические заслуги дворянской литературы в развитии освободительной борьбы в России, Герцен отказывает ей в большом значении для нового этапа революционного движения. На историко-общественном и литературном материале он теоретически обосновал ведущее место разночинной интеллигенции в идейной борьбе своего времени, выдвинул глубоко плодотворную мысль о начале нового этапа в русском общественном и литературном движении в связи с деятельностью революционных демократов. Тем самым Герцен в своих взглядах на ход исторического развития русского освободительного движения и связанного с ним литературного процесса близко подошел к пониманию роли различных поколений, действовавших в истории русской революции.

С т р. 171. ...*в духе немецкого «Drang und Sturm»*... — Имеется в виду антифеодальное литературное движение «Бури и натиска» («Sturm und Drang») в Германии 70—80-х годов XVIII века.

14 декабря 1861 г. поэт Михайлов приговорен к каторжным работам за возвание к молодежи... — Определением Правительствующего сената М. Л. Михайлов был 31 октября 1861 г. осужден «за распространение злоумышленного сочинения» на 12 лет и 6 месяцев каторжных работ в рудниках и пожизненную ссылку в Сибирь по отбытии наказания. 23 ноября 1861 г. Александр II положил на деле Михайлова следующую резолюцию: «Срок каторжных работ ограничиваю шестью годами, а в прочем быть по сему». В ночь с 14 на 15 декабря Михайлов был отправлен в Сибирь. Михайлов взял на себя всю вину за составление и распространение революционного обращения «К молодому поколению», составленного им совместно с Н. В. Шелгуновым. Об аресте, обвинении и выступлении Михайлова в Сенате см. статьи Герцена: «Исполни просыпается», «Последние новости» (т. XV наст. изд.), «Ответы М. Л. Михайлова» (т. XVI наст. изд.).

...пожар, который она не сумела потушить и которому, быть может, способствовали несколько уличных воров. — См. в наст. томе комментарий к стр. 26.

С т р. 172. ...*спешит арестовать несколько сот молодых людей, студентов и литераторов.* — Стремясь обезглавить революционное движение, царское правительство в 1862—1863 гг. заключило в Петропавловскую крепость Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, П. А. Серно-Соловьевича, Н. В. Шелгунова. В 1861—1862 гг., в связи с выступлениями студентов Московского и Петербургского университетов против введения стеснительных университетских правил, были произведены массовые аресты среди демократически настроенной студенческой молодежи. Герцен выступил в «Колоколе» с рядом статей в защиту студентов (см. «Петербургский университет закрыт!», «Исполни просыпается!», «Третья кровь», «По поводу студенческих избий» — в т. XV наст. изд.).

С т р. 173. ...*отрицанием, провозглашенным носой школой.* — Имеется в виду «натуральная школа».

Стр. 177. ... на долю комедий Фонвизина, написанных в середине царствования Екатерины II.— Комедия «Бригадир» написана в 1766—1769 гг., «Недоросль» закончен в 1782 г.

Стр. 178. Князь Потемкин ∞ после первого представления «Бригадира» ∞ сказал, глубоко взволнованный: «Фонвизин, теперь умри!» — Мемуаристы обычно относят эти слова Потемкина к «Недорослю» (см. «Русский вестник», 1808, № 8, стр. 264; П. А. Вяземский и Фонвизин (1848) — Полн. собр. соч., т. V, СПб., 1880, стр. 141; Евгений Митрополит. Словарь русских светских писателей, т. I, М., 1845, стр. 78). Однако отзыв Потемкина о комедии Фонвизина вызывает серьезные сомнения и, по всей вероятности, носит легендарный характер (см. об этом Г. А. Гукowski. Русская литература XVIII века, М., 1939, стр. 335).

...смеху сквозь слезы...— См. Н. В. Гоголь. Мертвые души, т. I, глава VII.

Он написал серьезную, печальную, исполненную скорби книгу.— «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790); было вновь издано в Лондоне в 1858 г. с предисловием Герцена.

Стр. 179. Комедия Грибоедова появилась под конец царствования Александра I...— Грибоедов работал над комедией в 1818—1824 гг. Первое издание «Горе от ума», изуродованное цензурой, вышло в свет в 1833 г. Герцен имеет в виду широкое распространение комедии в 20-х годах в списках.

...первое представление «Женитьбы Фигаро»...— Комедия Бомарше впервые была поставлена на сцене в 1784 г., незадолго до революции 1789—1794 гг.

Стр. 180. ...в приложении к «Запискам» княгини [!]Дашковой. — В 1859 г. Герцен издал в Лондоне русский перевод «Записок» Е. Р. Дашковой (см. в т. XIV наст. изд. предисловие Герцена к «Запискам» Дашковой и в т. XII его статью «Княгиня Екатерина Романовна Дашкова»).

Стр. 186. ...еде мы с вами купаемся, дорогой читатель». — Перифраз стихов из «Евгения Онегина», гл. VI, строфа XLVI:

В сем омуте, где с вами я
Купаюсь, милые друзья.

Он сказал России, что прошлое ее было бесполезно, настоящее тщетно, а будущего никакого у нее нет.— Цитируемые строки «Письма» Чаадаева полемически заострены против одного из идеологов «официальной народности» — шефа жандармов Бенкендорфа, который в разгар николаевской реакции заявил, что «прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего, то оно выше всего, что только может представить себе самое смелое воображение». (Мих. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 годов, СПб., 1909, стр. 411).

Стр. 187. ...поэт Лермонтов писал...— Далее Герцен цитирует стихотворение «Дума».

Лермонтов был убит на дуэли в 1840 г.— М. Ю. Лермонтов был убит 15/27 июля 1841 г.

Стр. 188. Каков сюжет его главной картины...— Речь идет о картине К. Брюллова «Последний день Помпеи» (1830—1833).

В самый год смерти Лермонтова появились «Мертвые души» Гоголя.— Первый том «Мертвых душ» вышел в свет в 1842 г.

Стр. 189. ...или прерафаэлитизма в Англии.— Направление в английской живописи XIX века, стремившееся к возрождению традиций художников раннего ренессанса (до Рафаэля).

Стр. 190. ...вызванного письмом, с которым он обратился к императору Николаю.— Речь идет о письме Пушкина на имя Николая I от

начала июня 1826 г. В этом письме, написанном в ссылке в селе Михайловском, Пушкин обещал «не противуречить (<...> мнениями общепринятому порядку», обязывался «ни к каким тайным обществам, под какими бы они именем ни существовали, не принадлежать» и просил разрешения выехать «в Москву, или в Петербург, или в чужие края» (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 13, Изд. Акад. наук СССР, 1937, стр. 283—284).

... из-за нескольких писем, в которых он становился на сторону власти.— Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя.

Одному поэту ∞ вздумалось как-то воодушевиться коляской и громадной, воинственной фигурой Николая...— Речь идет об Апполоне Майкове и его стихотворении «Коляска».

Стр. 191. «Благо Белинскому, умершему вовремя,— писал ко мне Грановский в 1861 году.— Герцен цитирует письмо Грановского 1849 г., ошибочно приурочив его к 1851 г. Частично Герцен опубликовал письмо в «Полярной звезде» на 1859 г. (кн. V), в приложении к «Былому и думам», и в отдельном издании «Былого и дум» (в разделе «На могиле друга»). В тексте «Новой фазы...» процитированные в переводе строки из письма Грановского переделаны — в подлинном письме Грановского последние две фразы читаются так: «Слышен глухой общий ропот — но где силы для оппозиции? — Тяжело, Герцен, а выхода нет живому» («Звенья», т. VI, стр. 361).

Стр. 192. Великое множество идей, мыслей пробилось тогда на свет.— «Смерть Николая,— вспоминал Герцен в марте 1863 г.,— удесатерила надежды и силы (<...> Вся Россия легче вздохнула, приподняла голову» («1853—1863», т. XVII наст. изд.).

Стр. 194. На Украине дело дошло даже до восстания крестьян, подавленного вооруженной силой...— В январе 1855 г., в связи с опубликованием правительственного манифеста о государственном ополчении, среди крестьян Киевской губернии вспыхнуло восстание, которое вошло в историю под именем Киевской казачины. Крестьяне требовали раздела помещичьей земли. О расправе над активными участниками восстания — студентом И. Розенталем и писарем А. Скваронским Герцен писал в предисловии к третьей части сборника «Голоса из России» (см. т. XII наст. изд., стр. 444).

Стр. 195. ...еще более серьезные события в Казани...— В апреле 1861 г. в селе Бездна Казанской губернии произошло восстание крестьян, возмущенных условиями «освобождения». При его подавлении было убито 91 и ранено 87 крестьян. Крестьянин Антон Петров, руководивший выступлением, был по распоряжению Александра II судим «по полевому уголовному положению» и расстрелян 19 апреля 1861 г. 16 апреля 1861 г. 400 казанских студентов приняли участие в панихиде по убитым крестьянам, на которой с речью выступил профессор А. П. Шапов (см. в т. XV наст. изд. статью «Искапаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ»).

Стр. 196. ...заметил ошибку, отстранил а д м и р а л а от народного просвещения, удалил петербургского генерал-губернатора...— В декабре 1861 г. министром народного просвещения вместо Путятина был назначен А. В. Головин, пользовавшийся в официальных кругах репутацией либерала. В этом же году был смещен военный генерал-губернатор Петербурга граф П. Н. Игнатьев.

Стр. 197. Было, например, известно, что один журналист...— Имеется в виду редактор-издатель газеты «Наше время» Н. Ф. Павлов (см. комментарий к стр. 31 наст. тома).

Стр. 198. Генерал Потапов ∞ сказал тогда одному из наших знакомых...— Мнение Потапова могло быть сообщено Герцену Артуром Бени. В письме к Герцену от 26 марта / 7 апреля 1863 г. он писал:

«О Валуеве и о Потапове... я бы мог сообщить вам интересные и, вероятно, новые подробности...» (ЛН, т. 62, стр. 31—32).

Стр. 199. *Один журнал осмелился поднять голос в защиту оклеветанной молодежи...*— В мае 1862 г. Н. Г. Чернышевский опубликовал в «Современнике» статью «Научились ли?», направленную в защиту студентов. В связи с появлением этой статьи в предписании по цензуре министра народного просвещения Головнина говорилось, чтобы обвинения и оправдания студентов «в бывших беспорядках» допускались впредь только в «самых умеренных выражениях».

Стр. 205. *Он умер в 1856 г. ...*— Т. Н. Грановский умер 4 октября 1855 г.

...*один молодой профессор-юрист...*— Речь идет о Б. Н. Чичерине и его вступительной лекции по государственному праву, прочитанной в Московском университете 28 октября 1861 г. «В стены этого здания, — сказал Б. Н. Чичерин, — посвященного науке, не должен провикать шум страстей, волнующих внешнее общество. Здесь мы должны, углубляясь в себя, в тишине готовиться на жизненное дело или на полезное поучение» («Московские ведомости», № 238 от 31 октября 1861 г.).

Известна печальная история демонстрации, устроенной студентами Московского университета.— Герцен имеет в виду студенческую демонстрацию 12 октября 1861 г. Причиной волнений было введение новых правил, ограничивших права студентов, а также установление высокой платы за обучение. Непосредственным поводом к демонстрации послужил арест в ночь с 11 на 12 октября группы студентов — зачинщиков волнений.

Стр. 206. *Записку хотели скрыть...*— Речь идет о так называемой «Исторической записке», составленной Университетской комиссией в сугубо реакционном духе (см. А. А. Титов. Студенческие беспорядки в Московском университете в 1861 году. М., 1905).

...*учил по книге Гнейста...*— Речь идет о труде немецкого ученого Рудольфа Гнейста «Das heutige englische Verfassungs- und Verwaltungsrecht», 1857.

Стр. 209. *Журнал «Время» ∞ напечатал по поводу Польши несколько гуманных слов ∞ «Московские ведомости» указали на статью, и журнал был приостановлен.*— Журнал «Время» был закрыт за помещение в кн. 4 за 1863 г. статьи Н. Н. Стрехова «Роковой вопрос» (см. в т. XVII наст. изд. статью «Россиада» и комментарий к ней).

Стр. 211. ... *и виленского генерал-губернатора.*— То есть М. Н. Муравьева.

Стр. 212. *Первый ∞ был князь Суворов. Его примеру последовали Головнин и Валуев.*— См. в наст. томе заметку «Поворотная линия».

Стр. 216. *Увлеченный потоком прогрессивных идей, Тургенев рисует нам агитатора, фанатика национализма...*— Герцен имеет в виду героя романа «Накануне» Дмитрия Инсарова.

Роман, появление которого совпало с возникновением реакции...— Роман «Отцы и дети» был впервые напечатан в февральском номере журнала «Русский вестник» за 1862 г.

Стр. 218. ... *боится людей ∞ dona ferentes.*— Намек на слова Лаокоона, сказавшего при виде деревянного коня перед стенами Трои: «Τίθεο Danaos, et dona ferentes»— «Боюсь данайцев и дары приносящих» (Виргилий. Энеида, кн. 2, ст. 49).

Стр. 220. *Гакстгаузен в качестве motto к своей книге....*— Имеется в виду труд прусского экономиста А. Гакстгаузена «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России» (1847—1852).

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Печатается по тексту К, л. 186 от 15 июня 1864 г., стр. 1525, где опубликовано впервые, с подписью: И—р. Этой статьей открывается лист «Колокола». Напечатано по-французски в «La Cloche», № 46 от 25 июня 1864 г., и в «Post scriptum's» к брошюре «Nouvelle phase de la littérature russe», Bruxelles et Grand, 1864.

В обоих последних изданиях к заметке добавлена фраза, отсутствующая в русской редакции: «Quand donc viendra le temps où l'Allemagne, avide de tout ce qui est holsteinois, demandra à la Russie l'extradiction de cette famille de Holstein-Gottorp, que nous écrase!» («Когда же, наконец, Германия, жадная до всего голштинского, потребует у России выдачи этого голштейн-готторпского семейства, которое нас попирает»). Автограф неизвестен.

Приговор Правительствующего сената по делу Н. Г. Чернышевского был опубликован 9 мая 1864 г. в газете «С.-Петербургские ведомости». 18 мая в «Биржевых ведомостях» появилось сообщение о том, что 19 мая состоится публичное объявление приговора Чернышевскому.

19 мая 1864 г. около девяти часов утра в Петербурге на Мытигнской площади состоялся обряд «гражданской казни» Чернышевского, осужденного к семи годам каторжных работ и вечному поселению в Сибирь.

В примечании к статье «Новая фаза в русской литературе», датированном 1 июня, Герцен заклеил истинного виновника и организатора «политического убийства» Чернышевского: «Этот акт варварства, несправедливости, жестокости дает представление о либеральных и благожелательных настрояниях нынешнего императора» (см. стр. 201 наст. тома). Стремясь привлечь внимание к судьбе Чернышевского, Герцен поместил в «Колоколе», л. 189 от 15 сентября 1864 г., статью Н. И. Утина «Н. Г. Чернышевский», а в л. 190 от 15 октября 1864 г. были напечатаны материалы, в которых сообщались подробности свершения обряда «гражданской казни».

Комментируемая статья явилась не только гневным откликом Герцена на процесс Чернышевского, но также одним из наиболее ярких обвинительных документов против русского либерализма, появившихся в «Колоколе». Предательское поведение либералов, вначале содействовавших преследованию «Современника», а затем одобривших репрессии против революционеров, особенно резко выявились в письме К. Д. Кавелина к Герцену от 6 августа 1862 г. Извещая редактора «Колокола» о волне арестов в Петербурге, Кавелин писал: «Известия из России, с моей точки зрения, не так плохи (...) Аресты меня не удивляют и, признаю тебе, не кажутся возмутительными. Это война: кто кого одолеет. Революционная партия считает все средства хорошими, чтобы сбросить правительство, а оно защищается своими средствами» (*Письма КТГ*, стр. 82).

В статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин привел из комментируемой статьи гневную отповедь Герцена «подлому либералу» Кавелину: «А Герцен точно отвечал этому кадету, говоря по поводу суда над Чернышевским: „А тут жалкие люди, люди-трава, люди-слизняки говорят, что не следует бранить эту шайку разбойников и негодяев, которая управляет нами“» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 13).

Стр. 221. Чернышевский осужден на семь лет каторжной работы и на вечное поселение.— 5 февраля 1864 г. Сенат вынес приговор по делу Чернышевского: «лишить всех прав состояния и сослать в каторжную работу в рудниках на четырнадцать лет и затем поселить в Сибирь навсегда». 7 апреля 1864 г. Государственный совет утвердил приговор Сената, в тот же день Александр II наложил на нем свою резолю-

цию: «Быть по сему, но с тем, чтобы срок каторжной работы был сокращен наполовину».

«Инвалид» недавно спрашивал, где же новая Россия, за которую пил Гарибальди.— 17 апреля 1864 г., во время лондонской встречи Маццини и Гарибальди у Герцена, Маццини провозгласил тост за новую, демократическую Россию. Относительно этого тоста реакционная газета «Русский инвалид» пыталась пронизировать: «Не переселить ли Гарибальди, потому что в союзе с ним не одна Англия, но и какая-то молодая Россия, воспитанная г. Герценом: по крайней мере, за здоровье этой юной России пил Гарибальди на банкете, устроенном в его честь в Лондоне нашим заднепровским эмигрантом» («Русский инвалид», № 92 от 26 апреля 1864 г.).

Стр. 221—222. ... *девица бросила в карету Чернышевского венок— ее арестовали.*— М. П. Михаэлис, участница демократического студенческого движения 60-х годов, свояченица Н. В. Шелгунова. Об обстоятельствах «гражданской казни» Чернышевского см. критическую сводку документальных и мемуарных материалов в сб. «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников». Общая редакция Ю. Г. Оксмана, Саратов, т. II, 1958, стр. 19—51.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ МАРГАРИТКИ

Печатается по тексту *К*, л. 186 от 15 июня 1864 г., стр. 1530, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVII, 262—264) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается запиской Чернецкого» (*Л* XVII, 438).

Авторство Герцена подтверждается тематикой заметки — разоблачение доносов «Московских ведомостей», их «рабской лести Муравьеву» (см. в наст. томе комментарий к заметке «Перечень доносов» и «Нашим библиографам, библиотекам, любителям сборников и исторических документов и пр.»). Обзор материалов газеты «*Kölnische Zeitung*» делал в «Колоколе» Герцен — см., например, в наст. томе статьи «3/70 копейки с души» «Иосиф Янковский» и др.

Стр. 223. ...*одна из депутатий польских крестьян, возвратясь в Варшаву...*— См. «Русский инвалид», № 114 от 22 мая 1864 г., отдел «Городские известия», а также в наст. томе заметку «Благодарность за плодородие» и комментарий к ней.

...*пожалев о том, что Муравьев не генерал-губернатором в Новороссийском крае...*— В статье «Не-Марево (Голос с юга России)», опубликованной в «Московских ведомостях», № 112 от 21 мая 1864 г., отмечалось, что в южных русских губерниях процветает разбой на больших дорогах и что здесь «в последнее время стали завидовать спокойствию того угла России, где, по-видимому, так неспокойно, именно Литве, находящейся под управлением генерала Муравьева, к которому от нас послано столько явных приветствий и шлетя столько приветствий в душе». В этой же статье содержался рассказ о казни в Чугуеве солдата Емельяна Пухневича.

НАШИ ПРОГРЕССЫ

Печатается по тексту *К*, л. 186 от 15 июня 1864 г., стр. 1530—1531, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVII*, 264—265), со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается запиской Чернецкого» (*Л XVII*, 438).

Авторство Герцена подтверждается словами из его статьи «VII лет»: «Предвидели ли они <...>, что Муравьев <...> делается героем и что его будут <...> в Петербурге носить на креслах» (см. наст. том, стр. 240); идейно-тематической близостью статьи к предыдущей заметке, также основанной на материалах «*Kölnische Zeitung*» (разоблачение Каткова-Верного, который присох «грязью на сапогах Александра Николаевича», очередное упоминание «тостов, образов и церквей»). Характерны для Герцена некоторые стилистические особенности заметки: каламбуры—«несмотря на мощную протекцию Каткова, государь охладел к кату» (см. о «катах и Катковых» в цикле «*Россиада*», т. XVII наст. изд., стр. 156), иронические сопоставления: «Видоки литературы и Картуши императорской службы», «Александр в порфире и Муравьев в одышке» и пр.

Слова о том, что прогнил весь государственный строй, на котором держатся эти «литературные Муравьевы», текстуально совпадают с подобными высказываниями в других статьях Герцена. Так, например, строки: «Одни бабы лечат застарелые болезни в их язвах ... раны — одни последствия, они не могут не быть, они свидетельствуют о гнилой крови организма и яде, текущем в его жилах», близки известной сел тенции в «Новой фазе в русской литературе»: «Московские ведомости» представляли, конечно, лишь наружную язву: испорченная кровь обращалась в жилах почти всего организма» и т. д. (стр. 210 наст. тома).

Стр. 225. ...*немецких горьких водах?* — См. в наст. томе комментарий к заметке «*Die Heilige Tripel Allianz*».

Константин Николаевич, проезжая в Вильне, не вышел из вагона... — Рассказывая об отзывании в Петербург вел. князя Константина Николаевича и о своей встрече с ним в Вильно, М. Н. Муравьев пишет в своих записках «Об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа, 1863—1866 гг.»: «При проезде он надеялся, что я встречу его в Вильне со всеми почтениями, как главнокомандующего и царского брата, и мне даю было по телеграфу знать о выезде его из Варшавы. Общее негодование и, могу сказать, презрение всех русских и самого войска к вел. князю и его управлению (так, его во всеуслышание называли изменником России) было так велико, что я не признавал достойным, как главный начальник края, лично принимать его высочество, тем более, что известная его необузданность и невежливость могли бы возбудить самые неприятные и неприличные при других столкновения; по этой причине и так как я действительно был нездоров, я поручил старшим военным и гражданским властям встретить его высочество на дебаркадере железной дороги с почетным караулом. Он вышел из вагона взбешенный, наговорил грубостей присутствующим и не поздоровавшись даже с караулом, сел опять в вагон и отправился в дальнейший путь» (*Л XVI*, 291).

...*как Петр I французского короля!* — Во время пребывания Петра I во Франции в 1717 г. королю Людовику XV было всего 7 лет.

...*посылающего Чернышевского на каторжную работу.* — См. в наст. томе заметки «Н. Г. Чернышевский», «Казнь Чернышевского», «Свобода в России» и комментарии к ним.

...*злебом, который привезла Блудова...* — В заметке «Очевидца» «Прибытие М. Н. Муравьева в Петербург», напечатанной в «Московских ведомостях», № 95 от 30 апреля 1864 г., содержался подробный отчет о встрече М. Н. Муравьева, прибывшего 26 апреля из Вильно в Петербург. В частности, описывался его «вынос» на руках в кресле из вагона и расска-

звалось о пышном «хлебе-соли», который привезла к нему в тот же день графиня А. Д. Блудова на квартиру. Выдержка из этой статьи «Московских ведомостей» приведена в заметке «Свой Гарибальди» — *К*, л. 185 от 15 мая 1864 г. (см. в наст. томе вступительные строки к ней).

Стр. 226. ... *Картушей*...— Имя парижского бандита XVIII в. Картуша, имевшего сообщников в самых высоких сферах, сделалось еще при его жизни нарицательным (см. Maurice. Cartouche, *histoire autentique*, Paris, 1859).

...*велея* ∞ *стричь волосы*?— Уставом петербургской военной медико-хирургической школы 1864 г. вводилась новая форма для ее слушателей.

РУССКОЕ ШПИОНСТВО В ЖЕНЕВЕ

Печатается по тексту *К*, л. 186 от 15 июня 1864 г., стр. 1531, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVII, 265) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается запиской Чернецкого» (*Л* XVII, 438). Авторство Герцена подтверждается стилистическими особенностями заметки, в частности характерным для публицистики Герцена пародийным употреблением возвышенного стиля: «Батюшка, благословите узнать, не безызвестны же вам нарицания православных овец ваших, бывших на годичном празднестве».

Заметка написана в связи с продолжавшимися репрессиями в отношении лиц, читавших и распространявших в России «Колокол» и другие лондонские издания. См. в наст. томе также заметки «Приговор Трувеллера», «Письмо из Москвы» и др.

ССЫЛКА А. П. ЕРМОЛОВА В МУРАВЬЕВЫ

Печатается по тексту *К*, л. 186 от 15 июня 1864 г., стр. 1531, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVII, 265) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается запиской Чернецкого» (*Л* XVII, 438).

Авторство Герцена подтверждается следующими словами из его статьи «VII лет»: «Предвидели ли они <...> что Муравьев, которым гнушалась вся Россия и сам государь, сделается героем, и что его в Москве будут сравнивать с Ермоловым и Суворовым» (см. наст. том, стр. 240). Заметка непосредственно продолжает тему, начатую в том же листе «Колокола» статьями «Отечественные маргаритки» и «Наши прогрессы» (см. комментарий к ним). Характерны для публицистического стиля Герцена и некоторые обороты, например «ссылка А. П. Ермолова в Муравьевы» (ср. в заметке «Михайлы и Михайлы Николаевичи»: «Муравьев удален в графы»— наст. том, стр. 384).

Стр. 227. ... *благородный А. П. Ермолов; его они приравняли к виленскому Муравьеву*.— В заметке «Из Петербурга», напечатанной в «Московских ведомостях», № 98 от 3 мая 1864 г., подавление Муравьевым востания в Польше сравнивалось с победами Суворова и Ермолова.

〈ШКОЛА ПРАВОВЕДЕНИЯ〉

Печатается по тексту *К*, л. 186 от 15 июня 1864 г., стр. 1531, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVII, 265) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается запиской Чернецкого» (Л XVII, 438).

Авторство Герцена подтверждается следующими словами из его статьи «VII лет»: «Предвидели ли они (<...>), что у нас будут закрывать школы за то, что ученики не хотят целовать руку попу?» (см. наст. том, стр. 240). Обзор материалов газеты «Kölnische Zeitung» делал в «Колоколе» обычно Герцен (см. в наст. томе комментарий к заметке «Отечественные маргаритки»). Характерны для Герцена-публициста и некоторые стиливые приемы, в частности, такие сопоставления контрастных понятий, как «...поручать человеку веры науку мысли» (ср., например, в заметке «Мельников и духовные пути сообщения»: «Не следует ли заведование земными путями отобрать у человека, занимающегося небесными?»— наст. том, стр. 448).

FÜR DEN LIFLÄNDISCHEN ADELSTAG HOCH!

Печатается по тексту К, л. 186 от 15 июня 1864 г., стр. 1532, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК озаглавлено: «Патриотизм лифляндцев». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVII, 265—266) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается запиской Чернецкого» (Л XVII, 439).

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером заметки, ее тематикой («все, что мы говорили о немцах вообще и о балтийских в особенности») и стилистическими особенностями: заголовком на немецком языке (что часто делает Герцен для своих статей, см. «Das Lief-ländische Athen», «Es reiten drei Reiter» в т. XIV, «Die heilige Tripel Allianz», «Die Russen in der Schweiz» в наст. томе и др.). Обзор газеты «Kölnische Zeitung» делал в «Колоколе» обычно Герцен (см. в наст. томе комментарий к заметке «Отечественные маргаритки»).

Заметка является откликом на заседания Лифляндского сейма, состоявшегося в марте 1864 г. Лифляндское дворянство препятствовало распространению «Положения» 19 февраля 1861 г. на Прибалтийские губернии, прикрываясь тем, что формально крепостное право там никогда не вводилось, хотя крестьянство и находилось в полной зависимости от помещиков. По этому поводу «Московские ведомости» писали: «Рыцарство остзейских губерний всегда очень крепко отстаивало свои привилегии; оно не легко дает другим сословиям доступ к земле» («Московские ведомости», № 120 от 31 мая 1864 г.).

Недовольство русской консервативной печати вызвал лишь лозунг германизации, провозглашенный при открытии Лифляндского сейма 9 марта 1864 г. (см. передовую статью «Московских ведомостей», № 97 от 2 мая 1864 г.). Однако уже 6 июня в органе Каткова появилось письмо барона Гершау, в котором русское правительство заверялось в совершеннейшей патриотической преданности остзейского дворянства. Это письмо вызвало горячее одобрение «Московских ведомостей» (см. передовую статью в № 125 от 6 июня).

Стр. 228. ... *кубок sparkling Носк*...— сверкающего белого рейнского вина (англ.).

... *реприманду*...— выговор (франц.— *reprimande*).

... *in der «Moskauschen Zeitung»*— В «Московских ведомостях»

АКСАКОВ В ГОСТЯХ У КАТКОВА

Печатается по тексту *К*, л. 186 от 15 июня 1864 г., стр. 1532, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVII, 266) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается запиской Чернецкого» (*Л* XVII, 439).

Авторство Герцена подтверждается идейно-тематической близостью заметки к статьям «Отечественные маргаритки», «Наши прогрессы», «Ссылка А. П. Ермолова в Муравьевы» из отдела «Смесь» того же листа «Колокола» (см. в наст. томе комментарий к ним). Мысль о «союзе двух „передовых патриотов“», Каткова и Аксакова, неоднократно высказывалась Герценом на страницах «Колокола» — см. «В этапе» (т. XVII наст. изд.), «Агентство в Тульче», «К концу года» (наст. том, стр. 442 и 461). В «Новой фазе в русской литературе» Герцен подробно говорит о «Дне», «Северной пчеле» и других органах печати, которые «стараются подняться на высоту „Московских ведомостей“, сохраняя притом все повадки рассудительного петербургского либерализма» (стр. 213 наст. тома).

<РЕДАКТОРУ «LA CLOCHE»>

Печатается по тексту газеты «La Cloche», № 46 от 25 июня 1864 г., где опубликовано впервые, с подписью: *A. Herzen*, в виде подстрочного примечания к французскому переводу «Трагедии за стаканом грока» (см. т. XVII наст. изд.). Автограф неизвестен.

LIBERTY IN RUSSIA TO THE EDITOR OF «THE DAILY NEWS»

Печатается по тексту газеты «Daily News» от 14 июня 1864 г., где опубликовано впервые, с подписью: *Al. Herzen*. 16 июня 1864 г. письмо было перепечатано в газете «Siècle». Автограф неизвестен.

22 июня 1864 г. Н. И. Утин писал Огареву: «Хочется сказать юношеское спасибо Александру Ивановичу за его статью в „Daily News“, „Siècle“, „Temps“ etc.» (*ЛН*, т. 62, стр. 658).

14 июня 1864 г. в «Indépendance belge» было помещено сообщение петербургского корреспондента о гражданской казни Чернышевского. Факты, касающиеся причин ареста Чернышевского, в корреспонденции намеренно искажались (бельгийская газета существовала на русские субсидии и вдохновлялась непосредственно А. В. Головинным и Шедо-Ферроти — см. *Л* XVII, стр. 270—271).

Герцен не мог пройти мимо этой попытки ввести в заблуждение западноевропейское общественное мнение.

См. также в наст. томе заметки «Н. Г. Чернышевский», «Чернышевскому, Михайлову и всем друзьям нашим, стоявшим у позорного столба, носящим цепи, работающим на каторге», письма редактору «Le Temps» и редактору «La Cloche».

Стр. 232. *Почему Германия, так ревностно стремящаяся захватить все, что принадлежит Голландии...* — См. в наст. томе заметку «Die heilige Tripel Allianz» и комментарии к ней.

⟨РЕДАКТОРУ «LE TEMPS»⟩

Печатается по тексту газеты «Le Temps» от 16 июня 1864 г., где опубликовано впервые, с подписью: *Alexandre Herzen* и со вступительными словами от редакции: «On nous communique la lettre suivante du rédacteur en chef de la *Cloche*» ⟨«Нам сообщают нижеследующее письмо главного редактора „Колокола“»⟩. Автограф неизвестен.

Стр. 234. ... его осудили на восемь лет каторжных работ в Сибири...— Н. Г. Чернышевский был осужден на 7 лет каторжных работ.

...молодая девушка бросила ему цветы...— См. в наст. томе примечание к стр. 221—222.

РЕДАКТОРУ «LA CLOCHE»

Печатается по тексту газеты «La Cloche», № 46 от 25 июня 1864 г., где опубликовано впервые, с подписью: *A. Herzen, réd. du «Kolokol»*, вслед за французским переводом статьи Герцена «Н. Г. Чернышевский». Автограф неизвестен.

VII ЛЕТ

Печатается по тексту *K*, л. 187 от 15 июля 1864 г., стр. 1533—1535, где опубликовано впервые, с подписью: *И—р*. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Статья Герцена подводила итоги социально-политической эволюции русской либеральной интеллигенции в сторону реакции. Если в годы общественного подъема Герцен пытался объединить вокруг «Колокола» все оппозиционные силы, готовые так или иначе способствовать освобождению крестьян от крепостной зависимости и печатного слова от цензуры, а также демократизации государственного управления, если тогда он обращался, прежде всего, к передовым представителям дворянства, то события трех последних лет, от начала «освобождения» и до господства полицейской журналистики, показали ему классовую сущность дворянской интеллигенции. Герцен, по собственному признанию, больше не хочет «исправлять неисправимых», «лечить неизлечимых». Они свое дело сделали — сделали нехотя и корыстно, и недостойны ни уважения, ни благодарности. Теперь он обращается к «пестрой, хаотической» среде выходцев из народа, предшественником которой называет Ломоносова, к новой России, «закаленной в нужде, горе и унижении, тесно связанной жизнью с народом, образованием с наукой», объявляя, что именно для этой среды и будет писать «Колокол» и вместе с ней искать пути русского развития.

Если еще недавно Герцен видел в либеральной дворянской интеллигенции шеренгу, промежуточную между декабристами и разночинцами, то теперь он объявляет, что у декабристов не было сыновей и что их наследниками являются «приемыши» — разночинцы, которые и продолжают дело своих идейных предков. *Мы с ними, ⟨...⟩ мы живы духом*, — заключает Герцен.

Этот вывод был не только итогом революционной оценки сложившейся в России объективной обстановки, но и результатом влияний, исходив-

ших от революционной демократии. На выступление Герцена горячо откликнулась «молодая эмиграция». Н. И. Утин в письме к Огареву от 25 июля 1864 г. писал: «...статьи как „За семь лет“ — статьи, подобной которой по своей силе и, главное, по своей *категоричности* (а это самое главное) мы еще не читали, и в качестве юных друзей радостно приветствуем Александра Ивановича за нее» (*ЛН*, т. 62, стр. 666). Характерен отклик на эту статью и Е. В. Салиас в ее письме к Огареву от 31 июля 1864 г.: «Великолепная, достойная пера Герцена статья „7 лет“. Редко мне что в душу вошло, впилося, как эти строки, огнем и скорбью написанные, искренние, из сердца до сердца идущие. Спасибо, спасибо ему» (*ЛН*, т. 61, стр. 834).

Стр. 239. *Камень от ее могилы был отвален и свезен в Петропавловскую крепость.* — Подразумевая под «камнем» Николая I, похороненного в соборе Петропавловской крепости, Герцен использует евангельскую легенду о камне, которым была прикрыта дверь гроба Иисуса и который в день его воскресения был отвален сошедшим с небес ангелом (Евангелие от Матфея, гл. 28, ст. 2).

Стр. 240. *Смертная казнь введена помимо Свода, каким-то задним крыльцом в уголовное законодательство.* — В России смертная казнь была отменена указами Елизаветы Петровны от 1753 и 1754 гг.; вновь введенная при Екатерине II, смертная казнь по своду законов 1832 г. допускалась за государственные преступления. Однако во время польского восстания последние трактовались весьма расширительно, и смертная казнь стала массовым явлением.

... *тайно напечатанный листок...* — Имеется в виду прокламация «К молодому поколению» Н. В. Шелгунова и М. Л. Михайлова.

...и что найдутся звери, которые предложат в Акатуевске селюлярную тюрьму? — Акатуевская каторжная тюрьма (находилась более чем в 600 км от Читы) — тюрьма с особо жестоким режимом для политических заключенных, существовала с 1832 г. *Целюлярный* — клеточный.

Что у нас будут закрывать школы за то, что ученики не томят целовать руку попу? — См. в наст. томе статью «Школа правоведения».

...что его в Москве будут сравнивать с Ермоловым и Суворовым... — См. в наст. томе заметку «Ссылка А. П. Ермолова в Муравьевы».

...в Петербурге носить на креслах. — См. комментарий к стр. 225.

...что Катков будет выгонять сенаторов из Английского клуба... — См. в наст. томе статью «Наши прогрессы».

Стр. 241. ... *робеспьеровским трикотезам Зимнего дворца...* — См. комментарий к стр. 40.

Стр. 242. *С.-петербургский обер-полицейстер и николаевский генерал-адъютант Кокошкин, ваш Курций, дал вам прекрасный пример...* — Герцен иронически называет С. А. Кокошкина, о котором ходили слухи, что он умер, провалившись в помойную яму, Курцием по имени легендарного римского гражданина Марка Курция (362 до н. э.), бросившегося в пропасть, раскрывшуюся на форуме, чтобы спасти родину.

... *шли в комнату, а попали в другую...* — Перифраз слов Софьи из «Горе от ума» А. С. Грибоедова (действ. 1, явл. 4).

Стр. 243. ... *немец, которому сдуру вас стало жаль и он не велел вас бить, так вы его отравили и задушили в Ропше?* — Имеется в виду Петр III. В период своего недолгого царствования (с 15 ноября 1761 г. по 5 июля 1762 г.) Петр III освободил дворян от обязательной государственной службы; после переворота и провозглашения Екатерины самодержавной императрицей был отправлен во дворец Ропшу и задушен гвардейскими офицерами.

Стр. 244 ... *расстреливают в Модлине...*— Имеется в виду расстрел в крепости Модлин офицеров Аргольдта, Сливичкого и Ростковского 16 июня 1862 г.

DIE HEILIGE TRIPLE ALLIANZ

Печатается по тексту К, л. 187 от 15 июля 1864 г., стр. 1535—1536, где опубликовано впервые, с подписью: И—р. Автограф неизвестен.

Заметка написана по поводу захвата Пруссией и Австрией Шлезвиг-Гольштейна. В январе 1864 г. Пруссия предъявила Дании ультимативное требование об отмене конституции 1863 г., провозгласившей полное присоединение Шлезвига к Дании. 1 февраля 1864 г. прусско-австрийские войска вторглись в Шлезвиг. Россия сыграла подстрекательскую роль в развязывании «Датской войны» 1864 г. Она обещала Пруссии свое невмешательство в благодарность за ее помощь в польских делах. В 1864 г. Александр II подтвердил права Пруссии на территорию Познани, отошедшую к ней по Венскому конгрессу, и Австрии на территорию Галиции, присоединенную к ней в 1772 г. после первого раздела Речи Посполитой.

Стр. 245. ... *прошлогодними нотами...*— Имеются в виду ответные обращения России к западноевропейским державам, выступившим в 1863 г. с нотами в защиту Польши. См. в наст. томе заметку «Хроника подлости» и комментарий к ней.

Стр. 246. *Или поляки — исправить ошибку Яна Собеского и занять Вену?*— В 1683 г. объединенные войска Польши и Австрии под командованием польского короля Яна Собеского разгромили турок под Веной, тем самым положив предел турецким завоеваниям в Европе. Вскоре Ян Собеский был вынужден отказаться от союза с Австрией ввиду ее недружелюбной политики в отношении Польши.

Этот союз делается в предупреждение скандинавской федерации.— Движение за объединение Швеции, Дании, Норвегии, Исландии и Финляндии в единое политическое целое государство — панскандинавизм — возникло вскоре после наполеоновских войн. В 60-е годы идеи панскандинавизма получили сильное распространение в Дании в связи с ее надеждой на поддержку Швеции в Шлезвиг-Гольштейнском конфликте. Отказ Швеции, рассчитывавшей полностью присоединить к себе ослабленную войной Данию, оказать помощь последней нанес непоправимый удар идеям панскандинавизма.

Николай закабалл немцам Краков...— После разгрома Краковского восстания 1846 г. независимая (по решению Венского конгресса 1814—1815 гг.) Краковская республика была ликвидирована и территория ее присоединена к Австрии.

... после союза, заключенного на горьких немецких водах..? — 16 июня 1864 г. в немецком курортном городке Киссингене Александр II встретился с австрийским императором, а несколько дней ранее с прусским королем. В переговорах принимали участие русский министр иностранных дел А. М. Горчаков и Бисмарк. Передавая комментарий иностранной прессы, «Московские ведомости» писали, что эти встречи «породили, естественным образом, множество толков в европейской журналистике, и дело Польши <...> снова всплыло наружу. Утверждают, с необычайным упорством, будто бы между тремя монархами и их министрами дело идет об особом трактате, которым они гарантировали бы друг другу польские их владения» («Московские ведомости», № 127 от 10 июня 1864 г.).

Печатается по тексту К, л. 187 от 15 июля 1864 г., стр. 1540, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется на основании тематики заметки: разоблачение «искренней, глубокой, всесторонней, нежной страсти» «Московских ведомостей» к доносам, шпионству, полицейскому вмешательству и надзору» (см. в наст. томе комментарий к заметке «Логика падения»). Заметка непосредственно примыкает к таким работам Герцена, как «Новая фаза в русской литературе» и «Правительственная агитация и журнальная полиция», к заметкам «Война, чума, пожар», «Еще шаг», «На Волынь!», где проводятся те же мысли об «англомании» «Московских ведомостей», о «преданности их полиции», о борьбе Каткова с «полонизмом», «украинофильством», «католицизмом». Характерен для публицистических приемов Герцена заголовки заметки (см., например, «Бешенство цензуры» в т. XIV наст. изд.). В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XVII, 304).

Стр. 247. ... «Целые компании ∞ службы». — В связи с запрещением полякам-католикам служить на железных дорогах и заменой их русскими служащими православного вероисповедания, получавшими при этом повышенные оклады, в Польшу направлялись многочисленные искатели высоких заработков — см. в наст. томе заметку «Православие на рельсах» и комментарий к ней.

Стр. 248. ... *университетская газета*. ... — Имеются в виду «Московские ведомости», право издания которых принадлежало Московскому университету. Герцен цитирует статью В. Пановского «Что делается в Москве?», напечатанную в № 123 от 4 июня 1864 г.

БАЛАБИН И НОРМА

Печатается по тексту К, л. 187 от 15 июля 1864 г., стр. 1540, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется на основании идейно-тематических признаков заметки (австрийский вопрос, обзор немецких «С.-Петербургских ведомостей») и некоторых характерных для Герцена стилистических особенностей (например, каламбур, построенный на игре слов «Норма» и «ненормальное положение»). В издании М. К. Лемке отнесено в разряду Dubia (Л XVII, 305—306).

Заметка являлась откликом на отставку В. П. Балабина, русского чрезвычайного посланника и полномочного министра в Австрии. Увольнение Балабина произошло вследствие недовольства Александра II политической сближения России с Францией, проводившейся послом во Франции графом П. Д. Киселевым и разделявшим его взгляды Балабиным. Стремясь, наоборот, к дальнейшему укреплению связей с германскими государствами, Александр II фактически отстранил от дел П. Д. Киселева, прислав ему в «помощь» бывшего посланника в Вене, а затем в Берлине, прогермански настроенного барона А. Ф. Будберга; Балабин же после длительного отпуска был «по болезни» уволен в отставку. Однако 17 апреля 1864 г., вслед за сообщением об отставке Балабина, он был произведен в тайные советники, а 12 августа зачислен по министерству иностранных дел (см. «Русская старина», 1902, № 11, стр. 361).

Стр. 248. ... Балабин наделал дипломатического вздору и его уволили...— «С.-Петербургские ведомости» в № 121 от 2/14 июня 1864 г. в отделе «Постановления и распоряжения правительства», перепечатали из немецкой «С.-Петербургской газеты» следующее сообщение: «По последним известиям императорский посланник при венском дворе отозван своим правительством. Полновесные соображения, основанные на состоянии его здоровья, побудили г. Балабина просить об увольнении от занимаемой им должности. Г-н Балабин уже год не мог исполнять ее, и дело шло лишь об устранении ненормального обстоятельства. Отсюда упомянутое решение императорского правительства, которое таким образом получает возможность заняться теперь выбором нового представителя России при венском дворе».

Стр. 249. ... ненормальное положение ∞ и оперу напоминает...— Игра слов; «Норма»— название оперы Беллини.

КАЗНИ В КАЗАНИ

Печатается по тексту «Общего веча», № 29 от 15 июля 1864 г., стр. 129, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен. Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVII*, 306) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из письма Огарева, хранящегося в архиве семьи Герцена» (*Л XVII*, 439).

Авторство Герцена подтверждается его письмом к Ю. Ф. Самарину от 12 июля. «Сейчас прочел,— писал Герцен,— что в Казани расстреляли троих и несколько человек посланы на каторгу. Что ж это за кровавое время? Тематика заметки, разоблачающей кровавые злодеяния царского самодержавия, входит в круг ближайших интересов Герцена той поры (см. «Ответ Гарибальди», «Письмо к императору Александру II» в наст. томе и др.). В статье «VII лет», высказывая те же мысли по поводу «запоя кровью» в царствование Александра II, Герцен писал: «Кровь льется царскими палачами, как вода. Казни, к которым, скрепя сердце, едва осмеливалась прибегать Екатерина II, от которых сдерживался сам Николай, теперь совершаются ежедневно. Смертная казнь введена помимо Свода, каким-то вадним крыльцом в уголовное законодательство» (см. стр. 240 наст. тома).

В заметке рассказывается о судьбе участников так называемого «Казанского заговора» 1863 г., когда революционной организацией «Земля и воля» совместно с польскими революционерами была предпринята попытка организовать крестьянские восстания в приволжских губерниях. Предполагалось, что восстание, начавшись в Казанской губернии, распространится отсюда по Волге, перебросится на Урал и Дон, а с Дона направится таким путем, чтобы слиться с польским восстанием. Поднять крестьянство предполагалось подложным царским манифестом и прокламациями. «Заговор» был выдан предателем, пятеро участников его были расстреляны, остальные сосланы на каторгу. Герцен внимательно следил за ходом событий в Поволжье и посвятил им несколько статей и заметок (см. в т. XVI наст. изд. статью «Волжский манифест и Россия в осадном положении» и комментарий к ней).

Стр. 250. ... статейки из «Казанских ведомостей»...— В «Казанских губернских ведомостях», 1864, № 24, в заметке без подписи и без заголовка, передавалось правительственное сообщение о «Казанском заговоре» 1863 г. и сообщалось о приговоре по делу его участников.

Человек, имеющий время ∞ вадором...— О пристрастии Александра II к перемене форменной одежды в войсках Герцен писал не раз в «Колоколе» (см., например, заметку «Наши прогрессы» в наст. томе).

⟨РЕДАКТОРУ «LA CLOCHE»⟩

Печатается по тексту газеты «La Cloche», № 47 от 15 июля 1864 г., где опубликовано впервые, с подписью: *A. Herzen* и с примечанием от редакции: «Cette lettre servira de préface à la brochure d'A. Herzen „Nouvelle phase de la littérature russe“, sous presse» ⟨«Это письмо будет служить предисловием к находящейся в печати брошюре А. Герцена „Новая фаза в русской литературе“»⟩. К словам «la reine capitale» ⟨«смертная казнь»⟩ сделано примечание, вероятно, принадлежавшее также редактору, а не Герцену: «On sait qu'en Russie la reine de mort n'existait pas» ⟨«Известно, что в России смертная казнь не существовала»⟩. Автограф неизвестен.

Стр. 253. ... смертная казнь проникла через крошечную лазейку в законодательство.— См. в наст. томе комментарий к стр. 240.

... свидания трех немецких монархов в Варшаве...— См. в наст. томе комментарий к стр. 246.

И. И. КЕЛЬСИЕВ

Печатается по тексту *K*, л. 188 от 15 августа 1864 г., стр. 1541, где опубликовано впервые, без подписи. Этой статьей открывается лист «Колокола».

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVII*, 327—328) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки Тхоржевского» (*Л XVII*, 440). Авторство Герцена подтверждается редакционным характером заметки.

Заметка посвящена памяти члена общества «Земля и воля» И. И. Кельсиева (см. статью «И. Кельсиев и Н. Утин» в т. XVII наст. изд. и комментарий к ней; «прекрасным, даровитым юношей» назвал Кельсиева Герцен в «Былом и думах» — т. XI наст. изд., стр. 336).

Ярким документом, характеризующим личность И. И. Кельсиева, является его письмо к графине Е. В. Салиас, написанное после его побега из тюрьмы за границу в 1863 г. Отвечая на вопрос Салиас, верит ли он в победу дела революции (переписка относится к периоду реакции), Кельсиев отвечал, что «хотя и забыто теперь многое из того, что говорили прежде, но это только временное зло, так как логика истины сильнее логики лжи, и истина не может быть навсегда закована ложными доказательствами; рано или поздно она прорвется, и все снова прозрят». И дальше добавлял: «Выиграем ли, не выиграем ли мы свое дело в течение жизни, это все равно, т. е. оно очень грустно, если не увидят мои очи моего спасения, только руки-то опустить от этого не след» (*ЛН*, т. 41—42, стр. 109—110). См. также письма И. И. Кельсиева к Герцену и Огареву (*ЛН*, т. 62, стр. 219—253).

ВОЙНА, ЧУМА, ПОЖАР

Печатается по тексту *K*, л. 188 от 15 августа 1864 г., стр. 1546—1547, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVII*, 328) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки Тхоржевского» (*Л XVII*, 440). Авторство Герцена подтверждается тематикой заметки: начиная с петербургских пожаров 1862 г., Герцен постоянно разоблачал на страни-

цах «Колокола» «вопли о политических зажигательствах» (см. «Зарево» в т. XVI наст. изд., «Все еще горит Россия», «Поджигатели и подлецы» в наст. томе и др.). Об остром кризисном положении в России Герцен писал в письме к М. Мейзенбуг от 15 января 1864 г.: «В России сейчас происходят поразительные вещи, гангрена разрастается, губя себя и других».

Стр. 255. *Отчего же нет того вопля о политических зажигательствах, которым началась эпоха реакции и террора?*— Воспользовавшись совпадением майских пожаров 1862 г. в Петербурге с выходом прокламации «Молодая Россия», правительство подняло кампанию против демократического лагеря. Летом 1864 г. пожары вновь охватили всю Россию. «В редком номере газет не читаем известий о сильных пожарах в разных городах и селах»,—писал А. В. Никитенко 22 сентября 1864 г. (А. В. Никитенко. Дневник, т. 2, М., 1955, стр. 464). Думая, что правительство не воспользуется подобным же образом новой вспышкой пожаров летом 1864 г., Герцен ошибился. В «Московских ведомостях» вскоре (№ 169 от 1 августа 1864 г.) была напечатана передовая «Статья о пожарах» Каткова, в которой провокаторски указывалось на «непонятные обстоятельства», сопровождавшие ряд пожаров в Петербурге, и на «польские элементы», виновные будто бы в распространении «зажигательных идей». См. разоблачение этой клеветы в статьях Герцена 1865 г. («Все еще горит Россия» и др.).

Люди и скот садут от сибирской язвы...— Во время эпидемии 1864 г. отдельные случаи сибирской язвы среди людей наблюдались даже в Петербурге (см. А. В. Никитенко, там же, стр. 451).

ЧЕРНЫШЕВСКОМУ, МИХАЙЛОВУ И ВСЕМ ДРУЗЬЯМ НАШИМ, СТОЯВШИМ У ПОЗОРНОГО СТОЛБА, НОСЯЩИМ ЦЕПИ, РАБОТАЮЩИМ НА КАТОРГЕ

Печатается по тексту К, л. 188 от 15 августа 1864 г., стр. 1547, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК озаглавлено: «Чернышевскому, Михайлову и др.». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVII, 3:8) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки Тхоржевского» (Л XVII, 440).

Заметка написана от имени издателей «Колокола» и непосредственно примыкает к статье Герцена «Н. Г. Чернышевский» (см. наст. том). Авторство Герцена подтверждается содержащейся в заметке характеристикой итальянского революционера Пизакане, которая повторяет рассказ о нем в «Былом и думах» (т. X наст. изд., стр. 68). Там же приведена полностью и баллада о прекрасном капитане.

Стр. 256. *Не прошло восьми лет с тех пор, как наемные убийцы неаполитанского короля расстреляли юного героя Пизакане на том берегу, на котором он сделал свою смелую высадку.*— В 1857 г. Карло Пизакане с небольшим отрядом высадился в Капри с целью поднять восстание на юге Италии за независимость своей родины. Отряд его был разгромлен неаполитанскими наемными войсками, а сам он расстрелян.

...o bel Capitano i e ego трех сотнях E sono morti...— Полный текст баллады Меркантини о прекрасном капитане и свой перевод Герцен поместил в гл. XXXVII части V «Былого и дум» (см. т. X наст. изд., стр. 68 и 464).

С тех пор другой бевумец сделал высадку на другом берегу...— В 1860 г. в связи с вспыхнувшим в Южной Италии восстанием против

гнета неаполитанских Бурбонов Гарибальди отплыл с острова Капри в Сицилию на помощь восставшим, возглавив легендарный поход «тысячи» итальянских патриотов. 20 августа 1860 г. Гарибальди высадился на юге Италии и 7 сентября с триумфом вступил в Неаполь.

ЕЩЕ ШАГ

Печатается по тексту *К*, л. 188 от 15 августа 1864 г., стр. 1547, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVII*, 329) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки Тхоржевского» (*Л XVII*, 440).

Авторств Герцена подтверждается тематикой заметки: очередное разоблачен с «доносов, гнусностей, намеков» «Московских ведомостей» (см. комментарий к заметкам «Перечень доносов», «Логика падения» в наст. томе), а также своеобразной фразеологией заметки («пресловутые издатели пресловурых журнальцев», «полицеблудие» и пр.).

С середины 1863 г. русская реакционная печать начала травлю так называемых «украинских сепаристов», отнеся к ним деятелей украинской национально-демократической культуры. Напуганные событиями в Польше и боясь, что «польский пожар» может перебраться на соседние украинские губернии, реакционные круги в России и на Украине объявили поход не только против выступлений, имевших политический характер, но и против начинаний либерально-культурнического типа, например издания популярных книг на украинском языке. Передовая статья Каткова против «укаинофильства», являющегося будто бы следствием польских «иезуитских интриг», задала тон этой кампании (см. «Московские ведомости», № 186 от 23 августа 1863 г.). В центре нападков оказалась деятельность Н. И. Костомарова. Донос Каткова на укаинофилов в атмосфере, накаленной кровавой расправой в Польше, мог быть для них чреват тяжелыми последствиями. Либеральный «Голос» выступил с рядом статей в защиту Костомарова. За критику Каткова редактору «Голоса» Краевскому было сделано предупреждение министром внутренних дел П. А. Валуевым. В «Колоколе» в целом ряде статей критиковались выступления русской реакционной печати против укаинофильства (см., например, в наст. томе заметку «На Вольнь»).

С т р. 257. *Вот образчик из гнусной статьи...* — Статья «X» — «Из Петербурга» («Московские ведомости», № 151 от 9 июля 1864 г.).

ПЕТЕРБУРГСКАЯ АГРИППИНА

Печатается по тексту *К*, л. 188 от 15 августа 1864 г., стр. 1547, где опубликован впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVII*, 329—330) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки Тхоржевского» (*Л XVII*, 440).

Авторство Герцена подтверждается тематикой заметки: разоблачение зверств правительства Александра II и реакционной деятельности Каткова с Леонтьевым (ср., например, набросок «Поэтому-то в своем бешенстве доносов...», «Правительственная агитация и журнальная полиция» в наст. томе и др.). Характерны для публицистического стиля Герцена некоторые стилистические особенности заметки («петербургская Агриппина»,

воспитавшая «кровожадную породу маленьких Неронов»; «у Каткова свой Сенек — Леонтьев, у Муравьева два Сенеки — Катков и Леонтьев» и др.).

Стр. 258. ... *Агриппина* ∞ *остановиться нет возможности.* — Агриппина — мать римского императора Нерона; под петербургской Агриппиной Герцен подразумевает царское правительство.

... *в водяного Нерона на Литве...* — Имеется в виду М. Н. Муравьев, генерал-губернатор Литвы.

С легкой руки Александра Николаевича ∞ *о примирении и братстве двух народов...* — На обеде в Царском Селе 10 мая 1864 г., данном для второй делегации польских крестьян, Александр II провозгласил тост «за нераздельную связь навсегда России с Польшей» (см. «Русский инвалид», № 106 от 13 мая 1864 г.).

... *ударил в набат «День», и разразились «Московские ведомости».* — В передовой статье польской газеты «Czas» от 13 июля 1864 г. высказывалась мысль о необходимости примирения польского и русского народов. С резким протестом против «примирительных идей» «Czas'a» выступили «Московские ведомости» (№ 153 от 11/23 июля 1864 г., статья «Из Варшавы») и аксаковский «День» (№ 31 от 1 августа 1864 г.), перепечатавший из газеты «Dziennik Warszawski» статью «Польская пресса за границей», в которой осуждались предложения «Czas'a».

ПЛАЧ «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» О ШВАРЦЕ, РАВНОДУШИЕ К ПЕЙКЕРУ

Печатается по тексту *К*, л. 188 от 15 августа 1864 г., стр. 1547—1548, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVII*, 330—331) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки Тхоржевского» (*Л XVII*, 440).

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером («Мы начинаем думать...») и тематикой заметки — разоблачение «ревностных защитников розог», тех, кто «любил сечь» и «возвел свою любовь в теорию», а также некоторыми стилистическими особенностями, характерными для публицистики Герцена (например, каламбурное обыгрывание фамилии Шварца).

Стр. 260. *Корреспондент «Московских ведомостей»* ∞ *извещает о смерти Пейкера и Шварца...* — Речь идет о корреспонденции «Из Варшавы» в № 153 «Московских ведомостей» от 11/23 июля 1864 г.

Стр. 261. ... *так же как Бельгард* ∞ *виновного...* — Генерал-лейтенант К. А. Бельгард был в 1863 г. начальником Калишского военного отдела (одного из девяти военных отделов, на которые было разделено во время восстания 1863 г. Царство Польское; начальникам отделов были предоставлены права генерал-губернаторов).

... *тот страшный семеновский полковник* ∞ *славного похода.* — Полковник Шварц — командир лейб-гвардии Семеновского полка, который своими издевательствами над солдатами вызвал известные волнения в этом полку в октябре 1820 г.

ИМПЕРАТОРСКИЕ САНКЮЛОТИДЫ

Печатается по тексту *К*, л. 188 от 15 августа 1864 г., стр. 1548, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVII, 331) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки Тхоржевского» (Л XVII, 440).

Авторство Герцена подтверждается тематикой заметки, входящей в круг ближайших интересов Герцена в «Колоколе»: разоблачение «Московских ведомостей», события в Литве, деятельность Муравьева. Заголовок заметки перекликается со следующими строками из статьи Герцена «К концу года»: «Наша журналистика превзошла все виденное в самые печальные эпохи политических распрей и клевет <...> она довела свой самодержавный якобинизм и православное санкюлотство до барковского сквернословия „Московских ведомостей“, до бесстыдства образов и просвирок Муравьева» (наст. том, стр. 460)■

Стр. 262. «Московск. ведомости» перепечатывают следующую любопытную весть... — Цитируемые Герценом строки были помещены в № 137 «Московских ведомостей» от 21 июня 1864 г., в разделе «Последняя почта». В этой же газете, № 145 от 2 июля 1864 г., писалось о предпринятом Муравьевым «восстановлении старых и постройке новых православных церквей в Северо-Западном крае» и организации в Москве сбора пожертвований на православные храмы. В № 147 (от 4 июля) было перепечатано циркулярное распоряжение Муравьева всем начальникам губерний, запрещающее открытие новых костелов и возобновление существующих, без предварительного его согласия и разрешения. В № 173 (от 6 августа) подробно комментировался доклад Муравьева Александру II о плане работ «по восстановлению церквей и улучшению быта православного духовенства». По указанию царя министерство внутренних дел отпустило на это 400 тысяч рублей серебром «из остатков 5% сбора с доходов имений помещиков польского происхождения».

ШТАБС МИХНО

Печатается по тексту К, л. 188 от 15 августа 1864 г., стр. 1548, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVII, 331) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки Тхоржевского» (Л XVII, 440).

Авторство Герцена подтверждается тематикой заметки: о разгуле правительственного террора в армии см., например, заметку «Убийство сумасшедшего» в наст. томе; о жестокости генерал-губернатора Н. Н. Анненкова, которого Герцен называл «Анненков 2», см. в «Россиаде» (т. XVII наст. изд., стр. 173).

Стр. 262. ...*Приказом Киевского военного округа ∞ видеться с постронными лицами.* — Приказ киевского, подольского и волянского генерал-губернатора, командующего войсками Киевского военного округа Н. Н. Анненкова был опубликован в «Московских ведомостях», № 159 от 18 июля 1864 г.

НА III ОТДЕЛЕНИЕ III С ЧЕТВЕРТЬЮ

Печатается по тексту К, л. 188 от 15 августа 1864 г., стр. 1548, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVII, 332) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки Тхоржевского» (Л XVII, 440).

Авторство Герцена подтверждается тематикой заметки: очередное разоблачение доносов «Московских ведомостей» (см. комментарий к заметке «Перечень доносов» в настоящем томе) и некоторыми стилистическими признаками (ср. например, заголовок комментируемой заметки с заглавием статьи Герцена «Александр Второй — Наполеону Третьему — четыре лошади» в т. XIV наст. изд.). Характерна для публицистической манеры Герцена заключительная сентенция заметки.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ СОБРАНИЕ МИНЕРАЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Печатается по тексту *К*, л. 188 от 15 августа 1864 г., стр. 1548, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Минералогическое общество». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVII, 332) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки Тхоржевского» (*Л* XVII, 440). Заметка примыкает к статьям Герцена, разоблачающим деятельность М. Хотинского («Астроном-наблюдатель и миссионер Хотинский», «Г-н М. Хотинский и III отделение» и др. — т. XVII наст. изд.).

КОМУ СЕЧЬ?

Печатается по тексту *К*, л. 188 от 15 августа 1864 г., стр. 1548, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVII, 332) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки Тхоржевского» (*Л* XVII, 446).

Авторство Герцена подтверждается тематикой заметки — обзор русской прессы, вопрос о телесных наказаниях (ср., например, «Письма к противнику», где Герцен пишет: «Целые страны существуют без телесных наказаний, а у нас еще ведут контроверзу о том, сечь или не сечь. Если сечь — чем сечь?» и т. д. — стр. 282 наст. тома). Характерна для Герцена ироническая концовка заметки.

17 апреля 1863 г. был принят указ «О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных», которым применение телесных наказаний несколько ограничивалось (от них освобождались женщины, представители духовенства, интеллигенции, отменялись шпицрутены в армии, кошки во флоте, наказание плетью). «Московские ведомости», «Северная пчела» и другие реакционные газеты требовали сохранения телесных наказаний в гимназиях и как исправительную меру при мелких проступках.

«Современник» выступал за полную отмену телесных наказаний в России. Под давлением общественного мнения 14 июля 1864 г. было утверждено новое «Положение о начальных народных училищах» и 19 ноября 1864 г. «Устав гимназий и прогимназий», положившие некоторые ограничения в применении телесных наказаний.

Герцен в «Колоколе» внимательно следил за продолжавшейся в русской печати полемикой по этому вопросу (см. «Из Москвы» — т. XVI наст. изд., «Нравы молодежи исправляются» — наст. том и др.). Он считал, что Катков и его сообщники недалеко ушли от крепостников дореформенной поры, требовавших сохранения права телесных наказаний в руках дво-

рянства. Цитируемые им в данной заметке сентенции из № 161 «Московских ведомостей» от 21 июля 1864 г. полностью совпадали с положениями известной статьи «Изобретателя детских розог» князя В. Черкасского — «Некоторые общие черты сельского управления» («Сельское благоустройство», М., 1858, кн. 3).

О князе Черкасском см. в наст. томе статьи «Кн. В. Черкасский», «Черкасский-министр развивается».

DIE RUSSEN IN DER SCHWEITZ

Печатается по тексту *K*, л. 189 от 15 сентября 1864 г., стр. 1556; где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVII, 339—340) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается по письму сына, хранящемуся в архиве семьи Герцена» (*Л* XVII, 440). Конец заметки от слов: «4 августа арестовали» в издании М. К. Лемке выделен в особую заметку, озаглавленную «О Хотинском» и отнесенную к разряду *Dubia*.

Авторство Герцена подтверждается тематикой заметки: разоблачение царской фамилии и «бдящей о ней свиты» (ср., например, «VII лет» в наст. томе), ироническое обращение к Хотинскому (см. в наст. томе комментарий к заметке «Графиня Антонина Блудова и Матфей Хотинский»), а также некоторыми характерными для Герцена стилистическими особенностями: заголовок на немецком языке (см. в наст. томе комментарий к статье «Für den Livländischen Adelstag hoch!»), каламбур с «озером *Постоянства*» и др. Случай с оперой Россини «Вильгельм Телль», переименованной в оперу «Карл Смелый», положенный в основу иронической концовки комментируемой заметки, рассказан Герценом в «Вылом и думмах» (см. т. X наст. изд., стр. 175), а также описан в его дневниковой записи от 10 ноября 1842 г.: «оперу Россини „Вильгельм Телль“ дают у нас под названием „Карл Смелый“. Я еще этой глупости не знал,— и смешно, и досадно, и отвратительно» (т. II наст. изд., стр. 241).

Заметка написана в связи с решениями швейцарского Федерального совета о помощи польским беженцам. «Вследствие беспрерывно возрастающего числа поляков в Швейцарии, Федеральный совет потребовал от кантонов, чтоб они открыли им у себя убежище, и в то же время объявил свою готовность принять на себя часть необходимых по этому предмету издержек» («Московские ведомости», № 124 от 5 июня 1864 г. (см. также подробно об этом в «Московских ведомостях», № 130 от 13 июня)

Стр. 264. ...*проведет несколько недель на Констанцском озере* ∞ *озере Постоянства*? — Намек на супружескую неверность царя.

...россиневского «Вильгельма Телля» снова в Петербурге давать под названием «Карла Смелого». — Проникнутая свободолюбивыми мотивами опера Россини «Вильгельм Телль» по требованию цензуры на австрийской и русской сценах ставилась с измененным сюжетом под названием «Карл Смелый». Вместо знаменитого борца за независимость Швейцарии, ее главным героем становился средневековый бургундский герцог Карл Смелый (XV век), погибший в борьбе с швейцарцами. Автором русского либретто был Р. М. Зотов.

ВТОРОЙ МУРАВЬЕВ И АЛЕКСАНДР ВТОРОЙ

Печатается по тексту *К*, л. 189 от 15 сентября 1864 г., стр. 1556, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется тематикой заметки (очередное разоблачение «ползающих на коленях» приближенных Александра II), непосредственно продолжающей такие заметки, как «Отечественные маргаритки», «Наши прогрессы» и др. в наст. томе. Иронический заголовок построен по тому же принципу, что заглавия некоторых других статей Герцена: «Александр Второй — Наполеону Гретьему — четыре лошади» — в т. XIV наст. изд., «На III отделение III с четвертью» — наст. том). В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XVII, 340).

В заметке цитируется сообщение «Московских ведомостей», № 169 от 1 августа 1864 г. («Пребывание государя императора в Вильне»), о смотре войскам, сделанном Александром II при посещении Вильно 9 июля 1864 г., на пути из-за границы в Петербург. Приехав в Вильно вечером 8 июля, Александр II остановился в генерал-губернаторском дворце, где, как сообщает биограф, «несмотря на поздний час, Муравьев имел в тот же вечер продолжительный словесный доклад у государя. Он подробно изложил состояние вверенного ему края, настаивая на необходимости настойчиво проводить меры, предпринятые для его обрусения, ни под каким видом не снимая военного положения и вообще отказаться от каких-либо снисхождений к полякам, или помилований. Император Александр успокоил Муравьева, сказав, что вполне разделяет его взгляд на дело» («Русский биографический словарь», т. 1, СПб., 1896, стр. 620). В речи, произнесенной на смотре, Александр II воздал должное «заслугам» Муравьева.

«Вторым Муравьевым» Герцен называет М. Н. Муравьева — второго в семье после старшего брата, генерала Н. Н. Муравьева (Карского).

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН В МОЛДОВАЛАХИИ

Печатается по тексту *К*, л. 189 от 15 сентября 1864 г., стр. 1556, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVII, 341) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки Огарева, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л* XVII, 440).

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером заметки.

Князь Молдавии и Валахии Куза издал 14 августа 1864 г. манифест о крестьянской реформе в объединенном княжестве Молдовалахии (Румынии). Проект реформы был составлен М. Когэлничану. Несмотря на крайне ограниченный характер этой реформы (крестьяне должны были выплатить в течение 15 лет огромные выкупные платежи помещикам, более $\frac{2}{3}$ лучших земель оставалось во владении крупных феодалов и т. д.), реакционное боярство не могло простить Кузе некоторого ущемления своих прав. Под нажимом реакционеров он в 1866 г. был вынужден отречься от престола.

Стр. 265. Брошюру эту мы получили... — Брошюра была издана в Бухаресте 24 марта 1864 г. без имени автора, которым являлся

помещик из Ольтени, бывший капитан русского генерального штаба Михаил Рощковский (см. об этом издании статью Георга Хаупта «Влияние Герцена в Румынии» — ЛН, т. 64, стр. 815).

〈«КОЛОКОЛ» НА 1865...〉

Печатается по тексту К, л. 190 от 15 октября 1864 г., стр. 1557, где опубликовано впервые, с подписью: А. Герцен, Н. Огарев. Этой заметкой открывается лист «Колокола». Повторено в л. 191 и 192 (в л. 192 в конце номера, после отдела «Смесь»). Автограф неизвестен.

В обстановке разгула реакции после подавления польского восстания распространение «Колокола» в России было крайне затруднено. Герцен писал в это время А. Таландье: «Пропаганда наша идет плохо, Польша убита, а русское правительство обвиняют в социализме» (письмо от 3 июля 1864 г.). Издатели «Колокола» сознавали, какую важность для будущей революции в России представляет сохранение свободного русского слова за границей. «Молодая Россия» приветствовала их решение продолжать «Колокол». «Хорошо, что вы не прекращаете „Колокола“ — это было бы слишком вредно», — писал Н. И. Утин Огареву 22 июня 1864 г. (ЛН, т. 62, стр. 658).

ПРИГОВОР ТРУВЕЛЛЕРА

Печатается по тексту К, л. 190 от 15 октября 1864 г., стр. 1562, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК озаглавлено: «Трувеллер». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVII, 346) со следующей справкой: «Сверено с подлинником, хранящимся в архиве семьи Герцена» (Л XVII, 441).

В публикации Лемке имеются разночтения с текстом К:

Стр. 267 строка 1: Трувеллеру вместо: Трувеллера

строка 2: Юнкера Владимира Трувеллера вместо: Юнкер Владимир

Трувеллер.

История флотского юнкера В. В. Трувеллера, арестованного в июне 1862 г. на фрегате «Олег» после возвращения из заграничного плавания подробно рассказана Герценом в «Былом и думах», гл. «Апогей и Перигей» (см. т. XI наст. изд., стр. 305—306). См. также в т. XVI статью «Хроника террора и прогресса (из писем и газет)» и комментарий к ней.

КЛЕВЕТНИКИ

Печатается по тексту К, л. 190 от 15 октября 1864 г., стр. 1562—1563, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки («Колокол» десять раз справлялся об именах), а также тематикой заметки: о «политических зажигательствах» в России писал в «Колоколе» Герцен (см. в наст. томе заметку «Война, чума, пожар» и комментарий к ней). Сведения о пожаре в Симбирске сообщал Герцену Ю. Ф. Самарин в октябре и ноябре 1864 г. (см. ниже). Самарин писал о пожарах в Приволжском

крае, о поджогах, убийствах в Варшаве и восклицал: «А какая богатая тема для „Часа“ и „Колокола“!» (письмо от 2 ноября 1864 г.— «Русь», № 2 от 17 января 1883 г.). Характерна для Герцена и фразеология заметки: «либералы в отставке, радикалы в расканиньи», «поляки жгут, а нигилисты раздувают», «какое размягчение мозга или какое окаменение сердца для этого нужно?» В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (Л XVII, 346—347).

Осенью 1864 г. произошли пожары в Симбирске и ряде других русских городов. Об этом сообщил Герцену Ю. Ф. Самарин. «Вы, вероятно, знаете,— писал он 16 октября 1864 г.,— что Симбирск выгорел дотла, Елец — тоже, Ржев — тоже, что в Сызрани было три поджога, что Калуга дрожит и не спит по ночам, что во всем Приволжском крае горят села и толпы погорельцев с плачем и воем снуют по пристани» («Русь», № 2 от 17 января 1883 г.). Поддерживая правительственную версию о поляках-зажигателях, Самарин заявлял в том же письме: «польская пропаганда действует небезуспешно».

Однако симбирских «зажигателей» (как в свое время и петербургских) царскому правительству обнаружить не удалось.

Созданная под председательством сенатора С. Р. Жданова следственная комиссия по делу о пожаре в Симбирске после годичной работы не смогла дать никаких материалов для обвинения. Официозная «Северная почта» в статье «О пожарах в России» (№ 227 от 20 октября/1 ноября 1865 г.) вынуждена была признать, что «далеко нет достаточного основания предположить, что все пожары, опустошившие в 1864 и 1865 гг. Россию, чтобы все поджоги были делом польской или какой другой интриги». О дальнейшем ходе следствия по делу о симбирских зажигателях см. т. XIX наст. изд. заметку «Вранье о симбирских зажигателях — сами себя и друг друга предают». О симбирских пожарах см. также в «Воспоминаниях» Л. Ф. Палтеева, М., 1958, стр. 273—288 и там же, комментарий С. А. Рейсера, стр. 744—745.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ АГИТАЦИЯ И ЖУРНАЛЬНАЯ ПОЛИЦИЯ

Печатается по тексту К, л. 190 от 15 октября 1864 г., сгр. 1563—1564, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется ответственным редакционным характером статьи, написанной им от первого лица. Тематика статьи: разоблачение «правительственной агитации и журнальной полиции», Каткова, «забрызганного. Муравьевым и кровью», «Леонтьева, из Каткова исходящего», и т. д. — подтверждает авторство Герцена (см. комментарий к заметкам «Перечень доносов», «Логика падения» и др. в наст. томе). Статья написана в характерном для Герцена-публициста жанре сатирического фельетона, с ярким заголовком, острыми характеристиками (Каткова, Леонтьева) и каламбурами («Рука всевышнего брошюру разбросала!», «тут, садается, какая-то третья рука», «меня укусил за ногу — Муравьев да и только!» и т. д.). Включено в издание М. К. Лемке (Л XVII, 347—350).

Стр. 269. *Плохой профессор, он, оставая кафедру...* — С 1845 по 1851 г. М. Н. Катков был адъюнкт-профессором Московского университета по кафедре философии.

...пустился проповедовать конституционный либерализм.— С января 1856 г. Катков начал издавать «Русский вестник», в котором напечатал ряд статей о необходимости для России широкого самоуправления в английском духе.

Стр. 271. ...превыше пирамид...— Слова из оды Горация «Памятник»: «Я памятник себе воздвигнул долговечный, превыше пирамид и крепче меди он» (перевод В. В. Капниста).

...Бельгия печатает об нем книги...— Намек на брошюру Шедо-Ферроти (псевдоним барона Фиркса, известного агента русского министерства финансов за границей) «Que fera-t-on de la Pologne», Bruxelles, 1864.

Рука всевышнего брошюру разбросала! — Пародийное использование названия пьесы Н. Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла» (1834). Брошюра Шедо-Ферроти «Que fera-t-on de la Pologne» была написана по заказу министра народного просвещения А. В. Головнина в защиту управления вел. князя Константина Николаевича в Польше. По распоряжению Головнина брошюра, еще до прохождения цензуры, была разослана университетам, гимназиям, ученым обществам, губернаторским канцеляриям и т. п. (см. в наст. томе заметку «Русские деньги, польские деньги» и комментарий к ней). Завершив кровавую расправу в Польше, правительство решило сделать либеральный жест, чтобы привлечь на свою сторону определенные польские и русские общественные круги. Так были предприняты попытки сдержать шовинистический пыл Каткова и Муравьева, не увенчавшиеся, однако, успехом. «Правительству,— записывал 9 января 1864 г. в своем дневнике А. В. Никитенко,— особенно в известных обстоятельствах, бывают нужны цепные собаки, как Муравьев и Катков. Оно и спустило их с цепи, а теперь не знает, как их унять» (А. В. Никитенко. Дневник, т. 2, М., 1955, стр. 395). В №№ 195, 196 и 212 «Московских ведомостей» от 5, 6 и 29 сентября 1864 г. Катков поместил резкий разбор брошюр Шедо-Ферроти по польскому вопросу (названной выше и опубликованной в 1863 г. брошюры «La question polonaise au point de Vue de la Pologne, de la Russie et de l'Europe»), сделал попутно несколько прозрачных намеков на причастность А. В. Головнина к их изданию и распространению. Каткова поддержала придворная камарилья и верхушка поместной аристократии. Под давлением их требований министр внутренних дел П. А. Валуев отменил все постановления Совета по делам печати о «ругательных статьях» «Московских ведомостей», а комитет министров «ввиду благонадежности и патриотического направления» «Московских ведомостей», а также «весьма важных заслуг» редакторов газеты, Каткова и Леоптьева, постановил: «Предоставить министру внутренних дел оказать редакции возможные облегчения в применении к ним цензурных правил» («Исторический обзор деятельности комитета министров», т. III, ч. 2, СПб., 1902, стр. 205). В жертву реакционным кругам был принесен Головнин, который в конце 1864 г. был вынужден подать в отставку, «вследствие разбития партии константиновцев (...) и спасая Польшу из когтей ярой русской партии», — как писала «Indépendance Belge» 28 октября 1864 г. о его предстоящем увольнении от дел (см. письмо К. Д. Кавелина А. И. Скребишскому от 30/18 октября 1864 г.— «Вестник Европы», 1917, кн. III, стр. 178—179).

...и по дороге меня укусила за ногу...— В № 195 «Московских ведомостей» от 5 сентября 1864 г. Катков писал о некоторой будто бы сдаче Герценом своих позиций: «впоследствии он (Герцен) несколько очеловечился и даже вступил в некоторые сделки с ненавистными для него принципами».

Стр. 272. ...т р е т ь я рука.— То есть рука III отделения.

Пушкин прав — все изменяется под нашим водиаком, Лев становится, как ничего, Козерогом...— См. в наст. томе комментарий к стр. 32.

ПИСЬМА К ПРОТИВНИКУ

Печатаются по тексту *K*, письмо первое—л. 191 от 15 ноября 1864 г., стр. 1565—1568, письмо второе — л. 193 от 1 января 1865 г., стр. 1586—1588, письмо третье — л. 194 от 1 февраля 1865 г., стр. 1593—1595, где опубликованы впервые с подписью: *И — р.*

Сохранились черновые наброски писем (см. «Другие редакции»).

Над «Письмами к противнику» Герцен работал в августе 1864 г. (см. его письмо к Ю. Ф. Самарину от 17 августа 1864 г.). 19 октября Герцен писал Самарину: «Письма свои, т. е. не эти, а писанные для печати, я не печатаю; постараюсь исключить все выписки из вашего письма, все неудобные намеки». Следовательно, перед публикацией первоначальный текст «Писем» подвергся некоторой переработке.

Поводом для написания «Писем к противнику» послужила полемика Герцена со славянофилом Ю. Ф. Самариным. Находясь в июле 1864 г. в Лондоне, Самарин, с которым Герцен был близок в середине сороковых годов в Москве, обратился к нему с предложением о личном свидании. Герцен, все еще питавший иллюзии, будто основа мировоззрения славянофилов близка его собственным взглядам (несмотря на реакционный курс славянофильского «Дня»), охотно откликнулся на предложение Самарина. Их разногласия представлялись Герцену не очень глубокими. «В чем они?—спрашивал он Самарина в письме, написанном 12 июля 1864 г.— В православии?— оставим вечное той жизни. В любви искренней, святой к русскому народу, к русскому делу? Я не уступлю ни вам, ни всем Аксаковым».

Встречи Герцена с Самариним состоялись 21—23 июля в Лондоне. Первая же беседа, продолжавшаяся 7 часов, убедила Герцена в том, что «о сближении не может быть и речи», так как Самарин «ближе к Каткову и Муравьеву, чем к „Колоколу“». «Современник» ненавидит, Чернышевского тоже» — писал он 22 июля Огареву. Беседы Герцена с Самариним приняли характер ожесточенной полемики по самым коренным общественно-политическим вопросам в России. О первом разговоре Герцен в том же письме писал Огареву: «Десять раз он принимал ту форму, после которой следовало бы прекратить и его и знакомство». После второй встречи Герцен в письме к Огареву от 23 июля признавался: «Вчерашняя беседа была еще тяжелее, дошло даже до холоднозвительных замечаний». И, наконец, о последнем свидании Герцен сообщал: «Перед прощаньем у нас шел крупный разговор и злой» (письмо к Огареву, 24 июля 1864 г.).

Окончательно убедившись, что перед ним противник, охарактеризованный им в письме к сыну (от 30 июля 1864 г.) как «Робеспьер монархии», т. е. непримиримый и готовый на все средства защитник самодержавия, — Герцен решил ответить Самарину в печати, имея в виду довести «до большей ясности обе стороны». «Позвольте же, — писал он ему 29 июля 1864 г., — <...> начать в „Колоколе“ ряд писем без вашего имени, без намеков и совершенно в серьезном тоне.<...> Отвечайте мне в „Дне“ или в „Колоколе“; я с величайшей готовностью помещу все, если не будет крепких слов о предметах дорогих мне».

Самарин, хотя и неохотно, согласился на полемику. В большом письме от 3 августа 1864 г. он прежде всего осудил материалистические взгляды Герцена, стремясь доказать, будто они находятся в вопиющем противоречии с его политическими выводами. Понимая под материализмом вульгарно-материалистические представления и приписав их Герцену, Самарин утверждал, что прямым выводом из этой теории является оправдание гнета, насилия и деспотизма, а не борьба против него, что материализм — это мировоззрение, убивающее свободу воли, общественную активность и духовное творчество и потому неизбежно приводящее к безусловному

подчинению и «гнету вещественной необходимости». Исходя из этих взглядов, он дал и оценку деятельности молодого поколения, которое будто бы отделилось от народа под влиянием пропаганды Герцена, потеряло свои духовные силы, отвергло культурные ценности. Именно агитация «нигилистов», по утверждению Самарина, вызвала крестьянские волнения в стране. Самарин решительно осудил польское восстание 1863 г.; в русских офицерах, поддержавших повстанцев в Польше, он видел шпионов и агентов «III отделения, заседающего в Лондоне под управлением Мерославского и Маццини»; в то же время Муравьев был для него героем, который «в три месяца поднял на ноги и оживил целый забытый народ». Самарин обвинял Герцена в том, что он своей «поблажкой» поддерживал польских «мятежников» и подогревал молодежь, вместо того, чтоб ее увещевать и сдерживать. Приходя к выводу, что Герцен всю свою жизнь мирился с революцией, как со средством для достижения цели, Самарин бросил ему упрек в том, что даже удивившись на опыте европейских революций 1848—1849 гг. в «негодности» этого средства, Герцен продолжал отстаивать революцию, превратив ее в самоцель («Русь», № 1 от 3 января 1883 г.).

В письме к Самарину от 17 августа 1864 г. Герцен решительно отвел последнее обвинение, сославшись на свою статью «Мясо освобождения» (см. т. XVI наст. изд.), в которой он осудил политические восстания, навязанные массам и не принесшие им ни социальных, ни экономических облегчений. Герцен заметил, что крестьянское восстание в Бездне, где не было «ни нигилистов, ни поляков», в действительности имело другие корни.

Продолжая искать общую почву деятельности со славянофилами (предлагая, например, в том же письме к Самарину общими силами «подкапывать цензуру и требовать свободы слова»), Герцен все еще считал, что он и славянофилы служат *«двум распавшимся частям одного целого»*, то есть русского народа, что они «разными путями дошли <...> до *одной точки*». Герцен начал полемику с Самариным на страницах «Нолокола» в самых корректных тонах. Он подчеркивал такие черты славянофилов, как любовь к русскому народу и «желание деятельно участвовать в его судьбах», по его мнению, свидетельствовавшие об их патриотизме.

Однако все последующее содержание «Писем к противнику» показывало тщетность поисков Герцена найти общее, «в чем согласны» обе стороны. Это касалось и «господствующей оси», то есть отношения к русскому народу, который для славянофилов, по определению Герцена, был «преимущественно народом православным», а для него «социальным»; это касалось и общественного устройства России, которое Самарин брал под защиту, а Герцен решительно отвергал, и отношения к народным движениям и к молодому поколению борцов против самодержавия. Славянофилы, как показал Герцен, пришли к полному оправданию разгула реакции в России, террора в Польше, подавления освободительного движения в стране, «дикой расправы правительства» с революционно настроенной молодежью.

В полемике с Самариним Герцен отстаивал материалистический, революционный характер русской демократической культуры. Подлинное выражение тенденций, присущих русскому народному развитию, он видел в деятельности молодой революционной демократической интеллигенции 60-х годов.

В «Письмах к противнику» Герцен дал политическую характеристику поколений, действовавших в русском освободительном движении. Если еще недавно он стремился не столько противопоставить разнородную молодежь дворянской интеллигенции 30—40-х годов, сколько доказать существовавшую между ними преемственность, то теперь он решительно подчеркивает черты, отличающие одно поколение от другого. Осудив несостоя-

тельность либералов в столкновениях с властью, он стал целиком на сторону молодого поколения — людей действия, высоко оценив их энергию, мужество и беззаветную преданность освободительной борьбе. Именно поэтому Герцен отнес начало протеста против существовавших в России порядков не к периоду общественного подъема, когда «болтовней исходила» либеральная пресса, а ко времени крестьянских волнений, вызванных «царской волей» и активизировавших деятельность революционной демократии.

Герцен в «Письмах к противнику» подчеркнул материалистический характер мировоззрения нового поколения, его настойчивый интерес к естественным наукам. Отвечая на поверхностную и демагогическую критику Самарина, Герцен показал, что именно материалистическое мировоззрение в состоянии утвердить подлинную ценность человеческой личности. В новой, демократической культуре, все более проникающейся революционным и материалистическим духом, он видел органическое продолжение лучших традиций русской революционной мысли. Ответа на «Письма к противнику» от Самарина не последовало. Герцен отметил это в заметке 1865 г. «Отец Мартынов и отец Самарин» (наст. том, стр. 477).

Стр. 274. *Мне не надобно было внешнего побуждения, чтоб заявить в пятидесятых годах, насколько я ошибался в споре с нашими славянами...* — Герцен имеет в виду свою работу «О развитии революционных идей в России», в которой, подвергнув резкой критике воззрения славянофилов (см. т. VII наст. изд., стр. 231—248), он тем не менее отметил, что их вера в крестьянскую общину — «открытое поле для примирения» (стр. 248).

Стр. 277. *...в письме, которое вы знаете...* — Имеется в виду «Письмо к императору Александру Второму» (см. т. XII наст. изд.).

Стр. 282—283. *«Ваша пропаганда ∞ по старой памяти».* — Цитируется письмо Ю. Ф. Самарина к Герцену от 3 августа 1864 г. («Русь», 1883, № 1).

Стр. 284. *Хомякову было за сорок лет ∞ и он обрился.* — В письме к А. Н. Попову, написанном весной 1849 г., А. С. Хомяков писал: «Мы все ходим уже бритые. Аксаковы получили предписание от полиции, но впрочем весьма вежливое... Трубников пишет очень забавно: „Велено бриться. Что-ж? И бриться станем, коль в том общая польза“» (см. А. С. Хомяков в Полн. собр. соч., т. VIII, Письма, М., 1904, стр. 191).

Стр. 285. *...римским центурионом...* — Центурион — начальник центурии — войскового подразделения в древнем Риме, численностью около 100 человек.

Стр. 286. *Двенадцатого апреля 1861 года русская земля облилась русской кровью.* — Имеется в виду восстание в селе Бездна Спасского уезда Казанской губернии (см. т. XV наст. изд., комментарий к статье «12 апреля 1861»).

Казанские студенты служили панихиду по убиенным, казанский профессор произнес надгробное слово — См. в т. XVI комментарий к заметке «Профессор Шапов», стр. 353.

...Публицист ∞ ждет в каземате приговора на каторжную работу. — Имеется в виду Н. А. Серно-Соловьевич, автор изданной в 1861 г. в Берлине брошюры «Окончательное решение крестьянского вопроса». 7 июля 1862 г. он был арестован по делу «о липах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами», 10 декабря был приговорен к 12 годам каторжных работ, замененных вечным поселением в Сибири.

Стр. 287. *...оно уверено, что пожар был от «Молодой России»...* — Имеется в виду прокламация «Молодая Россия», написанная П. Г. Заичневским; распространялась нелегально в Москве, Петербурге и провин-

ции в мае 1862 г. (см. в т. XVI статью «Молодая и старая Россия» и комментарий к ней).

...«русский народ не пойдет против своего царя» прокламациями à la Babœuf». — Отрывок из письма Ю. Ф. Самарина Герцецу от 3 августа 1864 г.

Стр. 288. ...несмотря ни на тяжелые беседы, ни на нелегкие дни... — Намек на «Русскую беседу» и «День» Аксакова.

Стр. 289. Мы торопимся завести, как Сен-Жюст, «статую свободы и права человека»... — Декларацию прав человека и гражданина завесили черным покрывалом эбертисты 22 февраля 1794 г. в Клубе кордильеров, в знак осуждения деятельности Робеспьера и его сторонников, которых эбертисты считали слишком умеренными.

...до заколачивания в гроб... — Имеется в виду часто цитируемое Герценом восклицание: «В гроб заколочу Демосфена!», происхождение которого описано в «Былом и думах» (см. т. X наст. изд., стр. 159).

Вас сердит, что молодые офицеры обратились ко мне «как к своему directeur de conscience». — См. «Письмо от офицеров» в т. XVI наст. изд. Directeur de conscience — руководитель совести, сознания (франц.).

...«не догадался объяснить» к «рага м». — Цитата из письма Ю. Ф. Самарина от 3 августа 1864 г.

Стр. 290. Они писали к нам осенью 1861 года... — По-видимому, это письмо было опубликовано в К, л. 135 от 1 июня 1862 г. (см. т. XVI наст. изд., стр. 104).

Почти через год получили мы другое письмо (оба писал от имени товарищей А. Потеня). — См. в т. XVI наст. изд. комментарий к стр. 251.

Стр. 291. ...безумного генерал-губернатора, который расстрелял в Нижнем разбойника по подозрению... — 8 августа 1863 г. по подозрению в разбое был расстрелян по приговору комиссии военного суда Григорий Рузавин, приговор утвержден исправлявшим должность нижегородского генерал-губернатора генерал-адъютантом Н. А. Огаревым (см. в «Общем веча» № 22 от 1 ноября 1863 г. статью «Казнь в Нижнем Новгороде»).

...три жертвы» приговора... — См. в т. XVI наст. изд. заметку «Аргольдт, Сливицкий, Ростовский».

Стр. 292. Офицеры сделали последний торжественный шаг» они написали адрес... — См. в т. XVII наст. изд. статью «Русские офицеры в рядах инсургентов» и комментарий к ней.

Стр. 293. ...поручать Минькицу составление контрадреса... — См. в т. XVII наст. изд. статью «Русские офицеры в рядах инсургентов» и комментарий к ней.

Если б в 49 году Паскевичи и Ридигеры довели до Зимнего дворца наступление русских войск и офицеров в Венгрии... — Имеется в виду участие русских войск под командованием фельдмаршала Паскевича в подавлении венгерской революции 1848—1849 гг.

Стр. 294. ...подтасованным набором... — См. в т. XVII наст. изд. статью «Resurrexit!» и комментарий к ней.

Знаменитая бражка... — То есть рекрутский набор в Польше.

...вешателя в его риторика... — Имеются в виду Муравьев и Катков.

Стр. 296. ...гвардейский офицер, который бросился к Павлу, чтоб дать еще пинька умирающему... — По свидетельствам участников убийства Павла I, совершенного в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. в Михайловском замке, Павла повалили на пол и топтали ногами, проломили ему голову эфесом сабли (см. «Цареубийство 11 марта 1801 года, записки участников и современников», СПб., 1907).

СВИДАНИЕ В НИЦЦЕ

Печатается по тексту *К*, л. 191 от 15 ноября 1864 г., стр. 1572, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется тематикой заметки: дипломатические «свидания» и переговоры Александра II всегда освещались в «Колоколе» самим Герценом (см. «Es reiten drei Reiter», «Последний удар» в т. XIV наст. изд. и др.). Мысль о том, что «искупительная поездка» императора является «полным *fiasco*», повторена в письме Герцена к сыну от 2 ноября 1864 г.: «Свидание императора в Ницце — *fiasco*». Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVII*, 388).

Заметка написана по поводу поездки Александра II во Францию в конце сентября — октябре 1864 г., вызванной желанием укрепить дипломатический престиж России, пошатнувшийся в связи с событиями в Польше. Унизительный визит Александра II Наполеону III вызвал «бесчисленные толки» в русском обществе (см. А. В. Н и к и т е н к о. *Дневник*, т. 2, М., 1955, стр. 468). Французские газеты не уделяли достаточного внимания приезду Александра II в Ниццу, отчеты о его пребывании во Франции помещались в отделе светской хроники, подчеркивался приватный характер визита высокопоставленного «туриста», встреча с ним Наполеона III (15 октября 1864 г.) расценивалась как акт простой вежливости (см. «*Le Nord*» от 17 и 25 октября 1864 г.).

Наполеон III уклонился от дипломатических переговоров, и Александр II ничего не оставалось, как проводить смотр гвардейцев, охранявших его резиденцию (см. «*Le Nord*» от 26 октября 1864 г.).

Стр. 297. ...что всего больше его удивило во Франции *«Т о , ч т о я в д е с ь»*. — Этот исторический анекдот, использованный в речи Скриба при вступлении его в Академию 28 января 1836 г., приводит в статье «Французская академия» А. С. Пушкин: «Когда Генуэзская республика (...) дерзнула сопротивляться Людовику XIV, тогда дож ее принужден был явиться в Версаль, чтоб испросить прощение у великого короля. В то время, как удивлялся он версальским садам (...) его спросили: что находит он всего необыкновеннее в Версале? Дождь отвечал: „мое присутствие!“» («Современник», 1836, т. 2, стр. 16).

РУССКИЕ ДЕНЬГИ, ПОЛЬСКИЕ ДЕНЬГИ

Печатается по тексту *К*, л. 191 от 15 ноября 1864 г., стр. 1572, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется непосредственной связью заметки со статьей Герцена в 190 л. «Колокола» «Правительственная агитация и журнальная полиция» (см. наст. том). Напечатанная в следующем листе «Колокола», настоящая заметка сообщает новые сведения о полемике, развернувшейся вокруг брошюры Шедо-Ферроти. Об истории с брошюрой Шедо-Ферроти, полемике его с Катковым Герцен неоднократно писал в «Колоколе» и упоминал в письмах. Так, к письму Огарева к Е. В. Салиас от 1 октября 1864 г. Герцен сделал приписку: «Я прошу Вас прочесть всю полемику Шедо-Ферроти с Катковым». О резкой критике, которой подверг Катков на страницах «Московских ведомостей» брошюру Шедо-Ферроти, Герцен писал и в «Былом и думах». В опубликованном в «Колоколе» отрывке из I главы

VIII части «Былого и дум» Герцен, подробно останавливаясь на деятельности Каткова, который, «как Сусанин, спас царский дом от поляков», восклицает: «Одно положение хуже и есть велико-княжеского — это положение Шедо-Ферроти. Что бы кто бы ни написал (...), — а уж Шедо-Ферроти достанется от Сусанина» (см. т. XI наст. изд., стр. 631—632, 759).

Материалы газеты «Le Nord» обрабатывал в «Колоколе» Герцен. В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XVII, 388).

Стр. 298. ...*московский университетский совет* ∞ *находя ее вредной*. — Речь идет о брошюре Шедо-Ферроти «Que fera-t-on de la Pologne». 12 сентября 1864 г. совет Московского университета, рассмотрев эту книгу, нашел ее «оскорбительною для чести русского имени» («М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. I, СПб., 1911, стр. 165). См. об этом также в наст. томе статью «Правительственная агитация и журнальная полиция» и комментарий к ней.

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Печатается по тексту К, л. 192 от 1 декабря 1864 г., стр. 1573—1577, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р*. Этой статьей открывается лист «Колокола». Сохранился небольшой черновой набросок рукописи (см. «Другие редакции»).

В письме к Огареву от 28 ноября 1864 г. Герцен пишет: «Статья о Польше сделает переворот. Она мирфически к стати».

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 303, строка 32 ее вместо его.

В статье «Что же дальше?» Герцен рассматривает перспективы дальнейшего развития отношений России и Польши, считая единственным радикальным решением вопроса — создание свободного равноправного славянского союза, в котором «сохранится народ польский и распустится империя всероссийская». Подчеркивая, что такой союз возможен лишь после освобождения России и Польши от царизма, Герцен еще в 1859 г. писал, что высоко ценит федерацию за возможность полной свободы и самостоятельности, которую она предоставляет всем входящим в нее национальностям: «Федеральные части связаны общим делом, и никто никому не принадлежит» («Россия и Польша. Письмо второе», т. XIV наст. изд., стр. 22).

Подавление польского восстания открыло, как утверждает Герцен, новую эру военных действий в Европе. Вслед за царской Россией выступили Пруссия и Австрия, силой оружия отгнавшие у Дании Шлезвиг и Гольштейн. Однако свой анализ политической ситуации на Западе Герцен заканчивает оптимистическим прогнозом: «народы снова покорились прежним властям, но покорились не прежними». По мнению Герцена, наступление реакции неминуемо приведет массы к новым боям, в которых они разобьют устаревшие формы правления и расчистят дорогу для своего будущего освобождения.

Стр. 301. *Над идеологами любят смеяться Наполеоны, что им не мешаает лет через десять исполнять их программу*. — Герцен имеет в виду аббата Сайеса (см. в наст. томе комментарий к стр. 46).

...*две империи, одна уже всеми еляями посвящена богом, другая кажется сильной и молодой*. — Т. н. «Священная римская империя герман-

ской нации», существовавшая с 962 г. по 1806 г., и Российская империя, образовавшаяся в начале XVIII века.

Стр. 304. ...*оперу Глинки?*...— Герцен говорит об опере М. И. Глинки «Иван Сусанин» (впервые поставленной в Петербурге 27 ноября 1836 г. под названием «Жизнь за царя»). См. в XIX томе наст. изд. статью Герцена «Мазурка».

Стр. 305. *Не Турция же, которую водят под обе руки*...— Намек на тяжелое финансовое и экономическое положение Турции, вынужденной в конце 50-х годов сделать значительные займы у Англии и Франции и вследствие этого подчиниться их политическому контролю.

...*если ее не предаст какой-нибудь изменник в Зимнем дворце, как это сделал Петр III*...— Проницательный намек на указ Петра III от 18 февраля 1762 г. о вольности дворянской, снимавшей с дворянства обязательную государственную службу.

Стр. 307. ...*гордый Альбион получил заушение от Горчакова и как настоящий христианин подставил другую ланиту Бисмарку*...— Имеются в виду ответ министра иностранных дел А. М. Горчакова на английские дипломатические ноты в период подавления Россией польского восстания 1863 г. и захватническая война Пруссии и Австрии против Дании, вызвавшая возмущение в общественных кругах Европы.

...*«Катилина» ближе к дверям*...— Намек на возможность народного восстания, подобного тому, которое готовил в 63 г. до н. э. Луций Сергий Катилина, поддержанный некоторой частью римского плебса и отрядами вооруженных рабов.

Последний политический гений Запада...— Герцен имеет в виду Наполеона I.

Стр. 310 ... *вывез из него с своими пушками другую веру*...— То есть революционные республиканские идеи.

К ИЗДАТЕЛЮ

Печатается по тексту сб. «Еще раз», Женева, 1866, где опубликовано впервые в виде введения к сборнику, с подписью: *И—р*.

Об истории издания сборника статей Герцена «Еще раз» см. в т. XVI наст. изд. комментарий к циклу «Концы и начала».

Стр. 312. ...*«Вариации на старую тему» ~ неизменность оснований того воззрения, которое я старался проводить*...— Статья «Еще вариация на старую тему» была опубликована в «Полярной звезде» на 1857 г., кн. III (см. т. XII наст. изд.). В ней Герцен касался вопроса о путях будущего развития России, отстаивая путь ее коренного социального переустройства. Именно в этом плане резкой критике были подвергнуты им взгляды буржуазных либералов-«западников». Герцен оптимистически смотрел на будущность России, обладающей органической «способностью к социализму», в отличие от разлагающегося капиталистического Запада. Высказывания его по этим вопросам являются, действительно, «вариациями на старую тему». Он их развивает в целом ряде своих работ начала и середины 50-х годов (см. в т. т. VI — VII наст. изд. статьи «О развитии революционных идей в России», «Письмо русского к Маццини» и др.).

Печатается по тексту *К*, л. 193 от 1 января 1865 г., стр. 1581, где опубликовано впервые, с подписью: *А. Герцен. Н. Огарев*. Этой статьей открывається лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Статья написана Герценом около 20 декабря 1864 г. Посылая ее Огареву для помещения в «Колоколе», Герцен писал 23 декабря 1864 г.: «Если считаешь нужным напечатать, хоть на особом листе, если места нет, при объявлении о продолжении „Колок.“ на 1865 следующие строки, напечатай и поправь, как хочешь». 25 декабря 1864 г., имея в виду эту же статью, Герцен осведомлял представителей «молодой эмиграции»: «На днях я писал, что „Колокол“ и на 1865 — как прежде — будет „органом социального развития России“ — органом всего и всех, кто идет к нему и пр.». В статье «1865» мы находим именно эту формулировку: «„Колокол“ остается тем, чем он был — органом социального развития в России. Он будет, как прежде, против всего, что мешает этому развитию, и за все, что ему способствует». (Ср. в статье Герцена «К концу года»: «„Колокол“ остался тем, чем был, остался *самим собой*...» — наст. том, стр. 451). Вопрос о соавторстве Огарева в статье «1865», видимо, отпадает; его подпись выражала лишь солидарность с декларацией Герцена.

Новогодняя статья «1865» писалась Герценом накануне женеvского съезда «молодой эмиграции» и явилась ответом на ее предложения превратить «Колокол» в общезымигрантский орган, соответственно изменив его программу. Еще 9 июля 1864 г. Н. И. Утин писал Огареву: «... *необходимо*, чтоб был *заграничный центр* <...> на сию минуту, когда в самой России *нет центра* (!!!), вы должны понять, какую важность получает здесь заграничный, очевидный центр — это *оплот силы, оплот веры в силу* <...> мы должны сгруппироваться в *маленький центр, несколько не имеющий притязания* руководить деятельностью в России, но всегда готовый *служить* живым узлом для связи различных, не сходящихся между собою кружков и даже личностей <...> вы ведь оба и без того уже составляете известного рода центр, но этому центру нужно сгруппировать около себя некоторых людей из эмигрантов, или, вернее, эмиграцию за немногим исключением...» (*ЛН*, т. 62, стр. 662).

Перед этим заграничным центром Утин выдвигал задачу воспитания «миссионеров» — пропагандистов, которые пошли бы с агитацией в народ (см. письма Утина к Огареву от 25 июля 1864 г. и к Герцену от 5 августа 1864 г., там же, стр. 665 и 672).

«Молодая эмиграция» добивалась превращения «Колокола» в орган заграничного центра, который мог бы служить практическим задачам революционного движения в России. Поскольку политическая линия Герцена и Огарева не удовлетворяла «молодых эмигрантов» (они не раз критиковали их колебания в сторону либерализма — см., например, письмо Утина Огареву и редакции «Колокола» от 27 апреля 1864 г., там же, стр. 651—655), постольку они выдвигали задачу изменения программы «Колокола» и привлечения их к участию в его редактировании. 9 июля 1864 г. Утин информировал Огарева: «у меня составилсЯ целый план <...> В этом плане я изложил подробно и *программу* преобразованного „Колокола“» (там же, стр. 663). В архиве Герцена сохранился отрывок программы преобразования «Колокола», автором которой был, видимо,

Н. И. Утин (*ЛН*, т. 63, стр. 244—246), весьма энергично настаивавший на принятии этих предложений. В письме к Огареву от 25 июля 1864 г. он высказывал пожелание, чтобы они, «юные, взяла на себя *черную работу*», а Герцен и Огарев «удержали при себе главную редакцию» (*ЛН*, т. 62, стр. 666). Фактически это сделало бы «Колокол» органом «молодой эмиграции».

«Молодые эмигранты» жили на континенте, главным образом в Швейцарии. Поэтому они настаивали на перенесении издания «Колокола» в Женеву. В письме к Огареву от 25 июля 1864 г. Утин заявил: «вы и не можете понять, как тормозит дело ваше житье в Англии <...> *все, все решительно зlobится на ваш переезд*» (там же, стр. 665—666).

Считая целесообразным перенесение издания «Колокола» на континент, Герцен относился отрицательно к остальным планам и предложениям «молодой эмиграции». Осенью 1864 г. споры между ними приобрели настолько резкий характер, что для выяснения и урегулирования взаимоотношений принято было решение собрать в конце декабря 1864 г. эмигрантский съезд в Женеве. Первое его заседание состоялось 29 декабря.

Еще до приезда Герцена в Женеву участники съезда выработали платформу, которая была ему сообщена Н. И. Утиным. 16 декабря 1864 г. Утин писал: «Рассматривая строго нынешнее состояние России, мы убеждены, что наша готовность, при нашем положении эмиграционном, должна искать себе применения на деле в следующих четырех пунктах: 1) в пропаганде, 2) в прочном организации путей, как для постоянного сбыва в Россию пропагандистских изданий, так и для *корреспонденций* и получения известий из России 3) в *связях* с людьми, могущими так или иначе быть полезными для нашего дела, 4) в конституировании и увеличении *фонда* <...>. Пока главный вопрос сводится на 1-й и 4-й пункты <...>. Программа „Колокола“ должна быть расширена, категорически определена и затем, чтоб его столбцы наполнялись не случайными статьями, а известными отделами, живой материал для которых всегда есть и будет, но работа над которым слишком обширная, чтоб ее несли два человека <...> Бывший вашим личным органом „Колокол“ явился бы как общий эмиграционный орган» (там же, стр. 674—675). Утин вновь говорил о необходимости готовить пропагандистов, которые пошли бы в народ. Он подчеркивал, что письмо выражает коллективное мнение участников съезда, их общую платформу.

Герцен не был согласен с этой платформой. Он полагал, что из-за границы невозможно руководить революционным движением в России. К тому же он не считал «молодую эмиграцию» серьезной политической силой. Свои взгляды он отчетливо изложил в черновике ответного письма к представителям «молодой эмиграции» от 25 декабря 1864 г. Считая целесообразным превращение «Колокола» в орган всех русских революционных групп, он оговаривался: «но только никак не эмиграции, составляющей случайность и временную нужду». «Деятельность пропаганды в действии — должна быть дома, в России», — подчеркивал он. Соглашаясь на перенесение издания «Колокола» в Женеву, Герцен настаивал, однако, на сохранении за ним и Огаревым руководящей роли в редакции. «Молодой эмиграции» предлагалось сотрудничество: «давайте ваши труды, труды общих друзей, устройте корреспонденции, устройте сбыт <...> Действительное дело сводится на пропаганду, сношения и фонды. Укажите сношения, сделайте их на практике, соберите фонды <...> *Делайте*, и „Колокол“ станет органом силы и групп». Подозревая, что «молодая эмиграция» стремится завладеть «бахметьевским фондом» («Былое и думы», т. XI наст. изд., стр. 344—350; ср. публикацию Н. П. Анциферова «Письмо П. А. Бахметьева Герцену» — *ЛН*, т. 41—42, стр. 526—528), Герцен подчеркивал свое нежелание предоставить эти деньги в ее распоряжение.

Сущность разногласий Герцена и «молодой эмиграции» очень точно сформулировал впоследствии Л. И. Мечников. «Молодая эмиграция» требовала, «чтобы редакция газеты зависела от целой корпорации эмигрантов, которой должен был быть передан и фонд Бахметьева, и еще сумма, обеспечивающая „Колокол“. Герцен, основываясь, главным образом, на том, что „Колокол“ есть литературное дело, а из молодых эмигрантов мало кто доказал свои способности к литературе, не соглашался вынудить редакцию „Колокола“ из своих рук, хотя обещал печатать подходящие писания эмигрантов. (...) и допустить постоянных сотрудников газеты в совет редакции, но не соглашался передать газету и фонды в руки корпорации, не представляющей никаких гарантий своей умелости и прочности» (см. «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», Женева, 1896, стр. 530—531).

Отрицательно оценивал Герцен и личные качества «молодых эмигрантов». В письме Огареву от 2 января 1865 г. он именовал их «праздными интриганями». 4 января 1865 г. Герцен писал Огареву про «молодую эмиграцию»: «Помощи по типографии и пр. от них ждать нечего (<...> Мне с ними ужасно скучно, — все так узко, ячно, лично и ни одного интереса, ни научного, ни в самом деле политического: никто ничему не учится, ничего не читает. Утин хуже других по безграничному самолюбию». В других письмах он насмешливо именуется «молодых эмигрантов» «утятами», а политическую линию «молодой эмиграции» характеризует как «мелкую оппозицию и желание захватить в свои руки „Колокол“ и деньги Бахметьева (<..> Им хочется играть роль, и они хотя не употребить пьедесталом» (письмо Огареву от 8 января).

Со своей стороны, «молодые эмигранты» не в состоянии были понять истинное значение деятельности Герцена.

В статье «1865» Герцен решительно отверг тактическую платформу, планы и предложения «молодой эмиграции», подчеркнув, что «Колокол» будет придерживаться прежней программы. Герцен определенно заявил, что считает невозможным, будучи за границей, участвовать в практической революционной работе в России. Это дело тех, кто находится на родине. Задача же «Колокола» — «слово, совет, анализ, обличение, теория». Естественно, что при такой разнице взглядов Герцен и «молодая эмиграция» не могли прийти к соглашению на женевском съезде. Огарев, в большей мере, чем Герцен, склонный к уступкам «молодой эмиграции», на этот раз солидаризовался с Герценом и поставил свою подпись под статьей «1865». После женевского съезда и опубликования этой статьи разногласия между Герценом и «молодой эмиграцией» усилились еще более. Подробнее о женевском съезде и взаимоотношениях Герцена с «молодой эмиграцией» см. в статьях и публикациях Б. П. Козьмина: «Герцен, Огарев и „молодая эмиграция“», *ЛН*, т. 41—42, стр. 1—42; письма Герцена представителям «молодой эмиграции», *ЛН*, т. 61, стр. 271—278; «Н. И. Утин — Герцену и Огареву», *ЛН*, т. 62, стр. 607—690.

П. Ж. ПРУДОН

Печатается по тексту *Ж*, л. 194 от 1 февраля 1865 г., стр. 1596, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р.* Автограф неизвестен.

Некролог Прудона в «Колоколе» явился, вместе с ХLI главой пятой части «Былого и дум» (см. т. X наст. изд., стр. 183—212, 451 и 479—487), итоговой оценкой Герценом литературной и общественной деятельности выдающегося французского мыслителя и публициста.

Интерес к сочинениям П. Ж. Прудона возник у Герцена еще в начале сороковых годов. В произведениях Прудона Герцена привлекала

прежде всего едкая и остроумная критика капиталистической Европы. 18 февраля 1843 г., отмечая в дневнике случаи самоубийства французских рабочих, вызванных ужасающей нищетой, Герцен записал: «Подобные анекдоты оправдывают злобный характер Прудоновых брошюр» (т. II наст. изд., стр. 267).

В 1848 г. в Париже у М. А. Бакунина Герцен лично познакомился с Прудоном. Вскоре между ними установились дружеские отношения. В газете Прудона «*La Voix du Peuple*», основанной при материальной поддержке Герцена (см. т. X наст. изд., стр. 183—196), были опубликованы в 1849—1850 гг. его статьи: «*La Russie*», «*Lettre d'un Russe à Mazzini*», «*Donoso Cortès*».

После поражения революции 1848 г. Герцену и Прудону казалось (хотя и совершенно ошибочно), что их взгляды очень близки. В 1850 г. в Брюсселе вышла книга Прудона «*Les confessions d'un révolutionnaire*», где высказывался скептически-отрицательный взгляд на революцию 1848 г. и ее участников. Прудон доказывал, что главное — социальный переворот, вопрос же о политических формах не имеет значения. В письме к Герцену от 15 сентября 1850 г. Прудон полностью соглашался с тезисами книги «С того берега»: «Я очень рад, что встретился с вами на одном или на одинаковом труде, я тоже написал нечто вроде философии революции под заглавием „Исповедь революционера“» (т. X наст. изд., стр. 193).

Герцен, разочаровавшийся в революции 1848 г., сочувственно отнесся ко многим из высказываний Прудона. В «Письмах из Франции и Италии», «С того берега» Герцен не раз отзывался о Прудоне с подчеркнутым уважением. Возмущаясь «окостенением мысли» многих участников революции, их рутинерством, Герцен делал исключение для Прудона. «Вы одни являетесь автономным мыслителем революции», — писал Герцен Прудону в июле 1855 г., — у большинства остальных готовая, законченная, безусловная система идей. Они — что протестантские священники, которым позволено рассуждать до некоторого таможенного шлагбаума в богословии: достигнув его, они принуждены жевать жвачку в виде бесконечных вариаций на старые темы...».

После поражения революции 1848 г., стремясь осмыслить ее опыт, Герцен пришел к выводу об ошибочности многих теоретических положений, лежавших в основе стратегии и тактики лидеров буржуазной демократии. Предложение Прудона — «будем беспощадно сражаться против предрассудков, хотя бы мы их и встретили у наших единомышленников», слова «не следует ли прежде, чем нападать на деспотизм притеснителей, напасть на деспотизм (теоретический) освободителей?» (P. J. Proudhon. *Correspondance*, v. 6, Paris, 1875, p. 219—220, письмо к Герцену от 23 июля 1855 г.) встретили полное сочувствие со стороны Герцена (письмо Прудону от конца июля 1855 г.).

Импонировала Герцену и прудоновская критика бонапартизма. Правда, отношение Прудона к Луи Наполеону Герцен представлял себе односторонне. Он не видел, что игнорирование различия форм государства приводило подчас Прудона к заигрыванию с правительством Второй империи. Герцен обращал внимание лишь на критику им «императора французов» (см. т. X наст. изд., стр. 194—195). Особенно понравилась Герцену статья «*Vive l'Empereur!*», опубликованная в «*La Voix du Peuple*» 5 февраля 1850 г. и содержащая резкую и саркастическую критику Луи Наполеона.

Во время Крымской войны Прудон высказал пожелание поражения Франции, что могло бы, по его мнению, привести к падению Второй империи («*Correspondance*», v. 6, p. 105—108, письмо Морису от 3 января 1855 г.). Он утверждал, что «военный деспотизм представляет собою вовсе не царь, а император французов (...). Пускай погибнет родина, а человечество будет спасено» (там же, p. 155, письмо Ш. Эдмону от 5 апреля

1855 г.). Прудон возмущался бонапартистскими иллюзиями, разговорами о «демократическом бонапартизме». Наполеон III — «изменник и выродец» (там же). Со всем этим Герцен был солидарен. К тому же ему казалось, что произведения Прудона подтверждают его собственную мысль о загнивании цивилизации Западной Европы.

Наконец, в истории несостоявшейся дуэли Герцена с Гервегом Прудон решительно встал на сторону Герцена, и это еще больше сблизило их (см. письмо Прудону от 6 сентября 1852 г.).

В 1855 г. Прудон выступил с утверждением, что свобода придет в Европу с Востока, из России. Герцен, в ответ на письмо об этом Прудона, счел нужным изложить вкратце свою теорию «русского социализма» (письмо к Прудону от конца июля 1855 г.). В статье «Западные книги» Герцен отнес Прудона к числу «передовых мыслителей» (т. XIII наст. изд., стр. 94). 23 марта 1860 г. Герцен писал Прудону: «Вас любят и почитают в России. Вашими врагами в России являются экономисты (...), либералы оттенка Ламартина — Одиллона Барро, но быть предметом ненависти этих кретинов — большое удовольствие». Прудон отвечал тем же. В письме от 15 марта 1860 г. он высоко оценивал деятельность Герцена «Что значит царствование такого медведя, как Николай, в сравнении с вашей пропагандой?» («Correspondance», т. 9, р. 347).

Начиная издание «Полярной звезды», Герцен предложил Прудону сотрудничать в ней. Прудон в принципе согласился, о чем Герцен сообщил в заметке «К нашим» (т. XII наст. изд., стр. 297). 15 марта 1860 г. Прудон предложил Герцену обмениваться произведениями для публикации в «Колоколе» и «Набате». В письме от 23 марта 1860 г. Герцен положительно откликнулся на это предложение. В 71-м листе «Колокола» сообщалось о выходе в свет книги Прудона «De la Justice dans la révolution et dans l'église» (Bruxelles, 1860), хотя Герцен и не был согласен с основным направлением этой книги.

Некоторое охлаждение между Герценом и Прудоном произошло в 1861—1864 гг. в связи с отрицательным отношением Прудона к польскому восстанию, объединению Италии и пренебрежительным отношением к национальному вопросу вообще. В своих письмах Прудон резко отзывался о Гарибальди, Маццини, Кошуте, деятелях польской эмиграции. В 1863 г. вышла брошюра Прудона «Si les traités de 1815 ont cessé d'exister? Actes du futur congrès» (Paris), в которой проводилась мысль о том, что принцип национальностей в XIX веке — реакционен, отвлекает от решения актуальных социальных проблем.

Герцен не мог согласиться с подобными взглядами. В 1861 г. между ним и Прудоном разгорелась полемика в письмах. От выступления в печати Герцен долго воздерживался. Однако после выхода в свет «Si les traités...» «Колокол» счел нужным отвечать. В 185-м листе появилось «Письмо к Прудону», автором которого был гарибальдиец Л. И. Мечников. Полемизируя с Прудоном, Мечников воячески подчеркивал свое уважение к нему: «Вы для меня не просто гениальный публицист, — вы мой учитель». Мечников писал, что ведет полемику с Прудоном, используя его собственные аргументы, но приходит к совершенно иным выводам по национальному вопросу (см. К, л. 185 от 15 мая 1864 г., стр. 1520—1524).

Прудон предполагал ответить Мечникову, как сам он заявил об этом в номере 47 «La Cloche». 13 июля 1864 г. Герцен сообщил сыну: «Напиши ему (Мечникову), что Прудон будет ему отвечать». Однако ответа не последовало, а вскоре Прудон скончался.

В своей последней статье о Прудоне Герцен обошел молчанием все свои расхождения с ним, подчеркивая только то, что русские демократы в прошлом многим обязаны Прудону и его разрушительному «диалектическому тарану».

Стр. 314. ...американские Икарии.— Имеется в виду попытка Кабе, автора «Путешествия в Икарию», организовать в Америке, в Техасе, в 1847 г. коммунистическую колонию.

Стр. 315. ...Сестра Анна, сестра Анна, что, идут ли? — Строки из сказки Ш. Перро «Синяя борода».

«А ОТЧЕГО ИМПЕРАТРИЦА ТАК КРУЧИНИТСЯ...»

Печатается по тексту *К*, л. 194 от 1 февраля 1865 г., стр. 1596, где опубликовано впервые, без подписи и заголовка. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании его переписки. 1 февраля 1865 г. Герцен сообщал в письме к Н. А. Огаревой о назначении вел. кн. Константина Николаевича председателем Государственного совета: «Императрица очень недовольна номинацией Константина Николаевича. О причинах этого недовольства Герцен рассказал в статье «Прививка конституционной оспы» (см. наст. том, стр. 13).

Заметка предназначалась для отдела «Смесь». В 194-м листе «Смесь» составлял Огарев, но Герцен читал этот лист в рукописи или корректуре. 3 февраля он писал Огареву, возражая против повторной присылки листа: «„Колокол“ посылать не нужно еще раз. Тот ли порядок статей, другой ли — не беда. И „смесь“ оставь, как есть». Тогда же, однако, Герцен писал, что ему не понравилась в «Смеси» огаревская острота о «рештучке»: «Насчет твоего антр-филя-ре-штучки — поместить можно, но это бедно; право, обстоятельство важнее, чем кажется; теперь нам надобно выплыть... Слово „рештучки“ потому не отлично, что напоминает долгорукские востроты». В ответном письме от 6 февраля, тотчас после получения отпечатанного 194-го листа «Колокола», Огарев сообщил Герцену: «Теперь еще плохая штука. „Колокол“ пришел сегодня. В пятницу <3 февраля> я посылал нарочного, чтоб вычеркнуть рештучку и напечатать на маленьком *alinea* (для большого места не было) „А почему им так кручиниться и пр.“ Что ж ты думаешь? Чернецкий рештучку вычеркнул, а то поместил внизу под Прудонем! Хоть бы уж он приезжал показывать, если ничего не может» (*ЛН*, т. 39—40, стр. 403). Огарев досадовал на то, что маленькая заметка, предназначавшаяся для «Смеси», оказалась вне ее, после некролога Прудона. Однако самое место заметки в «Колоколе» свидетельствует лишний раз о ее принадлежности Герцену: она естественно присоединилась к статье о Прудоне, а не к «Смеси», составленной Огаревым, тем более, что она была включена (или прислана) Герценом уже после окончания работы над листом «Колокола» от 1 февраля 1865 г.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVIII*, 36).

ПРИВИВКА КОНСТИТУЦИОННОЙ ОСПЫ

Печатается по тексту *К*, л. 195 от 1 марта 1865 г., стр. 1597—1599, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р.* Автограф неизвестен.

Замысел этой статьи относится, очевидно, к концу января — началу февраля 1865 г., когда из «*Indépendance belge*», № 31 от 31 января 1865 г., Герцен узнал об адресе московского дворянства, речах в Дворянском собрании и пр. 1 февраля 1865 г. он писал Н. А. Огаревой: «Опять могу я по старому до 2-х заниматься, — попробую написать небольшую статью для „Кол.“». На другой день, 2 февраля, Герцен писал Огареву: «Если ты не читал „*Indép. belge*“ от 31 янв., то сейчас пошли за ней к Долгорукову. Жаль, что все это поздно для февральского листа. Катков надуд Офросимова, тот заврался в своей речи, и безобразовская партия потребовала конституцию. Это все клад. Н „*Ind.*“ оставь до меня. Карты мешаются, — пойдет новая талия... Офросимовская речь почище всего, этим надобно воспользоваться».

Непосредственным поводом к написанию статьи послужило обращение московского дворянства в начале 1865 г. к царю с адресом, содержащим просьбу олигархической конституции. Общий смысл статьи несравненно шире оценки этого единичного факта. Своеобразие исторического развития России, Россия и Европа, пути и перспективы революционного движения — все эти вопросы вновь поднимаются Герценом в статье «Прививка конституционной оспы».

Еще в начале 1862 г. в Московском губернском дворянском собрании происходили горячие дебаты по поводу принятия адреса на высочайшее имя в ответ на Положение 19 февраля, лишившее дворян их основных привилегий. Составленный тогда всеподданнейший адрес содержал весьма умеренное требование местного самоуправления и реформы старого суда. Посланный министру внутренних дел, адрес был возвращен с указанием царя на незаконность дворянских претензий. Тем не менее правительство было обеспокоено настроениями поместного дворянства и поторопилось с проведением земской реформы.

Новому выступлению московских дворян способствовало усиление, начиная с 1862 г., реакционной политики правительства; дворянство почувствовало свою силу, видя, с какой жестокостью подавляется революционное движение в России и национально-освободительное — в Польше.

В январе 1865 г. в Московском дворянском собрании был поднят вопрос о центральном представительстве в дополнение к местному земскому, существовавшему с 1864 г. в соответствии с Положением о земстве. Прикрываясь декларацией общесловных выборов, московское дворянство придавало, конечно, особенное значение представительству аристократических верхов. Почин этого предложения принадлежал давнему противнику освобождения крестьян Н. А. Безобразову, о котором даже Александр II еще в 1859 г. сказал: «... он меня вполне убедил в желании подобных ему учредить у нас олигархическое правление» (Н. А. Л ю б и м о в. Михаил Никифорович Катков и его историческая заслуга, СПб., 1889, стр. 293). Предложение Безобразова было поддержано предводителем дворянства Звенигородского уезда Д. Д. Голохвастовым и графом В. П. Орловым-Давыдовым.

Несмотря на некоторое расхождение в мнениях различных групп дворянства, 11 января большинством голосов (270 против 36) собрание приняло адрес на высочайшее имя, где содержался следующий призыв: «Довершите же, государь, основанное Вами государственным зданием созванием общего собрания выборных людей от земли русской, для обсуждения нужд, общих всему государству. Повелите Вашему верному дворянству, с этой же целью, избрать из среды себя лучших людей. Дворянство было всегда твердою опорю русского престола. В адресе указывалось, что именно дворянские представители «будут призваны охранять драгоценные для народа и необходимые для истинного благоустройства нравственные и политические начала, на которых зиждется государственный строй». «Адрес московского дворянства» был напечатан в газете «Весть», № 4 от 14 января 1865 г., и оттуда перепечатан в *К*, л. 195 от 1 марта 1865 г., стр. 1597.

Правительство враждебно встретило это выступление московского дворянства. Сенат признал состав собрания не удовлетворяющим требованиям закона и кассировал все его решения. Петербургская газета «Весть», издававшаяся Скарятиным и напечатавшая отчеты о заседаниях, речь В. П. Орлова-Давыдова и текст адреса, была приостановлена на восемь месяцев, а номер «Вести» от 14 января конфискован. Александр II адрес не принял и в рескрипте на имя министра внутренних дел П. А. Валуева от 30 января 1865 г. выразил московскому дворянству порицание. Желая пресечь подобные выступления в дальнейшем, царь заявил,

что право «постепенного совершенствования» государственного устройства «принадлежит исключительно» ему и «неразрывно сопряжено с самодержавною властью» (см. Государственные преступления в России в XIX веке. Сост. под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского), т. I, СПб., 1906, стр. 127).

Выступление московских дворян не нашло сочувствия ни среди либерального или славянофильски настроенного, ни среди консервативного дворянства. Б. Н. Чичерин писал, что адрес вышел из «странного сочетания крепостнических вождедений и конституционного либерализма». Чичерин свидетельствовал, что если дворянство думало «этим способом забрать власть в свои руки и повернуть дело в свою пользу», то «истинные либералы, конечно, не могли сочувствовать подобным демонстрациям, а люди более радикального направления требовали совсем другого» (Б. Н. Ч и ч е р и н. Воспоминания. Московский университет, М., 1929, стр. 67). А. В. Никитенко в связи с адресом высказал опасение по поводу неприкосновенности правительственного принципа и возможности при конституционных попытках «впасть в хаос, горший настоящего» (А. В. Н и к и т е н к о. Дневник, т. 2, М., 1955, стр. 492). И. С. Аксаков выступил на страницах «Дня» против конституционализма как элемента, привнесенного с Запада, противного «всем основным требованиям истории и духа русского народа»; опасаясь народного восстания, он предостерегал, что подобные «затеи» аристократов, чуждых народу, «могли бы, только по недостатку доверия к нам <дворянам> народа, еще пуще заподозрить нас в его глазах и сделать наше положение еще более изолированным» («День», № 3 от 16 января 1865 г., И. С. А к с а к о в. Сочинения, т. 2, М., 1886, стр. 254, 258, 261, 263).

Ф. И. Тютчев отозвался на адрес эпиграммой, зло разоблачающей беспочвенность претензий лидеров московской дворянской оппозиции:

Себя, друзья, морочите вы грубо —
Зелк с Россией ваш разлад —
Куда вам в члены Английских палат?
Вы просто члены Английского клуба...

Подлинные цели дворянских «конституционалистов» были с едким сарказмом раскрыты Герценом на страницах «Колокола».

Стр. 317. *Она, как роза, жила один день, утром распустилась и увяла к вечеру!* — Цитата из стансов Малерба «Consolation à M-me du Perrig» (см. т. XIV наст. изд., стр. 636).

Magna Charta et coup d'état... — Великая хартия вольностей (Magna Charta libertatis) узаконила в Англии в 1215 г. ограничение королевской власти в пользу феодалов. Coup d'état — государственный переворот (франц.).

...нотабли и 18-е Брюмера... — Нотабли — «почетные лица» из числа привилегированной знати в феодальной абсолютистской Франции; 18 брюмера (9 ноября 1799 г.) был произведен государственный переворот, положивший начало военной диктатуре Наполеона Бонапарта.

Царь всемогущий отделался на первый случай удачнее всемогильного царя. — Герцен сравнивает Александра II и английского короля Иоанна Безземельного. В 1864 г. в Российской империи была проведена земская реформа, ни в какой степени не затрагивавшая основ самодержавия и его аппарата. Иоанн Безземельный, подписав Великую хартию вольностей, вынужден был существенно ограничить свои права в пользу светских и духовных феодалов.

...олигархическая конституция была возможна, да и то на несколько дней, при воцарении Анны Иоанновны... — Анна Иоанновна, племянница

Петра I, была приглашена на трон Верховным тайным советом, поставившим ей ряд условий — «кондиций», сводившихся к ограничению самодержавия в пользу феодальной знати — олигархической верхушки, так называемых «верховников». Приняв вначале эти условия, Анна Иоанновна вскоре после воцарения отклонила их и восстановила неограниченный самодержавный образ правления.

Стр. 320. ... *лакей моего отца — Яков Игнатьевич Бакай, о котором я уже имел случай говорить...* — См. «Былое и думы» — т. VIII наст. изд., стр. 42—44.

В. к. Михаил Павлович с нежного возраста восьми лет учил солдат и положил свое войско под подорванными стенами Браилова... — Великий князь Михаил Павлович в войне с Турцией в 1828 г. руководил осадой турецкой крепости Браила, которая была разрушена и взята ценой больших потерь для русской армии. См. о нем в письме Герцена к императрице Марии Александровне, т. XIII наст. изд., стр. 359.

Стр. 321. *При первом опыте непокорных учеников в петропавловский карцер.* — Речь идет о декабристах.

...незавбренный больше из роскоши и шалости забрил несколько московским студентам лоб и послал других в ссылку. — По распоряжению Николая I в 1826 г. в солдаты был отдан студент Московского университета поэт А. Полежаев; в 1827 г. сурово репрессированы члены кружка братьев Критских, а в 1833 г. члены кружка Н. П. Сунгурова.

Стр. 322. *Паскаль говорит, что царь, спящий полсутки и видящий во сне, что он пастух, и такой же сонливый пастух, также видящий во сне, что он царь, — равны.* — Герцен имеет в виду неточно цитируемое им по памяти следующее высказывание Паскаля: «Если бы ремесленник был уверен, что каждую ночь по двенадцати часов сряду ему будет сниться, что он король, то я думаю, что он был бы почти так же счастлив, как король, которому снилось бы каждую ночь, по двенадцати часов сряду, что он ремесленник» (см. Блез П а с к а л ь. Мысли, СПб., 1888, стр. 63).

Мы и плакали с Беранже о утраченном знамени... — Во многих своих песнях («Убежище», «Изгнанник», «Белая кокарда», «Ультрараялист», «Старое знамя» и др.) Беранже говорил об утраченном после воцарения Бурбонов трехцветном знамени французской революции.

... генерал штаб-доктор в ботфортах стоял у дверей. — Имеется в виду Николай I.

Стр. 323. ... *жмудских норманнов и татарских баронов, сто лет тому назад избавленных Петром Федоровичем от телесных наказаний...* — Указ Петра III 1762 г. о «примуществах российских дворян» освобождал дворян от обязательной государственной службы и являлся предшественником екатерининской жалованной грамоты дворянству 1785 г., где в числе статей, дарующих дворянам личные преимущества, была статья: «Благородные изъемлются от телесного наказания» (Собрание законов о российских дворянах или жалованная грамота, СПб., 1823, стр. 1—5, 24).

Вот существенное, субстанция, как выразался в Иегове почивший Спиноза, остальное — «атрибуты, акциденции». — Учение Спинозы о бытии — субстанции и об атрибутах изложено в первой части его труда «Этика», озаглавленной «О Боге». У Спинозы единая материальная субстанция (природа) обладает бесконечным множеством атрибутов (существенных свойств). Акциденция — случайное, преходящее, несущественное в явлении.

... фарса с речью, подsunутой Офросимову (как ее рассказывает «Indépendance»), неоцененна. — Герцен имеет в виду речь московского генерал-губернатора М. А. Офросимова, произнесенную им при открытии Московского дворянского собрания в начале января 1865 г. Газета «Indépendance belge» напечатала корреспонденции из Петербурга о конституционных претензиях московских дворян в номере от 31 января 1865 г.

Как свидетельствует Н. А. Любимов, сотрудник и единомышленник Каткова, эти корреспонденции шли из «петербургского лагеря, враждебного дворянству» (Н. А. Л ю б и м о в. Михаил Никифорович Катков и его историческая заслуга, СПб., 1889, стр. 299). В «Indépendance belge» «вся история заявленного дворянством адреса объяснялась домогательством ультрарусской партии, состоявшей главным образом из дворян, воити опять в силу и возвратитъ свое влияние на правительство. Катков был поставлен в глубине всей интриги. Он будто бы вдохновлял дворянство, он будто бы сочинял текст речи, произнесенной при открытии собрания генерал-губернатором Офросимовым» (С. Н е в е д е н с к и й. Катков и его время, СПб., 1888, стр. 434).

Революция, начинающаяся с фальша ∞ должна была окончиться в чернильнице валуевского писаря ∞ обманувшим безграмотного старика.— Герцен имеет в виду санкционированные Александром II распоряжения министра внутренних дел П. А. Валуева о запрещении номеров газеты «Весть» с текстами адреса и речи гр. Орлова-Давыдова и о недозволении перепечатки этих материалов. Тогда же петербургскому генерал-губернатору было предложено возбудить судебное дело против лиц, виновных в напечатании документов собрания; главноначальствующему над почтовым департаментом задержать выдачу номера газеты подписчикам; петербургскому обер-полицмейстеру арестовать в типографии все экземпляры этого номера газеты (см. Л X V I I I, стр. 49—50). Говоря о «применении черкасских розог», Герцен имел в виду настоятельное требование кн. В. А. Черкасского, участвовавшего в выработке проекта реформы 1861 г., оставить за поместным дворянством право телесного наказания крестьян розгами. См. статью Герцена «Розги долой!» (т. XIV наст. изд., стр. 287—289).

Стр. 324. ... *Константин Николаевич, l'impénètrable, ничего не делающий после приезда в Петербург, как ничего не делал в Варшаве.*— Вел. князь Константин Николаевич, назначенный в 1862 г. наместником Царства Польского, безуспешно пытался вести в крае компромиссную политику. Об отношении Герцена к его политике см. т. XVII наст. изд., стр. 8. В 1863 г. Константин Николаевич был уволен от должности наместника, так как русское правительство, как указывал в рескрипте по этому поводу Александр II, перешло от политики «кроткого умиротворения» к политике подавления и террора. В 1865 г. вел. князь был назначен председателем Государственного совета, все так же пользуясь репутацией «либеральствующего», о чем с злой иронией и пишет Герцен. Касаясь проекта московского дворянства, А. В. Никитенко записывал в дневнике 19 января 1865 г.: «Некоторые открыто говорят, что шичего этого не случилось бы, если бы великий князь Константин Николаевич не был назначен председателем Государственного совета» (А. В. Н и к и т е н к о. Дневник, т. 2, М., 1955, стр. 494).

ЦАРСКОЕ NON POSSUMUS

Печатается по тексту К, л. 195 от 1 марта 1865 г., стр. 1604, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК озаглавлено: «Царское non possumus и осквернение трупов». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л X V I I I, 52—53) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из пометки Герцена на экземпляре для сына: „мое“; номер хранится в архиве семьи Герцена» (Л X V I I I, стр. 437).

Авторство Герцена подтверждается содержанием и стилем заметки, продолжающей тему, начатую в том же номере «Колокола» статьей «Прививка конституционной оспы» (см. наст. том). Обличение «катковского Муравьева» переключается с формулировками, встречающимися в других произведениях Герцена: весь период русской жизни после подавления

польского восстания и усиления реакции он называл «Муравьево-Катковским» («Былое и думы», ч. VII, гл. I — т. XI наст. изд., стр. 309; письмо И. С. Тургеневу 10 марта 1864 г.); во многих своих статьях Герцен подчеркивал, как «слово» Каткова превращается в «дело» Муравьева и наоборот, что Катков и Муравьев спаяны одними и теми же преступлениями (см., например, заключение статьи «Михаил Семенович Щепкин» — т. XVII наст. изд.; начало статьи «Правительственная агитация и журнальная полиция» — наст. том, стр. 269, и др.). Концовка статьи близка начальной сентенции заметки 1864 г. «Мясоеды самодержавия» («Гниены наши не устают в Польше...» — см. наст. том, стр. 17).

Стр. 325. *Несмотря на головомойню московскому дворянству и на рекламу своему царствованию ∞ конституционные формы.* — См. комментарий к статье «Прививка конституционной оспы».

Стр. 326. *... был расстрелян молодой человек ∞ казни.* — Этот случай рассказан в письме из Литвы, приводимом Герценом в заметке «Поправки и дополнения» (см. наст. том, стр. 327).

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ

Печатается по тексту *K*, л. 196 от 1 апреля 1865 г., стр. 1609—1610, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVIII*, 76—79) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается письмом Огарева, хранящимся в архиве семьи Герцена» (*Л XVIII*, стр. 438).

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером статьи, особенно явственным в ее заключительных абзацах, а также прямой связью с заметкой «Царское non possumus» (см. выше комментарий к этой заметке).

Лист 196 «Колокола» был последним, вышедшим еще в Лондоне; однако в его составлении Герцен принимал самое близкое участие. В Лондон из Парижа Герцен приехал в середине февраля 1865 г. и оставался здесь до середины марта. Неудовлетворенный «Смесью» в первых листах «Колокола» за 1865 г., составленной Огаревым, Герцен после возвращения в Лондон сам взялся за эту работу. Для «Смеси» л. 195, вышедшего 1 марта, Герцен успел написать только одну заметку — «Царское non possumus». Кроме этой заметки, в «Смеси» л. 195 помещена еще лишь одна корреспонденция. Но в 196-м листе «Смесь» занимает уже половину номера.

Основным материалом для «дополнений» послужили письма из Литвы и из Москвы. О последнем из этих писем Герцен писал 5—10 февраля 1865 г. С. Тхоржевскому: «Скажите Огареву, что я получал вести из Москвы — чудеса, да и только». Использовать полученный материал в предыдущих номерах «Колокола» Герцен не смог, потому что не составлял в них «Смесь».

В статье «К концу года», подписанной: *И—р*, Герцен указывал, как на факты, симптоматичные для истекшего 1865 года и для всего «катковско-муравьевского» периода русской жизни, на речи Безобразова и Орлова-Давыдова, о которых говорится в «Поправках и дополнениях» («Орлов-Давыдов просит конституцию, чтобы отражать Бэклиа и Бунзена, Безобразов благодарит публично Каткова за спасение отечества и поправление „Колокола“» — наст. том, стр. 463). В статье «Крепостники», напечатанной в 1866 г. (л. 211), Герцен снова вспоминает Орлова-Давыдова — «известного противника Бунзена и Бокля».

Упоминание о «Nord'е» в конце комментируемой статьи перекликается с тем, что писал Герцен Н. А. Огаревой и Н. П. Огареву в начале

февраля, прочитав в «Nord'e» статью о Каткове: «„Nord“, объявляя сегодня о падении Каткова, прибавляет: «Его великий подвиг состоит в том, что он на смерть поразил Герцена и „Кол.“»; «Вчера в „Nord'e» опять статья в пользу Каткова».

Принадлежность Герцену подтверждается также стилистическими особенностями статьи. Таково, например, остроумное сопоставление «Муравьева-рёге» с «Муравьевым-fils». Муравьева-сына Герцен именует «Муравьев jun.» — аналогичным образом в гл. XXVI четвертой части «Былого и дум» речь идет о «Голицыне junior'e московской следственной комиссии» а в статье «Молодая и старая Россия» говорится об «инквизиторе Голицыне (jun. прежних времен)». Сентенция: «Это после „Отцов и детей“ пошли такие опрокинутые Бруты» перекликается с многими другими аналогичными упоминаниями Герцена об этом романе Тургенева (см., например, «1831—1863», «Россиада» в т. XVII наст. изд., «Портрет Муравьева», «Наши будущие пэры и наши прошедшие англоманы» в наст. томе).

Выписка из «Вести», присланная неизвестным корреспондентом и приведенная Герценом в статье, дословно воспроизводит отрывки из корреспонденции, напечатанной в «Вести». Герценом лишь добавлен в скобках вопрос «какой?» после фамилии: «Ростовцев», поставлены восклицательные знаки после: «Бэкля» и «Бунзена», выделены курсивом слова: «презренный» (разбил *презренный* «Колокол») и ниже: «*благодетельных женщин*» и «*отцов церкви*».

Получив отпечатанный лист «Колокола» со статьей «Поправки и дополнения», Герцен писал Огареву: «„Колокол“ получил и пробежал, да запнулся за „энцикликвизитику“ — вот штука-то!». На основании этого письма в изд. М. К. Лемке в текст статьи была внесена поправка: «энциклики» вм. «энцикликвизитики» (стр. 20, 1 сн.). В настоящем издании текст К оставлен без изменений; «энцикликвизитику» можно рассматривать как сложное слово, произведенное Герценом от двух — «энциклика» и «инквизиция». Ср. статью 1861 г. «Духовные и светские доносы, цензуровизиция» (литературы, рачители и попечители) (т. XV наст. изд.).

Стр. 327. ... *Муравьев-fils.* — Речь идет о Н. М. Муравьеве, сыне Муравьева Вешателя.

О его прежних делах нам случалось не раз слышать и говорить. — См. заметки «Топильский, Муравьев и Панин» — т. XIV наст. изд., стр. 402, «Накануне» — т. XV наст. изд., стр. 34, а также публикацию «Вешающий Муравьев», К, л. 63 от 15 февраля 1860 г., стр. 529.

Стр. 330. ... *о том пастыре ∞ который привлекает тысячи слушателей в Успенский собор?* — Имеется в виду московский митрополит Филарет.

...задобривают ∞ гостинцами панегиристов Муравьева... — По предположению реакционного публициста Н. А. Безобразова Московское дворянское собрание решило поднести Каткову за его «важные заслуги перед Россией» подарок — чернильницу с фигурой русского воина времен Ивана Грозного, держащего в руках стяг с девизом «Единство России». В основании чернильницы изображались номера «Московских ведомостей» с выгравированными на них цитатами из статей М. Н. Каткова о Шедо-Ферроти (см. Л XVIII, стр. 138).

... папской энцикликвизитики. — Изуверская энциклика (послание) папы Пия IX от 9 декабря 1864 г., направленная против всех передовых течений человеческой мысли начиная с эпохи Возрождения, в том числе против «коммунизма и социализма», вызвала возмущение передовой русской и западноевропейской общественности. В первой половине 1865 г. на страницах газет все еще продолжали появляться протесты против нее.

... речи Голохвастова... — Речь Д. Д. Голохвастова, как и речь Безобразова, нигде не была напечатана полностью — в «Вести», № 4 от 14

января 1865 г. были приведены только выдержки из нее. Вначале Герцен положительно отнесся к речи Голохвастова именно потому, что не знал ее полного текста (см. письмо к Н. А. Огаревой от 22 февраля 1865 г.). В статье «Прививка конституционной оспы» Герцен говорит о ней уже иронически.

Стр. 331. *Мы не скажем, как Платон: «Восстани, Петр!»* — Герцен имеет в виду речь московского митрополита Платона, произнесенную им в Кремлевском дворце в 1812 г. Говоря об угрозе, которая нависла над Россией, митрополит обращался патетически к Петру I. Ср. «О развитии революционных идей в России», т. VII наст. изд., стр. 193.

ЗАПРОСЫ САНОВНИКАМ

Печатается по тексту *Ж*, л. 196 от 1 апреля 1865 г., стр. 1610, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVIII*, 79) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается письмом Огарева, хранящимся в архиве семьи Герцена» (*Л XVIII*, 438).

Авторство Герцена подтверждается характерной для него тематикой заметки: путешествия по Европе «августейшей» фамилии (ср. заметки 1864 г. «Die Russen in der Schweiz», «Свидание в Ницце») и поджоги в России. Остроумные характеристики и каламбуры: «наш самодержец пломбы и таможен Войт», «все как-то не по-братски... Наполеона Войтом учтиво отклонять от самой границы» и др. также подтверждают авторство Герцена. Распоряжениям управляющего верховольской таможенной В. К. Войта посвящена и статья Герцена «Славянофильство на таможене» (см. наст. том, стр. 53—54).

Стр. 332. ... *до самых аннексий...* — Герцен намекает на пребывание членов царской фамилии в Ницце, аннексированной Францией: в 1858 г. Наполеон III за поддержку, обещанную им Пьемонту в войне в Австрию, добился согласия на передачу Франции Ниццы и прилегающего к ней района. Сделка была оформлена Туринским договором 1860 г.

... *симбирскому пожару...* — В 1864 г. в Симбирске происходили опустошительные пожары: с августа по январь выгорело более полутора тысяч домов, убытки достигали пяти с половиной миллионов рублей. Реакционными кругами распространялись слухи, будто бы пожары возникли в результате поджогов, произведенных сосланными в этот город поляками. В Симбирск была направлена специальная комиссия во главе с сенатором С. Р. Ждановым. Произведенное ею следствие установило полную невиновность сосланных поляков. На обратном пути в Петербург сенатор Жданов неожиданно скончался. Носились слухи, что он был отравлен чинами симбирской губернской администрации, боявшимися разоблачений. В дневнике А. В. Никитенко 24 октября 1865 г. отмечено: «Рассказывают ужасы про симбирские пожары, следствие о которых теперь только кончено. Рассказывают, будто Симбирск сожгли вовсе не поляки, а батальон русских солдат, начальник которого, какой-то полковник, был первым виновником и подстрекателем этого беспримерного злодейства. Побудительною причиною будто бы был грабеж. Правительство, говорят, даже не решается обнаружить о том стыда ради, падающего на всю нацию, особенно после всего того, что было говорено и писано об участии в поджогах поляков» (А. В. Никитенко. Дневник, т. 2, М., 1955, стр. 540—541). По приговору, вынесенному в связи с симбирским делом, были расстреляны два солдата расквартированного в городе полка (см. «Симбирские губернские ведомости», 1893, № 55, статья Р-на «К истории симбирских пожаров 1864 г.»; П. Мартынов.

Город Симбирск за 250 лет его существования, Симбирск, 1898, стр. 343). Герцен внимательно следил за ходом этого следствия и посвятил ему ряд заметок в «Колоколе» (см., например, «Убийство в Симбирске», *К*, л. 190 от 15 октября 1864 г., стр. 1564; «Война, чума, пожар» в наст. томе и «Симбирские поджигатели» в т. XIX наст. изд.).

ЛИБЕРАЛЬНИЧАНЬЕ «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Печатается по тексту *К*, л. 196 от 1 апреля 1865 г., стр. 1611, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется на том основании, что именно им был составлен в 196-м листе «Колокола» отдел «Смеси» (см. комментарий к «Поправкам и дополнениям»).

Характерно для Герцена, что «Московские ведомости» Каткова именуется в этой заметке «органом нео-крепостников и истребления Польши». В открытом письме «В редакцию „Инвалида“» Герцен также обличал «заговор реакции, нео-крепостников» (см. наст. том, стр. 420). В позднейшей статье (1866 г.) «Крепостники» Герцен, как и здесь, называет «нео-крепостниками» идеологов дворянского землевладения, после подавления польского восстания пытавшихся дискредитировать основы крестьянской реформы 1861 г. В статье же «Правительственная агитация и журнальная полиция» Герцен так воспроизводит «лепет» Каткова, упосенного «грубой лезтью экс-крепостников»: «... что же бы я сделал без Михаила Николаевича и без Александра Николаевича? Благодарите их, а не меня, я принес одну любовь... одну любовь к истреблению Польши» (стр. 270 наст. тома).

Рассуждение Каткова о том, что телесное наказание должно быть сохранено для «порочных, беспорядочных и грубых людей», впоследствии было иронически использовано Герценом в подписанном им обращении «В редакцию „Инвалида“» (см. заключительные строки этого обращения, наст. том, стр. 422).

В статье основным предметом критики является передовая «Московских ведомостей» от 18 февраля 1865 г. — систематическое разоблачение политики катковской газеты, т. е. прежде всего ее передовых статей, характерно для публицистики Герцена этой поры. 28 ноября 1864 г. он писал Огареву: «Читаешь ли ты газеты? и, если читаешь, отмечаешь ли для меня? Мне хотелось бы просто №№ и означение статей. Главное — leading'a <передовицы> „Моск. ведомостей“». В письме же от 14 января 1865 г. Герцен обращался к Огареву с просьбой: «Если есть особенно важные №№ газет по leading'am или по новостям, то, отбравши пачку, пришли sous bande». То обстоятельство, что материал одного из февральских номеров «Московских ведомостей» был обработан только в апрельском листе «Колокола», также подтверждает авторство Герцена: лишь при подготовке этого листа, после перерыва, длившегося несколько месяцев, у Герцена появилась возможность серьезно заняться «Смесью».

Цитаты из передовой статьи № 37 «Московских ведомостей» приводятся Герценом дословно; статья Н. Муханова в том же номере «Поездка на земские выборы в город Бузулук» — в небольших выдержках, характеризующих земские выборы.

В настоящем издании исправлена опечатка, допущенная в *К*: 37 No вместо неверного 87 No (стр. 333, строка 5 св.).

<Л. САМАРИН И Н. БЕКЕНЕВ>

Печатается по тексту *К*, л. 196 от 1 апреля 1865 г., стр. 1612, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заголовка и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVIII, 80—81) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается письмом Огарева, хранящимся в архиве семьи Герцена» (Л XVIII, стр. 438).

Авторство Герцена подтверждается содержанием и стилем заметки: упоминанием о «морском пожаре»; иронической характеристикой «виделского Муравьева» как «известного эксперта всякого милосердия и смягчения»; насмешкой над «думой в своем мнении» Государственного совета; характерной герценовской концовкой («Кто следующий?»). Обличение московского дворянства и его благодарственных телеграмм Муравьеву близко соотносится с тем, что писал Герцен во многих своих статьях, в частности в первом из «Писем к путешественнику» (см. наст. том, стр. 346—347). «Старичков» Вяземского и Сухозанета, Ковалевского и Греча, Миллера и Шульца, которых «ставили на юбилей», Герцен не раз уже высмеивал в своих статьях (см., например, «Злоупотребление пятидесятилетий» в т. XV наст. изд. и «Юбилей» в т. XVI наст. изд.).

Получив отпечатанный лист «Колокола» с заметкой «Л. Самарин и Н. Бекенев», Герцен писал Огареву 12 апреля 1865 г.: «„Колокол“ получил и пробежал, да загнулся<...> за „посланные телеграфические думы“. Катков нас объявит спятившими». На этом основании в изд. Лемке было внесено исправление: «душами» вместо «думами». В настоящем издании опечатка исправляется иначе: «депешами» вм. «думами».

Заметка написана по поводу объявления 14 января 1865 г. приговора Л. Самарину и Н. Бекеневу, которые были преданы в 1863 г. суду Сената за попытку принять участие в польском восстании. По царской конфирмации смертная казнь была заменена лишением всех прав состояния и ссылкой в Томский крепостной гарнизон рядовыми солдатами.

Стр. 335. ... *grano salis*...— Латинское выражение «*cum grano salis*» дословно значит «с крупицей соли», т. е. с иронией, остроумием.

Стр. 336. ... *попал под телеграммы*...—Ср. в т. XVII наст. изд. заметку «Адресоложество» и комментарий к ней.

... *благодарят за юридическую реформу, его и Павла Павловича Гагарина*...— Речь идет о судебной реформе 1864—1865 гг.

⟨ПРЕДЛОЖЕНИЕ Н. М. СМЕРНОВА И ПР.⟩

Печатается по тексту К, л. 196 от 1 апреля 1865 г., стр. 1612, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заголовок взят из ОК. Автограф неизвестен.

Принадлежность заметки Герцену определяется связью использованного в ней материала с данными его же статей «Прививка конституционной оспы» и «Поправки и дополнения». Этот материал взят был Герценом, по всей вероятности, из того письма, которое показал ему 18 марта 1865 г. в Париже Н. В. Ханьков (отсюда кавычки, указывающие на цитату, в двух первых абзацах) и о котором на следующий день Герцен писал Огареву: «Он ⟨Ханьков⟩ мне показывал письмо к Юр. Самарину в *десять листов* о московском *сoup de constitution*. Все подробности, сценические и закулисные».

Концовка заметки перекликается с тем, что в то же почти время писал Герцен в первом из «Писем к путешественнику»: «А тут добрые люди воображают, что мы должны *сочувствовать* конституционному прорезыванию зубов у этих московских шакалов, которые с самого первого слова, без малейшей нужды привенчали себя Муравьеву и виселице, *вотируя* свою чернильницу благодарности „Московск. ведомостям“» (наст. том, стр.

346). Комментируя это место «Писем к путешественнику» — о «чернильнице благодарности» (заметка «Предложение Н. М. Смирнова и пр.» в издании под его редакцией не помещена), — М. К. Лемке пишет: «Герцен знал и огласил то, что тщательно скрывалось и стало фактом позже, в ноябре» (Л XVIII, 138).

ПИСЬМО К ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II

Печатается по тексту К, л. 197 от 25 мая 1865 г., стр. 1613—1614, где опубликовано впервые, с подписью: *Искандер*. Этим письмом открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

«Письмо к императору Александру II» от 2 мая 1865 г. написано по поводу смерти наследника. Эта новая апелляция Герцена к царю вызвала, как и прежде, осуждение со стороны «молодой эмиграции». Н. Я. Николадзе писал Огареву 12 июня 1865 г., что «Письмо» Герцена «может ввести в заблуждение многих <...> Один простой факт, что Искандер написал слова письмо к государю», не будет содействовать «пробуждению общественной *самодельности*, на подготовку которой должен был служить „Колокол“» (ЛН, т. 62, стр. 410). В ответ на эти упреки Огарев выступил с личным письмом на имя Николадзе, и со статьей «По поводу письма Искандера к государю. Письмо к NN» (К, л. 200 от 15 июля 1865 г., стр. 1640—1642), где, защищая позицию Герцена, обращал внимание Николадзе на то неверие в возможность осуществления царем реформ, которое «нехитро отыскать» в письме: «Почему же вы думаете, что письмо Искандера к государю отдалит стремление общества к самобытности возбужденным в большом числе читателей новой веры в царскую реформу, в которую верить нечего? Почему вы видите в этом письме какую-то уступку „Колокола“ правительству, которая могла быть только тогда, если бы правительство было иное или „Колокол“ имел бы иную задачу?...»

И действительно, несмотря на самый факт **новой** иллюзорной попытки Герцена увещаниями и советами вернуть царя с пути реакции, «Письмо» проникнуто не только гневным обличением его политики, но и неверием в возможность ее изменения.

Стр. 337. ... *смертью вашего сына и странными слухами насчет его брата.* — Цесаревич-наследник вел. князь Николай Александрович умер 12 апреля 1865 г. в Ницце от менингита на двадцать втором году жизни. О слабых умственных способностях брата наследника (Александра Александровича — будущего Александра III) в обществе ходило немало разговоров (см. приписываемую Тургеневу статью «Александр III» — И. С. Тургенев. Сочинения, т. XII, 1933, стр. 183).

Стр. 338. *Первое письмо мое не прошло даром.* — Первое письмо Герцена к Александру II было написано 10 марта 1855 г. и опубликовано в «Полярной звезде» на 1855, кн. 1. Герцен призывал в нем вступившего на престол царя дать «свободу русскому слову», «землю крестьянам», «смыть с России позорное пятно крепостного состояния» (см. т. XII наст. изд., стр. 272—274).

... *вы тогда еще не ссылали утопии на каторгу, не привязывали к позорному столбу человеческой мысли.* — Герцен имеет в виду усиление, начиная с 1862 г., репрессий правительства Александра II, в частности расправу над Н. Г. Чернышевским.

... *при свете какого-то горящего рынка...* — Речь идет о пожаре Апраксина двора 28 мая 1862 г., в результате которого было уничтожено несколько тысяч лавок Толкучего рынка. Петербургские пожары 1862 г. послужили поводом для распространения провокационных слухов о

причастности к ним революционной молодежи и обусловили усиление цензурно-полицейских репрессий.

Вас испугали несколько печатных листков ∞ перешло цензурную меру.— О прокламациях 1861—1862 гг. см. комментарий к стр. 26 наст. тома.

Ваш предшественник воювал в Польше с детьми...— Имеется в виду Николай I, подавивший с большой жестокостью польское восстание 1830—1831 гг., в котором значительное участие принимала военная молодежь и студенчество.

Стр. 339. ... *в Нижнем расстреливали по подозрению, а в Киеве — за драку и грубые ответы.*— О расстреле в Нижнем Новгороде по подозрению см. в «Письмах к противнику» (стр. 291 наст. тома и комментарий к ней). В том же л. 197 К, где напечатано «Письмо к императору Александру II», была помещена, в составе подборки корреспонденций, озаглавленной «Кровь и кровь!», заметка «Казнь за драку». В ней рассказывалось (по материалам «Русского инвалида») о расстреле содержащегося в киевских арестантских ротах Николая Непомнящего (он же Израил Цыров) за то, что он сорвал с караульных офицеров погоны, а на суде «не давал ответов на предлагаемые ему вопросы, а только поносил бранными словами председателя и членов полевого военного суда» (К, л. 197 от 25 мая 1865 г., стр. 1615)

... *избивается целый край...*— Имеется в виду жестокое подавление восстания в Польше в 1863—1864 гг.

... *на гласисах крепостей...*— гласис — треугольная насыпь, прилегающая ко рву крепости с внешней стороны.

Стр. 340. ... *под Альмой, под Инкерманом, на Черной—пала не Россия, а петербургский regiment.*— Герцен имеет в виду сражения при реке Альме 20 сентября 1854 г., под Инкерманом 5 ноября 1854 г. и на Черной речке 4 августа 1855 г. В этих боях николаевская армия потерпела жестокие поражения. «Регимент» — каламбурное использование нем. слова «das Regiment», имеющего два значения: «правительство» и «полк».

... *он пробился до вас ∞ это Серно-Соловьевич.* — О Н. А. Серно-Соловьевиче и об отношении к нему царя см. далее в наст. томе статью Герцена «Дело Серно-Соловьевича» и комментарий к ней.

Быль крестьянин, веровавший в вас ∞ вы его послали в рудники.— Герцен имеет в виду П. А. Мартынова. См. в наст. томе статью «П. А. Мартынов и земский царь» и комментарий к ней.

Из нелепейшей сенатской записки вы ничего не могли понять.— Сенатская записка по делу Чернышевского была напечатана в К, л. 193 от 1 января 1865 г., стр. 1581—1586. См. примечание к ней Герцена, наст. том, стр. 487.

... *за «опричников», как недавно было сказано...*— Герцен имеет в виду выступление в Московском дворянском собрании в январе 1865 г. Д. Д. Голохвастова, назвавшего «опричниками» высших чинов государственного аппарата Российской империи.

Стр. 341. ... *ваш дед, окруженный врами ∞ в подобострастной немоте Михайловского дворца.*— Речь идет об императоре Павле I, убитом в Михайловском замке в ночь на 12 марта 1801 г.

«КОНЧИНА КН. Е. ОБОЛЕНСКОГО И БОБРИЩЕВА-ПУШКИНА»

Печатается по тексту К, л. 197 от 25 мая 1865 г., стр. 1615, где опубликовано впервые, без заголовка и подписи. Заглавие взято из ОК. Автограф неизвестен.

Этот некролог, как и все некрологи декабристов, помещенные в «Колоколе», печатался от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена

определяется на том основании, что декабристы называются здесь «героями из святой фаланги» — так же, как называл их Герцен в очерке «Император Александр I и В. Н. Каразин»: «святой фалангой декабристов очищен петербургский период» и в статье «Концы и начала»: «... люди 14 декабря, фаланга героев...» (т. XVI наст. изд., стр. 73 и 171).

Видный деятель декабристского движения князь Евгений Петрович Оболенский умер 26 февраля 1865 г. в Калуге; другой участник движения — член Южного общества Павел Сергеевич Бобрищев-Пушкин — скончался 13 февраля 1865 г. в Москве.

На смерть Е. П. Оболенского в русской легальной печати откликнулся декабрист барон А. Розен («День», № 18 от 1 мая 1865 г.). Кончина П. С. Бобрищева-Пушкина была отмечена только в «Колоколе».

ПИСЬМА К ПУТЕШЕСТВЕННИКУ

Печатаются по тексту *К*, л. 197 от 25 мая 1865 г., стр. 1615—1618 — «Письмо первое»; л. 199 от 1 июля, стр. 1629—1631 — «Письмо второе»; л. 200 от 15 июля, стр. 1642—1644 — «Письмо третье»; л. 201 от 1 августа, стр. 1646—1649 — «Письмо четвертое»; л. 202 от 17 августа, стр. 1656—1659 — «Письмо пятое»; л. 203 от 1 сентября, стр. 1662—1663 — «Письмо шестое», где опубликованы впервые, с подписью: *И—р.* Автограф неизвестен.

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 355, строка 23: особность вместо: особенность.

В 1864—1865 гг., после двухлетней «оргии крови и раблея», в общественной жизни России явно обозначился перелом (см. статьи Герцена «1864», «Новая фаза в русской литературе», выразившийся в росте политической активности демократической интеллигенции и в некотором оживлении реформистской деятельности правительства, воскресившей на время и либеральные иллюзии Герцена (см. «Письмо к императору Александру II» в наст. томе).

В обстановке обсуждения и проведения земской, судебной, цензурной, финансовой и ряда других реформ 1864—1865 гг. Герцен взял на себя задачу теоретического «разъяснения социальных и экономических, гражданских и юридических вопросов» (см. «Нашим читателям»), ориентируясь на широкие круги русской демократической общественности.

Реализацией этой задачи и явились «Письма к путешественнику». Самый жанр «писем», не раз уже блестяще использованный Герценом в его публицистической работе («Письма из Франции и Италии», «Концы и начала», «Письма к будущему другу», «Письма к противнику» и пр.), открывал неисчерпаемые возможности в самой «широкой и свободной форме» не только ставить занимавшие Герцена большие историко-философские и социально-политические проблемы, но и откликаться попутно на самые злободневные вопросы текущей общественно-политической жизни, на ту «русскую всякую всячину», которая не могла не волновать и редактора «Колокола», и его читателей.

«Письма к путешественнику» создавались в условиях необычайного обострения полемики в русской легальной печати, в том числе и официозной, о необходимости реорганизации земледельческого труда на капиталистических почвах, т. е. о ликвидации общины и переходе к частному земледельческому хозяйству (см. об этом Н. Огарев. К одному из многих — *К*, л. 196 от 1 апреля 1865 г., стр. 1608).

С требованием переустройства сельского хозяйства «по образцу английской земледельческой промышленности» выступил «Русский вест-

ник», подчеркивая, что в судебных и земских преобразованиях необходимо также ориентироваться на представительные учреждения Англии (см. статьи Д. Абашева, Бидермана, Р. Гнейста в «Русском вестнике», 1865, №№ 4, 6 и др.).

На страницах «Библиотеки для чтения» оживленно дебатировался «многозначительный вопрос о кредите и банках в Англии» (см. №№ 1, 2, 7—8 за 1865 г.) и пропагандировались западноевропейские правовые нормы в связи с обсуждением финансовой и судебной реформ (см. «Для наших будущих присяжных» — «Библиотека для чтения», 1865, №№ 5, 6).

Проведение первых земских выборов (в феврале 1865 г.) выдвинуло на первый план вопрос о социальном составе земских учреждений и ущемлении сословного неравенства. К «объединению сословий, уравнению их по возможности в правах» призывал «Современник» (1865, № 5, Современное обозрение, стр. 2). Эту же «идею равноправности всех сословий» поддерживали «Отечественные записки», прокламируя свободу буржуазных отношений (см. «Отечественные записки», 1865, № 3, Политическая хроника, стр. 142—155).

«Московские ведомости» увидели в идее земских учреждений нарушение интересов поместного дворянства и выступили на их защиту, пользуясь, по словам «Современника», «всяким удобным случаем для того, чтобы оживлять новыми мотивами свое жалобное причитание крепостному праву» («Современник», 1865, № 6, Современное обозрение, стр. 119). Рассматривая дворянство как «решающую экономическую силу» и «политическую душу народа», «Московские ведомости» выдвинули теорию о «неотъемлемых правах» крупных земельных собственников «на участие в земских собраниях, без всяких выборов» (см. «Московские ведомости», 1865, № 14 от 19 января 1865 г.). Эта концепция была подхвачена «Русским вестником» и своеобразно интерпретировалась «Библиотекой для чтения», призывавшей крестьян («в связи с недостатком их умственного и материального развития») «довериться образованному дворянству», представлявшему в земстве якобы интересы всех сословий.

С этими воззрениями по существу смыкалась программа славянофильской газеты «День». Славянофилы подвергали систематической дискредитации социалистические теории, особенно интенсивно нападая на социалистический идеал Герцена после «Писем к противнику» (см. наст. том). В 1864—1865 гг. эту критику социализма публицистами «Дня» поддерживали идеологи «почвенничества», объединившиеся вокруг журнала «Эпоха».

Весь этот сложный комплекс общественно-политических и экономических вопросов и характер их решения консервативной и либеральной журналистикой определили проблематику «Писем к путешественнику», полемически заостренных против буржуазно-помещичьих программ «Русского вестника», «Московских ведомостей», «Библиотеки для чтения», «Дня», «Эпохи» и «Отечественных записок». Самую серьезную опасность для России представляли, по мнению автора «Писем к путешественнику», те буржуазные тенденции, которые отчетливо проявлялись как в характере реформ 1864—1865 гг., так и в журнальной полемике, отразившей процесс капитализации русской экономики и общественно-политического строя.

Необходимость разъяснения позиции «Колокола» диктовалась также внутренними разногласиями Герцена с «молодой эмиграцией» (см. об этом ЛН, т. 41—42, стр. 16—23) и расхождением с «Современником» и «Русским словом», которые не разделяли уверенности Герцена в самобытном характере исторического развития России, подчеркивая важность учета европейской общественно-экономической практики в таких ее проявлениях, как, например, фермерство или рабочие ассоциации в Англии и Франции (см. выступления Н. В. Шелгунова, Н. В. Соколова, М. А. Антоновича

на страницах «Русского слова», 1865, №№ 2, 5 и «Современника», 1865, № 2 и др.).

Надежды Герцена на осуществление социалистического идеала в ближайшем будущем оживились после завершения гражданской войны и отмены невольничества в Северо-Американских Соединенных Штатах (см. «Письма к будущему другу» (письмо пятое), «Что же дальше?» в наст. томе). Формулируя «программу будущего», Герцен указывал, что Северо-Американские Штаты и Россия стоят во главе мирового развития так как только они располагают предпосылками для коренных преобразований на социалистических началах, но что Россия и Америка пойдут к социализму «противоположными путями», обусловленными спецификой их экономического и нравственного быта.

В противовес русским апологетам капиталистической цивилизации, Герцен вновь подчеркивал, что Европа исчерпала «до дна» все возможности дальнейшего прогрессивного буржуазного развития, подвергал резкой критике государственные и экономические формы Англии и Франции, превозносившиеся на страницах либеральной журналистики. Пытаясь предотвратить «буржуазную оспу», которая «теперь начереду в России», Герцен вновь разъяснял теорию русского «общинного социализма», указывая, что элементы его должны лечь в основу законодательства. «Соглашение прав личной независимости с сохранением общинного устройства» было, по мнению Герцена, центральной задачей реформирования русской общественно-экономической системы. В связи с этим Герцен выдвигал на первый план «идею бессловности», теоретически обосновывая требование созыва «Земского бессловного собора» (см. «Нашим читателям»).

Полемизуя с консервативной публицистикой, Герцен обнажал политико-экономическую и нравственную несостоятельность дворянства как сословия, претендующего на командующую роль в гражданской и экономической жизни России.

Реакционному дворянству Герцен противопоставил новую революционную силу в лице передовой разночинческой интеллигенции, подытоживая многочисленные теоретические выступления «Колокола» 1864—1865 гг. по этому вопросу (см. «VII лет», «Новая фаза в русской литературе» и др. статьи наст. тома, а также Н. О г а р е в. К одному из многих — *К*, 1864, лл. 189, 190; 1865, л. 196).

Высмеивая узко-сословные требования московского дворянства (см. также «Прививку конституционной оспы»), Герцен смыкался с публицистами «Современника», которые систематически разоблачали реакционные теории «Московских ведомостей» и т. п., проповедовавших «уничтожение сословной исключительности посредством усилния землевладельческого элемента» (см. «Современник», 1865, № 3, Внутреннее обозрение, стр. 141—160; № 5, Современное обозрение, стр. 2—8; № 6, стр. 119—140).

Соллидаризуясь с «Современником» в вопросе о движущих силах освободительного движения, издатели «Колокола», в отличие от первого, и в 1865 г. продолжали надеяться на возможность коренных преобразований мирными средствами, не отрицая исторической правомерности революции, но рассматривая ее как крайнее средство (см. Н. О г а р е в. Революция и реорганизация — *К*, 1864, л. 176). В этом отношении позиции Герцена и Огарева во многом разделялись в 1864—1865 гг. Писаревым, пропагандировавшим на страницах «Русского слова» неизбежно «эволюционный», «химический» путь общественного переустройства.

«Письма к путешественнику» были не только программным выступлением Герцена по ряду практических вопросов русской освободительной борьбы, но и теоретическим осмыслением важнейших проблем социалистического движения вообще. Анализируя природу западных социальных учений с точки зрения «приложения» их к «бытовой практике» России,

Герцен в 3-м письме указал на ограниченность утопического социализма и впервые четко сформулировал мысль о необходимости органического слияния социализма с политической борьбой: «политика и социализм, — утверждал Герцен, — две разных станции одной и той же дороги», ведущей к улучшению «народного благосостояния». Критикуя западный социалистический идеал за абстрактность и отрешенность от жизни, Герцен требовал «соглашения» его с «практическими» потребностями, возражая против казарменного быта фаланстера, разрушения семьи, отрицания собственности и других атрибутов «героической интродукции» утопического социализма. Это были поиски, которые вели Герцена в сторону научного социализма.

Передовая общественность, которой были адресованы «Письма», встретила их одобрением и сочувствием. Осуждая либеральные тенденции «Письма к императору Александру II», Н. Я. Николадзе противопоставил последнему «Письма к путешественнику». «Пожмите от меня руку г. Герцену за его статью „Письма к путешественнику“, — писал он Огареву 12 июня 1865 г. — Дайте нам таких статей, Александр Иванович, да почаще!» 22 июля в письме к Огареву Николадзе отмечал, характеризуя значение первых трех писем, что «хотя они не могут стать на одну доску с „Письмами из Франции и Италии“, но они все-таки помогут разъяснению вопроса для русской публики. Я думаю, — указывал Николадзе, — что это главней всего» (ЛН, т. 62, стр. 409, 412).

На «Письма к путешественнику» откликнулись и представители польской революционной эмиграции: «Наши, как и ваши, десять заповедей, наш гражданский катехизис — в социализме, — писал Герцену О. Токаржевич 4 июля 1865 г. от имени группы польской молодежи. Но мы его начал будем искать не на Западе, не во Франции, а в Польше, на Руси; для нас он не незрелый плод тридцатых годов, а живой организм сельских общин XIII и XIV столетий, прибитый неславянскими основаниями (...) христианством и западной цивилизацией» (там же, стр. 576, см. также письма Токаржевича от 9 и 26 июля 1865 г. — стр. 578, 579).

Разъясняя ошибочность этих узко-националистических воззрений, Герцен подчеркнул в четвертом письме, что «общественная задача западной цивилизации в России состояла в объяснении социальных начал русского быта и в усвоении социальных идей Запада». Разъяснения в «Письмах к путешественнику» и дальнейшая пропаганда «Колоксла» убедили Токаржевича и других польских революционеров в необходимости пересмотра своих представлений о природе социализма: «преобразование общественного порядка» в Польше, — говорилось в программном выступлении польской революционной эмиграции (1866), — должно осуществляться «на основании древнего общинного устройства, применяя к нему все, к чему идут современные стремления» (см. т. XIX наст. изд.).

Стр. 343. *Вы меня забросали вопросами о хстати, я очень рад, что вы полюбили Соединенные Штаты...* — Непосредственный адресат «Писем к путешественнику» точно не установлен. Можно предполагать, что им явился Василий Константинович Бодиско (1826—1873), двоюродный брат Т. Н. Грановского, участник его «московского кружка», знакомый Герцена, Огарева, М. А. Бакунина, Е. Ф. Корша, К. Д. Кавелина, М. Е. Салтыкова-Щедрина (см. о нем «Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, М., 1897). В 1854—1855 гг. В. К. Бодиско ездил в Америку, где его дядя, А. А. Бодиско, до 1854 г. занимал пост русского посланника в Вашингтоне. Очерки его путешествия по Америке были напечатаны в журнале «Современник», 1856, №№ 3—6, 5 февраля 1854 г. Герцен писал М. К. Рейхель о В. К. Бодиско: «От Бод(иско) из Вашингтона получил письмо; ему очень нравится Америка, зовет туда, — но мы еще погодим. Дела все интереснее становятся и ехать теперь — похоже на бегство».

Когда в конце 1855 г. В. К. Бодиско возвращался в Россию, Герцен передал с ним письмо к московским друзьям. Примечательно, что в нем (см. письмо к Е. Ф. Коршу от 27 декабря 1855 г.) Герцен называет Бодиско «путешественником»: «О детях скажет путешественник». В. К. Бодиско, вероятно, адресована неоконченная статья Герцена «*Prémière lettre*», написанная в середине 50-х годов и опубликованная впервые в *ЛН*, т. 61, стр. 95—107; ср. т. XII наст. изд., стр. 463—471 и 577—578.

В 60-е годы В. К. Бодиско служил в Иркутске чиновником особых поручений при военном губернаторе Приморской области Восточной Сибири, поддерживая отношения со ссыльным Бакуниным. Уезжая в конце 1860 г. за границу, он взял с собой для передачи Герцену письмо Бакунина. 8 декабря 1860 г. Бакунин писал Герцену: «Это мое третье письмо к тебе; первое, по крайней мере в 20 листов, до тебя не дошло, второе листов в 12 взял с собой твой знакомый Бодиско тому назад три недели» («Письма М. А. Бакунина к Герцену и Огареву», Женева, 1896, стр. 63. В этой публикации фамилия Бодиско, имеющаяся в автографе, заменена звездочками — см. *ЛН*, т. 62, стр. 775). В архиве III отделения, по утверждению М. К. Лемке, имеются материалы, указывающие на содействие Бодиско побегу Бакунина (см. *Л* XI, стр. 279).

Вероятна поездка Бодиско в САСШ и в 60-е годы, когда его двоюродный брат В. А. Бодиско, сын бывшего посла, служил старшим секретарем русского посольства в Вашингтоне.

Предположение М. К. Лемке, что адресатом «Писем к путешественнику» является Н. В. Ханыков, не находит подтверждений. Ханыков никогда не был в Северо-Американских Соединенных Штатах. С 1860 г. он жил в Европе (Англия, Германия, Франция), обрабатывая материалы, собранные им во время экспедиций в Иран и Среднюю Азию.

Не правда ли, как демократии и республики, управляемые «чернью», бесположковы ∞ утопии, остроумные мечты! — Герцен иронически перефразирует многочисленные выступления Б. Н. Чичерина и его единомышленников по поводу «слабости» государственных форм Северо-Американских Соединенных Штатов (1863—1864 гг.).

Стр. 344. *Непонятно не только дипломатам ∞ чисто западным диванам на Сене и Темзе.* — Герцен иронизирует над русскими публицистами типа Чичерина и Каткова (об отношении к ним Герцена см. статью «Русские немцы и немецкие русские», т. XIV наст. изд.) и английскими и французскими реакционными общественными деятелями, встретившими победу Северо-Американских Штатов недоуменным молчанием после многократных уверений в неизбежности поражения северян. «Западно-восточный диван» — цикл стихотворений Гёте 1814—1815 гг.

Сегодня войско побито, завтра оно же идет вперед ∞ помериться в открытую войну, вместо контрабандной и воровской. — Временным неудачам войск северян (с июля 1861 по май 1863 г.) Герцен противопоставляет разгром армии Наполеона под Ватерлоо (18 июня 1815 г.) и поражение австрийцев, разбитых соединенными войсками Франции и Сардинии под Маджентой и Сольферино (4 и 24 июня 1859 г.). С середины 1863 г. после ряда демократических мероприятий североамериканского правительства (законы о земельных наделах, финансовая реформа, реорганизация армии и др.) наметился перелом в пользу северян. К марту 1865 г. войска северян достигли центра Северной Каролины. В апреле 1865 г. армия генерала Ли сдалась войскам северян под командованием генерала Гранта.

... в ней не было лаццарониевского осадка ... — Лаццарони (Lazzaroni) — презрительное обозначение люмпен-пролетариев в Неаполе. Характеристику лаццарони см. в статье Герцена «С континента» (т. XVII наст. изд.).

Стр. 345. ... *отвратительные меры, запрещавшие полякам говорить по-польски, запрещавшие женщинам носить траур...*— В утвержденном Александром II «всеподданнейшем докладе» М. Н. Муравьева от 14 мая 1864 г. в числе прочих мер по руссификации Северо-Западного края содержалось постановление об «упразднении польского языка во всех учебных заведениях». О репрессиях за ношение траура см. заметку «К муравьевчине» (т. XVII наст. изд., стр. 325).

Стр. 346. *Никто после горчаковских нот и ответов на них не верил ни в какой 1812 год.*— Герцен имеет в виду ноты министра иностранных дел А. М. Горчакова, который в июне 1863 г., отвечая на ноты Англии, Франции и Австрии с рядом требований по польскому вопросу, категорически отверг эти требования, в связи с чем ожидалось военное вмешательство иностранных держав во внутренние дела России и Польши. Однако ответные ноты Англии, Франции и Австрии рассеяли эти опасения. См. подробнее об этом «В вечность грядущему 1863 году» (т. XVII наст. изд.).

... *на каннибальских банкетах, на изгнаниях из Английского клуба порицателей Муравьева.*— Речь идет об обеде в честь издателя «Московских ведомостей» М. Каткова, где провозглашен был тост за Муравьева Вешателя (см. «Каннибальский обед в Москве»— «Россиада», V, т. XVII наст. изд.), и об изгнании из Английского клуба адъютанта Константина Николаевича генерал-майора А. Н. Стюрлера за порицание репрессий Муравьева, возмущившее шовинистически настроенное дворянство Москвы (см. об этом в статье Огарева «Современное положение в России»— *Р*, л. 171 от 1 октября 1863 г., стр. 1405, и в письме Герцена к Огареву от 17 марта 1865 г.).

... *А тут добрые люди воображают, что мы должны сочувствовать конституционному прорезыванию зубов у этих московских шакалов ∞ вот и ружя свою чернильницу благодарности «Московск. ведомостям».*— С. Левицкий и Е. Салиас, с которыми Герцен встречался в Париже в марте 1865 г., осуждали его за слишком резкий тон статьи «Прививка конституционной оспы» (см. наст. том), требуя «более мирного направления „Колокола“ в сторону Александра Николаевича». На их сторону склонялся и Н. В. Ханьков при всем своем «восхищении» от статьи Герцена «об оспопрививании» (см. письма Герцена к Огареву от 17 и 20 марта 1865 г.).

См. также комментарий к стр. 330.

Стр. 347. *Мы можем смотреть, как на необходимую меру, на польское освобождение крестьян с землей.*— Упоминание Герцена о земельной реформе в Польше от 19 февраля 1864 г. (об отношении «Колокола» к последней см. в наст. томе «Освобождение крестьян в Польше») было связано не только с обсуждением земельных мероприятий в Польше на страницах русской печати, но и с недовольством реформой во французской консервативной прессе («Journal de Débats» и др.), которая видела «в распоряжениях по польско-крестьянскому делу — страшное начало радикализма».

... *что писал полякам Бакунин, вырвавшись из Сибири.*— Имеется в виду обращение Бакунина «Русским, польским и всем славянским друзьям», опубликованное в прибавлении к л. 122—123 *Р* от 15 февраля 1862 г. с примечанием Герцена (см. т. XVI наст. изд., стр. 279—280).

... *побаловать конституционными кубарями...*— Об этом обращении московского дворянства к царю см. статью «Прививка конституционной оспы» (наст. том).

... *их собственный дворовый листок...*— Речь идет о газете «Весть», которую Герцен постоянно именовал «дворовым листом».

«Но — но большая равница между польской аристократией и нашим барством ∞ и ходили по воскресеньям в ту же церковь к обеду.— Герцен

пронизирует над систематическими выступлениями «Московских ведомостей» в защиту русского дворянства, с апологией которого выступили в 1865 г. «Русский вестник», «Библиотека для чтения» и др., противопоставляя русские общественные и нравственно-бытовые основания социально-этическим нормам Польши: «В настоящее время, — говорилось в связи с этим в статье «Земские толки», — вы найдете между крестьянством группы поземельных собственников, ведущих свое хозяйство совершенно таким образом, как и землевладельцы дворянского происхождения. Никакой нет существенной разницы в общественном значении между крестьянином и дворянином, имеющим значительную поземельную собственность. И помещик в настоящее время тот же земледелец, только с большим, смотря по личности, запасом образования и других внешних атрибутов житейской обстановки» («Библиотека для чтения», 1865, № 5, стр. 109—110).

Стр. 348. *Часть наших журналов...* — Речь идет прежде всего о позиции «Русского вестника», на страницах которого и в 1864—1865 гг. продолжалась систематическая дискредитация «высшего польского и ополченного дворянства» как «самого непримиримого врага правительства» («Польская пропаганда на Волыни» — «Русский вестник», 1864, № 4, стр. 829—830. См. там же статьи П. К. Щербальского — 1864, №№ 6, 7, 8, 10, 12 и Е. М. Феокистова — 1865, №№ 7 и 8).

Стр. 348. *Замечание графа Ростопчина...* — В статье «Русские немцы и немецкие русские» Герцен писал об этом: «У нас все делается наизнанку, — сказал умирающий Ростопчин, услышав весть о 14 декабря. — В 1789 г. французская *goutte* хотела стать вровень с дворянством и боролась из-за этого, это я понимаю. А у нас дворяне вышли на площадь, чтоб потерять свои привилегии, — тут смысла нет» (т. XIV наст. изд., стр. 178).

Стр. 349. *Линкольн в одной из последних речей своих ∞ согрешили перед богом.* — Герцен имеет в виду речь президента Северо-Американских Штатов Линкольна, произнесенную в Вашингтоне 11 апреля 1865 г. (см. «С.-Петербургские ведомости», 1865, № 96 от 21 апреля).

Стр. 351. *Гольштейн и Дания, Пруссия и Австрия, Наполеон и Наполеон...* — Шлезвиг-Гольштейнское герцогство, отторгнутое от Дании по Венскому миру 30 октября 1864 г., стало предметом ожесточенных разногласий между Пруссией и Австрией, которые стремились использовать результаты датской войны каждая в свою пользу (см. далее примечание к стр. 368). В середине 1865 г. внимание европейской общественности заняла борьба Наполеона III с его двоюродным братом принцем Наполеоном, который выдвинул свою политическую программу, противоположную установкам французского императора, требуя демократизации власти, окончательного разрыва с папством, свободы печати, ассоциаций, религии и др. См. об этом статью из газеты «Spectator» «Распря между Наполеонами» — «С.-Петербургские ведомости», № 139 от 4 июня 1865 г.; см. там же «Иностранные известия», Франция, №№ 140, 143 от 5 и 9 июня 1865 г.

... тут Тьер защищает папу, там Виктор-Эммануил возвращается, как библейский сын, к римскому отцу и отец не приказывает даже убить лучшего барана для него... — По конвенции 15 сентября 1864 г. Франция ввела свой войска в Рим, препятствуя воссоединению с Италией папского Рима и Венеции, в связи с чем министр иностранных дел Тьер неоднократно выступал в защиту «самостоятельности» папских владений под охраной французской армии (см. статью из газеты «Saturday Review» «Франция и папство» — «С.-Петербургские ведомости», № 73 от 22 марта /3 апреля 1865 г.). Попытка короля Италии Виктора-Эммануила договориться с папой Пием IX о воссоединении Италии не увенчалась успехом: едва начав переговоры, королевский посланник Вегетци вынужден был покинуть Рим из-за вмешательства Франции, заинтересованной во «французском» влиянии на папу (см. об этом раздел «Ино-

странные известия» в «С.-Петербургских ведомостях», №№ 111, 125, 126 от 6, 20 и 21 мая 1865 г.). Виктора-Эммануила Герцен сравнивает с «блудным сыном» библейской легенды.

«Польша, Польша! Идем за Польшу!» — и вдруг Польша забыта, предана на пропятие, даже без замены Варавой. — Вмешательство европейских государств во внутренние дела России и Польши не пошло дальше бесплодного обмена нотами (см. примечание к стр. 346). О «преступном» нейтралитете Европы по отношению к Польше см. статьи Герцена «Чего они так испугались?», «Польский мартиролог», «Виллафранка перед Сольферино» (т. XVII наст. изд.).

... *церковь и государство показали друг другу свои старые зубы.* — В марте — апреле 1865 г. начались переговоры между папой Пием IX и итальянским королем Виктором-Эммануилом, который требовал сосредоточения в своих руках гражданской власти, предоставляя папе свободную и независимую юрисдикцию над всем итальянским духовенством. Переговоры эти, связанные с вопросом о воссоединении Италии, кончились неудачей.

Стр. 351—352. ... *байроновское представление света ∞ агония смешалась с ненавистью.* — Стихотворение Байрона «Тьма» («The Darkness», 1816).

Стр. 352. *Президент, громко говорящий: «Не вы для нас, для государства, а мы, правительство, а государство для вас».* — Герцен перефразирует речь Линкольна (5 марта 1861 г.) при вступлении на пост президента перед собравшимся в Капитолии народом (ср. Макс Ланге. Авраам Линкольн и великая борьба между Северными и Южными Американскими штатами, СПб., 1867, стр. 191—192).

Стр. 353. *Они начали свою самобытную жизнь с провозглашения права человека.* — Имеется в виду декларация независимости США, принятая 4 июля 1776 г.

Стр. 354. *Посмотрите, например, как Франция дома в централизации ∞ нашла учреждения и государственные формы ей соответствующие.* — Ирония Герцена адресована, очевидно, бывшему республиканцам, выступившим в 60-х годах с прославлением современного французского государства как «защитника социальной справедливости». См. Вашеро, «La Democratie»; Дюпон-Уайт, «L'individu et l'Etat»; Вильомэ, «Nouveau traité d'économie politique» и др.

... *«неприглашенных» на пир...* — Имеется в виду определение немущих классов в книге Мальтуса «Опыт о законе народонаселения», где утверждалось, что для «бедняков нет места на великом пиршестве природы».

... *к 18 брюмера или 2 декабря...* — 18 брюмера (9 ноября 1799 г.) произошел государственный переворот, приведший к установлению диктатуры Наполеона Бонапарта. В результате переворота 2 декабря 1851 г. вся исполнительная и законодательная власть сосредоточилась в руках президента Луи Бонапарта, через год провозгласившего себя императором Наполеоном III.

Стр. 355. *Когда Мишле в своей легенде о Костюшке...* — Имеется в виду первая из «Северных легенд демократии» Мишле — «Польша и Россия. Легенда о Костюшко» (1851). См. подробнее об этом в статье «Русский народ и социализм» и примечаниях к ней (т. VII наст. изд.).

Стр. 357. ... *собственность есть кража.* — Определение П.-Ж. Прудона, содержащееся в его книге «Qu'est ce que la propriété?» («Что такое собственность?»), Paris, 1840. Критикуя крупную капиталистическую собственность как «кражу», Прудон, однако, всячески отстаивал и превозносил собственность мелкую.

Что ты спишь, мужичок... — Первые строки стихотворения А. В. Кольцова «Что ты спишь, мужичок?» (1841).

Стр. 358. *Он, как евангельская девица, не умер, а спит.* —

Имеется в виду евангельская легенда о воскрешении Христом дочери священнослужителя (Евангелие от Марка, гл. V, 35—43).

Один человек, игравший большую роль в своей родине и как революционер, и как администратор, спорил со мной о социализме.— Речь идет о Джемсе Фази, споры с которым Герцен подробно передал в «Былом и думах», ч. V, гл. XXXVIII (т. X наст. изд., стр. 98—108).

... Они постоянно называют Маццини социалистом, несмотря на его брошюры, статьи и пр.— Герцен подразумевает лондонскую газету «Таймс» и ряд газет Пьемонта («Unione», «Il Dfritto», «Il Parlamento»), выступавших против революционности и социализма Маццини, несмотря на его враждебное отношение к социалистическим учениям после поражения революции 1848 г. См. подробнее об этом в «Былом и думах», ч. V, гл. XXXVII, XL; ч. VI, гл. I—т. X и XI наст. изд.

Ст р. 359. *Уступку, которую я делал моему «Дионисию, тирану Сиракузскому».*— Герцен намекает на эпизод из биографии Платона, который пытался перестроить политическую организацию Сиракуз (367 г. до н. э.), но, встретив отпор со стороны сиракузского тирана Дионисия Младшего и его окружения, пошел на уступки, попросив у Дионисия лишь небольшой участок земли и немного людей для своих социальных экспериментов.

... для Бентама, говорившего Александру I в Лондоне о «счастье, что России не мешает ни католическая церковь?»— О личном свидании Бентама с Александром I, приехавшим в Лондон в 1814 г., нет никаких сведений. Бентама посетил сопровождавший Александра князь Адам Чарторижский и вел с ним беседу, связанную с несуществующим намерением Александра воспользоваться советами Бентама при составлении кодекса русских законов. См. об этом также в «Письме к Джузеппе Маццини о современном положении в России» и примечаниях к нему (т. XII наст. изд., стр. 351 и 556).

Ст р. 359—360. ... в медицине — от кровопролитий Брусе до наводнений Присницца...— Франсуа-Жозеф Брусе — известный французский врач, лечивший кровопусканием. Винцент Присниц — один из основателей водолечения, пользовавшегося большой популярностью в западной Европе тридцатых-сороковых годов.

Ст р. 360. ... индийская триада Пьера Леру, полемика Прудона...— В основе каждого учреждения республики будущего, — утверждал Пьер Леру в книге «Человечество» (1840), — должна лежать «триада»: например, ассоциация должна удовлетворять трем элементам психики (ощущению, чувству и познанию), во главе государства должны стоять три учреждения: законодательное, административное и воспитательное. См. о «триаде» П. Леру в статье Герцена «Repetitio est mater studiorum» (т. XV наст. изд., стр. 148). Говоря о Прудоне, Герцен имеет в виду его полемику с представителями других направлений и сект мелкобуржуазного социализма в 1848—1851 гг. См. об этом «Былое и думы», ч. V, гл. XLI и примечания к ней.

... социальные оттенки в тюльерийских декретах...— Герцен имеет в виду, очевидно, декреты первой половины 1860-х годов, в которых Наполеон III сделал некоторые уступки общественному мнению в духе социально-экономических взглядов своей книги «Exitio du paupérisme» (Paris, 1844), написанной под влиянием идей Луи Блана.

... следы проповедей Менильмонтанской улицы остались в оборотах Перейры, в ликвидациях недвижимой собственности...— Герцен подразумевает депутатскую деятельность банкира Эмиля Перейры в Законодательном корпусе Франции, усматривая в его высказываниях о недвижимой собственности следы влияния утопической идеологии тридцатых годов, когда Перейра примыкал к сен-симонистской коммуне, расположенной на Менильмонтанской улице.

... Гладстон дошел до порицания безусловного права собственности и до государственной организации страховых обществ... — Имеются в виду финансовые мероприятия Гладстона 1859—1865 гг., когда, возглавив министерство финансов, он провел билль о повышении подоходного налога, освобождая от обложения им предметы народного потребления, высказался за понижение имущественного ценза при парламентских выборах, основал страховые общества и сберегательные кассы, обеспечивающие доход даже при незначительных вкладах, что доставило Гладстону широкую популярность в демократических кругах Англии.

... Стюарт Милль остановился в раздумье перед общинным владением, не ругая с плеча вопроса как наши молинарьевские подмастерья? — Д. С. Милль, не отказываясь от своих симпатий к частной земельной собственности, в новых работах, изданных им в шестидесятых годах, пересмотрел отношение к общинному землевладению в соответствии с изменением своего отношения к коммунизму, в котором он стал видеть учение «согласующееся с наибольшим распространением человеческой свободы и развития», и потому рекомендовал «внимательно присмотреться к общинным формам землевладения» (см. «Основания политической экономии», II, ч. I, гл. 4). Д. С. Миллю Герцен посвятил в «Былом и думы» статью «Джон-Стюарт Милль и его книга „On Liberty“» (т. XI наст. изд., стр. 66—77). «Молинарьевскими подмастерьями» Герцен называет сотрудников «Московских ведомостей» и «Русского вестника», на страницах которых систематически публиковались экономические исследования Густава де Молилари, одного из крупнейших авторитетов для Каткова, Корша, Чичерина и других сторонников капиталистического пути развития России и замены общинного владения землей частным землевладением.

... о чем робко и не выступая из парламентских форм хлопочет Брум? — Генри Брум, член английской палаты пэров, призывал к расширению политического образования и улучшению экономических условий жизни народа

Ей недоставало имени, имя явилось как-то само собой. — Имеется в виду бонапартизм. Ср. «Былое и думы», т. XI наст. изд., стр. 490—491.

Стр. 361. Это-то и хотел сказать американец Брейгбен, которого слова я уж не раз приводил, парижским рабочникам в 1848 году... — Речь идет о выступлении Альбера Брисбейна, основателя фурьеристского движения в США, на заседании прудоновского «Народного банка» в мае 1849 г. См. об этом в «Письмах из Франции и Италии» (т. V наст. изд., стр. 183—184).

Прудон упрекал в этом социализм, разумея под социализмом организацию работ Луи Блана, коммуниам Теста, отца Кабе, а не социализм вообще. — В сумме что же такое общинность коммунистов и социализм, как не идея государства, доведенная до поглощения личности, — писал Прудон в «Системе экономических противоречий». Подробнее об интерпретации Прудоном социализма см. в статье Ю. Г. Жуковского «Прудон и его экономическая система противоречий» («Современник», 1865, № 2). Об отношении Прудона к социализму см. также «Былое и думы», ч. V, гл. ХLI (т. X наст. изд.).

Не будьте ни Апеллесов, ни Павлов, и тогда вы не будете клясть церковь из-за Апеллеса или Павла. — Ср. заметку Герцена «Не будьте ни Апеллесов, ни Павлов» и комментариев к ней (т. XVI наст. изд., стр. 35—36 и 363—364).

Стр. 363... они, как Квазимодо, бросают камень и лют свинец на trianderie, пришедшую спасти цыганку, которую они защищают. — Герцен использует для сравнения эпизод из романа В. Гюго «Собор Парижской богородицы» (кн. девятая, гл. II). *Trianderie* — сброд (франц.)-

... не кадилы и не рипиды... — Кадила и рипиды — принадлежности архиерейского богослужения.

Стр. 364. ... ни бархатный жилет верховного отца Анфантенасни *соттила боготит...* — Как глава сен-симонистского Менильмонтанского семейства Анфантен назывался «верховным отцом» и носил бархатный костюм особого покроя (см. об этом Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 179—182). Под «государственной барщиной» Герцен разумеет систему экономических мероприятий, руководимых «государством будущего», изложенную в книге Луи Блана «Организация труда».

... фаланстеры, Икарии, национальные рабочие, государственные подряды и пр. — Имеются в виду фаланстеры Фурье, «Икария» Кабе, «национальные рабочие» и «государственные подряды», предложенные Луи Бланом в его книге «Организация труда».

Стр. 366. ... *лет чрез пятьсот*, по пушкинскому выражению ... — Цитата из «Евгения Онегина», гл. VII, строфа XXXIII.

Стр. 367. «Марфа, Марфа, печешися о многе, едино же есть на потребу». — По евангельской легенде, слова Христа, обращенные к женщине, которая торопилась приготовить угощение для него и сетовала на сестру Марию, слушавшую поучения Христа и не принимавшую участия в приготовлениях Марфы (Евангелие от Луки, гл. X, 38—42).

Стр. 368. *Основной тон жизни Кобдена* ∞ *смотрел прежде всего и после всего на free trade.* — О значении деятельности Ричарда Кобдена как одного из крупнейших представителей фритредерства см. в некрологе его на страницах «Русского слова», 1865, № 3. Сочувственный отзыв Герцена о Кобдене в связи с его борьбой за отмену хлебных законов см. в статье «1864» (наст. том).

... *ограбили ли немцы белым днем Данию или нет...* — В 1865 г. разногласия между Пруссией и Австрией после датской войны (см. примечание к стр. 351) были урегулированы Голштейнской конвенцией, по которой Шлезвиг переходил под верховную власть Пруссии, получавшей также право на содержание гарнизона в Голштинии, принадлежавшей прежде Дании. О враждебном отношении Герцена к организаторам нападения на Данию см. в статье «Что же дальше?» (наст. том).

«В. Н. Каразин». — Статью Герцена «Император Александр I и В. Н. Каразин» см. в т. XVI наст. изд.

Стр. 369. *Есть люди, которые постоянно в жизни видят ее изнанку* ∞ *называлось а л а р м и с т а м и...* — Алармистами (т. е. людьми, склонными к распространению тревожных необоснованных слухов) Герцен именует здесь деятелей «молодой эмиграции» (Н. И. Утина, А. А. Серно-Соловьевича, П. И. Якоби, М. С. Гулевича, Н. И. Жуковского, Л. И. Мечникова), к которым он относился с явным недоверием, особенно после неудачной попытки к сближению во время женеваского съезда эмигрантов (см. в наст. томе комментарий к статье «1865»).

Старцы Сибири возвратились через тридцать лет каторги... — Речь идет о декабристах, возвращенных из Сибири после смерти Николая I.

Стр. 370. *Вот когда оно по немецкому совету и по наговору помещичьих журналистов* ∞ *наследственным разделом ее в собственность...* — Речь идет о правительственных распоряжениях середины 60-х годов, расширявших права крестьян различных разрядов на приобретение земельных наделов в личную собственность, что способствовало разрушению общины и переходу к частному землепользованию, преимущества которого отстаивали «Русский вестник», «Московские ведомости», «Библиотека для чтения» и др. См. об этом статью И. М. Страховского «Крестьянский вопрос в законодательстве и законосовещательных комиссиях после 1861 г.» в сб. «Крестьянский строй», т. I, СПб., 1905, стр. 386—389. См. также статью Герцена «Крепостники» — т. XIX наст. изд.

Стр. 371. ... о нашем благородном обществе ∞ и его литературному дрягиллю... — О линии поведения дворянской общественности, приветствовавшей арест Чернышевского, террор в Польше и т. п., см. в статьях «Протест», «Виселицы и журналы», «В вечность грядущему 1863 году» (т. XVII наст. изд.). Дрягиль (крючник) — М. Н. Катков.

... «*De profundis*»...—Один из семи покаянных псалмов, читаемых во время зауконойного богоуслужения у католиков.

... *заботящийся, не выбригши бороды.*— В известных рассказах о последних днях жизни Николая I этот эпизод передается следующим образом. На предложение о причастии Николай ответил: «Как! В постели? Невозможно. Я рад и желаю исполнить эту обязанность, но когда я буду на ногах (...). Лежа и не одетый могу ли приступить к такому великому делу?» (Р. З о т о в. Исторические очерки царствования императора Николая I, СПб., 1859, стр. 93).

Стр. 374... *в блаженные времена тьеровского либерализма и оппозиции Гизо.* — В конце двадцатых годов Тьер выступил на политической арене в качестве деятеля либерально-буржуазной оппозиции. Гизо, как противник бонапартистов, должен был перейти в оппозицию после государственного переворота Луи Бонапарта (1851), когда Тьер также устранился от политической деятельности, примкнув в 1863 г. к умеренно-либеральной оппозиции. См. «Былое и думы», ч. VIII, «La belle France».

В 1862 г. один *мелкий лондонский журнал ∞ с учтивостью русского гарнизонного офицера.*— Речь идет о статье «Bakunin», напечатанной в журнале «The Press» (1862, № 3), где утверждалось, что Бакунин — агент русского правительства, и делались аналогичные намеки в адрес издателей «Колокола». Эта клевета вызвала резкий протест со стороны Герцена. См. «Иностранцы революционеры в Англии» и «Ultimatum» (т. XVI наст. изд.).

Вслед за тем я получил письмо от одной англичанки...— Герцен имеет в виду Эмилию Рив (Reeve). См. о ней подробнее в наст. томе «Две кончины».

Стр. 375. ...они, как римские сенаторы в деле Сципиона, закрыли глаза...— Речь идет о процессе против Луция Сципиона, обвиненного партией Катона в утайке государственных денег и в дипломатических промахах. Эти обвинения, не принятые сенатом вначале, были утверждены последним из-за недостойного поведения на суде всесильного брата Луция—Публия Сципиона.

Стр. 376. ... как Франц Моор, спрашивая своего дряглого отца: «Что ж ты, вечно хочешь жить, что ли?»—Имеется в виду драма Шиллера «Разбойники» (действие II, явление 2).

Стр. 378. *Советуем не читавшим этой брошюры ее прочесть.*— Речь идет о брошюре Сбышевского, которую Герцен «очень рекомендовал» русским читателям еще в статье «В вечность грядущему 1863 году» (см. т. XVII наст. изд.).

Католик, писавший эту книгу, пошел дальше Доносо-Кортеса... — 18 марта 1850 г. Донозо Кортес произнес речь в Законодательном собрании в Мадриде, определив католицизм как единственное средство спасения от социализма. См. «С того берега» (т. VI наст. изд., стр. 133—142).

Стр. 379. ... в Сан-Венито...— Саван желтого цвета с вышитым на нем красным крестом, который надевали на осужденных инквизициею.

... *отчего Россия guter Hoffnung, а Европа в импассе...* — Немецкое «guter Hoffnung sein» означает «быть беременной». Ср. выше: «Россия<...> пройдет не триумфальными воротами, а скромной калиткой, которую отворяют беременной женщине, осужденной, виновной, но в которой хотят спасти „плод чрева ее!“» (наст. том, стр. 350). Россию Герцен противопоставляет Европе, которая находится в «импассе», т. е. безвыходном шоложении (франц — *impasse*).

Стр. 380. *От Ромула до наших дней.*— Цитата из «Евгения Онегина», гл. I, строфа VI.

... М. П. *Погодин писал когда-то исторические афоризмы.*— Герцен имеет в виду «Исторические афоризмы Михаила Погодина», М., 1836.

Стр. 382. *«Империя — мир!»*— В ноябре 1852 г. Наполеон III, призывая жителей Бордо к восстановлению империи, сказал: «Говорят, что империя поведет за собой войну. Нет! Империя — это мир!».

МИХАИЛЫ И МИХАИЛЫ НИКОЛАЕВИЧИ

Печатается по тексту К, л. 197 от 25 мая 1865 г., стр. 1619, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется характерными для него особенностями содержания, стиля и композиции заметки. Обличение «трех русских Михайлов», трех «спасителей отечества»: Муравьева, Каткова и великого князя, и насмешки над ними постоянно повторяются в герценовских статьях и заметках («Наши прогрессы», «Правительственная агитация и журнальная полиция» и др.). В жестокости Муравьева, беспринципности Каткова и юродском самодурстве «кавказского Михаила» Герцен видел симптоматичные признаки времени. В «Былом и думах», говоря о своей полемике с Чичериным 1858 г., Герцен далее продолжал: «А теперь... через семь лет письмо Ч. мне кажется цветом учтивости после крепких слов и крепкого патриотизма *михайловского* времени» (т. XI наст. изд., стр. 301).

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVIII, 138—139).

Стр. 384. *Муравьев удален в графы.*— Обстоятельства, связанные с отозванием Муравьева с поста генерал-губернатора Северо-Западного края, изложены в письме В. А. Долгорукова к П. А. Валуеву, которому он сообщил 20 апреля 1865 г.: «Вы получите распоряжение о назначении Кауфмана вместо Муравьева и рескрипт, дающий последнему графский титул. Я очень доволен, что его царствование кончено, и хотя убежден, что для сохранения наших западных губерний еще необходимо военное положение, но желаю, чтобы новый ген.-губернатор понимал, какова должна быть его граница» (Л XVIII, стр. 139). Герцен и Огарев приветствовали отставку Муравьева как победу передового общественного мнения (см. письмо Герцена сыну от 15 июня 1865 г.). Еще 26 мая 1864 г. Огарев писал Е. В. Салиас, что «эта немилость — поворот, потому что дворянство скоро начнет лягать того, кого лягает первый дворянин» (ЛН, т. 61, стр. 830). Вопреки мнению Огарева, Муравьев вовсе не утратил доверия царя — после покушения Д. В. Каракозова на Александра II Муравьев был назначен председателем следственной комиссии и по существу получил неограниченные полномочия для борьбы с «крамолой».

Жена цезаря выше подозрения.— Сентенция из «Жизнеописания Цезаря» Плутарха.

Недавно кавказский Михаил ∞ грузинские студенты.— О провокационной попытке обвинить в заговоре против существующей власти группу демократически настроенной молодежи Грузии и Армении Н. Я. Николадзе писал 14 мая 1865 г. Огареву: «Нельзя ли будет включить в следующий номер „Колокола“ одну интересную новость: Михаил Николаевич, наш юродствующий фельдфебель, спас Россию: он открыл какой-то чудовищный заговор или тайное общество „Молодой Грузии и Армении“. Можете вообразить себе двух-трех гимназистов, двух бывших студентов, говоривших *свсбдно* об освсбодении крестьян и независимости Грузии. Их, вероятно, расстреляют, в этом нет никакого сомнения, если

только их не повесили до сих пор. Мне пишут из Петербурга, что по этому делу приезжал в Петербург нарочный с донесением и ожидался аресты между грузинскими студентами. С этих пор (с 10 апреля) я не имею никакого письма из Петербурга. Нельзя ли будет придать этой мухе, раздутой Михаилом Николаевичем в спона, прежний вид мухи» (*ЛН*, т. 62, стр. 406).

НАРОДНАЯ ЛЕТОПИСЬ

Печатается по тексту *К*, л. 197 от 25 мая 1865 г., стр. 1619, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Редакционный характер заметки, ее тематика, а также каламбуры о «ценсуре-неценсуре», «конституции-неконституции» (перекликающиеся с тем, что писал Герцен в статье «Прививка конституционной оспы») и строки о «le pouau представительной камеры» (Герцен часто именовал парламент по-немецки камерой) указывают на авторство Герцена.

Заметка написана по поводу объявленного 16 апреля 1865 г. запрещения газеты «Народная летопись». Основанная сотрудником «Современника» Ю. Г. Жуковским «Народная летопись» просуществовала всего месяц — первый ее номер вышел 16 марта 1865 г. Относительно причин постигшей «Народную летопись» кары А. В. Никитенко записал 3 мая 1865 г. в своем дневнике: «Газета „Народная Летопись“ запрещена до сентября. По получении официального известия о смерти последнего все газеты вышли с траурною каймою, „Летопись“ — без нее. Но когда получена была депеша о смерти Линкольна, газета эта облеклась в траур. Это ближайшая причина запрещения. Но главная причина та, что около этой газеты сгруппировались последователи Чернышевского — Антонович, Елиссев», кажется и Лавров и проч. Третье отделение тотчас по основании газеты обратило на нее внимание министра внутренних дел. А вот теперь, при случае, она и прямо высказалась» (А. В. Никитенко. Дневник, т. 2, М., 1955, стр. 513). Ср. Б. П. Козьмин. Газета «Народная Летопись», в сб. «Русская журналистика. I. Шестидесятые годы», Academia, 1930, стр. 73—105.

В сентябре «Народная летопись» не возобновилась. 14 декабря 1865 г. известный ученый и передовой общественный деятель В. О. Ковалевский обратился в главное управление по делам печати с просьбой разрешить ему издавать в 1866 г. ежемесячный журнал «Летописец». Этот журнал, по мысли Ковалевского, должен был заменить закрытую правительством за «вредное направление» «Народную летопись». «Летописец», однако, разрешен не был (см. *ЛН*, т. 62, стр. 264—265). См. далее заметку «О „Народной летописи“» (Поправка).

Стр. 384. ... *тощй указ о ценсуре-неценсуре*. — См. далее комментарий к стр. 387.

НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Печатается по тексту *К*, л. 197 от 25 мая 1865 г., стр. 1620, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

197-й лист «Колокола» был первым, вышедшим в Женеве, куда переехала из Лондона Вольная русская типография. Статья является обращением издателей «Колокола» к читателям в связи с этим переездом.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVIII*, 139—142).

Перенос печатного станка вольной русской прессы из Лондона в Женеву знаменует собой новый этап в истории «Колокола». После большого успеха, который «Колокол» имел в 1859—1862 гг., в середине 60-х годов наступили значительные трудности в его издании. В условиях обострения полицейского террора в России сильно сократился приток корреспонденций в Лондон и сделался необычайно сложным и рискованным провоз изданий Вольной русской типографии в Россию.

Мысль о переносе типографии на европейский континент возникла у Герцена еще в первой половине 1863 г. Встретившись осенью этого года в Женеве с В. И. Касаткиным, В. И. Бакстом, А. А. Слепцовым, А. А. Черкасовым, Герцен сообщил им о своем намерении перенести центр вольной русской прессы из Лондона в итальянский городок Лугано (см. письма к Н. П. и Н. А. Огаревым от 3 декабря 1863 г. и к дочерям от 4 декабря). Однако в силу ряда обстоятельств, из которых решающим было опасение за судьбу типографии в условиях безграничного хозяйничанья Наполеона III в Италии, этот замысел не был осуществлен (см. Б. П. К о з ь м и н. Герцен, Огарев и «молодая эмиграция», ЛН, т. 41—42, стр. 18).

В конце декабря 1864 г.— начале 1865 г. в Женеве собрался съезд русской «молодой эмиграции», на котором присутствовал и Герцен. На этом съезде была достигнута договоренность о том, что издатели «Колокола» перенесут свою деятельность в Женеву: «Что „Кол(о)кол“ издавать в Лондоне при новом взмахе в России нельзя,— писал Герцен 4 января 1865 г. Огареву,— для меня ясно». И далее, говоря об удобствах перенесения типографии в Женеву, он мотивировал этот план тем, что «здесь перекрещиваются непрерывно едущие из и во Францию, из и в Италию, здесь многие живут и пр.».

Во второй половине апреля 1865 г. Герцен приехал в Женеву, а 25 мая того же года вышел 197-й лист «Колокола» с передовой статьей «Нашим читателям». Подчеркнув, что «географическое передвижение» не меняет существа воззрений издателей «Колокола» и его социально-политической платформы, Герцен основное внимание сосредоточил на главной задаче дня — пропаганде Земского бессловесного собрания. Идея эта давно уже высказывалась и в программных документах лондонского центра русского освободительного движения, и в личной переписке Герцена и Огарева, и на страницах «Колокола». Критически оценивая «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», осуществляемое с начала 1864 г., Огарев писал в «Колокол»: «Что нужно народу? Земля и воля. Землю, при освобождении, правительство у народа урезало. Волю оно заменяет „положением о земских учреждениях“. Неужто оно в самом деле думает, что это кого-нибудь удовлетворит?» (Ж, л. 185 от 15 мая 1864 г., стр. 1517). Положительное значение земских учреждений Герцен и Огарев видели в том, что эти учреждения открывали возможности для приближения революционных демократов к представителям крестьянской массы в новых органах местного самоуправления и тем самым облегчали развитие «гласного протеста, крепкого соединения людей в земскую силу и широкого осуществления выборного начала» (Ж, л. 187 от 15 июля 1864 г., стр. 1539).

Не удовлетворенные правительственными реформами, которые «не доделаны, неоткровенны, косы, узки», Герцен и Огарев считали, что голос народный должен получить права гражданства. «Потому-то Земский собор и составляет первую, ближайшую, насущную, неотлагаемую потребность России». Поскольку правительство не собиралось идти на предоставление земским учреждениям прав, соответствующих народным нуждам, лозунг Герцена и Огарева о бессловесном Земском собрании звучал как призыв к мобилизации масс на революционную борьбу за свои интересы.

«...Растет необходимость разъяснения социальных и экономиче-

ских, гражданских и юридических вопросов, — писал Герцен. — Это заставляет нас расширить план нашего издания». При этом успех дела Герцен ставил в зависимость от степени активности корреспондентов из России. Обращаясь ко всем, кому дорога судьба народа и России, он писал: «Просить корреспондентов нам не приходится, дело заграничной гласности столько же ваше, сколько наше — ваша совесть должна сама решить, что надобно делать».

С т р. 386. ... *Авача*... — Река на Камчатке.

«Уничтожьте крепостное право — дайте волю совести». — Слова, взятые Герценом в кавычки, являются вольным пересказом основных положений «Письма к императору Александру Второму» от 10 марта 1855 г., опубликованного в первой книге «Полярной звезды» на 1855 г. (см. т. XII наст. изд., стр. 272—274).

С т р. 387. ... *скоро перестанут бить и сечь невинных*. — 17 апреля 1863 г. Александром II был подписан закон об отмене телесных наказаний. Однако в качестве исключения из общего положения сохранялось наказание розгами для крестьян по приговору волостного суда, для солдат в дисциплинарных батальонах, а также для повторно репрессированных ссыльных и каторжан.

... *негодности прежней расправы*. — 20 ноября 1864 г. после почти двухлетнего предварительного обсуждения вступило в силу новое судоустройство: Александр II подписал указ «Об учреждении судебных установлений», а также «Устав уголовного судопроизводства», «Устав гражданского судопроизводства» и «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями». Развернутая критика проекта судебной реформы дана была Н. П. Огаревым в серии статей под названием «Разбор основных положений преобразования судебной части в России» (*Ж*, лл. 150, 151, 152, 153, 154 от 15 ноября, 1, 15 декабря 1862 г. и 1, 15 января 1863 г.).

Надтреснула цензура — защищаемой необходимостью. — 6 апреля 1865 г. были изданы «Временные правила о печати», которыми регламентировалось положение печати в России вплоть до революции 1905 г. Согласно «Временным правилам», предварительной цензуре подвергались издания, рассчитанные на широкую аудиторию и имевшие объем до 10 печатных листов. (Положение распространялось лишь на столичные издания, на периферии сохранялось в неизменном виде предварительное цензурирование литературы.) Периодические издания могли выходить без предварительной цензуры при условии внесения их владельцами крупных денежных залогов. Кроме того, издатели, редакторы и авторы несли судебную ответственность за все напечатанное и правительство после трехкратного предупреждения могло закрыть издание. «Одна из самых странных правительственных реформ, — писал по этому поводу Н. Огарев в статье «Русские реформы», — это новый цензурный устав. Тут никак нельзя понять, чего именно хотело правительство относительно печати: дать ей немножко побольше воли, или еще больше стеснить ее (...). Вообще в помеси предварительной цензуры с свободой печати — свобода печати представляет для писателя и издателя род полицейской мышеловки» (*Ж*, л. 198 от 15 июня 1865 г., стр. 1645). См. также в наст. томе статью Герцена «Первое запрещение, первое предостережение, первый суд!».

За двуперстый крест не наказывают как за душегубство — их не дозволяют, но терпят. — В царствование Николая I старообрядцы подвергались жестокому гонению. (См. С. М е л ь г о н о в. Старообрядцы и свобода совести, М., 1907, стр. 27—28. Ср. Н. О г а р е в. Гонимые за веру. — «Общее вече», № 3 от 1 сентября 1862 г.) Начало царствования Александра II отмечено некоторым внешним смягчением гонений на раскольников. Постановление от 29 мая 1855 г., как писал Н. Огарев, означало «снихождение на левой странице и преследование на правой» («Общее:

вече» от 1 сентября 1862 г., № 3). 16 августа 1864 г. был издан указ, говоривший о необходимости предоставить свободу в делах веры последователям «менее вредных сект». Была создана специальная комиссия для выработки нового положения о старообрядцах, но работала она чрезвычайно медленно, и в результате вопрос о старообрядцах остался нерешенным. Герцен и еще более Огарев уделяли раскольникам большое внимание на страницах приложения к «Колоколу» «Общее вече», видя в раскольниках потенциально революционную силу. В 29-м номере «Общего веча» от 15 июля 1864 г. было помещено письмо, подписанное «старообрядцем». В нем автор сообщал: «Свободы для обрядоисполнения официально объявленной — нет. Начальству же тайно приказано приостановить на время преследования. Иерархия же исповедующая ревет ужасно на бездействии правительства и умоляет паки о преследованиях <...> Мы не знаем, как долго продолжится подобное бездействие. Правительство занято умиротворением Польши» (стр. 129). В ответе, опубликованном в том же номере «Общего веча», Огарев писал: «Тайные льготы не верши. На время, может быть, и помягчить; но если же льготы состоят в том, что правительство на старообрядцев смотрит сквозь пальцы, то ему стоит только отнять руку от глаз и все льготы покончатся» (стр. 130).

... как известный московский полицмейстер... — Герцен намекает на генерала А. Л. Потапова, который в 1860—1861 гг. был обер-полицмейстером Москвы, а затем начальником штаба корпуса жандармов и управляющим III отделения. В статье «По поводу крешких слов г. Каткова и слабостей генерала Потапова» Герцен писал о том, что обер-полицмейстер Москвы не обращает внимания на тех, кто, как Катков, громко ругается, — его дело подслушивать, «что говорят шепотом» (т. XVI наст. изд., стр. 234).

ИКОНОБОРЕЦ И ИДОЛОПОКЛОННИК

Печатается по тексту К, л. 198 от 15 июня 1865 г., стр. 1628, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVIII*, 145) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из пометки Огарева, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л XVIII*, 439).

Принадлежность заметки Герцену подтверждается ее остро полемической направленностью против светских и церковных установлений; характерны для публицистического стиля Герцена иронические замечания, вроде: «приличные (еще бы другие!) иконы», «благочестивый губернатор рекомендует, сверх того, иметь иконы благолепные», особенно же каламбурный заголовок (ср. в повести «Доктор, умирающий и мертвые»: «Все те же идолопоклонники и иконоборцы, только иконы другие...») и в письмах «К старому товарищу»: «Иконоборцы наши не останавливаются на обыденном отрицании государства...» — т. XX наст. изд.). Неожиданная концовка — сравнение циркуляра волынского губернатора с распоряжениями «времен Эберта и Анахарсиса Клоца» — соотносится с тем, что незадолго до написания заметки Герцен читал книгу об Анахарсисе Клооте: G. A v e n e l. Anacharsis Cloots, l'orateur du genre humain, v. 1—2, 1865. 26 марта 1865 г. он писал Н. П. Огареву: «На дороге мне много помогла книга, взятая в Париже и только что вышедшая — „Anacharsis Cloots“».

В апреле 1865 г. волынский губернатор М. И. Чертков циркулярно обратил внимание начальников присутственных мест своей губернии на то, что «не во всех комнатах их помещений есть иконы», в связи с чем потребовал «строже придерживаться наружных признаков господствующей

веры», тем более, что «большинствѣ служащихъ в этихъ присутственныхъ местахъ иноверцы». Напоминая, что «иконы же и кресты римско-католическаго характера не могутъ иметь места в русскихъ присутственныхъ местахъ», губернаторъ предлагалъ «немедленно озаботиться о приобретении приличныхъ икон, чтимыхъ православною церковію», и «особенно благолепной иконы», передъ которой впредь совершать торжественныя молебствія в день святаго покровителя даннаго присутственнаго места. Какъ предполагалъ Чертковъ, «установление подобныхъ признаковъ» придастъ присутственному месту «характеръ чисто русский и православный». Этотъ циркуляръ былъ напечатанъ в газетѣ «Киевлянинъ», № 48 отъ 27 апрѣля 1865 г., а затемъ перепечатанъ в «Московскихъ ведомостяхъ», № 96 отъ 5 мая. Такого же содержанія циркуляръ былъ изданъ ковскимъ губернаторомъ Н. М. Муравьевымъ, сыномъ «Вешателя» (см. «Московскіе ведомости», № 126 отъ 11 іюня 1865 г.).

СВОЙ НАКАЗАННЫЙ ПРИНЦ

Печатается по тексту К, л. 198 отъ 15 іюня 1865 г., стр. 1628, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автографъ неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVIII*, 145—146) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки Огарева, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л XV. II*, 439).

Авторство Герцена подтверждается содержанием и стилем заметки. Именно Герцен помещал в «Колоколе» всякого рода «забавности» и «анекдоты», случавшиеся с представителями царской фамилии, в том числе и с принцем Евг. Лейхтенбергским.

Газету «Русский инвалид», как и в этой заметке, Герцен не называл иначе как «Инвадид». Употребление немецких сентенций, создающих юмористический эффект («sehr energisch!»), является одной из особенностей публицистической манеры Герцена.

«Свой наказанный принц» начинает в «Колоколе» серию заметок о романтической истории герцога Евгения Лейхтенбергского, племянника царя, пострадавшего от гнева матери — вел. кн. Марии, которая осуществляла свой надзор над сыном с помощью прусской и русской полицій.

По этому поводу шеф жандармов кн. Долгоруков писал 1 мая 1865 г. министру внутренних дел Валуеву: «Промак кн. Евгения постыден и, по-моему, требуетъ серьезнаго наказанія. Онъ уже долженъ быть в Россіи. Но что меня огорчаетъ, это то, что ему открыли дверь. Необходимо было бы не стесняться с виновнымъ, но мнѣніе это не будетъ поддержано» (*Л XVIII*, стр. 146). По соглашенію с союзной прусскою полиціею князь Романовскій былъ из Пруссіи отправленъ в Россію (см. об этомъ далее в наст. томе заметки «Графиня Строганова, строгій прусскій генерал-адъютантъ, услужливый король и влюбленный принцъ» и «Герцогъ Евгеній Лейхтенбергскій»).

Н. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ, П. ВЕТОШНИКОВ, Н. ВЛАДИМИРОВ

Печатается по тексту К, л. 199 отъ 1 іюля 1865 г., стр. 1636, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК озаглавлено: «Н. Серно-Соловьевич и пр.». Автографъ неизвестен.

Заметка носит редакционный характер. Составителем л. 199 был Герцен. 5 іюня 1865 г. Огаревъ писалъ Герцену, что онъ «с этимъ „Колоколомъ“ <193-мъ листомъ, вышедшимъ 15 іюня> не уверенъ, а с будущимъ совершенно не знаетъ, какъ сладить». Далее Огаревъ повторилъ го, что онъ не разъ

писал Герцену: «Я в твой такт для издания „Колокола“ и пр. имею полную веру, а в свой такт — ни на копейку. Я могу писать по известным вопросам, и мог бы писать гораздо лучше, если б это не в журнальной, а просто в диссертационной форме. Что ж я буду один делать?» (ЛН, т. 39—40, стр. 405—406). Герцен не заставил себя ждать. В «Смеси» 198-го листа были помещены три его заметки, а уже 15 июня он писал Огареву из Буасьера: «„Колокол“ готов и полон (т. е. новый, 1 июля), может выйти 22 или 23».

Обещание возвратиться к делу Серно-Соловьевича Герцен исполнил в следующем листе, в передовой статье, подписанной им: *И — P.*

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (Л XVIII, 157).

В тексте и заглавии статьи нами исправлена опечатка: Н. Владимиров *вместо неверного* И. Владимиров (речь идет о Николае Михайловиче Владимирове, осужденном за провоз из Лондона запрещенных изданий).

ЧТО ГОРОД, ТО НОРОВ

Печатается по тексту *K*, л. 199 от 1 июля 1865 г., стр. 1636, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется тематикой заметки: продолжающиеся казни в Польше, жестокость царя Александра II. Используя материал, приведенный в заметке «Что город, то норов», Герцен писал в следующем листе *K* в статье «Дело Серно-Соловьевича»: «Огорченного государя хотели оставить в подозрении, что он смягчил участь приговоренных, но е. в. заговелся на трех разбойниках, которых великий князь заставил разыграть ролю повешенных». Характерен для публицистических приемов Герцена и саркастический заключительный вопрос: «Неужели для царского дома, и после смерти, разбойники ближе к душе, чем повстанцы?» Об участии Герцена в составлении 199-го листа «Колокола» см. выше, в комментарии к заметке «Н. Серно-Соловьевич, П. Ветошников, Н. Владимиров».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (Л XVIII, 157)

Стр. 391. В газете «Кавказ» пишут *о б р я д п о в е ш е н и я* *трех преступников*. — Далее дословно воспроизводится цитата из корреспонденции «Помилование», напечатанной в тифлисской газете «Кавказ» 6(18) мая 1865 г. Слова «обряд повешения», подчеркнутые Герценом, заимствованы им из этой корреспонденции, написанной в официально-патетическом стиле.

... мы читаем в русских газетах, что в местечке Соколове 11 мая были повешены ксендз Б р ж о с к о и В и л ь ч и н с к и й. — В начале апреля 1865 г. были захвачены в плен командир одного из последних польских отрядов ксендз Бржоско и его помощник Вильчинский. Русские реакционные газеты приветствовали разгром отряда Бржоско как победу русского оружия (см. «Последний из повстанцев» — «Московские ведомости», № 89 от 27 апреля 1865 г.). Бржоско и Вильчинский по приговору военного суда были казнены 11 мая 1865 г. (см. «Московские ведомости», № 108 от 20 мая 1865 г.).

ГРАФИНЯ СТРОГОНОВА, СТРОГИЙ ПРУССКИЙ ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТ, УСЛУЖЛИВЫЙ КОРОЛЬ И ВЛЮБЛЕННЫЙ ПРИНЦ

Печатается по тексту *K*, л. 199 от 1 июля 1865 г., стр. 1636, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки, подчеркнутым употреблением первого лица в единственном числе («Магдебург, думаю я, т. е. не я, а немец», «Нациян. газетны»), которое в редакционных статьях «Колокола» позволял себе один Герцен. В пользу принадлежности заметки Герцену свидетельствуют также особенности ее тематики и стиля.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVIII, 158—159).

Стр. 392. ... Но на беду у нас, как у Новдрева, и по эту сторону границы Россия и по ту Россия и та же полиция. — В «Мертвых душах» Ноздрев говорит Чичикову о своих владениях: «Вот граница!... все, что ни видишь по эту сторону, все это мое, и даже по ту сторону, весь этот лес, который вон синет, и все, что за лесом, все это мое» (Н. В. Гоголь. Мертвые души, т. I, гл. IV).

... Русский народный смысл ∞ известная поговорка. — По-видимому, речь идет о поговорке: «В животе и в смерти царь не волен»!

Стр. 393. ... граф Амурский ∞ Почему выбор пал на Буткова — этого мы не знаем. — Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев получил титул графа Амурского за расширение границ Российской империи до реки Амур. Каламбур Герцена построен на французском значении слова amour — любовь. Об амурных похождениях государственного секретаря В. П. Буткова в обществе ходило множество анекдотов.

О НАРОДНОЙ ЛЕТОПИСИ

(ПОПРАВКА)

Печатается по тексту К, л. 199 от 1 июля 1865 г., стр. 1636, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК озаглавлено: «Народная летопись». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется на основании связи этой «поправки» с заметкой «Народная летопись», напечатанной в л. 197 «Колокола» (см. наст. том). Редакционный характер заметки, при учете того факта, что Герцен составлял «Смесь» л. 199 (см. комментарий к заметке «Н. Серно-Соловьевич, П. Ветошников, Н. Владимиров»), подтверждает авторство Герцена. Министр внутренних дел Валусев был предметом постоянных обличений Герцена.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XVIII, 159).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТАЙНА

Печатается по тексту К, л. 199 от 1 июля 1865 г., стр. 1636, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется тематикой заметки, сообщающей о разрешении курить на улицах Петербурга, что ранее не дозволялось (ср. неоднократные шутки Герцена об этом в заметках 1858 — 1861 гг.; подборку цитат на эту тему см. в т. XV, стр. 361—362). Каламбур об «общественных слугах, называемых частными приставами», совершенно в духе Герцена (ср. в статье 1858 г. «Еще и еще раз: «До частных дел мы не касаемся никогда, а если говорили о Мине Ивановне <Бурковой>, то это не частное, а публичное дело» и в фельетоне 1867 г. «Антракт и horsd'œuvre»: «... частный дом, так называемый потому, что он общий полицейский»).

ДЕЛО СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА

Печатается по тексту *К*, л. 200 от 15 июля 1865 г., стр. 1637—1638, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р*. Этой статьей открывается лист *К*. Автограф неизвестен.

Николай Александрович Серно-Соловьевич, один из создателей и руководителей «Земли и воли», был арестован в тот же день, что и Чернышевский, — 7 июля 1862 г. в связи с письмами к нему Герцена, Огарева и В. И. Кельсиева, захваченными при аресте у П. А. Ветошникова (см. в наст. томе комментарии к примечанию Герцена при публикации «Дела Н. Г. Чернышевского»). Арестованный был заключен в Петропавловскую крепость.

Герцен очень болезненно реагировал на полученное им известие об аресте Н. А. Серно-Соловьевича и Чернышевского (см. заметку «Хроника террора» в т. XVI наст. изд.). Тогда же в письме к Е. Салиас де Турнемир Герцен писал: «Страшно больно, что С(ерно)-С(оловьевича), Чер(нышевского) и других взяли. Это у нас не закрывшаяся рана на сердце» (письмо от 21 августа 1862 г.).

Н. А. Серно-Соловьевич явился центральной фигурой в «процессе 32-х», обвиняемых в сношениях с «лондонскими пропагандистами». В. И. Касаткин в письме к Герцену от 15 ноября 1862 г. сообщал: «Из России вести мрачнее и мрачнее. В прошлом месяце брали дворника и прислугу дома С(ерно)-С(оловьевича) для расспросов <...> Первый допрос Серно-Соловьевича был в конце прошлого месяца. Он бодр духом и спокоен до-мельзя; судя по его письмам из крепости, для обвинения его и Чернышевского велено составить выдержки из их печатных произведений. Верно уже и компилятора искusstника подберут» (*ЛН*, т. 41—42, стр. 53—54).

26 декабря 1863 г., в письме к брату Н. А. Серно-Соловьевича Александру Герцен писал: «Мы знаем о вашем брате и о Чернышевском, лишь бы физические силы выдержали». Огарев в этом же письме сделал приписку: «Пишите, что знаете о брате. Он не выходит у меня из памяти, я его бесконечно люблю» (*ЛН*, т. 67, стр. 744).

Н. А. Серно-Соловьевич вел себя на следствии исключительно стойко и с большим достоинством (см. Мих. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», стр. 105—106). В двух «Прошениях» на имя Александра II, написанных 12 и 26 января 1864 г., Н. А. Серно-Соловьевич высказывает смелые суждения, которые ничего общего не имели с какими-либо просьбами о снисхождении, к чему, казалось бы, обязывал автора характер его обращения. «В мою недолгую, но не бедную деятельностью жизнь, — писал Н. А. Серно-Соловьевич, — руководящими началами всех моих действий были: любовь к отечеству и прочие нравственные правила» (там же, стр. 185). Чрезвычайно показательны высказывания арестованного о личных связях с редакторами «Колокола» и его симпатиях к ним. «С Герценом и Огаревым, — писал Н. А. Серно-Соловьевич, — я познакомился в Лондоне <...> Личное знакомство представило мне Герцена и Огарева в новом свете. Я увидел, что это не увлекающиеся люди и не фанатики. Их мнения выработаны размышлением, изучением и жизнью; такого рода мнения всегда добросовестны» (там же, стр. 189). На вопрос следственных органов, почему он не донес о желании Кельсиева распространить свои произведения в России, Н. А. Серно-Соловьевич отвечал: «Мои обязанности верноподданного определяются положительным законом и совестью. Там, где их требования расходятся, где приходится поступаться ими против закона или против совести, я всегда действую по внутреннему убеждению. Извещать правительство о мыслях, высказанных у меня в доме моим гостем, я считаю противным своей совести» (там же, стр. 209). Таков был на следствии этот «последний, — по определению Герцена, — русский маркиз Поза».

О ходе следствия Н. А. Серно-Соловьевич сумел сообщить Герцену и Огареву в конспиративном письме, написанном в начале 1864 г. и переданном, по всей вероятности, через А. А. Рихтера (*ЛН*, т. 62, стр. 552—561).

Герцен очень высоко ценил Н. А. Серно-Соловьевича и как человека, и как борца за народное дело. Выступая в его защиту, он обратился с гневными словами обвинения в открытом письме к Александру II (наст. том, стр. 340). 25 мая 1865 г., печатая в *К* свое письмо к царю, Герцен еще не знал, что уже 30 марта 1865 г. Александр II подписал приговор по «делу 32-х». Видимо, только во второй половине июня 1865 г. Герцен узнал об этом из официальных столичных газет: 1 июля 1865 г. в 197-м листе «Колокола» он сообщил о том, что состоялось публичное объявление приговора Н. А. Серно-Соловьевичу, П. А. Ветшникову и Н. М. Владимирову, добавив: «Мы возвратимся к приговору в следующем листе» (см. наст. том, стр. 391). 200-й лист «Колокола» от 15 июля 1865 г. открывается статьей Герцена «Дело Серно-Соловьевича». В примечаниях к ней был перепечатан опубликованный в русских газетах приговор сената, «мнение Государственного совета» с надписью царя: «Быть по сему», а также выдержка из «Ведомостей С.-Петербургской городской полиции», извещавших о публичном объявлении приговора.

Статья «Дело Серно-Соловьевича» явилась уничтожающим разбором приговора по «делу 32-х» и одновременно блестящей характеристикой осужденного руководителя «Земли и воли».

В том же листе «Колокола» был помещен «Протест В. Касаткина» (осужденного по делу о лицах, связанных с лондонскими пропагандистами, к лишению всех прав состояния и вечному изгнанию из России), где также говорится о Серно-Соловьевиче.

Вновь и вновь возвращаясь к «делу» Н. А. Серно-Соловьевича, Герцен в письме к сыну от 11 августа 1865 г. писал: «Серно-Соловьевич держал себя благородно до-нельзя и даже когда читали сентенцию „по просьбе матери“ сказал: „Я ее об этом не просил“». Несколько позднее Герцен повторил свою высокую оценку поведения подсудимого: «Серно-Соловьевич, как мы и знали, везде, во всем вел себя удивительно» (см. наст. том, статью «Болтовня с дороги», стр. 412).

На преждевременную смерть Н. А. Серно-Соловьевича Герцен откликнулся в статье «Иркутск и Петербург» (т. XIX наст. изд.).

Стр. 395. ... *сказал один из членов Государственного совета...* — Слова эти, судя по позднейшим высказываниям Герцена (см. в наст. томе статью «Болтовня с дороги» и письмо к сыну от 11 августа 1865 г.), приписывались кн. А. А. Суворову — петербургскому военному губернатору, пользовавшемуся репутацией большого либерала. Как вспоминает Н. В. Шелгунов, Суворов имел случай раньше познакомиться с Н. А. Серно-Соловьевичем и был поражен его обаянием и высокой образованностью (Мих. Лемке. *Очерки освободительного движения «шестидесятых годов»*, СПб., 1908, стр. 42). О знакомстве с кн. Суворовым Серно-Соловьевич упомянул в своих показаниях в декабре 1862 г. (там же, стр. 144).

... *прислать нам с сенатскую записку этого дела.* — Получил ли Герцен сенатскую записку по «делу 32-х», сказать трудно. В статье «Иркутск и Петербург» (см. т. XIX наст. изд.) он, возмущаясь расправой над Н. А. Серно-Соловьевичем, писал: «Прочтите сенатскую записку и всплесните руками». Однако то обстоятельство, что сенатская записка о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами, не была опубликована ни в «Колоколе», ни в других изданиях, дает основание предполагать, что Герцен писал о «приговоре», который напечатан в официальных газетах и в «Колоколе».

Сенатское стадо побрело назад. — Герцен имеет в виду следующие пункты приговора: «Правительственный сенат, рассмотрев дело о разных

лицах, обвиняемых в противозаконных сношениях с лондонскими изгнанниками, между прочим определил: 1) Отставного надворного советника Николая Серно-Соловьевича, 29 лет, за участие в злоумышлении с лондонскими пропагандистами против русского правительства, за распространение заграничных сочинений их преступного содержания, за дачу у себя убежища неосужденному государственному преступнику Кельсиеву с знанием преступных его замыслов и за дерзостное порицание действий правительства и самого образа правления <...> лишить всех прав состояния и сослать на каторжную работу в крепостях на 12 лет, а затем поселить в Сибири навсегда; 2) Отставного коллежского секретаря Павла Ветошникова 33 лет и 3) Почетного гражданина Николая Владимировича, 26 лет, за пособничество пропагандистам в сношениях их с соумышленниками и за пособничество в распространении преступных их сочинений <...> лишить всех прав состояния и сослать в каторжную работу на заводах, на восемь лет, а затем поселить в Сибири навсегда; но принимая во внимание раскаяние их, ходатайствовать перед его императорским величеством о смягчении им сего наказания тем, чтобы по лишении всех прав состояния сослать в Сибирь навсегда».

Государственный совет не только закрепил это отступление «сенатского стада» (по выражению Герцена) в отношении Ветошникова и Владимировича, но и признал возможным «во внимание к просьбе матери Серно-Соловьевича и особым обстоятельствам этого дела, всеподданнейше ходатайствовать о смягчении участи этого подсудимого. Вследствие сего государственный совет мнением положил: 1) Участь отставных: надворного советника Николая Серно-Соловьевича и коллежского секретаря Павла Ветошникова повергнуть монаршему милосердию с представлением, не благоудобно ли будет его императорскому величеству высочайше повелеть: подсудимых сих по лишении всех прав состояния, не ссылая в каторжную работу, послать в Сибирь навсегда» (Ж, л. 200 от 15 августа 1865 г., стр. 1637—1638).

...в чем состояли его неосужденные преступления до поездки его в Россию... — О несекретном пребывании В. Кельсиева в России в марте — мае 1862 г. под именем турецкого подданного Василия Яни с целью установить прочные связи с раскольниками и содействовать распространению изданий вольной русской прессы стало известно правительству из его писем, отобранных у П. Ветошникова.

Стр. 396. *...и затем выслать за границу.* — Герцен почти дословно передает данные «приговора» об Артуре Бени (Ж, л. 200 от 15 июля 1865 г., стр. 1638).

...нашего негавбенного Саула... — Так Герцен называл императора Николая I.

Приговор пред намеренно напечатан вслед за похоронами наследника с приговором Ганценбаха, востроумно прибавленный в газетях к приговору Серно-Соловьевича... — Извещение о том, что 2(14), 3(15), 4(16) июня будет публично объявлен приговор Н. Серно-Соловьевичу, затем П. Ветошникову и Н. Владимирову, появилось 2(14) июня 1865 г. в 118-м номере «Русского инвалида». Там же был помещен приговор вольноопределяющемуся врачу И. И. Ганценбаху, осужденному «за пособничество и составлении фальшивых документов» (ср. «Болтовню с дороги», стр. 412). За два дня до этого в № 116 «Русского инвалида» от 30 мая 1865 г. в разделе «Внутренние известия» было помещено сообщение «О панихидах в Петропавловском соборе и погребении тела <...> цесаревича Николая Александровича».

Стр. 397. *...заговоря на трех разбойниках, которых великий князь вставил разыграть роль повешенных.* — См. в наст. томе заметку «Что город, то норы».

Их отстоял один из членов Государственного совета... — Герцен имеет

в виду члена Государственного совета генерал-адъютанта В. И. Назимова, бывшего виленского, гродненского и ковенского генерал-губернатора, уволенного в отставку 1 мая 1863 г., так как его действия по подавлению польского восстания были признаны недостаточно решительными. В статье «Катков и государь» (т. XIX наст. изд.), говоря о предстоящем процессе ишутинцев, Герцен писал: «Суд будет составлен не из судей, а из людей старых, глухих, без малейшего понимания дела и с большим запасом раболепства и желанья выслужиться. Но, может, в их числе замешается, как в деле Петрашевского, какой-нибудь честный старик Набоков или как в деле Серно-Соловьевича Назимов...»

...разных немецких нахлебников вроде Петра Ольденбургского. — Видимо, Герцен имел сведения о неблагоприятном поведении принца П. Г. Ольденбургского во время процесса 32-х. Многочисленные отзывы Герцена об этом тупом и бездарном мракобесе, управлявшем с 1860 г. IV отделением императорской канцелярии и заведовавшем воспитательными учреждениями, см. в статьях и заметках 1861—1862 гг. (т. XV и XVI наст. изд.).

...целовавший Серно-Соловьевича губами князя Орлова... — В сентябре 1858 г. Н. А. Серно-Соловьевич, будучи тогда мелким чиновником Главного комитета по крестьянскому делу, имел смелость проникнуть в императорский парк в Царском селе и вручить лично Александру II письмо, в котором говорил о непростительном обмане и волоките, сопровождающих подготовку крестьянской реформы, и о тревожном положении дел в стране. Александр II наложил на записке Н. А. Серно-Соловьевича резолюцию следующего содержания, адресованную в первой части к председателю Государственного совета князю А. Ф. Орлову: «Призовите его, — писал Александр II, — поблагодарите его от моего имени. Скажите ему, что я не только на него не сержусь, но искренно благодарю за откровенное изложение настоящего положения дел, хотя пылкость юношества и повела его, может быть, слишком далеко» (Мих. Л е м к е. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», СПб., 1908, стр. 50). В соответствии с этим распоряжением А. Ф. Орлов, как свидетельствует хорошо осведомленный современник, вызвал к себе Н. А. Серно-Соловьевича и, передав благодарность императора, сказал, что Александр II «приказал тебя поцеловать» (Г. Щ е р б а ч е в. Идеалы моей жизни. М., 1895, стр. 198—200. Ср. «Из далекого прошлого» Л. П. Шелгуновой, СПб., 1901, стр. 110—111). Герцен трижды упоминает об этом случае: в статье «Новая фаза в русской литературе», в письме к Александру II 1865 г. и, наконец, в настоящей статье.

ВСЕ ЕЩЕ ГОРИТ РОССИЯ

Печатается по тексту *К*, л. 200 от 15 июля 1865 г., стр. 1644, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Принадлежность Герцену этой заметки определяется ее тематикой, особенно близкой интересам Герцена той поры (пожары и «поджоги» в России) и некоторыми характерными особенностями языка и стиля. В этом отношении особенно показательны строки о «полиции со всеми ее частными и общими приставами, гражданскими, военными губернаторами и военными генерал-губернаторами» и «всей этой журнальной сволочи алармистов, всех этих нравственных отравителей общественного мнения» (ср. в фельетоне 1867 г. «Антракт и hors-d'œuvre»: «частный дом, так называемый потому, что он общий полицейский» — т. XIX наст. изд.).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XVIII, 170).

СТАРОВЕРЫ И ЕВРЕИ

Печатается по тексту *К*, л. 201 от 1 августа 1865 г., стр. 1652, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется тематикой заметки (подавление восстания в Литве). При этом материал заимствован из «Kölnische Zeitung», данные которой в «Колоколе» обрабатывал обычно Герцен. Характерная концовка («Pas de rêveries!») и строки: «Так и пахнуло съезжей и Николаем» подтверждают авторство Герцена. В статье «Донос на „СПб. ведомости“» (т. XVII наст. изд.) Герцен писал, разоблачая Каткова: «Вот что значит потеряться на съезжей!». Обличение русского правительства, его «в кровь и мозг вошедшей, фельдфебельской страсти к регламентации» прямо перекликается с тем, что писал Герцен в статье «Pas de rêveries, ведущее к faux pas!»: «Эк эта фельдфебельская немочь как взошла в кровь нашей царской фамилии» (т. XIV наст. изд., стр. 201). Упоминание о Шварценберге и австрийском правительстве перефразирует и развивает то, что писал Герцен еще в 1855 г. в объявлении о «Полярной звезде»: «Австрия была до того обязана Николаем, что хотела, по словам Шварценберга, удивить мир своей неблагодарностью. Это много значит в классической стране коварства и неблагодарности!» (т. XII наст. изд., стр. 267) и в 1864 г. в заметке «Австрия на коленях» (см. наст. том).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia и напечатано без «Приказа Варшавского обер-полицеймейстера»: (Л XVIII, 170).

Стр. 399. ... в Литве начались снова невыносимые гонения на старообрядцев ∞ лицемерной преданности...— Сведения о преследовании старообрядцев в литовских губерниях широко публиковались с середины 1865 г. и в русской легальной печати. Так, в начале июня «Московские ведомости» перепечатали из «Ковенских губернских ведомостей» предположение главного начальника Северо-Западного края ковонскому губернатору, в котором сообщалось о «значительном числе подаваемых старообрядцами жалоб на притеснения их» в Литве (№ 125 от 10 июня 1865 г.). Гонения на старообрядцев, которые не прекращались, несмотря на поддержку, оказанную старообрядцами русским военным властям во время польского восстания, явились темой одной из передовых статей «Московских ведомостей» (№ 120 от 4 июня).

За раскольников урок евреям.— Критикуя правительство за недостаточно активную руссификацию еврейского населения, вследствие чего евреи оказались сочувствующими полякам во время восстания, Катков предлагал ускорить руссификацию еврейства (см., например, передовую статью «Московских ведомостей», № 97 от 6 мая 1865 г. и др.).

Стр. 399—400. *Приказ варшавского обер-полицеймейстера* ∞ («Рус. инв.»).— Напечатан в газете «Русский инвалид», № 141 от 29 июня 1865 г.

LA BOURSE OU LA VIE!

Печатается по тексту *К*, л. 201 от 1 августа 1865 г., стр. 1652, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVIII, 171) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается запиской Чернецкого» (Л XVIII, 440).

Авторство Герцена подтверждается тем, что заметка построена на материале газеты «Le Nord» (№ 204 от 23 июля 1865 г.), обработкой которой для «Колокола» обычно занимался Герцен. Новый рекрутский набор

в Польше, использованный царским правительством как удобное средство расправы с революционно настроенной молодежью, был постоянной темой герценовских обличений. Завершается заметка характерной для Герцена концовкой: «*pas de réveries!*»

〈ОФИЦЕР БЕЙДЕМАН〉

Печатается по тексту *К*, л. 201 от 1 августа 1865 г., стр. 1652, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи и заголовка. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Заметка представляет собою запрос, напечатанный от имени издателя «Колокола» Гарибальдиец М. С. Бейдеман был наборщиком Вольной русской типографии — естествен интерес к нему Герцена. Авторство Герцена подтверждается и тем, что все остальные заметки в «Смеси» 201 листа принадлежат ему.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVIII*, 171).

Печатный запрос Герцена о судьбе М. С. Бейдемана был вызван отсутствием вестей о нем после его отъезда из Лондона в Россию. Предположение Герцена о том, что Бейдеман находится в тюрьме, полностью подтвердилось, но трагическая судьба его в течение многих десятков лет оставалась тайной. Только специальные разыскания в секретных архивах III отделения, ставшие возможными в советское время, раскрыли историю гибели Бейдемана (П. Е. Щегелев. Тайственный узник. — «Былое», 1919, № 14, стр. 152—208; *Л XI*, стр. 429—461).

15 июля 1860 г. двадцатилетний поручик драгунского полка М. С. Бейдеман по политическим соображениям эмигрировал из России. Судя по его письмам к родным, он принимал участие в действиях одного из отрядов Гарибальди, хотя в своих тюремных показаниях и отрицал этот факт. Затем в конце октября 1860 г. Бейдеман приехал в Лондон, где поступил наборщиком в Вольную русскую типографию и работал под фамилией Дубровина. В конце мая 1861 г. он решил вернуться для революционной работы в Россию. 18 июля 1861 г. при переходе границы Бейдеман был задержан на финской станции Корво. 18 августа он был доставлен в Петербург и 29 августа, согласно телеграфному распоряжению Александра II, заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. При обыске у Бейдемана нашли текст подложного манифеста за подписью вымышленного императора Константина, призывавшего крестяна к свержению Александра II.

27 сентября 1861 г. последовало распоряжение содержать Бейдемана в Алексеевском рavelине «впредь до особого распоряжения». Двадцатилетнее одиночное заключение привело Бейдемана к психическому разрушению, вследствие чего 3 декабря 1881 г. он был переведен в Казанскую больницу для умалишенных, где и умер 5 декабря 1887 г. История гибели М. С. Бейдемана послужила основой для романа О. Д. Форш «Одеты камнем» (1923).

РУССКИЙ ПРОГРЕСС

Печатается по тексту *К*, л. 202 от 17 августа 1865 г., стр. 1660, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке с произвольным отнесением названия статьи лишь к первой из трех заметок, объединенных заголовком «Русский прогресс» (*Л XVIII*, 180—181), и со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки Тхоржевского, хранящейся в архиве семьи

Герцена» (Л XVIII, 440). Принадлежность заметок Герцену подтверждается его письмом к Огареву от 12 августа 1865 г. «Огарев, помни,— писал Герцен,— что к следующему № у меня ничего нет. Я вывез все женевские <№№ 197—201>, теперь заставь себя и Николадзе. Долго вещей о процессе Серло-Соловьевича можно печатать и «смесь» я составляю, но существенной pièce de résistance нет» (курсив наш).

Заголовок «Русский прогресс» полемически заострен против «Московских ведомостей». В передовой № 3 от 5 января 1865 г. эта газета спорила с утверждением «Indépendance belge» от 10 января (нового стиля) 1865 г. о том, что в России в 1861—1862 гг. был прогресс, а затем наступила полоса реакции. «Московские ведомости» спрашивали: «В чем же заключался этот прогресс 1862 года? В том ли, что <...> все русское общество, от мала до велика, с трепетом или с сочувствием внимало голосу лондонского „Колокола“?» По мнению Каткова, 1864—1865 годы были более прогрессивные, чем 1861—1862. В своей заметке, ссылаясь на разные факты, Герцен показывал, что представляет собою «прогресс», о котором трактует Катков.

Стр. 402. В газете «Dziennik Warszawski» помещено следующее объявление *∞ хотя бы они были родом из империи*.— Объявление дословно перепечатано в К из 144 номера «Московских ведомостей» от 3 июля 1865 г. (из раздела «Последняя почта»). Курсив Герцена.

Стр. 403. *Курляндское дворянство ∞ постановило ∞ распространить такое право на все сословия*.— Решение курляндского дворянства, о котором говорится в заметке, было принято 12 июня 1865 г. (старого стиля). Герцен использовал сообщение об этом «Московских ведомостей», № 135 от 22 июня 1865 г.: «„Рижская газета“ извещает, что курляндское дворянство в собрании братской конференции 12-го июня постановило ходатайствовать перед правительством об уничтожении исключительно принадлежащего матрикулированному дворянству права приобретать дворянские имения, с тем, чтобы распространить это право на лиц всех сословий».

Городское общество Ярославля ∞ запрещает курить на улицах.— В № 124 «Московских ведомостей» от 9 июня 1865 г. в разделе «Последняя почта» сообщалось: «Из Ярославля пишут в „С.-Петербургские ведомости“, что там в последнее время начали ходить тревожные слухи о поджогах». В этой связи и находилось, очевидно, постановление Городского общества Ярославля, запрещавшее курить на улицах, несмотря на принятое 1 июля 1865 г. Государственным советом разрешение (см. заметку Герцена «Государственная тайна» в наст. томе и «Le Nord», № 202 от 21 июля 1865 г.).!

«КИЕВЛЯНИН»

Печатается по тексту К, л. 202 от 17 августа 1865 г., стр. 1660, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М.^г К. Лемке (Л XVIII, 182) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки Тхоржевского, хранящейся в архиве семьи Герцена» (Л XVIII, 440). Авторство Герцена подтверждается его собственным свидетельством о том, что он составлял «Смесь» 202 листа (см. комментарий к заметкам «Русский прогресс»).

Корреспонденция, на которую обратил внимание Герцен, была перепечатана в «Московских ведомостях», № 155 от 16 июля 1865 г., в разделе «Последняя почта». В «Киевлянине» (№ 78 от 6 июля 1865 г.) корреспонденция называлась «Из Житомира (письмо в редакцию одного из редакторов „Киевлянина“)

〈ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ〉

Печатается по тексту «La Cloche», № 64, где опубликовано с редакционным вступлением: «Nous avons envoyé à toute la presse belge la lettre suivante; nous remercions les journaux qui l'ont insérée» («Мы разослали всей бельгийской прессе следующее письмо; приносим благодарность газетам, перепечатавшим его»). В конце августа 1865 г. было отпечатано в Вольной русской типографии в виде отдельной гранки (Л XVIII, 440); нынешнее местонахождение гранок, имевшихся в распоряжении М. К. Лемке, неизвестно. Разночтений между текстом гранки, воспроизведенной в изд. Лемке, и текстом «La Cloche» — нет, за исключением даты, отсутствующей в «La Cloche»). Разосланное во многие газеты, появилось 2 сентября в «Le Siècle», 3 сентября — в «L'Opinion Nationale», 10 сентября — в «La Rive gauche», «Kölnische Zeitung», польски в № 71 «Ojczyzna». Об этом своем обращении в иностранные газеты упоминает Герцен в письме к Н. А. Огаревой от 29 августа 1865 г.: «Надобно только издать „Колокол“ и разослать „письма“».

В архиве Герцена сохранилась вырезка из брюссельской еженедельной газеты «La Rive gauche» от 10 сентября 1865 г. Перепечатав письмо Герцена, редактор газеты Л. Фонтен предварял публикацию словами: «Вот письмо благородного человека и великого гражданина», а в заключении отметил: «Этот язык, полный твердости и достоинства, может обойтись без комментариев, он обладает неотразимой убедительностью» (ЛН, т. 63, стр. 800).

Парижская умеренно-либеральная газета «Le Siècle», издававшаяся в 1865 г. под редакцией Ж. Симона, помещая письмо Герцена, тем самым продолжала полемику с «Московскими ведомостями», обвинявшими поляков в «политическом поджигательстве». В европейской прессе за июль месяц был напечатан ряд польских корреспонденций, доказывавших непричастность поляков к пожарам и даже намекавших на «махинации» самих местных русских властей. В ответ на эти корреспонденции, помещенные в «Morning Post», «Le Mond», «Journal des Debats», «Opinion Nationale» и др., в № 157 «Московских ведомостей» (18 июля 1865 г.) появилась редакционная статья, содержащая прямые обвинения польской революционной партии в фанатическом поджигательстве.

27(15) июля «Le Siècle» поместила статью Анатоля де-ла Форжа, утверждавшую, что московское правительство предписывает своим журналам доказать соучастие в этих пожарах франко-польского комитета в Париже: «Пожарами русские добиваются теперь умиротворения Польши». «Московские ведомости» (№№ 180—181, 183 от 18, 19, 21 августа) в редакционных статьях продолжали утверждать виновность в пожарах польской революционной партии, а также «агенции в Тульче» и самого Герцена, весьма безапелляционно полемизируя по этому поводу и с «Le Siècle», и с «Indépendance belge». Через два дня после публикации письма Герцена в «Le Siècle» появилась статья А. Мартена «Les incendies de Pologne», высмеивающая абсурдность обвинения Герцена.

Печатается по тексту *К*, л. 203 от 1 сентября 1865 г., стр. 1661—1662, где опубликовано впервые, с подписью: *Александр Герцен*. Этой статьей открывается лист *К*. Автограф неизвестен.

Клеветническая редакционная статья «О псжарах в Северо-Западном крас», вызвавшая гневный протест Герцена, появилась в газете «Виленский вестник», № 170 от 5 августа 1865 г. В «Русском инвалиде», «Московских ведомостях» и др. газетах статья была перепечатана с некоторыми изменениями и дополнениями. Так, в «Виленском вестнике» «шайка самых красных русских революционеров» была прямо (в скобках) названа «герценовская», а в «Русском инвалиде» и «Московских ведомостях» вместо «герценовская» стояло: «Молодая Россия».

В течение июля — августа 1865 г. почти в каждом номере «Виленского вестника» и «Варшавского дневника» печатались сведения о псжарах в западных губерниях. Официальные данные не свидетельствовали, однако, о политических причинах поджогов и если и признавали злоумышленный поджог, то обвиняли в этом местных жителей. Редакционная статья в «Виленском вестнике» от 5 августа появилась вне какой бы то ни было связи с следствиями по делам о псжарах. Очевидно, редакция располагала сведениями из другого источника.

11 марта 1865 г. в Варшаве полицейскими властями был арестован некто Михаил Серватовский, который оказался польским эмигрантом Владиславом Рудницким. Находясь под следствием, он дал обширные показания о деятелях польского восстания. «Собственно ручное показание Михаила Серватовского, оказавшегося инженер-поручиком Владиславом Рудницким», ныне хранится в числе «Материалов по польскому восстанию» в Отделе рукописей Ленинградской Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (м. сб этом *Л* XVIII, 188—189).

На вопрос, не знает ли он чего о причинах псжаров в России, Рудницкий показал следующее: «Между эмигрантами польскими есть тайная шайка поджигателей; средоточие ее в Швейцарии, а затем в Париже и в Турции. Когда эта шайка создавалась и с какого времени действует, я этого не знаю». Со слов некоего Гуттары Рудницкий утверждал, что эта шайка поджигателей «находится под покровительством Лондонского общества „Ognisko rewolucyjne“», и «снискает с русскими революционерами кажется, через Владимира Миловича». Касаясь Константинополя, Рудницкий писал: «Я слышал, но не помню уже от кого, <... > что там агент тайного общества поджигателей некто Рык только помогает в этой работе русской шайке поджигателей, которую называют агенцией Герцена в Тульче. Эта русская шайка, распространяемая в Турции, занимается всякого рода пропагандою в южной части коренной России, в том числе и поджогами». Далее Рудницкий утверждал, что русский офицер-эмигрант Краснопевцев был послан Герценом в Тульчу «из Парижа» якобы с целью производить псжары. Об этом Рудницкому говорил в Париже товарищ Краснопевцева Ельчанинов. От другого лица, Мрозовицкого, Рудницкий «слышал» о каких-то деньгах, передаваемых в Тульчу.

Подводя итог своим показаниям, Рудницкий утверждал: «За границей России есть две шайки поджигателей-революционеров: 1) шайка польских эмигрантов, 2) шайка самых красных русских революционеров. И тем и другим помогает лондонское общереволюционное общество „Ognisko rewolucyjne“ преимущественно денежными средствами...».

Из этих явно недостоверных, клеветнических показаний Рудницкого и были почерпнуты сведения, опубликованные газетой «Виленский вестник».

Стр. 406. *Нам интересно будет узнать, кто этот достопочтенный банкир Т...* — В заключение своих показаний относительно пожаров в России Рудницкий написал: «При этом я должен еще заметить, что на все предприятия, как-то: разговоры на жизнь разных лиц, по преимуществу на коронованных особ, на пожары и на всю революционную работу „Ognisko rewolucyjne“ получает деньги от члена своего, сердечного приятеля Маццини, лондонского банкира Тейлора. Я это слышал от эмигрантов Скальского и Гуттары». «Виленский вестник» и «Русский инвалид» уже по собственной инициативе «уточнили», что тот же лондонский банкир и субсидировал «агентство Герцена». Русские газеты нашли, однако, нужным опустить фамилию Тейлора и обозначили ее «Т...».

Дней пять тому назад «Моск. вед.» намекали, что мы и фальшивые монетчики... — См. помещенную в том же листе «Колокола» (что и статья «От издателей») заметку «Нигиллисты— фальшивые монетчики!» (наст. том, стр. 414).

БОЛТОВНЯ С ДОРОГИ

Печатается по тексту *К*, л. 203 от 1 сентября 1865 г., стр. 1663—1664, где опубликовано впервые, с подписью *И — р.* Автограф неизвестен. Вернувшись 28 августа 1865 г. в Женеву из путешествия по Швейцарии, Герцен включил в л. 203 *К* свои путевые впечатления, озаглавив их «Болтовня с дороги».

«Болтовня с дороги», особенно вторая половина этого фельетона, органически включается в серию других памфлетных выступлений Герцена в «Колоколе», и нет никакого сомнения, что, помещая «Болтовню с дороги» в *К*, Герцен не рассматривал ее как часть какого-то другого большого произведения. Однако в 1869 г. отрывок с начала до слов: «говорит русская» (стр. 410) был перепечатан Герценом, с небольшими стилистическими изменениями, вместе с другим отрывком — «Родина в буфете» (*К*, л. 225 от 1 августа 1866 г.), под общим заголовком «Болтовня с дороги и родина в буфете», в составе восьмой части «Былого и дум» (*ПЗ*, 1869, стр. 13—15); в наст. изд.—т. XI, стр. 440—441). Вторая часть «Болтовни с дороги» не включенная в «Былое и думы» (от слов: «Мирное наслаждение горными отелями», стр. 410) ошибочно помещена в наст. изд. среди вариантов «Былого и дум» (т. XI, стр. 631—632).

В изд. М. К. Лемке первая часть входит в состав «Былого и дум», вторая напечатана среди произведений 1865 г. (*Л* XVIII, 189—191).

В настоящем томе «Болтовня с дороги», печатается полностью как совершенно самостоятельное произведение.

Во второй части «Болтовни с дороги» наибольший интерес представляет отрывок «О деле Серно-Соловьевича», который непосредственно примыкает к одноименной статье Герцена, дополняя ее новыми данными о финале процесса. Заключительные строки, извещающие о судьбе Михайлова и Чернышевского, свидетельствуют о том живом интересе, который Герцен проявлял к судьбе осужденных руководителей русской революционной демократии.

Стр. 410. ... *встречей в Интерлакене...* — Интерлакен — курортный городок в Швейцарии, в кантоне Берн, между Бриенцским и Тунским озерами, привлекавший большое количество туристов.

Стр. 411. ... *друг Муравьева...* — Имеется в виду М. Н. Катков.

Стр. 412. ... *что Тургенев с большим успехом цитировал в свою пользу отрывки из «Колокола» в посольстве.* — См. в наст. томе статью «Сплетни, копоть, нагар и пр.» и комментарий к ней.

НИГИЛИСТЫ — ФАЛЬШИВЫЕ МОНЕТЧИКИ!

Печатается по тексту *К*, л. 203 от 1 сентября 1865 г., стр. 1667, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVIII*, 192) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается запиской Огарева, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л XVIII*, 440).

Авторство Герцена подтверждается следующими фактами.

В издании 203-го листа Герцен принимал непосредственное участие. Вернувшись 28 августа в Женеву, 29 августа он писал Н. А. Огаревой: «Ехать с тобой от Лозанны до Вильнева на несколько дней совершенно согласен. Для этого надобно только издать „Колокол“». Правда, до 1 сентября, которым помечен 203-й лист «Колокола», для работы оставалось мало времени. Но, вероятно все же, номер вышел позднее. Еще 26 августа, задержавшись в пути, Герцен писал Огареву: «Если „Кол.“ опоздаст 5 дней, утешьте Тхоржевского тем, что его нигде нет: ни в Соиг'е, ни в Рагаце, ни в Лозанне, ни в Туне <Речь идет о 202 листе, помеченном 17 августа>... Кроме Георга, никто не догадается, что, вместо 1 сентября, выйдет 5. Чернецкого тоже успокойте, если он придет до Нового года» (т. е. 1 сентября).

Тематика заметки также свидетельствует об авторстве Герцена. 12 августа 1865 г., говоря в письме Огареву о растерянности русского правительства, Герцен писал: «Если б мы могли серьезно нанести удар Каткову, было бы хорошо. Я думаю об этом». Открытым «Письмом к издателю», датированным 28 августа и напечатанным тогда же в Вольной русской типографии и в начале сентября во многих европейских газетах, статьей «От издателей», датированной 30 августа и открывающей 203-й лист «Колокола», а также заметкой «Нигилисты — фальшивые монетчики!» Герцен начал эту борьбу с Катковым и его союзниками. В примечании к статье «От издателей», подписанной Герценом, уже намечена тема, развитая в заметке (см. наст. том, стр. 406).

О печатных доносах Каткова, политически дискредитировавшего своих литературных и личных врагов, Герцен писал в 1863 г. в статье «Донос на «СПб. ведомости»» (см. т. XVII наст. изд.), затем в 1864 г. в статье «Правительственная агитация и журнальная полиция» (почти в тех же выражениях, как и в комментируемой заметке: «Правительству, обществу надобно было кого-нибудь обвинить в пожарах — Катков обвинил литературных врагов своих» — наст. том, стр. 269), а также в открытом письме «В редакцию „Инвалида“» («его цель — засадить в застенок „Голос“, „Петербург. ведомости“ и других личных врагов» — наст. том, стр. 419).

В заметке дословно воспроизводится выдержка из «Московских ведомостей», за исключением курсива, в конце цитаты внесенного Герценом.

ОТЦЫ РОДНЫЕ И ВОСПИТАТЕЛИ

Печатается по тексту *К*, л. 203 от 1 сентября 1865 г., стр. 1667, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVIII*, 192) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается запиской Огарева, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л XVIII*, 440).

Авторство Герцена подтверждается тем, что заметка основана на материалах «Nord'a» (№ 236 от 24 августа 1865 г.), обработкой которых для «Колокола» занимался обычно Герцен. Содержание и стиль заметки, в частности насмешка над «Московскими ведомостями» и полный иронии заголовок, также подтверждают авторство Герцена.

ПОТОКИ КРОВИ В ТИФЛИСЕ

Печатается по тексту *К*, л. 203 от 1 сентября 1865 г., стр. 1667, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVIII, 192—193) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается запиской Огарева, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л* XVIII, 440).

Авторство Герцена подтверждается материалом заметки, заимствованным из иностранных газет (иностранные корреспонденции обрабатывал для «Колокола» обычно сам Герцен).

Стр. 415.... *официальные известия, помещенные нами в 202 л. «Колокола».*— В «Смеси» л. 202 «Колокола» была помещена заметка «Нарушение общественного спокойствия в Тифлисе», являющаяся перепечаткой корреспонденций из «Русского инвалида» (№ 159 от 21 июля 1865 г.) и «С.-Петербургских ведомостей» (№ 191 от 27 июля 1865 г.). По сведениям этих газет, волнения в Тифлисе были вызваны введением новых дополнительных налогов (на питейные дома, лошадей, глину, кирпич). Ремесленники и мелкие торговцы (амкары) в полдень 27 июня напали на дом городского головы Шермазана Вартанова и сборщика податей Бажбеук Меликова; «первый успел скрыться, а второй пал жертвой своеволия толпы». Тифлисский губернатор, генерал-от-инфантерии князь Г. Д. Орбелиани, обратился к помощи вооруженных сил. 28 июня новая волна выступлений горожан была подавлена войсками. «Жертвами этого печального события,— сообщалось в «Русском инвалиде»,— были четверо убитых и девять раненых». В л. 204 *К* была помещена новая корреспонденция «Из Тифлиса» и большая статья Рю Нели (Н. Я. Николадзе) «Июньские дни в Тифлисе», раскрывшие политические причины выступления горожан Тифлиса.

НЕУДАЧНАЯ ПРОГУЛКА, СТОИВШАЯ ДВУХ СУДОВ

Печатается по тексту *К*, л. 203 от 1 сентября 1865 г., стр. 1667, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVIII, 192) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается запиской Огарева, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л* XVIII, 440).

Авторство Герцена подтверждается содержанием и стилем заметки. Насмешка над «известным мореходом Константином Николаевичем» прямо перекликается с тем, что писал Герцен в статье «MDCCLXIII», потешаясь над «моряком Путятиным, моряком Константином Николаевичем, моряком Головинным» (т. XVII наст. изд., стр. 8).

Разговорный, просторечный стиль заметки, в каждой фразе пронизанной юмором,— характерная особенность публицистической манеры Герцена.

23 июля 1865 г. русская эскадра в составе двух броненосцев, четырех фрегатов и одного крейсера, находившихся под командованием генерал-адмирала Константина Николаевича, вышла из Кронштадта, держа курс на Швецию и Данию. Официальным предлогом этой экспедиции было испытание новых судов, только что спущенных на воду. Однако не исключается и тот политический демарш, о котором пишет Герцен,— показать шведам силу русского флота в нападении на будущее за их симпатии к полякам.

Плавание русских военных судов в шведских водах не прошло без неприятных осложнений. Вначале в проливе Баре-Зунд броненосная лодка «Смерч» из эскадры контр-адмирала Бутакова, встречавшего эскадру Константина Николаевича, наткнулась на острый камень и затонула через полтора часа; та же участь через некоторое время постигла броненосец «Латник» близ Гангоуда.

Сведения о плавании эскадры Константина Николаевича и гибели двух судов Герцен почерпнул из официальной информации, опубликованной в 163, 171, 173, 182, 185 номерах «Русского инвалида» от 27 июля, 6, 10, 20 и 24 августа 1865 г.

В РЕДАКЦИЮ «ИНВАЛИДА»

Печатается по тексту *К*, л. 204 от 15 сентября 1865 г., стр. 1669—1670, где опубликовано впервые, с подписью: *И—р*. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Статья датирована «1 сентября 1865» и не была помещена в л. 203, вышедшем около 5 сентября, очевидно, только оттого, что туда была включена статья «От издателей» на ту же тему (датирована «30 августа 1865») и что 203-й лист и без новой статьи был полон. 2 сентября, имея в виду прежде всего уже написанную статью «В редакцию „Инвалида“», Герцен писал М. К. Рейхель: «Вероятно, до вас дошли слухи о последнем коме грязи Каткова и компании: они начали меня обвинять в зажигательстве. Кричите же на весь мир, что это — вздор! Я их отшлифую 15 сентября и никак не оставлю даром». И затем 5 сентября — сыну: «В „Моск. вед.“ статья за статьей об моем участии в поджогах. С одной стороны, это показывает, что наши дела идут не худо, а с другой — мне вредит эта репутация. К тому же это клевета. Я буду их теперь жучить».

Стр. 417. *Господин Редакция...*— Редактором «Русского» инвалида» в 1865 г. был генерал-майор С. П. Зыков, военный историк, впоследствии редактор «Русской старины».

...двигаю Милютину военному ∞ допустил бесполезное преступление ∞ которое не могло не вызвать отпора.— Д. А. Милютин был военным министром; в подведомственной ему газете «Русский инвалид» была перепечатана (№ 171 от 6(18) августа 1865 г.) из «Виленского вестника» статья «О пожарах в Северо-Западном крае». См. комментарий к статье «От издателей».

...братья Милютини — эти Гонорий и Аркадий русской империи...— Герцен сравнивает братьев Д. А. и Н. А. Милютиных, из которых первый был военным министром, а второй — в 1864—1866 гг. статс-секретарем по делам Польши, с Гонорием и Аркадием, разделявшими в середине I в. н. э. власть над Западом и Востоком Римской Империи.

...ни с московского раскольника С...— К. Т. Солдатенков, старообрядец, богатый купец и книгоиздатель, по некоторым сведениям, давал деньги на издание «Общего веча»; был в 1862 г. в Лондоне на Всемирной выставке, встречался с В. И. Кельсиевым (см. «Исповедь» Кельсиева, ЛН, т. 41—42, стр. 344).

Стр. 418. *Фурнисеров* — поставщиков (франц. *fournisseur*).

Три передовые статьи в «Московских ведомостях», три сряду, о моем участии в поджигательстве...— В № 172 от 8 августа 1865 г. «Московских ведомостей» была перепечатана из «Русского инвалида» статья «Сведения о пожарах в Северо-Западном крае». Там же (как и в номерах 175 от 12 августа и 176 от 13 августа) была помещена передовая статья, обвинявшая в поджигательстве «герценистов». Свои клеветнические измышления газета повторила и в №№ 180, 181, 183 от 18, 19 и 21 августа.

...с сюнею бешеной собаки...— Стих из эпиграммы Пушкина против Каченовского:

Охотник до журнальной драки,
Сей усыпительный Зоил
Разводит опиум чернил
Сюнею бешеной собаки.

Стр. 419. ...*Бени* — за то, что не донес...— Артур Бени был приговорен в декабре 1864 г. к трехмесячному заключению и высылке из России (как иностранный подданный) за то, что не донес о приезде В. Кельсиева в Россию в 1862 г. См. о нем выше, стр. 396.

...и трубит по той методе, по которой трубил в дантовском аду один из тамошних жандармов.— Имеются в виду заключительные стихи Песни двадцать первой «Ада»:

Тут бесы двинулись на левый вал,
Но каждый, в тайный знак, главе отряда
Сперва язык сквозь зубы показал;
А тот трубу изобразил из зада.

...*выдать* ∞ *Константина Николаевича за зажигателя*...— Ср. в наст. томе статьи «Прививка конституционной оспы», стр. 324, «К концу года», стр. 466—467 и комментарий к ним.

...его цель — засадить в газеток «Голос», «Петербург. ведомости»...— Poleмика, которую «Московские ведомости» вели с петербургской газетой Краевского «Голос» (с начала его издания в 1863 г.), сильно обострилась из-за различных позиций по вопросу о пожарах. «Голос» в № 216 от 7 августа 1865 г. хоть и перепечатал корреспонденцию «Русского инвалида» о якобы обнаруженной шайке политических поджигателей, но в последующих номерах (№ 218, № 223 и др.) несколько раз высказывал сомнение по поводу «неточных» данных, которыми оперировали «Московские ведомости». Сходную позицию в этом вопросе заняли и «С.-Петербургские ведомости», редактировавшиеся в 1865 г. В. Ф. Коршем. Этой осторожно-выжидательной позиции петербургских газет было достаточно для Каткова, чтобы обвинить «Голос» в нежелании видеть факты и даже в «благоговении перед именем Герцена». Особенно острыми были нападки на «Голос» и «С.-Петербургские ведомости» в номерах 176 и 181 «Московских ведомостей» от 13 и 19 августа 1865 г.

Не можем не перепечатать из «Москов. вед.» ∞ *Баяшева*...— Письмо Баяшева под названием «Скептицизм „С.-Петербургских ведомостей“ по вопросу о поджогах» напечатано в 176-м номере «Московских ведомостей» от 13 августа 1865 г.

АГЕНТСТВО ГЕРЦЕНА В ТУЛЬЧЕ И «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Печатается по тексту К, л. 204 от 15 сентября 1865 г., стр. 1671, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется содержанием статьи и ее прямой связью с письмом Герцена к издателю «Отголосков», помещенным в л. 205 К. Принадлежность Герцену косвенно подтверждается его письмом от 17 октября 1865 г. В. И. Кельсиеву. «Между прочим,— писал Герцен,— Катков и С-не обвиняют вас, что вы с зажигателями. Вы, верно, все это читали в „Ойчизне“. Я все делал, писал вам, посылал газеты и, наконец, замолчал. Борьбу с реакционной русской печатью, которая, действуя по указке III отделения, обвинила революционную молодежь, в част-

ности Кельсиева и вымышленное «агентство Герцена в Тульче», в поджогах, вел, таким образом, сам Герцен. В клеветнических измышлениях реакционной прессы он увидел серьезную опасность для революционного лагеря. Именно поэтому «поджоги» в России стали одной из центральных тем герценовской публицистики 1865 г.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVIII*, 203—205).

Тульча — город в Добрудже на правом берегу южного рукава Дуная (нынешняя Румыния), в котором издавна селились выходцы из России: старообрядцы (липованы), некрасовцы (потомки участников булавинского бунта 1707 г.), армяне и черкесы. Русское население в Тульче составляло в середине XIX в. около 3000 человек. В сороковых и пятидесятых годах польские эмигранты неоднократно выступали в Добрудже, агитируя против русского правительства (см. об этом в статье В. И. Кельсиева «Польские выходцы в Царьграде», *«Русский вестник»*, 1869, №№ 6, 9, 11; 1870, № 1).

Осенью 1862 г. в Добруджу приехал В. Кельсиев. Уже сильно сомневавшийся к этому времени в успехах и пользе деятельности Герцена и Огарева, Кельсиев прибыл в Тульчу отнюдь не «агентом Герцена», как его воспринимали местные политики (см. письмо О. С. Гончара Герцену 2 февраля 1864 г., *ЛН*, т. 62, стр. 75). В своих позднейших статьях, напечатанных в «Русском вестнике», В. И. Кельсиев совершенно откровенно говорит, что «агитировал по привычке». Самому Герцену он неоднократно писал, что собирается заниматься в Тульче земледелием и просвещением местного населения (см. *ЛН*, т. 62, стр. 193). Как видно из письма к Д. Аверкиеву от 17 декабря 1864 г. («Русская старина», 1882, № 9, стр. 634), Кельсиев в эту пору совершенно разочаровался в революционной агитации. Если он и принимал участие в местной добруджинской политической жизни, то лишь руководствуясь желанием предостеречь старообрядцев и других русских выходцев от всякого рода «политических авантур и интриг польских агитаторов». Кельсиев прожил в Тульче до апреля 1865 г. Таким образом, к моменту появления в «Московских ведомостях» статьи о поджигательстве его в Тульче не было.

Иван Кельсиев (младший брат Василия) появился в Добрудже летом 1863 г. Революционный демократ и убежденный политический агитатор, Иван Кельсиев с первых дней пребывания в Тульче направлял свою деятельность на активную связь с Герценом. «Я буду вашим агентом в Тульче, здесь много можно сделать», — писал он Огареву в начале декабря 1863 г. (*ЛН*, т. 62, стр. 238). В своей программе действий, посланной в письме Огареву, Кельсиев перечислял следующее: 1) Устройство «постоянных путей» (очевидно, в Россию и из России); 2) распространение изданий Герцена в России; 3) доставка средств для агитации (очевидно, из России); 4) учреждение агитационной прессы (создание типографин в Тульче). Само собой разумеется, что ни пропагандистом поджогов, ни их сторонником И. Кельсиев никогда не был. Мало того, он неоднократно подчеркивал, что ставит своей целью «будничное и чернорубочное занятие — сбор медных грошей» (*ЛН*, т. 62, стр. 245), находя другие, более «радикальные» средства, преждевременными и отнюдь не всегда полезными. С братом Василием Иван Кельсиев много спорил в период их совместной жизни в Тульче с декабря 1863 по июль 1864 г., всячески разбивая скептические и примиренческие настроения Василия (см. письмо В. И. Кельсиева к Д. В. Аверкиеву 17 декабря 1864 г., «Русская старина», 1882, № 9, стр. 634—637). Смерть Ивана в июле 1864 г. фактически уничтожила русский революционно-пропагандистский очаг в Тульче. После этого В. Кельсиев стал еще быстрее эволюционировать вправо.

Кроме Василия и Ивана Кельсиевых, к русской «фаланстере» в Тульче

с конца 1863 по декабрь 1864 г. примыкали В. Эберман, Сливовские, К. Заборовский, В. Жуковский, М. Васильев и П. Краснопевцев. Никто из этих людей не отличался стойкостью революционных убеждений. Краснопевцев, хотя и считался революционным агентом из Парижа, патологически тянулся к самоубийству и в феврале 1865 г. повесился. Раздоры и распад Тульчинской колонии начались уже в конце 1864 г., вскоре после смерти Ивана. Самоубийство П. Краснопевцева довершило начатое. После отъезда Василия Кельсиева никакой русской (ни политической, ни культурно-бытовой) организации там не осталось. Характерно также, что в письменных показаниях Вл. Рудницкого (см. выше стр. 652) не содержалось никаких упоминаний о Кельсиевых, не говоря уже о связи их с «поджигателями» лондонского революционного центра. Обвинение Кельсиевых в поджигательстве было основано лишь на известной III отделению (по письмам, захваченным при аресте Ветошникова) связи В. Кельсиева с русскими членами «Земли и воли» в 1862 г. (см. об этом М. Л е м к е. Очерки освободительного движения 60-х годов. СПб., 1908, стр. 29—39). Сам В. Кельсиев в «Исповеди», говоря о «хористах революции» (пользуясь, несомненно, герценовским термином), писал, что «один из таких господ звали на Герцена и Мадцини поджигательство в южной России через мое посредство, при помощи скопцов и липован» (ЛН, т. 41—42, стр. 278). Очевидно, до Кельсиева какими-то путями дошли слухи о показаниях Вл. Рудницкого. Об искаженном их толковании «Московскими ведомостями» Василий Кельсиев писал Герцену: «Я объясняю себе эту статью желанием окончательно развязать меня со старообрядцами» (ЛН, т. 62, стр. 211). В «Исповеди» Кельсиев подробно объясняет вздорность обвинения его в поджигательстве.

Стр. 423. ...берем главнейшие места ее...— Редакционную статью из № 183 «Московских ведомостей» от 21 августа 1865 г. Герцен приводит в небольших, но дословных выдержках, внося в текст лишь свой курсив.

Стр. 424. Кельсиевы, с одной стороны, рассчитывали найти сочувствие в раскольникчьем архиепископе Аркадии...— Аркадий (Андрей Родионович Шапошников), посвященный в епископы в 1854 г., тогда же (в период занятия Добруджи русскими войсками) бежал в Турцию, затем вернулся и поселился в Славском скиту. Пользовался до самой своей смерти в 1868 г. большим влиянием среди местных старообрядцев. В 1863 г. Аркадий вел переговоры с В. Кельсиевым об устройстве типографии, которые не привели ни к каким результатам.

Они снова пытались привлечь на свою сторону раскольникчьего митрополита Кирилла Белокриницкого...— Кирилл Белокриницкий (Киприан Тимофеев), бывший дьяк приходской церкви, в 1847 г., по представлению липованских старшин, был поставлен в епископы, затем в митрополиты. Имел сношения с В. Кельсиевым через архидиакона Филарета, но всегда относился к русским эмигрантам с осторожностью и недоверием. В 1864 г. он подписал «Архипастырское послание», направленное против всех тех, кто пытался склонять раскольникчье население к выступлениям против русского правительства совместно с революционной эмиграцией. См. об этом Н. С у б б о т и н. Раскол как орудие враждебных России партий, М., 1867.

Из этих-то людей им и удалось составить свою шайку, о которой говорится в «Виленском вестнике».— Относительно «шайки», якобы «действующей за границей», «Виленский вестник» приводил те же самые данные из показаний Рудницкого, что и «Московские ведомости». Таким образом, ссылка Каткова в данном случае на «Виленский вестник» была заведомо рассчитана на обман читателей.

Стр. 425. На этом митинге, который был описан в газете «Наше время» за 1862 г. о д... — В № 153 московской газеты «Наше время», выходящей в 1862 г. под ред. Н. Ф. Павлова, 17 июля, т. е. за день о негласного разрешения русским изданиями открыто полемизировать с Герценом (начало это было положено Катковым, напечатавшим в июньской книжке «Русского вестника» за 1862 г., вышедшей 18 июля, пресловутую «Заметку для издателя „Колокола“»), описывался якобы имевший место в Лондоне митинг: «Сходка была немногочисленная, славянское племя, родная нам кровь преобладала на ней. Один из главных ораторов почтенного собрания, известный своим остроумием и своим литературным талантом почти так же, как отсутствием всякого политического смысла и всякого понимания истории, держал речь против пожаров, против поджогов. Он осудил их безусловно. Но другой, связанный с ним тесными узами дружбы, не уступил ее внушениям, стал выше презренных отношений, другу предпочел истину и нашел, что пожары не так дурны, как с первого раза кажутся, что они шевелят общество».

ПЕРВАЯ РЕТИРАДА

Печатается по тексту *К*, л. 204 от 15 сентября 1865 г., стр. 1676, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки, построенной к тому же на материалах «Kölnische Zeitung», которые обычно обрабатывались для «Колокола» Герценом. В данном случае сообщение «Kölnische Zeitung» касалось самого редактора «Колокола» и судьбы его открытого письма в иностранные газеты с протестом против вздорных вымыслов, распространяемых о нем русской реакционной печатью. Едкая насмешка над «союзными войсками „Инвалида“, Каткова, III отделения, Валуева и братии», пустившимися в отступление (отсюда и заголовок — «Первая ретирада») — один из ярких признаков авторства Герцена.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVIII, 241).

Заметка «Московских ведомостей», которую Герцен именует иронически «первой ретирадой», появилась в № 187 от 26 августа, после того как в европейских газетах, в том числе в газете «Kölnische Zeitung», было напечатано открытое письмо Герцена (наст. том, стр. 404—405). См. также написанной позднее «Ответ на предложение „Московских ведомостей“» (наст. том, стр. 431).

ИЗ СИБИРИ И КАЗАНИ

Печатается по тексту *К*, л. 204 от 15 сентября 1865 г., стр. 1676, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка носит редакционный характер. Апелляция к французскому правительству, которому «особенно будет интересен эпизод о казни француза», указывает на авторство Герцена, поместившего в газете «La Cloche», № 64, за своей подписью, специальную статью об этой казни (см. в наст. томе статью «Jérome Kénévitz»). Ср. также заметку «От издателей» (наст. том, стр. 433).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XVIII, 211—212).

Стр. 426. ...мы поместим извлечение из него...— Рассказ очевидца о попытке представителей Польского центрального народного комитета и членов «Земли и воли» в Казани поднять весной 1863 г. восстание крестьян поволжских губерний был опубликован в 205 и 206 листах «Колокола» под названием «Казанский заговор». Автором рассказа был участник событий М. К. Элпидин, бежавший в 1865 г. из заключения и эмигрировавший за границу. В 1866 г. во 2-м номере издававшегося им журнала «Подпольное слово», вновь с некоторыми дополнениями, были опубликованы его воспоминания «Каань в осадном положении» (перепечатаны в сб. «Материалы для истории революционного движения в России 60-х годов» под ред. В. Базилевского, стр. 134—137).

...Т и м а ш е в и з о д р а л.— Эпизод с казнью французского подданного Жерома (Иеронима) Станислава Феликсовича Кеневича — поляка по национальности, служившего инженером на Варшавской железной дороге, изложен Герценом на основании данных М. Элпидина (см. также специальную заметку «Жером Кеневич», наст. том, стр. 434—437). М. Элпидин оказался, однако, недостаточно осведомленным в истории Кеневича. В действительности роковую роль в отношении письма Кеневича сыграл С. Р. Жданов. Пытаясь добиться признания от Кеневича, он увещевал подследственного, что ему как французскому подданному не грозит никакая опасность. Письма же его, обещая передавать их французскому консулу, Жданов отправлял в III отделение. Когда французское консульство все же попыталось вмешаться в судьбу Кеневича, Александр II на докладе об этом начальника III отделения наложил резолюцию: «Никакого подобного вмешательства я не разрешаю» (Б. К о з ь м и н. Казанский заговор 1863 г., М., 1929, стр. 116).

Стр. 427. ...в числе арестованных называют Потанина.— Сообщение Герцена об аресте летом 1865 г. членов тайного кружка, имевшего название «Общество независимости Сибири», полностью соответствовало действительности. Поводом для этих репрессий явилось донесение агента III отделения С. С. Попова, перехватившего письма бывших студентов Петербургского университета Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, С. С. Шашкова и Н. И. Наумова. Их переписка была основным обвинительным материалом для начала «дела о злонамеренных действиях некоторых молодых людей, стремившихся к ниспровержению существующего в Сибири порядка управления и к отделению ее от империи». Заключенные в Омскую тюрьму «сепаратисты» предстали перед специально созданной следственной комиссией, которая в течение почти трех лет занималась разбирательством их дела. В бумагах Потанина нашли письма, доказывающие, что он общался с «изобличенными агитаторами Бакуниным, Шаповым, Чернышевским и др.». В 1866 г. по делу Потанина допрашивался А. Н. Нестеров, который в 1864—1866 гг. был связан с Герценом и Огаревым (ЛН, т. 63, стр. 313—314). По приговору Сената, утвержденному в феврале 1868 г. Государственным советом, Г. Н. Потанин как вдохновитель и организатор кружка был лишен всех прав состояния и заключен на пять лет в Свеаборгскую крепость. Другим участникам кружка трехлетнее пребывание в тюрьме зачли за срок наказания и выслали из Сибири в отдаленные пункты Архангельской губернии под надзор полиции. См. А. Ш и л о в. Общество независимости Сибири.— «Вольная Сибирь», 1918, №№ 4, 6, 10 от 17 февраля, 3 и 23 марта; В. Г. К у б а л о в. А. И. Герцен и общественность Сибири. Иркутск, 1958, стр. 64—65.

ИЗ ПЕТЕРБУРГА

Печатается по тексту К, л. 204 от 15 сентября 1865 г., стр. 1676, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется на основании [тематики] заметки (поджоги в России входили в сферу его специальных интересов), а также иронических строк о министре внутренних дел Валуеве как о «grand goué». Именно Герцен дал Валуеву прозвище «goué», которым постоянно пользовался в своих статьях, когда речь шла об этом министре.

В статье «1853—1863», например, Герцен писал: «Нет, живая связь между Россией и ее небольшой ведедой в Лондоне не порвана... и самые ругательства борзых и гончих публицистов *второй* руки и *Третьего* отделения, которыми охотятся на нас карлы просвещения и goués внутренних дел, еще больше удостоверяют нас, что станок наш не отчуждился от России» (т. XVII наст. изд., стр. 80).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVIII*, 212).

УБИЛИ

Печатается по тексту *К*, л. 205 от 1 октября 1865 г., стр. 1677, где опубликовано впервые, без подписи. Этим некрологом М. Л. Михайлова открывается лист «Колокола» (вся первая страница обведена траурной рамкой). В *ОК* озаглавлено: «Кончина М. Л. Михайлова». Автограф неизвестен.

Некролог Михайлова напечатан от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена определяется на основании того, что он не раз говорил о кончине Михайлова, как об убийстве. В «Былом и думах» (глава «М. Бакунин и польское дело») Герцен писал: «Какое влияние имел побег Бакунина на гнусное преследование, добивание Михайлова?» (т. XI наст. изд., стр. 358). Косвенным подтверждением авторства Герцена является и самый факт получения именно им известия о смерти Михайлова от неизвестного нам корреспондента незадолго до выхода 205-го листа «Колокола». 26 сентября 1865 г. Герцен писал сыну: «Михайлов умер на заводе».

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVIII*, 228).

Расправой над поэтом М. Л. Михайловым началась целая полоса репрессий царизма против деятелей общественного движения шестидесятых годов. Герцен очень живо интересовался судьбой Михайлова, которого хорошо лично знал.

В деле III Отделения о М. Л. Михайлове (ЦГИАМ, ф. 109, 1 экс., 5 опись, д. 274, 1861) содержатся следующие официальные данные об обстоятельствах его смерти.

М. Л. Михайлов привезен был в Нерчинск 7 марта 1862 г., откуда по приказу бывшего тогда начальником Нерчинского горного округа инженер-полковника О. А. Дейхмана его отправили на Казаковский прииск, где служил его родной брат поручик горного корпуса Петр Ларионович Михайлов.

Высшая администрация Восточной Сибири усмотрела в этом явное послабление опасному государственному преступнику. 24 июня 1862 г. Михайлов был переведен в Зарентуйский рудник, но 30 августа того же года «вследствие болезненного состояния, медиком засвидетельствованного, вновь отправлен в Казаковский промысел» (л. 409), так как в Зарентуе не было госпиталя. Однако 10 октября 1862 г. по приказу генерал-губернатора Корсакова поручик Михайлов снова отвез своего брата к месту его заключения в Зарентуй, хотя по состоянию здоровья работать тот не мог. В связи с обострением болезни М. Л. Михайлов был вновь «обращен в Казаковское лазаретное отделение, где и находился до 16 де-

кабря, а 28 числа этого же месяца вторично поступил в Зарентуйский рудник» (л. 409 об.).

Военный губернатор Забайкальской области генерал Б. К. Кукель, видевший Михайлова в лазарете Казаковского промысла, писал 19 декабря 1862 г. Корсакову о том, что по отзыву медиков осужденный «наладан дышит и нуждается в каких-то периодических операциях», без которых жизнь его обречена. На вид, писал Кукель, М. Л. Михайлов «был живой скелет» (сособщено Б. Г. Кубаловым).

Невзирая на это, Корсаков поручил полковнику Дитмару «произвести надлежащее дознание, как относительно положения и содержания государственного преступника Михайлова в месте его ссылки, так и о его занятиях» (л. 400). Преследования поэта продолжались до последнего дня его жизни. 10 августа 1865 г. на имя управляющего III отделением было получено сообщение о том, что «государственный преступник Михаил Михайлов, страдавший последнее время болезнью почек, умер 3-го числа сего августа» (л. 435). «В тесных литературных кружках, — гласило агентурное донесение, — решительно обвиняют правительство в преждевременной смерти Михайлова, попавшего, после увольнения со службы полковника Дейхмана, в руки жестокого офицера из солдат, и предвещают ту же участь Чернышевскому» (ЦГИАМ, ф. 109, опись 1, д. 230, л. 13).

За гуманное отношение к ссыльному поэту, проявленное в момент его поступления на каторгу, пострадал упомянутый выше инженер-полковник Дейхман. Дело о нем и о поручике П. Л. Михайлове, обвиненных в послаблениях, оказанных государственному преступнику М. Л. Михайлову, было начато в конце 1862 г. по специальному указанию Александра II. Последний на донесении А. Ф. Голицына от 9 декабря 1862 г. наложил резолюцию: «Князю Долгорукому сообщить по этому моему приказанию», т. е. учредить следствие (ЦГИАМ, ф. 109, экс. 1, л. 230, ч. 10, 1862, л. 149).

Согласно договору от 8 августа 1865 г., инженер-полковник О. А. Дейхман был исключен со службы, а поручик П. Л. Михайлов выдержан один месяц под арестом на гауптвахте и переведен в другой корпус. За участие, проявленное к М. Л. Михайлову, В. А. Обручеву и ссыльному Макееву, жестоко поплатился целый ряд начальствующих лиц города Тобольска (см. далее заметку Герцена «От издателей» — наст. том, стр. 433, и статья «После смерти», «Тобольское дело» в т. XIX наст. изд.).

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ «ОТГОЛОСКОВ»

Печатается по тексту К, л. 205 от 1 октября 1865 г., стр. 1684, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». Автограф неизвестен.

«Отголоски Русской Печати» («L'Echo de la Presse Russe», «Echo der Russischen Pressejournale») — газета, издававшаяся Д. К. Шедо-Ферроти в Брюсселе на русском, французском и немецком языках, в № 28 от 6 сентября 1865 г. перепечатала из «L'Opinion Nationale», № 242 (3 сентября), ежедневной парижской либеральной газеты М. Ад. Гоэроульта, конец письма Герцена к издателю (от слов: «Nous demandons» — наст. том, стр. 404, выпустив, однако, упоминание о деле Чернышевского). Публикации предшествовали строки: «В ответ на обвинения, поднятые против него в русской прессе, Герцен послал в „Opinion Nationale“ письмо, в котором читаем следующее» (перевод с французского).

〈ОТВЕТ НА ПРЕДЛОЖЕНИЕ «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»〉

Печатается по тексту *К*, л. 205 от 1 октября 1865 г., стр. 1684, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи и заголовка. Автограф неизвестен. Заголовок взят из *ОК*.

Авторство Герцена определяется самим содержанием «Ответа». «Московские ведомости» обращались именно к Герцену с предложением начать судебное преследование против «агентства Герцена в Тульче» — не может быть никакого сомнения в том, что отвечал в *К* на это «предложение» сам Герцен.

«Ответ» находится в прямой связи с другими (помимо «Первой ретирады») статьями и заметками Герцена: «Агентство Герцена в Тульче и „Московские ведомости“», «Письмо к издателю», «Письмо к издателю „Отголосков“». В главе «В. И. Кельсиев», писавшейся в 1865 г. и вошедшей в седьмую часть «Былого и дум», Герцен сделал примечание, тематически и стилистически очень близкое к «Ответу на предложение „Московских ведомостей“»: «И вот эта ужасная „Тульчинская агенция“, имевшая сношения со всемирной революцией, поджигавшая русские деревни на деньги из мацциниевских касс, грозно действовавшая года через два после того, как перестала существовать... и теперь еще поминаемая в литературе сыщиков и в „Полицейских ведомостях“ Каткова» (т. XI наст. изд., стр. 339).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVIII, 230).

Стр. 431. *«Le Nord»... но зачем же нам угощать наших читателей равогретой дичью, приправленной пикантным соусом для скртия ее несвежести...* — Герцен, очевидно, намекает на статью A. de Moller'a в газете «Le Nord», № 255 от 12 сентября 1865 г. Автор статьи, называя Герцена человеком, которому «пора бы перестать называть себя русским», пишет совершенно повторяя «Московские ведомости»: «...если мы не имеем никаких данных, чтобы подтвердить точность этого обвинения (в поджигательстве), то мы еще дальше от того, чтобы отрицать эту точность, так как прошлое г. Герцена дает нам право со спокойной совестью сказать, что в политике он, как нам кажется, совершенно неразборчив при выборе средств для достижения своей единственной цели, которая есть не что иное, как полнейший социальный переворот в России». Об А. Моллере см. *Л* XVIII, 206—210.

...мы обратим внимание на их предложение начать ∞ судебное преследование ∞ против мнимого агентства Герцена в Тульче. — Это «предложение» было высказано в № 187 «Московских ведомостей» от 26 августа (см. заметку Герцена «Первая ретирада») и вновь повторено в редакционной заметке, помещенной в № 199 «Московских ведомостей» от 12 сентября 1865 г.

ЭС-БУКЕТ КАУФМАНОВСКОГО ЦИЦЕРОНСТВА

Печатается по тексту *К*, л. 205 от 1 октября 1865 г., стр. 1684, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Циццеронствующий Кауфман». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется на основании содержания и стиля заметки, входящей в целую серию обличений, направленных Герценом против «достопочтенного преемника Муравьева», генерал-адъютанта К. П. фон-Кауфмана, который в 1865 г. был назначен виленским, ковенским, гродненским и минским генерал-губернатором (см. далее заметки «Режим Кауфмана», «Поцелуй Кауфмана», наст. том; «Имеют ли право коронные чиновники изменять законы?», т. XIX).

Авторство Герцена подтверждает иронический заголовок заметки (ср. статью 1866 г. «Ess-bouquet „Московских ведомостей“», т. XIX). В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XVIII, 231).

〈СПИРИТИЗМ В ПЕТЕРБУРГЕ〉

Печатается по тексту *К*, л. 205 от 1 октября 1865 г., стр. 1684, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи и заголовка. Автограф неизвестен. Заголовок взят из *ОК*.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVIII, 231) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки Н. А. Герцен, хранящейся в архиве семьи Герцена» (Л XVIII, 441).

Авторство Герцена подтверждается прямой перекличкой заметки «Спиритизм в Петербурге» с его статьей 1867 г. «Августейшие путешественники», где Герцен также иронически упоминает о страсти императора к спиритизму и о его беседах с Юмом (см. т. XIX наст. изд.).

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

〈«МЫ ПРОСИМ ПОКОРНЕЙШЕ ВСЕХ...»〉

Печатается по тексту *К*, л. 205 от 1 октября 1865 г., стр. 1684, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена в этом запросе издателей «Колокола» устанавливается по непосредственной связи с его статьей «Убили», напечатанной в том же листе, а также с его заметкой «Из Сибири и Казани», помещенной в *К*, л. 204.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVIII, 231).

Заметка написана по поводу опубликования 14 сентября 1865 г. в «Ведомостях С.-Петербургской городской полиции» сообщения о наказании Дейхмана «за послабление государственному преступнику» Михайлову. См. выше комментарий к статье «Убили».

Стр. 433. ...подробности ∞ следствия, производящегося в Омске.— См. заметку «Из Сибири и Казани» и комментарий к ней.

JEROME KENEVITZ

Печатается по тексту «La Cloche», 1865, № 64, где опубликовано впервые, с подписью: *A. Herzen*. Автограф неизвестен. Этот номер «La Cloche» был последним: он не датирован, но появился, судя по включенным в него переводам статей и заметок из «Колокола», после 1 и не позднее 15 октября 1865 г.

Жером (Иероним) Кеневич, сын польского эмигранта, переселившегося после восстания 1830—1831 гг. во Францию, приехал в начале 1863 г. в Россию представителем польской повстанческой организации. В его задачу входило, действуя совместно с комитетом «Земли и воли», поднять восстание в России, чтобы тем самым отвлечь часть царских войск от Польши. После неудачной попытки договориться с петербургским комитетом «Земли и воли», Кеневич направился в Казань, где местным

комитетом «Земли и воли» готовилось крестьянское восстание поволжских губерний. Действуя подчас самостоятельно и наперекор мнению казанского комитета «Земли и воли», Кеневич организовал напечатание и распространение подложного манифеста. По его указанию, в Казанском заговоре приняли участие студенты-поляки Московского и Петербургского университетов Новицкий, Олехнович, Маевский и Госцевич.

Казанский заговор не увенчался успехом и был разгромлен, его руководители расстреляны. Кеневич, арестованный в мае 1863 г. на границе (он намеревался уехать в Париж), был расстрелян в Казани 6 июня 1864 г. Сведения о жестокой расправе над участниками Казанского заговора Герцен узнал из русских газет (см. в наст. томе заметку «Казни в Казани», стр. 250—251), подробности (не всегда точные) об его организации — от одного из его участников, М. К. Элпидина (см. комментарий на стр. 661). См. также в наст. томе заметку Герцена «Убийства своим чередом» (стр. 448).

Подробнее о Кеневиче и Казанском заговоре см. в книгах: Б. П. К о з ь м и н. Казанский заговор, М., 1929; И. М. Б е л ь я с к а я. А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века, М., 1954.

ЛЖЕЦЬ

Печатается по тексту *К*, л. 206 от 15 октября 1865 г., стр. 1685, где опубликовано впервые, без подписи. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется содержанием заметки: говоря о том, что истек «месяц, как мы требовали в „Колоколе“ доказательств, что мы прямо или косвенно, словом или делом, через Тульчу или иное место участвовали в пожарах», Герцен имеет в виду свою статью «От издателей», напечатанную в «Колоколе» 1 сентября 1865 г., и открытое письмо «В редакцию „Инвалида“», помещенное в «Колоколе» 15 сентября.

Статья прямо перекликается с письмом Герцена к издателю «Отгосков». Там Герцен писал: «Мнения наши розны, но в настоящем случае дело идет не о мнениях, а об обличении лжеца. Кто-нибудь да лжет — мои обвинители или я. Мне кажется, что не вовсе лишено интереса вывести на чистую воду лгуна» (наст. том, стр. 429). См. далее «Поджигатели и подлецы».

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVIII, 236).

ДЕРУЩИЙСЯ ПО ДОРОГАМ ГУБЕРНАТОР И НЕЖНЫЙ МУЖ

Печатается по тексту *К*, л. 206 от 15 октября 1865 г., стр. 1692, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки (ее заключительных строк) и структурой заголовка, построенного на характерном для публицистической манеры Герцена ироническом противопоставлении.

На запрос «Колокола» об имени «супруга-губернатора» откликнулся неизвестный корреспондент «Письмом из Москвы», помещенным в *К*, л. 207 от 1 ноября 1865 г. Первая часть письма содержит рассказ о «дантисте Извольском». См. в наст. томе редакционные замечания к «Письму из Москвы» (стр. 489).

РЕЖИМ КАУФМАНА

Печатается по тексту *К*, л. 206 от 15 октября 1865 г., стр. 1692, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки и ее тематикой («муравьевский» режим Кауфмана был предметом постоянных обличений Герцена). Материалы «*Kölnische Zeitung*» обрабатывал для «Колокола» обычно сам Герцен. Ироническая концовка подтверждает авторство Герцена. В октябре — ноябре 1865 г. Герцен находился безвыездно в Женеве и, несомненно, сам составлял «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVIII*, 236).

КАТКОВ ЗАВОДИТ КУЛАЧНЫЕ БОИ

Печатается по тексту *К*, л. 206 от 15 октября 1865 г., стр. 1692, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется тематикой заметки (борьба с Катковым). Полный ироничный заголовок, название соратников Каткова «катковщиками» и «кулачниками», иронический совет издателю «Петербургских ведомостей» запастись «*life-preserver*» (тяжелой дубинкой) подтверждают принадлежность заметки Герцену.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVIII*, 237).

СОВЕТ г. ГЕРЦУ, СОБСТВЕННИКУ КОНЦЕРТНОЙ ЗАЛЫ, г. ГЕРЦУ ЭСТЕТИКУ, г. ГЕРЦУ ДОКТОРУ МЕДИЦИНЫ И ВСЕМ НЕМЕЦКИМ ГЕРЦ-огам

Печатается по тексту *К*, л. 206 от 15 октября 1865 г., стр. 1692, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Совет всем имеющим в своей фамилии слог Герц». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером и тематикой заметки, материалом для которой послужил комический эпизод, случившийся с харьковским помещиком Герценвицем. Нет никакого сомнения в том, что сам Герцен обратился, получив письмо о Герценвице, с остроумным советом ко «всем имеющим несчастье в своей фамилии иметь слог *Герц*».

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVIII*, 237).

Стр. 441. *Нам пишут ∞ в Россию.* — Об этой истории писал Герцену Л. И. Мечников 7 октября 1865 г.: «Знаете ли вы, как вас поймала австрийская полиция теперь, недавно? Один харьковский господин — *Герценвич* — явился в Австрию; его схватили и стали уверять, что он — вы. Толкали по всем мытарствам и грозили выдать в Россию под именем вас. Факт этот автентичен. Если пожелаете воспользоваться им для печати, то я могу даже сообщить вам собственноручное письмо Герценвича» (*ЛН*, т. 62, стр. 392).

АГЕНТСТВО В ТУЛЬЧЕ

Печатается по тексту *К*, л. 207 от 1 ноября 1865 г., стр. 1693, где опубликовано впервые, без подписи. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером статьи и ее непосредственной связью с другими статьями Герцена по этому же вопросу. Вымышленное III Отделением и реакционной русской печатью «агентство Герцена в Тульче» — тема целой серии герценовских статей и заметок (см. выше статью «Агентство Герцена в Тульче и „Московские ведомости“»). В пользу принадлежности статьи Герцену свидетельствует ссылка на письмо В. И. Кельсиева, переписку с которым по поводу обвинения его в поджогах вел сам Герцен (см. письма Герцена от 17 и 29 октября 1865 г.), и гневные строки примечания, направленные против аксаковского «Дня». Герцен постоянно обличал И. Аксакова, установившего контакт с Катковым, и всячески предостерегал издателя «Дня» от этого союза. В 1863 г. Герцен еще высказывал надежду, что Аксакову, «наверное, станет жутко от его сходства с Катковым» (см. статью «Один покраснел» — т. XVII наст. изд.). Теперь, когда Аксаков доказал полную солидарность с Катковым в польском вопросе, когда он присоединился к клевете о поджогах, Герцен приходит к выводу: «Нет, г. Аксаков, вы тоже *Катков*». Афористическая меткость этой характеристики подтверждает ее принадлежность Герцену. Заключительные строки примечания об Аксакове повторяются Герценом в статье «К концу года»: «Помрачение совести дошло до того, что честный и независимый от *светских* властей орган — „День“ — помещал статьи ничем не лучше катковских. Люди, которых мы знали лет двадцать кряду врагами всякого насилия, не краснее толковали о государственной необходимости всех нечеловеческих мер и полицейских неистовств в Литве и Польше» (наст. том, стр. 461).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVIII, 243).

Статья «Агентство в Тульче» написана в конце октября 1865 г. Получив известие через доктора Грасовского о смерти детей Кельсиевых (см. письмо Герцена к Грасовскому от 29 октября 1865 г.) и долго не получая писем от самого В. И. Кельсиева, Герцен в приписке к письму Н. П. Огарева от 17 октября 1865 г. писал Кельсиеву: «Об вас слухи печальные. Известите сами. Между прочим, Катков и С-ние обвиняют вас, что вы с зажигателями. Вы, верно, все это читали в „Ойчизне“. Я все делал, писал вам, посылал газеты и, наконец, замолчал».

Отвечая на это письмо 26 октября 1865 г., В. И. Кельсiev никак не отозвался на обвинения его в поджогах: все его письмо посвящено рассказу о «страшной новости» — смерти В. Т. Кельсиевой (*ЛН*, т. 62, стр. 204—206). Несомненно, однако, что до 26 октября было какое-то, неизвестное нам, письмо Кельсиева, на которое ссылается Герцен в своей статье. Утверждение П. Г. Рынзюнского, комментатора писем В. И. Кельсиева в «Литературном наследстве», о том, что «Кельсiev вобще не писал лондонским друзьям после смерти брата почти полтора года», что между письмом от 25 июля 1864 г. из Тульчи и письмом от 26 октября 1865 г. из Галаца не было писем Кельсиева (*ЛН*, т. 62, стр. 164), опровергается фактическими данными. 21 декабря 1864 г. Огарев писал Кельсиеву: «Ваше письмо и статейку я нашел, возвратясь из Парижа» («Русская старина», 1889, №1, стр. 185, с ошибочной предположительной датой: «1866 или 1865 г.?»). Упомянутая здесь статья В. И. Кельсиева — «Гонение в пользу иностранной церкви», напечатанная в *К*, л. 193 от 1 января 1865 г. Из письма же, присланного вместе со статьей, Герцен с Огаревым, безусловно, узнали уже тогда о том, что Кельсiev покинул Тульчу и переехал в Галац (об этом, как известно ему факте, Герцен писал в статье «Агентство Герцена в Тульче и „Московские ведомости“», помещенной в *К*, л. 204 от 15 сентября 1865 г.).

Затем около года (до октября 1865 г.) Кельсiev действительно не давал о себе знать. В это время, летом и осенью 1865 г., умерли двое его детей, была тяжело больна жена. В первой половине октября (до смерти

жены — 15 октября 1865 г.) В. И. Кельсиев, однако, писал Герцену и Огареву. Получено это письмо было около 23 октября, когда Герцен писал сыну: «Слышал ли ты о Кельсиеве? Милуша умерла, другой ребенок умер, Варв. Тим. при смерти — и голод». Кельсиеву Герцен отвечал 29 октября: «Ужасное письмо ваше мы получили. О несчастиях, постигших вас, говорить нечего; жмем руку вам и еще больше Варваре Тимофеевне». Предлагая далее выслать деньги и обращаясь, как и в письме от 17 октября, к обвинениям Кельсиева в «поджигательстве», Герцен писал: «Обвинения Каткова вас именно в поджогах должны быть основаны на какой-нибудь клевете... Вам бы следовало Каткова ругнуть». Не дожидаясь, пока Каткова «ругнет» Кельсиев, Герцен сделал это сам в статье «Агентство в Тульче». Кельсиев же, к тому времени почти совершенно отошедший от политической борьбы и угнетенный личными несчастьями, остался глух к совету Герцена (см. письмо В. И. Кельсиева к Герцену и Огареву от 31 октября (11 ноября) 1865 г. — *ЛН*, т. 62, стр. 211).

Стр. 442. ...в напечатанном ответе Касьянову... — Имеется в виду статья Герцена «Колокол» и «День» (т. XVII наст. изд., стр. 203—213).

AVERTISSEMENT VALOUIEFF — МЕЖДУ AVERTISSEMENT И КАТУЕВСКИМ ЗАВОДОМ

Печатается по тексту *К*, л. 207 от 1 ноября 1865 г., стр. 1699—1700, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Premier avertissement». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVIII, 244—245) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается письмом Чернецкого, хранящимся в архиве семьи Герцена» (*Л* XVIII, 442). Нам известно лишь письмо Чернецкого к Герцену от 28 октября 1865 г., свидетельствующее о том, что в конце октября Герцен читал корректуру 207-го листа «Колокола». «Завтра вечером печатник сам зайдет за „Колоколом“, — писал Чернецкий, — будьте добры приготовить его к этому времени» (*ЛН*, т. 63, стр. 255). Содержание и стиль статьи подтверждают ее принадлежность Герцену.

Стр. 443. *О самом законе ∞ Он решительно глуп и невозможен...* — Новый закон о печати, принятый в апреле 1865 г. и являвшийся подражанием французской реформе, произведенной незадолго до того Персиной, отменял предварительную цензуру, предоставив министру внутренних дел право после трех предупреждений закрывать издание. Фразы о свободе слова, бесцензурной печати никого не обманули. Почти все редакторы петербургских либеральных и демократических органов пожелали остаться под цензурой (см. А. В. Никитенко. *Дневник*, т. II, М., 1955, стр. 514—515). Впрочем, по замыслу Валуева, эта новая предварительная цензура должна была быть такой, чтобы волей-неволей заставить журналистов «эмансипироваться». Подробному разбору цензурной реформы была посвящена серия статей Огарева «Русские реформы» (*К*, л. 198, 201, 202 от 15 июня, 1 августа и 17 августа 1865 г.). См. также в наст. томе статью Герцена «Первое запрещение, первое предостережение, первый суд!».

Premier avertissement ∞ дан Коршу. — Первое утверждения временных правил о печати 6 апреля 1865 г.) предостережение «СПб. ведомостям» было сделано министром внутренних дел Валуевым 20 сентября 1865 г. Поводом для «предостережения» послужила статья в № 243

от 18 сентября о государственных имуществах, в которой Совет главного управления по делам печати «усмотрел»: «1) стремление опровергнуть юридическое право правительства закладывать государственные имущества и вообще вполне распоряжаться оными; 2) несоответствие с духом нашего правительства сближение вопроса о праве распоряжения государственными имуществами с формами представительной системы» и др. (см. Материалы для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати, ч. 2, СПб., 1870, стр. 116—117). Необоснованность предостережения была столь очевидной, что ее отметили даже «Московские ведомости».

...старый московский анекдот об одном буйне, сильно шулерничавшем в картах *с мне говори ли это*. — Анекдот относится к Ф. Толстому-Американцу.

Стр. 444. ...вместе с Аксаковым думает *с статьей «Дня»*. — Инцидент, происшедший с передовой статьей газеты «День», № 24 от 2 октября 1865 г., в которой прокламировалось, что «русский народ, образуя русское государство, признал за последним *«самодержавием»*, в лице царя, полнейшую свободу *«правительственного действия»*, неограниченную свободу *«государственной власти»*, а сам отказался «от всяких властолюбивых притязаний», был рассказан в газете «Indépendance belge», № 287 от 14 октября 1865 г.

ГЕРЦОГ ЕВГЕНИЙ ЛЕЙХТЕНБЕРГСКИЙ

Печатается по тексту *К*, л. 207 от 1 ноября 1865 г., стр. 1700, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки («Читатели наши не забыли» и т. п.), тесно связанной по своему материалу и методам его оформления с предшествующими публикациями об этом же скандале в царской семье. См. «Свой наказанный принц» и «Графиня Строгонова, строгий прусский генерал-адъютант, услужливый король и влюбленный принц» (наст. том).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVIII*, 246)

<КУПЕЦ СОМОВ И ПР.>

Печатается по тексту *К*, л. 207 от 1 ноября 1865 г., стр. 1700, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заголовок взят из *ОК*. Автограф неизвестен.

Принадлежность заметки Герцену устанавливается на том основании, что и все остальные статьи и заметки в разделе «Смесь» 207-го листа принадлежат ему. Ироническое обращение к тульскому губернатору Шидловскому с просьбой «обязать нас *«издателей „Колокола“»* сведением, чем окончилось дело о взломе ворот и похищении экипажа у купца Сомова двумя частными приставами», подтверждает авторство Герцена.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVIII*, 246).

ДВЕ КОНЧИНЫ

Печатается по тексту *К*, л. 208 от 15 ноября 1865 г., стр. 1701, где опубликовано впервые, с подписью: *И—р*. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

За два дня до появления в «Колоколе» проникновенного некролога «Две кончины» Герцен в письме от 13 ноября 1865 г. к М. Мейзенбут и своей младшей дочери Ольге с прискорбием сообщал: «Смерть мисс Рив тяжело поразила нас. Бакунин с женою были при ней в ее последние минуты. Настоящая холера началась у нее в 6 часов утра 6 ноября, а в час по полуночи она скончалась... Какая сила погибла в ней! А в другом месте — в маленькой больнице в Валахии умерла бедная Кельсиева в полном сознании и в 25 лет».

Печальную весть о смерти бывшей воспитательницы его старшей дочери Таты — Эмили Рив, умершей в ночь на 7 ноября 1865 г. в Неаполе от холеры, Герцен узнал от М. А. Бакунина (Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Женева, 1896, стр. 162—163). Подробности кончины Варвары Тимофеевны Кельсиевой, умершей 15 октября 1865 г. от туберкулеза, были сообщены Герцену ее мужем В. И. Кельсиевым в письме от 14 (26) октября 1865 г. (см. *ЛН*, т. 62, стр. 204—206). Впоследствии печальное повествование о трудной жизни и о преждевременной смерти В. Т. Кельсиевой было включено Герценом в седьмую часть «Былого и дум» (т. XI наст. изд., стр. 332—333, 340).

Стр. 446. ...*опуская один дорогой гроб за другим в чужую землю, должен был встречать подлые клеветы Каткова и шайки!*— 21 июня 1864 г. от тифа в полном расцвете сил умер младший барат В. И. Кельсиева, член «Земли и воли» И. И. Кельсиев (1841—1864). Летом и осенью 1865 г. умерли сначала двое детей, а затем жена.

...*шла речь об одной англичанке, которую мы тогда не назвали.*— См. «Письма к путешественнику», наст. том, стр. 374—378.

УБИЙСТВА СВОИМ ЧЕРЕДОМ

Печатается по тексту *К*, л. 208 от 15 ноября 1865 г., стр. 1708, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVIII*, 250) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки Тхоржевского» (*Л XVIII*, 442). Непосредственная связь заметки со статьей «Жером Кеневич» (наст. том) подтверждает авторство Герцена. Исполнители воли «благодушного монарха», «доказывающие через год чего не успели казнить в прошлом», называются «опричниками». Так же называл Герцен приближенных царя в статье «К концу года»: «Адрес московского дворянства, в котором они хотят не только *любить* государя, но и говорить с ним без свидетелей, без опричников...» (наст. том, стр. 467).

Максимилиан Андреевич Черняк — участник польского восстания 1863 г., член Казанского комитета «Земли и воли», был одним из организаторов заговора. Однако до привлечения к судебной ответственности по этому делу Черняку удалось скрыться. В июле 1864 г. он был задержан в Динабурге и отправлен в Казань, где предан военно-полевому суду.

26 октября (7 ноября) 1865 г. в № 231 «Северной почты» был опубликован приказ командующего войсками Казанского военного округа, в котором излагался приговор по делу Черняка. «Военный суд,— гласил приказ,— признал поручика Черняка виновным: 1) в том, что он изменил долгу службы и присяги, был одним из главных двигателей в замышлявшемся в Казани вооруженном восстании и склонял на то других; 2) в самовольном оставлении службы и побеге в Вильну во время

бывшего там возмущения; 3) в предводительствовании мятежническою шайкою в Трокском уезде Виленской губернии и участвовании, с оружием в руках, против русских войск». Черняк был приговорен к смертной казни, которая была приведена в исполнение 11 октября в Казани в «присутствии всех войск, находящихся в этом городе».

МЕЛЬНИКОВ И ДУХОВНЫЕ ПУТИ СООБЩЕНИЯ

Печатается по тексту *К*, л. 208 от 15 ноября 1865 г., стр. 1708, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVIII*, 251) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки Тхоржевского» (*Л XVIII*, 442).

Иронический заголовок и весь стиль заметки (такие, например, выражения, как «ведомство духовных путей», «постукивающий генерал» и др.) подтверждают авторство Герцена. Об увлечении спиритизмом, как признаке реакции и обскурантизма, писал Герцен и в статье «К концу года». В заметке речь идет о «постукивающем генерале», в статье — о «постукивающих жандармах» (наст. том, стр. 464).

ПОЦЕЛУЙ КАУФМАНА

Печатается по тексту *К*, л. 208 от 15 ноября 1865 г., стр. 1708, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVIII*, 251) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки Тхоржевского» (*Л XVIII*, 442).

Авторство Герцена подтверждается содержанием и стилем заметки. Виленский генерал-губернатор фон Кауфман был предметом постоянных насмешек Герцена. Сатирические строки о «православно-немецком» поцелуе Кауфмана, прибавившемся к «знаменитым поцелуям Франчески да Римини, Иуды Искарюта, Николая — Полежаеву», а заодно и насмешки над «православным» Аксаковым подтверждают авторство Герцена. О Кауфмане, поцеловавшем руку православного попа, Герцен с едкой иронией писал спустя месяц в 210-м листе «Колокола» (см. «Первое запрещение, первое предостережение, первый суд!» — наст. том, стр. 475).

Стр. 449 ...*Николая — Полежаеву*... См. об этом «Былое и думы», ч. I, гл. VII (т. VIII наст. изд., стр. 165—168).

...*Нерг Кауфман поцеловал руку русского попа*.— Речь идет о событиях 31 августа 1865 г. во время освящения двух часовен на могилах «павших в борьбе с мятежниками». См. статью А. Рачинского в «Виленском вестнике», № 98 от 3 сентября 1865 г.

У с е р д и е все превозмогает!— В 1838 г. по приказу Николая I была выбита в честь гр. П. А. Клейнмихеля золотая медаль с надписью: «Усердие все превозмогает». См. об этом девизе в статьях Герцена «Охалка дровец старушки» (т. XIII наст. изд., стр. 193) и «Surtout pas trop de zèle, M-r Budberg» (т. XVII, стр. 50).

Будь это дикий православный, сам Аксаков...— Назначение К. П. Кауфмана на пост генерал-губернатора Северо-Западного края газета И. С. Аксакова «День» отменила приветственной передовой статьей (см. «День», № 18 от 1 мая 1865 г.).

ЗАПРОС гг. ИЗДАТЕЛЯМ РУССКИХ ПАРТИКУЛЯРНЫХ ЖУРНАЛОВ

Печатается по тексту *К*, л. 209 от 1 декабря 1865 г., стр. 1709, где опубликовано впервые. «Запрос» открывает лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Письмо-запрос Герцена перепугало петербургских реакционных журналистов. Ими был составлен «Ответ заграницу», в котором они решительно отмежевывались от Герцена и отказывались и впредь поддерживать с ним какую-либо связь (напечатан в «Сыне Отечества», № 290 от 4 декабря 1865 г.).

К КОНЦУ ГОДА

Печатается по тексту *К*, л. 209 от 1 декабря 1865 г., стр. 1709—1712, и л. 210 от 15 декабря 1865 г., стр. 1717—1720, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р.* Автограф неизвестен.

Поводом к написанию статьи «К концу года» послужили многочисленные упреки в адрес Герцена представителями самых различных общественно-политических группировок, как из лагеря революционеров и демократов («молодых эмигрантов», М. А. Бакунина и др.), так и из либерально-дворянских (Б. Н. Чичерин) и консервативных (М. П. Погодин и др.) кругов.

В статье подводятся итоги не только событиям 1865 года, но и политической линии «Колокола» последних лет. Отвечая своим полемистам «слева» и «справа», Герцен заявляет о неизменности своих взглядов, о своей верности делу революционной борьбы, если освобождение России невозможно мирным путем.

С огромной эмоциональной силой Герцен характеризует в статье мрачную эпоху разгула реакции в России, начиная с 1862 г., время жестокой расправы с русской демократией, с восставшей Польшей, время растления русской журналистики и помрачения совести русского общества, резко шатнувшегося вправо.

Вместе с тем, обличая жестокость и трусость правительства, Герцен вновь защищает логичность своего двойственного отношения к Александру II, «обманувшему» его надежды, и высказывает свою излюбленную после 1848 года мысль о разных судьбах исторического развития Запада и России, мысль о самостоятельном пути прихода России к социализму через крестьянскую общину.

Стр. 451. «*Мал ли, велик ли, ручей ∞ («Колок.», 1864).*— Цитата из статьи Герцена «VII лет» (наст. том, стр. 238).

Стр. 452. ...*Платон Михайлович Горич ∞ дуэт а тол'ный.*— См. «Горе от ума» А. С. Грибоедова, действие III, явл. 6.

...*лично сильные люди, бойкие таланты, полные юной свежести, могли опередить нас ∞ что по нем идут далее...*— Здесь, по всей вероятности, Герцен имеет в виду новое поколение русских революционных демократов, учеников и последователей Чернышевского.

Стр. 453. ...*квекерская агитация Peace Society во время Крымской войны.*— Герцен имеет в виду выступления английских квакеров «Лиги мира» и в частности члена парламента, вождя либеральной буржуазной партии Джона Брайта. Защищая в своих блестящих речах идеи мирного

общества и невмешательства Англии в военные приготовления континентальной Европы, Брайт по существу выражал интересы английской промышленной буржуазии, заинтересованной в проведении «свободной торговли». Во главе депутации квакеров Брайт отправился в Петербург для представления Николаю I записки в пользу мира. Однако выступление Брайта против Крымской войны успеха не имело. Брайт на время даже должен был отказаться от общественной деятельности, вновь став депутатом парламента только в 1858 г. Брайт, писал Н. Г. Чернышевский в отделе «Политика» № 4 «Современника» за 1859 год, «доказывал ненужность и вред войны с Россией для самой Англии <...> Вся популярность его исчезла, он подвергся презрению и ненависти нации <...> он — раб русского царя, кричали про него все» (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VI, стр. 34, 36).

...*время, которое они провели Навуходоносорами*... — Герцен имеет в виду ту часть русского общества, которая в 1863—64 гг. перешла на сторону реакции, поддерживая царских душителей Польши. По библейскому преданию, вавилонский царь Навуходоносор был обращен в зверя и пробыл семь лет в таком состоянии.

Стр. 454. ...*в 1858 году напал на нас Червь с своим доктринёрски-административным актом*... — Червь — название в старославянском алфавите буквы, с которой начинается фамилия Б. Н. Чичерина, пытавшегося привлечь Герцена на сторону либералов. Об этом см. заметку Герцена «Нас упрекают» (т. XIII наст. изд., стр. 361—363), на которую Чичерин отозвался статьей «Обвинительный акт», напечатанной в «Колоколе» под инициалом «Ч». В предисловии к статье, полемизируя с политический линией ее автора, Герцен подчеркнул, что она написана «с совершенно *противной* точки зрения <...> административного прогресса, гуввернементального доктринаризма» (т. XIII наст. изд., стр. 405).

...*упрекавших нас в модерантизме ∞ но и к государыне*... — *Модерантизм* — термин эпохи французской революции, обозначавший умеренно-либеральное направление в политике. Этим именем называли жирондистов, представлявших правое крыло Конвента. *Гуввернементалисты* — сторонники принципа бюрократического административного управления. *Гебертисты* (эбертисты) — последователи Жака-Рене Эбера, деятеля французской революции, одного из руководителей левых якобинцев.

На днях мы получили два письма. Одно от стародавнего друга, другое от стародавнего противника. — Имеются в виду письма М. А. Бакунина и М. П. Погодина. Известно письмо М. А. Бакунина к Герцену и Огареву от 8 октября 1865 г., в котором он писал: «Наших друзей губят, — а черная русская изба, заключающая, по вашим словам, разрешение социальных вопросов, спит, как спала, мертвая и бесплодная в продолжение веков, потому что не веет в ней дух свободы, потому что давит ее государство — и будет спать она тем же глухим сном и не сделает ни шагу вперед русский социальный вопрос, пока будет существовать это государство. А если будут шаги, так в сторону или даже назад — отнюдь не вперед» (Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву, Женева, 1896, стр. 161. См. поправку к тексту этого письма: ЛН, т. 62, стр. 773). Об отношении Герцена к М. П. Погодину см. «Письма к противнику» (наст. том).

Стр. 455. ...*патриотической проказы 1863 и 1864*... — Имеются в виду реакционные шовинистические настроения русской дворянско-буржуазной общественности во время и после польского восстания 1863 г. ...*спор о кафтане Недоросля*... — Спором о сшитом Тришкой кафтане открывается комедия Д. И. Фонвизина «Недоросль» (действие 1-ое, явл. I—IV).

В этих словах ∞ (1 августа 1857)... — Герцен приводит цитату из своей статьи «Революция в России» (т. XIII наст. изд., стр. 22).

Ст р. 456. ...«так близко, так возможно»...— Перифраза двух стихов из «Евгения Онегина» (гл. VIII, XLVII).

...становились с «Колоколом» за пуговицей на его дороге...— По мнению М. К. Лемке, Герцен здесь использует русскую поговорку: «И за светлой пуговицей совесть живет».

...мы первые приветствовали его свободным русским словом при его восшествии на престол...— См. «Письмо к императору Александру Второму» (1855 г.), т. XII наст. изд., стр. 272—274.

...мы хотели с изгнанниками старого мира, с главами европейской революции пить за освободителя крестьян ∞ плошки польской кровью.— Герцен намеревался отметить торжеством в кругу близких и единомышленников подписание Александром II манифеста 1861 года. «У нас будет праздник...— писал он сыну 21 марта.— Обед для всех работников типографии и вечер для всех неработающих, т. е. раут (<...> ждем подробности постановлений для того, чтоб знать, стоит ли Александр II, чтоб я предложил его тост». Герцен предполагал произнести речь, которая должна была закончиться тостами в честь Александра II и в честь независимости Польши (см. текст речи в т. XV наст. изд., стр. 217—219). Но в последнюю минуту было получено известие о расстреле царскими войсками февральской демонстрации в Варшаве, и речь не была произнесена. Результатом этого события явилась статья Герцена «10 апреля 1861 и убийства в Варшаве» (т. XV наст. изд.; см. также Н. А. Тучкова-Огарева в а. Воспоминания, Л., 1929, стр. 301—302; ЛН, т. 63, стр. 59—70).

Ст р. 457. ...студентское дело...— См. комментарий к стр. 26 наст. тома.

...в этом пресловутом 1793 году на Неве?— В 1793 г. во Франции установилась якобинская революционно-демократическая диктатура и революционный террор. Герцен метафорически сопоставляет 1793 год с 1862-м в России, имея в виду террор царского правительства.

...по подкопам, сделанным «Молодой Россией» ∞ пузачеициной.— Прокламация «Молодая Россия» (1862 г.), автором которой был один из руководителей московского революционного кружка, студент Московского университета П. Г. Заичневский, видела единственный выход в «кровавой и неумолимой» революции, направленной против «императорской партии», куда включались все «имущие». Прокламация, призванная к истреблению всех тех, кто не окажется на стороне восставших, вызвала не только панику в либеральных и обывательских кругах, но, способствуя усилению реакции, встретила критическое отношение в демократическом лагере (см. Б. П. Ковьмин. П. Г. Заичневский и «Молодая Россия», М., 1932).

Ст р. 458. ...правительство ∞ как библейская Гофолия, находило одного врага — отрока...— Гофолия (Аталия), жена иудейского царя Иорама, после смерти своего сына Охозии истребила всех царских детей (из рода Давида) и этим проложила себе путь к престолу.

Ст р. 458—459. Греция воскресла ∞ Ирландия не сделалась Англией. Венеция молчит, как молчал Милан.— Герцен имеет в виду непрекращавшееся национально-освободительное движение в Ирландии против подчинения Англии и в Венеции против австрийского порабощения. Греция освободилась от турецкого ига в 1832 г.; Милан вышел из австрийского подчинения и стал частью объединенной Италии в 1859 г.

Ст р. 459. ...наша речь накануне Велепольского набора ∞ лямась в Царстве.— Герцен имеет в виду многочисленные выступления «Колокола» в защиту независимости Польши, предупреждающие возможность польского восстания со всеми его страшными последствиями для Польши и России (см. «Русским офицерам в Польше», «Подтасованный набор», «К адресу русских офицеров в Польше» и др. в т. XVII наст. изд.).

Стр. 459—460. ...*придворных Евменид...*— По древнегреческой мифологии, эрици, богини проклятия, кары и мести, по отношению к раскаявшимся преступникам становились эвменидами, богинями-благодетельницами.

Стр. 460. ...*православное санкюлотство до барковского сквернословия «Московских ведомостей»...*— Санкюлотами называли во время французской революции 1789 г. ее активных борцов, патриотов и граждан Республики. В данном случае Герцен употребляет термин «санкюлотство» для определения демагогических выступлений реакционной печати. О сквернословии «Московских ведомостей» писал в своем дневнике даже А. В. Никитенко, замечая, что Катков в «Московских ведомостях» «ругается, как пьяный мужик» (А. В. Никитенко. Дневник, II, М. 1955, стр. 373).

«Нолокол» 1 августа 1863 г.— Герцен имеет в виду статью «Протест» (т. XVII наст. изд.).

В эту темную ночь были написаны следующие строки ∞ не договорились.—Цитата из статьи «С континента (Письмо из Неаполя)», датированной 5 октября 1863 г. и напечатанной в К, л. 173 от 15 ноября 1863 г. (т. XVII наст. изд., стр. 279).

Стр. 463. *Орлов-Давыдов просит конституцию, чтоб отражать Бакля и Бунцена, Безобразов благодарит публично Каткова за ∞ поправке «Нолокола».*—См. в наст. томе «Поправки и дополнения»(стр. 329—331)

Стр. 466 ...*как крыловские дворянжки, полатят и перестанут...*— Имеется в виду басня И. А. Крылова «Прохожие и собаки».

Стр. 466—467. *Сам Константин Николаевич не нашел спуска ∞ только покажется из Совета, в котором притаился, так они и заляются опять, так и норовят изорвать адмиралтейскую шинеель...*— Герцен намекает на выступление Каткова против «либерализма» великого князя Константина Николаевича, занимавшего с 1865 по 1881 г. должность председателя Государственного совета. Говоря об «адмиралтейской шинеели» Константин, Герцен имеет в виду его титул генерал-адмирала.

Стр. 467. *Комическое единоборство министра просвещения с казенным листом, издающимся против него под фирмой одного из подведомственных ему мест...*— Герцен имеет в виду выступление «Московских ведомостей», издававшихся Московским университетом, против министерства народного просвещения. О «непостижимой наглости „Московских ведомостей“», в которых Катков «доходил до неистовства в отрицании, например, министерства народного просвещения», см. записки в дневнике А. В. Никитенко (т. II, М. 1955, стр. 373).

Адрес московского дворянства ∞ мечтают Безобразовы и Давыдовы-Орловы.— См. в наст. томе статьи «Прививка конституционной оспы», «Поправки и дополнения» и комментарий к ним.

Стр. 468. *Не все же иностранцам указывать нам, что у нас под ногами, как это сделал Гакстаузен.*— Имеется в виду «очень интересная, но неистово реакционная», по словам Герцена, книга барона Августа Гакстауэна «Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands», Hannover—Berlin, 1847—1852, где Гакетгаузен указал на роль крестьянской общины в русской жизни (см. «О развитии революционных идей в России», т. VII наст. изд., стр. 259—263).

CHAMBER OF HORRORS

Печатается по тексту К, л. 209 от 1 декабря 1865 г., стр. 1716, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Перу Герцена в этой заметке принадлежат, собственно, лишь заголовок и концовка. Однако концовка настолько значительна по содержанию и так органически связана с предшествующими ей газетными выдержками, что нарушать это единство не представляется возможным и заметка поэтому полностью включается в состав сочинений Герцена. Ему же принадлежат и все другие заметки в отделе «Смесь» этого листа «Колокола» (для них находятся веские, по большей части — документальные, аргументы в пользу авторской принадлежности Герцену).

ПОДЖИГАТЕЛИ И ПОДЛЕЦЫ

Печатается по тексту *К*, л. 209 от 1 декабря 1865 г., стр. 1716, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется ответственным редакционным характером заметки, заключающей целую серию статей и писем Герцена, посвященных «агентству в Тульче» («Письмо к издателю», «От издателей», «В редакцию „Инвалида“», «Агентство Герцена в Тульче и „Московские ведомости“», «Первая ретирада», «Письмо к издателю „Отголосков“», «Ответ на предложение „Московских ведомостей“», «Лжецы», «Агентство в Тульче»). Последние строки заметки («Нам становится стыдно, что мы оскорбили клеветами подлецов») имеют в виду личные обращения Герцена по этому поводу в редакции разных европейских газет с просьбой опровергнуть клевету Каткова и те статьи Герцена, где он высказывал свое оскорбление «клеветами подлецов».

Включено в издание М. К. Лемке (*Л*, XVIII, 277).

Стр. 471. *Иностранные газеты уже сообщили Европе факты, общепризнанные органом министра внутр. дел в Петербурге по поводу перепечатанных поджигательств.* — «Times», «Opinion Nationale», «Siècle» и др. перепечатали сведения, сообщенные 20 октября в № 227 «Северной почты». Там в статье «О пожарах в России» приводились официальные статистические сведения о пожарах с 1842 по 1864 г. Далее в статье было сказано: «После внимательного рассмотрения этих сведений мы имеем возможность сказать, что некоторые из исчисленных нами толков не имеют никаких оснований, а те, которые не лишены основательности, оказываются преувеличенными». Несмотря на то, что ни о Герцене, ни об «агентстве в Тульче», ни о польском обществе «Ognisko rewolucyjne» в статье не было ни слова, она на некоторое время положила конец клеветнической кампании о «зажигательной деятельности» революционных организаций. О попытках русской реакционной прессы оживить эту басню в 1867 г. см. т. XIX наст. изд.

...фосфорное агентство в Тульче... — Формулировка эта дословно взята из статьи «Сведения о пожарах в Северо-Западном крае», опубликованной в «Русском инвалиде» 6/18 августа 1865 г. и перепечатанной 8 августа в «Московских ведомостях», № 172 (см. статью «От издателей», стр. 406—408).

НАШИ БУДУЩИЕ ПЭРЫ И НАШИ ПРОШЕДШИЕ АНГЛОМАНЫ

Печатается по тексту *К*, л. 209 от 1 декабря 1865 г., стр. 1716, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании его письма к Н. А. Огаревой от 20 ноября 1865 г. Информировав ее о политических и

литературных новостях. в специальном разделе письма, названном «Смесь», Герцен сообщал: «Московское дворянство ходило просить генерал-губернатора, чтоб запретить пьесу Потехина, в которой смеются над помещиками». Об этом идет речь и в настоящей заметке.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVIII, 278).

Стр. 471 ... а п р е т и т ь пьесе Потехина «Отрезанный ломоть» ∞ достается крепостникам. — Комедия А. А. Потехина «Отрезанный ломоть» была напечатана в «Современнике», 1865, № 10, стр. 473—544, а затем отдельным изданием (СПб., 1865). Представленная к Уваровской премии, пьеса была послана на отзыв А. В. Никитенко, который обвинил Потехина в связи с «ниспровергателями» общественных устоев и «истин» существующего строя. (Свою рецензию А. В. Никитенко включил в 1866 г. в брошюру: «Три литературно-критические очерка», СПб., 1866, стр. 17—37.) См. далее в наст. томе статью Герцена «Первое запрещение, первое предостережение, первый суд!».

...досталось ∞ от экс-англоманов, ныне арендующих «Моск. вед. — М. Н. Катков и П. М. Леонтьев арендовали «Московские ведомости» у Московского университета. О каком выступлении «Московских ведомостей» идет речь, не установлено.

НИКОЛАЙ КАК ОРАТОР

Печатается по тексту К, л. 209 от 1 декабря 1865 г., стр. 1716, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVIII, 278—279) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки Вырубова, хранящейся в архиве семьи Герцена» (Л XVIII, 443). Достоверность этого указания подтверждается тем, что в ноябре 1865 г. Г. Н. Вырубов действительно был у Герцена (см. письмо Герцена к Вырубову 12 ноября 1865 г. и «Революционные воспоминания» Г. Н. Вырубова — «Вестник Европы», 1913, 1, стр. 53—79). Принадлежность заметки Герцену подтверждается также особенностями ее тематики и стиля.

Стр. 472. В августовской книжке «Русского вестника» ∞ первой *поэмы*. — Речь идет о статье Г. Ф. Соколова «Рассказ очевидца о происшествиях в Новгородской губернии во время холеры» («Русский вестник», 1865, 8, стр. 603—622). Цитируемая далее Герценом «речь» Николая I приводится на стр. 622.

ПЕРВОЕ ЗАПРЕЩЕНИЕ, ПЕРВОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ, ПЕРВЫЙ СУД!

Печатается по тексту К, л. 210 от 15 декабря 1865 г., стр. 1723—1724, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVIII, 283—287) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки А. А. Герцена, хранящейся в архиве семьи Герцена» (Л XVIII, 443).

Принадлежность статьи Герцену подтверждается также ее прямой связью с заметками «Avertissement Valouieff между avertissement и Акагуевским заводом» и «Наши будущие пэры и наши прошедшие англо-маны» (см. наст. том), где речь идет о цензурных гонениях и попытках

запретить пьесу Потехина «Отрезанный ломоть». О том же упоминает Герцен в письмах к Н. А. Огаревой от 20 ноября и к сыну от 30 декабря 1865 г. 14 января 1866 г. Герцен писал Н. А. Огаревой: «Вчера я послал книгу Бибикова, о которой было столько говорено,— первая книга, публично судимая и осужденная в Петербурге».

Комментируемая статья была ответом Герцена на правительственные репрессии в области литературы и журналистики в ноябре 1865 г., т. е. два месяца спустя после ввода в действие правил и инструкций о повременных изданиях, освобожденных от цензуры 6 апреля 1865 г. (см. об этом «Сборник циркуляров и инструкций министерства внутренних дел за 1865 и 1866 годы», собр. Д. Чудовский, СПб., 1873, стр. 120—124). Главным объектом правительственных преследований осенью 1865 г. стал «Современник», в связи с чем, по-видимому, находилось и запрещенное напечатанной в этом журнале комедии А. А. Потехина «Отрезанный ломоть».

Стр. 473. *„Отрезанный ломоть“ все-таки запрещен! Да здравствует Английский клуб!*— Известие о запрещении комедии Потехина было опубликовано в «Санкт-Петербургских ведомостях», № 287 от 11 ноября 1865 г. См. выше «Наши будущие перы и наши прошедшие англomаны», стр. 471 и комментарий к ней.

Распоряжение министерства внутренних дел 10 ноября 1865 г.— Впервые опубликовано в «Северной почте», № 245 от 11 ноября 1865 г., откуда перепечатано в «С.-Петербургских ведомостях», № 248 от 12 (24) ноября 1865 г.

...что в статье «Новые времена» оскорбляются начала брачного союза...— В статье Конвея «Новые времена, община реформаторов в Нью-Йорке», перепечатанной из «Fortnightly Review», пропагандировались новые формы социального быта, в том числе полная свобода заключения и расторжения брака.

...что в статье «Записки современника» начала собственности подвергаются прямому оспариванию и отрицанию...— Автор «Записок современника» критиковал современные принципы распределения, настаивая, чтобы рабочая плата «была связана с общей выработкой и имела свою часть в возростании этой выработки», и далее призывал читателя «направить свою внешнюю деятельность в том смысле, чтобы способствовать утвердиться положению нынешних цивилизованных классов на более справедливых и не связанных с засаждением чужого хлеба основаниях».

...зловредными для народного благосостояния...— На указанных страницах в «Записках» утверждалось, что «нравственная теорема признания личности, личной чести и достоинства в человеке равна признанию за ним права на общие приобретения культуры, т. е. нравственная теорема равна экономической».

Стр. 474. *Предостережение «Спб. ведомостям» было так глупо...*— См. «Avertissement Valouieff — между avertissement и Акатуевским заводом» (наст. том, стр. 442 и комментарий к ней).

...и летопись окончена его.— Перифраза слов Пимена из драмы Пушкина «Борис Годунов».

...это не жена Потифара, от нее не отделаешься клочком мантии.— По библейской легенде, Иосиф, проданный в Египет царедворцу Потифару и соблазняемый женой Потифара, спасая от нее бегством; вырвавшись, он оставил в ее руках одежду («Бытие», гл. XXXIX, 1—23).

...они порешат «Современник» без суда.— 4 декабря 1865 г. было вынесено «второе предостережение» «Современнику» (за помещение

в № 10 статьи Антоновича «Суемудрие „Дня“» и стихотворения Некрасова «Железная дорога» — см. «Северная почта», № 266 от 5/17 декабря 1865 г.) и предложено принять «карательные меры против журнала», т. е. закрыть его.

Ганри Мартин и «Сиекле» ∞ «Кёльнская газета» в Кёльне ∞ о д н о г о в р а г а. — Речь идет о социализме.

Стр. 475. ...что же за привилегии даны комиссарам Комитета общественного спасения, рассылаемым нашим Карно-Милютиным по провинциям? — Вероятно, Герцен имеет в виду разработанные Д. А. Милютиним еще в 1864 г. преобразования в Генеральном штабе, который он намеревался перестроить по образцу французской армии. Для этого в 1865 г. в статье закона, определяющие права военных начальников, были внесены изменения и дополнения (см. Всеподданнейший доклад по военному министерству за 1865 г. Фонд Д. А. Милютина. Шифр 169, папка 29, №№ 3 и 4).

Демагогические речи (из немцев) Кауфмана... — Герцен далее иронически рассказывает напечатанную в газете «Голос» (№ 391 от 20 ноября (2 декабря) 1865 г.) корреспонденцию о посещении г. Вилкомира начальником Северо-Западного края генерал-адъютантом фон Кауфманом (1 ноября 1865 г.), обратившимся с речами к местному дворянству и римско-католическому духовенству.

Стр. 476. ...вероятно, тоже и до поповской руки губами... — См. об этом заметку «Поцелуй Кауфмана» (наст. том, стр. 449).

...Безак — п е р е в о д и т католичество на русский язык... — Герцен имеет в виду деятельность начальника Юго-Западного края генерал-адъютанта А. П. Безака по «вкоренению православия и русской народности» среди польского населения.

Первый суд. — Описание разбирательства дела о книге П. А. Бибикова «Критические этюды» было помещено в «С.-Петербургских ведомостях», № 306 от 20 ноября 1865 г. Герцен иронически излагает ход дела, опираясь на материалы этой корреспонденции.

...разбором Стюарта Милля, Дарвина, Фурье и проч. — Книга «Критические этюды П. А. Бибикова. 1859—1865» (СПб., 1865) состояла из семи статей. Три статьи этого сборника по решению цензурного комитета были признаны «подлежащими судебному преследованию». Это статьи об учении Фурье («Современные утописты»), о логике С. Милля («Сентиментальная философия») и о теории Дарвина («Ревность животных»).

Стр. 477 ...и выпрашивать друзей Бибикова... — К допросу были привлечены князь Голицын и Пушкирев, «одобившие» поведение Бибикова.

«Состоялось ли судебное решение ∞ не известно. — Решение Уголовной палаты состоялось 19 ноября 1865 г. и было объявлено подсудимому 7 декабря. Бибиков был приговорен к «аресту на гаутвахте на семь дней» (см. Материалы, собранные особою комиссиею, высочайше утвержденною 2 ноября 1869 года, для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати, ч. 3, СПб., 1870, стр. 9—12).

ОТЕЦ МАРТЫНОВ И ОТЕЦ САМАРИН

Печатается по тексту К, л. 210 от 15 декабря 1865 г., стр. 1724, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Принадлежность заметки Герцену определяется упоминанием автора о своих «Письмах к противнику» (см. наст. том).

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVIII, 288).

Письмо И. М. Мартынова, иезуита, русского эмигранта, было опубликовано в № 45—46 газеты «День» от 20 ноября 1865 г. Вызвано оно было появившейся в № 12 «Дня» от 21 марта 1864 г. передовой статьей против иезуитов. В ответ на письмо Мартынова, перепечатанное затем отдельной брошюрой, Ю. Ф. Самарин в четырех номерах газеты (№№ 45—46, 47—48, 49, 50—51) помещал свои пространные возражения. Как письмо Мартынова, так и, особенно, ответы Самарина носили абстрактный религиозно-схоластический характер. (Герцен поэтому и называет его «отцом», как и патера Мартынова.) Вместе с тем редактор и ведущие сотрудники «Дня» не ответили на остро-политические три «Письма к противнику» Герцена, в которых он затрагивал злободневные вопросы современности и говорил о причинах своего разрыва со славянофилами.

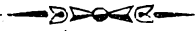
НАБРОСКИ

1864

«ПОЭТОМУ-ТО В СВОЕМ БЕШЕНСТВЕ ДОНОСОВ...»

Впервые опубликовано в издании М. К. Лемке (*Л* XXII, 142), который датировал заметку 1863—1866 гг. и ошибочно приписал Герцену абзац заметки Огарева. Дефекты первой публикации исправлены Я. З. Черняком в *ЛН* (т. 61, стр. 562), который установил по ссылке Огарева на статьи 1864 г. в «Киевском телеграфе» более точную дату заметки — 1864 г.

Печатается в настоящем издании по черновому автографу (*ЛБ*), находящемуся в записной книжке Огарева. На 54—55 лл. записной книжки имеется заметка Огарева о Каткове и Леонтьеве (см. *ЛН*, т. 61, стр. 561). Против расположенного на л. 55 абзаца: «Поэтому мы больше ничего не находим сказать их издателям: г-да Катков и Леонтьев, вы шпионы и мерзавцы, которым каждый честный человек имеет право наплевать или ударить в рожу, соразмеряя силу удара с степенью вашей подлости и зла, которые вы приносите русскому народу. Н. Огарев», на обороте 54 листа находится публикуемая запись Герцена. Возможно, что Герцен предполагал заменить этими строками текст Огарева.

РЕДАКЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ, ПРИМЕЧАНИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

1 8 6 4

〈ОБЩИЙ ФОНД〉 〈В ОБЩИЙ ФОНД ПОЛУЧЕНО ИЗ ГЕРМАНИИ...〉

Печатается по тексту *К*, л. 176 от 1 января 1864 г., стр. 1452, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVII*, 14).

Об истории создания «Общего фонда» см. в т. XVI наст. изд. заметку «От издателя» от 12 июля 1862 г. и комментарий к ней.

〈«КОЛОКОЛ» В 1864 БУДЕТ ИЗДАВАТЬСЯ...〉

Печатается по тексту *К*, л. 176 от 1 января 1864 г., стр. 1452, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

М. МУРАВСКИЙ

〈ВСТУПЛЕНИЕ〉

Печатается по тексту *К*, л. 177 от 15 января 1864 г., стр. 1456, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVII*, 19).

После публикуемых вступительных строк следует рассказ корреспондента о жизни Муравского, «притянутого к делу заговора, выдуманного Лужинным».

О «деле Муравского» см. в наст. томе комментарий к статье «П. А. Мартьянов и земский царь».

ЦАРСКИЕ ПОДАРКИ К НОВОМУ ГОДУ

〈ВСТУПЛЕНИЕ〉

Печатается по тексту *К*, л. 177 от 15 января 1864 г., стр. 1458, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

После публикуемого вступления следует выписка из газеты, говоря-

щая о приговоре по делу бывшего студента А. Фрязиновского, воспитанника духовной семинарии И. Благовещенского и др.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVII*, 19—20).

Стр. 482. ...мы прочли в русских газетах...— «Северная пчела», № 334 от 16 декабря 1863 г.

...начиная с студента Петербургского университета Капитона Сунгурова в Петербурга.— Вольнослушатель Петербургского университета К. Сунгуров был арестован в 1863 г. за распространение воззваний «Земли и воли». О благородном поступке его в университете в конце 1859 г. рассказывалось в *К*, л. 60 от 1 января 1860 г., в заметке «Гонимые гласности и студентов».

<ОБЩИЙ ФОНД>

<В ОБЩИЙ ФОНД ПОЛУЧЕНО ИЗ ИТАЛИИ...>

Печатается по тексту *К*, л. 177 от 15 января 1864 г., стр. 1460, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи и заголовка. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVII*, 27).

ПОПРАВКА

Печатается по тексту *К*, л. 178 от 1 февраля 1864 г. стр. 1468, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVII*, 43).

1 декабря 1863 г. издатели «Колокола» получили через С. Тхоржевского присланные из Германии в «Общий фонд» помощи эмигрантам 1000 франков (в переводе на англ. валюту — 40 фунтов стерлингов)— см. т. XVII наст. изд., стр. 316. Спустя некоторое время Тхоржевский получил письмо (без подписи и адреса) с запросом, переданы ли эти деньги по назначению. В комментируемой «поправке» подтверждается получение денег. Однако и после публикации этой поправки отправитель снова запросил Тхоржевского о судьбе посланных денег. В л. 180—181 от 1 марта 1864 г. в заметке «Объяснение» издатели «Колокола» в третий раз подтвердили получение денег (см. стр. 483 наст. тома).

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

<МЫ ПОЛУЧИЛИ ДВЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ...>

Печатается по тексту *К*, л. 179 от 15 февраля 1864 г., стр. 1476, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

М. К. Лемке, помещая заметку (*Л XVII*, 54), устанавливает принадлежность ее Герцену на основании письма Герцена (которого, однако, не приводит) к С. М. Розанову, студенту Гейдельбергского университета. М. К. Лемке считает С. М. Розанова автором обеих статей, о которых идет речь в заметке: «Братское слово к учителям семинарии» и «От детей к отцам». Как установлено М. М. Клевенским в обзоре «Герцен-издатель и его сотрудники», С. М. Розанов, отправленный в 1863 г. по окончании Петер-

бургского университета на три года за границу, жил в Гейдельберге не в качестве студента, а как начинающий ученый-ботаник (*ЛН*, т. 39—40, стр. 606).

Стр. 482. *Последнее мы с большой радостью помещаем в сегодняшнем «Общем Вече»...*—«Братское слово к учителям семинарии» было напечатано в «Общем вече», № 27 от 15 февраля 1864 г. В обращении содержался призыв «быть заодно с народом и с выражением русской народности — расколом», братья самим за дело спасения отечества, так как «нечего надеяться на царя, он совсем растерялся...». 18 февраля 1864 г. Н. И. Утин писал Огареву об этой статье: «Получил... «Колокол» с «Вечем». Я не могу передать вам чувство, с каким читал братское слово, — это замечательно отрадная вещь» (*ЛН*, т. 62, стр. 640). 20 марта 1864 г. в «Общем вече» было напечатано письмо того же автора под заглавием «Православным от православного» (с подписью: «Семинарист»), развивающее положения «Братского слова...»

⟨ОБЩИЙ ФОНД⟩

⟨В ОБЩИЙ ФОНД ОТ К...⟩

Печатается по тексту *К*, л. 179 от 15 февраля 1864 г., стр. 1476, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVII*, 54).

ОБЪЯСНЕНИЕ

Печатается по тексту *К*, л. 180-181 от 1 марта 1864 г., стр. 1492, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Объяснение написано от имени издателей «Колокола». Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVII*, 125).

См. выше (стр. 684) комментарий к заметке «Поправка».

ЗЛОДЕЙСТВА ПОЛЯКОВ И «ПРИМЕРНОЕ САМОТВЕРЖЕНИЕ РУССКОГО ПРОТОИЕРЕЯ»

⟨ВСТУПЛЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 182 от 20 марта 1864 г., стр. 1498—1499, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

После публикуемого вступления в «Колоколе» были приведены выдержки из «Донесения протоиерея Петропавловской церкви в Калише Крашановского», напечатанного в газете «Русский инвалид», № 36 от 13 (25) февраля 1864 г. В донесении подробно рассказывается, как почтовая карета, в которой сжал протоиерей Крашановский, была остановлена вооруженными поляками. Однако эти «варвары», «бандиты», «чудовища», как называет их протоиерей, накормив его, отпустили во-свои, не причинив никакого вреда и взяв лишь обещание, что он никогда не будет «перед русскими» называть их «варварами».

<ОБЩИЙ ФОНД>
<В ОБЩИЙ ФОНД 5 ФУНТОВ...>

Печатается по тексту *К*, л. 182 от 20 марта 1864 г., стр. 1500, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVII*, 140).

СЕМЕЙНАЯ ССОРА

<ВСТУПЛЕНИЕ>

Печатается по тексту *К*, л. 183 от 15 апреля 1864 г., стр. 1508, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

После публикуемых вступительных слов была помещена выдержка из «Русского инвалида», № 56 от 11 марта 1864 г., в которой с сожалением отмечалось, что в «С.-Петербургских ведомостях» в последнее время стали неосторожно объявляться во всеобщее сведение фамилии «разыскиваемых полицией лиц».

<ОБЩИЙ ФОНД>
<В ОБЩИЙ ФОНД ОТ И...>**

Печатается по тексту *К*, л. 183 от 15 апреля 1864 г., стр. 1508, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVII*, 151).

<ОБЩИЙ ФОНД>
<В ОБЩИЙ ФОНД ИЗ ИТАЛИИ...>

Печатается по тексту *К*, л. 184 от 1 мая 1864 г., стр. 1516, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVII*, 162).

СВОЙ ГАРИБАЛЬДИ

<ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ>

Печатается по тексту *К*, л. 185 от 15 мая 1864 г., стр. 1524, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVII*, 165).

После публикуемых вступительных строк следует цитата из «Московских ведомостей», № 95 от 30 апреля 1864 г., с описанием торжественной встречи, устроенной М. Н. Муравьеву по пути его следования из Вильно в Петербург, куда он прибыл 26 апреля (кресло с больным Муравьевым люди, «уважающие заслуги М. Н.», на руках вынесли из вагона, встретили хлебом и солью и т. д.). Ср. в статье Герцена «VII лет» (стр. 240 наст. тома) упоминание о том, как Муравьева в Петербурге «носили на креслах». О приеме Гарибальди в Англии в апреле 1864 г. см. в наст. томе заметку «Uncrowned king».

«МЫ С НЕТЕРПЕНИЕМ ЖДЕМ «ЕВРОПЕЙЦА»...»

Печатается по тексту *К*, л. 185 от 15 мая 1864 г., стр. 1524, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен. В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVII*, 166).

Заметка вызвана появлением в брюссельской газете «Листок», № 19 от 28 апреля 1864 г., статьи «Леонид Блюммер, агент русской тайной полиции», принадлежавшей перу редактора и издателя газеты кн. П. В. Долгорукова. Политическая биография Л. П. Блюммера еще недостаточно изучена, однако некоторые данные о его деятельности в эмиграции показывают, что обвинения, предъявленные Блюммеру Долгоруковым, имели серьезные основания. Выехав в конце 1861 г. из России, Блюммер сошелся в Лондоне с Герценом, Огаревым, Долгоруковым, сотрудничал в «Колоколе». В л. 119—120 Блюммер поместил за своей подписью статью «Защита московских профессоров», в которой опровергал некоторые факты из корреспонденции «Колокола» о волнениях в Московском университете. Выступление Блюммера носило в известной степени адвокатский характер по отношению к русскому правительству.

В начале 1862 г. Блюммер приступил к редактированию в Берлине журнала «Свободное слово». В л. 124 «Колокола» от 1 марта 1862 г. сообщалось о выходе нового журнала, программа которого составлена «в духе примирительно-прогрессивном и независимом» (см. т. XVI наст. изд., стр. 280). На 8-м выпуске берлинское издание «Свободного слова» прекратилось. Затем Блюммер выпустил первый и единственный номер газеты «Весть», в котором напечатал подозрительное по содержанию письмо какого-то анонима с просьбой прекратить высылку «Колокола» некоторым петербургским адресатам, так как это «наводит на них подозрение».

В среде политических эмигрантов Блюммер не пользовался достаточным доверием. В письме к Герцену и Огареву от 10 ноября 1862 г. Бакунин, излагая свой план широкой организации распространения изданий Вольной русской типографии и обсуждая возможные кандидатуры политических агентов, писал: «Теперь об агенте в Германии. Если бы мы были уверены в Блюммере, то можно было бы употребить его». Однако Бакунин предпочитал отказаться от услуг Блюммера, считая, что нужно выбрать другого человека — «дельного, честного, но очень скромного и очень осторожного» (Письма М. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву, Женева, 1896, стр. 90, 93).

В 1864 г. Блюммер предпринял в Дрездене издание новой еженедельной русской газеты «Европеец» (см. в наст. томе статью «Европеец» и комментарий к ней). В первом же номере Блюммер поместил статью, в которой рассказывалось о льготах, предоставленных царским правительством раскольникам, и об их решении «всех лондонцев предать проклятию, листы их сжечь и никогда не читать». Заподозрив в этой статье провокацию, Огарев писал О. Гончару 10 марта 1864 г.: «Если это получено правительством, то оно довольно ловко» (*Л XVII*, 134). Когда же была опубликована статья Долгорукова, Огарев в письме к О. Гончару от 4 июля 1864 г. писал: «Газета, которая нас ругала („Европеец“), оказалась шпионскою и прекратилась. Это вывел наружу Долгоруков» (там же, стр. 281). Следовательно, Огарев не подвергал сомнению справедливость обвинений против Блюммера в статье Долгорукова.

Ответ Блюммера на обвинения Долгорукова появился в № 10 «Европейца» от 7 июня 1864 г. Полностью перепечатав статью Долгорукова, Блюммер предпослал ей небольшое предисловие, в котором заявлял, что «люди сколько-нибудь развитые скорее поверят в сумасшествие кн. Долгорукова, чем в служение III-ему отделению Л. П. Блюммера». В том же номере была помещена защитительная статья И. Теплово с подробным раз-

бором высказанных в адрес Блюммера обвинений. Однако «защита» была так мало убедительна, что продолжать издание своей газеты Блюммер уже не смог. Последними строками 10-го номера «Европейца» было заявление издателя о том, что ввиду «невыполнения Л. П. Блюммером своих обязательств» издание газеты «Европеец» прекращается.

В 1865 г. Блюммер вернулся в Россию, где принес покаяние в своих «заблуждениях». Дело его разбиралось в Петербургской уголовной палате. 19 ноября 1866 г. Блюммеру был объявлен приговор о высылке его в Томскую губернию. Однако уже через год, 14 февраля 1868 г., по докладу шефа жандармов П. А. Шувалова Блюммер был помилован, а в 1870 г. получил право свободного передвижения по России и проживания в столице (ЦГИАМ. Секретный архив III отделения, фонд 109, 1 экспедиция, Дело № 110, ед. хр. 459, 461, 462, 481, 5883, 6136, 6386).

Серьезным аргументом в пользу обвинения Долгорукова против Блюммера является последнее свидетельство одного из самых осведомленных в делах политических агентов III отделения — Карла-Арвида Романа («Постникова»), известного по делу покушки у С. Тхоржевского архива П. В. Долгорукова.

Предлагая свой план пребывания за границей в качестве тайного агента в среде русской революционной эмиграции, Романн писал начальнику секретной экспедиции К. Ф. Филиппеусу 8 апреля 1870 г.: «Примеры Блюммера и Хотинского меня не пугают, ибо приемы, которым они следовали, были преждевременно крайние; они, в то время, когда эмиграция их еще изучала, вздумали итти наряду с нею — один (Блюммер), имея перед собой человека честных правил (Долгорукова), вздумал расказать ему, как он откроет подписку на свой журнал и надует подписчиков, а другой (М. Хотинский) обратился к самому скрытному и осторожному человеку (Герцену) с нескромными вопросами. Конечно, оба потерпели fiasco!» (ЦГИАМ. Секретный архив III отделения, фонд 109, Дело № 411, лист 35 об.).

ОКОЛИЦА ИБЯНЫ

«ВСТУПЛЕНИЕ»

Печатается по тексту К, л. 186 от 15 июня 1864 г., стр. 1531, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

После публикуемых вступительных строк в «Колоколе» следовала выдержка из «Dziennik Poznański», в которой говорилось о жестокой расправе полковника Яшвеля с жителями Ибян. Эта польская деревня была стерта с лица земли по приказанию М. Н. Муравьева за сочувствие ее жителей к восставшим. Даже по официальным, сильно преуменьшенным данным, было сослано в Сибирь свыше 5 тыс. человек. Из «Записок» М. Н. Муравьева «о мятеже 1863 г.» видно, что эта «выходящая из обыкновенного разряда», по его собственной характеристике, репрессивная мера применялась им в Польше довольно часто.

20 мая 1864 г. в № 111 газеты «Московские ведомости» появилась корреспонденция «Из Ковна», в которой рассказывалось об открытии и освящении первой новой русской слободы, устроенной на том месте, где в прошлом году стояла шляхетская околица Ибяны. По словам газеты, в этой околице находился штаб польских повстанцев, которые якобы напали на живших поблизости староверов и повесили одиннадцать человек. За это, по приказанию Муравьева, околица была сожжена дотла, а предводитель повстанцев ксендз Петрович — казнен. Корреспонденцию «Московских ведомостей» перепечатал «Русский инвалид» (№ 114 от 22 мая 1864 г.).

НОВАЯ ФАЗА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Печатается по тексту *К*, л. 186 от 15 июня 1864 г., стр. 1532, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVII*, 267) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается запиской Чернецкого» (*Л XVII*, 439).

ОБЪЯВЛЕНИЕ

〈В ЖЕНЕВЕ БУДЕТ ВЫХОДИТЬ...〉

Печатается по тексту *К*, л. 186 от 15 июня 1864 г., стр. 1532, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

〈ВСТУПЛЕНИЕ И ПРИМЕЧАНИЯ〉

Печатается по тексту *К*, л. 189 от 15 сентября 1864 г., стр. 1549—1550, где опубликовано впервые, в качестве вступления и подстрочных примечаний к статье Н. И. Утина «Николай Гаврилович Чернышевский», подписанной *З.* Автограф неизвестен. Последнее примечание, подписанное *А. Г.*, включено в издание М. К. Лемке (*Л XVII*, 339).

〈ОБЩИЙ ФОНД〉

〈В ОБЩИЙ ФОНД (МЫ НАЧАЛИ УЖЕ ЗАБЫВАТЬ ОБ ЕГО СУЩЕСТВОВАНИИ) ПОЛУЧЕНО...〉

Печатается по тексту *К*, л. 189 от 15 сентября 1864 г., стр. 1556, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVII*, 341).

〈УВЕДОМЛЕНИЕ〉

〈СЕНАТСКАЯ ЗАПИСКА ПО ДЕЛУ ЧЕРНЫШЕВСКОГО...〉

Печатается по тексту *К*, л. 190 от 15 октября 1864 г., стр. 1564, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVII*, 362). «Сенатская записка» по делу Чернышевского была опубликована в *К*, л. 193 от 1 января 1865 г., с примечаниями от редакции (см. наст. том, стр. 487).

〈УВЕДОМЛЕНИЕ〉

〈ПИСЬМО, В КОТОРОМ ГОВОРИТСЯ...〉

Печатается по тексту *К*, л. 190 от 15 октября 1864 г., стр. 1564, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия, с подписью: *Ред.* Заголовок взят из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVII*, 362).

Установить, о каком письме идет речь, не удалось. Мнение о том, что «черная полоса» в русском настроении проходит, Герцен высказывал во

многих статьях и письмах этого периода. Так, в заметке о смерти Прудона он говорит о борьбе «не оконченной, но приостановившейся за туманом» (см. стр. 314 наст. тома), в статье «Поправки и дополнения» — о том, что «Колокол» «звонит, *звонит живых*, как прежде, будет звать, и это еще вопрос, для нас не вовсе ясно решенный, что дольше останется: наш ли звон или нынешнее направление „Московских ведомостей?“» (см. стр. 331 наст. тома); ср. в письме к Огареву от 20 марта 1865 г.: «надобно сильно привыкаться за работу <...> снова рвануться в ряды живых».

〈ОБЩИЙ ФОНД〉

〈В ОБЩИЙ ФОНД ПРИСЛАНЫ В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ...〉

Печатается по тексту *К*, л. 191 от 15 ноября 1864 г., стр. 1572, где опубликовано впервые, без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVII*, 389).

ОПОЗДАВШЕЕ ПИСЬМО

〈ВСТУПЛЕНИЕ〉

Печатается по тексту *К*, л. 192 от 1 декабря 1864 г., стр. 1577, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Вслед за публикуемыми вступительными строками в «Колоколе» было напечатано большое письмо корреспондента, рассказывающее о событиях в России — приказе ставить торжественные щиты в день приезда государя, новом назначении И. К. Бабста, об отставке директора московских театров Л. Ф. Львова, большом количестве смертных случаев от пьянства в Москве и др.

〈ОБЩИЙ ФОНД〉

〈В ОБЩИЙ ФОНД ПОЛУЧЕНО 5 ФУНТОВ...〉

Печатается по тексту *К*, л. 192 от 1 декабря 1864 г., стр. 1580, где опубликовано впервые, без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVII*, 416).

1865

ДЕЛО ЧЕРНЫШЕВСКОГО

〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

Печатается по тексту *К*, л. 193 от 1 января 1865 г., стр. 1582, где опубликовано впервые, как третье подстрочное примечание к публикации сенатской записки по «Делу Чернышевского», с подписью: *А. Герцен*. Автограф неизвестен.

Основная часть примечаний к публикации «Дела Чернышевского» принадлежит Огареву. Именно им сделаны в примечаниях многочисленные отсылки, с приведением цитат, к Своду законов, раскрывающие юридическую несостоятельность ареста Чернышевского, всего дальнейшего разбирательства его дела и приговора. Составление примечаний такого рода потребовало, конечно, немало времени и труда, о чем Огарев и упомянул в своем письме к Е. Салиас де-Турнемир от 22 декабря 1864 г.: «Надеюсь, что на днях дойду до того, что поставлю себя бодрым работником. Начну с примечаний к делу Чернышевского» (*ЛН*, т. 61, стр. 840).

Однако не исключена возможность, что помимо подписанного Герценом 3-го примечания, Герцену принадлежат и некоторые другие. Герцен мог сделать их, просматривая рукопись или корректуру 193 листа «Колокола». Известно, что этот лист составлялся Огаревым, но Герцен просматривал его, когда Огарев в декабре 1864 г. приезжал в Париж. В этот период Герцен и мог внести свои примечания в публикацию «Дела Чернышевского», которым он очень интересовался.

Во всяком случае, некоторые примечания своей экспрессией и блеском юмора резко отличаются от спокойных, подчеркнуто документальных примечаний Огарева. Таковы 5, 6, 8 и 18 примечания:

«⁵ Всеволод Костомаров — был уже прежде известен доносом: умышленно разжаловать в солдаты агента тайной полиции и послать его с жандармским офицером с тем, чтобы они сочинили клевету на человека, которого иначе обвинить было не в чем, а обвинить хотелось — как это хитро! На каком законе основываясь, правительство начало следствие *подлогом*? И подлог этот скреплен высочайшим решением! Что же — государь участвует в подлоге? Или он жалкая игрушка в руках злодеев?»

«⁶ Видно, у дряхлых сенаторов глаза постоворчивее, чем у секретарей!» «Секретари Сената «определили» поначалу, что записка в типографию относительно печатания воззвания к раскольникам — писана рукою не Чернышевского; сенаторы же признали, что почерк принадлежит Чернышевскому».

«⁸ Как же это, гг. секретари — раз так, а раз иначе?»

«¹⁸ Итак, следствие и суд над Чернышевским произведены в противность здравому смыслу, честной правде и всем, приведенным нами в примечаниях, статьям Уголовных законов! Ай да Сенат!»

(В последнем примечании Герцену, возможно, принадлежит одна заключительная фраза.)

7 июля 1862 г. в Петербурге на своей квартире по Большой Московской улице в доме № 4 был арестован Н. Г. Чернышевский. Формальным поводом для ареста, давно predeterminedого руководителями государственного охранительного аппарата, послужило упоминание имени Чернышевского в нелегальном письме Огарева и Герцена к Н. А. Серно-Соловьевичу, захваченном у П. А. Ветошникова при его возвращении из Лондона в Россию (М. К. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», СПб., 1908, стр. 22).

Первые сведения об аресте Чернышевского и Н. А. Серно-Соловьевича опубликованы были Герценом в «Колоколе» 15 августа 1862 г., л. 141, стр. 1165.

Процесс Чернышевского, инспирированный III отделением с помощью провокаторов Костомарова и Яковлева, правительство вело в глубокой тайне. Тем не менее Герцен, используя информацию своих осведомленных корреспондентов, периодически помещал в «Колоколе» сведения о ходе дела Чернышевского (см. *К*, лл. 153, 186, 187, 188, 189).

Узнав о расправе над Чернышевским, Герцен с негодованием писал 1 июня 1864 г.: «Этот акт варварства, несправедливости, жестокости дает представление о либеральных и благожелательных настроениях нынешнего императора» (см. наст. том, стр. 201). Желая разоблачить провокационный характер процесса, Герцен напечатал в л. 190 «Колокола» от 15 октября 1864 г. обращение к друзьям с просьбой прислать «Сенатскую записку», на основе которой был вынесен приговор по делу Чернышевского. Вскоре просьба Герцена была удовлетворена (остается неизвестным, кто и каким образом смог достать и переслать в Лондон этот секретный документ). Публикуя его в «Колоколе», Герцен в подстрочном примечании разоблачил явную передержку, допущенную в «Сенатской

записке» при цитировании его письма к Н. А. Серно-Соловьевичу Так, вместо «мы готовы издавать „Современник“ здесь с Чернышевским или в Женеве», как было в письме, в «Сенатской записке» значилось: «мы здесь или в Женеве намерены с Чернышевским издавать „Современник“».

Стр. 487. ...не находился в переписке с Чернышевским.— Формально Герцен имел все основания к такому утверждению. Письмо редакторов «Колокола», сыгравшее столь роковую роль, было адресовано Н. А. Серно-Соловьевичу, хотя поставленный в нем вопрос, безусловно, требовал от адресата согласования ответа с Чернышевским. Посылая упомянутое письмо в Россию с П. А. Ветошниковым, выехавшим из Лондона 25 июня 1862 г., Герцен и мысли не имел, что оно может повлечь такие трагические последствия. Позднее в «Былом и думах» Герцен подробно рассказал обстоятельства этого «печального дела», которое принесло ему «столько ночей без сна» (см. т. XI наст. изд., стр. 327—328). Как установлено, агентом III отделения, воспользовавшимся доверием Герцена и сообщавшим своему начальству о пересылаемых из Лондона в Петербург корреспонденциях, был Г. Г. Перетц (см. М. К. Лемке Политические процессы в России 1860-х гг., М.—Л., 1928, стр. 179, а также публикацию в ЛН, т. 67, стр. 685—697).

...остановился перед этой проделкой.— Герцен имеет в виду последующий текст Сенатской записки, в которой дважды упоминалось о том, что «нет повода признавать Чернышевского виновным в участии с Герценом в его стремлениях пропагандой ниспровергнуть существующий в России образ правления, а посему (...) обвинение сие следует признать недоказанным» (см. К, л. 193, стр. 1585, ср. стр. 1588; «Процесс Чернышевского», Саратов, 1939, стр. 328, 331). В примечаниях к этому месту записки редакторы «Колокола» написали: «Между тем Чернышевский был арестован по поводу сношений, признанных недоказанными» (К, л. 193, стр. 1585).

...печатать его на наш счет за границей...—Правительственным распоряжением от 15 июня 1862 г. было приостановлено на восемь месяцев издание журналов «Современник» и «Русское слово». Редакция «Колокола» в номере от 15 июля 1862 г. откликнулась на это распоряжение заявлением «От издателей», в котором предложила издавать в Лондоне все журналы, запрещенные в России «вследствие политического террора», обещая при этом материальную поддержку издателям (подробнее об этом см. т. XVI наст. изд., стр. 214 и 420).

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН В РОССИИ И ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ

(Из Москвы)

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Печатается по тексту К, л. 195 от 1 марта 1865 г., стр. 1604, где опубликовано, как подстрочное примечание, с подписью: *Изд. «Кол.»*. Авторграф неизвестен.

Статья «Освобождение крестьян в России и польское восстание», присланная в редакцию «Колокола» из Москвы неизвестным автором, подписавшимся «В-ъ», печаталась в двух листах «Колокола» (№№ 194 и 195). Относительно этой статьи Огарев писал 19 января 1865 г. Е. В. Салиас де-Турнемир: «Кстати, в том № „Колокола“ будет не моя, а статья NN, и сам не знаю чья, из России, просто прелесть как пробирательна... Склоняю колени перед этим новым неизвестным; хорошо, кабы побольше подобных» (ЛН, т. 61, стр. 842). Мысль оговорить в «Колоколе» неполное согласие с автором статьи принадлежит Герцену. 2 февраля 1865 г. Гер-

цен писал Огареву: «Я<...> прибавил бы одну строку к статье „Из Москвы“, вроде: „Благодаря за присылку и вполне оценивая статью, мы не можем сказать, чтобы соглашались с автором безусловно“».

КРЕСТЬЯНЕ И ДУХОВЕНСТВО НА ВЫБОРАХ

⟨ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 196 от 1 апреля 1865 г., стр. 1611, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Публикация газетных материалов, открывающаяся приведенными вступительными строками, непосредственно продолжает тему, начатую Герценом во второй части статьи «Либеральничанье „Московских ведомостей“» (см. наст. том).

СЕМЬ УБИТЫХ КРЕСТЬЯН И ТРИДЦАТЬ РАНЕННЫХ В ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

(Из письма к издателям)

⟨ПРИМЕЧАНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 198 от 15 июня 1865 г., стр. 1627, 1628, где опубликовано без подписи, как подстрочное примечание и заключение. Автограф неизвестен.

В 198 листе *К* большое место отведено публикации материалов, взятых из писем к издателям (см. «Московскую пыль» в разделе «Обработанных корреспонденций»). Обработкой этих материалов занимался, вероятно, Герцен. Во время составления 198 листа, 6 июня 1865 г., Огарев, находившийся в Женеве, писал Герцену в Буазьер: «...есть еще кое-какие письма, которые передать тебе нужно; также есть статья» (*ЛН*, т. 39—40, стр. 408). Речь идет, конечно, о письмах не личного характера.

ДВА ПИСЬМА ЯРОСЛАВА ДОМБРОВСКОГО

⟨ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 200 от 15 июля 1865 г., стр. 1639, где опубликовано без подписи. Автограф неизвестен.

Письма Я. Домбровского были присланы в «Колокол» от «одного из его товарищей», вероятно, Герцену, поддерживавшему постоянную связь с «польскими выходцами», в том числе и с самим Домбровским.

МОЩИ ДМИТРИЯ РОСТОВСКОГО ПОД ПОЛИЦЕЙСКИМ СЛЕДСТВИЕМ

⟨ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 203 от 1 сентября 1865 г., стр. 1665, где опубликовано без подписи. Автограф неизвестен.

⟨ОБЪЯВЛЕНИЕ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 204 от 15 сентября 1865 г., стр. 1676, где опубликовано без подписи и заголовка. Заглавие взято из *ОК*.

Записка по делу И. А. Андрущенко была напечатана в лл. 208—210 «Колокола» за 1865 г. и в лл. 211—215 за 1866 г. Имя лица, доставившего Герцену этот официальный документ, не установлено. Одной из задач публикации было предостеречь оставшихся на свободе членов «Земли и воли», поскольку к моменту выхода перечисленных номеров «Колокола» дело еще не закончилось. Текст отчета о деле Андрущенко, опубликованный в «Колоколе», был перепечатан В. Богучарским в книге «Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг.», Париж, 1903, стр. 81—134. Подлинник дела хранится в ЦГИАМ, ф. III, отд. След. комиссии, д. 111, лл. 29—114.

ПИСЬМО ИЗ МОСКВЫ

(Дантист Извольский. Государь в Москве.
Дело Бугона).

«РЕДАКЦИОННЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ»

Печатается по тексту *К*, л. 207 от 1 ноября 1865 г., стр. 1699, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Редакционная обработка «Письма из Москвы» (т. е. подзаголовков и замечания от редакции) сделана, по всей вероятности, Герценом. Герцен часто употреблял гоголевское слово «дантисты» для обозначения любителей рукоприкладства и всяческого насилия вообще. В 1863 г. в статье «Сигизмунд Сераковский» он писал о «наших генералах-дантистах» (т. XVII наст. изд., стр. 219); в главе «Молодая эмиграция» («Былое и думы», ч. VII, гл. III) говорил о «дантистах нигилизма и базаровской беспощадной вольницы» (т. XI наст. изд., стр. 352). Первая часть опубликованного письма является ответом на редакционный запрос, содержащийся в заметке Герцена «Дерущийся по дорогам губернатор и нежный муж» (наст. том, стр. 439).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVIII, 244).

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ВОЕННЫХ СУДОВ «ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ»

Печатается по тексту *К*, л. 207 от 1 ноября 1865 г., стр. 1700, где опубликовано без подписи. Автограф неизвестен.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л*, XVIII, 246)

В 1864 г. крестьяне деревни Песочной Тульской губернии миром отказались платить оброк и сопротивлялись всем распоряжениям уездной полиции. Вызванные губернскими властями войска быстро прекратили сопротивление крестьян и насильно собрали недоимку. Только братья Ф. и С. Ивановы отказались подчиниться распоряжениям военного начальства. Вооружившись топорами, они пытались отстоять свое имущество от полного разграбления. Один из них ранил солдата, а потом себя. Ивановы были взяты под стражу и преданы военному суду (см. Е. А. Морозов. «Крестьянское движение 1827—1869 годов», вып. II, М.—Л., 1931, стр. 95). В 1865 г. братья Ивановы были расстреляны. См. также в наст. томе заметку «Всякий расстреливает» и комментарий к ней.

«КОЛОКОЛ» НА 1866

Печатается по тексту *К*, л. 209 от 1 декабря 1865 г., стр. 1716, где опубликовано впервые, без подписи; повторено в л. 210, стр. 1724. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVIII*, 288).

Объявляя о продолжении «Колокола», его издатели не только пропагандировали свою газету, но и опровергали злостные слухи о ее прекращении. Ср. аналогичное обращение в л. 191 от 15 ноября 1864 г. (наст. том, стр. 266).

ОБЩИЙ ФОНД

Печатается по тексту *К*, л. 210 от 15 декабря 1865 г., стр. 1724. Автограф неизвестен.

Настоящая заметка отмечает единственное в 1865 г. поступление в Общий фонд.

DUBIA

1864

ОПОДЛЕНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ

Печатается по тексту *К*, л. 176 от 1 января 1864 г., стр. 1451, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В пользу принадлежности заметки Герцену говорит ее тематика и заголовков.

Стр. 493. ...*архиепископ полоцкий и витебский*...— Имеется в виду Василий (Лужинский), епископ полоцкий и витебский с 1840 г.

ХРОНИКА ПОДЛОСТИ

Печатается по тексту *К*, л. 176 от 1 января 1864 г., стр. 1451, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В пользу авторства Герцена говорит тематика и стиль заметки: пролическое описание обеда, на котором князь Горчаков исполнял роль «пристяжного» при «коренном» Муравьеве. О профессоре Московского университета Баршеве Герцен писал в статье «Изобличитель» (см. т. XIV наст. изд. и комментарий к ней).

Стр. 493. *Реляция обеда ∞ оканчивается в «Москов. ведомостях» так...* — Далее цитируется из «Московских ведомостей», № 273 от 15 декабря 1863 г., статья: «Обед в петербургском Английском клубе в честь князя А. М. Горчакова». Об обеде в Английском клубе см. в наст. томе комментарий к стр. 19.

И ЭТО СЛАВА?

Печатается по тексту *К*, л. 177 от 15 января 1864 г., стр. 1459, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVII*, 22).

ДРУЖБА И БРАТСТВО

Печатается по тексту *К*, л. 177 от 15 января 1864 г., стр. 1459, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVII*, 23). В пользу принадлежности заметки Герцену говорит ее тематика.

Стр. 495. *Какой-то друг г. Каткова; фон Роткирх...* — Речь идет о В. А. Роткирхе (см. комментарий к стр. 61 наст. тома). Катков поместил в «Московских ведомостях» за декабрь 1863 г. и январь 1864 г. несколько бюллетеней о его здоровье (см. «Московские ведомости», № 279 от 22 декабря 1863 г., «Известия из Варшавы», а также №№ 1, 7 и 13 от 1, 10, 17 января 1864 г.). В заметке цитируется передовая статья «Московских ведомостей», № 274 от 17 декабря 1863 г.

⟨ПРОСИМ ДАТЬ НАМ КЛЮЧ...⟩

Печатается по тексту К, л. 177 от 15 января 1864 г., стр. 1459, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заголовка.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XVII, 24).

ССЫЛКА ОДНОГО ВМЕСТО ДРУГОГО

Печатается по тексту К, л. 179 от 15 февраля 1864 г., стр. 1476, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XVII, 52).

В пользу принадлежности заметки Герцену говорит ссылка на материал газеты «The Times», который обрабатывал для «Колокола» обычно Герцен. Характерна для публицистических приемов Герцена заключительная фраза заметки.

ХОЗЯИН НЕ ПОЗВОЛЯЛ!

Печатается по тексту К, л. 179 от 15 февраля 1864 г., стр. 1476, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XVII, 52—53).

Стр. 496. *...русскую басню ∞ позволения.* — Цитируется рассказ В. И. Даля «Находчивое поколение» (см. «Повести, сказки и рассказы казака Луганского», СПб., 1846, ч. IV).

В том листе «Современной летописи» ∞ не могу читать. — Цитируется извлечение из путевого «Дневника» Н. Виноградова, помещенное в «Современной летописи», № 2 за 1864 г.

РОЖНОВСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ

Печатается по тексту К, л. 180—181 от 1 марта 1864 г., стр. 1491, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В ОК озаглавлено: «Рожновские политические понятия и г-жа Скаржинская».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XVII, 123). В пользу принадлежности заметки Герцену говорит ее тематика.

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление: Стр. 497, строка 34: так вместо: и так

Стр. 497. *...сказал следующую речь...* — Выдержки из речи варшавского губернатора генерала Е. П. Рожнова были опубликованы в № 38 газеты «Северная пчела» от 8/20 февраля 1864 г.

...учтивый кавалер Берг ∞ предложил несчастной женщине позор своего бала.— Желая создать видимость дружелюбного отношения русской администрации Варшавы к польскому населению, наместник Царства Польского граф Ф. Ф. Берг устраивал в своем дворце балы, на которые приглашал представителей польского дворянства. Однако, несмотря на все старания Берга и его чиновников, польские женщины не появлялись на эти балы. Так, «Северная пчела» в № 4 от 4 января 1864 г. сообщала, что на балу у графа Берга 28 декабря, где гостей принимал сам наместник и супруга начальника штаба войск, расположенных в Польше, К. И. Минквиц,— долек не было.

НАШИ ПАТРИЦИИ

Печатается по тексту *K*, лл. 180—181 от 1 марта 1864 г., стр. 1491, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*JL XVII*, 124). В пользу принадлежности заметки Герцену говорит обработка материалов газеты «*Le Nord*», которую делал в «Колоколе» обычно Герцен.

Стр. 498. *А благородные вот что говорят...*— Цитируется сообщение петербургского корреспондента «*Le Nord*», рассказавшего этот случай как пример отставания «аристократическим меньшинством» своих «старых прав и привилегий» («*Le Nord*» от 22 февраля 1864 г.).

АВСТРИЯ НА КОЛЕНЯХ

Печатается по тексту *K*, лл. 180—181 от 1 марта 1864 г. стр. 1492, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*JL XVII*, 124).

В пользу принадлежности заметки Герцену говорит ее тематика и близость к статье «*Die heilige Tripel Allianz*» (см. наст. том).

В 1864 г. Александр II подтвердил права Австрии на территорию Галиции (см. в наст. томе комментарий к заметке «*Die heilige Tripel Allianz*»). В феврале Австрия ввела в Галиции военное положение.

Переход Австрии на позиции России и Пруссии в польском вопросе справедливо расценивается в заметке как полное подчинение ее русской политике.

Стр. 498. — «*День*» еще недавно напомнил нам о некрологе *Г и л ь ф е р д и н г а...* — Речь идет об управляющем государственным архивом министерства иностранных дел, сенаторе Ф. И. Гильфердинге. Некролог был напечатан в № 2 «*Дня*» от 11 января 1864 г.

ПИСЬМО ИЗ МОСКВЫ

Печатается по тексту *K*, л. 183 от 15 апреля 1864 г., стр. 1507, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Включено в издание М. К. Лемке (*JL XVII*, 261—262) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из письма сына Герцена, хранящегося

в архиве семьи Герцена» (Л XVII, 438). Однако Лемке ошибочно поместил статью среди материалов л. 186 «Колокола», что дает основание взять под сомнение и указание на свидетельство сына.

В пользу принадлежности заметки перу Герцена говорит обзор материалов газеты «The Times».

Стр. 498. ...дуэль Леонтьева с гласным...— 26 февраля 1864 г. в Москве произошла дуэль между редактором Каткова по «Московским ведомостям» П. М. Леонтьевым и старшиной дворянства в московской всесословной думе С. Н. Гончаровым. Причиной дуэли была оскорбительная статья Каткова о думе, помещенная в № 10 «Московских ведомостей» от 14 января 1864 г., и последующая полемика в № 39 от 16 февраля и № 40 от 18 февраля.

...усердные подвиги Всеволода Костомарова. — Речь идет о провокаторе В. Костомарове, выдавшем М. Л. Михайлова, а также сыгравшем предательскую роль в деле Н. Г. Чернышевского и некоторых других революционеров 60-х годов.

Его стараниями был взят купец Басов...— Семен Басов был арестован в 1863 г. по делу о распространении прокламации «Земли и воли» — «Льется польская кровь, льется русская кровь» — и других революционных воззваний.

Стр. 499. Читатели наши, вероятно, помнят ∞ в духовном училище...— Речь идет о заметке «Пример воспитания в духовных училищах», помещенной в № 27 «Общего веча» от 15 февраля 1864 г.

Все будет покрыто митрополитовой мантией. — Вл. 192 «Колокола» (от 1 декабря 1864 г.) было опубликовано «Опоздавшее письмо» из Москвы, в котором говорилось, что «дело иеромонаха Саввы, который засек ученика Донского монастырского училища, кончилось ничем, благодаря заступничеству богоявленного архимандрита Игнатия, внука Филарета».

⟨НОВОЕ СРЕДСТВО УМИРОТВОРЕНИЯ⟩

Печатается по тексту К, л. 183 от 15 апреля 1864 г., стр. 1508, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из ОК.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XVII, 150).

См. в наст. томе заметку «Православие на рельсах» и комментарий к ней.

Стр. 499. ...в Вильне запрещено купцам с покупателями говорить по-польски ∞ иначе. — В корреспонденции «Из Вильна», напечатанной в «Московских ведомостях», № 20 от 25 января 1864 г., рассказывалось, что в Вильне запрещено во всех общественных местах, в том числе в кафе и ресторанах, говорить или писать объявления по-польски.

ПРАВОСЛАВИЕ НА РЕЛЬСАХ

Печатается по тексту К, л. 184 от 1 мая 1864 г., стр. 1516, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XVII, 162).

В пользу авторства Герцена говорит содержание заметки, посвященной той реакционной роли, которую играла русская православная церковь при подавлении польского восстания и последующей руссификации Польши (см. в наст. томе заметки «Оподление православия», «Школа правоведения», «Письмо из Москвы», «Новое средство умиротворения» и др.),

Стр. 499. «День», с яростью ополчившийся в последнее время на папуж, латынство, иезуитство... — См. в наст. томе заметки: «На Волянь!», «Аксаков в гостях у Каткова» и др.

Стр. 499—500. ...толпами отставленные служители польских железных дорог... — Руссификация Западного края проводилась жестокими мерами. «Московские ведомости» (№ 134 от 18 июня 1864 г.) писали в передовой статье: «Мы желали энергических распоряжений; мы спешили изменить персонал администрации, переполненной польским элементом, и сзывали чиновников со всех концов Российской империи... Признавать какие-либо права этого элемента на русской почве, не значит ли это узаконять государственную измену и увековечивать зло». В Западном крае был изгнан «из употребления польский язык в ... школах, в присутственных местах..., во всех публичных местах, кофейнях, кондитерских и т. д.» (см. передовую статью в № 126 «Московских ведомостей» от 7 июня 1864 г.). Уволенные в Западном крае с работы на железных дорогах польские служители обращались с просьбой принять их на русские железные дороги во внутренних губерниях.

КАЗНИ РУССКИХ

Печатается по тексту К, л. 184 от 1 мая 1864 г., стр. 1516, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XVII, 162).

Стр. 500. ...«Русский инвалид» говорит... — Сообщение о казни в Сувалках 21 марта (1 апреля) 1864 г. рядового Калужского пехотного полка Федора Блашнина и в Остроленке 17 (29) марта рядового пехотного принца Карла Прусского полка Владимира Иванова «за побег и пребывание в шайках» (т. е. в рядах восставших) было опубликовано в № 80 газеты «Русский инвалид» от 9 (21) апреля 1864 г.

БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ПЛОДОРОДИЕ

Печатается по тексту К, л. 185 от 15 мая 1864 г., стр. 1524, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XVII, 165).

Стр. 500. «Русский инвалид», рассказывая в Петербурге... — 6 апреля и 5 мая 1864 г. в Петербург приезжали делегации от польских крестьян Варшавской, Радомской, Августовской, Плоцкой и Люблинской губерний, «чтобы выразить глубокую благодарность за права, даро-

ванные указом 19 февраля 1864 г.» (см. «Русский инвалид», № 78 и 101 от 6 апреля и 7 мая 1864 г.). Обе делегации были приняты императором Александром II.

ЗЕМЛЯ И ЛИПРАНДИ

Печатается по тексту *К*, л. 185 от 15 мая 1864 г., стр. 1524, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVII*, 165).

Стр. 500. *Генералу-от-инфантерии Липранди*... — По-видимому, речь идет о генерале П. П. Липранди. Участник подавления польского восстания 1830—1831 гг., Липранди затем отличился в Крымской войне; впоследствии начальник штаба гренадерского корпуса.

ИЗ ПОЛЬШИ

Печатается по тексту *К*, л. 187 от 15 июля 1864 г., стр. 1539—1540, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVII*, 304).

В пользу принадлежности заметки перу Герцена говорит ее польская тематика и обзор газеты «*Kölnische Zeitung*».

Сведения о казнях участников польского восстания перепечатаны из «Московских ведомостей», № 121 от 2 июня 1864 г.

ОКЛЕВЕТАННЫЙ КАТКОВ

Печатается по тексту *К*, л. 189 от 15 сентября 1864 г., стр. 1556, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVII*, 340—341).

В пользу принадлежности заметки Герцену говорит ее тематика (характеристика «литературных приказчиков» — Каткова и Леонтьева).

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ ЕВРЕЯМ

Печатается по тексту *К*, л. 189 от 15 сентября 1864 г., стр. 1556, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVII*, 341).

В сентябре-октябре 1864 г. в парижской газете «*Siècle*» и в субсидированной русским правительством газете «*Le Nord*» развернулась горячая полемика вокруг вопроса о положении евреев в России. «*Siècle*» писал о русских евреях как о европейских «париях», подвергающихся беспрестанным гонениям и издевательствам, а русские законы, касающиеся евреев, трактовал как «законы Линча».

«*Le Nord*» пытался найти оправдание такого порядка вещей в особенностях православной церкви. Поводом для возникшей дискуссии послужило распоряжение киевского генерал-губернатора покинуть евреям

Киев в течение недели под страхом больших штрафов и жестоких наказаний (см. «Le Nord» от 13 сентября). «Из Киева дошел сюда слух, что тамошние евреи, в числе 8000 душ, получили недавно приказание в продолжение недели выехать из города. В 1828 году последовало запрещение евреям проживать в Киеве; но мало-по-малу они проникли туда под видом временных приездов и с помощью различных уловок оставались там неопределенное время...», — говорилось в «Московских ведомостях» в заметке «Из Петербурга» (№ 98 от 3 мая 1864 г.).

Стр. 502. ... *материализм*... — Имеется в виду статья «Шлейден о материализме новейших германских естествоиспытателей», напечатанная в газете «День», № 1 от 1 января 1864 г. В статье утверждалось, что «материализм есть современная общеевропейская болезнь», с которой надо вести систематическую борьбу.

... *устроив православную церковь на Западе и ободвив братчиков*... — В 1864 г. проводились правительственные мероприятия по массовому открытию православных церквей в Западном крае. «Московские ведомости» из помера в помер печатали списки и отчеты о частных пожертвованиях на строительство церквей. Вернейшим средством к достижению полного торжества православия в Западном крае издатель «Дня» считал развитие церковных братств, ведающих народным образованием. (См. передовую статью И. Аксакова в № 4 «Дня» от 25 января 1864 г., статью «Белорусса» «Белорусские письма», письмо IV в № 2 от 11 января 1864 г., и др.).

... *принялся за прерванное гонение евреев, на этот раз с таким ожесточением ∞ мимо дома Мазаровича*. — В заметках и статьях «Дня» не раз на протяжении 1864 г. утверждалось, что евреи — «верные клеветы и сподвижники» восставших поляков (см., например, заметку Ф. Чижова «Киев в настоящее время», напечатанную в газете «День», № 2 от 21 марта). В доме Мазаровича помещалась редакция газеты «День».

<40000 СЕР. ?>

Печатается по тексту К, л. 189 от 15 сентября 1864 г., стр. 1556, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из ОК.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XVII, 341). В пользу авторства Герцена говорит тематика заметки.

Стр. 502. ... *одному публицисту в Москве*... — Намек на М. Н. Каткова.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ОПЕКА

Печатается по тексту К, л. 190 от 15 октября 1864 г., стр. 1563, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из ОК.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XVII, 347).

УБИЙСТВО В СИМБИРСКЕ

Печатается по тексту К, л. 190 от 15 октября 1864 г., стр. 1564, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Сведения, использованные в этой заметке, сообщены Герцену Ю. Ф. Самариним. «В Симбирске уличены два солдата, — писал он 2 ноября 1864 г., — поляк и черемис. Первый на допросе объявил, что это месть Польши, и не выдал никого из своих соумышленников. Оба были расстреляны» («Русь», № 2 от 17 января 1883 г.).

ПРАВЫ МОЛОДЕЖИ ИСПРАВЛЯЮТСЯ

Печатается по тексту *К*, л. 191 от 15 ноября 1864 г., стр. 1572, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XVII, 389).

Заметка написана по поводу корреспонденции «Из Гейдельберга». «Немецкое решение русской усабицы», подписанной «У» и опубликованной в кн. 6 «Библиотеки для чтения» за 1864 г. (стр. 19—20). См. в наст. томе заметку «Кому сечь?» и комментарий к ней.

1 8 6 5

ИЗ ГРУЗИИ

Печатается по тексту *К*, л. 196 от 1 апреля 1865 г., стр. 1612, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Авторство Герцена предполагается на том основании, что все остальные заметки, помещенные в «Смеси» 196-го листа, принадлежат ему. Восклицательные знаки и курсивы в цитате характеризуют герценовскую манеру обработки чужого текста. Однако не исключена возможность, что корреспонденция о речи барона Николаи была прислана из Грузии к Н. Я. Николадзе и подготовлена к печати им же.

ПРОДОЛЖЕНИЕ КАЗНЕЙ В ПОЛЬШЕ

Печатается по тексту *К*, л. 197 от 25 мая 1865 г., стр. 1615, где опубликовано впервые, в составе подборки газетных корреспонденций, озаглавленной «Кровь и кровь!».

Возможность принадлежности этой заметки Герцену (как и составления им всей публикации о продолжающихся казнях) определяется на том основании, что эти материалы являются фактическим комментарием к тому протесту против террористического режима в Польше после подавления восстания, который выразил Герцен в том же листе *К* в «Письме к императору Александру II» (см. наст. том, стр. 337—341).

18 марта 1865 г. по приговору военного суда шляхтич Минской губернии и уезда из околицы Холявщины Телесфор Антонов Холево за «нахождение в мятежнической шайке» был «подвергнут смертной казни повешением» в селе Боровяны Минского уезда («Московские ведомости», № 84 от 21 апреля 1865 г.).

РОЗГИ В ОСТЗЕЙСКИХ ПРОВИНЦИЯХ

Печатается по тексту *К*, л. 198 от 15 июня 1865 г., стр. 1628, где опу б-ликовано впервые, в отделе «Смесь».

Возможность принадлежности заметки Герцену определяется тематикой (близкой обычным его интересам), ироническим расчетом цены одного удара, а также заключительными фразами. Негодующие, клеймящие вопросы или восклицания в конце разоблачительных заметок — характерная черта публицистической манеры Герцена, свойственная, однако, не ему одному, почему заметка и отнесена к разряду дубиальных.

Заметка написана по поводу утверждения 19 февраля 1865 г. генерал-губернатором Лифляндии, Эстляндии и Курляндии нового положения о наказаниях, по которому за поместными дворянами и судьями земской полиции было оставлено право на телесное наказание общинных крестьян, слуг и учеников; телесные наказания при этом могли быть заменены штрафами (см. «Московские ведомости», № 60 от 18 марта 1865 г.).

«МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Печатается по тексту *К*, л. 201 от 1 августа 1865 г., стр. 1652, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». Заголовок взят из *ОК*.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена предполагается на основании тематики: именно Герцен с особенным вниманием следил за освещением польских событий в «Московских ведомостях», постоянно разоблачая связь руководителей этой газеты с Муравьевым Вешателем. Ироническое предположение, что второй лист перечня преступлений в Польше начнется с Муравьева, подтверждает авторство Герцена. Заметка печатается в отделе *Dubia*, поскольку в ней не обнаруживается стилистических признаков, подтверждающих авторство Герцена.

В издании М. К. Лемке также отнесена к разряду *Dubia* (*Л* XVIII, 170).

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР ЗА НАРУШЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Печатается по тексту *К*, л. 205 от 1 октября 1865 г., стр. 1684, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В *ОК* озаглавлено: «Смертный приговор».

Авторство Герцена предполагается на том основании, что в 205-м листе он составлял отдел «Смесь», и по тематической связи с заметкой «Эс-букет кауфмановского цистеронства» (напечатана в «Колоколе» непосредственно перед комментируемой заметкой).

QUASI-ПАВЛОВСКАЯ СЕНТЕНЦИЯ

Печатается по тексту *К*, л. 206 от 15 октября 1865 г., стр. 1692, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Возможность авторства Герцена определяется материалом заметки (именно Герцен освещал в «Колоколе» всякого рода комические истории и происшествия, случавшиеся с членами императорской фамилии). О пристрастном внимании Александра II к деталям военной формы писал

Герцен в статье «Наши прогрессы» (наст. том). Однако отсутствие характерно герценовских стилистических черт (за исключением заголовка) заставляет отнести заметку к разряду Dubia, как это сделано и в издании М. К. Лемке (*Л XVIII*, 236).

ТАКСА ЗА ДОНОСЫ

Печатается по тексту *К*, л. 206 от 15 октября 1865 г., стр. 1692, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Авторство Герцена предполагается на основании тематики заметки и некоторых особенностей ее стиля. В первом из «Писем к путешественнику», перечисляя несчастья Польши, Герцен, между прочим, писал и о том, что казна Польши шла «на содержание тайной полиции враждебного повелителя и на премии за доносы» (см. наст. том, стр. 348). Герцен внимательно следил за публикациями «Варшавского дневника», обрабатывая их для «Колокола».

В издании М. К. Лемке также отнесено к разряду Dubia (*Л XVIII*, 236—237).

ВСЯКИЙ РАССТРЕЛИВАЕТ

Печатается по тексту *К*, л. 207 от 1 ноября 1865 г., стр. 1700, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

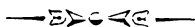
Авторство Герцена предполагается на том основании, что в 207 листе «Колокола» именно он составлял «Смесь» и все другие заметки «Смеси» этого листа принадлежат ему (см. выше).

ЛУКАШЕВ И МАСЛОВСКИЙ

Печатается по тексту *К*, л. 210 от 15 декабря 1865 г., стр. 1724, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Авторство Герцена предполагается на том основании, что в 210 листе ему принадлежат все остальные заметки раздела «Смесь». Тематика заметки и концовка подкрепляют это предположение.

В издании М. К. Лемке также отнесено к разряду Dubia (*Л XVIII*, 287).

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

1 8 6 4

ПИСЬМА К ПРОТИВНИКУ

Письмо 1

Печатается впервые по рукописи *ЛБ*, представляющей собой письмо Герцена к Ю. Ф. Самарину от 29 июля 1864 г., в котором он пишет: «Позвольте, вместо молодежи, начать в «Колоколе» ряд писем без вашего имени, без намеков и совершенно в серьезном тоне. Посылаю вам начало, судите сами». В конце письма Герцен добавляет: «Если вы найдете неудобным помещение письма теперь, то я его переделаю в форме и помещу статью, как бы писанной *ad usum* «Дня», месяца через два, чтоб отнять возможность отгадать повод. В слоге я, может, сделаю поправки, но сущность и, главное, тон — останутся».

Далее, на листах 2,2 об. и 3, следует этот первоначальный набросок первого письма «к противнику». Заголовок: «Письма к противнику. Письмо 1» и первая фраза написаны рукою Герцена. Далее от слов: «Трудно себе представить...» до «западными террористами» переписано Н. А. Герцен (на полях помета Герцена: «Переписала моя дочь»), а от слов: «Защитниками петровской империи» и до конца продолжено рукою Герцена. Часть письма, переписанная Н. А. Герцен, имеет правку Герцена.

⟨Два черновых отрывка⟩

Печатаются впервые по автографу *ЛБ*, представляющему собой черновую тетрадь, по-видимому, склеенную из отдельных листков и содержащую ранние наброски писем Герцена к Ю. Ф. Самарину, два отрывка из «Писем к противнику» и один из статьи «Что же дальше?»

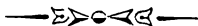
Первый отрывок из «Писем к противнику» помещен на обороте л. 2 тетради и является первоначальным наброском текста, вошедшего впоследствии в третье письмо. Абзац «За пропаганду ∞ приговоры» повторяет сведения о расправе с Аригольдтом, Ростовским и др., сообщенные Герценом в III гл. «Новой фазы в русской литературе».

Второй отрывок находится на лл. 4—5 тетради. В конце отрывка, внизу страницы написаны отдельные фразы из «Писем к противнику» — одна зачеркнутая: «NB. Теория наказания ведет к ответственности виновников в Петер. и след. <2 нрзб. >» а интереснее узнать причину», и другая: «у вас почвы нет, но ведь почва обычная бывает под ногами, а у вас она сверх головы». На обороте страницы отдельные пометки Герцена: «Статья

„Журналисты и террористы“, 15 авг. 1862», «Каким образом славяно-филы могут без явного противуречия поддерживать немецкое правителство» и др.

<ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?>

Печатается впервые по автографу ЛБ (см. комментарий к предыдущему тексту). Отрывок помещен на лл. 8—9, на обороте которых отдельные обрывки фраз: «С какой высотой, с каким благородством соединено у поляков непониманье...» и др.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ И МАТЕРИАЛЫ, ОБРАБОТАННЫЕ В РЕДАКЦИИ «КОЛОКОЛА»

1 8 6 5

МОСКОВСКАЯ ПЫЛЬ

Печатается по тексту *К*, л. 198 от 15 июня 1865 г., стр. 1628, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XVIII, 144—145).

Герцену, несомненно, принадлежит заголовок и подзаголовки; следы обработки в особенности заметны в третьей части публикации, рассказывающей о «разбойниках в штате полиции».

ЕЩЕ О ДОМБРОВСКОМ

Печатается по тексту *К*, л. 201 от 1 августа 1865 г., стр. 1651, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абадонна, персонаж поэмы Клопшток «Мессиада» (падший ангел)
- Агриппина Юлия (16—59), мать римского императора Нерона — 258, 591, 592
- Адашев Алексей Федорович (ум. 1561), государственный деятель, ближайший советник царя Ивана Грозного в годы его молодости — 33, 52, 541, 550
- Адлерберг Владимир Федорович, граф (1790—1884), генерал-адъютант, в 1852—1870 гг. министр императорского двора, пользовался особым доверием Николая I и Александра II — 246, 346, 551
- Аксаков Иван Сергеевич (псевдоним — Касьянов) (1823—1886), публицист и поэт, один из виднейших представителей славянофильского лагеря, в 1861—1865 гг. издавал газету «День» — 28, 35, 40, 49, 50, 53, 86, 95, 100, 101, 112, 164, 214, 229, 442, 444, 449, 477, 502, 529, 539, 546, 549, 551, 561, 562, 564, 583, 592, 600, 602, 603, 614, 668 — 670, 672, 681, 700, 702
- «Из Парижа» — 28, 539
- «Памятная заметка к университетскому обеду 12 января» — 53, 551
- Аксаков Константин Сергеевич (1817—1860), публицист, драматург и литературный критик славянофильского лагеря — 49, 74
- «Князь Луповицкий» — 74
- Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859), писатель — 49, 78
- «Семейная хроника» — 78
- Александр I (1777—1825), император — 130, 131, 137, 179, 180, 181, 187, 308, 359, 367, 573, 575, 624, 632, 634
- Александр II (1818—1881), император — 11—13, 15, 17, 18, 25, 28, 34, 35, 39, 40, 41, 46, 48, 52, 56, 61, 62, 66, 102, 114, 142, 144, 146, 150—152, 154, 155, 158, 192, 193, 196, 200—202, 204, 205, 208, 225, 226, 231—234, 240, 246, 250—253, 258, 262, 264, 265, 270—272, 277, 286, 292—294, 297, 317, 322, 325, 327, 328, 335—341, 384, 386, 394, 396, 397, 412, 418, 432, 435, 436, 448, 456, 467, 468, 475, 482, 489, 500, 504, 511, 528, 556, 543, 545, 547, 550, 552, 553, 562, 564, 567, 572, 574, 576, 578, 580, 581, 586—592, 594—596, 602, 604, 613—614, 616, 620, 622—624, 629, 636, 639, 642, 644, 645, 647, 649, 663, 665, 671, 673, 675, 691, 698, 701, 703, 704
- Амборжинский Феликс, казнен 5 января 1864 г. в г. Острове за участие в польском восстании — 49, 548
- Амурский, граф — см. Муравьев-Амурский Н. Н.
- Андросов Василий Петрович (1803—1841), московский статистик, журналист и обществ. деятель — 31
- Андрущенко Иван Алексеевич (ок. 1840—1864), в 1859 г. окончил Межевой институт в Москве, служил землемером в Киевской губернии; арестован в 1863 г.

- по делу «Земли и воли» — 489, 694
- Анна Иоанновна (1693—1740), императрица — 41, 317, 546, 614
- Анненков Митрофан, дежурный офицер в г. Замосце — 55
- Анненков Николай Николаевич (1799—1865), генерал-адъютант, член Государственного совета, в 1862—1865 гг. киевский, подольский и волынский генерал-губернатор, командующий войсками Юго-западного края — 35, 161, 211, 262, 544, 593, 701
- Анфантен Бартеlemi - Проспер (1796—1864), франц. социалист-утопист, последователь Сен-Симона; в общине, созданной сенсимонистами после революции 1830 г., получил титул «верховного отца»; в 1832 г. пытался организовать в Менильмонтане (предместье Парижа) трудовую коммуну (т. наз. «Менильмонтанское семейство») — 360, 364, 632, 634
- Апраксин Антон Степанович, граф (1817—1899), генерал-майор свиты, в 1861 г. руководил подавлением крестьянского восстания в с. Бездна Казанской губернии — 145, 195, 286, 532, 552
- Арачев Алексей Андреевич, граф (1769—1834), генерал-от-артиллерии, временщик при Павле I и Александре I, военный министр в 1808—1810 гг., организатор и главный начальник военных поселений — 10, 14, 39, 41, 42, 242, 267, 289, 319, 345, 461, 547.
- Арапов Пимен Николаевич (1796—1861), новгородский вице-губернатор с 1839 по 1841 г.; автор повестей и сентиментальных повестей, а также «Летописи русского театра» (1861) — 57, 553
- Аркадий (377—408), с 395 г. император Римской империи, владел ее восточной частью—417, 656
- Аркадий (до пострижения Андрей Родионович Шапошников) (ум. 1868), раскольничий епископ; в 1854 г. эмигрировал в Турцию, последние годы жил в Славе — 424, 659.
- Арнольдт Иван Николаевич, поручик 4 стрелкового батальона, член революционной организации русских офицеров в Польше; расстрелян 16 июня 1862 г. в крепости Новогеоргиевск — 27, 38, 40, 146, 196, 244, 291, 292, 339, 456, 511, 518, 538, 586, 603, 706
- Аскоchenский Виктор Ипатьевич (1813—1879), реакционный журналист, в 1858—1877 гг. редактор-издатель журнала «Домашняя беседа для народного чтения» — 33, 49, 58, 65, 67, 86, 241, 541, 549, 554
- Атила (ум. 453), король гуннов, возглавил опустошительные набеги гуннов на Галлию и Италию — 310
- «Аугсбургская газета» — см. «Allgemeine Zeitung»
- Бабеф (Baboeuf) Гракх; настоящее имя—Франсуа Ноэль(1760—1797), деятель франц. революции, коммунист-утопист; в 1796 г. возглавил «заговор равных», казнен термидорианцами — 14, 98, 287, 468, 529, 603
- Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788—1824) — 129, 134, 179, 183, 318, 351, 352, 631 — «The Darkness» («Тьма») — 351, 352, 631 — «Доп-Жуан» — 134, 183 — «Манфред»; Манфред — 134, 184
- Бакай Яков Игнатьевич, лакей в доме отца А. И. Герцена — 320, 615
- Бакунин Михаил Александрович (1814—1876) — 44, 347, 374, 396, 447, 454, 487, 535, 540, 543, 549, 609, 610, 627—629, 635, 661, 662, 671, 673, 674, 687 — «Русским, польским и всем славянским друзьям» — 347, 629
- Бакунина Антонина Ксаверьевна, жена М. А. Бакунина — 447, 671
- Балабин Виктор Петрович (1811—1864), в 1858—1864 гг. русский посланник в Вене — 248, 587, 588
- Барков Иван Семенович (ок. 1732—1768), поэт и переводчик, автор порнографических стихотворений — 67, 460

- Баррьер Теодор (1823—1877), франц. драматург;
— «Les filles du marbre» — 38, 546
- Баршев Сергей Иванович (1808—1882), профессор Московского университета, с 1864 г. — ректор — 41, 493, 494, 546, 696
- Барятинский Александр Иванович, князь (1814—1879), генерал-фельдмаршал, в 1856—1862 гг. главнокомандующий отдельным Кавказским корпусом и наместник Кавказа — 33
- Басов Семен, коломенский купец, арестован в 1863 г. по делу о распространении прокламаций «Земли и воли» — 498, 699
- Бахтин Николай Иванович (1796—1863), член Государственного совета, в 1864 г. председатель комиссии по составлению нового рекрутского устава — 85
- Баюшев Василий, князь, симбирский помещик; автор статьи «Скептицизм „Санкт-Петербургских ведомостей“» — 419, 420, 657
- Безак Александр Павлович (1800—1868), генерал-адъютант; в 1865—1868 гг. киевский, подольский и волынский генерал-губернатор — 476, 680
- Безобразов Николай Александрович (1816—1867), реакционный публицист; в 1855—1867 гг. предводитель дворянства Петербургского уезда; выступал с требованием созыва дворянского представительства — 323, 329, 331, 463, 467, 613, 617, 618, 676
- Бейдеман Михаил Степанович (1840—1837), поручик; в 1860 г. эмигрировал, сражался в войсках Гарибальди, затем работал в Волыной русской типографии; в 1861 г. арестован при попытке нелегально вернуться в Россию и заключен в Петропавловскую крепость; пробыв 20 лет в одиночном заключении, лишился рассудка и умер в больнице для умалишенных — 401, 649
- Бекенев Николай (род ок. 1845), гимназист; за попытку принять участие в польском восстании присужден в 1864 г. к смертной казни, замененной солдатчиной — 335, 336, 620, 621
- Бекки Шарп (Чарп) — см. В. Теккерей, «Ярмарка тщеславия»
- Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) — 43, 140, 141, 150, 166—168, 189—191, 200, 216—218, 244, 284, 370, 465, 546, 573, 576
- Беллини Винченцо (1801—1835), итал. композитор;
— «Норма» — 248, 249, 587, 588
- Бельгард (Белгард) К. А., генерал-лейтенант, в 1863 г. начальник Калишского военного отдела Царства Польского — 261, 592
- Бёме (Бём) Якоб (1575—1624), нем. философ-мистик — 95
- Бендер, врач в г. Плёшове — 55
- Бенкендорф Александр Христофорович, граф (1783—1844), генерал-адъютант, с 1826 г. шеф жандармов и главный начальник III отделения — 246, 267, 465, 575
- Бени (Бени) Артур (1840—1867), журналист, англ. подданный; вел революционную агитацию в России, в 1864 г. арестован за недонесение о приезде в Петербург В. И. Кельсиева и выслан из России — 148, 198, 396, 419, 576, 646, 657
- Бентам Иеремия (1748—1832), англ. правовед и философ — 359, 632
- Берамже Пьер Жан (1780—1857) — 322, 374, 560, 615
— «Les étoiles qui filent» («Падающие звезды») — 85, 560
- Берг Федор Федорович, граф (1794—1874), генерал-фельдмаршал; в 1863—1866 гг. наместник Царства Польского — 10, 19, 35, 41, 52, 61, 223, 246, 402, 408, 494, 497, 500, 517, 518, 546, 547, 693
- Бернацкая, жена Бернацкого (см.) — 54, 55
- Бернацкий, участник польского восстания 1863 г. — 54, 55
- Бибилов Петр Алексеевич (1832—1875), публицист и переводчик — 476, 477, 679, 680
— «Критические этюды» — 476, 477, 679, 680

- «Библиотека для чтения», ежемесе-
 сячный литературный журнал,
 издавался в Петербурге в 1834—
 1865 гг.; в 1863—1865 гг. редак-
 тор П. Д. Боборыкин — 502,
 625, 630, 634, 703
- Библия — 74, 89, 132, 181, 330,
 351, 363, 423, 458
- Бирон Эрнст Иоганн (1690—1772),
 фаворит императрицы Анны Ио-
 анновны и фактический пра-
 витель России в 1730—1740 гг.
 — 41, 81, 240, 243, 319, 345, 371,
 461, 546
- Бисмарк Отто фон-Шёнгаузен,
 князь (1815—1898), прусский
 государств. деятель и дипломат,
 с 1862 г. министр-президент
 Пруссии — 95, 245, 252, 253,
 307, 317, 513, 586, 606
- Блан Луи (1811—1882), франц.
 социалист-утопист — 361, 632—
 634
- Блашнин Федор, рядовой Калу-
 жского пехотного полка; казнен
 в 1864 г. за участие в польском
 восстании — 500, 700
- Блудов Дмитрий Николаевич,
 граф (1785—1864), председатель
 Комитета министров (с 1861 г.)
 и Государственного совета (с
 1862 г.) — 482, 554
- Блудова Антонина Дмитриевна,
 графиня (1812—1891), дочь гр.
 Д. Н. Блудова, с 1863 г. камер-
 фрейлина императрицы — 58,
 86, 225, 530, 533, 553, 554, 580, 581,
 595
- Блюммер Леонид Петрович (1840—
 1888), журналист; в 1861—1865 гг.
 жил за границей; в 1862—
 1863 гг. издавал в Берлине,
 затем в Брюсселе журнал «Сво-
 бодное слово», в 1864 г. в Дрез-
 дене журнал «Европеец» — 105,
 476, 484, 563, 637, 638
- Бобрищев-Пушкин Павел Серге-
 евич (1802—1865), декабрист,
 член Южного общества — 342,
 549, 623, 624
- Бодзанта (ум. 1389), архиепископ,
 в 1386 г. короновал на польский
 трон Владислава Ягайло — 329
- Бодиско Василий Константинович,
 член кружка Т. Н. Грановского,
 предполагаемый адресат «Писем
 к путешественнику»; в 1856 г.
- сотрудничал в «Современнике» —
 343—383, 627, 628
- Бокль (Бэкл) Генри Томас (1821—
 1862), англ. историк и социоло-
 г-позитивист — 97, 330, 331,
 463, 617, 618, 676
- Болотов (Болтин) Андрей Тимофе-
 евич (1738—1833), писатель —
 78, 559
- «Записки Андрея Тимофеевича
 Болотова» — 78, 559
- Болтин — см. Болотов А. Т.
- Бомарше Пьер Огюстен Карон де
 (1732—1799);
- «Женитьба Фигаро» — 130, 179,
 575
- Бондарцев Савелий, рядовой Ниже-
 городского пехотного полка, рас-
 стрелян в 1864 г. за участие в
 польском восстании — 501
- Борута — см. Вержбицкий И.
- Браге Тихо (1546—1601), датский
 астроном — 510
- Брайт Джон (1811—1899), англ.
 политич. деятель, один из лиде-
 ров фритредеров, вместе с Кобде-
 ном (см.) организовал «Лигу борь-
 бы против хлебных законов» — 9,
 10, 48, 453, 523, 543, 674
- Брайтон, мэр города Саутгемпто-
 на — 115, 568
- Браницкий, граф, польский поме-
 щик, просивший у Александра II
 защиты от самоуправства М. Н.
 Муравьева — 327
- «Братское слово к учителям се-
 минарий» — анонимная статья,
 напечатанная в «Общем вече» (см.
 Розанов С. М.) — 482, 684, 685
- Бредау Мария, содержательница
 публичного дома в Москве —
 420
- Бржоско, ксендз, командир от-
 ряда польских повстанцев, каз-
 нен 11 мая 1865 г. — 391, 642
- Бригс — 406
- Брисбейн (Брейсбен) Альбер (1809
 — 1890), северо-американский
 социалист-утопист — 361, 633
- Брум Генри (1778—1868), англ.
 политич. деятель, член палаты
 лордов; прокламировал необ-
 ходимость демократизации госу-
 дарственных учреждений — 360,
 633
- Бруссе Франсуа-Жозеф (1772—
 1838), франц. врач; основным

- средством лечения считал местные кровопускания — 360, 632
- Брут Люций Ювий (ум. 509 г. до н. э.), основатель и первый консул Римской республики; осудил на смерть собственных сыновей за участие в заговоре против республики — 168, 248, 327, 618
- Брюллов Карл Павлович (1799—1852) — 138, 188, 575
- «Последний день Помпея» — 138, 188, 575
- Бугон, студент Московского университета, в 1865 г. осужден на церковное покаяние за оскорбление, нанесенное сестре Кичеева (см.) — 489, 694
- Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859), реакционный журналист, критик и беллетрист; редактор «Северной пчелы» — 57, 66
- Бунзен (Бунцен) Христиан Карл (1791—1860), прусский государств. деятель и ученый, автор исследований в области истории религии — 330, 331, 463, 617, 618, 676
- Буонарроти (Бонарроти) — см. Микеланджело
- Бурбоны, королевская династия, правившая во Франции (в 1589—1792 и 1814—1830 гг.) и в Неаполе (в 1735—1806 и 1814—1860 гг.) — 256, 322, 376, 590, 615
- Бутков Владимир Петрович («général Routkoff») (1818—1881), государственный секретарь в 1853—1864 гг., с 1865 г. — член Государственного совета и Комитета министров; принимал участие в подготовке судебной реформы — 33, 336, 393, 542, 643
- Бутков Михаил Григорьевич (ум. 1862), брат академика П. Г. Буткова — 33, 542
- Бутович, киевский предводитель дворянства в 1864 г. — 161, 211
- Бушо, учитель А. И. Герцена в детские годы — 72, 559
- Бэклъ — см. Бокль
- В-ь, автор статьи «Освобождение крестьян в России и польское восстание», напечатанной в «Колоколе» — 488, 692
- Валтер, в 1864 г. суперинтендант лютеранской церкви в 'остзейских провинциях — 228
- Валуев Петр Александрович (1814—1890), министр внутренних дел в 1861—1868 гг. — 19, 123, 146—148, 152, 153, 160—162, 172, 196—198, 201, 202, 210—212, 323, 393, 394, 426, 427, 443, 471, 473—476, 536, 542, 567, 577, 591, 599, 613, 616, 636—637, 641, 643, 662, 669, 678, 679
- Вальдегамас Хуан Франциско Донозо Кортес, маркиз (1803—1853), испанский реакционный политич. деятель и публицист — 378, 610, 635
- Барвара Якимовна — см. Туляева В. А.
- «Варшавский дневник» — см. «Dziennik Warszawski»
- Василий (Лужинский), архиепископ полоцкий и витебский — 39, 43, 493, 546, 696
- Васильев Елистрат, жандармский офицер, в 1835 г. сопровождал А. И. Герцена из Москвы в Пермь — 64, 557
- Ватель (ум. 1671) — повар принца Конде — 320
- Велёпольский Александр, маркиз Гонзаго-Мышковский (1803—1867), начальник гражданской администрации и вице-председатель Государственного совета Царства Польского в 1862—1863 гг.; в 1863 г. вышел в отставку и эмигрировал — 411
- «Великорус», печатные прокламации, выпущенные в Петербурге в 1861 г. подпольной революционно-демократической организацией «Великорус»; всего вышло 3 номера — 257, 272
- Веллингтон Артур Уэлсли (1769—1852), англ. полководец и государств. деятель, командовал союзными войсками, разбившими Наполеона в битве при Ватерлоо в 1815 г. — 115, 568
- Велосукинский, штаб-офицер Каменец-Подольского гарнизона — 504
- Вергилий Публий Марон (70—19 до н. э.), римский поэт; — «Энеида»; Лаокоон — 168, 218, 577

- Верди Джузеппе (1813—1901), итал. композитор; — «Травиата» — 166, 216
- Верецагин Михаил Николаевич (1789—1812) — «купеческий сын», переводчик, 2 сентября 1812 г., накануне вступления Наполеона в Москву, был растерзан толпой по подстрекательству московского генерал-губернатора Ростопчина, объявившего его изменником — 466
- Вержбицкий (Борута) Иероним, оставший поручик; расстрелян 22 мая 1864 г. за участие в польском восстании — 501
- «Вестминстерское обозрение» — см. «Westminster Review»
- «Вестник Европы», литературно-политический журнал, основанный Н. М. Карамзиным; выходил в Петербурге в 1802—1830 гг. — 57
- «Вестъ», еженедельная газета реакционно-дворянского лагеря, выходила в Петербурге в 1863—1870 гг. Издатели-редакторы В. Д. Скарятин и П. Н. Юматов — 329, 347, 455, 613, 616, 618, 629
- Ветошкин — см. Ветошников
- Ветошников (Ветошкин) Павел Александрович (род. 1831), служащий торговой фирмы; в 1862 г. арестован за попытку провезти в Россию запрещенные издания Герцена; в 1865 г. сослан в Сибирь — 391, 396, 487, 641—646, 691, 692
- Вигели, предки Ф. Ф. Вигеля (см.) — 80—82, 86, 560
- Вигель Филипп Филиппович (1786—1856), мемуарист — 78, 80—84, 86, 559
- «Записки Ф. Ф. Вигеля» — 78, 80—84, 86
- Видок Франсуа Эжен (1775—1857), франц. сыщик и авантюрист — 226, 580
- Виктор Эммануил II (1820—1878), король Сардинии в 1849—1861 гг. и объединенной Италии в 1861—1878 гг. — 351, 536, 630, 631
- «Виленский вестник» («Kurjer Wileński»), официальная политическая и литературная газета; выходила в 1841—1915 гг. (в 1834—1840 гг. под назв. «Литовский вестник»); до 1864 г. печаталась на польском и русском языках, затем только на русском; в 1860—1864 гг. редактор А. К. Киркор — 329, 424, 449, 470, 484, 652, 653, 659, 672
- «Виленский полицейский листок», еженедельная газета; выходила в 1864 г. в г. Вильно; редактор А. К. Киркор — 63
- Вильгельм I (1797—1888), прусский король с 1861 г. — 246, 248, 252, 253, 392, 586, 642, 670
- Вильмот (Wilmot) Кэтрин (ум. в 1824), сестра Мэри Вильмот, компаньонки княгини Е. Р. Дашковой; ее письма приложены к английскому изданию «Записок Дашковой» — 130, 180
- «Letters from Russia in the Years 1805, 1806, 1807» — 130, 180
- Вильчинский, участник польского восстания, казнен 11 мая 1865 г. — 391, 642
- Виноградов П., сотрудник «Современной летописи» в 1864 г. — 496, 497, 696
- Витгенштейн Эмилий Карл Людвигович (1824—1878), генерал-лейтенант, в 1862—1863 гг. состоял при наместнике Царства Польского вел. князе Константине Николаевиче — 260, 261
- Владимиров Николай Михайлович (род. 1839), служащий петербургских экспортных торговых домов, познакомившийся с Герценом во время своего пребывания в Лондоне; в 1864 г. осужден на поселение в Сибирь за провоз запрещенных изданий из-за границы — 391, 396, 641—643, 645, 646
- Владислав Ягайло (Ягелло) (ум. 1434), вел. князь Литовский с 1377 г. и польский король с 1386 по 1434 г. — 329
- Войт Владимир Карлович, управляющий Вержбовловской таможенной — 53, 54, 332, 551, 619
- Войт Николай Карлович, брат В. К. Войта — 54, 551
- Волконский Сергей Григорьевич, князь (1788—1865), генерал-майор, декабрист, член Южного общества — 91, 560

- Волынский Артемий Петрович (1689—1740), кабинет-министр; автор проекта, предусматривавшего превращение Сената в орган дворянского представительства; казнен по обвинению в заговоре против Бирона — 41, 546
- Вольней Константин Франсуа (1757—1820), франц. историк — 46
- Вольтер Аруэ Франсуа Мари (1694—1778) — 62, 290, 318, 556
- «Кандид» — 62, 556
- Ворцель Станислав, граф (1799—1857), польский революционер, участник восстания 1830—1831 гг.; впоследствии руководитель демократической части польской эмиграции — 43
- «Время», ежемесячный литературно-политический журнал; издавался в Петербурге в 1861—1863 гг. М. М. Достоевским при ближайшем участии Ф. М. Достоевского — 209, 577
- «Всеобщий дневник» — см. «Dziennik Powszechny»
- Высоцкий Иосиф (Юзеф) (1809—1874), польский генерал; участник польского восстания 1830—1831 гг., венгерской революции 1848 г. и польского восстания 1863 г.; член «Польской демократической централизации» — 257
- Вяземский Александр Алексеевич, князь (1727—1796), в 1784 г. генерал-прокурор — 489
- Вяземский Петр Андреевич, князь (1792—1878), поэт и литературный критик; в 1855—1858 гг. товарищ министра просвещения и член Главного управления цензуры — 336, 621
- «Вятские губернские ведомости», газета, выходившая в Вятке в 1838—1917 гг. — 470
- Г., владелец книжной лавки в г. Седльцы — 496
- Гагарин Павел Павлович, князь (1789—1872), с 1864 г. председатель Комитета министров и Государственного совета — 114, 335, 336, 621
- Гакстаузен Август, барон (1792—1866), нем. экономист, исследователь аграрного строя России — 154, 170, 203, 220, 367, 468, 577, 676
- «Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands» — 170, 220, 468, 577, 676
- Галибардов — см. Гарибальди Джузеппе
- Ганнибал Абрам Петрович (1696—1781), генерал-аншеф, прадед А. С. Пушкина — 80, 559
- Ганценбах Иван Иванович, врач; в 1865 г. сослан в Сибирь за составление фальшивых документов — 396, 412, 646
- Гарибальди (Garibaldi) Джузеппе (1807—1882) — 21—30, 38, 39, 115—118, 221, 256, 484, 534—536, 540, 545, 552, 568, 569, 579, 581, 588, 590, 591, 611, 686
- Гауцингер, бургомистр в г. Плещове — 55
- Гвердопи Джузеппе (1835—1886), итал. писатель, участник походов Гарибальди и его секретарь — 116, 569
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — 284, 318, 322
- Гейне (Heine) Генрих (1797—1856) — 31, 541
- «Sie saßen am Teetisch und sprachen...» — 31, 541
- Гемпден Джон (1594—1643), деятель англ. буржуазной революции, организовал и возглавил один из лучших полков парламентской армии — 347
- Герострат, житель Эфеса; сжег в 356 г. до н. э. храм Артемиды Эфесской, чтобы обессмертить свое имя — 123, 172
- Герц, собственник концертного зала — 441, 667
- Герц, доктор медицины — 441, 667
- Герц Карл Карлович, профессор истории искусств Московского университета — 441, 667
- Герцен Александр Александрович (1839—1906), сын А. И. Герцена — 77, 600, 616, 636, 645, 669, 678, 679

Герцен Александр Иванович (1812—1870)

- «Былое и думы» — 89, 116, 320, 534, 536, 538, 539, 547, 553, 556, 559, 560, 562, 565, 567—569, 589, 590, 595, 597, 603—605, 608, 609, 615, 617, 632, 633, 635, 636, 653, 664, 671, 672, 692, 694
- «В вечность грядущему 1863 году» — 7, 527, 534, 535, 537, 563, 629, 635
- «Еще вариация на старую тему» — 312, 606
- «Записки одного молодого человека» — 90, 559, 560; Трензинский — 90, 560
- «Император Александр I и В. Н. Каразин» — 368, 573, 624, 634
- «Иностранцы революционеры в Англии» — 374, 635
- «К адресу русских офицеров в Польше» — 458, 459, 675
- «Колокол» и «День» — 442, 669
- «Народная летопись» — 393, 637
- «От издателей» (1865 г.) — 438
- «Ответ Гарибальди» — 30, 540, 545, 552, 588
- «Письма из Франции и Италии» — 361, 610, 624, 627, 633
- «Письма к противнику» — 477, 524, 526, 566, 600—602, 623, 624, 674
- «Письма к путешественнику» — 446, 447, 521, 621, 626, 627
- «Письмо к императору Александру II» от 10 марта 1855 г. — 277, 338, 386, 456, 602, 622—624, 639, 675
- «Подтасованный набор» — 459, 675
- «Протест» — 460, 550, 635, 676
- «Революция в России» — 455, 674
- «Русский народ и социализм. Письмо к Ж. Мишле» — 98, 99, 561
- «Русским офицерам в Польше» — 26—28, 458, 511, 538, 539, 675
- «С континента. Письмо из Неаполя» — 460, 676
- «Трагедия за стаканом грога» — 230, 312
- «Царское non possumus» — 327
- «VII лет» — 451, 524, 527, 534, 585, 626, 673, 686
- «Du développement des idées

révolutionnaires en Russie» («О развитии революционных идей в России») — 134—137, 183—186, 274, 312, 572—574, 602, 606, 619, 676

- «Nouvelle phase de la littérature russe» («Новая фаза в русской литературе») — 252, 484, 530, 554, 557, 564, 570—573, 583, 587, 589, 624, 626
- «Ultimatum» («Ультиматум») — 44, 45, 374, 548, 635

Герценвич, харьковский помещик — 441, 667

Гесслер, наместник австрийского императора в Швейцарии, в 1307 г. убит Вильгельмом Теллем — 27, 539

Гёте Иоганн Вольфганг (1749—1832) — 170, 220, 318, 344, 628

- «Западно-Восточный диван» — 344, 628
- «Фауст» — 134, 170, 184, 220, 373

Гизо Франсуа Пьер (1787—1874), франц. историк и политич. деятель — 270, 330, 374, 635

Гильфердинг Александр Федорович (1831—1872), известный славист, чиновник министерства иностранных дел; принимал участие в подготовке реформ, проводившихся в 1864 г. в Царстве Польском — 17, 531

Гильфердинг Федор Иванович (ум. 1864), в 1840-х гг. директор дипломатической канцелярии при наместнике Царства Польского; в 1849 г. сопровождал Паскевича в Венгерской кампании — 142, 192, 498, 698

Гладстон Вильям (1809—1898), англ. министр финансов в 1859—1865 гг; провел ряд финансовых реформ, основал страховые общества и сберегательные кассы — 360, 633

Глинка Михаил Иванович (1804—1856) — 304, 606;

- «Иван Сусанин» («Жизнь за царя») — 304, 606

Гнейст Рудольф Генрих (1816—1895), нем. ученый и политич. деятель; автор исследований в области английского права — 109, 156, 206, 273, 295, 577, 625

- «Das heutige englische Verfassungs- und Verwaltungsrecht» — 206, 577
- Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — 36, 124, 138—140, 167, 173, 188, 190, 217, 465, 471, 545, 547, 564, 574 — 576, 643
- «Выбранные места из переписки с друзьями» — 140, 190, 576
- «Мертвые души» — 36, 107, 129, 138, 178, 188, 367, 471, 564, 575, 643; Ноздрев — 270, 347, 371, 392, 643; Собакевич — 270, 347
- «Ревизор» — 101, 547; Осип — 41, 101, 547
- Голдман, владелец дачи в Уши (Швейцария) — 264
- Голицын Александр Михайлович, князь (1718—1783), генерал-фельдмаршал — 84
- Голицын Сергей Михайлович, князь (1774—1859), попечитель Московского учебного округа в 1830—1835 гг. — 45
- Голицына (урожд. Чернышева) Наталья Петровна, княгиня (1741—1837), статс-дама — 84
- Головин Александр Васильевич (1821—1886), министр народного просвещения с 1861 г. по 1866 г. — 17, 19, 32, 66, 143, 147, 148, 153, 161, 162, 193, 196—198, 202, 203, 211, 212, 298, 409—411, 419, 420, 466, 467, 530, 531, 537, 542, 568, 576, 577, 583, 599, 655, 676
- «Голос», газета литературная и политическая, издавалась в Петербурге в 1863—1884 гг.; редактор-издатель А. А. Краевский — 17, 53, 112, 159, 162, 209, 212, 240, 257, 419, 428, 475, 531, 546, 591, 654, 667, 630
- Голохвастов Дмитрий Дмитриевич, предводитель дворянства Звенигородского уезда Московской губ. — 317, 330, 340, 393, 613, 618, 623
- Гольштейн-Готторпы («голштинская династия»), династия герцогов Шлезвиг-Гольштейна; герцог Гольштинский Карл Петр Ульрих в 1761 г. был возведен на русский престол под именем Петра III — 242, 248, 573
- Гонорий (384—423), с 395 г. император Римской империи; владел западной ее частью — 417, 656
- Гонга Иван, один из вождей крестьянского восстания на Правобережной Украине; казнен в 1768 г. — 69, 70, 558
- Гончаров Сергей Николаевич, член Московской городской думы в 1864 г. — 498, 699
- Горащий Флакк, Квинт (65—8 до н. э.), римский поэт; — «Памятник» — 271, 599
- Горчаков Александр Михайлович, князь (1798—1883), дипломат, в 1856—1882 г. министр иностранных дел — 19, 239, 245, 307, 346, 494, 513, 533, 586, 606, 629, 696
- Госцевич Евстафий Игнатьевич, студент Петербургского университета, арестован по делу «казанского заговора», организованного в 1863 г. обществом «Земля и воля»; приговорен к смертной казни, замененной 15 годами каторги и вечным поселением в Сибири — 250, 434, 436, 666
- Гош Лазар (1768—1797), генерал, деятель франц. революции — 322, 344
- Граббе Павел Христофорович, граф (1789—1875), генерал-адъютант, в 1862—1865 гг. наказный атаман войска Донского — 66
- Гракх Тиберий (163—132 до н. э.), политич. деятель древнего Рима, народный трибун в 133 г. — 14, 529
- Граль, полковник, руководивший расстрелом Жерома Кепевпча — 435, 436
- Грановский Тимофей Николаевич (1813—1855) — 140, 141, 153, 155, 189, 191, 203, 205, 285, 370, 397, 465, 576, 577, 627
- Грант Дофф — см. Дофф Грант
- Грант Уллис-Сидней (1822—1885), генерал, во время гражданской войны в США в 1861—1865 гг. главнокомандующий армией северян — 274, 628
- Грегоровиус, ландрат в г. Плешове — 55
- Греч Николай Иванович (1787—1867), реакционный журналист и писатель; в 1831—1859 гг.

- вместе с Ф. В. Булгариним издавал официозную газету «Северная пчела» — 336, 621
- Грибоедов Александр Сергеевич (1795 — 1829) — 88, 124, 130, 133, 135, 173, 179—180, 183, 574, 575, 585, 673
- «Горе от ума» — 88, 130, 133, 179—181, 184, 371, 574, 575, 585, 673; Горич — 452, 673; Софья — 242, 585; Фамусов — 347; Чацкий — 131, 133, 135, 180, 181, 183, 184, 324, 574
- Григорьев Николай Алексеевич, подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка, осужден в 1862 г. за революционную пропаганду среди солдат — 146, 195
- Гризи Джулия (1811—1869), итал. певица — 248
- Громека Степан Степанович (1823—1877), журналист, сотрудник «Отечественных записок» и «Санкт-Петербургских ведомостей», до этого — жандармский офицер; в 1863 г. председатель Комиссии по крестьянским делам в Польше, с 1864 г. седлецкий губернатор — 65, 68
- Гурьев Александр Дмитриевич, граф (1784—1868), с 1848 г. председатель департамента Государственной экономии Государственного Совета — 11, 12, 528
- Гюго Виктор-Мари (1802—1885) — 360, 633
- «Отверженные» — 241; Жавер — 162, 212; Жан Вальжан — 241
- «Собор Парижской богоматери» — 363; Квазимодо — 363, 633; Эсмеральда (цыганка) — 363, 633
- Даль (псевдоним — «Казак Луганский») Владимир Иванович (1801—1872), писатель, этнограф — 496, 697
- «Находчивое поколение» — 496, 697
- Данкварт Я. (ум. 1865), лаборант Московского университета — 516
- Данте Алигьери (1265—1321) — 169, 219, 419, 657
- «Божественная комедия» — 169, 219, 419, 657; Фрапческа да Римни — 449, 672
- Дантон Жорж Жак (1759—1794), деятель франц. революции — 322
- Дарвин Чарлз Роберт (1809—1882) — 476, 680
- Дашкова Екатерина Романовна, княгиня (1774—1810), участница дворцового переворота, приведенного в 1762 г. на престол Екатерину II; президент Петербургской Академии наук и Российской академии в 1783—1796 гг. — 130, 180, 575
- «Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой» — 130, 180, 575
- Дейхман О. Р., полковник, горный начальник Нерчинских заводов; за попытку облегчить положение сыльного проста М. Л. Михайлова отдан под суд и разжалован в солдаты — 428, 433, 662, 663
- Дембицкий Игнатий, помещик Опатовского уезда; казнен 22 мая 1864 г. за участие в польском восстании — 501
- «День», еженедельная газета славянофильского направления; издавалась в Москве в 1861—1865 гг. И. С. Аксаковым — 14, 49, 50, 53, 54, 85, 95, 100, 101, 112, 163, 164, 213, 214, 229, 258, 276, 288, 439, 442, 444, 455, 461, 477, 498, 499, 502, 510, 529, 539, 543, 549, 551, 561, 562, 565, 566, 583, 592, 600, 603, 614, 624, 625, 668, 669, 670, 672, 681, 698, 700, 702, 705
- Державин Гаврила Романович (1743—1816) — 128, 177
- Дефлот Поль Луи Франсуа Рене, виконт (1817—1860), франц. политич. деятель, социалист-утопист, участник революции 1848 г. во Франции и походов Гарибальди — 43
- Джонсон Эндриу (1808—1875), в 1864 г. вице-президент, в 1865—1869 гг. президент США — 94, 95, 560, 561
- Дибек, польский профессор, сослан в Сибирь в 1864 г. — 501
- Дидро Дени (1713—1784) — 76, 559
- «Монахиня» — 76, 559
- Диккенс Чарлз (1812—1870) — 129, 179, 529

- «Давид Кошперфильд»—13, 529;
Бетси Тротвуд—13, 529
- Диоген из Синопа (ок. 404—323 до н. э.), древнегреческий философ — 58
- Дионисий Младший, правитель Сиракуз в 367—357 гг. до н. э.— 359, 360, 632
- Дмитрий, митрополит Ростовский (1651—1709), составитель «Четых Миней», боролся против раскола — 489, 693
- Добронравов, волостной писарь в Елабужском уезде — 470
- Долгорукий (Долгоруков) Василий Андреевич, князь (1804—1868), генерал-адъютант, в 1856—1866 гг. шеф жандармов и главный начальник III отделения — 418, 419, 421, 542, 636, 641, 663
- Долгоруков Петр Владимирович, князь (1816—1868), публицист, в 1859 г. эмигрировал; в 1860—1864 гг. издавал в Париже, Лейпциге, Брюсселе и Лондоне журналы и газеты, в том числе журнал «Листок» (1863—1864 гг.); сотрудничал в «Колоколе» — 59, 116, 410, 411, 484, 486, 543, 551, 555, 612, 687, 688
- «Леонид Блюмер, агент русской тайной полиции» — 484, 687
- «Домашняя беседа для народного чтения», еженедельная газета, издавалась в Петербурге в 1858—1877 гг., печатала церковные проповеди; редактор-издатель В. И. Аскоченский — 149, 199, 549, 554
- Домбровский Ярослав (1836—1871), квартирмейстер варшавского гарнизона; арестован как один из организаторов польского восстания и в 1864 г. осужден на 15 лет каторги; бежал по дороге в Сибирь — 489, 518—519, 525, 693, 708
- Донозо Кортес—см. Вальдегамас Х.
- Достоевский Федор Михайлович (1821—1881) — 141, 159, 169, 191, 209, 219
- «Записки из мертвого дома» — 169, 219
- Дофф Грант (Grant Duff), член англ. парламента—47, 48, 51, 547, 548
- Дробинин А. А., ирбитский городской голова — 488
- Дубельт Леонтий Васильевич (1792—1862), генерал-лейтенант, начальник штаба корпуса жандармов (с 1835 г.) и с 1839 г. начальник III отделения; вышел в отставку в 1856 г. — 267, 465
- Дюпанлу Феликс Антуан Филибер (1802—1878), франц. прелат, член Французской академии и профессор богословия — 464
- Евангелие — 330, 358, 367, 461
- «Европеец», еженедельная русская газета, выходила в Дрездене в феврале-июне 1864 г.; всего вышло 10 номеров; редактор-издатель Л. П. Блюмер — 105, 106, 476, 484, 563, 687, 688
- Екатерина II (1729—1796), императрица — 37, 42, 82, 84, 128, 129, 177, 178, 240, 377, 547, 585, 588
- Елизавета Петровна (1709—1751), императрица — 81, 82, 546, 585
- Ермак Тимофеевич (ум. 1584), покоритель Сибири — 424
- Ермилов, деятель секты беспоповцев — 67, 558
- Ермолов Алексей Петрович (1772—1861), генерал-от-артиллерии, герой Отечественной войны 1812 г. — 227, 240, 581, 583, 585
- Ершов Петр Павлович (1815—1869), поэт;
— «Конек-Горбунок» — 318
- Жавер — см. В. Гюго, «Отверженные»
- Жданов Семен Романович (1803—1865), сенатор; в 1864 г. возглавлял специальную комиссию по расследованию причин возникновения пожаров в г. Симбирске — 332, 598, 619
- Железняк Максим, один из вождей крестьянского восстания на Правобережной Украине в 1768 г.— 69, 70
- Жиленков, унтер-офицер арестантской роты в Киеве — 55
- Жорж Санд — псевдоним Авроры Дюдеван (1804—1876) — 360
- «Лелия»; Тренмор — 134, 184
- Жуков Михаил, рядовой Киевского гренадерского полка, расстрелян 26 мая 1864 г. за участие в польском восстании — 501

- Завадский Иосиф, виленский книго-продавец — 328
- Закревский Арсений Андреевич, граф (1783—1865), генерал-адъютант, в 1848—1859 г. московский генерал-губернатор — 284
- Залесский, подпоручик пехотного Орловского полка — 262
- Зернов Николай Ефимович (1804—1862), математик, профессор Московского университета — 53
- Зыков Сергей Павлович (1831—1917), генерал-майор, в 1864—1868 г. редактор газеты «Русский инвалид» — 221, 417, 656
- Иаков (1812—1885), архимандрит, с 1855 г. настоятель Даниловского монастыря в Москве — 499
- Иваницкий Наполеон Казимирович (1835—1864), штабс-капитан Охотского полка; арестован по делу «казанского заговора»; расстрелян 6 июня 1864 г. — 250, 435, 436
- Иванов, капитан, тюремный надзиратель в г. Замосце — 55
- Иванов Владимир, рядовой пехотного принца Карла Прусского полка, расстрелян в 1864 г. за участие в польском восстании — 500, 700
- Ивановы, братья Степан и Федосей, крестьяне деревни Песочной Тульской губернии; в 1865 г. расстреляны за вооруженное сопротивление, оказанное ими сборщикам недоимок — 489, 694
- Игнатъев Павел Николаевич (1797—1879), генерал-адъютант, петербургский военный генерал-губернатор в 1854—1861 гг. — 146, 196, 576
- Извольский Петр Александрович, курский губернатор с 1863 по 1866 г. — 439, 489, 666, 694
- Иоанн Безземельный (1167—1216), англ. король; в 1215 г. подписал Великую хартию вольностей — 317, 614
- Иоанн (Иван IV) Грозный (1530—1584), царь — 243, 618
- Иованович Владимир (1833—1922), сербский политич. деятель и писатель, участник национально-освободительного движения, в 1860—1872 гг. эмигрант; в 1864—1865 гг. издавал в Женеве журнал «Слобода» — 485
- «The Serbian nation and the Eastern question» — 485
- «Ирбитский Ярмарочный листок», газета, выходившая в 1863—1915 гг. в Ирбите во время ярмарок — 488
- Кабе Этьенн (1788—1856), франц. публицист, идеолог утопического коммунизма; в 1847 г. основал в Америке «коммунистическую» колонию — 361, 612, 633, 634
- «Voyage en Icarie, roman philosophique et social» — 314, 364, 612, 634
- Каблукова, жительница г. Влоцлавка — 260
- Кабога, граф, австрийский генерал; в 1849 г. послан австрийским правительством к Паскевичу с просьбой о помощи в подавлении венгерской революции — 142, 192, 498
- «Кавказ», газета политическая и литературная, выходила в Тифлисе в 1846—1917 гг. — 391, 642
- «Казанские губернские ведомости», еженедельная газета; издавалась в Казани в 1838—1918 гг. — 250, 588
- Калибан — см. В. Шекспир, «Буря»
- Кальвин Жан (1509—1564), деятель церковной Реформации в Швейцарии — 344
- «Камень веры» — см. Яворский Стефан
- Камоэнс Луис (1524—1580), португальский поэт; — «Лузиады» («Os Lusíadas») — 92, 560
- Канкрин Егор Францевич, граф (1774—1845), выходец из Германии, русский министр финансов в 1823—1844 гг. — 319
- Кантемир Антиох Дмитриевич, князь (1709—1744), писатель-сатирик — 80, 124, 129, 173, 178
- Каплинский Василий Телесофорович (ок. 1841 — после 1883), поручик Владимирского полка, член варшавской офицерской революционной организации; в 1862 г. приговорен к каторге — 146, 196, 511, 518

- Каразин Василий Назарович (1773—1842), государств. и обществ. деятель — 368, 573, 624, 634
- Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — 57, 553
- «Мои безделки» — 57, 553
- Карл XII (1682—1718), шведский король с 1697 г. — 80
- Карл Петр Ульрих, герцог Голштинский, сын дочери Петра I, в 1761 г. вступил на русский престол под именем Петра III (см.)
- «Карл Смелый» — название, под которым на австрийской и русской сцене ставилась опера России «Вильгельм Телль» — 264, 595
- Карниолин-Пипский Матвей Михайлович (1800—1866), сенатор — 412, 419
- Карно Лазар (1753—1823), деятель франц. революции, член Конвента с 1792 г. и Комитета Общественного спасения с 1793 г. — 475, 680
- Каррье Жан Батист (1756—1794), деятель франц. революции, комиссар Конвента в Нанте в 1793—1794 гг. — 160, 210
- Картуш Луи Доминик (1693—1724), атаман разбойничьей шайки, действовавшей в окрестностях Парижа — 226, 580, 581
- Касьянов — псевдоним И. С. Аксакова (см.).
- Катилина Луций Сергей (108—62 до н. э.), политич. деятель древнего Рима, глава неудавшегося заговора против республики — 123, 172, 307, 309, 311, 606
- Катков Михаил Никифорович (1818—1887), реакционный журналист и публицист; в 1845—1851 гг. — адъюнкт-профессор Московского университета; редактор-издатель «Московских ведомостей» (1850—1855, 1863—1887) и «Русского вестника» (1856—1887) — 7, 9, 17, 31—33, 35, 40, 41, 47, 48, 52, 56, 59, 65—69, 71, 101, 106, 108—110, 112, 114, 156, 159, 160, 206, 209, 210, 222, 225, 229, 239—241, 247, 257, 258, 269—273, 287, 294, 298, 323—325, 329, 331, 333, 336, 347, 366, 371, 384, 402, 406, 409, 411, 412, 414, 417—422, 425, 426, 440, 442, 446, 459, 461, 463, 471, 474, 495, 501, 502, 518, 528, 530, 531, 541—544, 546, 549—550, 553, 554, 557, 558, 564, 565, 567, 569, 573, 580, 582, 583, 585, 587, 590—592, 594, 598—600, 603—605, 613, 616—618, 620, 628, 629, 633, 635, 636, 640, 647—648, 650, 654, 656, 660, 664, 667, 668, 671, 676, 677, 682, 697, 699—702
- Катон Младший Марк Порций (95—46 до н. э.), государств. деятель древнего Рима, вождь республиканской партии; покончил с собой при получении вести о победе, одержанной Цезарем при Тапсе — 142, 192, 635
- Кауфман Константин Петрович (1818—1882), генерал-губернатор Северо-западного края и командующий войсками Виленского военного округа в 1865—1866 гг. — 384, 425, 427, 431, 440, 449, 475, 636, 664, 667, 672, 680, 704
- «Кельнская газета» — см. «Kölnische Zeitung»
- Кельсиев Василий Иванович (1835—1872), деятель революционного движения, эмигрант с 1859 г.; член редакции «Общего веча», составил «Сборника правительственных сведений о раскольниках»; весной 1862 г. нелегально приезжал в Россию для установления связей с раскольниками; с октября 1862 г. до декабря 1863 г. жил в Константинополе, организовал русскую эмигрантскую колонию в Тульче (1863—1865); в 1867 г. вернулся в Россию, заявив о раскаянии — 254, 395, 396, 423—425, 429, 442, 446, 644, 646, 656—659, 664, 668, 669, 671
- Кельсиев Иван Иванович (1841—1864), участник студенческого движения в Москве в 1861 г., член общества «Земля и воля»; 25 мая 1863 г. бежал из тюрьмы и эмигрировал в Турцию; участвовал в организации русской эмигрантской колонии в Тульче — 254, 423—425, 429, 446, 589, 658, 659, 671

- Кельсиева Варвара Тимофеевна (ок. 1840—1865), жена В. И. Кельсиева — 446, 668, 669, 671
- Кеневич Жером (Иероним) Станислав Феликсович, железнодорожный инженер, поляк, франц. подданный; в 1863 г. арестован в Казани по обвинению в распространении прокламаций «Земли и воли» и подготовке крестьянского восстания, расстрелян 6 июня 1864 г. — 250, 426, 434—437, 660, 661, 665, 666, 671
- «Киевлянин», еженедельная литературная и политическая газета, издавалась в Киеве в 1864—1919 гг.; основана и редактировалась (до 1878 г.) историком В. Я. Шульгиным, поддерживавшим политическую линию «Московских ведомостей» Каткова — 390, 403, 641, 651
- Кине Эдгар (Quinet Edgar) (1803—1875), франц. историк и публицист, участник революции 1848 г. во Франции; в 1852 г. эмигрировал — 92, 96, 97, 99, 464, 468, 560, 561
- «La Révolution» — 92, 96, 97, 560
- Киреевский Иван Васильевич (1806—1856), литературный критик и публицист славянофильского лагеря — 279
- Киреевский Петр Васильевич (1808—1856), один из основоположников русской фольклористики, славянофил — 12, 80, 279
- Кирилл (до пострижения Киприан Тимофеев) (ум. 1873), митрополит Белокриницкий — 424, 659
- Кичев Петр Иванович (1845—1902), в 1865 г. сослан на каторгу за покушение на жизнь студента Вугопа, оскорбившего его сестру; впоследствии московский журналист и театральный критик — 489
- Клейнмихель Петр Андреевич, граф (1793—1869), генерал-адъютант, главноуправляющий путей сообщения, пользовавшийся особым доверием Николая I — 319, 672
- Клеопатра (69—30 до н. э.), последняя царица Египта из династии Птолемея — 359
- Клоотс (Клоц) Анахарсис (настоящее имя Жан Ватист) (1755—1794), франц. публицист и политич. деятель, участник франц. революции; был сторонником насильственной дехристианизации — 390, 640
- Клошток Фридрих (1724—1803), немецкий поэт; — «Мессиада»; Абадонна — 108
- Кобден Ричард (1804—1865), англ. обществ. и политич. деятель, лидер фритредеров; организовал вместе с Брайтом (см.) «Лигу борьбы против хлебных законов», добившуюся отмены хлебных пошлин — 9, 10, 48, 368, 528 548, 634
- Ковалевский Евграф Петрович (1790—1867), с 1858 г. попечитель Московского учебного округа, в 1858—1861 гг. министр народного просвещения — 336, 621
- Ковальский М., сотрудник «Русского вестника» — 14, 529
- Козловский К. Е., сотрудник «Русского вестника» — 69, 70, 558
- Кок Шарль-Поль де (1794—1871), франц. романист — 53, 392, 551
- Кокочкин Сергей Александрович (1785—1861), генерал-адъютант, петербургский обер-полицмейстер — 242, 585
- Кокочкин Ф., сотрудник газеты «День» — 112, 565
- Коллеж, майор 64-го пехотного Казанского полка — 470
- «Колокол», газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в 1857—1867 гг., сначала в Лондоне, а с мая 1865 г. — в Женеве — 7, 11, 12, 19, 27, 29, 49, 50, 54, 59, 60, 112, 123, 159, 172, 209, 227, 236, 237, 238, 250, 257, 265—268, 271, 292, 312, 313, 327, 329, 331, 386, 388, 393, 404—406, 412, 415, 419, 423, 425, 426, 429, 438, 441, 446, 448, 451—453, 455, 456, 458, 460, 463, 466, 481—483, 485—490, 524, 525, 527—530, 532—542, 544, 545, 548—556, 558, 561, 563, 566, 568, 572, 574, 578, 579, 581—584, 588—591, 593, 594, 597, 598, 600,

- 604, 605, 607—609, 611, 612, 614, 616—618, 620—627, 629, 635—638, 640—645, 648—651, 653—656, 660—662, 665—667, 669—677, 683—685, 687, 688, 690—695, 697—699, 704—706, 708
- Кольцов Алексей Васильевич (1809—1842) — 357, 631
— «Что ты спишь; мужичок...» — 357, 631
- Комаровский Яков, участник подавления крестьянского восстания на Правобережной Украине в 1768 г.—70
- Константин Николаевич, вел. князь (1827—1892), генерал-адмирал, в 1862—1863 гг. наместник Царства Польского, в 1865—1881 гг. председатель Государственного совета; брат Александра II — 17, 32, 35, 106, 161, 162, 211, 212, 225, 239, 293, 294, 316, 324, 346, 409, 411, 415, 419, 420, 459, 466, 495, 530, 531, 538, 541, 542, 544, 568, 580, 599, 612, 616, 655—657, 676
- Константин Павлович, вел. князь, цесаревич (1779—1831) — 320
- Коперник Николай (1473—1543) — 510
- Корнель Пьер (1606—1684), франц. драматург — 472
- Коробейников Трифон (ум. после 1594), купец и путешественник, автор книги «Хождение Трифона Коробейникова и како ходил во Иерусалим и многие святые места видел» — 244
- Корф, русский генерал, с которого по приказанию М. Н. Муравьева была взяскана контрибуция, налагавшаяся в 1864—1865 гг. на польское дворянство — 325, 327
- Корш Валентин Федорович (1828—1883), журналист умеренно-либерального лагеря; в 1863—1874 гг. редактор «С.-Петербургских ведомостей» — 440, 443, 444, 542, 633, 657, 667, 669
- Коссидьер Марк (1808—1861), франц. политич. деятель, участник революции 1848 г., префект парижской полиции в феврале — мае 1848 г. — 354
- Костомаров Всеволод Дмитриевич (ок. 1837—1865), литератор, тайный агент III отделения — 486, 498, 691, 699
- Костюшко Тадеуш (1756—1817), руководитель польского национально-освободительного восстания в 1794 г.—355
- Коцебу Август Фридрих Фердинанд фон (1761—1819), нем. писатель, тайный агент русского правительства; убит студентом К. Зандом — 420
- Кошт Лайош (1802—1894), вождь венгерской революции 1848—1849 гг.; впоследствии эмигрант — 115, 568, 611
- Краевский Андрей Александрович (1810—1889), журналист, издатель журнала «Отечественные записки» в 1839—1884 гг., газет «С.-Петербургские ведомости» (1852—1862) и «Голос» (1863—1884) — 17, 40, 71, 75, 149, 199, 531, 546, 591, 657
- Красинский Зигмунд (1812—1859), польский поэт — 303
- Красинский Ян (Иван), рядовой гродненского батальона внутренней стражи, расстрелян в 1864 г. за участие в польском восстании — 111, 565
- Красовский Андрей Афанасьевич (1822—1868), подполковник Александровского гусарского полка, арестован в июне 1862 г. за распространение среди солдат прокламации, призывавшей не поднимать оружия против восставших поляков; приговорен к 12 годам каторги, амнистирован в 1867 г. — 27, 146, 196, 221, 290, 538
- Крашановский, протонерей в г. Калише — 483, 685
- Крестовая газета — см. «Kreuzzeitung»
- Кречетников Михаил Никитич, генерал-аншеф; в 1768 г. руководил подавлением крестьянского восстания на Правобережной Украине — 69, 70
- Кромвель Оливер (1599—1658) — 344
- Крылов Иван Андреевич (1768—1844) — 466, 676
— «Прохожие и собаки» — 466, 676

- Куза Александр (1820—1873), князь Молдавии и Валахии в 1859—1866 гг.; провел ряд реформ — 265, 596
- Кукольник Нестор Васильевич (1809—1868), поэт, прозаик и драматург;
— «Рука всевышнего отечество спасла» — 271, 599
- Курций Марк (IV в. до н. э.), римский гражданин; по преданию, бросился в пропасть, чтобы этой жертвой спасти Рим от гнева богов — 242, 535
- Кюстин Адольф де, маркиз (1790—1857), франц. литератор;
— «La Russie en 1839» — 9, 523
- Ланкло Нион (1616—1706), франц. куртизанка — 95, 560
- Лафайет Мари Жак Поль, маркиз (1757—1834), деятель франц. революции — 347
- Лашкарев Александр Григорьевич (1823—1898), генерал-майор, пермский военный и гражданский губернатор в 1861—1865 гг. — 254
- Лебедев Петр Семенович (1816—1875), генерал-майор, в 1855—1861 гг. редактор газеты «Русский инвалид»; в 1864 г. состоял при главнокомандующем Варшавским военным округом; ведал варшавскими тюрьмами — 48, 548
- Лейхтенбергский Евгений Максимилианович, герцог (1847—1901), сын герцога Лейхтенбергского и дочери Николая I вел. кн. Марии; в 1852 г. получил наименование кн. Романовского — 390, 392, 393, 444, 445, 641, 642, 670
- Лелевель Иоахим (1786—1861), польский историк и обществ. деятель, один из руководителей польского восстания 1830—1831 гг.; после поражения которого возглавлял демократическое крыло польской эмиграции — 63, 257, 496
— «La guerre aux enfants» — 63
- Леоптьев Павел Михайлович (1822—1874), профессор римской словесности в Московском университете, реакционный публицист; с 1856 г. ближайший сотрудник М. Н. Каткова, принимал участие в издании «Русского вестника» (с 1856 г.) и «Московских ведомостей» (с 1863 г.) — 114, 258, 270, 329, 412, 498, 501, 591, 592, 598, 599, 682, 699, 701
- Леотар, франц. акробат, в 1864 г. гастролировал в Лондоне — 105, 563
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) — 135, 137, 138, 184, 187, 188, 571, 575
— «Герой нашего времени» — 135, 184
— «Дума» — 137, 187, 571, 575
- Леру Пьер (1797—1871), франц. социалист-утопист — 360, 632
— «Человечество» — 360, 632
- Летиссье (Letissier), франц. актриса, возлюбленная герцога Лейхтенбергского — 392, 393, 444
- Ли Роберт Эдуард (1807—1870), генерал, во время гражданской войны в США в 1861—1865 гг. — командующий армией южан-рабовладельцев — 274, 560, 628
- Лидерс Александр Николаевич, граф (1790—1874), генерал-адъютант, участник подавления польского восстания 1830—1831 гг. и венгерской революции в 1849 г.; в 1861—1862 гг. исполнял обязанности наместника Царства Польского — 146, 196, 511
- Ливкольтн Авраам (1809—1865), президент США в 1860—1865 гг. — 349, 352, 630, 631, 637
- Липатов Иван, рядовой Киевского гренадерского полка, расстрелян в 1864 г. за участие в польском восстании — 501
- Липранди Павел Петрович (1796—1864), генерал-от-инфантерии, участник подавления польского восстания 1830—1831 гг. и Крымской войны; начальник штаба Гренадерского корпуса — 500, 701
- «Листок», русский политический журнал, изд. П. В. Долгоруковым с ноября 1862 г. до июля 1864 г., сначала в Брюсселе, а с № 6 (май 1863 г.) в Лондоне — 51, 54, 116, 484, 549, 551, 555, 687
- «Литовский вестник» — см. «Виленский вестник»

- Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) — 244, 584
- Лонцкий, владелец магазина в Житомире — 403
- Луве де Кувре Жан Батист (1760—1797), франц. писатель; — «Жизнь и любовные похождения кавалера де Фобласа» — 74
- Луи Бонапарт (Луи Наполеон) — см. Наполеон III
- Луи Филипп (Людвиг Филипп, Людовик Филипп), герцог Орлеанский (1773—1850), франц. король в 1830—1848 гг. — 25, 322, 354
- Лукашев Никифор, политич. ссыльный; в 1864 г. бежал по дороге в Сибирь — 505, 705
- Лукулл Луций Лициний (106—56 до н. э.), римский политич. деятель, славился роскошью своих пиров — 66
- Любимов Николай Алексеевич (1830—1897), профессор физики Московского университета — 53
- Людвиг Филипп — см. Луи Филипп
- Людовик XIV (1638—1715), франц. король с 1643 г. — 297, 604
- Людовик XV (1710—1774), франц. король с 1715 г. — 225, 580
- Людовик XVIII (1755—1824), франц. король с 1814 г. — 308
- Людовик Филипп — см. Луи Филипп
- Лютер Мартин (1483—1546) — 228
- Лялин Пимен Петрович, член Харьковского губернского комитета по крестьянскому делу; арестован в 1862 г. по подозрению в сношениях с «лондонскими пропагандистами» — 396
- Ляпунов Прокофий Петрович (ум. 1611), рязанский дворянин; возглавил первое ополчение против польских интервентов в борьбе за освобождение Москвы — 295
- Магяцкий Михаил Леопольдович (1778—1855), реакционный государств. деятель, противник передовой культуры и просвещения; в 1819 г., ревизуя Казанский университет, предложил закрыть его за «безбожное направление» преподавания — 288
- Маевский Александр Иванович, студент Петербургского универ-
- ситета, участник «казанского заговора»; в апреле 1863 г. выехал в Тамбов для распространения подложного царского манифеста среди крестьян; арестован и приговорен к смертной казни, замененной каторгой — 250, 434, 436, 666
- Мазаниелло (Masaniello), сокращ. Томозо Аньелло (1623—1647), производитель народного восстания в Неаполе (1647); издал указ, по которому всякий, кто не вступит в течение суток в ряды восставших, будет казнен — 162, 212
- Мазарович, владелец дома в Москве (на Спиридоновке), в котором помещалась редакция газеты «День» — 502, 702
- Майков Аполлон Николаевич (1821—1897), поэт; — «Коляска» — 140, 190, 576
- Макаров, каменец-подольский адвокат, защитник Н. Орлена (см.) — 504
- Малерб Франсуа (1555—1628), франц. поэт; — «La Consolation à m-me du Perrier» — 317, 614
- Мальтус Томас Роберт (1766—1834), англ. экономист — 354, 631
- Мандт Мартын Мартынович (ум. 1858), лейб-медик Николая I — 321, 458
- Марат Жан Поль (1743—1793), деятель франц. революции — 330
- Мария Александровна (1824—1880), императрица, жена Александра II — 58, 247, 264, 316, 454, 612, 615, 641, 642, 670
- Мария Николаевна, вел. княгиня (1819—1876), дочь Николая I, жена герцога Максимилиана Лейхтенбергского; после его смерти (в 1859 г.) состояла вmorganaticком браке с гр. Строгановым — 392, 393, 444, 641, 670
- «Марсельеза» — 100, 562
- Марсо Франсуа Северен (1769—1796), генерал, деятель франц. революции; выдвинулся при подавлении мятежа в Вандее — 322, 344
- Мартен Анри («Ганри Мартин») (1810—1883), франц. историк и обществ. деятель — 474, 651, 680

- Мартышов Иван Михайлович (ум. 1894), иезуит, русский эмигрант; вел ожесточенную полемику против православия — 477, 602, 680, 681
- Мартьянов Петр Алексеевич (1834—1865), сын крепостного крестьянина; находясь по торговым делам в Лондоне, обратился в 1862 г. к Александру II с письмом, в котором развивал идеи внесословной народной монархии во главе с земским царем; за распространение этого письма арестован при возвращении в Россию в 1863 г. и осужден на 5 лет каторги и пожизненное поселение в Сибири — 11—13, 59, 221, 244, 286, 340, 466, 528, 529, 554, 683
- Масловский Александр, политический ссыльный; в 1864 г. бежал по дороге в Сибирь — 505, 705
- Мацкевичус (Мацкевич) Антанас (1826—1863), ксендз, предводитель отряда повстанцев, действовавшего в 1863 г. в Литве — 494
- Маццини (Мадзини) Джузеппе (1805—1872) — 116—120, 358, 408, 417, 421, 464, 471, 569, 579, 601, 606, 610, 611, 632, 653, 659
- Мезон (Maison, Méson) Эмиль, сотрудник газеты «Le Nord» — 102, 562
- Мейендорфы — русский дворянский род шведского происхождения; представители его занимали видные должности при дворе Николая I и Александра II — 246
- Мельгунов Алексей Петрович (1722—1788), наместник Ярославский и Вологодский в 1777—1788 гг. — 489
- Мельгунов Николай Александрович (1804—1867), публицист и общественный деятель либерально-дворянского лагеря, в 1850-х гг. сотрудничал в зарубежных изданиях Герцена — 103, 104, 562, 563
- Мельников Павел Петрович (1804—1880), министр путей сообщения в 1862—1869 гг. — 448, 582, 672
- Меркантини Луджи (1821—1872), итал. поэт, участник движения за объединение Италии, гарибальдиец — 256, 590
- «La spigolatrice di Sapri» — 256, 590
- Мерославский Людвиг (1814—1878), польский генерал, участник восстания 1830—1831 гг. и революций 1848—1849 гг. в Сицилии и Германии; представитель шляхетско-националистического крыла польской эмиграции; был провозглашен диктатором в феврале 1863 г., возглавил один из повстанческих отрядов, был разбит и вновь эмигрировал — 257, 601
- «Месяцеслов на 1863 год»; издание Академии наук — 32, 33, 541, 542
- «Месяцеслов на 1864 год», издание Академии наук — 32, 329, 541, 542
- «Месяцеслов хозяйственный на лето христово 1865» — 329
- «Мета» («Met»), украинский журнал, выходил в 1864 г. во Львове — 257
- Меттерних Клеменс Венцель, князь (1773—1859), австрийский министр иностранных дел и фактический руководитель правительства до 1848 г., один из организаторов Священного Союза — 95
- Микеланджело Буонарроти (1475—1564) — 34, 169, 219
- Милатовский, военный инженер, участник польского восстания, арестован в 1863 г.; его показания дали повод к осуждению Я. Домбровского — 517
- Миллер — 336, 621
- Милль Джон Стюарт (1806—1873), англ. философ и экономист — 360, 476, 680
- «On liberty» — 96, 633
- Милютин Дмитрий Алексеевич (1816—1912), генерал-адъютант, военный министр в 1861—1881 гг. — 148, 198, 239, 346, 417, 421, 550, 656, 680
- Милютин Николай Алексеевич (1818—1872), товарищ министра внутренних дел, фактический руководитель всех мероприятий по подготовке крестьянской реформы в 1859—1861 гг.;

- в 1863—1866 гг. статс-секретарь по делам Польши, автор Положения о крестьянской реформе в Польше (1864 г.); брат Д. А. Милютин — 52, 346, 402, 417, 421, 545, 550, 656, 680
- Минин Козьма (Захарьев-Сухорук) (ум. 1616), в 1611—1612 гг. возглавил народное ополчение, выступившее против польско-шведской интервенции — 28, 245, 295
- Минквиц Александр Федорович (ум. 1882), генерал-лейтенант, начальник штаба Варшавского военного округа — 293, 603, 698
- Минкина Анастасия Федоровна, любовница Аракчеева; убита крестьянами в 1825 г. — 42, 547
- Мирабо Оноре Габриэль (1749—1791), деятель франц. революции — 322
- Михаил Николаевич (третий Михаил), «кавказский Михаил», вел. князь (1832—1909), сын Николая I; генерал-фельдцейхмейстер; в 1863—1881 гг. наместник Кавказа — 384, 391, 397, 412, 470, 504, 636—638
- Михаил Павлович, вел. князь (1798—1849), сын Павла I; генерал-фельдцейхмейстер; во время Турецкой войны 1828—1829 гг. командовал гвардейским корпусом, руководил осадой крепости Браилов — 320, 615
- Михаил Федорович (1596—1645), первый царь из династии Романовых — 225
- Михайлов, поручик 148-го Каспийского пехотного полка, арестован в 1863 г. по делу о «казанском заговоре», осужден на 10 лет каторги — 435, 437
- Михайлов Михаил Ларнонович (1829—1865), поэт и публицист, сотрудник «Современника»; арестован в 1861 г. по доносу В. Д. Костомарова и сослан на каторгу за распространение написанной им вместе с Н. В. Шелгуновым прокламации «К молодому поколению» — 122, 145, 171, 195, 221, 222, 240, 244, 256, 286, 365, 413, 428, 433, 457, 463, 574, 583, 585, 590, 662, 663, 665, 699
- «К молодому поколению» — 122, 145, 171, 195, 240, 574, 585
- Михальчевский, поляк, в 1864 г. приговоренный к 20-летней каторге — 496
- Михаэлис Мария Петровна, арестована и выслана из Петербурга за попытку бросить цветы Н. Г. Чернышевскому во время совершения над ним гражданской казни — 221, 222, 231—234, 579, 584
- Михно, штабс-капитан Орловского пехотного полка — 262, 593
- Мицкевич Адам (1798—1855) — 304
- Мишле Жюль (1798—1874), франц. историк — 98, 99, 355, 561, 631 — «Pologne et Russie. Légende de Costiusco» — 355, 631
- Молилари Густав (1819—1912), бельгийский экономист; сотрудник «Московских ведомостей» и «Русского вестника» — 360, 633
- Моллер (de Moller) А., корреспондент газ. «Le Nord» — 102, 562, 664
- «Молодая Россия» — революционная прокламация, написана П. Г. Зайцевским в 1862 г. — 122, 123, 171, 172, 257, 287, 457, 468, 537, 590, 597, 602, 675
- Мольер Жан Батист (1622—1673); — «Мещанин во дворянстве»; Журден — 360
- Мономах (Владимир Мономах), вел. князь Киевский (1053—1125) — 456
- Монро Джемс (1758—1831), президент США в 1817—1825 гг. — 95, 561
- Монталамбер Шарль, граф (1810—1870), франц. писатель, оратор и политический деятель; глава католической партии — 304
- Монье (Monnier) Марк (1829—1885), франц. писатель и историк, пропагандировал идею национального объединения Италии — 22, 536
- Мордвинов Павел, штурманский кондуктор клипера «Алмаз», корреспондент «Ролокола» — 20, 532, 534
- Мордини Антони (1819—1902), итал. революционер, участник борьбы за объединение Италии — 116
- «Москвитянин», литературный журнал, выходил в Москве в

- 1841—1856 гг. под редакцией М. П. Погодина; орган славянофилов — 486
- «Московские ведомости», газета, выходившая при Московском университете в 1756—1917 гг.; в 1850—1855 гг. редактировалась М. Н. Катковым, в 1856—1862 гг. В. Ф. Коршем; в 1863—1887 гг. редактор-арендатор Катков (до 1874 г. совместно с П. М. Леонтьевым) — 7, 9, 17, 18, 27, 35, 47—49, 53, 57, 61, 62, 66—69, 109, 110, 113, 114, 123, 149, 156—163, 172, 199, 206—213, 223, 227—229, 247, 248, 257—260, 262, 263, 271, 272, 298, 324, 330, 331, 333, 334, 346, 360, 384, 394, 398, 403, 406, 411, 412, 414, 415, 418, 419, 422, 423, 426, 429, 431, 442, 452, 453, 460, 461, 463, 467, 471, 484, 493, 495, 499, 503, 516, 528, 530, 531, 533, 537, 538, 544, 546—550, 553, 554, 556, 558, 564, 565, 567—569, 577, 579—583, 586, 587, 590—597, 599, 604, 618, 620, 621, 625, 626, 629, 630, 633, 634, 641, 642, 648, 650—654, 656—660, 664, 668, 670, 677, 678, 686, 688, 690, 696, 697, 699—704
- «Московский телеграф» («Телеграф»), научно-литературный журнал; выходил в Москве в 1825—1834 гг. под редакцией Н. А. Полевого — 66, 557, 558
- Мрочек Александр (ок. 1832—1864), поручик 4-го резервного батальона Томского пехотного полка; расстрелян 6 июня 1864 г. за участие в «казанском заговоре» — 250, 435, 436
- Муравский Митрофан Данилович (1837—1879), деятель революционного движения 50—60-х годов, в 1863 г. сослан на каторгу — 15, 286, 481, 529, 683
- Муравьев Александр Николаевич (1792—1863), декабрист, один из организаторов Союза Спасения и Союза Благоденствия; впоследствии нижегородский губернатор — 51, 549
- Муравьев Михаил Николаевич («второй Михайл», «Вешатель»), граф (1796—1866), генерал-губернатор Северо-Западного края с 1863 по 1865 г. — 10, 14, 19, 32—35, 37, 40, 41, 43, 45, 48, 52, 54, 56—60, 66, 68, 106, 107, 109, 114, 159—162, 209—212, 223, 225—227, 229, 239—241, 247, 258, 262, 265, 269—273, 294, 295, 324, 325, 327—330, 335—337, 340, 345—347, 366, 371, 384, 402, 412, 419, 420, 431, 452, 453, 459, 461, 467, 484, 493, 494, 500, 502, 504, 518, 530, 533, 535, 540—547, 550, 552—555, 563, 564, 577, 579—581, 583, 585, 592, 593, 596, 598—601, 603, 616—618, 620, 621, 629, 636, 641, 664, 667, 686, 688, 696, 704
- Муравьев Николай Михайлович, (Муравьев jun., «Муравьев-fils») в 1865 г. ковенский губернатор, сын Муравьева Вешателя — 326, 327—329, 337, 618, 641
- Муравьев-Амурский Николай Николаевич, граф (1809—1881), в 1847—1861 гг. генерал-губернатор Восточной Сибири — 393, 530, 555, 643
- Муравьев-Карский Николай Николаевич (1794—1866), генерал-адъютант; в 1854—1855 гг. наместник Кавказа и главнокомандующий кавказских войск, взял крепость Карс — 60, 596
- Мурчисон Родерик Импи (1792—1871), англ. геолог и путешественник; автор трудов по геологии Европейской России и Урала — 319
- Мюссе Альфред де (1810—1857), франц. поэт — 44, 548
- «Il ne faut pas jurer de rien» — 44, 548
- Навиль Жюль Эрнест (1816—1909), швейцарский писатель-богослов — 330, 331
- Навуходоносор (605—562 до н. э.), вавилонский царь — 453, 674
- Назимов Владимир Иванович (1802—1874), генерал-адъютант, в 1855—1863 гг. генерал-губернатор Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской губерний; уволен в мае 1863 г. за нерешительность в действиях при подавлении польского вос-

- стания; член Государственного совета — 395
- Наполеон I Бонапарт (1769—1821), франц. император в 1804—1814 и 1815 гг. — 301, 307, 308, 320, 322, 377
- Наполеон III (Луи Бонапарт, Луи Наполеон) (1808—1873), в 1848—1852 гг. президент франц. республики, император в 1852—1870 гг. — 297, 304, 332, 351, 354, 382, 513, 610, 611, 630, 631, 635, 636, 638
- Наполеон Жозеф Шарль Поль, принц (1822—1891), сын Иеронима Бонапарта, дворянский брат Наполеона III — 351, 630
- «Народная летопись», политическая, экономическая и литературная газета; основана сотрудником «Современника» Ю. Г. Жуковским; издавалась под фиктивным руководством Н. Д. Ашхарумова в марте — апреле 1865 г.; запрещена 16 апреля 1865 г. — 384, 393, 394, 525, 637, 643
- «Национальная газета» — см. «Nationalzeitung»
- «Наше время», еженедельная политическая и литературная газета, субсидировавшаяся правительством; выходила в Москве в 1860—1863 гг. под редакцией Н. Ф. Павлова — 198, 425, 541, 546, 576, 660
- Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877) — 474
- Нерон Клавдий Цезарь Август Германик (37—68), римский император с 54 г. — 32, 258, 272, 567, 592
- Нессельроде Карл Роберт (Карл Васильевич), граф (1780—1862), в 1816—1856 гг. министр иностранных дел, с 1845 г. государственный канцлер — 319
- Николай Александр Николаевич, барон (род. 1821), сенатор; с 1863 по 1875 г. начальник главного управления наместника Кавказского; в 1865 г. председатель комиссии по реализации судебной реформы в Закавказье — 503, 703
- Николай Александрович, вел. князь (1843—1865), наследник-цесаревич, старший сын Александра II — 337, 339, 341, 384, 391—393, 396, 420, 622, 637, 646
- Николай I (1796—1855), император — 12, 14, 24, 39, 62, 88, 89, 122, 130, 132, 134, 140—146, 153—157, 167, 169, 171, 179, 181, 183, 190—196, 203, 204, 206, 207, 217, 219, 231—234, 239, 240, 242, 243, 246, 252, 253, 267, 269, 277, 278, 284, 287, 289, 291, 307, 319, 321, 322, 338, 341, 345, 369—371, 377, 386, 396—398, 400, 412, 449, 455, 465, 467, 472, 500, 511, 556, 573, 575, 576, 585, 586, 588, 611, 615, 623, 634, 635, 639, 646, 648, 672, 674, 678
- Никонов, гренадер, участвовал в пленении ксендза А. Мацкевича в 1863 г. — 494
- Новицкий Фердинанд Иванович, студент Петербургского университета; в 1863 г. арестован по делу о «казанском заговоре», приговорен к смертной казни, замененной 15 годами каторги с последующим вечным поселением — 250, 434, 436, 666
- «Норд» — см. «Le Nord»
- «Норма» — опера Беллини (см.)
- О. А., инициалы участника польского восстания 1863 г., заключенного в виленской цитадели, который дал показания, компрометирующие Я. Домбровского — 518
- Оберман — см. Э. Сенанкур, «Оберман»
- Оболенский Евгений Петрович, князь (1796—1865), декабрист, один из руководителей Северного общества; был приговорен к смертной казни, замененной каторгой — 342, 549, 623, 624
- Обручев Владимир Александрович (1836—1912), поручик в отставке, публицист; в 1859—1861 гг. сотрудник «Современника»; в 1861 г. арестован за распространение прокламации «Великорус» и приговорен к 3 годам каторжных работ с последующим поселением в Сибири — 27, 146, 195, 221, 222, 244, 286, 365, 457, 538

- Обухович Юлиан, командир отряда польских повстанцев, казнен 20 мая 1864 г. — 501
- «Общее вече», прибавление к «Колоколу»; издавалось в 1862—1864 гг. (до октября 1862 г. при участии В. И. Кельсиева) — 60, 423, 481, 482, 499, 603, 639, 640, 656, 685, 699
- Огарев Николай Александрович (1811—1867), генерал-адъютант, нижегородский временный генерал-губернатор — 291, 505, 603
- Огарев Николай Платонович (1813—1877) — 60, 64, 257, 266, 292, 395, 423, 450, 483, 487, 535, 538—540, 543, 544, 547, 549, 551, 555, 557, 563, 564, 572, 583, 585, 589, 596, 597, 600, 604, 605, 607—609, 612, 617—622, 624, 626—629, 636, 638—642, 644, 650, 654, 655, 658, 661, 668, 669, 671, 674, 682, 685, 687, 690—693
- Озеров Александр Петрович (род. 1817), русский посланник в Швейцарии с 1861 по 1869 г. — 264
- Озеров Владислав Александрович (1769—1816), драматург; — «Дмитрий Донской» — 66, 557
- Озерский, штабс-капитан русских войск в Польше; захватил в плен ксендза А. Мацкевичуса в 1863 г. — 494
- «Ойчизна» — см. «Ojczyzna»
- Олехнович Август Станислав (род. 1837), студент Петербургского университета, участник «казанского заговора»; в апреле 1863 г. выехал в Тамбовскую губ. для распространения подложного царского манифеста среди крестьян; арестован 26 апреля 1863 г., приговорен к смертной казни, замененной каторгой — 250, 434, 436, 666
- Ольгерд (1341—1377), вел. князь Литовский — 329
- Ольденбургский Петр Георгиевич, принц (1812—1884); генерал-лейтенант, управляющий воспитательными учреждениями ведомства императрицы Марии — 397, 647
- Ольшанский Ромуальд, бывший студент Киевского университета, содержал в Киеве школу верховой езды; приговорен к расстрелу за участие в польском восстании 1863 г. — 161, 211
- Орбелиани Григорий Дмитриевич, князь (1800—1883), генерал-отинфантерии, в 1865 г. тифлиский военный губернатор — 415, 655
- Орлеп Николай, каменец-подольский мещанин; за попытку ударить караульного офицера приговорен к расстрелу — 504
- Орлов Алексей Федорович, князь (1786—1861), генерал-адъютант; в 1844—1856 гг. шеф жандармов и начальник III отделения; с 1856 г. председатель Государственного совета и Комитета министров, позже председатель Секретного комитета по крестьянскому делу — 150, 151, 200, 294, 340, 397, 647
- Орлов Иван Яковлевич (1838—1902), вольнослушатель Казанского университета; в 1863 г. арестован по делу о «казанском заговоре»; приговорен к смертной казни, замененной 15 годами каторги и вечным поселением в Сибири — 250
- Орлов Михаил Федорович (1788—1842), генерал-майор, герой Отечественной войны 1812 г., декабрист — 89, 90, 560
- Орлов-Давыдов Владимир Петрович (1809—1882), с 1862 г. петербургский губернский предводитель дворянства — 324, 329—331, 463, 467, 613, 616, 676
- Орсини Феличе, граф (1819—1858), участник борьбы за национальное объединение Италии; казнен за покушение на Наполеона III — 442
- Остен-Сакен — фамилия, ошибочно указанная Герценом; имеется в виду Корф (см.)
- Островский Александр Николаевич (1823—1886) — 74, 169, 170, 219, 220
- «Грех да беда на кого не живет»; Краснов — 476
- «Гроза» — 169, 170, 219, 220
- «От детей к отцам», анонимная статья, присланная в редакцию «Колокола» (см. Розанов С. М.) — 482, 684

- «Отголоски русской печати» («L'Echo de la Presse russe», «Echo der russischen Presse»), газета, выходившая в Брюсселе в 1861—1867 гг. на русском, французском и немецком языках. Издатель Д. К. Шедо-Ферроти — 429, 430, 663, 664, 666, 677
- «Отечественные записки», ежемесячный литературно-политический журнал; издавался в Петербурге в 1818—1884 гг.; в 1839—1867 гг. редактор-издатель А. А. Краевский — 71—76, 90, 149, 199, 558, 559, 573, 625
- Оуэн Роберт (1771—1858), англ. социалист-утопист — 282, 360
- Офросимов Михаил Александрович (1797—1868), генерал-от-инфантерии; в 1864—1866 гг. московский генерал-губернатор — 323, 612, 615, 616, 678
- Павел I (1754—1801), император — 39, 82, 95, 251, 296, 341, 370, 504, 561, 603, 623, 704
- Павлов Николай Филиппович (1805—1864), писатель, редактор газет «Наше время» (1860—1863) и «Русские ведомости» (1863—1864) — 31, 40, 148, 197, 198, 541, 546, 576, 660
- Павлов Семен, рядовой Харьковского уланского полка; расстрелян 22 мая 1864 г. за участие в польском восстании — 501
- Павлова Каролина Карловна (1807—1893), писательница, жена Н. Ф. Павлова — 104, 563
- Павловский Каликст Валентинович, московский врач, в 1863 г. послан на каторгу за распространение прокламаций «Земли и воли» — 482
- Падлевский Зыгмунт (Сигизмунд) (1835—1863), один из вождей польского восстания 1863 г.; расстрелян 3 мая 1863 г. в Плоцке — 17, 294, 532, 538
- Пальмерстон (Пам) Генри Джон Темпл (1784—1865), англ. государственный деятель, премьер-министр, в 1859—1865 гг. лидер либеральной партии — 301, 368
- Панин Виктор Никитич, граф (1801—1874), министр юстиции в 1841—1862 гг., с 1864 г. главноуправляющий II отделением императорской канцелярии; член Государственного совета — 114, 318
- Панин Петр Иванович, граф (1721—1789), генерал-аншеф, руководил подавлением Пугачевского восстания — 42
- Пановский Николай Михайлович (1797—1879), сотрудник «Московских ведомостей» — 248, 587
- Паскаль (Пасхаль) Блез (1623—1662), франц. философ, математик и физик — 322, 615; — «Pensées» — 322, 615
- Паскевич Иван Федорович, князь (1782—1856), генерал-фельдмаршал, наместник Царства Польского в 1833—1856 гг.; командовал русскими войсками, подавившими польское восстание 1830—1831 гг. и венгерскую революцию в 1849 г. — 142, 192, 293, 498, 603
- Пейкер (ум. 1864), действит. статский советник, состоял при князе Витгенштейне — 260, 592
- Перейр (Перейра) Эмиль (1800—1875), франц. банкир, член Законодательного корпуса в сер. 1860-х гг.; в 1830-х гг. примыкал к «Менильмонтанскому семейству» Анфантена — 360, 632
- Перро Шарль (1628—1703), франц. писатель, автор сказок; — «Синяя борода» — 315, 612; Анна — 315, 612
- Персины Жан Жильбер Виктор, герцог (1808—1872), франц. государственный деятель, доверенное лицо Наполеона III, министр внутренних дел в 1852—1854 и в 1860—1863 гг. — 368, 669
- Песталоцци Иоганн Генрих (1746—1827), швейцарский педагог — 421
- Пестель Павел Иванович (1793—1826) — 91, 138, 187, 368
- «Петербургские ведомости» — см. «Санкт-Петербургские ведомости»
- Петр I (1672—1725), император — 39, 41, 80, 82, 83, 124, 126, 127, 129, 131, 135, 164, 170, 173, 175—180, 185, 214, 220, 225, 229, 240, 242, 243, 284, 289, 302, 304, 305, 317, 320, 321, 331, 339—341,

- 345, 357, 368, 371, 559, 580, 615, 619
- Петр III (1728—1762), император — 80, 242, 243, 305, 323, 559, 585, 606, 615
- Петрашевский Михаил Васильевич (1821—1866), социалист-утопист; организатор политического кружка молодежи; в 1849 г. приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой — 141, 191, 370
- Петров Антон (настоящее имя — Антон Петрович Сидоров) (1824—1861), крепостной крестьянин, в апреле 1861 г. возглавил восстание в селе Бездна Спасского уезда Казанской губернии; расстрелян 19 апреля 1861 г. — 145, 195, 286, 291, 339, 368, 456, 576
- Пизакане Карло (1818—1857), участник революции в Италии в 1848—1849 гг.; в 1849 г. начальник штаба армии Римской республики; убит при попытке поднять восстание на юге Италии — 256, 590
- Пий IX (1792—1878), папа римский с 1846 г. (до пострижения — граф Мастаи Феррети); ярый противник объединения Италии — 95, 304, 329, 330, 351, 464, 618, 630, 631
- Пименов Дмитрий Иванович, писатель и переводчик, автор книги «О сущности красоты и прелести» (Москва, 1818) (у Герцена не точно — «Рассуждение о красоте и прелести женщин») — 57, 553
- Пиотровская Пелагия, певичка, потом жена Я. Домбровского — 518
- Питт Вильям (Младший) (1759—1806), премьер-министр Великобритании в 1783—1801 гг. — 88
- Пифагор (ок. 580—500 до н. э.), древнегреческий математик и философ — 33, 141, 191, 567
- Платон (Левшин) (1737—1812), митрополит московский — 331, 619
- Платонов Александр Платонович, царскосельский предводитель дворянства — 498
- Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893), поэт; в 1858 г. сотрудник «Современника» — 489
- Плутарх (ок. 46—126), греческий писатель; — «Жизнеописание Цезаря» — 384, 638
- Погодин Михаил Петрович (1800—1875), профессор Московского университета, историк и публицист; издатель журнала «Москвитинин» — 31, 67, 78, 380, 454, 455, 559, 636, 673, 674 — «Исторические афоризмы Михаила Погодина» — 380, 636
- Пожарский Дмитрий Михайлович, князь (1578 — ок. 1641), в 1611—1612 гг. вместе с Мининым возглавил народное ополчение, выступившее против польско-шведской интервенции — 245, 295
- «Познанская газета» («Познанский Дневник») — см. «Dziennik Poznański»
- Полевой Николай Алексеевич (1796—1846), писатель, журналист, издатель «Московского телеграфа» — 66, 557, 558
- Полежаев Александр Иванович (1804—1838), поэт — 449, 465, 615, 672
- «Полярная звезда», ежегодные литературные и общественно-политические сборники, издавались А. И. Герценом (с 1856 г. — совместно с Н. П. Огаревым) в Лондоне (1855—1862) и в Женеве (1869); всего вышло 9 книг — 312, 368, 388, 537, 606, 611, 622, 639, 643
- Попов, офицер русских войск в Польше, отказавшийся стрелять в восставших поляков — 38
- Потанин Григорий Николаевич (1835—1920), вольнослушатель Петербургского университета; участвовал в студенческих волнениях 1861 г.; в 1865 г. арестован в Томске по делу «Общества независимости Сибири», осужден на 5 лет каторги — 427, 661
- Потапов Александр Львович (1818—1876), генерал-адъютант; в 1860—1861 гг. обер-полицмейстер Москвы, в 1861—1864 гг. исполняющий должность начальника штаба корпуса жандармов и управляющий III отделением — 149, 151, 198, 201, 225, 387, 565, 576, 577, 640

- Потебня Андрей Афанасьевич** (1838—1863), подпоручик 15-го пехотного Шлиссельбургского полка, член «Земли и воли», руководитель подпольной революционной организации русских офицеров в Польше, участник восстания 1863 г., 4 марта погиб в бою у местечка Скала — 27, 290, 292, 294, 296, 538, 539, 603
- Потемкин Григорий Александрович**, князь (1739—1791), генерал-фельдмаршал, фаворит Екатерины II — 84, 128, 178, 575
- Потехи Алексей Антипович** (1829—1908), драматург и беллетрист, автор пьесы «Отрезанный ломоть» — 471, 473, 678, 679
- Потоцкий** — фамилия, ошибочно указанная Герценом; имеется в виду гр. Браницкий (см.)
- «Правдивый»** («Le Veridique»), журнал, выходивший в Лейпциге в 1862 г.; издатель В. Гергард, редактор П. В. Долгоруков — 257
- Присниц (Пристниц) Винцент** (1790—1851), основатель гидротерапии — 360, 632
- Протопопов Иван Евдокимович**, студент Московского университета, домашний учитель А. И. Герцена с 1826 г. — 72, 559
- Прудон Пьер Жозеф** (1809—1865), франц. социолог и экономист — 99, 314, 357, 360, 361, 609, 611, 612, 631—633, 690
- Пугачев Емельян Иванович** (ок. 1742—1775) — 42, 79, 129, 178, 242, 289, 304, 341, 348, 368, 457, 512
- Пулятин Евфимий Васильевич**, граф (1803—1883), адмирал; с июня по декабрь 1861 г. министр народного просвещения — 73, 146, 147, 196, 197, 206, 576, 655
- Пухневич Емельян**, рядовой Пизюмского гусарского полка, казнен в Чугуеве в 1864 г. «за буйство против дежурного офицера» — 224, 579
- Пушкин Александр Сергеевич** (1799—1837) — 78, 80, 124, 134, 136, 137, 140, 173, 183—187, 190, 272, 366, 420, 541, 559, 560, 575, 576, 599, 604, 634, 657
- «Борис Годунов» — 474; Годунов — 270
- «На Аракчеева» — 420
- «Евгений Онегин» — 88, 183, 184, 186, 366, 380, 456, 634, 636, 675; Ленский — 136, 185, 186; Онегин — 124, 134—136, 173, 183—185, 186
- «Охотник до журнальной драки...» — 418, 657
- «Полководец» — 90, 560
- Пыпин Александр Николаевич** (1833—1904), историк литературы; в 1865—1866 гг. редактор (вместе с Некрасовым) «Современника» — 474
- Пфеддер и Пуки** — см. Pfeffer und Puky
- Радищев Александр Николаевич** (1749—1802) — 129, 178, 574, 575
- «Путешествие из Петербурга в Москву» — 129, 178, 574, 575
- Разин Степан Тимофеевич** (казнен в 1671 г.) — 368
- Растопчин** — см. Ростопчин
- Рейтерн Михаил Христофорович** (1820—1890), министр финансов в 1862—1878 гг. — 19, 410, 411
- Ренан Эрнст-Жозеф** (1823—1829), франц. историк, автор работ по истории христианства; профессор Collège de France, в 1864 г. лишен кафедры специальным императорским декретом — 248
- Рендорфы**, русский дворянский род немецкого происхождения — 246
- Рив Эмилия** (ум. 1865), англичанка, воспитательница старшей дочери Герцена, основательница школы для неимущих в Неаполе — 374—378, 446, 447, 635, 671
- Ридигер Федор Васильевич**, граф (1784—1856), генерал-адъютант, участник подавления революции в Венгрии в 1849 г. — 293, 603
- Робеспьер Максимилиан** (1758—1794), деятель французской революции, вождь якобинцев — 40, 241, 308, 322, 352, 468, 546, 585, 600, 603
- Рогнеда** (ум. 1000), полоцкая княжна; взята насильно в жены киевским князем Владимиром, ра-

- зорившим Полоцк и убившим ее отца — 9
- Рожнов Евгений Петрович (1807—1875), генерал-майор, в 1862 г. директор Особой канцелярии при наместнике Царства Польского; в 1864—1866 гг. Варшавский гражданский губернатор — 497, 697
- Розанов Сергей Матвеевич (1840—1870), ботаник, предполагаемый автор статей «Братское слово к учителям семинарий» и «От детей к отцам»; в 1863—1865 гг. жил за границей — 482, 684, 685
- Романовский, князь — см. Лейхтенбергский, герцог
- Романовы — династия русских царей, занимавшая престол в 1613—1917 гг. — 231, 232, 444, 500
- Россель Джон, лорд (1792—1878), англ. государственный деятель, лидер вигов, с 1859 до 1865 г. министр иностранных дел — 301
- Россини Джоаккино (1792—1868), итал. композитор; — «Вильгельм Телль» — 264, 595
- Ростковский Францишек, унтер-офицер 4 стрелкового батальона первой армии, член подпольной организации русских офицеров в Польше; расстрелян 16 июня 1862 г. — 146, 196, 291, 292, 456, 511, 518, 538, 586, 603, 706
- Ростовцев, член Московского дворянского собрания — 329
- Ростопчин (Растопчин) Федор Васильевич, граф (1763—1826), генерал-от-инфантерии, московский главнокомандующий в 1812 г. — 320, 348, 466, 630
- Роткирх Василий Алексеевич фон (1821—1891), вице-директор Особой канцелярии по делам полиции в Варшаве — 61, 495, 556, 697
- Ротшильд Джеймс, барон (1792—1868), парижский банкир — 368
- Ротшильд Лионель, барон (1808—1889), лондонский банкир — 368
- Рощковский Михаил (1831—1877), капитан генерального штаба; в нач. 1860-х гг. эмигрировал — 265, 596, 597
- «Bagari di Séma asupra Leges Rurale dedicata Represitantilor Communei Russe din Londra» («Заметки по поводу сельского законодательства, посвященные представителям русской колонии в Лондоне») — 265, 596, 597
- Рузавин Григорий, крестьянин Нижегородской губернии, арестован по подозрению в разбое и расстрелян 8 августа 1863 г. — 291, 603
- Рунич Дмитрий Павлович (1780—1860), член Главного правления училищ, в 1821—1826 гг. попечитель петербургского учебного округа — 288
- «Русская беседа», литературный журнал славянофильского направления; издавался в Москве в 1856—1860 гг. Издатели-редакторы А. И. Кошелев и Т. Н. Филиппов; в 1860 г. негласный редактор И. С. Аксаков — 288, 603
- «Русский вестник», литературно-политический журнал, издавался в Москве в 1856—1906 гг.; в 1856—1887 гг. редактор-издатель М. Н. Катков (при участии Е. Ф. Корша до 1857 г. и П. М. Леонтьева до 1874 г.) — 69, 78, 108, 156, 206, 348, 360, 472, 529, 558, 559, 564, 565, 577, 599, 624, 625, 630, 633, 634, 658, 660, 678
- «Русский инвалид» («Инвалид»), военная, литературная и политическая газета, официальный орган военного министерства, издавалась в Петербурге в 1863—1916 гг.; в 1864—1866 гг. редактор С. П. Зыков — 53, 60, 111, 221, 247, 250, 390, 400, 405, 406, 415, 417, 418, 420, 426, 442, 483, 488, 500, 552, 555, 563, 566, 579, 592, 620, 641, 646, 648, 652—657, 660, 666, 677, 685, 686, 688, 700, 701
- Руссо Жан Жак (1712—1778) — 46, 322, 352
- Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826)—72, 138, 187
- «Войнаровский» — 88, 560
- Рюнсдаль Саломон (ок. 1600—1670), голландский живописец — 165, 215

- Рюрик (ум. 879), полулегендарный предводитель варяжской дружины, родоначальник княжеской династии Рюриковичей — 80
- Рябкин Петр, донской казак, расстрелян 14 февраля 1864 г. за участие в польском восстании — 61
- Савва, иеромонах, в 1864—1865 гг. ректор духовного училища при Московском Донском монастыре — 499, 699
- Сазонов Николай Иванович (1815—1862), участник студенческого кружка Герцена и Огарева, впоследствии эмигрант, публицист — 87
- Салтыкова (Салтычиха) Дарья Николаевна (1730—1801), помещица, за истязания крестьян была приговорена в 1768 г. к смертной казни, замененной пожизненным заключением — 37, 371
- Самарин Лев, вольнослушатель Петербургского университета; за попытку принять участие в польском восстании присужден к смертной казни, замененной солдатчиной — 335, 336, 620, 621
- Самарин Юрий Федорович (1819—1876), публицист и общественный деятель, славянофил — 274—296, 477, 509—512, 529, 556, 588, 597, 598, 600—603, 621, 680, 681, 703, 706
- «Санкт-Петербургские ведомости», газета, издававшаяся в 1728—1917 гг.; в 1863—1874 гг. редактор-арендатор В. Ф. Корш — 32, 49, 213, 263, 419, 440, 444, 474, 476, 489, 542, 573, 578, 587, 588, 630, 631, 648, 650, 654, 655, 657, 667, 669, 679, 680, 686
- Саффи Аурелио (1819—1890), итал. революционер, в 1849 г. входил в триумврат Римской республики; после падения республики эмигрировал — 116
- Сбышевский, граф (псевдоним «Un polonais»), польский эмигрант, националист — 378, 379, 635
- «Свободное слово», журнал, издававшийся на русском языке в Берлине и Брюсселе в 1862—1863 гг.; редактор Л. П. Блюмер — 257, 476, 687
- «Северная почта», ежедневная газета министерства внутренних дел, издавалась в Петербурге в 1862—1868 гг.; с июля 1863 г. редактор Д. И. Каменский — 27, 162, 212, 333, 471, 538, 598, 671, 677, 679, 680
- «Северная пчела», ежедневная литературная и политическая газета, издавалась в Петербурге в 1825—1864 гг.; в 1825—1859 гг. редактор Ф. В. Булгарин (с 1831 г. совместно с Н. И. Гречем), с 1860 г. — П. С. Усов — 14, 19, 49, 56, 57, 59, 65, 140, 158, 163, 190, 208, 213, 247, 263, 482, 496, 497, 501, 502, 529, 547, 552—554, 557, 583, 594, 684, 697, 698
- Сейд-паша — см. Чайковский М. С.
- Семякин Константин Романович (1802—1867), генерал-лейтенант, в 1863—1864 гг. помощник командующего войсками Киевского округа, руководил борьбой против повстанцев в Киевской губернии — 55, 56
- Сенанкур Этьен (1770—1846), франц. писатель; — «Оберман» («Obermann»); Оберман — 134, 184
- Сенека Луций Анней (ум. 65), римский философ, воспитатель императора Нерона — 258, 592
- Сен-Жюст Луи Антуан (1767—1794), деятель франц. революции, один из вождей якобинцев — 289, 352, 603
- Сенкевич, польский эмигрант, автор письма в газете «Le Temps» от 8 февраля 1864 г. — 496
- Сераковский Зыгмунт (Сигизмунд) (1827—1863), офицер русской армии, друг Чернышевского; в 1863 г. возглавлял восстание в Литве, казнен в Вильно 15 июня 1863 г. — 40, 48, 238, 546, 548, 694
- Серно-Соловьевич Николай Александрович (1834—1866), революционер-демократ, один из организаторов «Земли и воли» (1861—1862), сотрудник «Современника»; в 1860 г. встречался с Герценом в Лондоне. 7 июля

- 1862 г. арестован; осужден на 12 лет каторги — 150, 151, 200, 201, 286, 340, 391, 395, 396, 397, 409, 412, 418, 487, 529, 572, 574, 602, 623, 641—645, 650, 653, 691, 692
- Сеславин Александр Никитич (1780—1858), генерал-майор, партизан во время Отечественной войны 1812 г. — 295
- Сийес (Сиэс) Эммануэль Жозеф (1748—1836), аббат, деятель франц. революции, один из трех консулов после переворота 18 брюмера — 46, 301, 548, 605
- Сильвестр, государств. и церковный деятель, в 1540-х гг. один из руководителей Избранной рады, духовник и советник Ивана Грозного — 33, 541
- Симеон Столпник (356—459), христианский аскет — 452
- Синав (IX в.), легендарный предводитель варяжской дружины, брат князя Рюрика — 80
- «Сизкль» — см. «Le Siècle»
- Сиэс — см. Сийес
- Скаржинская В., помещица Пултуского уезда Ломжинской губ.; во время польского восстания 1863 г. устроила в своем имении лазарет для раненых русских и поляков — 497, 698
- Сливичкий Петр Михайлович, подпоручик 4 стрелкового батальона первой армии; член подпольной организации русских офицеров в Польше; за революционную пропаганду в войсках расстрелян 16 июня 1862 г. — 27, 146, 196, 244, 286, 291, 292, 339, 456, 511, 518, 538, 586, 603
- «Слобода», сербский радикальный журнал; выходил в 1864 г. в Женева на сербском и французском языках; издатель В. Иванович — 485
- «Слово», украинская газета, издавалась во Львове в 1864 и 1866 гг. — 257
- Смирнов Н. М., московский дворянин, предложивший в 1865 г. Московскому дворянскому собранию послать царю прошение о предоставлении помещикам полицейской власти — 336, 621, 622
- Собеский Ян (1624—1696), польский король — 246, 586
- Соботкевич Густав, помещик Подольской губернии, в 1864 г. привлечен к суду за то, что принял опеку над семьями сосланных участников польского восстания — 502
- «Современная летопись», издавалась еженедельно в Москве в 1861—1871 гг., первоначально как приложение к «Русскому вестнику», с 1863 г. как воскресное прибавление к «Московским ведомостям». Редакторы М. Н. Катков и П. М. Леонтьев — 17, 52, 496, 497, 531, 550, 565, 697
- «Современник», литературно-политический журнал, издавался в Петербурге в 1836—1866 гг.; с 1847 г. редактор Н. А. Некрасов (до 1862 г. совместно с И. И. Панаевым; в 1865—1866 гг. совместно с А. Н. Пыпиным) — 42, 52, 150, 199, 200, 231—234, 474, 475, 486, 487, 550, 572, 577, 594, 600, 625, 627, 633, 674, 678—680, 692
- Соколов Г. Ф., сотрудник «Русского вестника» — 472, 678
- Соколовский Владимир Игнатьевич (1808—1839), поэт, в 1834 г. был арестован по делу о «лицах, певших пасквильные стихи» и сослан на Кавказ — 465
- Солдатенков Кузьма Терентьевич (1818—1901), старообрядец, богатый купец, книготорговец и издатель — 417, 656
- Сологуб Владимир Александрович (1813—1882), писатель — 135, 184
- «Тарантас» — 135, 184
- Сомов, тульский купец, ограбленный приставом — 445
- Спартак, вождь восстания рабов в Риме в 74—71 гг. до н. э. — 12
- Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839), государств. деятель, в 1808—1812 гг. ближайший советник Александра I — 240, 270
- Спешнев Николай Александрович (1821—1882), член кружка петрашевцев — 141, 191

- Спиноза Барух (Бенедикт) (1632—1677), голландский философ-материалист — 74, 75, 323, 615
- Станишевский, прапорщик пехотного Орловского полка; в 1864 г. отдан под суд за оскорбление офицера — 262
- Станкевич Ромуальд Ильич, подпоручик Азовского пехотного полка; был арестован по делу о «казанском заговоре»; расстрелян 6 июня 1864 г. — 250, 435, 436
- Степковский Иосиф, участник подавления крестьянского восстания на Правобережной Украине в 1768 г. — 70
- Страхов Николай Николаевич (1828—1896), публицист, критик, философ-идеалист; сотрудничал в журналах «Время» (1861—1863) и «Эпоха» (1864—1865) — 159, 209, 577
- Строганова, графиня — см. Мария Николаевна, вел. кн.
- Строньский, варшавский аптекарь; в 1865 г. обвинен в составлении «зажигательных спарядов» и сослан на каторгу — 408
- Стюрлер Александр Николаевич, генерал-майор, адъютант вел. кн. Константина Николаевича, в 1863 г. исключен из Английского клуба за порицание репрессий М. Н. Муравьева в Польше — 346, 629
- Суворов Александр Аркадьевич, князь (1804—1882), генерал-отинфантерии; внук полководца, в молодости близкий к декабристским кругам; в 1861—1866 гг. петербургский генерал-губернатор, член Государственного совета — 19, 35, 67, 123, 161, 162, 172, 211, 212, 239, 346, 395, 412, 533, 544, 571, 577, 645
- Суворов Александр Васильевич, князь (1730—1800), полководец — 19, 240, 473, 531, 585
- Сулейманов, крестьянин Елабужского уезда Вятской губернии; в 1865 г. умер от побоев, полученных в волостном управлении — 470
- Сунгуров Капитон, вольнослушатель Петербургского университета, приговоренный к тюремному заключению в 1863 г. за распространение прокламацией «Земли и воли» — 482, 684
- Сусанин Иван Осипович (ум. 1613) — 411, 412, 605
- Сухожанет Николай Онуфриевич (1794—1871), генерал-адъютант; в 1856—1861 гг. военный министр — 336, 621
- Сципион Публий Корнелий Африканский, римский консул и полководец III—II в. до н. э. — 375, 635
- Сю Эжен (1804—1857), франц. писатель — 360
- Т., банкир — см. Тейлор
- Тавтович, ученик Шавельской гимназии, расстрелян 18 января 1865 г. за участие в польском восстании — 326, 327
- Тамерлан — см. Тимур
- Татиринов Валерьян Алексеевич (1816—1871), статс-секретарь, в 1863—1871 гг. государственный контролер — 19
- Тейлор (Т.), лондонский банкир, якобы финансировавший так наз. «агентство Герцена в Тульче» — 406, 408, 417, 421, 425, 429, 471, 653
- «Теймс» — см. «The Times»
- Теккерей Вильям Мейкпис (1811—1863), англ. писатель; — «Vanity fair» («Ярмарка тщеславия») — 87; Бекки Чарп — 87
- «Телеграф» — см. «Московский телеграф»
- Тест Жан Батист (1780—1852), франц. государственный деятель, в 1840—1843 гг. министр общественных работ — 361, 633
- Тиберий (Тиверий) (43 до н. э.—37 н. э.), римский император — 397
- Тибу Ламбер (1827—1868), франц. драматург, соавтор Баррьера по пьесе «Les filles du marbre» — 38, 546
- Тимашев Александр Егорович (1818—1893), генерал-адъютант, в 1856—1861 гг. начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III отделением; в 1861—1867 гг. генерал-губернатор Казанской, Вятской и

- Пермской губерний, председатель военного суда по делу «казанского заговора» — 250, 426, 435, 436, 661
- Тимур (Тамерлан) (1336—1405), монгольский полководец и завоеватель — 395, 458
- Тивьков, полковник, шавельский военный начальник; уволен от должности за разрешение похоронить Тавтовича (см.) — 326, 327
- Титов Корней (ок. 1827—1863), арестант Киевской арестантской роты, расстрелянный 30 декабря 1863 г. — 55, 56
- Тышкевич — см. Тышкевич
- Толстой Лев Николаевич (1828—1910) — 474
- Траверсе (Траверзе) Николай Александрович, маркиз (1829—1864), чиновник особых поручений в государственном контроле; в 1862 г. привлечен к суду за сношения с Герценом; умер в тюремной больнице — 412
- Тредьяковский (Третьяковский) Василий Кириллович (1703—1769), поэт, профессор элоквенции Петербургской Академии наук в 1749—1759 гг. — 41, 546
- Тренмор — см. Жорж Санд, «Лелия»
- Трепов Федор Федорович (1812—1889), генерал-майор, начальник III округа корпуса жандармов — 520
- Трубников Константин Васильевич (род. 1829), публицист, в 1860—1875 гг. редактор газеты «Биржевые ведомости» — 17, 531, 602
- Трувеллер (Трувелье) Владимир Васильевич (род. 1842), юнкер 23-го флотского экипажа, арестован 13 июня 1862 г. после заграничного плавания на фрегате «Олег» и сослан в 1864 г. в Сибирь за распространение нелегальной литературы — 221, 267, 286, 581, 597
- Трюбнер — см. Trübner N.
- Туляева Варвара Акимовна (Якимовна) — мать М. Н. Каткова; служила в московском остроге — 86, 425
- Туколкин, полковник русских войск в Польше — 501
- Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — 35, 72—74, 76, 91, 140, 165, 166, 168, 169, 189, 215, 216, 218, 219, 412, 471, 543, 544, 556, 559, 571, 572, 577, 617, 622 — «Записки охотника» — 72, 140, 189, 215, 270; Печочкин — 270, 371, 471
- «Накануне» — 166, 168, 216, 218, 219; Ипсаров — 166, 168, 216, 219, 577
- «Отцы и дети» — 73, 74, 76, 77, 166, 168, 169, 216, 219, 327, 471, 530, 542; Базаров — 166, 168, 216, 218, 219; Кукшина — 73, 74, 76, 77, 559, 618
- Тучков Павел Алексеевич (1803—1864), генерал-адъютант, московский генерал-губернатор с 1859 г. — 155, 156, 205, 206
- Тхоржевский (Tchorzewski) Станислав, польский эмигрант, владелец книжной лавки, помогал Герцену в распространении его изданий — 312, 481, 482, 483, 486, 589—594, 617, 649, 650, 654, 671, 672, 684, 688
- Тышкевич, граф, польский помещик — 325
- Тьер Луи Адольф (1797—1877), франц. историк и государств. деятель — 351, 374, 630, 635
- Тютчев Федор Иванович (1803—1873) — 19, 20, 533, 534, 614 — «Его светлости князю Александру Суворову» — 19, 533
- Уланов, поручик Киевской арестантской роты — 55
- Усов Павел Степанович (1828—1888), журналист; в 1860—1864 гг. издатель газеты «Северная пчела» — 14, 529
- Уэльский Альберт Эдуард, принц (1841—1910), наследник английского престола — 56, 553
- Фаёна Егоровна, родственница А. И. Герцена — 72, 74
- Фази Жан Жак (1794—1878), швейцарский политич. деятель, в 1847—1861 гг. фактический руководитель Совета Женевского кантона — 358, 632
- Фейербах Людвиг (1804—1872) — 93
- Фигнер Александр Самойлович (1787—1813), полковник, коман-

- дир партизанского отряда в 1812 г.— 295
- Филарет (до пострижения — Василий Михайлович Дроздов) (1783—1867), московский митрополит — 330, 331, 499, 618, 699
- Фиркс Федор Иванович, барон (псевдоним — «Шедо-Ферроти Д. К.») (1812—1872), публицист, издатель газеты «Отголоски русской печати» — 271, 272, 298, 412, 429, 583, 599, 605, 618, 663, 664, 666, 677
- Фландрен Ипполит (1809—1864), франц. художник — 76, 559
- Флогель Иоганн Готфрид (1788—1855), профессор Лейпцигского университета, составитель ряда англо-немецких словарей; особенной популярностью пользовался его словарь «Practical Dictionary of the English and German languages» — 59, 554, 555
- Фоблас — см. Луве де Кувре, «Жизнь и любовные похождения кавалера де Фобласа»
- Фогт (Фохт) Карл (1817—1895), нем. естествоиспытатель, профессор Женевского университета с 1852 г.— 77
- Фокс Чарлз Джеймс (1749—1806), англ. политич. деятель — 88
- Фонвизин Денис Иванович (1745—1792) — 124, 128 — 131, 173, 177—180, 471, 574
— «Бригадир» — 124, 128, 129, 173, 177, 178, 179, 575
— «Недоросль» — 124, 129, 173, 177—179, 371, 455, 471, 548, 575, 674; Митрофанушка — 46; Тришка — 455
- Фонтэн (Fontaine) Леон, бельгийский журналист; с сентября 1862 по июль 1865 г. выпускал в Брюсселе газету «La Cloche» (см.); в 1865—1868 гг. принимал участие в деятельности I Интернационала; один из руководителей издававшейся в Брюсселе газеты «La Liberté» — 119, 120, 230, 235, 236, 252, 570, 571, 573, 583, 584, 589, 651
- Фохт — см. Фогт К.
- Франческа да Римини — см. Данте, «Божественная комедия»
- Франц Иосиф I (1830—1916) австрийский император с 1848г.— 142, 192, 246, 248, 252, 253, 298, 586
- Франциск II Неаполитанский (Франческуло) (1836—1894), последний король обеих Сицилий (1859—1861) — 22, 536
- Франческуло — см. Франциск II Неаполитанский
- Фридрих II Великий (1712—1786), прусский король с 1740 г. — 80
- Фуке-Тенвиль (Fouquier-Tinville) Антуан Кантен (1746—1795), деятель франц. революции, общественный обвинитель Революционного трибунала с 1793 г.— 210
- Фурье Шарль (1772—1837), франц. социалист-утопист — 282, 364, 476, 634, 680
- Фуше (Fouché) Жозеф (1759—1820), франц. политич. деятель, комиссар Конвента при подавлении контрреволюционного восстания в Лионе в 1793 г.; в 1799—1810 и 1815—1816 гг. министр полиции — 160, 210
- Хованская Мария Алексеевна, княгиня (1755—1847), тетка А. И. Герцена — 86, 102
- Холев Телесфор, польский шляхтич, житель Милского уезда; казнен 18 марта 1865 г. за участие в польском восстании — 503, 703
- Хомяков Алексей Степанович (1804—1860), поэт и публицист славянофильского лагеря — 140, 190, 279, 284, 602
- Хотинский Матвей (Матфий) Степанович (1810—1866), астроном, автор популярных статей по естествознанию, тайный агент III отделения — 18, 20, 58, 59, 263, 264, 421, 530, 532 — 534, 553, 554, 594, 595, 688
- Хрущев Дмитрий Петрович (1816—1864), сенатор, с 1856 г. товарищ министра государственных имуществ, автор книги «Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствова-

- ние императора Александра II» — 22, 536
- Цытович, полковник 64-го пехотного Казанского полка — 470
- Чаадаев Петр Яковлевич (1794—1856) — 78, 89—91, 136—140, 186—190, 284, 559, 660
— «Философическое письмо» — 78, 136, 137, 139, 186, 187, 189, 571, 575
- Чайковский Михаил Станиславович («Сеид-паша») (1808—1886), польский писатель, участник восстания 1831 г., эмигрант; в 1851 г. вступил на турецкую службу под именем Садыка-паша — 424
- Чальмерс Томас (1780—1847), шотландский богослов — 330
- Чарторижский (Чарторийский) Владислав, князь (1828—1894), деятель польской эмиграции, возглавлял аристократическую ее часть, в 1863 г. дипломатический представитель Временного Национального правительства в Париже — 424
- «Час» — см. «Czas»
- Челищева Мария Александровна, дочь землевладельца Калужской губ., в 1864 г. привлекалась к дознанию по делу о «лондонских пропагандистах» — 396
- Челлини Бенвенуто (1500—1571), итал. скульптор, ювелир и медальер, писатель — 34
- Червь — см. Чичерин Б. Н.
- Черкасский Владимир Александрович (1824—1878), публицист славянофильского лагеря; деятель крестьянской реформы, в 1864—1866 гг. главный директор, председательствующий в правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского — 113, 121, 281, 323, 402, 504, 505, 566, 570, 595, 616
- Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) — 123, 150, 151, 167, 173, 199, 201, 217, 221, 222, 225, 231—236, 238, 244, 256, 286, 340, 365, 371, 404, 405, 408, 413, 444, 463, 474, 485—487, 550, 557, 570, 572, 574, 577, 578, 580, 583, 584, 590, 600, 622, 623, 634, 635, 637, 644, 661, 673, 674, 689—692, 699
- Черняк Максимилиан Андреевич, поручик, член общества «Земля и воля», участник польского восстания 1863 г., организатор «казанского заговора», расстрелян 11 октября 1865 г. — 448, 671, 672, 682
- Чертков Михаил Иванович (род. 1829), генерал-от-кавалерии, в 1865 г. волынский губернатор — 390, 640, 641
- Четвертинский Святополк, гродненский предводитель дворянства — 328
- «Четгы-Минеп» — сборники жизнеописаний святых, сказаний и поучений — 285
- Чингисхан (ок. 1155—1227), полководец, основатель Монгольской империи, распавшейся после его смерти — 458
- Чиримов Иван, плац-майор, организатор экзекуции над тремя политическими заключенными в г. Замосце в 1863 г. — 55
- Чичерин Борис Николаевич («Червь») (1828—1904), публицист и правовед; профессор Московского университета в 1861—1868 гг. — 155, 205, 454, 455, 573, 577, 614, 628, 633, 636, 673, 674
- Чулков Василий Иванович, генерал-аншеф, приближенный императрицы Елизаветы Петровны — 81, 82
- Шаликов Петр Иванович, князь (ок. 1767—1852), поэт, редактор газеты «Московские ведомости» (1813—1837) и «Дамского журнала» (1823—1833) — 56—58, 553
— «С Темзы на Неву. Дорожный дневник» — 56—58, 553
- Шварц, майор, состоявший в 1864 г. при кн. Витгенштейне, один из участников подавления польского восстания — 260, 592
- Шварц Георгий Ефимович, командир л.-гв. Семеновского полка, позднее генерал-лейтенант; его издательства над солдатами

- вызвали восстание в полку в 1820 г. — 261, 592
- Шварценберг Феликс Людвиг Иоганн, князь (1800—1852), австрийский госуда^рств. деятель, с 1849 г. министр иностранных дел — 399, 498, 648
- Шевич, сестра А. Д. Блудовой — 59
- Шевченко Тарас Григорьевич (1814—1861) — 12
- Шедо-Ферротт Д. К. — псевдоним барона Фиркса (см)
- Шекспир Вильям (1564—1616) — 62, 71, 75, 302, 550
— «Буря»; Калибан — 106, 563
— «Гамлет» — 52, 71, 374, 559; Гамлет — 52, 134, 184, 550; Гертруда — 52, 550; Полоний — 52, 550
— «Король Джон» («Король Иоанн») — 302
- Шешковский (Шишковский) Семен Иванович (1727—1793), с 1767 г. начальник тайной экспедиции, затем обер-секретарь Сената — 42
- Шидловский Михаил Романович, генерал-майор, тульский губернатор в 1865 г. — 445, 670
- Шиллер Иоганн Фридрих (1759—1805) — 27, 90, 134, 151, 184, 200, 454, 457
— «Дон-Карлос, инфант испанский»; Маркиз Поза — 151, 200, 454, 644
— «Разбойники»; Карл Моор — 90, 134, 184; Франц Моор — 376, 635
- Шиндлер Фридрих, поляк, обвиненный в покушении на жизнь вице-директора варшавской Особой канцелярии по делам полиции В. А. фон-Роткирха; повешен 14 февраля 1864 г. — 61, 556
- Шичков Александр Семенович (1754—1841), адмирал, реакционный государственный деятель и писатель — 320
- Шмаков Василий, рядовой 64-го пехотного Казанского полка, убит в 1864 г. — 470
- Шопенгауэр Артур (1788—1860), нем. философ — 166, 216
- Шпренгель Курт (1766—1833), немецкий врач и естествоиспытатель, автор книги по практической фармакологии («Versuch einer pragmatischen Geschichte der Arzneikunde») — 60, 555
- Шрамм (Schramm), русский агент в Швейцарии — 264
- Шульц Павел Антонович (1796—1864), писатель, член Статистического комитета — 336, 621
- Щапов Афанасий Прокофьевич (1830—1876), историк и публицист, в 1860—1861 гг. профессор русской истории в Казанском университете; в 1861 г. арестован за речь на панихиде по жертвам расстрела в с. Бездна, в 1864 г. сослан в Иркутск — 145, 195, 286, 576, 602, 661
- Щепкин Михаил Семенович (1788—1863) — 12, 617
- Щербинин Михаил Павлович (1807—1881), сенатор, в 1860—1865 гг. председатель Московского цензурного комитета — 393, 567
- Щур Лев, рядовой 4-го стрелкового батальона Первой армии; в 1862 г. арестован по делу И. Н. Аригольда и др.; приговорен к каторжным работам — 146, 196, 511
- Эбер (Эберт) Жак (1757—1794), деятель франц. революции, один из руководителей левых якобинцев; издавал газету «Le Fêre Duchesne» — 390, 640, 674
- Эвальд Аркадий Васильевич (1836—1898), публицист, сотрудник «Отечественных записок» — 71, 558
- «Эстляндские губернские ведомости», газета, выходившая в Ревеле в 1853—1917 гг. — 503
- Ювенал Децим Юний (род. в 60-х гг., умер после 127 г.), римский поэт-сатирик — 19, 20, 533
- Юзефович Виктор Владимирович (1818—1871), управляющий Киевской палатой государственных имуществ в 1859—1863 гг. — 161, 211, 258
- Юм Давид, англ. спирит — 57, 287, 432, 665

Юнисовы, крестьяне Нижегородской губернии; за отказ платить недоимки двое из них расстреляны 10 сентября 1865 г. — 505

Яворский Стефан (1658—1722), русский церковный деятель, с 1700 г. местоблюститель патриаршего престола, автор книги «Камень веры», направленной против раскола — 67

Яковлев Иван Алексеевич (1767—

1846), отец А. И. Герцена — 72, 86, 90, 320, 615

Яковлев Петр Васильевич, моговский помещик, лжесвидетель по делу Н. Г. Чернышевского — 487, 691

Якушкин Павел Иванович (1820—1872), этнограф и публицист — 222, 231—234

Янковский Писиф, один из предводителей польских повстанцев в Варшавском уезде; казнен 14 февраля 1864 г. в Варшаве — 61, 62, 552, 556, 565

«Allgemeine Zeitung» («Аугсбургская газета»), нем. ежедневная газета, выходила с 1798 г., в 1810—1882 гг. издавалась в Аугсбурге — 45, 598

Vaargath Janos, венгр, политический заключенный в г. Замосце в 1864 г. — 55

Babeuf (Babeuf) — см. Бабёф Гракс]

Balas Lajos, венгр, политический заключенный в г. Замосце в 1864 г. — 55

«Carillon de Saint Gervais», швейцарская юмористическая иллюстрированная газета, издавалась в 1860-х гг. в Женеве, выходила нерегулярно — 277

Chapsal — см. Noël et Chapsal

«La Cloche», газета, выходившая в Брюсселе на французском языке с сентября 1862 г. до октября 1865 г.; перепечатывала главным образом статьи из «Колокола». Издатель Л. Фонтэн — 119, 120, 230, 235, 236, 484, 485, 570, 571, 573, 578, 583, 584, 589, 611, 651, 660, 665

«Czas», польская политич. газета, издавалась в Кракове в 1848—1891 гг. — 258, 259, 592, 598

«The Daily News», англ. газета либерального направления, издавалась в Лондоне с 1846 г. — 116, 119, 120, 231, 232, 412, 569, 583

«De profundis» — один из семи псалмов, читаемых во время заупокойного католического богослужения — 371, 455, 635

«Dziennik Powszechny» («Всеобщий дневник»), польская официальная газета, издавалась в Варшаве с 1828 г. — 497

«Dziennik Poznański» («Познанская газета»), «Познанский дневник», польская газета, издавалась в Познани с 1858 г. — 484, 501, 638

«Dziennik Warszawski», польская газета, издавалась в Варшаве с 1851 г. — 402, 414, 503, 504, 592, 650, 652, 705

«Gazette de Cologne» — см. «Kölnische Zeitung»

«Globe», англ. газета, основанная в 1811 г., орган вигов — 297

«Illustrated Times» — еженедельная газета, издавалась в Лондоне в 1855—1872 гг. — 34

«L'Indépendance belge» («Indépendance»), ежедневная литературная и политич. газета, издавалась в Брюсселе в 1831—1940 гг. — 235—237, 323, 444, 583, 599, 612, 615, 616, 650, 651, 670

«Indicateur du lac Léman» («Indicateur de Léman»), швейцарский журнал, выходил в 1861—1866 гг. — 264

Javert (Жавер) — см. В. Гюго, «Отверженные»

«Journal des Débats», франц. полит. и литературная газета; издавалась в Париже; основана в 1789 г. Бодуэном — 119, 120, 569, 629, 651

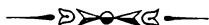
«Kölnische Zeitung» («Кёльнская газета»), немецкая газета, издавалась с 1802 г. — 31, 56, 61,

- 63, 162, 212, 223, 225, 227, 228, 392, 399, 426, 440, 499, 501, 552, 556, 579, 580, 582, 648, 651, 660, 667, 680, 701
- «Kreuzzeitung», немецкая ежедневная реакционная газета, издавалась в Берлине с июня 1848 г.— 412
- Lätsky — см. Лонцкий
- Letissier — см. Летиссье
- Masaniello — см. Мазаниелло
- Méson E. (Maison E.) — см. Мезон Э.
- de Moller A. — см. Моллер А.
- Monnier — см. Монье М.
- «The Morning Star», англ. газета, издавалась в Лондоне в 1856—1869 гг.— 116
- «Moskausche Zeitung» — см. «Московские ведомости»
- «Nationalzeitung» («Национальная газета»), немецкая газета, издавалась в Берлине в 1848—1874 гг. редактор Ф. Цабель — 392
- Noël et Chapsal (Ноэль Жан Франсуа и Шапсаль Пьер); авторы учебника «La Nouvelle Grammaire Française sur un plan très méthodique» — 65, 557
- «Le Nord» («Nord», «Норд»), ежедневная политич. газета, издавалась на франц. языке в Брюсселе в 1855—1862, 1865—1892 гг. и в Париже в 1863—1864, 1894—1907 гг.; субсидировалась русским правительством — 48, 63, 85, 102, 103, 228, 298, 331, 401, 414, 431, 471, 498, 562, 604, 605, 617, 618, 648, 650, 651, 654, 678, 698, 701, 702
- «Ojczyzna» («Ойчизна»), польский эмигрантский журнал, издавался в 1864—1865 гг. в Лейпциге — 517, 525, 651, 657, 668
- «Le Père Duchesne», франц. газета, орган левых якобинцев, выходила в Париже в 1791—1794 гг., издатель Эбер — 157, 207
- Pfeffer und Puky (Пфэффер и Пуки), женеvская книгоиздательская фирма; в 1864 г. печатала журнал «Слобода» — 485
- «The Press», англ. журнал; выходил в Лондоне в 1853—1866 гг.— 374, 635
- Rickei Sandor, венгр, политич. заключенный в г. Замосце в 1864 г.— 55
- «Le Siècle», ежедневная политич. газета либерального направления, выходила в Париже в 1836—1914 гг.— 37, 474, 545, 583, 651, 677, 680, 701
- «St.-Petersburger Zeitung», ежедневная политич. газета, выходила в Петербурге в 1792—1913 гг.— 248, 587, 588
- me Stansfield, жена члена англ. палаты общин Джемса Стенсфилда (1820—1898), друга Маццини — 116
- «Le Temps», франц. газета, выходила в Париже в 1861—1942 гг.— 233, 234, 496, 583, 584
- «The Times» («Теймс»), англ. ежедневная газета консервативного направления, издается в Лондоне с 1785 г.— 9, 10, 19, 44—48, 162, 212, 499, 528, 533, 538, 547, 548, 568, 569, 632, 677, 697, 699
- Trübner N. (1817—1884), лондонский издатель и библиограф — 388, 481
- «Westminster and Foreign Quarterly Review» («Westminster Review»), англ. журнал, основанный Бентамом, выходил в Лондоне в 1824—1914 гг.— 108, 156, 206, 564
- Wilmot — см. Вильмот К.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

А. И. Герцен. С фотографии 1865 г. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.	4
«Nouvelle phase de la littérature russe» («Новая фаза в русской литературе»). Титульный лист отдельного издания 1864 г.	128
«Н. Г. Чернышевский». Первопечатный текст («Колокол», л. 186, 15 июня 1864 г.).	208
«Письма к противнику». Черновой автограф. Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина.	288
«Убили». Первопечатный текст («Колокол», л. 205, 1 октября 1865 г.)	432

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
226	5 св.	обращенв	обращено
226	6 св.	ося	вся
546	15 сн.	в 1745 г.	в 1749 г.
666	20 св.	Лжець	Лжецы

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА»
И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1864—1865 ГОДОВ

1864	Текст	Коммен- тарии
1864.	7	527
П. А. Мартьянов и земский царь	11	528
Нашим библиографам, библиофилам, любителям сборни- ков и исторических документов и пр.	16	530
Перечень доносов.	17	530
Мясоеды самодержавия.	17	531
Загадка для Нового года.	18	532
Поворотная линия.	19	533
Шпионы.	20	534
Письмо к Гарибальди.	21	534
3/70 копейки с души.	31	540
Сентиментальный взгляд назад.	32	541
Портрет Муравьева.	34	542
Сплетни, копоть, нагар и пр.	35	543
Фурии.	37	545
Ответ Гарибальди.	38	545
Русская конституция и английский журнал.	44	547
Они совсем сошли с ума.	49	548
Кончина А. Н. Муравьева.	51	549
Государь в немилости, первое avertissement Милютину (стат- скому)	52	550
Татьянин день.	53	551
Славянофильство на таможне.	53	551
Пруссия, Россия—ist mir alles gleich, и палки, палки	54	552
Убийство сумасшедшего.	55	552
Августовские адреса.	56	552
Новости заграничные, возвращающиеся из отечественных журналов, и князь П. И. Шаликов, возвратившийся из мертвых, между Темзой и Невой	56	553
Графиня Антонина Блудова и Матфий Хотинский	58	553
Нововведение в журналистике	59	554

	Текст	Коммен- тарии
<Издатели «Колокола» покорнейше просят...>	60	555
<«Русский инвалид»>.	60	555
Иосиф Янковский.	61	556
Письма к будущему другу.	64	556
На Волынь!	100	561
«Le Nord» и le Tzar за землю и волю	102	562
Умиротворение Ливы, успокоение Польши	103	562
«Европеец».	105	563
<Освобождение крестьян в Польше>.	107	563
Логика падения.	108	564
Брань на смерть идущим.	111	565
Запрос «Дню».	112	565
Документы! Документы!.	112	566
<Кн. В. Черкасский>.	113	566
Кошунство «Московских ведомостей» и их такт	119	567
Здоровы ли «Московские ведомости»?	114	567
Uncrowned king.	115	568
17 апреля 1864.	116	568
Un mot.	119	569
Одно слово (перевод).	120	
Черкасский-министр развивается.	121	570
Nouvelle phase de la littérature russe	122	570
Новая фаза в русской литературе (перевод)	171	
Н. Г. Чернышевский.	221	578
Отечественные маргаритки.	223	579
Наши прогрессы.	225	579
Русское шпионство в Женеве.	227	581
Ссылка А. П. Ермолова в Муравьевы.	227	581
<Школа правоведения>.. . . .	227	581
Für den Lifländischen Adelstag hoch!	228	582
Аксаков в гостях у Каткова.	229	583
<Редактору «La Cloche»>	230	583
Перевод	230	
Liberty in Russia To the editor of «The Daily News»	231	583
Свобода в России. Издателю «The Daily News» (перевод)	232	
<Редактору «Le Temps»>.	233	584
Перевод	234	
<Редактору «La Cloche»>	235	584
Перевод	236	
VII лет.	238	584
Die heilige Tripel-Allianz	245	586
Polizei wut	247	587
Балабин и Норма.	248	587
Казни в Казани.	250	588

	Текст	Коммен- тарии
<Редактору «La Cloche»>	252	589
Перевод	252	
И. И. Кельсиев.	254	589
Война, чума, пожар.	255	589
Чернышевскому, Михайлову и всем друзьям нашим, стояв- шим у позорного столба, носящим цепи, работающим на каторге	256	590
Еще шаг.	257	591
Петербургская Агриппина	258	591
Плач «Московских ведомостей» о Шварце, равнодушие к Пейкеру	260	592
Императорские санкюлотиды.	262	592
Штабс Михно.	262	593
На III отделение III с четвертью.	263	593
Чрезвычайное собрание минералогического общества.	263	594
Кому сечь?	263	594
Die Russen in der Schweiz	264	595
Второй Муравьев и Александр Второй	265	596
Освобождение крестьян в Молдовалахии.	265	596
<«Колокол» на 1865...>.	266	597
Приговор Трувеллера.	267	597
Клеветники.	267	597
Правительственная агитация и журнальная полиция.	269	598
Письма к противнику.	274	600
Свиданье в Ницце.	297	604
Русские деньги, польские деньги.	298	604
Что же дальше?	299	605
К издателю <Любезный друг, вы хотите напечатать...>	312	606

1865

1865.	313	607
П. Ж. Прудон.	314	609
<А отчего императрица так кручинится...>.	316	612
Прививка конституционной оспы.	317	612
Царское non possumus.	325	616
Поправки и дополнения.	327	617
Запросы сановникам.	332	619
Либеральничанье «Московских ведомостей».	333	620
<Л. Самарин и Н. Бененев>.	334	620
<Предложение Н. М. Смирнова и пр.>	336	621
Письмо к императору Александру II	337	622
<Кочина кн. Е. Оболенского и Бобринцева-Пушкина>	342	623
Письма к путешественнику.	343	624
Михаилы и Михаилы Николаевичи.	384	636

	Текст	Коммен- тарий
«Народная летопись»	384	637
Нашим читателям.	386	637
Иконостас и идолопоклонник.	390	640
Свой наказанный принц.	390	641
Н. Серно-Соловьевич, П. Ветовников, Н. Владимиров	391	641
Что город, то норв.	391	642
Графиня Строгонова, строгий прусский генерал-адъютант, услужливый король и влюбленный принц	392	642
О «Народной летописи» (Поправка).	393	643
Государственная тайна.	394	643
Дело Серно-Соловьевича.	395	644
Все еще горит Россия.	398	647
Староверы и евреи.	399	648
La bourse ou la vie!	401	648
<Офицер Бейдеман>.	401	649
Русский прогресс.	402	649
«Киевлянин».	403	650
<Письмо к издателю>.	404	651
Перевод	405	
От издателей <«Инвалид» напечатал...>	406	652
Болтовня с дороги.	409	653
Нигилисты — фальшивые монетки!	414	654
Отцы родные и воспитатели.	414	654
Потоки крови в Тифлисе.	415	655
Неудачная прогулка, стоившая двух судов.	415	655
В редакцию «Ишвалида».	417	656
Агентство Герцена в Тульче и «Московские ведомости»	423	657
Первая ретирада.	426	660
Из Сибири и Казани.	426	660
Из Петербурга.	427	661
Убили.	428	662
Письмо к издателю «Отголосков».	429	663
<Ответ на предложение «Московских ведомостей»>	431	664
Эс-букет кауфмановского цидеронства.	431	664
<Спиритизм в Петербурге>.	432	665
От издателей <«Мы просим покорнейше всех...»>	433	665
Jérome Képévitx.	434	665
Жером Кеневич (перевод)	435	
Лжецы.	438	666
Дерущийся по дорогам губернатор и нежный муж	439	666
Режим Кауфмана.	440	667
Катков заводит кулачные бои.	440	667
Совет г. Герцу, собственнику концертной залы, г. Герцу-эстетике, г. Герцу, доктору медицины, и всем немецким герц-огам	441	667

	Текст	Комментарии
Агентство в Тульче.	442	667
Avertissement Valouieff — между avertissement и Акатуевским заводом	443	669
Герцог Евгений Лейхтенбергский.	444	670
〈Купец Сомов и пр.〉.	445	670
Две кончины.	446	670
Убийства своим чередом.	448	671
Мельников и духовные пути сообщения.	448	672
Поцелуй Кауфмана.	449	672
Запрос гг. издателям русских партикулярных журналов	450	673
К концу года.	451	673
Chamber of horrors.	470	676
Поджигатели и подлецы.	471	677
Наши будущие пары и наши прошедшие англomаны	471	677
Николай как оратор.	472	678
Первое запрещение, первое предостережение, первый суд!	473	678
Отец Мартынов и отец Самарин.	477	680

Наброски

〈Поэтому-то в своем бешенстве доносов...〉	478	682
---	-----	-----

РЕДАКЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ,
ПРИМЕЧАНИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

. 1864

Общий фонд 〈В <i>Общий фонд</i> получено из Германии..〉	481	683
〈«Колокол» в 1864 будет издаваться...〉	481	683
М. Муравский 〈Вступление〉	481	683
Царские подарки к Новому году 〈Вступление〉.. . . .	482	683
Общий фонд 〈В <i>Общий фонд</i> получено из Италии...〉	482	684
Поправка.	482	684
От издателей 〈Мы получили две замечательные статьи...〉	482	684
Общий фонд 〈В <i>Общий фонд</i> от К...〉	482	685
Объяснение.	483	685
Злодейства поляков и «примерное самоотвержение русского протоиерея» 〈Вступление и заключение〉.	483	685
Общий фонд 〈В <i>Общий фонд</i> 5 фунт...〉	483	686
Семейная ссора 〈Вступление〉.	483	686
Общий фонд 〈В <i>Общий фонд</i> от И **...〉	484	686
Общий фонд 〈В <i>Общий фонд</i> из Италии...〉	484	686
Свой Гарибальди 〈Вступление〉.. . . .	484	686
〈Мы с нетерпением ждем «Европейца»...〉	484	687
Околицы Ибяны 〈Вступление〉.. . . .	484	688
Новая фаза в русской литературе	484	689
Объявление 〈В Женеве будет выходить...〉	485	689

	Текст	Коммен- тарии
Николай Гаврилович Чернышевский (Вступление и примечания)	485	689
Общий фонд (В <i>Общий фонд</i> (мы начали уже забывать об его существовании) получено...)	486	689
Уведомление (<i>Сенатская записка по делу Чернышевского...</i>)	486	689
Уведомление (Письмо, в котором говорится...)	486	689
Общий фонд (В <i>Общий фонд</i> присланы в последнее время...)	486	690
Опоздавшее письмо (Вступление).	487	690
Общий фонд (В <i>Общий фонд</i> получено 5 фунтов...)	487	690

1865

Дело Н. Г. Чернышевского (Примечание)	487	690
Освобождение крестьян в России и польское восстание (Из Москвы) (Примечание).	488	692
Крестьяне и духовенство на выборах (Вступительные строки)	488	693
Семь убитых крестьян и тридцать раненых в Харьковской губернии (Из письма к издателям) (Примечание и заключение)	488	693
Два письма Ярослава Домбровского (Вступительные строки)	489	693
Моши Дмитрия Ростовского под полицейским следствием (Вступительные строки)	489	693
Объявление (Мы получили записку по делу Андрущенко...)	489	693
Письмо из Москвы (Редакционные замечания)	489	694
К характеристике военных судов (Вступительные строки и заключение).	489	694
«Колокол» на 1866)	490	695
(Общий фонд) (Собранные 7 декаб.)	490	695

D U B I A

1864

Оподление православия.	493	696
Хроника подлости.	493	696
И это слава?	494	696
Дружба и братство.	495	696
(Просим дать нам ключ...)	496	697
Ссылка одного вместо другого.	496	697
Хозяин не позволял!	496	697
Рожновские политические понятия.	497	697
Наши патриции.	498	698
Австрия на коленях.	498	698
Письмо из Москвы.	498	698
(Новое средство умиротворения).	499	699

	Текст	Комментарии
Православие на рельсах	499	699
Казни русских	500	700
Благодарность за плодородие	500	700
Земля и Липранди	500	701
Из Польши	501	701
Оклеветанный Катков	501	701
Предостережение евреям	502	701
<40 000 сер. ?>	502	702
<Революционная опека>	502	702
Убийство в Симбирске	502	702
Нравы молодежи исправляются	503	703

1865

Из Грузии	503	703
Продолжение казней в Польше	503	703
Розги в Остзейских провинциях	503	704
<«Московские ведомости»>	503	704
Смертный приговор за нарушение дисциплины	504	704
Quasi-павловская сентенция	504	704
Такса за доносы	504	705
Всякий расстреливает	505	705
Лукашов и Масловский	505	705

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

1864

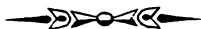
Письма к противнику		
Письмо 1	509	706
<Два черновых отрывка>	511	706
Что же дальше?	512	707

ПРИЛОЖЕНИЕ

Корреспонденции и материалы,
обработанные в редакции «Колокола»

1865

Московская пыль	517	708
Еще о Я. Домбровском	518	708
Комментарии	521	
Принятые сокращения	522	
Указатель имен	709	
Список иллюстраций	744	

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. П. ВОЛГИН (главный редактор), И. И. АНИСИМОВ, Д. Д. БЛАГОЙ,
С. А. МАКАШИН, Ю. Г. ОКСМАН (зам. главного редактора),
В. А. ПУТИНЦЕВ, З. В. СМИРНОВА, Д. И. ЧЕСНОКОВ,
А. Б. ШАПИРО, Я. Е. ЭЛЬСБЕРГ

*

Текст и текстологические примечания подготовили: Л. Д. Опельская (1865 г.) и М. А. Соколова (1864 г.) при участии Л. Я. Гинзбург, Л. Р. Ланского и Г. И. Месляевой; переводы — Л. Я. Гинзбург («Новая фаза в русской литературе»), Л. Р. Ланского (открытые письма на французском языке) и Г. И. Месляевой («Свобода в России»). Комментарии составили: К. И. Бонецкий, Э. С. Виленская, Е. Н. Дрыжаскова, Б. И. Лазерсон, С. Д. Лицинер, А. М. Малахова, Г. И. Месляева, В. В. Пулячев, И. В. Порох, Л. И. Ройтберг, Т. И. Усакина. Редакция переводов французских текстов М. Н. Черневич, подстрочных переводов: Н. Г. Елиной (итал.), О. Н. Михеевой (нем.), О. В. Моисеенко (франц.), Ф. А. Петровского (лат.).

Лингвистическая редакция французских текстов И. Д. Постоловой.

Указатель имен составила Т. Г. Динесман.

*

Редакторы тома: Ю. Г. ОКСМАН (1865 г.)
и В. А. ПУТИНЦЕВ (1864 г.)

*

Редактор издательства М. Б. Покровская
Переплет и титул художника Д. П. Радищева
Технический редактор Е. В. Зеленкова
Корректор В. К. Гарди

РИСО АН СССР № 99-8В. Сдано в набор 23/IV 1959 г.
Подписано к печати 9/IX 1959 г. Формат 60×92¹/₁₆.
Печ. л. 47+5 вкл. Уч.-изд. л. 44,5. Тираж 19 500
Изд. № 3968. Тип. вак. 1708.

Цена 15 руб.

Издательство Академии наук СССР.
Москва Б-62, Подосенский пер., д. 21

2-я типография Издательства АН СССР
Москва Г-99, Шубинский пер., д. 10